

18+

Александр Иванченко

Камбала

Роман в двух книгах. Книга вторая



Александр Иванченко

Камбала

Роман в двух книгах. Книга вторая

Издательские решения
По лицензии Ridero
2021

УДК 82-3
ББК 84-4
И23

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Иванченко Александр

И23 Камбала : Роман в двух книгах. Книга вторая / Александр Иванченко. — [б. м.] : Издательские решения, 2021. — 578 с.
ISBN 978-5-0053-8829-2 (т. 2)
ISBN 978-5-0053-8827-8

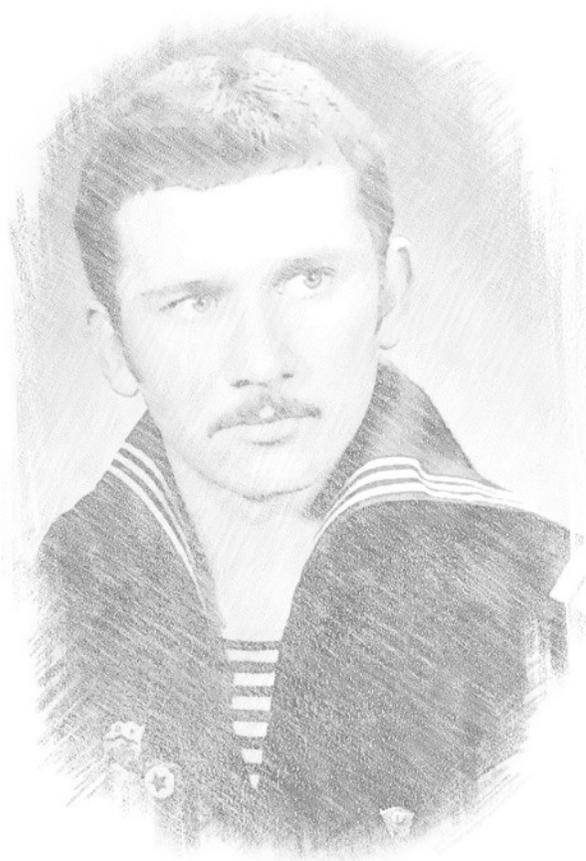
Роман охватывает промежуток времени более 10 лет. Это юность и молодость героя периода 70—80-х годов XX века, так называемого «периода застоя». Героя на всех описанных жизненных этапах ожидают испытания, душевные переживания и, конечно же, любовь. Роман, состоящий из двух книг, включает в себя пять частей, затрагивая события школьной скамьи, институтские годы, службу в ВМФ и вплоть до судьбоносного события, уже на «гражданке». Почему я назвал роман «Камбала», вы узнаете, прочитав роман.

УДК 82-3
ББК 84-4

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

© Александр Иванченко, 2021
ISBN 978-5-0053-8829-2 © Александр Иванович Иванченко, дизайн
ISBN 978-5-0053-8827-8 обложки, 2021

Часть третья. Годок



Глава I. Отпуск

Через полтора суток ночью, в два часа поезд на Адлер остановился на железнодорожной станции Таганрог I. Всего минут 40 назад я не спал, стоял в тамбуре, курил и с вниманием вглядывался в знакомые огоньки, описывающие место расположения моего родного посёлка. Да и как можно было спать, когда я проезжал свой родной посёлок?

Вот поезд прошёл по железнодорожному мосту через улицу Октябрьскую. Пустынная улица освещалась тусклыми фонарями, но сверху была видна практически до конца вверх. Следом, перед выгрузной площадкой вырисовывалась возвышенность. Это ничто иное, как курган, по преданию, где захоронен атаман и потому населенный пункт был назван по имени его Матвеев Курган. Был ли там захоронен этот самый атаман не знаю. Версии разные, но что здесь было кладбище, это достоверно и подтверждено фотоматериалами.

На пустынной площадке перед вокзалом нас встретила и проводила дежурная по вокзалу желтым флажком и поезд не сбавляя ход начал отсчитывать стыки до г. Таганрога. Мы проехали районный центр, где я прожил два года и заканчивал после «восьмилетки» среднюю школу.

Сердце заколотилось волнительно. Но не дергать же стоп-кран. Ничего, во всяком случае я смогу утром вернуться на первой же электричке.

В Таганроге мне не хотелось сидеть на вокзале. Я решил просто прогуляться по ул. Дзержинского. Весна в разгаре и в отличие от Риги, деревья все покрыты были листвой, сирень уже отцветала, цвели деревья и цветы и аромат цветения зависал над тротуарами, из-за того, что движения автомобилей не было и некому было создавать искусственные воздушные потоки, тем самым раз-

бавляя концентрацию амбры в районе источников их создающих.

Воздух остыл, было довольно свежо. Я в течение часа прошёл без малого полпути до вокзала Таганрог II, откуда намеревался первой электричкой отправиться домой. Усталость давала о себе знать. В тесноватых ботинках ноги устали, и я присел на одной из автобусных остановок.

Я сидел и часто курил, скорее всего от нечего делать и казалось, что так быстрее пролетает время. Когда в попутном мне направлении двигалось такси, видимо возвращающееся после вызова, я вышел на дорогу, чтобы оно не проехало, не заметив мои сигналы остановиться.

— Что это ты, такой молодой и жить надоело? Совсем или на побывку?

— На побывку, командир. До «старого» вокзала довезешь? Ноги не хотят ходить.

— А, чего же не довести. Садись. Где служишь? В Севастополе?

— Нет. В Севастополе в учебке только был. Сейчас в Риге, на Балтике.

— Ясно. У меня братишка меньший в Балаклаве служит, подводник.

— Привет ему от подводников Балтики! Ну, когда письмо будешь писать.

— А, что же тебя не встретили? Сообщал, что едешь?

— В том-то и дело, что сюрприз хочу сделать.

— Хороший сюрприз. Ты по пути зайди в аптеку и валидола купи.

— Зачем?

— Не понял? А вдруг матери плохо станет, не дай Бог, конечно.

— Ты прав, я тоже уже начал сомневаться, что без предупреждения. Но обойдётся всё, надеюсь.

— Сколько с меня? — спросил таксиста, когда он довез до «старого» вокзала Таганрог II.

— Ладно. Служи лучше, чтобы мы спокойно спали.

— Спасибо большое! Удачи!

Я удобно уселся на скамью в зале ожидания, чем привлёк внимание немногочисленных «квартирующих» здесь свободные места граждан и гражданок. Я устал и хотел просто вздремнуть полчаса. Быстро провалился в сон.

Мне снится, что я подхожу к незнакомой калитке, хотел войти, но мне навстречу выбегает мама и восторженно, и вопросительно ко мне обращается:

«Наконец-то, заждались уже. Почему так долго, я глаз не сомкнула, всю ночь проглядела в ночную темноту, а тебя нет и нет».

Вышел брат, схватил меня в охапку и понес в новый дом. Я пытался освободиться, но он мне не позволил этого сделать:

«Находишься ещё, братуха! Держи!» — и при этом протянул мне точно такие же тапочки, какие нам выдавали на службе, кожаные, мягкие, легкие и удобные.

Бабушка Настя суетилась у русской печи, которая у нас была в деревенской хате и ухватом доставала румяные от жара и от того, что перед установкой в печь были обильно смазаны домашним сливочным маслом, пирожки.

Я открыл глаза и почувствовав лёгкость в ногах, понял, что я машинально, от того, что сильно болели ноги, расшнуровал ботинки и вынув из них ноги, поставил сверху ботинок. В буфет заносили булочки и пирожки ночной выпечки, а от них исходил такой пряный аромат, что у меня засосало «под ложечкой».

Объявили посадку на электропоезд «Таганрог-Иловыйск». Я быстро зашнуровал ботинки и вышел на перрон. Закурил и наблюдал, как прощался парень с девушкой. По всей видимости, парень приехал в Таганрог из близлежащего села или посёлка, провёл с девушкой

всю ночь до утра, а теперь сонный и счастливый едет домой отсыпаться. Я по-доброму позавидовал молодым.

А кто меня ждал, кроме родных? Судя по всему, никто. Собственно говоря, всё это скоро выяснится. Зачем торопить события. Мне с дорогой дано 15 суток. Двое суток уже на исходе. Двое остаются на обратную дорогу. У меня ещё 11 суток, чтобы всех проведать, нагуляться и расставить «точки над «и».

В седьмом часу утра я шёл по родным и неизвестным улицам посёлка с лёгким портфелем в руке, в котором по большому счёту ничего, кроме двух десятков фотографий, гюйса на подарок маленькому племяннику, чего-то из парфюмерии «Dzintars Rīga», для мамы и той, о которой я ещё пока думал. Ещё какая-то ерунда сувенирная на память. Бате я вез блок сигарет «Rīga» в твердой упаковке, как и наш «Ростов» и блок «Vestīga», что означало «Старая Рига», эти были наподобие «Нашей Марки» в мягкой упаковке. Братьям я вез по морской майке, купил в военторге, думаю, что с размерами угадал, они богатыри оба, не чета мне.

Но, к сожалению, в поезде кое-кого пришлось угостить и сам прокурился, потому оставалось всех сигарет пачек пятнадцать. Но, думаю, что для бати не сигареты главное будет.

Я прошёл знакомою, покрытую булыжником улицу, мимо домика бабушки Вари и умышленно надвинул бескозырку на глаза на случай, если она, по привычке будет сидеть у окна или во дворе и узнает. Дошёл до территории автохозяйства, которое располагалось так, что улица входила прямо во въездные ворота.

Я знал, что дальше по улице домов практически не было. А теперь вдоль кирпичного забора АТП вдоль улицы, уходящей влево, расположились новые, выстроенные не при моей памяти и недостроенные домики и большие по тем меркам дома.

Улица заканчивалась и дальше простиралось поле с густыми массой стеблей озимой пшеницы. Хороший урожай, видимо, ожидается в этом году мимолётно заметил я. Дом, куда я спешил был самый крайним на улице, правда напротив за кирпичным забором АТП приютился маленький домик.

Ворота были деревянные, из сбитых «ёлочкой» тарных дощечек. Я толкнул калитку, изготовленную таким же образом и врезанную в общий каркас ворот. Она было открыта. Я вошел в чужой и одновременно с этого момента в свой дом, хоть и приписан в нём не был.

Во дворе, на приставленном к забору, отделяющий двор от огорода, табурете стоял обрез (я по привычке называю овальный оцинкованный таз), в котором моя старенькая, шупленькая и от того, что согнулась над стиркой бабушка Настя, казалась совсем осевшей к земле и сгорбленной. Она натирала хозяйственным мылом какие-то кухонные полотенца и салфетки, после чего «яростно» принималась их тереть своими сухонькими, изрезанными тоненькими жилами, с потрескавшимися от постоянного труда по хозяйству и у печи ладонями, руками.

Она услышала, как открылась калитка, повернулась в мою сторону, но яркое утреннее солнце слепило ей глаза, и она привычно приложила руку над глазами так, чтобы прямые солнечные лучи не мешали узнать вошедшего во двор. Она узнала меня, охнула и стала оседать, придерживаясь за таз, который начинал опрокидываться.

Я бросил портфель и бросился к ней, подхватил её и прижав к груди, со слезами на глазах и иначе не мог, так как с самого детства эта душевная женщина воспитавшая всех внуков и не только меня и моих братьев, но и двоюродных, которые из-за того, что родители работали в колхозе, были вынуждены детей куда-то определять.

— Бабулечка, здравствуй! Здравствуй, родная!

— Саша! Внучок! — бабушка рыдала тихо, только всхлипывая, что ощущал я на себе её дрожью.

На шум во дворе выбежала мама и бросилась ко мне в объятия. И вот мы уже обнимались втроём. После недолгих поцелуев, я убрал таз и усадили с мамой бабушка, у которой от радости ноги отказали.

— Сынок, как же так? Почему не написал. Радость-то какая! Отец на смене работает. А Витю сейчас разбужу, ему тоже на работу. Он под утро пришёл, гуляка. Как ты, сынок? Вижу поправился. Кормят хорошо?!

— Хорошо, ма, кормят хорошо и всё хорошо.

— Пошли в дом, я тебя покормлю. Мне к восьми тоже на работу. Я отпрошусь, в школе лаборантом работаю, я писала.

— Не стоит отпрашиваться, мама, я на 10 дней приехал. Успеем наговориться ещё. А кушать хочется, проголодался. А потом посплю немного, почти две ночи не спал. Не хотелось, хотел дорогу запомнить, хоть и тёмно за окнами, а смотришь, там огоньки — люди живут, там село проезжали, в городе остановка — интересно. Вспомнил, как мы к брату Лёше в армию ездили на поезде.

— Пошли в дом. Мама, дойдёте сами? Пошли, сядем за стол, — обратилась мама сначала ко мне, потом к свекрови своей, моей бабулечке, которая никак не могла поверить своим глазам тому, что они видят.

В кухню забежал брат, сонный, но понявший уже, что в доме случилось что-то неординарное и, хоть спать ох, как хотелось, но нужно что-то важное не пропустить. Он схватил меня в охапку, зажав мои руки, опущенными «по швам», при этом бурно высказывал эмоции:

— Здоров, брательник! Ну, ты, даёшь! Я на работу, а вечером по девкам пойдём. Отсыпайся.

— Балабол, — мама обратилась к Вите, — дай хоть брату дома побыть.

— Нечего ему дома делать. Насидится ещё. Я его с Танюхой познакомлю. «Кровь с молоком» и свободная пока. Со мной работает на элеваторе. А, хочешь, прям час пойдём на работу, познакомлю?

Давно я уже не слышал брата, отвык за два с половиной года, от болаболства брата, у меня уши заложило.

— Ну, ты меняпустишь, наконец?

Витя, растеряно посмотрел и только сейчас понял, что держит меня, оторванного от пола в крепких объятьях, без возможности шевелиться. Отпустив меня, побежал умываться и по пути продолжая говорить:

— Подумай. Насидишься ещё дома со стариками. Пошли со мной. А хочешь, с Валюхой познакомлю? Разведёнка, мужика хочет, аж пищит...

У меня кружилась голова. Всё было, не то, что непривычно, а давно забытое, теплое, душевное, домашнее. Одна бабушка присела тихонько в уголке кухни и умилением не сводила с меня глаз.

Простая домашняя еда была такой вкусной. Жаренная домашняя картошка с забитыми в неё яйцами, также от своих курочек и помидоры, которые мама закрывала в банки по своему пряному рецепту. Все было так вкусно.

— Витя, тебе не наливаю, на работу. А я за компанию пригублю.

Мама налила мне в рюмку водочки и себе на доньшке. И после добавила:

— Небошь, два года спиртного не видел, чтоб не охмелел.

— Ну, да! — я ухмыльнулся, отвернувшись в сторону брата.

— Вечером нагоним, — подытожил брат.

— Отдыхай, сынок, — мама собиралась на работу, — мам, вы, потом обедом внука накормите?!

— Ступайте с Богом! Накормлю, конечно. Голодным не оставлю. Может петуха зарубать? И бульон на борщ будет и мяска домашнего покушает..., — засуетилась бабушка.

Два дня я отъедался, отсыпался, по вечерам с батей вели серьёзные мужские разговоры, как там и что там. Отцовскую пронизательность не обмануть, в отличие от материнской слепой любви. Если честно, то меня не тянуло даже в общество. Дома было так душевно, что мне никак не верилось, что я дома, после двух лет отсутствия и непривычно.

Пройдясь днем по посёлку, я не встретил ни одного своего одноклассника или человека, с кем был близко знаком. «Нужно съездить в родную деревню», — подумал я. На второй день ходил с братом к его другу с подходящей «кликухой», он называл его «Слон» и этим все сказано. Саня был с большим чувством юмора, имел замечательную коллекцию музыки, неведомо где записанной, отличного качества, как и сама аппаратура, на которой мы эту музыку прокручивали в отдельной от дома «зимней» кухне, расположенной от дома через двор.

Там было уютно. Поставили небольшой журнальный столик, вино, скромную закуску. Здесь можно было курить с открытыми и дверью, и форточкой, дабы мы не прокоптились. Хорошая мужская компания, в которой главенствующей темой, конечно, была служба.

Говорили не только о Морфлоте, это была первая возможность послушать от брата, как он отслужил и не по письмам, где в двух словах говорилось, что служба идёт хорошо и кормят, «как на убой». Саня служил в ракетных войсках в Подмоскowie. Разошлись уже когда первые петухи проснулись и «заявили», что скоро рассвет.

На третий вечер, брат всё же «уломал» мне составить компанию, которая должна состояться у одной из девиц

дома, и она пригласит по такому случаю подружку. Предложенная девица мне не приглянулась, хоть у неё горели глазки и желания, не потаённые, а «кричащие» были написаны на лице.

Когда посиделки за шампанским и затем вином закончились, а в комнате слабое освещение ночника создало интимную обстановку и я почувствовал на своем лице жар её дыхания и стеснение дыхания от крепких объятий, мне стало не совсем по себе, если почти ничего не сказать. Я её не то, что не хотел, мне было безразлично даже прикосновения, не говоря о том, что я мог представить в продолжении.

— Куда ты, пупсик? — спросила томным голосом Татьяна!

— Выйду, покорю, — ответил я моей сегодняшней «сводне».

— Так кури тут, мы тут тоже все курим, если хочется...

— Нет. За одно и воздухом подышу, что-то жарковато.

— Подыши, подыши, котик. Сейчас ещё не так жарко будет, — размечталась «жрица любви».

Я закурил и, представляя, что говорю с братом в мыслях произнёс:

«Прости, брат! Это не по мне. Я хотел душевного тепла, хоть немного, а вместо этого телесного жара с потом и охами... Вот почему-то думают, что если кто-то два года с девушкой не был в близких, очень близких отношениях, то обязательно бросится „на всё, что шевелится“. Я же вам не Витя Туров. Иначе меня уважать перестанут те, кто называл меня некогда „Дядей Сашей, учителем классической любви“. Ну и в чём же здесь „классика“, в „жёстком“ порно?»

Мне самому стало смешно только от мыслей и обидно за себя. Я всегда презирал, презираю и буду презирать животную страсть, если мягче сказать, человеческую похоть, без чувств и желания сделать человеку приятное

и не только физической удовлетворение, а чтобы во время того и после ещё долго душа пела, а не плевалась. Швырнув по привычке окурок с большого пальца резким «щелчком» указательного пальца так, что жар при этом раздуло и огонёк недокуренной сигареты, описав красивую дугу, приземлился в куст роз, а я, не прощаясь, ушёл по-английски.

«Трое суток я уже дома, — идя по тихим сонным улицам посёлка, думал я, — завтра или, в худшем случае, послезавтра, иначе мама не поймёт, что неожиданно, поеду в Новочеркасск. Мне нужна встряска».

Наутро, когда я объявил матери, что хочу съездить к своей невесте, если её так ещё можно называть.

— Завтра поедешь к своей Наташке. Она же ещё учится в техникуме? — увидев мой кивок головой, продолжила, — тем более, она же на занятиях будет. Я приготовлю тебе одежду, завтра и поедешь.

Вечером, как чуть стемнело, решил прогуляться по посёлку, подышать воздухом. Вечер был тихим, и музыка с танцев из парка доносилась до моих ушей и вызывала ностальгию по моей студенческой жизни, да и вспомнились вечера в «матросском клубе».

На танцплощадке куражились молодые пареньки и девушки, таких, как я, без месяца двадцатидвухлетних как-то не наблюдалось. Возможно, и были, но девушки в таком возрасте накладывали уже столько на себя грима, что хватило бы на всю театральную труппу для одного спектакля, как минимум. Но это их личное дело. «Красивой быть не запретишь» — не заметил, как перефразировал известную поговорку. Да, собственно, верно и одно и другое.

Потом решил, взял билет и вошёл внутрь площадки, чтобы при свете рассмотреть всё и всех лучше. Отыграли пару быстрых, с уже даже мне незнакомым текстом песен, с танцевальным ритмом. «Отстал от жизни», — подумал я.

Заиграли медленный танец. Я ещё раньше присмотрел симпатяжку в кружку со своими тремя подружками. Как минимум это были выпускницы 9-го класса, так как десятиклассницы сейчас пыхтели над билетами к выпускным экзаменам в школе. Хотя, не все же такие.

— Разрешите пригласить Вас на танец, — подойдя вплотную и протянув с лёгким поклоном молодой даме руку, ожидая движения её руки навстречу моей.

Но вместо этого, девушка одёрнула, изначально готовую к тому, чтобы её взяли и увлекли за собой в танец, руку и с испугом даже, как будто перед ней стоял не молодой человек, совсем даже не страшный, симпатичный и предельно культурный, а «чудище» из сказки «Аленький цветочек». Она в ответ произнесла мне те слова, которые без малого не свали меня наповал прям там:

— Дядя, я не танцую!

Дальше не хочу даже объяснять какие чувства перерачивали мою душу с ног на голову и «болтались», как болтает всех находящихся во время шторма в концевых отсеках лодки, особенно в носовом — это болтание называют «восьмёркой», так как накладывается горизонтальная болтанка на вертикальную и получается такая сложная траекторию. Её мало кто мог выдержать, без проблем для здоровья.

Вся великолепная четвёрка отошла от меня на «безопасное» расстояние. Вечер был испорчен, а хотелось, наоборот, немного развеяться. «Бабы — дуры, бабы — дуры, бабы бешенный народ...», — почему-то именно это мне лезло в голову. Пойду-ка я с батей по 100 грамм на грудь примем, да поговорим по душам.

Старший брат, которому родители помогли, а по сути, построили дом, приглашал в гости, посидеть вечером. Мы то уже виделись, он забегал с работы на полчаса, но хотелось и с племянником увидеться. Он меня не помнит, ему было всего чуть больше годика, когда я ушёл на службу.

К бабушке Варваре, которая проживала в домике, который она вместе с мамой, которая после войны была молоденькой девушкой, строили, я пару раз заходил, однажды с мамой, второй раз уже сам, когда время нужно было убить. Оставался только один человек, которого я никак еще не удосужился своим визитом — моя девушка Наташа.

Меня одолевало странное чувство: с одной стороны я рвался к ней, а с другой стороны, оттягивал время визита, предчувствуя неладное. И всё время сам себя уговаривал, что нужно это сделать, зачем «воду в ступе толочь», какой в этом смысл.

Я выехал в пять часов на первом автобусе в Ростов-на-Дону. Долго думал и кроме духов, которые для неё купил, так как слышал хорошие отзывы о парфюмерии рижской, прихватил в портфель голландку и бескозырку (всё равно портфель для солидности, был пуст), флотский клёш был на мне, а вместо ботинок, от которых ноги отдыхали, мать прикупила мне лёгкие туфли.

Выйдя из автобуса и узнавая расписание на Новочеркасск, а туда шли автобусы через каждые 20—30 минут, в одном из больших зеркал увидел, что я в спешке утром не побрился, да и похоже уже два дня этого не делал. Хоть плачь, я никогда не пользовался парикмахерскими именно для этой цели, но всё когда-то приходится делать впервые.

По очереди мне припало получить услугу бритья у цирюльника средних лет, который был единственным в парикмахерской автовокзала мужчиной. Я про себя выдохнув с облегчением, думая в первую очередь о том, что я сколько в фильмах видел, цирюльники-брадобреи всегда были мужиками, чего-то я женщинам такую процедуру не доверял, а стрижки, наоборот. Вот такой привередливый я клиент сферы услуг.

Как я ошибся, хотя у меня и не было выбора. Цирюльник был, бесспорно, профи, но то, что он размахивал

вал перед моим носом опасной бритвой и два из трёх раз не для того, чтобы снять часть рыже-каштановой щетинки с моего подбородка, а для того, чтобы эффективней и убедительней рассказать своим коллегам-женщинам то, что рассказывал. О чём он рассказывал, видимо травил какую-то баку и при этом и дамы гоготали, и бритва в его руках подрагивала. И в очередной раз, он отклоняя мою голову то в одну, то в другую сторону или вовсе запрокинув назад, делал быстрые и уверенные движения бритвой, после эффектно снимал «пожнивные остатки» вместе с бритвенным кремом салфеткой и оставалось ещё только погромче включить звуки «вжик» в тот момент, когда лезвие касалось моей ещё нежной молодой кожи.

Знаете, что, братцы, я если и не пережил за эти десять минут, которые мне показались вечностью пытки, предынфарктное состояние, не укоротил свою жизнь лет на десять, то уж точно десятка два седых волос в моей аккуратно стриженной голове добавилось. Когда я рассчитывался за услугу, у меня даже руки дрожали. Я много раз наблюдал, как отец бреется опасной бритвой перед небольшим зеркалом и никогда подобных мыслей у меня не возникало, хотя он при этом мог со мной вести беседу. А, тут... Господи, спаси и сохрани всех от таких цирюльников.

Я позвонил в двери квартиры на втором этаже на переулке Магнитный, что расположен недалеко от въезда со стороны Ростова, а посёлок назывался, как модно было в те годы называть новые посёлки, «Черёмушки». Открыла тётя Валя, я её так называл, узнала и с улыбкой, обратившись куда-то вглубь квартиры громко позвала:

— Наташа, вставай быстро, соня. К тебе приехали.

Потом, увидев, что я чувствую себя как-то неудобно, пригласила:

— Саша, зайдёшь, подождешь на кухне?

— Спасибо, я на улице подожду.

Выйдя из подъезда, присел на скамье и закурил. Сердце колотилось, и я не мог волнение унять никак. А как его можно было унять? Или успокоительными препаратами или спиртным и в приличных дозах, причём. Наташин отец, которого я однажды всего видел мельком, в семье давно не жил. В семье проживала, кроме мамы Наташи ещё и её меньшая сестрёнка. Сейчас, наверное, и её не узнаю. Когда видел крайний раз ей было лет двенадцать всего. А теперь уже, практически такая, как Наташа была, когда я её впервые увидел на вокзале в г. Зернограде. А сколько времени прошло с тех пор? Четыре года. «Мама родная, папа двоюродный!» — эту поговорку я часто говорил сам себе или вслух даже.

Наташе уже двадцатый год пошёл, в этом возрасте многие девушки уже замужними ходят или успевают выйти замуж, родить ребёнка и разбежаться, «разойтись, как в море корабли». Мог бы я, если что жениться на ней вот сейчас, ну не в этот день буквально, а через неделю, месяц? Не уверен.

Мой сосед, будучи влюбленный со школы в девочку ещё, до армии женился в 16 лет, а вскоре у них родился плод любви, прекрасная дочурка. Его взяли в армию, служил в Германии. Так его отпустили даже оттуда, чего обычно не делали для того, чтобы, когда жене исполнилось 18 лет их официально расписали. Этот тот случай, как в анекдоте, когда ребёнок говорит о родителях: «А я помню, как родители женились».

Наташка выбежала в сарафане. На лице была не совсем естественная улыбка и следы того, что её «поднять — подняли, а разбудить забыли».

Я поднялся со скамьи, молчал и наблюдал за её действиями. В фильмах, обычно показывают такие эпизоды, если без поцелуев, то с крепкими объятьями.

Наташка подбежала, остановилась передо мной, улы-

баясь уже своей ослепительной улыбкой, посмотрела пристально мне в глаза и не поняв, как я думаю, что в них можно было прочесть, потянулась на носочках и чмокнула в щечку:

— Привет, Саша!

— Здравствуй, Наташа! Ну, как ты тут, что..., — растерявшись и не зная с чего начать разговор, начал заикаться, — ты занята или можешь мне уделить время?

— Да, могу, конечно. Сегодня же воскресенье, на занятия не идти. Правда, я к сессии готовлюсь, скоро экзамены, госэкзамены. Да, ты же знаешь.

— Нет, Наташа, вот как раз я и не знаю. Ты, разве забыла, что я институт не заканчивал, а мои, как раз вот уже через месяц будут дипломы защищать. Видимо, я рано влюбился, и учёба отошла на третий план.

— А, что на втором плане было? — заметив пропуск в цепочке моих умозаключений.

— Ну известно, что, вино, конечно. Хотя, справедливости ради, поговорка звучит изначально так: первая стадия — водка, селёдка, молодка; вторая стадия — кино, вино, домино. Есть ещё третья стадия, но мне до неё ещё жить-жить, хоть бы дожить — это старость.

Стоять как-то перед подъездом было неудобно. Я присел на ту же скамью и предложил подружке.

— Наташа, ты уже взрослая девушка, не то, что была когда-то в той моей, «студенческой жизни», когда была ещё «Крохой».

— Я и сейчас для тебя Кроха. А, что ты так загадочно говоришь? Что-то случилось?

— Я думал, что от тебя услышу, что случилось.

— А, это ты о письме, что Танька тебе написала, она мне потом призналась. А ты почему до сих пор ничего об этом не спрашивал?

— Зачем? Разве в этом есть необходимость? Думал, что ты созрешь и сама всё расскажешь. Нет?

— Да рассказывать нечего особо. Ну, ты служишь, а я, что должна, как монашка сидеть дома, ни в кино, ни на танцы?

— Но, как я понимаю, всё намного сложнее, а ты всё минимизируешь. Да всё в жизни может быть. Ты даже особо и не обещала меня ждать. Да и что нас может связывать? Свидания, поцелуи, так можно ежедневно нового партнёра для таких дел менять. Ты мне не жена, а я для тебя не муж. Нас узы не связывают.

Я заметил, что Натаха не смотрит мне глаза, отворачивает взгляд, а это уже о многом говорит.

— Пока не забыл. Держи!

Я достал из портфеля набор духов и одеколона из Риги.

— Спасибо! — сказала Наташа, повернувшись ко мне и радуясь больше, как я понял даже не подарку, а тому, что я переменял тему разговора. От изначальной темы её коробило и я это видел.

— Будешь на танцах отличаться от подруг. Кто попроще пользуются «Красной Москвой», а кто покруче — CHANEL. А тебя будут ароматы, которыми пользуются латышские красотки и не только.

— А ты нашёл там себе латышскую красотку?

— Моя самая любимая красотка — это «букашка», но не та, что по лепесткам ромашки ползает, а та, что бороздит балтийские воды. Мы так вопросами на вопросы далеко можем зайти. У тебя сколько есть свободного времени, если есть вообще.

— Ну мне нужно к обеду на рынок съездить, мама просила, потом ещё с Алёнкой, сестрой, помнишь её? С Алёнкой нужно кое-куда. Представляешь, девятый класс заканчивает в этом году. Хочет в мой техникум поступать, а я отговариваю, говорю: «Зачем тебе сельское хозяйство и переработка зерна»? Сейчас другие профессии популярны, есть более перспективные, а она учится хорошо, не то, что я.

— Вот и поговорили. Получается, что для меня у тебя времени нет? Сейчас уже 10 часов, пока маникюр, педикюр и время «ёк!».

— Я сейчас переоденусь и провожу тебя.

Я кивнул головой, но всё было понятно, только слова «провожу тебя» обо всём сказали. Но зато честно и вот она та точка над «и», она звучит, казалось, и неплохо — «провожу тебя», а понимать нужно, как «пошёл ты...». Вот и разобрались, любовь моя несостоявшаяся. А, что была, я в этом и не сомневался. Просто она сделала всё, чтобы чувства медленно и уверенно затухали. Претензий никаких я предъявлять не могу — это несправедливо, а обидно было, обида «жабой душила» в груди.

Наташа вышла в лёгком цветастом платье и босоножках на платформе, отчего казалась чуть выше. Причёски, которая мне безумно нравилась, с длинными прямыми волосами, не было, а вместо неё, подрезанные по плечи волосы и чёлка спереди, волосы накручены на бигуди. Да и в другом она изменилась, сильно изменилась, она из девочки, девушки превратилась в женщину. Именно я ощущал перед собой не ту Наталку-полтавку и не Наталку-молдаванку, как я любил в шутку её называть, а молодую женщину, хотя не хотелось так называть, девушка ей подходило бы, конечно, но погрубевший голос и другие внешние и внутренние признаки говорили об обратном.

Это была другая, просто похожая на мою Наташу, совершенно другая девушка, которую я совсем не знал, да и узнавать, скорее всего мне не придётся, у неё есть тот, кто это, возможно давно уже всё познал и читал её, Наташу, как книгу и ей, бесспорно, это нравилось. Всё это было осязаемо, не платонически, как у нас, чувственно и боль, и ласка были телесные, были понятны душе и были постоянно. Уверен почти, что вчерашний субботний вечер, а скорее всего и ночь напролёт они провели вместе, как и предыдущие вечера.

А, что ты хотел, морячок? Это правда жизни. Жены декабристов — патриотично, красиво для сюжета кино, но для жизненного сюжета в наше время — это лицемерии и в лучшем случае, удерживание отношений «про запас».

Я вспомнил, как мы гуляли по Новочеркасску, как катались часами на трамвае, как гадали у слепого шарманщика, где попугай вытаскивал нам счастливые билеты. Видимо и это была фальшь, а действительность, вот она, не завуалированная, без прикрас. И когда машинально, по старой привычке взял Наташу за руку, она каким-то приёмом, иначе не назову, высвободила её и сложила руки на груди. Мы так и шли по тротуару в сторону автовокзала, откуда два часа назад я шёл ещё с надеждой на то, что ошибался, что всё не так и чувства вновь получают импульс. Но, не судьба.

На автовокзале, пришлось ждать минут пятнадцать до автобуса, хотя я мог уезжать тогда, когда захочу, но какой смысл оставаться. Я предложил Натахе прогуляться к роше, что была сразу за территорией автовокзала. Но она категорически отказалась, предложив консервативный вариант: «Давай тут присядем».

Тут — это среди спящих туда-сюда пассажиров. А я то всего-навсего хотел её поцеловать на прощанье, без свидетелей и без упрёков со стороны свидетелей за безнравственность. Если и это уже для меня «табу», то зачем ещё полмесяца назад в письме, что я получил в конце было: «...Целую. Люблю. Твоя Кроха.»

Не моя ты, Наташа, никогда не была, скорее всего и уже никогда не будешь. Сначала ты была ещё ребёнком и играла в любовь, потом было интересно, а чем всё это закончится, а потом...

— Хотел тебе форму показать, вез для этого. А зачем? У тебя есть мои письма и фото. Хочешь храни, хочешь сожги. Твои фото я сохраню все. А вот письма не стану.

Видимо, даже, когда ты писала, называя моё имя, то думала о другом. Возьми, Наташа, я знал, что они мне больше не понадобятся. Это то прошлое, которое мне никогда не забыть, но не хочу, чтобы оно мне рвало душу.

Я достал упакованный пакетик писем, которые я привёз домой и в последний момент при сборах решил, что они мне больше не нужны. Наташка взяла свёрток дрожащей рукой, только спросив:

— Зачем?

— Так будет лучше, для нас обоих.

Автобус стоял у посадочной платформы, пассажиры занимали места в салоне. Мне были тяжелы эти мгновения расставания, и я сейчас хотел больше всего, чтобы закрыть глаза, а когда открыл, всё было по-другому, был бы я дома, а ещё лучше на службе, в Риге. Странное желание, не прошло и половина отпуска, а мне захотелось назад на службу. Я там принесу пользу, я там кому-то нужен. Здесь я не хочу больше оставаться.

— Наташа, будь счастлива!

Я наклонился, чтобы поцеловать её в губы, но она увернулась в очередной раз. Так и так. Поцеловав даже не лоб, а в висок, прикрытый пахнувшими парфюмерией волосами, я повернулся и пошел в автобус, не оборачиваясь. Когда сел на своё место и выглянул между зашторенными шторками окно, увидел неподвижную фигуру той, которую я безумно любил три года, из-за того, что хотелось чаще быть вместе и страданий, пропуская занятия и в конце бросил институт, но это моя ошибка, а может быть и судьба и последний год, когда я уже начал понимать, даже без письма Татьяны, что все планы утопические.

И вот сегодня я просто в этом убедился. Наташа стояла неподвижно и смотрела в след отходящего от платформы автобуса, руками прижимая к груди то, что она назвала любовью, свои письма за два года. Их было в разы

меньше, чем тех, которые были отправлены в её адрес и конверты были более пухлые. Но это было в той жизни, в жизни, когда я был наивен и верил словам и, изначально, душевным поцелуям девушки моей из моей юности.

Юность закончилась давно, а я как-то зазевался и задержался в ней ровно на два года, на два года, когда мне было тяжело и хотелось, чтобы был кто-то, кто ждёт и думает обо мне, хоть иногда. Всё это история. Я стал другим. Смогу ли я полюбить такой же чистой любовью, время покажет. Но я знаю, что обо мне кто-то, возможно и сейчас думает и мне приятно её компания, её внимание, её искренние поцелуи, в конце концов.

«Ох и камбала!» — скажет мой читатель. Каков есть.

Завтра поеду в родное село. Уж кто-кто, а Саня Ганшин мне будет рад. Я слышал, что он отслужил всего один год и его комиссовали. Но он был и тому рад, что раз служил, его никто дебильным не назовёт, как обычно относились к тем, кто не служил вообще. Всё, решено. А там, может быть, ещё кого встречу. Два года прошло, много воды утекло в моей речке Каменка, что в ста метрах от родной хаты. Я отвалился на спинку сиденья автобуса. И, как не странно, на душе становилось все спокойнее и спокойнее, и я, задремав, провалился в «нирвану».

Глава II. Я пью до дна «За тех, кто в море!»

У человека в разные жизненные периоды происходит переоценка жизни в целом; жизненных позиций, амбиций, взглядов, убеждений и переоценка тех действий, по-

ступков и даже мыслей и суждений по различным жизненным аспектам, в частности. Что-то остаётся на всю жизнь непоколебимым устоем, фундаментом, на котором базируются и строятся все отношения, что является критериями и эталонами оценки того или иного события, факта, всего того, что окружает нас и происходит во круг нас и даже внутри нас.

Я приехал из Новочеркаска с твердым убеждением того, по поводу чего у меня изначально было совершенно иное мнение, потом оно поколебалось и вот сейчас я готов был кричать на весь мир: «Все бабы — бляди, а мир — сплошной кабак!» На долго ли это утверждение станет у меня главенствующим, я не знаю. И если раньше я в отношениях считал основополагающую и главенствующую духовную составляющую, чистоту чувств, а не физическое наслаждение, ради просто прихоти и животной потребности, то сейчас твёрдо решил, что нельзя открывать душу полностью, её могут загадить, наследить, заплевать. Я понял, что сердце ранимо, сильно ранимо и пускать в сердце сразу и без раздумий кого-то, было бы не благоразумно.

Бесспорно, это мной руководил в данный момент разум. Он взял на себя функцию старшего и ответственного из-за того, что душа болела, сердце ныло и требовать от них разумных принятий решений было бы ошибочным. Я должен какое-то время в отношениях с девушками руководствоваться, в первую очередь разумом потому, что знал какой я влюбчивый и теперь знаю, чем это может закончиться.

Конечно, я психически уравновешенный молодой человек, и, конечно, уже давно не юноша. Просто, я потерял ориентир, я затормозился как-то на возрасте, когда мне вот-вот должно исполниться 20 лет. И уже скоро 22, как, когда, так и молодость пролетит, не замечу. Во мне звучат «слова не мальчика, но мужа».

Бесспорно, в чём-то я затормозился в развитии и остался прежним, но во многом стал взрослым, более закалённым, возмужавшим молодым человеком. Сказать, что я стал более мудрым нельзя, а-то, что стал менее глупым — можно. Скажу больше, в некоторых вещах человек остаётся пацаном даже в свои старческие 70 лет. И с этим ничего не поделаешь. А другой раз смотришь на парнишку 5—6 летнего и диву даешься, откуда у него столько, не свойственной такому возрасту, мудрости.

Я даже стал понимать мужчин, которые проживают всю жизнь холостяками. И не обязательно, что они совершенно игнорируют женщин, нет, конечно, но не хотят себя обременять серьёзными отношениями, будучи наученными горьким опытом. Справедливости ради хочу сказать, что с такими же убеждениями встречаются и женщины, а, возможно, что их ещё больше, чем мужчин, свободный и независимых. Кто считал эту статистику?

А ведь и правда, это замечательно, быть свободным и независимым. Хотя я по-прежнему остаюсь противником беспорядочных половых связей, ради похоти, но отношения, которые можно отнести между дружбой мужчины и женщины и откровенной легкой влюблённостью с флиртом, оказанием явного неравнодушия к своей избраннице для душевного отдыха, без обязательств и сцен ревности, в случае чего — это же замечательно.

Но это всё на данном жизненном этапе. А завтра, возможно, так пронзит меня стрела Амура, что я и минуты прожить, чтобы не думать о ней не смогу. Но это будет завтра, если будет. Вот, к примеру, мой брат Витя, встречается то с одной, то с другой, но у него как-то это все без соплей и страданий происходит или он просто умеет скрывать хорошо, что даже родной брат-двойня не может определить, есть ли у него душевные переживания по поводу прекращения отношений с той или иной девушкой или нет.

В чём же истина! Может быть в вине? *In vino veritas* — это звучит на латыни. Что другое, а это у нас не заржавеет. Столько вина перепито, мама не горюй. Что-то меня повело не туда. Приеду домой, ничего не буду предпринимать, пусть страсти улягутся, а потом и решу не на горячую голову, какие действия предпринимать. Или вообще ничего не предпринимать.

Но просто жить — это так неинтересно. Какой смысл в такой жизни. У меня уже «ломка» от этих переосмыслений реалий происходит. Как бы не тяжело было начинать новую жизнь, а это делать надо.

Приехав домой, я ощутил какую-то легкость на душе. Вопрос, не дававший мне покоя, был разрешён. Не скажу, что я был счастлив от этого, конечно же, нет. Но любая неопределённость тяготит сильнее, чем самая горькая правда. Оставалась определённая обида за, как говорят «бесцельно прожитые годы», годы мечтаний, строительства планов и надежд.

И теперь я могу оправдать какие-то свои поступки, совершенные по отношению Наташи, не как предательство, а как предвидение совершенного и той «развязки», которая без особых объяснений, слёз и обвинений, закончилась так, как закончилась. Собственно говоря, у меня просто открылись глаза на ситуацию. Я воспринимал отношения, так серьёзно, как девица, начитавшаяся любовных романов, где героини ждали преданно своих избранников по много лет и в конце концов были за это вознаграждены счастливым исходом с кольцами, цветами и венчанием в церкви. А Наташа, наоборот, по-девичьи, наивно, несерьёзно, а с годами даже прагматично и расчётливо поступила. Бог с ней. Не буду обсуждать, это её жизнь и по большому счёту она мне ничем не обязана.

Всё верно, это так и должно было закончиться. Я был слишком наивен, хоть и слыл когда-то профи в любов-

ных идиллиях, на самом деле, давно потерял навыки. Да и откуда им взяться, если в лучшем случае, я видел девушек через почти четырёхметровый забор или окно казармы со второго этажа на расстоянии около ста метров.

Кто-то мне поправит память: «А, как же Ирина, а?» Да не забыл я, «этот лучик солнца в тёмном царстве» и благодарен ей за это.

«Ну, ты и жук!» — слышу опять упрёк. Нет, уважаемый, не жук я — камбала! Можешь меня называть и так, как одну из особей членистоногих. Можете называть подводным жителем морей и океанов — тоже верно. Видимо, это судьба быть подводником человеку, по гороскопу являющегося Раком, о по натуре — Камбалой.

Домой я попал ближе к 17 часам. Бабулечка накормила меня супом с клецками, она умела его замечательно готовить. Я с удовольствием съел полный супник и попросил добавки, тем самым доставил бабушке удовольствие, значит её стряпня ещё чего-то стоит.

Ближе к шести вечера появился брат Виктор с работы, как всегда шумно и эмоционально что-то шумел во дворе и кухне, а потом зашел в зал, где я прилег отдохнуть после дороги на диване. Стал на пороге, пытаюсь понять, я сплю и правда или притворяюсь, чтобы меня не «кантовали».

— Так, вижу, что не спишь. Короче, вечером идём к брату Лёхе, он обижается, что никак не порадуешь его и крестника своим визитом. Чё, забыл совсем? Эти Наташки тебе голову замутили, да?

— Да, нет уже больше никаких Наташек. Всё, трендец! А ты прав, хоть и устал сегодня, но придётся идти. Я завтра собирался в Марьевку ехать, родню проведаю и может кого из наших встречу.

— Никого ты там не встретишь, все разъехались, разбежались, как крысы, кто в Курган, но больше в город,

в Таганроге на заводах работают, там больше платят. Вот я за день столько мешков перетаскаю, что в Таганроге бы платили 400—500 рублей за такую работу, а мне еле-еле две сотни «натягивают». Все бегут, никто бесплатно работать не хочет.

— Ну, не встречу, значит, не встречу, прогуляюсь, зато заодно по местам нашего детства. Ладно, уговорил. На сколько идём? На восемь? А я наелся вот недавно, какие там угощения могут быть через два часа после бабушкиных клёцек?

Брат гостеприимно встретил нас в кухне нового дома. Крестник насторожился, увидев меня. Дядю Витю он знал хорошо, тот баловал племяша игрушками и другими подарками. Он прятался в соседней комнате и из-за штор виднелся лишь его любопытный глаз.

— Крестник иди ко мне. У меня для тебя что-то есть.

Я достал из сшитой мамой оригинального пошива сумочки новенький и отглаженный гюйс. Я его сам разгладил, потому что кто не знает, не сделает правильные стрелки, а это важно. Только отец смог уговорить своего маленького сынишку подойти к столу. Он смотрел на меня насторожено, пока я вязал ему на шею гюйс.

— Настоящий мореман! — произнёс дядя Витя.

— А это тебе, брат, — я вынул майку из той же сумки и подарил старшему брату.

— А я на каждый праздник выпивала за тебя с тостом «За тех, кто в море!» — сказала невестка.

— Это я теперь, получается, что должен остался?

— Догадливый, — улыбнулась невестка.

— Соловья баснями не кормят, — перевёл разговор старший брат и потянулся к красивой бутылке, и я сразу понял, что содержимое с этикеткой не имело ничего общего, — давайте, братаны, выпьем и закусим, «что Бог послал».

— Что ты за рюмку подводнику поставила? — обратился брат к жене, — давай нормальную тару, вон из тех фужеров, что нам на «входины» кумовья подарили. Ну, вот. Сейчас проверим, какой ты подводник. Говорят, вам там в море вино давали? Правда?

— Правда, брат! Только сухое и не такими «львиными» дозами, как ты насыпал.

— Это домашнего производства, настоящая на травке и немного дубовой коры — коньяк, короча. Понравится, ручаюсь.

Мы до этого, да и после вот так втроём, три брата никогда не собирались. В больших компаниях было и не раз, а так больше никогда. Я долго отговаривался, мог, почему так несправедливо, себе рюмочки и то, я знаю, что Витя обычно больше одной рюмки не выпивал никогда. И сегодня этому правилу он не изменил, после первой рюмки, перевернул её вверх дном, посидел с нами немного и оставив потом вдвоём, пошёл в другую комнату с племянном забавляться.

— Так, давай по второй. «Между первой и второй пуля не должна успеть пролететь».

Брат наливал мне в стакан чуть-ли не «по Марусин поясок», грамм по 170, точно. И всё было бы хорошо, если бы, как обычно после второго тоста «За тех, кто в море!», следовал «На посошок!» и разошлись.

Но брат вошёл в кураж, а мне уже отступить некуда. Как он говорил «Зачем меня обижаешь?» Ещё непонятно, кто сегодня будет обиженный. Самогон был качественный и при том ещё жгучий, в этом очищенном «перваче» было «оборотов» шестьдесят. Он мало чем уступал «шилу», который мы употребляли, но разбавленный, чистый спирт для тех гурманов, у которых и «глотки лужённые» и желудки, как у уток «гвозди переваривают».

— Лёша, хватит. Спасибо тебе! — взмолился я после пятой, мы пойдём.

— Нет-нет, а «на посошок», — улыбаясь «накатил» ещё полстакана, — по воздуху пройдётесь и всё пройдет.

Была-не была, понимая уже, что это лишнее и давно лишнее, но как можно обидеть старшего брата, опрокинул налитое. Закуска уже не лезла.

— Брат, ты где? — спросил я меньшего брата, — ты идёшь со мной?

Витя, вышел из комнаты, где развлекал племянника и глянув на меня, изрядно хорошего, ответил:

— Ну, а как иначе. Ты же можешь заблудиться тут. Пока ты служил, тут целый посёлок построился. Вот и Лёше за год дом отбахали, «живи — не хочу».

Я с трудом зашнуровал противные шнурки ботинок и когда разогнулся, подняв резко голову, она закружилась и выпал просто за порог. Брат помог мне подняться, подхватив меня, забросив одну мою руку себе на плечи и второй, удерживая за талию.

Что я ещё помнил, подняв вверх голову — это были яркие майские звёзды. Где там наше с Витей созвездие Рака, под которым мы с ним родились. Вот такова она жизнь, с детства мы с братом дрались, доказывая своё старшинство и превосходство в чём-то, а теперь брат практически несёт меня домой по не асфальтированным дорожкам и улицам, которые действительно, я не помнил, тем более что в здесь-то редко бывал и если бывал, то по новым посёлкам не бродил, а по бездорожью.

Утром брат с трудом меня разбудил, чтобы убедиться, что я жив:

— Я на работу. Ты, как? Жив? Ну и «наклюкался» же ты вчера. Лёшка вчера со мной даже собирался спорить, что ты больше трёх его фужеров не осилишь, ох и ядрёная она у него, спиртоган. А ты повёлся, дурень.

— Брат, не гунди и без тебя тошно. Иди на работу. Всё нормально. Я в обед в Марьевку поеду. Вот, отойду немного и поеду.

В селе, кроме сестры с семьёй, никого не встретил. Саня Ганшин женился и жил в Камышовке, работал механизатором. Семью кормить надо, а киномеханик копейки получал, пошёл на заработную работу. Говорят, что у него первенец родился. Счастья тебе, друг, подумал я. Не поеду я туда, отрывать человека от работы, да ещё завяжемся и повторится вчерашнее. Нет, проведаль родню, вечером домой.

Оставшиеся дни пролетели как один, но томительно в ожидании, когда наступит завтра. Кто-то скажет, как это два года не был дома и надоело. Не знаю, как, но вот так уж получалось. Была бы девушка и вопросов бы не было. Мне кажется, что я от нее не отходил бы ни днем, ни вечером.

Да и после всего, что произошло, даже в центр посёлка не тянуло, где в кино или ещё где можно познакомиться с кем-либо. Но кто-либо меня не устраивал, короче, они мне нужны не были. И «искать истину в вине» тоже не хотелось.

Я слушал музыку на магнитофоне, которую брат переписал на 350 метровые бобины четырёхдорожечного магнитофона у своего друга Слона. Лежал на диване и получал удовольствие просто от того, что меня не «кантуют» и я волен поступать так, как мне хочется. Я не был никому ничем обязан. Мне нужно было просто пережить вот этот перелом душевный, который во мне произошёл и начинать жить по-новому.

Дни отпуска незаметно прошли и нужно было завтра ехать в Ростов, оттуда больше вариантов уехать или даже улететь в Ригу. Я распрощался с родными и уехал первым автобусом в Ростов.

С поездом были проблемы, я немного не успевал в срок. Смертельного не было ничего, если бы на несколько часов опоздал. Ну, наказали бы, но ничего страшного из этого не было бы. Я решил не опаздывать

и взял билет на самолёт, который отправлялся в Ригу вечером этого же дня.

Времени было много, и я поехал к своей тётё Лиде, маминой сестре, которая собрала вокруг себя двоих детей с семьями в одном дворе. А двое других жили семьями отдельно. Попили кофе в обед, как было принято в их семье по казачьей привычке.

Меньший сын, работающий на Ростовской торговой базе, отработав в ночную смену, был дома. Он согласился составить мне компанию, чтобы убить полдня до вечера.

Я попрощался с тётёй, дядей и сестрёнкой Анютой, которая провожала меня, вместо невесты на службу, а теперь была замужем и ожидала прибавления в семье, мы вышли с Геней, и я полностью начал полагаться на сообразительность старшего двоюродного брата.

Он меня возил то туда, то туда. Благо, что я портфель, набитый пирожками и другой домашней едой, оставил в камере хранения в аэропорту. Мы посидели в кафе и выпили за удачную дорожку и полёт, в который я собирался отправиться впервые на советском лайнере «Ту-134».

Потом я вспомнил и спросил у Гены, а как-бы организовать доставку водки своим товарищам, на самолёт-то могут с бутылками не пустить.

— Есть идея! — сказал брат, — сейчас пойдём в хозяйственный магазин и купим канистру пластиковую литра на три, хватит?

Мы купили канистру на три литра. Потом зашли в гастроном и купили шесть бутылок водки, я посмотрел на выставленные на витрине разнообразные наименования, почему-то мне захотелось ещё и бутылку коньяка взять. Даже не знаю, чем был продиктован этот выбор.

Портфель был полон и без того, а самая распространённая тара для переноски продуктов и не только была авоська, которую я и прикупил для упаковки товара. Я

установил бачок и бутылку в авоську, и мы поехали в аэропорт. Оставалось часа полтора до самолёта. Я поблагодарил брата за помощь и сказал, чтобы он ехал домой. Его там ждала жена с маленьким сыном. И это понятно, уехал и полдня неизвестно где.

Я стал ждать регистрации. Представлял, как я прилечу рано утром, приеду, как уславливались, на остановку, дозовусь кого-либо из казармы и потом пронесем все, что нельзя через КПП проносить. Как будут рады сослуживцы, которые наказывали, чтобы привёз и того, и другого. Если бы все заказы выполнять, надо было три чемодана с собой тянуть.

Объявили посадку. Я выставил свою ручную кладь перед девушкой досматривающей вещи, портфель поехал по транспортёру. Девушка подняла глаза и увидев служивого в морской форме и бескозырке на затылке, с авоськой из которой внаглую смотрелась этикеткой бутылка коньяка, заулыбалась и спросила:

— Из отпуска? В канистре водка?

— Ну, да! — ответил я.

— Проходи! — проводив с улыбкой взглядом девушка в красивой форме.

Вот, если бы она была чуть пониже ростом, я явно до неё не дотягивал, то отличная пара получилась, для фото-то однозначно.

Самолёт разогнался и взлетел. Я сидел у иллюминатора и видел, как по освещенным фонарями уличного освещения спешили куда-то автомобили по улицам Ростова. Затем по контуру фонарей я определил, что это слева от меня остался освещенный фонарями и габаритными огнями портовых кранов Таганий Рог, мыс на котором и расположился город земляка Чехова.

Справа светились села и по контуру опять же таки я узнал свой родной посёлок. «До свиданья, родные! Ждите меня теперь через год.» — думал я и только сейчас я

понял, что там, куда я в последнее время рвался, мне предстоит провести ещё целый год. И ностальгия с комом к горлу подступили, как прилив в бухту Усть-Двинска.

Одно плохо, что из-за заоблачных высот, на которых летел лайнер и темноты ночного неба за бортом, нельзя было рассмотреть все красоты моей огромной Родины, над которой мы пролетали, с юга на северо-запад, на North-West, так правильнее назвать румб, направление направления движения воздушного судна. Вот интересно, авиацию называют воздухоплаванием, самолёты — воздушные корабли. И судя по тому, что суда морские и речные появились на тысячи и тысячи лет раньше от авиации, то люди, впервые нашедшие в своей голове такие определяющие термины, связали тесно воздушную стихию с небом.

Мы давно набрали высоту и полёт, в отличие от морского путешествия, не сопровождался качкой или болтанкой. Пришло время ужина, так как время полёта предполагало питание в полёте, стюардесса вежливо предлагала красиво-сервированный набор продуктов на подносе.

Но ведь камбала не будет таковым, если не вспомнит, что под водой мне приходилось выпивать и под различные тосты, а в воздухе, когда ещё предоставится такая возможность. Я развязал свою авоську и подумав, достал канистру с водкой, хотя хотелось, конечно, коньячку. Но зачем начинать бутылку? Я сделал два-три хороших глотка, до того пожелав хорошего полёта. Подзакусив немного. Порции были небольшие, но еда довольно вкусная.

Ну, а как же традиционный тост «За тех, кто в море!». Пришлось отвернуть крышечку и выпить по этому поводу. Когда ужин подходил к завершению, я подумал, а буду ли ещё когда настоль близок к Богу, ведь все говорят,

что его резиденция на небе, кроме мифов о подземных царствах и пр. А Бог, как мы все знаем, любит троицу. А потому, что? Что-что, нужно третий тост поднимать.

Мой сосед, наверное, думал обо мне, что мне пища аэрофлота становится поперёк горла и я её постоянно пропиваю водичкой. Ага, час! И после опять набрасываюсь на еду, чтобы она снова стала поперёк горла, да? Не дождётесь, думал я, видя интерес моего соседа к тому, что делает этот морячок. Может дать и ему, тут всем хватит? Не, перебьётся, он какой-то «не советский», не свойский, может латыш. Хотя, при чём тут латыш? Ладно, Бог с ним, пусть смотрит, как моряки трапезничают.

Раз за бортом ночь и темень, а меня сон начинал морить и было тому объяснение — это сытный ужин, да ещё и не просто. Я плавно провалился в сон.

Мне приснился командир, качающий головой по привычке, когда кого-то отчитывал и из всего сказанного им, я запомнил только слова: «...ох и камбала же ты, ох и камбала!...» Затем, толи во сне, толи просто, как воспоминание о событиях, которые происходили совсем недавно там, на месте моей службы.

Мы сидим после отбоя на двух соседних кроватях, на выдвинутой на середину тумбочке стояла открытая посылка. Хочу пояснить, что все посылки, приходящие из дома, должны подвергаться проверке и санитарной в том числе. Хусин, сменивший в должности почтальона Вову Урсулова, которому надоело бегать на почту, он же уже «годок», носил с почты письма и, когда, пользуясь своей способностью кавказского человека, уговаривать и входить в доверие, почтальоны стали ему доверять, он начал таскать посылки без вскрытия на почте.

Таким образом мы попробовали чачу из Молдовы, присланной Дану в грелке, а сейчас Молдавану прислали приличный шмат сала, ещё что и семечки, которыми

были засыпаны завернутые продукты, чтобы не было внутри посылки «болтанки». С ужина принесли с камбуза из хлебoreзки булку хлеба, зная, что вечером будем наслаждаться, принимая с удовольствием домашнюю пишу.

И надо было тому случиться, что дневальный где-то прошляпил или отошёл от тумбочки и к нам в кубрик вошёл командир дивизиона, недавно сменивший комдива Камышана. Науменко был до этого не командиром действующей подводной лодки, как его предшественник, а служил в штабе Лиепайской ВМБ. Он был украинцем, во всем уставным штабником, с лицом, если бы вы увидели его, тем более тогда, когда он говорил, вы бы со мной согласились — это был двойник Луи де Фюнеса.

Он был всегда серьёзен, но при разговоре его интонация и мимика вызывала смех, сдержать который было очень трудно. За ним вбежал, уславший неладное дневальный и пытался представиться.

— Включите свет, — вместо выслушивания доклада, скомандовал проверяющий.

Пока всё это происходило, мы быстро начали распахивать содержимое посылки под матрацы. Убегать на свои места и тем более принимать вид спящих, втиснувшись одетыми под одеяла, было уже бесполезно. Он прекрасно видел сборище, даже при слабом дежурном освещении. Подбежал дежурный по команде и доложил ему.

— Вижу сам, что у вас тут бардак происходит. Почему личный состав после отбоя не спит? Как фамилия командира? Рекст?! Понятно.

Подойдя к нашим кроватям, где на одной и другой сидело человек 6—7, он, видимо догадавшись, что здесь что-то не так спросил:

— Что вы делаете тут в такое время? Пьёте? Меня командование поставило, чтобы я «калённым железом вы-

жег в дивизионе пьянство и дезертирство», — заглянув под одну, потом под другую кровать, увидев ящик посылки, — ага! Посылка без проверки в санчасти, да? Что там? Пропавшее, запрещенное есть? А, ну-ка, доставай.

Глаза его загорелись, как у сыщика, который долго, долго что-то искал и вот, наконец-то, поиски увенчались успехом. Вытащили ящик и поставили на тумбочку.

— Так она наполовину пуста! Что там ещё было? Где вы спрятали? Выпивка?

— Нет, товарищ капитан 1-го ранга, там сигареты были, четыре блока, уже раздербанили все. Конфеты, их тоже расхватали, — взял я на себя смелость ответить комдиву неправдой, которую трудно или невозможно даже проверить, — вот сало осталось, оно домашнее, соломокой смолённое и солёное.

— Сало-о! Правда, соломой смолённое?

— Ну, конечно! Вася, подтверди. Из полтавской области прислали родители, домашнее, там знают толк салу.

Было заметно, как у комдива загорелись глаза и казалось, если он ещё откроет рот, чтобы что-то сказать, то побежит оттуда слюна — не остановишь.

— А, можно, это..., — капитан 1-го ранга, как бы потерял дар речи, показал жестами, вытянув вперёд растопыренную ладонь левой руки, ребром правой ладони сделал возвратно-поступательное движение, которое даже слепой бы понял по шуршанию ладони по холодным, из-за морозов на улице, пальцам другой руки.

— Вова, нож и газетку! — обратился я к Дану. Тот достал из тумбочки перочинный нож.

Не прицеливаясь и не жадничая, отхватил третью часть большого куска, который лежал сверху. Думаю, что в нём было не меньше, чем 700—800 грамм.

— Ой, зачем так много! — произнёс комдив, с улыбкой, которую до этого к нему никто не видел.

Глаза его блестели. Он с трудом всунул завёрнутый в газету кусок сала в широкий карман шинели.

— А это что? Се-емечки-и?! Можно?!

Не дожидаясь, пока кто-то из нас даст на это «добро», да и кто мог бы отказать, изначально комдиву, проверяющему и теперь уже гостю нашего кубрика, запустив руку в сумку из хлопчатобумажной ткани, сшитой кисетом и перегрузив в свободный карман пару жменей семечек.

Комдив был счастлив, как ребёнок. Уходя от нас, остановился уже в дверях выхода в коридор, задумался и произнёс, обращаясь к дежурному по команде:

— Отбой! Всем спать. Посылочки нужно через санчасть проводить, проверять.

— Есть, проверять! — ответил дежурный.

Это видение-воспоминание растворилось, как туман под лучами солнца, и я ощутил на себе лучи восходящего солнца. И понял, что это здесь, на высоте рассвет, а на земле он ещё не скоро.

Самолёт сделал мягкую посадку. Аэропорт дружелюбно распахнул нам свои двери. Я думал, куда деть целый день, который ещё у меня считается, как отпуск и не знал, пока не столкнулся в зале ожидания со знакомым старшиной, моим одногодком по службе, только с соседней лодки, Лешей, фамилию я как-то его не помнил, да и не важно.

Он ждал свой рейс, улетал тоже в отпуск.

— А, ты, что? Уже отгулял?

— Отгулял, отгулял, как и не было 10 суток отпуска. Кстати, сегодня я ещё в отпуске.

— Так, я зачем тебе спешить? Проводишь меня, можно ещё по Риге пошататься.

— Да, если бы сегодня был выходной день, я бы знал куда и к кому поехать. Вот тогда бы, точно, сюрприз был бы моей девушке. А сегодня она уже на работу соби-

рается. Ну, если хочешь, давай по сто грамм, твой отпуск отметим. У меня с собой есть.

— Ну, хорошо. Пойдём в кафе, посидим. У меня времени еще три часа до самолёта.

Зашли в кафе, взяли холодных закусок, присели за столик. Я налил из фляжки в стаканы по сто грамм. Выпили и закусили. Лёша расспрашивал, как там дома у меня.

— Знаешь и хорошо дома, но такая скукота взяла, что хотел ещё раньше сбежать на службу. А девушка у тебя есть дома? Ждёт? Ну, если у вас серьёзно, то скучно не будет. Она тебе не даст скучать. А я, как-то вот без оной остался, — подумав, добавил, — почти.

— Это как? Что значит, почти. Или есть, или нет, а причём тут, почти?

— Да потому, что девушка у меня для свиданий есть, она здесь, в Риге, а вот серьёзно это или нет, сам не знаю, пока.

— Главное, чтобы тебе с ней хорошо было, и служба в тягость не будет.

— Ты прав, братишка! Я того же мнения.

— Служивые, можно к вам? — обратился мужчина лет 35—37, желая составить компанию

— Да, пожалуйста! Мы больше никого не ждём, присаживайтесь.

— Можно на ты, братишка, — обратился он ко мне, — меня Николаем зовут, я тоже на Северном флоте на тральщике служил, чуть ли не 20 лет назад. Не будете против, я угощу вас? Что предпочитаете? Нет, я сам знаю, коньячка. Сейчас я приду.

Наш новый знакомый пошёл в буфет. «Вот мы и приплыли» — подумал я, хотя времени навалом, почему бы и не посидеть.

Николай принес бутылку коньяку. И придвинув все три стакана к себе, начал наливать, ничуть не меньше,

чем по сто грамм.

— Так, а вы не признались ещё, кто и где служите.

— Саня, моторист, на лодке «букахе» 611 проекта служу два года. Из отпуска еду.

— Лёша, трюмный с лодки 613 проекта. В Риге мы служим, в Усть-Двинске.

— А я в БЧ-2, артиллеристом служил. В Оленьей губе, слышали такую?

Мы кивнули. Кто-то, кажется, из наших ещё из учебки туда направлялся. Но связей же нет. Я даже связь с Саней одесситом потерял. Дураки, могли же дать друг другу домашние адреса и через родителей потом связаться уже с новых мест службы.

После второго разлива бутылка закончилась. Николай летел куда-то во Владимировскую область, вернее летел в Москву, а потом ему на других видах транспорта добраться куда-то, где мать осталась одна.

— А я работаю в Рижском пароходстве. После службы предложили, я не отказался. У нас дома, в глуши делать нечего. Тут женился, дети. А мать не хочет ко мне, говорит, похоронишь меня на родной земле рядом с мужем, отцом моим, значит. Вот такие-то дела.

— Николай, теперь моя очередь угощать. Я достал практически такую же бутылку коньяка и разлил.

Выпили. Николай начал «отъезжать». От нас перебрался на скамью зала ожидания и придремал. Мы посидели немного, по чуть-чуть выпили. Лёша засобирился на рейс. Как время летит. Я проводил Лёшку. Проходя по залу ожидания, увидел спящего Николая. Вспомнил, что по радио объявляли посадку на Москву.

Долго теребил братишку, пока тот не открыл глаза.

— Что случилось? — спросил он у меня испуганными глазами.

— Во сколько у тебя рейс?

— В 11—45, кажется.

Я глянул на часы, висевшие у входа, они показывали 12—10 минут.

— Всё, брат, считай, что ты уже в полёте. Пойдём сдавать билеты. Скажешь опоздал или чё там ещё.

— Пойдём.

Мне было очень хорошо на «старые дрожжи», после водки и коньяка с утра, а моему новому знакомому ещё «лучше». Видимо, он до нас дома хорошо «на грудь» принял или с кем-то прощался.

С трудом ему вернули неполную сумму за пропавшие билеты, мы взяли ему билеты на другой рейс.

— Я поеду, а ты смотри снова не проспи, — попросил я Николая, — лучше найди попутчика, поспрашивай, чтобы, если чё, он тебя разбудил. А я поеду в часть. Будь здоров, братишка.

— Будь! — ответил мне тот.

Я вышел на площадку перед аэровокзалом, где парковались автобусы, нашёл свободную скамью и присел. Посмотрел на авоську. Некрасиво, как-то. Достал недопитую бутылку коньяку, открыл её:

— За вас, братишки! Чтобы вы счастливо долетели.

И пригубил столько, сколько душа желала. Но в бутылке ещё немного оставалось. Нет, решил, больше не буду, уже «до чёртиков» набрался. Открыл канистру и слил оставшийся коньяк в неё. Пустую бутылку опустил в урну, что рядом со скамьёй. Вот теперь порядок.

Нужно было сесть на нужный маршрут, известных мне номеров здесь не было. Я расспросил у тех, кто ожидал, как и я автобуса и мне удалось узнать, каким номером я доеду, но не до части, а до конечной, которая располагается в непосредственной близости к мосту через реку Булльупе, разделяющая посёлок Болдарая от Усть-Двинска. Усть-Двинск был закрытой территорией и потому не все автобусы шли через мост, где даже знак был установлен с надписью «Стоять! Запретная зона». Как нам

говорили, этот запрещающий знак был поводом для задержания подозреваемых в шпионаже зарубежных или завербованных для работы на чужую разведку граждан.

Я вошёл в душный автобус и, из-за того, что на остановке собралось к этому времени много пассажиров, больше из-за вежливости, я стоял, держась за поручень и обильно обливался потом. В шерстяной голландке было очень жарко. Меня развозило и развозило от выпитого и жары.

С облегчением вышел на воздух справа от моста. Сте-рев пот со лба, надвинул беско на затылок, собрался подниматься на мост. Но, не тут-то было. Я даже и подумать не мог, что опасность меня будет подстергать не при переходе через КПП части, а уже здесь из-за того, что в 100 метрах отсюда была расположена комендатура, видимо по тем же соображениям границы «запретной зоны» о которой я сказал выше.

Меня окликнул начальник патруля, прапорщик, в морской форме, заметив изначально мои, уж очень широкие брюки клёш со вставными клиньями и бескозырку, одетую не по правилам ношения одежды, во вторую очередь:

— Матрос, подойдите сюда.

Я поправил бескозырку и направился к патрулю, находящемуся от меня в пяти шагах. И как я их сразу не заметил?

— Старшина первой статьи Ивашенко. Прибыл из отпуска. Следую в распоряжение части, — представился я, немного сбиваясь.

Но прапорщика смутила не это даже, а то, что я приставил руку к бескозырке, а в руке на большом пальце, как на крючке висела авоська с канистрой.

— Это что такое? — спросил начальник патруля.

— Что? — не понимал я, пока не опустил руку и авоська с фляжкой не выскользнула из рук к ногам.

— Что это, старшина?

— Вода! — уверенно, насколько можно было ответил я.

— Разрешите, — попросил прапорщик, протягивая руку за поднятой мной фляжкой.

Я молча передал ему то, что он просил. А тот, медленно открутил и так же медленно, боясь, как кипятка из чайника или того, что из фляжки, как из лампы вылетит Джим. Вдохнув запах из нагретой тары, которую даже немного раздуло от нагрева, скривился, как девушка, которая хочет произвести на молодого человека впечатление совсем скромной, непьющей, невинной, как утренняя роса девушки.

Небось «шило» глушит и не кривится, а тут..., — подумал я.

— Пройдёмте с нами! — приказал начальник патруля.

И меня повели в комендатуру. А оставалось-то всего, максимум, пятьсот метров и я в расположении части. Не судьба. Опять, не судьба. Но обидно же, правда?! «Почему автобус не поехал через мост?» — не выходило у меня из тупо соображающей головы.

Глава III. Суд, да дело

В комендатуре у меня взял показания дежурный по комендатуре капитан. Составил опись изъятых вещей, а я по наивности и от того, что в голове висел изрядный туман, даже прочесть не удосужился, всё ли правильно записано.

У меня забрали ремень и шнурки. После этого капитан приказал конвоиру сопроводить меня в камеру.

Эта камера совершенно не была похожа на те, которые мне довелось видеть на «губе». Она была размером,

примерно, 2,5—3 на 3 метра и большую часть её, по всей ширине и метра на два в длину, от стены, противоположной входной двери, были сбиты нары из сплошных и крашенных досок на высоте около полуметра от бетонного пола. Высоко, в той же, расположенной напротив входа стене, было сделано небольшое оконце с решеткой.

Меня разморило, кроме меня тут никого не было, и я решил, что лучшего, чем просто попробовать поспать, сейчас придумать невозможно. Я лег вдоль досок на бок, слегка поджав ноги и вскорости провалился в глубокий сон.

Проснулся я от того, что загремел засов и машинально, привстал и просунулся к краю нар, сел. Включился свет над дверью и ко мне вошёл мой старшина команды. Я поднялся и смотрел на него, в ожидании, что он скажет. Я перед мичманом Самариным казался гномом. Он был высоким плечистым человеком, с волевым лицом и большими цепкими ладонями, по которым уже можно было говорить о физической силе и хваткости рук, а сложи их в кулаки, вид был бы ещё внушительнее.

Что касается его голоса, то он вообще не вязался с внешними данными Валерия Николаевича. Голос был тихий и он голоса никогда не повышал, не то, чтобы услышать, как от других «сундуков» бранные слова и среди них, для связи, даже литературные. Я его уважал и мне было вдвойне неудобно, что именно ему пришлось забирать меня из комендатуры.

Он, несколько секунд постоял напротив меня молча, чуть покачав головой, а потом произнёс:

— Собирайся! Пошли в часть.

Мичман вышел. За дверью я увидел конвоира. Я пошёл вслед за мичманом, который направился к уже другому, сменившему незадолго до этого дежурному по комендатуре. На столе стоял мой портфель с продуктами, лежали шнурки и ремень.

— Забирай вещи. Проверь, деньги что у тебя там было ещё.

Я зашнуровал ботинки, вдел под лямки брюк ремень, одел бескозырку. Открыл портфель, там, как бы всё почти на месте. Авоськи и канистры не было.

— Тут нет моей канистры. У меня в авоське была канистра.

— Какая ещё канистра? — удивлённо произнёс «старлей», — вот опись изъятых вещей, деньги в рублях и копейки, вот содержимое портфеля, а никакой канистры у тебя не было.

— Как? — удивился я.

Старший лейтенант протянул, подписанный мной лист бумаги, где в перечне, действительно не было упоминания ни об авоське, ни о канистре, ни о содержимом её, тем более. Я всё понял, но не в моём положении поднимать бучу. Можно было прям здесь суток пять «губы» схлопотать.

Мичман пытался выяснить, о какой канистре речь идёт. Но я поспешил отшутиться:

— Да, приснилось что-то мне, видимо от твердого ложе.

Только теперь Самарин заулыбался. А мне было не до улыбок. Башка разваливалась от коньяка, дураки его пьют. А может и от водки или просто от количества спиртного выпитого за последние более чем сутки, а ещё, какой ты не крутой герой, но попал опять в передрагу и осознание этого начинало «точить» мой трезвеющий разум.

— Всё? — спросил старлей, — надеюсь, что больше не увидимся, — подумав, добавил, — при таких вот обстоятельствах.

— Надеюсь! — ответил тихо я, вспомнив поговорку: «От тюрьмы и от сумы не зарекайся».

Мы вышли из комендатуры, за рекой в стороне залива был багровый закат. Солнце уже село, а зарево затяну-

ло небо до самого горизонта. Идти было недолго, мы поднялись на мост, откуда вид на залив был ещё красочней. Прошли через КПП и свернув налево, мимо химического полигона с подвалом для «окуривания», при имитации химического заражения, учебного корпуса, где обучались иностранные подводники и вот уже наша казарма.

Как ноги не хотели подниматься по трапу на второй этаж. Хотелось упасть вот здесь, у входа, в курилке на скамью и просидеть всю ночь до оконченения, так было неудобно перед парнями, которые, в первую очередь ждали даже не меня, а то, что я обещал им привезти в качестве презента.

— Тебя, что занести, — спросил Самарин, — пошли, пошли.

Он подтолкнул меня легонько так, что я чуть не ушёл в пике и еле успел ухватиться за дверную ручку, а в противном случае, дверь пришлось бы открывать головой и в другую сторону, внутрь.

«Сарафанное радио» сработано на высшем уровне. Когда я вошёл в кубрик, по выражению лиц было уже понятно, что о том, что случилось, знают даже ленивые, которым ничего не интересно. Товарищи, окружили меня и сочувствовали от души тому, в чём я, по большому счёту был виноват. Даже клёш на моих брюках в 35 сантиметров не мог бы вызвать тот резонанс, как признаки нахождения в состоянии опьянения и, ещё хорошо, что водка, которую я вез в часть не фигурировала в протоколах.

А с другой стороны, вот эти голодные взгляды, взявших меня в окружение молодцов, они не столько пирожков ждали и того же сала, сколько того, что по ясной причине не фигурировало в протоколах. Всё очень просто, как дважды два. Видимо, принимавший меня в комендатуре капитан, сейчас сидит дома в пижаме, смот-

рит по телевизору футбол и периодически, сказав жене, что пива для просмотра футбола купил, попивает водочку, предназначенную вот этим голодным от этого матроса и старшинам.

— А ты, что не догадался водку в грелку и в портфель сунуть, а продукты можно было бы и авоське нести, все так носят и ничего.

— Знал бы, где упаду, Хус, я бы соломки подстелил. А по большому счёту, мне нужно весь жизненный путь соломой застелить. Так как падать часто приходится, а так, упал, но без шишек и синяков.

— Ладно, дайте страдальцу поспать по-человечески часа полтора, а после отбоя поднимем и поговорим. Шас на камбуз кого-нибудь из «карасей» пошлю, пусть чаю принесут к пирожкам. Нужно же будет их «приговорить», пока ещё грызутся, — подытожил допрос, который пытались надо мной учинить, Вова Урсулов.

Я прилёг на свою койку, которая отдыхала полмесяца от меня, но уснуть, конечно, не мог. Мысли о том, что теперь ожидать начинали беспокоить меня. Но, с другой стороны, дело сделано и какая разница, что будет? «Дальше Кушки не пошлют», вспомнил я такую поговорку и то, что там должно быть ещё несёт службу сын бабульки, которому я, проживая на квартире в Зернограде, подписывал посылки, собранные заботливыми материнскими руками. Да и в космос за это не сошлют, а вот «губы», видимо, не миновать. Хотя я и так сколько её обходил. Пора узнать её изнутри, а не в карауле.

По привычке, после отбоя, когда движения в кубрике практически затихли и не спали только те, кому это разрешалось, мы приступили к трапезе. Правда на этот раз она была не веселая, для меня, как минимум. Да я-то и кушать не хотел, чая, хоть и не горячего уже попил с удовольствием, хотя, какой это чай, с камбуза — тёплая водичка.

Рассказывал я нехотя о том, как дома и все ответы сводились к одному — «дома и солома едома». Я больше рассказывал о том, какая дома весна, чудесный цветущий май на юге от балтийской весны, конечно, выгодно отличается. Я постоянно пытался перевести разговор на тему, а «как тут служба?», но у меня это плохо получалось.

И, так как врать я до сих пор не научился, да и не научусь уже никогда, не хочу просто врать и не буду, то пришлось, хоть и отнекивался изначально, признаться, что на отношениях, а вернее, на переписке с девушкой, которой я писал длинные письма, «поставлен крест» и я свободен, как буревестник, вспомнил я песню Максима Горького. И почему она песней называется, скорее стон, крик призыва, буйства души. Видимо потому и вспомнил, что в его положении скоро должен оказаться уже я. Когда это произойдёт, завтра, послезавтра — не знаю.

В курилке подошёл Хусин и по-дружески спросил:

— Сань, может в сундучок «нырнём», да поправишь своё здоровье? На тебя смотреть даже жалко.

— Брат, жалко, не смотри. Не нужно ничего, это лишнее. Я должен это всё прочувствовать и пережить, иначе, если этого во мне происходить не будет — я пропаду, просто, как личность пропаду. Понимаешь, брат?

— А, что теперь казнить себя?

— Нет, просто нужно побыть самому с собой, подумать, «с какой ноги начинать шагать дальше». Для как такового стимула служить, в плане рьяно, примерно, как бы зарабатывая поощрение, чтобы доказать всем, что я не хуже, а в чём-то и лучше других, уже нет смысла. Думаю, выбрать среднее, служить честно — это однозначно, иначе я не умею, не имею никакого права и не только из-за данной присяги. Я, просто, не могу пакостить кому-то и за что-то, а делая себе неприятно, тем самым наказываю только себя, другие же от этого

не страдают — вот, что важно, — говорил вслух, думая, что отвечаю своему внутреннему голосу и меня никто не слышит.

— Ну ты философ! — откровенно удивился мой близкий товарищ.

— Ты лучше скажи, ты со Светой встречался в увольнении? — решив сменить тему, спросил Хуса.

— Сань, ты мог бы прямо спросить, видел ли я твою Иринку. Приезжала в первый выходной, после твоего отъезда. Обиделась, что ничего ей не сказал. Сказала, если захочет с тобой разговаривать, то это будет «крупный разговор».

Я засмеялся от души, впервые за сегодня, уж точно, это была самая приятная новость. Значит я кому-то нужен, это замечательно.

— Чего ты ржёшь? Серьёзно, так и сказала. А Света проговорила, что ей говорила: «Поехал к своей казачке. Можно подумать, что я хуже. Ну, пусть только придет — узнает, где раки зимуют...».

Я засмеялся ещё сильнее и не мог остановиться.

— Не веришь? Спросишь у нее, в увольнении... Это же тебя, наверное, и увольнения лишат, да?

— Какое увольнение, Хус? Мне «губа» корячится. А смеюсь я с того, что ты сказал, «там, где раки зимуют», из-за того, что я знаю где, я же Камбала, с Раком дружу. Извини, брат, рассмешил. Пойдём. «Утро вечера мудренее».

После завтрака, уже по традиции, я столкнулся с быстро идущим из своей каюты «кэпом». Его походку можно было отличить среди тысяч, такая она была характерная и не по годам старческая.

Увидев меня, он практически шарахнулся, как от приведения, возможно, что это был его юмор, что горькой пилюлей отзывался у меня в душе. Все его нравоучительные высказывания были всегда «в десятку»

и такими, какие никто больше, кроме него не мог никогда сказать, при том не повторяясь.

— Знаешь, кто ты?

— Так точно, товарищ командир. Камбала.

— А, что ты сделал, знаешь?

— Проступок нехороший, товарищ командир.

— Нет, ты не проступок сделал. Ты наср... мне в карманы и ода полные...

Я машинально посмотрел на карманы его кителя, в которые были опущены руки, как будто они у него мерзли и таким образом он хотел их согреть. Командир смотрел на меня немигающим пристальным взглядом, пытаюсь, как бы добраться до самого нутра и прощупать его. Я стоял, словно загипнотизированный, как кобра под музыку дудки факира.

— Да, нас...л мне в карманы и ода полные. Смотри!

И при этом, «кэп» резко выдернул руки из карманов, а мне показалось, что сейчас из них вывалится то, о чем он сказал и всё это — моя «работа». От неожиданности я машинально отстранился от командира, пока стена коридора не стала преградой к отступлению. Видимо, на моем лице изобразился испуг или ещё что-то, что заставило «кэпа» толи улыбнуться, толи, что вернее, усмехнуться надо мной. Он заправил носовой платок, наполовину высунувшийся из кармана, и проследовал по коридору дальше.

Я долго не мог прийти в себя, а те, кто стал свидетелем этого урока, в очередной раз проведенного для меня, сдерживали себя, прикрывая даже рот, чтобы не заржать по лошадиному. Сегодня на построении дивизиона все прошло тихо. Видимо, ещё сведения комендатуры, задержались в дежурной части дивизиона и не дошли ещё до комдива.

Как говорят: «Семь смертей не видать, а одной не миновать», так и в моем случае. День прошёл хмуро и даже

не от ожидания неминуемого наказания, а от того, что после дома была такая сильная ностальгия, что не передать. Будучи дома, я даже рвался сюда, на службу, а теперь уже пожалел, что так бесцельно практически провёл отпуск. Но, что было, то было, ничего назад не вернуть.

На другое утро, при построении дивизиона всё было, как всегда изначально. Это из тех установленных воинскими положениями ритуал, в котором, практически, ничего не менялось, кроме, может быть того, что в прошлом году был другой комдив, всеми уважаемый и даже любимый, а сейчас тот, кто в большей степени строгостью и мимикой Луи Фюнеса, кроме того, что с него смеялись от этих вот ужимок, которые, конечно, он сам не видел. Даже мичманы и офицеры позволяли себе передразнивать комдива, чего и подумать не могли о прежнем. Это не наговор на человека, это те впечатления и факты, которые чувствовал, видел и знал.

После завершения обязательных традиционных мероприятий приветствия и осмотра личного состава, командир дивизии подозвал своего адъютанта и взял у него лист бумаги. Потом, мельком взглянув на лист, сказал:

— У нас в дивизионе опять ЧП. С такими чудовищными фактами разгильдяйства я не намерен мириться. Мне поставлена командованием Военно-морской базой задача искоренить пороки, пережитки прошлого и упущения предыдущего командования дивизиона и я намерен «калённым железом выжигать всячески в подчинённых мной подразделениях пьянство, дезертирство, разгильдяйство и ненадлежащее отношение военнослужащих к своим должностным обязанностям, нарушению статей Уставов и самого святого, Присяги Родине. Пока я на этом посту этому не бывать никогда.

В конце пламенной речи комдив вошел полностью в образ известного французского актёра и речью и особенно мимикой и жестами. Пауза в несколько секунд по-

казалась вечностью. Учащенно билось сердце и хотелось, чтобы всё быстрее завершилось.

— Старшина 1-й статьи Иващенко, выйти из строя!

Я положил руку на плечо стоявшего в первой шеренге впереди меня матроса. Когда тот сделал шаг вперед и затем вправо, я сделал четыре шага вперед, остановился и выполнив движение «кругом», остался стоять по стойке «смирно» перед строем.

— Смотрите, все смотрите! Вот такие, как он будут, в случае войны стрелять вам в спины, — сделав паузу, продолжил с ещё большим ударением на эти слова и тыкая в меня пальцем, — в спины, в спины!

Пройдя мимо меня, развернулся, посмотрел в мою сторону и произнёс:

— Приказываю, разжаловать! Исполнить немедленно перед строем. Пусть другие видят, что их ждёт такая же кара за нарушения и совершенные преступления.

Старшина команды мотористов засуетился. Он знал, что нужно было прилюдно, перед строем срезать лычки. Ситуация критическая. Он шепнул что-то молодому мотористу и тот, сорвавшись с места, не побежал, а полетел в казарму. Благо, что она в 50—60 метрах от места, где по принятому распорядку выстраивалась наша команда. Каждая из команд и служб знали свои штатные места.

А я стоял и меня разрывало чувство несправедливого обвинения в грехах, которые мне заочно наперед приписывают. С такими мыслями к личному составу, я так подумал, побед не дождёшься и не потому, что подчиненные никудашные, а потому, что их хотят такими сделать. Эх, товарищ капитан 1-го ранга, как же вы ошибаетесь во мне в первую очередь.

Не я буду стрелять вам и моим товарищам в спины. Возможно те, послушные служаки с длинным языком, который им нужен совсем не для изречения умных мыслей, их нет, они простые исполнители воли начальства.

И в случае чего, не дай Бог, первыми поднимут руки и пойдут, подняв на сломанном стволе молодой русской берёзки обхезанные от страха кальсоны, изначально бывшие белыми...

Я, товарищ комдив, из тех, кто даже в пьяном угаре буду рвать зубами чеку гранаты, когда рука, которой это можно было бы сделать, перебита вражеской пулей и, если посчитаю ситуацию безнадежной, взорву себя вместе с врагами нашей Родины. Я — русский до мозга костей: я — русский по духу; я — русский и мне не чужды русские традиции, язык, обряды, духовность и нравственность; я — русский матрос, я потомок великого императора и флотоводца, мою силу духа не превзойти ни одному оккупанту, пожелавшего завоевать, хоть пядь русской земли; я — русский и знаю, что означают понятия долг и честь, и не стоит мне приписывать все грехи, не совершенные мной и того, что и в мыслях мне чуждо держать, а не то, что совершить; я — русский, грешный, как и все, в принципе люди, только в разной степени, так и судите же меня за мои грехи; я — русский и готов понести наказание за совершенный дисциплинарный проступок, а не преступление, вот и наказывайте меня за это; я — русский и «Капитал» я не писал, хотя знаю, кто его написал, но если меня будут враги пытаться, не признаюсь; я — советский военнослужащий, сын многонациональной страны, у нас в экипаже есть представители почти всех национальностей, мы живём дружно, как братья и никто никого никогда не упрекнул другого в национальной принадлежности; я — тот, над кем вершится суд и надеюсь, что он будет справедливым.

Мои мысли перебил, прибежавший «карасик». Комдив до этого, поняв заминку, но терпеливо дожидаясь «вынесения приговора», прохаживался вдоль строя дивизиона, но больше за моей спиной.

— Что мешкаете? Срезайте ему лычки!

Мичман Самарин объяснил молодому матросу, который и бегал в казарму за бритвенным лезвием, что нужно делать. Матрос подошёл ко мне с явным испугом, смотря мне в глаза.

— Витя, приказали, делай дело, режь. Не волнуйся, за это тебя никто не накажет, — успокоил я матроса, который стоял в нерешительности перед уже старослужащим, «подгодком».

Матрос начал аккуратно срезать нитки, которыми были пристрочены лычки к погонам робы. Руки трусились, и я его успокоил ещё раз, чтобы тот уверенней был, иначе порежет мне всю робу. Срезав по одной лычке с каждого погона, матрос стал в строй. Кто служил, знают, что разжалование производится на одну степень. И меня должны были разжаловать до старшины 2-й статьи.

— Все! Все срежьте! — закричал комдив, подойдя проверить исполнение его приказа.

Матрос выскочил из строя, чуть не уложив в положение «лежа» впереди стоявшего сослуживца, забыв предупредить, что выходит из внутренней шеренги. Его взгляд вновь был растерянный и испуганный. После такого крика, если вдобавок и неожиданного, можно даже зайкой стать.

Не знаю, сколько тянулась эта унижительная процедура, но она была мучительна и камнем легла на душу. И винить в этом было некого. Да и вообще, не люблю, когда кто-то пытается оправдаться, обвиняемого кого угодно и что угодно. Это смахивает на стукачество.

Комдив высказал в заключение ещё какие-то «крылатые» и колкие высказывания с обвинениями и угрозами. Но я это уже не слушал, потому что, эти слова, как и изначальные обвинения, по большому счёту и в большинстве своём адресовались каким-то мистическим врагам, а себя таковым не считал. Прости меня, Господи!

На построении команды был зачитан приказ командира корабля, в котором, закономерно было объявлено «семь суток ареста с содержанием на гауптвахте».

Все, кто неплохо изучали дисциплинарный устав, знают, что запрещается за один и тот же дисциплинарный проступок применять несколько дисциплинарных взысканий. Но для кого это было когда-нибудь ограничением наказать, как говорили «по полной» — никогда. Прав тот, у кого больше прав. Комдив применил два наказания, лишив двух званий одних махом, командир использовал свои права и наказал за дерзость Камбалу, теперь очередь осталась за командиром БЧ-5 и старшиной команды мотористов.

Какие там остались наказания? Выговор и строгий выговор — это не серьёзно после разжалования до матроса и 7 суток ареста. Можно лишить меня очередного увольнения, для начала на одно, а потом ещё найдётся за что наказать. И наряда три вне очереди дать. Вот «караси» покуражатся, если, конечно, кто-то из объявивших будет контролировать исполнение этого наказания. Думаю, что мичман Самарин не настолько «кровожаден», а вернее сказать, он вообще слишком добр, чтобы даже объявить наказание. Уж за полтора года службы, думаю, что был повод наказать, но ни одного наказания от его имени я не получил.

Что касается механика, тоже не могу вспомнить никаких наказаний, а поощрения были и не раз. Так, что может быть на том всё и закончится, думал я, размышляя по поводу событий этого дня.

Зря я успокоился так рано. Я упустил ещё важную составляющую. На следующее утро в красном уголке висела красочная карикатура на меня, где я в широких брюках клёш, с красным носом (это чуть-ли не клеше всех карикатур на кого быто не было) и с бескозыркой на затылке, а текст я и читать не стал. И появилось объ-

явление, что сегодня в такое-то время состоится комсомольское собрание, в повестке дня один всего вопрос «Рассмотрение поступка матроса Иващенко».

Как я забыл за комсомол. Но меня другое удивило, как быстро сработано. Это точно так, как коммуниста, совершившего преступление, исключали из партии задним числом, чтобы на момент преступления он был беспартийным. А иначе — пятно на партию. А здесь, явно и понятно, что совершал проступок-то не матрос, а старшина. Да, Бог с ними. Хотя комсомол и Бог никак не вяжутся. Забираю свои слова обратно. Чёрт с ними!

Собрание было открытое, на нём присутствовали и коммунисты, скорее для острастки, чтобы комсомольцы не проявили солидарности с виновником. Начал собрание секретарь комсомольской организации мичман Дмитрий Гаврилов:

— Довожу до сведения комсомольцев факт задержания комсомольца Иващенко в нетрезвом состоянии патрулем комендатуры. Произошло это в день пребывания матроса Иващенко в отпуске. Во время задержания на нём была неуставная форменная одежда, что является нарушением правил ношения форменной одежды матросами и старшинами.

Данный проступок не остался без внимания и наказания командованием: старшина разжалован до звания матрос приказом командира дивизиона; командиром корабля нарушителю объявлено семь суток ареста с содержанием на гауптвахте.

Нам необходимо осудить поступок комсомольца, предложить возможные взыскания и принять решение, после обсуждения и голосования. Какие будут предложения, товарищи.

— Пусть он сам нам расскажет, так ли всё было, — пытался дать мне возможность высказаться Владимир Молдован.

— Вы, что не доверяете правдивости информации, предоставленной нам из комендатуры, старший матрос Молдован? — спросил присутствующий на собрании лейтенант Протасов.

— Что говорить. Факт проступка подтверждаю. — коротко ответил я на просьбу Владимира.

— Ну, вот видите. Нам остаётся внести предложения о наложении взысканий. У кого есть предложение?

— Строгий выговор объявить и все дела, — с ухмылкой высказал предложение Туров.

— Я хочу спросить, а у комсомольца Иващенко были взыскания до этого? И были ли поощрения? — задал вопрос лоб в лоб Хакимов Хусин.

— Ну не было пока ещё. Но сейчас речь не об этом, а о имеющем место проступке. Что мы будем старые заслуги вспоминать. Факт — есть факт.

— Раз не было взысканий, то нужно объявить просто выговор и все дела, — высказал своё мнение Хусин.

Его поддержали другие, по «красному уголку» прокатился ропот.

— Тише, товарищи. Я считаю, что для такого проступка выговора будет мало, — продолжил председатель собрания, — строгий выговор нужно объявлять, вне зависимости, были до этого взыскания или нет. Проступок серьёзный.

Мне становилось тошно от процедур «для галочки», я, не вставая с места предложил:

— Не нужно строгого выговора, — все притихли, ожидая слов раскаяния, — чистить нужно ряды комсомола, не место таким в рядах славного комсомола, — я сказал с сарказмом, но большинство восприняли, как вызов.

— Да он ещё и дерзит. С такими взглядами не достойно быть в рядах комсомола. Я предлагаю удовлетворить просьбу самого совершившего проступок. Больше мнений нет? Переходим к голосованию.

Я поднялся и вышел из «красного уголка». Сел в курилке и закурил. Слышал обрывки фраз в процессе голосования и знал ещё то, что мой поступок с самовольным покиданием собрания будет одним из определяющих, при вынесении вердикта.

Не прошло и десяти минут, как комсомольцы «высыпали» в большинстве своём в курилку на обсуждение. На многочисленные вопросы, почему я так сделал, ведь всё обошлось бы строгим выговором в худшем случае, ответил:

— Я сделал выбор и наказал сам себя. Ни общее собрание, ни комитет комсомола, а я, понимаете, я сам себя наказал. Имею же я сам себя наказать или нет, а? Это наказание нарастало, «как снежный ком» и на данном этапе, я считаю, что это будет справедливо, — вполне серьёзно ответил своим товарищам.

Все смотрели на меня недоумевая. Они забыли, что обычная «рыба», юлила бы хвостом, изворачивалась, уходила от неминуемого наказания, давала клятвенные заверения и обещания, что такого и подобного больше никогда не повторится, но они забыли, а кто-то и не знал пока ещё, что я отличаюсь от тех тем, что я «рыба-камбала».

Глава IV. Служу Советскому Союзу!

— Дня через три на гауптвахте будет место, готовься, поедем, — сообщил старшина команды, мичман Самарин.

— Да, хоть и сегодня. «Раньше сядешь — раньше выйдешь», — пока ещё пытался шутить я на предложение занять один из «люксовых» номеров на гауптвахте Рижского гарнизона.

И сразу всплыли приятные воспоминания. Начало апреля, а в карауле разводящим. Сижу в караулке. Здесь два телефона, один для внутренней связи, а второй городской. Первый развод караула произведён и теперь смена караула будет в 22 часа. А значит, выходим в 21—30, прокручивал я себе в голове план.

Я удивлялся, как молодой «бестолковке» порой рождались гениальные, а порой такие планы, которые приводили к крушению всего ранее достигнутого. Кто строил дворцы из домино, тот знает, что одно неловкое движение и весь труд, вложенный в создание «шедевра» насмарку. Домик рассыпался за секунду.

Вот так и сейчас, я продумывал план, с одной стороны такой заманчивый, а с другой стороны, приводящий к серьёзному нарушению Устава караульной службы. Служивые люди знают, сколько различных Уставов нужно изучить на службе, чтобы..., чтобы потом, зная их, всё же нарушать.

Я уже две недели не виделся с Иришкой из-за того, что на прошлой неделе было штормовая готовность и увольнения на берег были отменены, а теперь вот, караул. Но этому есть и явный плюс, место караула-то — Старая Рига, а это значит, что совсем недалеко, в 20 минутах отсюда живёт Иришка. Но, как же встретиться, сюда никак нельзя её провести. Нам выходить без надобности и исполнения должностных обязанностей, тоже запрещено.

Но ведь на смену караула уходит не меньше, чем минут сорок-пятьдесят. Задерживаться после развода никак нельзя, если караул с разводящим задерживается больше чем на 5—10 минут на маршруте, могут поднять «тревожную» группу. Как известно, в караул заступают с боевым оружием и по ночному городу идут три вооруженных автоматами и боекомплектom патронов военные.

Не хочу страшать никого, но даже в сводках я не помню, чтобы было сообщение о нападении на вооруженный караул с целью завладения оружием. Это же не лихие 90-е, а мирные 70-е годы, когда подобное и в голову не приходило.

Я поднял трубку, когда в караулке не было начальника караула, у него для отдыха было отдельное помещение и немного подумав, набрал знакомый мне номер. Трубку подняла мама Иры:

— Алло!

— Здравствуйте! Иру можно к телефону?

— Кто её спрашивает?

— Скажите, что Саша.

Я с волнением ожидал, когда подойдет Ирина, а в трубке слышались приглушенные разговоры, видимо мать говорила с дочкой в соседней комнате.

— Да, я слушаю. Саша, это ты?

— Привет, Ириш! Ты чем занята?

— Да так, ничем, в общем. А, что, ты не в самоволке?

— Вот, как раз и наоборот. Я на службе, но, не пове-ришь, совсем рядом от тебя нахожусь.

— Не поняла.

— Если у тебя есть желание встретиться на полчаса, то мы можем это сделать. Ты как?

— Я только за. А где и когда? — на удивление с вос-торгом поинтересовалась Ира.

— Будь на площади у входа в Домской собор в 21—30. Сможешь?

— Да, конечно. Ещё больше двух часов, буду. А ты в самоволке? Скажи честно. А-то я волнуюсь, чтобы тебе не влетело.

— Не волнуйся, дорогая, я на службе, в карауле. Всё хорошо. Я буду чуть позже, может быть через 5—10 минут после указанного времени. Ты, главное, будь. Поцелую при встрече. Пока!

Вот это дело. Настроение приподнялось. Я обдумал, что и как всё будет происходить. Боже мой, целых полчаса с Иришкой наедине. Что может быть лучше? Даже не знаю, ничего лучше я и придумать не мог.

За несколько минут до выхода караула, предупредил караульных, которые должны идти со мной на смену, что они должны делать, когда мы дойдём до Домского собора. Оба заулыбались, а один спросил:

— А, если...

— Никаких если, — не дал я ему даже досказать, понимая, что он опасается, что ему за это влетит, — кто разводящий? Правильно, я. Вот мне, если что и влетит.

Мы шли по привычному мне маршруту, я уже пару раз заступал в караул, но в те разы я шёл по этому же маршруту, изначально замыкающий, как караульный дальнего поста. Сейчас все было иначе и не только из-за того, что я сказал. Я был разводящим и вел, шагая первым в строю своих караульных, которые должны были сменить тех, которые уже отстояли свою вахту. Всё было так, как быть должно, за исключением того, чего быть никогда и ни при каких условиях не должно. Но есть поговорка: «Если нельзя, но сильно хочется, значит можно», по этому сюжету и развивались события.

Привычно я повёл караульных по центру бульвара Кронвальда, затем свернули направо на улицу Комьянantes и вышли на Домскую площадь. Я умышленно шёл скорым шагом, чтобы по пути нагнать пару минут, которые мне ох как нужны скоро будут. У Домского собора в это время суток было пустынно, только одна фигурка маячила у пока ещё не засаженного газона перед собором.

У меня сердце забилося чаще. Конечно, не узнать Иру я не мог. Это она ждала меня и постоянно вращала головой, не зная откуда меня ожидать. Не доходя до Ирины метров пятьдесят, я остановился, повернулся к караульным и спросил:

— Мужики, вы все поняли? Сменитесь сами, я караульных первой смены по телефону предупредил и разбудил, кто спал. Поэтому заминки не будет со сменой, там без этих штучек «караульный такой-то пост сдал», а сменились и неспеша уже назад, чтобы те орёлики шли сюда. Поняли? Неспеша. Они должны быть здесь где-то в 22—15. Всё, вперед. Не останавливаться, кто быто не был, если будет останавливать. Вперёд, за вами будущее флота.

Караульные продолжили путь по маршруту, я свернул влево и подошёл в Ире. Та стояла с растопыренными глазами, не ожидая увидеть меня таким здесь.

— Ты меня в плен будешь брать, морячок? Я согласна на плен, если ты будешь всегда со мной рядом.

— Ну, конечно, буду рядом, пока смерть не разлучит нас.

— Ну, зачем о грустном, какие наши годы, милый?!

— Ты права, дорогая. Пошли вот туда, обойдём немного собор справа, там есть скамья и с площади нас не видно. А тут на виду, как-то не очень, тем более что я на службе и с оружием.

Мы прошли за собор, где на скамью, под ещё пока не ожившем после зимы деревом, падала тень от фонарей, расположенных на площади. Присели. Я снял автомат с плеча и перебросив через спинку, прислонил к скамье, подсумок с рожками патронов к автомату и планшет с образцами печатей повесил на угол спинки скамьи, выполненный из чугунного литья с орнаментом.

— Иди ко мне! Я так по тебе соскучился, — растопырив объятья, подсунулся ближе к своей девушке.

— И я..., — только и успела ответить Иришка, как наши уста надолго замкнулись в нежном и следом за ним уже страстном поцелуе, вызывающем душевные волнения и потаённые желания.

Шкодливые руки нашли быстро лазейку между пуговицами весеннего укороченного пальтишка, после чего полы его приподнялись и оголили красивые колени и аппетитные бедра. Кровь, в избытке выталкиваемая сердцем не просто поступала в первую очередь но и питала кору головного мозга, она пробуждала желания, которые необходимо было контролировать и вовремя пресекать, хоть это и было очень трудно сделать.

Какое счастье, я вам скажу, что в те годы девушки практически не носили брюки даже зимой. Всё-таки имеется большое отличие и особое удовольствие ласкать девичьи бедра через чулки, даже тёплые, чем через брюки или, тем более джинсы. И ещё оставалась «догнать» упущенной, проверив, на всякий случай, колени и опуститься ниже, вплоть до высоких сапог. А обратное движение вверх, высота «подъёма» зависела от строгости и расположения хозяйки того, в чему вы стремились, были нацелены и позволяла ваша распушенность.

В этом плане, у меня, хоть и не с первого раза, но «тормоза срабатывали» неплохо. Пять раз повторять одно и тоже мне не нужно было, я со второго понимал, так как третий мог оказаться последним, на сегодня, как минимум, пока хозяйка недоступных «вершин» не станет менее строгой и ей вновь захочется ласки, а этого добра и в душе моей и в моих, не успевших загрузеть от работы с высокими температурами или другими вредными факторами.

Даже при слабом освещении я видел, как пылают румянцем щеки красотки, которая каким-то образом уже сидела не рядом на скамье, а у меня на коленях. Так было в разы удобнее и приятнее, я вам хочу сказать. Да вы и сами знаете не меньше моего. «Кого учить, вся грудь в ракушках», как говорится.

Мы говорили совсем мало, да и о чём можно говорить, когда время очень ограничено, а хочется получить

по максимуму удовольствия от общения. Не с товарищем же встретился за полмесяца первый раз, а с девушкой, которая мне очень нравилась и по которой я, честно признаюсь, скучал. Как хорошо, что часы на башне Домского собора располагались у нас за спиной, иначе, глядя, как быстро убегает время, можно было бы себя до белого каления довести.

А так, ещё издали я увидел приближавшихся после смены караульных, они шли медленно по центру площади Гердера по направлению к Домской площади мимо собора и мимо нас с Иррой, конечно.

— Пора! — я поспешил обцеловать всё и много раз за считанные секунды, чтобы Ирринке мои поцелуи дольше напоминали обо мне и, надеюсь, что доставляли при этом моменты душевной теплоты и добрые трогательные чувства, если не говорить больше. А больше и не нужно было. Этого и так, с головой достаточно.

Сблизившись со своими караульными и заняв место ведущего, повернул голову в ту сторону, где мы только что расстались и увидел стоявшую в том же положении девушку, со сложенными на груди руками. Ну прям Ассоль, не иначе, подумал я, а внутри что-то ёкнуло, защемило и не хотело долго отпустить.

После отпуска и все, что произошло за этим, я не то, чтобы сложил руки, не то, что устал физически добиваться чего-то, доказывать кому-то и в первую очередь, конечно себе — нет, что-то внутри надломилось. Появилась некая апатия ко всему происходящему.

Я не психолог, но вполне возможно, что у меня происходил возрастной кризис или ещё что-то, на что отложили отпечаток события, произошедшие за последние полмесяца. Как долго он продлится, не знаю. Я знаю одно, мне нужно как-то и чем-то отвлечься от мыслей. «Гу-

ба», конечно, «губой», от нее не уйдёшь, но я говорю о перспективе.

Одно я уже сейчас решил для себя, приду с «губы», сразу запишусь в библиотеку, хочется что-то почитать, даже то, что ещё в школе отталкивало, не хотелось, а теперь я ощутил необходимость в этом. Мне нужна была подпитка, не физическая, я был физически силён и тренирован, во многом от того, что нас гоняли и очень даже, мне нужна была духовная пища, книги.

Я смотрел равнодушно на то, как Витя Туров активизировался по поводу того, что мне не место быть командиром отделения: «Где это видано, чтобы старшинами матрос командовал?» — не унимался старшина второй статьи. К механику он больше с этим вопросом не подходил и искал удобного момента, чтобы обратиться прямо к командиру.

Когда подвернулся более-менее подходящий момент, по мнению самого Турова, он подошёл к «кэпу» и прямо спросил:

— Товарищ командир, скажите, когда у нас в команде беспредел закончится? До каких пор мной и другими в отделении мотористами будет командовать матрос Иващенко? Разве так должно быть?

— Витя, благодари Бога, что тебя на береговую базу не списали. Известно, какой ты специалист. Знаешь, мне служить осталось всего год и уйду на пенсию с вашим призывом. Если тебя поставят командиром отделения, ты же нас всех утопишь при первом же погружении. Не зли, хоть ты меня. Что-то не нравится — пиши рапорт.

Уже после отсидки на «губе» меня позвал к себе командир. Я и предположить не мог о чём пойдёт речь.

— Ты знаешь, что за всё совершённое нужно отвечать. За хорошее и героическое полагается награда, за плохое — наказание?

— Товарищ командир, а разве я ещё не искупил вину, отсидев семь суток, что вы объявили, да ещё трое суток «ДП», что заработал уже там? Званий всех лишили, из комсомола исключили, в увольнение просился на субботу — механик отказал, говорит, что рано. Ещё подумай, полезно.

— Помнишь или уже передумал идти в торговый флот, ты просил, чтобы к демобилизации я тебе написал характеристику-рекомендацию? Я-то могу, но какая она будет и стоит ли вообще такую писать, тебя же с ней не возьмут. Соврать, чего я не могу сделать, так ты и там себя покажешь.

— Да, не хочу я уже больше в море, ни в торговый, ни в рыболовецкий флот. Дослужу как, поеду землю пахать, да сеять. Меня земля к себе, что магнит тянет.

— Да, ещё, тут твой товарищ, Туров тебе товарищ или как?

— Ага! Лучший! — язвительно ответил я.

— Он просит, чтобы тебя с должности командира отделения сняли. Что поэтому думаешь?

— Поэтому не я, а вы должны думать и решать. Я человек маленький, матрос, спросили бы о ком-то, а о себе, что я могу сказать. Не справляюсь — снимайте, есть другие основания — ваша воля, я обязан подчиняться любому вашему приказу. Вы мой командир и я благодарен вам за ваши уроки, которые на всю жизнь и уважаю, как командира и человека.

— Я по-другому спрошу, как ты думаешь, Виктор Туров справится, если я его вместо тебя поставлю. Только честно скажи.

— Честно скажу, если решили менять меня, любого из отделения ставьте — справится. А, если нужно будет, я помогу овладеть знаниями и умениями. Виктора не советую и не потому, что он целый год на меня кляузничает. Как говорят «собака лает — караван идёт».

— Хорошо. Тогда ещё одну точку нужно над «и» поставить. Ты писал рапОрт о желании повысить классность. Уже год, как сдавал на 2 класс. Я знаю, что ты сдашь на 1 класс и считай, что он у тебя есть, но без оплаты за классность, конечно. А вот разрешить сдавать не могу.

— Видимо мне теперь все планы на всю жизнь из-за одного проступка придётся пересматривать. Товарищ командир, а жениться хоть мне можно будет или в ЗАГСы тоже соответствующие рапОрты по мою душу направлены?

— Шутишь?! Это хорошо. Значит не все потеряно. Вопросы есть? Нет. Иди служи дальше, матрос, командир отделения.

Я услышал и усмешку в словах командира и то, что меня порадовало — это то, что он мне по-прежнему верит. А «бьёт» лишь потому, что «за одного битого двух небитых дают». «Спасибо вам, товарищ командир за это!» — подумал я, выходя из каюты командира.

— Ну, что тебе «кэп» сказал? Чего он тебя вызывал? — с явным интересом не унимался, танцую вокруг меня Витя Туров.

— Витя, отвянь. Он сказал, что мичман Самарин от нас переводится куда-то, рапОрт уже написал, а замены нет. Вот командир думает и меня спрашивал, как заместителя командира команды: «Есть ли у нас достойные кандидатуры на должность старшины команды?», ну я честно ответил: «Я мог бы, но наказан, звания нет, а вот Туров бы, думаю смог бы, рвение, как у пса у него...».

— Врёшь?! Что вот так и сказал?

— Ну ты знаешь, я же такой, что молчать не стану, правду-матку режу, как хлеб в хлеборезке. Не веришь? Иди сам спроси.

— Да? Не-а, я сначала у старшины спрошу, точно он уходит или нет.

— Дело твоё. Но я бы на твоём месте не зевал, забивал бы себе место первым, желающих хватает, сам знаешь.

— Ух, будешь потом у меня пищать, я тебе не Самарин, тот тебя не трогал. За увольнение забудешь. Все жалели его, смотри кто бы меня так пожалел? Чи и не специалист. Да я не хуже, даже лучше.

— «Пожалел волк кобылу, оставил хвост да гриву...» — отходя от надоевшего Витьки, произнес уже больше для себя.

— Чего ты там говоришь? — не унимался будущий «старшина команды».

До двух лет службы, служба меня плющила. После двух лет, я начал плющить службу и на службе во всех смыслах. От удовольствия память на сложенной койке кровать, когда лень одолевает — это всегда, пожалуйста, жилы, как прежде уже, однозначно, не рвал, но там где требовалась моя помощь, даже в прямом, физическом смысле — это тоже всегда, пожалуйста, что касается прежнего рвения в службе, то оно, естественно сникло, хотя и нельзя сказать, что я служил спустя рукава.

Что касается специальной подготовки и помощи молодым специалистам в овладении сложной техникой — это всегда, пожалуйста, что касается защиты чести экипажа и морского братства — это всегда и без принуждения, пожалуйста. Хотя, мне стало не столь важно, верят мне или нет. Я и раньше доказывал всегда всем, а в первую очередь себе в том, что я могу, я сделаю, я добьюсь и не хуже, а чаще лучше многих других.

Как я решил, что новую жизнь начну с духовного обогащения, пошёл в библиотеку, где я до этого не был

даже записан. А, когда было читать книги? Служба, работа, вахта наряды по очереди и вне очереди — выспаться некогда было. Сейчас — другое дело.

Когда меня библиотекарь спросила, а какая литература вас интересует, я спросил вопросом на вопрос:

— Я очень давно ничего не читал. Теперь думаю, что стану вашим постоянным читателем. Подскажите, а что сейчас читают чаще, что пользуются повышенным спросом?

— Знаете, сейчас идёт тенденция к тому, что читают не классику и не детективы, а свежие произведения наших отечественных авторов. И самое главное, что даже эти произведения ещё не вышли книжным тиражом, но публикуются в литературных журналах, таких, как «Смена», «Нева», «Юность», «Роман газета». Вы не читали роман Анатолия Иванова «Вечный зов»? Вот только сегодня принесли. Возьмите, не пожалеете.

— Спасибо! Я прислушаюсь к вашему совету, беру, конечно.

Как я читал роман, что было непривычно для меня любителя приключенческой литературы и детективов. Я по наивности, считал, что это женское чтиво. Но как я ошибался. Затем я прочёл романы Петра Проскурина «Любовь земная» и «Судьба» и в дальнейшем я мог обойтись без чего-либо в течение всего дня, но, чтобы не прочесть, хотя бы два десятка страниц романа, если совсем мало времени — иначе день пропал.

Буквально в июле или начале августа произошло мероприятие, которое может быть подтверждением выше сказанного, что чувство чести экипажа для меня всегда было превыше личных амбиций. Будучи ещё совсем «зелёными» матросами, нас, естественно, как я уже говорил неоднократно, гоняли. Наряды вне очереди, естественно злили, хоть и наряду с другими трудностями, закаляли физически в первую очередь.

Но было и то, что мне в прямом смысле помогло иметь замечательную форму. Справедливости ради, хочется сказать, что не все мои «учителя», в роли которых выступали «годки» или «подгодки» были профи, скажем в упражнениях на гимнастических и спортивных снарядах в спортгородке. Одни из самых распространённых проверок личного состава было подтягивание на перекладине и подъём переворотом. Если с первым я изначально неплохо справлялся, то второе упражнение пришлось отрабатывать и шлифовать уже здесь. К полутора годам службы я делал это упражнение безупречно.

А уже этим летом занялся ввиду того, что появилось свободное время занятиями и тяжелой атлетикой. Эти упражнения мне тоже нравились и приносили истинное удовольствие, особенно, когда результаты и достижения росли заметно и на глазах. Со штангой у меня и горькие воспоминания есть. В детстве, хоть родители ругали, чтобы бросил этим заниматься, иначе не вырасту, я продолжал себя грузить и однажды даже повредил позвоночник. Конечно, об этом никому не говорил, а боли постепенно ушли.

В институте также мне нравилось зайти к парням, которые ходили на секцию тяжелой атлетики и показать, что может нетренированный человек. И иногда мне удавалось удивлять профессионалов в этом.

А когда на карту была поставлена честь команды, я, даже не умея что-то делать, зубами бы цеплялся и полз, подтягивался или поднимал. Это качество у меня с детства и, уверен останется навсегда. Я всегда повторяю: «Если делаешь что-то, делай это максимально хорошо, а не можешь или не хочешь — не берись совсем».

Итак, в конце июля или начале августа намечалась министерская проверка личного состава по физической подготовке. На построении комдив поставил задачу за два дня выявить и выставить представителей команд

на показательную дивизионную проверку. От каждой команды требовалось выставить двоих представителей. И в качестве стимула, комдив пообещал тому, кто лучше всех будет выполнять упражнения, объявит отпуск домой.

Когда командир команды Б-75 объявил о том, что нужно подобрать два представителя, достойных защищать честь лодки, большинство личного состава чуть-ли не единогласно предложили одну кандидатуру — это был я, а вторую, из-за того, что были разногласия, было предложено выявить на внутрикомандном проверочном отборе. Было предложено этим заняться капитан-лейтенанту Храпову и мне в качестве помощника, а по сути основного организатора и судьёю. Это я уже давно усвоил за годы службы, если в приказании участвуют лица различных рангов и должностей, то приказ спускается по вертикали вниз до максимально-возможного минимума.

Так и получилось. Когда старпом давал мне указания, уже от своего лица, а не от лица командира, я слушал внимательно, а потом взял и спросил его:

— Товарищ капитан-лейтенант, а у меня спрашивать совсем ничего не нужно? Может быть у меня на этот день намечен понос или золотуха или воспаление того хронического заболевания, которое меня только на время и отпустило?

— Что у тебя за болезнь? Я ничего не слышал.

— Вообще-то, я не знаю, как в медицине называется эта болезнь, а я её трактую, как пофигизм. Слышали что-нибудь об этом?

— Ты всё шутишь? Давно с «губы» пришёл, хочешь опять?

— Ой, хочу, товарищ капитан-лейтенант. Дайте мне суток пять, если можете. Я хоть отдохну там без этих вот мероприятий. Сколько можно? Есть молодежь. А так по-

лучается, как кросс на 6 км бежать, я бежал и по дивизиону вторым пришёл, но ведь тогда я был кем?

— Кем? — поддался на шуточный диалог старпом, у которого сейчас видимо другое в голове было и смысл моих слов не доходил.

— Тогда я был «борзым карасём», а теперь мне эту самую борзость пообломали лишением званий, сутками ареста, наказанием по политической линии — меня с такой характеристикой больше и на «губу» не возьмут, чтобы я там исправляющихся не разлагал. Знаете, за что мне тогда трое суток ареста начальник «губы» добавил?

— Нет, не знаю.

— Вот! За то, что я агитировал «губарей» объявить голодовку и донести наши справедливые требования по самому (я показал пальцем вверх). Я вот сейчас пойду в санчасть и принесу справку, что у меня острый аппендицит или чесотка.

Каплей стоял и закатывался, так как он включил, наконец-то, разум и до него дошёл смысл моих слов, вернее юмор, граничащий с иными статьями, за которые не только сутки могут на «губу» объявить, но и политотдел может заняться.

— Ладно тебе, хватит. Саша, ну понимаешь — надо!

— Товарищ капитан-лейтенант, я всегда понимаю, когда надо, но не все и не всегда это тоже понимают. А во-вторых, мне отпуск уже не нужен. Я был дома. И понижать в звании после отпуска меня уже некуда. Пусть старшин ставят, их у нас, слава Богу, много.

— Так мне идти к командиру, говорить о твоём отказе или ты согласен?

— По правилам, нужно было бы с меня и начать проверять. Я же дома был, всякие излишества были, опять же 10 суток гауптвахты на здоровье отразились, при плохом питании вдобавок. Может быть я и не смогу ни разу сделать то, о чём говорят?

Старпом смотрел на меня и у него было желание между ударить меня и послать, и он сомневался в выборе, какое будет для него, как офицера предпочтительнее. Потом всё же сделал нелёгкий выбор и просто сказал:

— Ну, что, выговорился? Давай теперь вместе поставленную командованием задачу выполнять.

— Есть, выполнять! — серьёзно ответил я, заметив, что старпом взял ситуацию в свои руки и сейчас мне лучше его уже больше не раздражать, иначе моё предложение по поводу пяти суток может реализовано в пять секунд.

И потом, когда я убедился, что старпому это задание самому не по себе выполнять, я как настоящий камбала добавил:

— Товарищ капитан-лейтенант, у вас, наверное, много неотложных дел? Если позволите, я сам проведу отбор, а о результатах вам доложу.

— Идёт! Давно бы так, — заулыбался довольный старпом тому, что мы прекрасно друг друга поняли, а то, что было до того, как — это была словесная разминка, как певцы или чтецы, артисты сцены тренируют свой голос перед выступлением.

В этот же день, в свободное от запланированных дневным распорядком дел, мы провели проверку выполнения упражнения на перекладине «подъём переворотом». Чтобы не было «единовластия», были приглашены в судейское жюри ещё два представителя самой высшей на сегодня касты «годков» в лице Владимира Урсулова, меня и от «полторашников» Хакимова Хусина со совмещением обязанностей вести учёт. В этом наш командный писарь был аккуратен.

И после того, когда и я проверил больше сам себя, а то шутики-шутками, но подводить команду не хотелось, определились, что защищать честь команды ПЛ Б-75 буду я и Вова Дану.

Мы долго не могли успокоиться и смеялись над попыткой просто подтянуться матроса Саши Малышева, который, при подтягивании мог согнуть руки в локтях под углом в 90 градусов и после этого просто обрывался с перекладины.

— Саша, в чём дело? Ты подтянуться даже не можешь, без подъёма переворотом. В чём же причина, лишний вес? — допытывался я.

— У меня, видишь какие руки?

Руки у Саши действительно были по объёму почти, как у меня ноги.

— Вижу, ну и что? — не понял я.

— Да то, что мышцы, при изгибе рук, не дают им сгибаться.

Я, просто, упал от смеха и все, кто слышал этот оригинальный ответ.

Настало время «Х». Нас построили небольшими группами из трёх человек, во главе старший группы, мичман или офицер, а за ним два участника.

Ждали комдива, который изъявил желание лично присутствовать на этом мероприятии. Из штаба были представители, которым также, видимо, вменялось в обязанности производить фиксацию и оценку исполнения. Был здесь заместитель командира по строевой подготовке и по физической, замполит дивизиона и ещё кто-то, кого я даже раньше не видел.

Прибыл комдив, ещё раз вкратце напомнил задачу. Ввиду того, что участников было не так уж и много, было решено, производить выполнение на одном снаряде по одному человеку. Иначе, судьи могли растеряться за кем наблюдать. Наша команда выступала где-то 15—16 в очередности. Ждать было томительно. Если бы хотя бы нас распустили, и мы могли присесть. А так, солнце уже пригрело изрядно и становилось душновато.

Фу, наконец-то очередь дошла и до нас. Я стоял вторым в строю, возможно из-за того, чтобы соблюсти субординацию по званиям в строю: мичман, старшина 2-й статьи и матрос.

Вова выполнил пять подъёмов переворотом достаточно технично и свободно. Обычно, судьи не заставляли выполнять упражнения до упаду, а чтобы понять качество их выполнения, а способность выполнять ещё, она и так была видна или наоборот, неспособность.

Моя очередь. Привычно подпрыгнув, ухватился за перекладину и успокоил от раскачки своё тело, а затем, не обращая внимание ни на что, начал выполнять привычные, выполняемые практически ежедневно, упражнения. Услышал команду «Достаточно!» и подумал, в чём же мой «косяк», раз рано отстранили от выполнения упражнения.

— Матрос Иващенко выполнение упражнения закончил! — доложил я и ждал команду «Стать в строй!».

Вместо этого, ко мне подошёл, редко улыбающийся комдив, на его лице была пугающая меня улыбка. Мне казалось, что грозное лицо, которое было около двух месяцев назад, когда он меня разжаловал, ему шло больше. Он подошёл ко мне вплотную, от чего я вытянулся выше своего роста даже и ждал...

Комдив, похлопал меня по плечу и произнёс:

— Молодец! Заработал честно свои десять суток отпуска. Напомни, как твоя фамилия? — и заметил, что на моей робе были те же погоны, которые пострадали при разжаловании.

На выцветших от солнца пагонах чётко были видны более тёмные три полосы, которые были под лычками и потому не успели ещё потерять цвет.

— А это, что такое? — лицо комдива приняло привычный для меня, да и для всех выражение строгого ком-

дива, — почему такие погоны? Если матрос, то должна быть надпись БФ. Что это такое?

— Виноват, товарищ капитан 1-го ранга. Я вами был недавно разжалован, не успел перешить...

— А! Сегодня же перешить. Это меняет дело. Отменяется отпуск, аннулируется автоматически. Ну ты и в спорте преуспеваешь и в нарушениях, да? Раз так, никто не поедет домой. Матрос побывал, как мы все знаем в отпуске. А в целом подготовка неплохая, да? — при этом комдив обвел взглядом присутствующих судей, а те согласно кивнули.

После команды заместителя комдива по строевой части «Равняйся! Смирно!», комдив сказал:

— Благодарю за службу!

— Служу Советскому Союзу — в один голос ответили все участники дивизионной проверки.

Глава V. «Сватовство»

Поговорка гласит: «Разделал, как Бог черепаху». В мифах говорится, что черепаха изначально была красивой и пушистая. А за какие-то провинности, а они могут быть такими, настолько позволяет нам наша испорченная разнообразием фантазия, Бог сделал её некрасивой и неуклюжей. И она вынуждена от всяческих врагов прятать голову под панцирь.

Что сделала изначально камбала, что Бог её сделал такой неповторимой? В одном из мифов говорится так: «Однажды Моисей жарил на очаге рыбу. Она поджарилась уже с одной стороны и стала коричневой, как вдруг огонь погас и топлива больше не было, чтобы дожарить другую сторону. В гневе Моисей бросил недожаренную

рыбу обратно в море, и там свершилось чудо: рыба ожила и уплыла... С тех пор появилась камбала, у которой всегда одна сторона, обращенная вверх, темная, а другая, направленная вниз, белая...»

Хотя, камбала, появляется из икринки в виде маленькой рыбки, малька, совершенно нормального строения. Оба глаза располагаются по бокам головы, рот совершенно прямой, её тело, вытянутое в длину, тонкое, равномерно сплющенное с обеих сторон. Все строение вполне симметрично.

Малёк камбалы плавает, как и другие мальки в верхних водных слоях моря, питаясь мелкими обитателями. Но приходит время, когда рыбу начинают какие-то силы уродовать, крутить и изменять до той уродливости и неповторимости, какой она становится. Изменяется при этом и образ жизни, рыба опускается на дно, ложится на правый или на левый бок и почти перестает передвигаться. И лишь изредка меняет место своей дислокации волнообразными движениями своего тела. Лежащая же на дне камбала мало приметна и казалось, что вся жизнь, что происходит вокруг неё, ей безразлична.

Вот примерно с таким настроем проходит весь третий год моей службы. Я никогда не был пофигистом и вдруг стал, я не был равнодушен к тому, что происходит со мной и вокруг меня и таковым стал. Сказать, что я пал духом — не скажу, но изменения, произошедшие во мне или со мной, были глобальные. Нет, неурядицы и временные неудачи в службе, не сломили во мне внутренний стержень, духовно я был по-прежнему силён, но морально сильно подавлен комплексом обстоятельств.

Для исправления положения недостаточно было, как раньше, просто взяться, поставить цели и доказать всем, что я могу, я достоин большего, чем обо мне думают или говорят. Я решил просто отлежаться, как это делает израненный зверь, волк забирается в непролазную чащу свое-

го логова и зализывает свои раны. Физически я был здоров и в форме, мог, как и раньше переносить перегрузки, пусть не равные «три джи», но, однозначно, высокие. А вот духовные силы были истощены основательно, а причина их в большей степени не внешняя, а самобичевание и самоедство.

Казалось бы, то, что произошло, уже не исправишь возвратом ситуации на изначальную стартовую позицию, а нужно было от финиша теперь уже на следующем этапе не бежать по гаревой дорожке, а проламывать себе тропу через неизведанные дебри. Я подпитывал себя духовно, читая запоем книги, где были правильные герои и, в большинстве своем, даже слишком. Мне даже не верилось, что такие правильные могут в наше время быть. Хотя, если вспомнить, что события, описанные в романе и герои были из поколения наших отцов, то всё становилось на места свои.

Хотел я на них походить? Не всегда и не во всём. Но мне была интересна дальнейшая судьба героев романа, может быть даже больше, чем моя собственная, от которой я, по большому счёту только ждал мая месяца следующего года.

Что меня ждало впереди за этот год описать довольно сложно и события, хоть и не броские внешне, но разнообразные и расталкивающие меня, не давая полностью зарыться в придонный ил. Если характеризовать это время с помощью привычной в моих рассуждениях синусоиды, то она практически не выходила, не только на апогей ни в «плюсе», ни в «минусе», а шла стабильно приближенная к нулю. Можно было бы сказать, что штиль на море — это замечательно. Я с этим не согласен. Так хочется взмахнуть боковыми плавниками, чтобы струсить с себя, собравшийся за долгое время неподвижного лежания ил и песок.

Когда моряка называют «Морским волком», подразумевают опытного и бывало моряка, никто не задумывается

о том, что он при этом не шерстью должен быть с ног до головы обросшим, а..., догадались, нет? Ну это же просто, как раз, два, три. Конечно, он должен быть обросшим ракушками, морскими мелкими моллюсками и при этом, обязательным условием должно быть то, что ни на спине, ни на груди от них места свободного не должно остаться. Представили? Вот какой он страшный, этот «Морской волк».

И вы, конечно, размечтались, что для этого необходимо, чтобы тело просто просолилось морской солёной водой и ракушки, как грибы на грибницах попрут с неопишуемой силой изготавливать вам живой «панцирь». Вот и не угадали. Корабль у пристани обрастает такими моллюсками куда быстрее, чем в море, где, даже если представить, что они приблизились к корпусу на близкое расстояние, могут быть просто рамазаны ударами стихии о борт. А вот неподвижная камбала — это то, что нужно для создания автономного ареала для их обитания и размножения.

Но обрести полный покой, как камбале, так и мне не позволяла необходимость исполнять должностные обязанности, как заступающего на вахту, так и исполняющего обязанности командира отделения. К тому же, даже уединение не помогает, а скорее всего наоборот, заставляет думать о том и о той, которая стала дорога моему сердцу и душа от этого стонала и рвалась, как птица, посаженная в клетку, на волю.

Потребность в свиданиях превышала возможность дважды и даже трижды в неделю увольняться на берег, при благоприятной обстановке и имеющейся возможности. А возможность всегда появлялась с желанием, коли нет запрета. Но и запрет на увольнения не становился камнем преткновения на пути достижения цели. Проще говоря, ничто меня не могло удержать от соблазна само-волки.

И как говорится, «аппетит приходит во время еды», а потому утоления желаний, как жажды не происходило, а чаще всего лишь усиливалось. И в виду того, что мой духовный мир был истощен сильно, мне, как вампиру нужна была новая свежая порция крови. Иринка подходила в качестве добровольной жертвы прекрасно.

Таким образом за осень, к ноябрьским праздникам я уже имел третий срок ареста с отбыванием на гауптвахте, очередные 7 суток в канун Великого Ноября. А было время, когда в праздничных приказах были поощрения за хорошую службу. Что это? Кто-то сглазил, что меня испортило или я таким и был, а прикрывался маской хорошего и послушного?

Думаю, что это в большей степени диктовалось тем, что мне шёл 23 год, самые лучшие молодые годы, когда человек влюбляется, проводит каждый вечер с любимым человеком, а порой и всю ночь, а мне служить и при том ещё и не тужить остаётся. Мне часто вспоминаются слова той молоденькой девчонки, которая отшила меня в отпуске на танцах словами «Дядя, я не танцую». Я, что уже стар? Я же еще и жить не жил и уже самые лучшие молодые годы позади?!

Нет уж, нужно наверстывать упущенное, твердил я в очередной раз, продумывая план самоволки. Всё чаще местом встречи был не наш посёлок, не Болдерая, а Старая и добрая Рига. Я уже изучил её узкие улочки лучше, чем улицы родного Ростова.

И как говорится, «сколько верёвочке не виться, а край всё равно будет». Я сидел и, как опытный «губарь» вшивал сигареты во швы шинели. Выбор шинели был продиктован по двум причинам. Во-первых, с 1 ноября мы переходили на форму одежды с ношением шинели вместо бушлата. Во-вторых, в холодных камерах «губы» шинель лучше спасала от холода, чем бушлат. В-третьих, в ней было больше всевозможных шхер, куда можно бы-

ло прятать сигареты и спички. Это самое главное, что за-
прещалось и от этого безумно хотелось, курить.

В конце ноября пришла разнарядка, согласно кото-
рой от каждой команды нужно было выделить по одному
человеку в командировку. Я очень сильно просился, что
видимо командование поняло, если не отпустить, то
и тут с меня дела не будет. Тем более, я уже к тому време-
ни был годком. Весенне-летний период обучения с отра-
боткой учебных задач на лодке завершен. А бегать в каче-
стве швартовой команды, при штормовой готовности,
это давно не моя обязанность, много молодых матросов
и старшин, кому нужно учиться и служить.

Командировка была в старинный средневековый го-
род Цесис. Мы должны были оказать помощь в быстрей-
шем пуске в строй Западной машиноиспытательной
станции, строящейся здесь. Конечно же, состав коман-
дировочных был таков, чтобы и было кому работать,
примерно в соотношении 2:1. Два тех, кому ещё положе-
но работать и один, как я, которому уже необходим от-
дых в экзотическом старинном городке.

Довольно быстро я познакомился с девушкой и время
проходило интересно и насыщенно разнообразными со-
бытиями. Мичман, который у нас был старшим, доверил
нам, «годкам» следить за порядком и уехал домой в Ригу.
Мы, действительно поддерживали требуемый порядок.
Те, кому нужно было трудиться на объектах за себя и то-
го парня.

Вечерами мы посещали пивбар «Гауя», а потом, если
было желание и время, гуляли по городу. Я даже успел
провести одну ночь в камере «губы» на территории воин-
ской части связистов, единственной, размещенной
в этом городке. Когда мы вышли из пивной и заметили
патруль, я решил отвлечь их на себя, а своего товарища,
тёзку, который прослужил всего полтора года, направил
в противоположном направлении.

А произошло всё неожиданно. Нам нужно было что-то узнать. По улице шел пожилой мужчина и посчитав, что это лучше у него спросить, чем у женщины, которая может себе чего-нибудь домыслить, мы обратились с просьбой объяснить, как нам пройти к старому замку.

Тот делал вид, что не может нас понять, а когда мы почти поравнялись со стоявшим на тротуаре патрулём, резко рванул к ним, громко крича:

— Держите моряков! Они хотели меня обокрасть.

Саня, как я и сказал бросился назад, а я, прописав перед патрулём полукруг «почёта» побежал в ту сторону, куда мы и направлялись. Днем мне не приходилось ещё гулять по городу и знал его не очень, а потому это меня и подвело. Я решил, что мне так не уйти по улице, тем более что с ними был военный автомобиль УАЗ-469, который развернулся и двигался в нашу сторону, быстро нагоняя. И тут я решился забежать во двор, думая уйти тёмными дворами. Кто же мог знать, что в Прибалтике, да ещё в старых городах, многие дома строили впритык и двор получался, как мешок.

Тут я и попался. Выхода не было, и я повернулся к патрулю. Лейтенант держал руку на кобуре, сказал зло-радно:

— Попался морячок! Хочешь бежать? Беги! Ты же знаешь, я буду вынужден применить оружие.

— Какое оружие, а-то я не знаю, что вы туда сложи-ли — рюмку, огурец и семечки вместо патронов.

— Ну, так беги! Посмотрим, какие у меня тут семечки.

Подбежали караульные и стали заламывать руки.

— Бросьте. Не буду я убегать. Ничего преступного не совершил.

— Разберёмся.

УАЗ ждал нас у подъезда во двор.

Время было позднее. В ихней дежурной части с меня сняли показания. По поводу мужика, благодаря которо-

му я и попал сюда, дежурный сказал, что, скорее всего это и есть один из тех, которые специально прогуливаясь, привлекают внимание, чаще всего гостям города предлагает, если есть желание воспользоваться интим-услугами. Он сообщает, что знает где можно ими воспользоваться. Приводит к себе домой, как бы к женщине, оказывающей услуги, а на самом деле это его жена. Затем вызывает или угрожает вызовом милиции и шантажирует несостоявшихся «клиентов».

Я дал телефон, как я сказал старшего, указал фамилию старшины первой статьи, с которым были одного года призыва и в хороших отношениях. Дежурный обещал с утра позвонить.

Мне предстояло провести бессонную ночь, практически на улице. У них было две камеры, одна напротив другой, между ними коридор, а вернее проход без крыши и дверей. В дверях вместо окна был проём размером примерно 40х40 см и, естественно без стекла. Если в середине декабря температура на улице была не выше — 15⁰, то в камере в лучшем случае градуса на три выше и то, потому что я надышал.

Лежать на голых нарах было небезопасно, можно было просто задохнуться. И я занялся физзарядкой, прыгал, приседал, делал различные упражнения, чтобы разогнать кровь.

Примерно через полчаса загремел засов соседней камеры. Оказывается, Саня, заблудился и не успел на наш автобус, потому и сел на остановке, где его и подобрал патрульный УАЗ. Не повезло парню. А я-то уже думал, что он в теплой кровати на втором этаже, где нас разместили в «красном уголке» МИС.

Утром приехал «годок» и после того, как я подмигнул, а потом сделал виноватое лицо и опустил глаза, он всё понял. Серега понёс меня на чём свет стоит прям там, в дежурке, а Сане и притворяться не нужно было, он

и взаправду принял, что, как приедем на место, нам так влетит, что «чертям будет жарко».

Дежурный начал успокаивать разошедшегося старшину:

— Ну эти воспитательные меры вы им на месте предоставите. А сейчас я хочу обратить внимание, — и он указал на плакат с формами одежды, — вот смотрите, вы же в декабре должны перейти на ношение шинелей и шапок. А у вас у всех бушлаты и бескозырки.

— Интендантская служба виновата, не подвезли. Спасибо вам! Я ими дома займусь. Гальюн будут у меня неделю драить.

— Вот-вот, накажите. И пусть не нарушают больше форму одежды.

С Наташкой Корольковой, с которой я познакомился, мы встречались после того, как у неё заканчивалась смена. Она работала почтальоном, а жила в п. Лиєпа. Когда она не успевала на последний автобус, оставалась у меня. Я брал ключ с рабочего вагончика, где был электрический нагреватель, и мы кантовали там длинные декабрьские ночи.

Однажды мы поссорились, Наташа ушла через лес домой, так как автобусы уже не ходили. Расстояние около 6 км. Я потом себя, конечно, клял, что позволил девушке ночью уйти одной, да ещё через ночь. Она же простыла и заболела. Я этого не знал и как самовлюблённый нарцисс, даже не звонил, считая себя правым в споре, как обычно, начавшегося из ничего.

В очередной раз, посидев пару часов в пивбаре, приняв на грудь изрядное количество ликера сверху пива «Рижское», решил просто прогуляться в сторону загадочного старого замка.

Идя привычным путем и уже подходя к стенам средневекового замка с толстыми полутораметровыми стенами, заметил в нише стены тень. Кто может быть в такое время, да ещё и зимой в такой исторической глуши? Подойдя ближе, я глазам не поверил, девушка. Лунный свет отражал от её яркой губной помады блеск улыбки.

— Девушка, вы, бесспорно, Ассоль, и ждете меня. Не так ли?!

— Вполне возможно, если вы есть мой принц, которого я так долго жду.

— О, прекрасная незнакомка, я готов прямо сейчас взять вас в жены.

— Я думала, что вы скажете «взять меня силой»...

— Как можно? Моряк ребёнка никогда не обидит, прекрасное такое вот создание, как можно?

— Я вам могу предложить свою руку? — с этими словами я подал девушке руку, так как от стен начиналась довольно пологий спуск и с учётом снега, который полностью успел покрыть землю, можно было легко поскользнуться и скатиться кубарем вниз.

— О, вы настоящий Грэй! — восторженно ответила девушка, подавая мне руку.

Рука была без перчатки и очень холодная.

— Давайте вторую руку, я их отопрею, — при этом растегнул пару пуговиц бушлата, — просовывайте, не укушу.

Мы постояли так у подножья к замку минут пять, смотря в глаза друг другу. Я осторожно начал прижимать девушки к себе.

— Не торопись, моряк. Нужно делать всё по закону. Ты женишься на мне?

— Конечно, зачем вопросы.

— Ну, вот. Значит нам нужно благословение родителей, у меня здесь недалеко живут крестные родители. Попросишь у них моей руки, если желаешь, а я благословения. Ну, что, не трусишь? Не передумал?

— Я?! Русский моряк и трусить? Идём.

Мы спустились по улице ещё ниже и пошли вправо, в сторону противоположную той, откуда я пришёл. И действительно, пройдя пару кварталов, зашли в частный домик. Девушка лишь постучала, прежде открыв дверь и окликнула:

— Вы дома? Можно войти? Я не одна.

— Добрым людям всегда рады, — отозвался хозяин, — входите гости дорогие.

Мне казалось, что я сплю и потому, машинально ущипнул себя за кожу кисти руки, ощутив боль, успокоился, но не переставал удивляться тому, что происходило.

Мы вошли. Хозяину на вид было лет тридцать или даже меньше, его звали Виктор, его жене, которая представилась, как Илга, была от мужа года на три-четыре моложе. Видимо они недавно ужинали, что на столе оставались ещё закуски.

— Пройдите пока в эту комнату, — пригласила хозяйка, — сейчас стол накроем, и я вас покормлю.

«Создали людям хлопот» — подумал я, — «хотя идея же не моя, а...», — только сейчас я понял, что не познакомился с милой девушкой, у которой вот сейчас буду руку просить. «Вот это да. Что же делать? Как-нибудь разрулится, надеюсь, само по себе».

Но всё равно это не дело. Пока хозяева хлопотали на кухне, я спросил:

— Красотка, а как настоящее твоё имя, я же не буду у твоих крёстных родителей руки Ассоль просить?

Девушка закатилась смехом, потом успокоилась и ответила:

— И правда, не познакомились по-настоящему. Я — Таня. А ты?

— Саша. Очень приятно, прекрасная Татьяна.

— Взаимно.

— Идите к столу! — позвала хозяйка.

— Папа и мама, — обратилась Таня к хозяевам, когда мы вошли, мой молодой человек хочет что-то вам сказать.

— Так пусть говорит. Язык-то есть.

— Простите, я в такой ситуации впервые..., — не знал с чего начать и это не удивительно, не так часто приходится быть в таком положении, если ничего не сказать

— Ух, если бы был не впервые, — пригрозила Таня мне маленьким сжатым кулачком.

— Я хочу просить руку и сердце вашей дочери, крёстной дочери Татьяны.

Гробовая тишина. После чего первый пришёл в себя хозяин, Виктор:

— Дело хорошее, конечно. А сколько вы уже знакомы с Таней?

— Давно, уже сорок минут, — ответил я, посмотрев на часы.

Все рассмеялись.

— Да, это срок большой. И намерения серьёзные? — продолжил расспрос хозяин.

— Да я её всю жизнь искал, вот случайно зашли в Гаюю, от шторма укрыться и вот такая роковая встреча.

— Что ты скажешь, доченька? — спросил крёстный отец.

— Папа, это тот, которого я ждала так долго, это судьба, любовь с первого взгляда. Мама, благослови нас.

Таня стала на колено перед сидевшей и молчавшей Илгой.

— Дитя моё, я желаю тебе только счастья. Пусть у вашей сказки будет счастливый конец. И, коли я приняла веру православную, то благословение вы получите с образом Иконы Казанской Божьей Матери.

— Благословляю вас, дети мои. Живите долго и счастливо. Целуйте икону.

Я не верил своим глазам. Это слишком сказочно, чтобы быть правдой, но это так и было. И было трудно сказать, была это подыграно и импровизировано, как шутка или всё так серьезно? Мне хотелось выйти на улицу, чтобы со всего маха окунуть голову в снег и не вынимать её оттуда, пока не дождусь шипения, как от металла, разогретого в кузнечном горне до красна и опущенного в воду.

— Дети, к столу.

Выходя из зала, я заметил на полочке макет подводной лодки «Буки» 641 проекта. И когда мы сели за стол с обновленной сервировкой на четыре персоны, я не выдержал и спросил, то, что меня волновало:

— Братишка, ты подводником служил?

— Да, на Севере, Оленью Губу слышал? На 641 проекте, штурманским был электриком.

— А ты братишка где и на чём?

— Я тоже на «Буки», только 611 проекта. Кстати, она к нам с Севера пришла. Может и у вас была, не знаю точно, кажется из Грехихи на Балтику перебазировали. Моторист, командир отделения.

— Вон оно как, «гора с горой не сходится, а человек с человеком всегда сойдётся». А, что же лычек не вижу или с чужого плеча бушлат?

— Да у меня их и нет больше. Так получилось, длинная история.

— Ну, что, предлагаю выпить за молодых, — предложил хозяин, — что будем, водку, ликер, вино?

— Я бы, пожалуй, ликера выпил. Вот до службы, да вообще до Цесиса понятия не имел, что такое ликер. А тут начал привыкать.

— Я винца немного, ладно, за компанию, тоже ликёра наливай, — игриво ответила, придвигая бокал для розлива.

Мы сидели часа два. Да, разве счастливые время за мечают. Нам было хорошо. Потом хозяину захотелось

над нами пошутить, он бросил в рюмку крошку, выпивая, достал из недопитой рюмки и произнёс: «Горько! Дети, горько!»

Я посмотрел на Таню, она улыбалась. Я наклонился к ней, она ко мне. Мы поцеловались и поцелуй был такой сладкий, толи от девичьих губ, толи от ликёра на них. Но мне очень понравилось. Да и кому, скажите, не понравится целовать молодую симпатичную, чтоб не сказать больше, девушку.

Меня в тепле быстро развозило, сказалось и то, что уже было во мне и то, что мы продолжали вливать в себя уже в чисто мужской компании. Время приближалось к тому, когда в наш посёлок, где мы базировались отходил последний автобус.

Я засуетился собираться. С трудом находил свои вещи в чужой квартире. Начал прощаться:

— Мне пора. Иначе опоздаю, а пешком до утра топать.

— Так оставайся. Мы Таню всё равно уже никуда не отпустим, поздно. Оставайся. Найдем место, где переночевать, предложила гостеприимная хозяйка.

— Спасибо! Меня могут кинуться, что пропал.

— Ты завтра приходи. Запомнил дорогу? — спросила Таня, — я тебя у родителей буду ждать.

— Да, должен. Я по следам от замка пойду и найду, — неуверенно ответил на вопрос, который тяжело осознавался или вообще осознать не представлялось возможным, из-за тумана в голове.

Виктор, спросив, где на автобус садиться, объяснил, как лучше и быстрее дойти туда, не плутая, как ищейка по следу. Мы простились, я поцеловал свою молодую «жену» и пошёл на службу. Точно, средневековые какое-то, получается.

Я шёл и улыбался. Так замечательно, сказочно провёл время. Но главного я никак не мог понять, «а что это было?»

Нет, но ведь так в жизни не бывает, но и на сказку-то совсем не похоже, люди-то реальные. Ну почему я не попросил адрес или, если есть номер телефона записать. Найду я завтра этот гостеприимный домик или нет? Но сейчас не об этом нужно было думать, а о том, чтобы успеть на автобус.

Я шёл по пустынной улице рассуждал, уже появились знакомые строения. Вот тут уже найду дорогу. Прямо на дороге стоял автобус, большой, «Икарус». В нём горел свет и никого не было видно. Я знал, что к нам в посёлок, где располагалась МИС такие-то точно, не ходили. Это автобус междугороднего сообщения, как минимум.

Я вошёл в открытую дверь. Никого. Окликнул. Откуда-то из-под автобуса отозвался человек:

— Что ты хотел? Автобус сломался.

— Да я думал, что вы в сторону Валмиера поедете.

— Нет. Не скоро и в лучшем случае, как сделаю, в Ригу.

— Вам помочь? Я без пяти минут инженер, в технике разбираюсь. Помню, что тут двигатель под полом на боку лежит, так?

— Да, так. Раз решил помочь, чтобы я не вылезал подай мне ключ накидной на 14 и рожковый на 12.

Я подал и остался наблюдать, как водитель ремонтировал, хотя мне было плохо видно, а падать на сырой снег не хотелось.

— А ты морячок? Что тут забыл, здесь же моря нет.

— Да, в командировке на МИС, машиноиспытательной станции. Вот туда собрался ехать, да видимо уже опоздал.

— Понятно. Ну я скоро закончу, могу до развилки на посёлок довести, мне дальше направо, в Ригу, а тебе километра три всего, можно и пешком, при желании дойти.

Водитель выбрался из-под автобуса, достал настил и смотал переноску, загрузил инструмент и всё, что ис-

пользовал для устранения неисправностей в открытое отделение багажника, опустил крышку и повернув специальным ключом, закрыв его, вошёл внутрь салона.

— Ты едешь? — спросил он у меня, замешкавшегося в ожидании водителя.

— Еду, конечно.

Усевшись в удобное кресло вблизи от водителя на месте сменного, как я понимаю, ощутил такую естественную благодать. Время перекатилось вместе с лунным диском в положение за полночь. Дорога, естественно, была в такое время суток свободна от транспорта.

Когда водитель доехал до перекрестка, где наши дороги расходились, мне в голову пришла, как всегда авантюрная мысль.

— Если вы не против, я с вами в Ригу поеду.

— Как хочешь. Но обратно не повезу.

— Спички есть?

Водитель подал зажигалку.

— А пепельница тут есть?

— Ну ты даешь, как в ресторане. Тут вообще не курят. Ну, ладно, на пол аккуратнo струшивай.

В салоне уже хорошо прогрелось, я расстегнул верхнюю пуговицу бушлата, отстегнул и спрятал «сопливчик» в карман. Закурил, получая при этом истинное удовольствие, из-за того, что до этого курил только в гостях и это было часа полтора назад.

Вспомнил события этого вечера, улыбнулся сам себе и подумал: «Как там моя жена? Без мужа спать легла. Небось, тоже не спит и думает обо мне. Ну, а о ком же ей ещё думать? Не каждый день же — вот так, как сегодня сватают.

А зачем я еду в Ригу? Только сейчас я понял, что выбор маршрута был сделан на подсознании, необдуманно и, в принципе, бесцельно, хотя... На уровне того же подсознания, которое мне подсказывало, что о тебе там ду-

мают, вспоминают, там, куда ты сейчас направился, хотя мыслями ещё там, где провёл памятный вечер. Конечно, я ехал в Ригу к Ирине.

Сознание моё было до сих пор туманное, хотя я был при памяти и всё помнил и всё делал без принуждения, но не уровне разумного, а на уровне потаённых желаний, толкающих меня на до конца необдуманно импровизированные по ходу изменения ситуации поступки. Вечерами я приезжал и не раз к Ирине в самоволке, но, чтобы приехать вот в таком состоянии, после того, что случилось несколько часов назад, но уже вчера, ранним утром и лишь для того, чтобы сказать: «Доброе утро, Иринка! Вот и я припёрся, а ты не ждала?!» Ну, ты и даёшь, парнишка.

Расстояние до Риги было около 100 км, но дорога была зимней и автобус, как я понял по скорости движения, не совсем исправен, а потому мы двигались с небольшой скоростью. Проехали Сигулду, а это примерно полпути до Риги. Я посмотрел на часы, что были расположены на месте водителя, они показывали без малого три часа.

Мне захотелось спать, но я знал, как вид спящего рядом человека действует на того, кто исполняет какие-то функциональные обязанности, где нужно повышенное внимание — это может вызвать ответную «компанейскую» реакцию поспать за компанию на пару. И потому боролся со сном, как только мог. А мог я предаться воспоминаниям и анализу ситуации.

Только сейчас вспомнил о Наталке. Как она там? Видимо я сильно обидел, но не хотел же. А случилось всё в тот день, когда... Но обо всём по порядку.

Куда влюблённым молодым людям деться в зимний вечер, да ещё в чужом городе? Правильно, некуда. Нужно идти к месту временного пристанища. А оно где? Ну как

где? Не в Карагаде же, в поселке Приекули, что рядом с г. Цесис. А, если ещё точнее, то в «красном уголке», что на втором этаже, как поднимешься наверх налево.

Моя «берлога» была на сцене вместе с ещё тремя «берлогами» «годков» здесь же. То, что мы были выше, чем все остальные, расположившиеся внизу, говорило уже о статусе касты, к тому же наши ложе могла, в случае необходимости и при отходе ко сну, прикрывали массивные шторы.

До сегодняшнего дня, а я вспоминаю день накануне нашей ссоры с Наташей, мы проводили большую часть вечера, когда хотели понежиться в тепле в рабочем вагончике. Все, конечно об этом знали. В один из вечеров, когда мы сняли верхнюю одежду, отогрелись после улицы включенным обогревателем и поцелуями, разнежались на нарах, в дверь требовательно кто забарабанил.

Я набросил бушлат, открыл дверь и вышел. Напротив двери стоял, согнувшись от холода Бата, как звали ефрейтора Санжакова, который нервно курил, прищурился и так узкие калмыцкие глаза.

— Слышь, Сань, делиться надо.

— Ты о чём, Бата?

— Ну, как о чём, ты же там с девушкой?! Давай делиться. От нее не убудет. Думаешь, только тебе хочется.

— Тебе прям сейчас в лоб дать или дать время подумать? Найди себе блядь и делай, что хочешь с ней и как хочешь, понял? И не дай, Бог, плохое слово услышу в присутствии или за глаза, не обижайся, — сердито, но без крика, чтобы не услышала Наталка, высказал, как плюнул в лицо, а хотелось в натуре это сделать.

— Нет, ну чего ты. Я же по-хорошему пришёл поговорить. Ну, нет, так нет. Я тут давно, замёрз уже, пустите?

— Ты, брат, совсем стыд потерял или у вас там на твоей средневековой родине так принято и-то сомневаюсь. Не зли меня, иди.

— Кто там? — спросила Наташа.

— Да, братва на второй ужин звали, я отказался. Или пойдём.

— Нет, не хочу. Иди ко мне, я замерзла, пока тебя не было и в дверь холод зашёл. Иди, согрей.

— Иду, иду! — сбросив бушлат.

Это было накануне, даже двумя днями раньше.

На второй день, вернее вечер, когда я встретил Наташку с работы, мы приехали в Приекули, сразу я предложил ей:

— Пойдём к нам в гости. Там всё покультурней, я тебе со своими братишками познакомлю.

— Зачем мне твои братишки, у меня ты есть. Неудобно, Саш. Что подумают обо мне, скажут, что стерва конченная.

— Пусть только кто скажет...

— Что побьёшь из-за меня? — усмехнулась Наташа.

— Нет, попробую словами убедить, что так не хорошо судить о девушке, которая пришла в гости не одна, а со своим парнем, с которым дружит..., а сколько мы с тобой дружим? Вот, уже скоро три недели.

— Ладно, но, если что, я сразу уйду, и ты меня не удерживай. Договорились?

— Договорились!

Мы вошли в «красный уголок», который даже через дверь напоминал улей, но, при появлении меня с девушкой, настала гробовая тишина.

— Добрый вечер! — нерешительно, из-за моего плеча произнесла Наташа.

Публика отозвалась разноголосыми, накладывающимися друг на друга приветствиями.

— Моя девушка, Наташа, если кто не знаком. Прошу любить по-братски и жаловать.

В «предбаннике» засуетились, начали убирать те вещи, которыми было неудобно встречать гостей, разве-

шенными после стирки носками и прочим, что портило впечатления и убранство сугубо мужского общежития. Мы прошли в «горницу», отодвинув штору. Двое из троих моих соседей просто дремали на раскладушках, третий чем-то занимался, сидя также на своей раскладушке. С мебелью у нас было скудно, если не сказать больше.

— Мы не помешаем? — тихо спросил я у, сделавшего круглые глаза, старшины 1-й статьи Сергея Тарасевича.

— Я пойду, покурю.

— Серёга, мы надолго, так что брат, не стесняйся, а мы постараемся не стеснить вас. Мы тут тихонько в уголочке посидим, поговорим. Тему тут вот недавно интересную подняли, «про любовь», дискутируем до хрипоты и потери чувств.

Серёга, заулыбался, вышел и задернул за собой штору. В «предбанники» слышались шушуканья.

— Приляг, отдохни. За день сколько улиц оббежала с тяжелой сумкой на плече. Кто это? «Это он, это он, с города Цесис почтальон» — это о тебе.

— Да не так же. Я помню стихи Маршака. Там так говорится:

Кто стучится в дверь ко мне
С толстой сумкой на ремне,
С цифрой 5 на медной бляшке,
В синей форменной фуражке?
Это он, это он,
Ленинградский почтальон.

...

— Потому ты и в почтальоны пошла?

— Да, нет. В институт не поступила, хотела врачом стать. Вот тут уже привыкла, мне нравится. До лета подумаю, если желание появится снова, буду готовиться

и пробовать поступить. Хотя, сомневаюсь, если сразу не получилось...

— Поступишь, если сильно захочешь.

Наташа лежала, я оберегал её сон. Когда подходило время провожать девушку на автобус, я предложил:

— Останешься со мной? Позвони маме, что у подруги заночуешь.

— Неудобно, ладно там, в вагончике, а тут...

— Всё нормально, мы тихонько, как мышки будем себя вести.

Выйдя покурить, я позвал «годков», с которым обустроился по соседству в «горнице» на сцене и спросил:

— Мужики, вам будет не совсем комфортно, но я хотел Наташу оставить здесь. Мы простышкой уголок завесим. Вы, как? Не в обиде?

— Бессонная ночь нам предстоит, но чем не пожертвуешь, ради морского братства, — за всех ответил Серёга, — ладно, Сань. Только вы же там не буйствуйте, без охов-вздохов, иначе я за всех ручаться не смогу.

— Хорошо, Серый! Спасибо вам, мужики!

Кто пользовался хоть раз в жизни раскладушками или алюминиевых трубок с пружинами и натянутого изначально, а со временем свисающего до пола брезентом, тот согласится, что эта такая галиматья. Короче, «не долго музыка играла, недолго фраер танцевал» и среди ночи на одной стороне трубка лопнула, и мы с грохотом оказались на полу. Ну не рассчитана эта вещь на двоих, да ещё буйных обладателей спального места.

Там и одному-то неудобно. Но нам было удобно спать в «два яруса». Наташа, довольно миниатюрная девушка не создавала особого давления на мою грудь и все члены, расположенные под ней, а лишь получал удовольствие, коим я, конечно же пользовался. А после «аварии» пришлось найти кирпич, книги и всё, что под руки попадет-

ся, чтобы восстановить наше ложе. К утру счастливые утомонились.

— Саня, на завтрак пойдёте, — шепотом спросил мой сосед за ширмой из простыни.

— Ой, не хочется идти. Если можно, что-нибудь вкусненького, булочек и ещё чего принесите. Я спать.

Когда ночь в очередной раз оказалась бессонной, утром так хочется поспать, спасу нет. Но я проснулся от громкого шороха штор на сцене. Через завешенную простынь увидел приближающийся силуэт. «Кто это? — подумал я, — все только в столовую ушли».

От резкого рывка, наспех пристроенная завеса упала и перед нами стоял мичман Зарубин, старший нашего сборного трудового отряда командировочных моряков. От увиденного у него челюсть отвисла. Он с трудом собрался, чтобы спросить:

— А это что так-к-кое? Одевайся. Выйдешь, мне нужно с тобой поговорить.

— Всё нормально, Наташа. Одевайся. Я сейчас. Всё будет хорошо, поверь.

Состоялся разговор, который, в принципе решил дальнейшее мое пребывание здесь после Нового года. Планировалось, что мы на новогодние праздники должны были уехать в часть, а после Нового года, числа третьего возвращались снова сюда. Кроме того, пока ещё об этом никто не сказал мичману, для него это был средней степени шок. Но кто-то успел проболтаться, что я тут и в комендатуре отметил. Видимо, мичман оставлял всё-таки стукача. И появление сегодня именно мичмана могло быть не случайным. Он мог «стукачу» оставить домашний номер телефона и тот, не упустил возможность «прогнуться». Да, Бог, с ним, со «стукачом». Главное, что моя, почти курортная жизнь скоро заканчивалась.

Вот после всего этого, когда вечером, Наташа, всё-таки приехала ко мне после работы и мы провели хорошо

вечер. Я умышленно обманул её, когда она интересовалась временем, убавив один час. Делал я это умышленно, чтобы и сегодня она провела эту незабываемую ночь со мной. Она не знала, что моя командировка подходит к концу, а значит и нашим отношениям тоже приходит закономерный конец, за исключением возможности переписываться, конечно.

Когда Наташа узнала всё-таки правильное время, было уже поздно и от этого она сильно на меня обиделась и отговорки, что я со временем ошибся не возымели должной реакции. Мы стояли на первом этаже конторы МИС у окна, смотрели на заснеженные ели у входа в здание. Наташа рвалась уходить пешком, а я принимал все меры и способы уговора, чтобы осталась. Но она на этот раз была не поддающейся на уговоры. И вырвавшись из моих объятий, не поворачиваясь выбежала на улицу и растворилась в темноте.

Мне пока пришло в голову, какая опасность может подстергать девушку в лесу, да ещё и в таком возбужденном состоянии, было уже поздно. Если бы хоть знал туда дорогу, смог бы минут за двадцать- тридцать догнать. Хоть бы раз я провожал её по заснеженной лесной тропе. Никогда и в голову не пришло. Сейчас казнил себя, но было поздно.

Утром я позвонил ей на работу, но мне ответили, что Наташи нет на работе, она заболела, дома, её подменяют. Слава Богу, что она хотя бы дома и самые тяжкие мысли отлегли.

Мы подъезжали к окраинным районам Риги. Улица Бривибас начиналась с северо-восточной окраины Риги сразу за Видземским шоссе. Мы проехали по мосту на границе двух озёр, между Юглас и Кишезерс. Сейчас было темно, но я вспомнил, как мы ехали днем из Риги

в Цесис. Вот, если бы летом побывать здесь, тут красиво должно быть, озёра, лесопарк.

— Югла — крайний район Риги, — увидев, как я внимательно всматриваюсь в ветровое стекло автобуса, сказал водитель, — а тебе в центр?

— Как вы сказали, Югла?! Вот куда мне нужно, вот куда я хотел попасть, но не знал, где она эта Югла.

— Что-то или кого-то вспомнил?

— Да, вспомнил. Тут девушка моя живет. — Сказав это, я заулыбался. Вот соберутся все мои девушки, да как намнут мне бока. Ох, доиграюсь я в Дон-Жуана когда-то.

Я назвал улицу и даже дом, вспомнив адрес Алёнки, моей знакомой, с которой свела судьба в том же «матросском клубу» на танцах во время увольнений. Я ей тоже писал письма и встречался, а теперь совсем забыл.

— Не знаете где это? Если можно высадите где-нибудь поближе.

— Где-то здесь. Но, если что, спросишь. Тут и автобус, и трамвай ходит, да и посёлок не такой большой, найдёшь.

— Спасибо вам! Вы меня простите, если чё. Счастливого пути! — выходя я пожелал водителю.

Меня сразу обдало свежим морозным воздухом балтийского декабря. Здесь из сырости с моря, холод казался в разы сильнее, чем в другой местности с меньшей влажностью. Полез в карман за сигаретами, достал начатую пачку сигарет «Vesīga». «Так у меня же спичек нет!» — вспомнил я. Но пошарив лучше в карманах, нашёл зажигалку водителя: «Ещё подумает, что спёр», — подумал я и пошёл в направлении перекрестка. Водитель не ошибся, «ювелирно» меня доставил на место. Спасибо ему за это.

Оставалось разобраться с номерами домов, я свернул налево и стал глядываться в номера, прикреплённые на домах. Вот и тот, куда я отправлял письма. В доме го-

рит уже свет. Сколько время, интересно. Думаю, что близко к пяти утра. Может быть свет на ночь просто не тушили. Покрутился, прошёлся взад и вперёд, в соседних домах было темно. Напротив, располагался каркас многоэтажного здания. Видимо, работы «заморозили» до весны. Интересно, что тут будет? А оно мне нужно?

Буду звонить, пошлют — значит пойду. А вдруг и не пошлют. Выждав после первого звонка около минуты, позвонил продолжительным нажатием на звонок повторно. Минуты через две вышла женщина и грубовато спросила, да и кому понравятся ранние гости, да ещё и не званые:

— Что нужно. Время какое, знаешь?

— Извините, знаю. Я приехал к Алёне. Хочу увидеть, она тут должна проживать.

— Фамилии её как? У меня две Алёны проживают, одна из Псковской области, а другая из Белоруссии.

— Я к той, что из Белоруссии.

— Как назвать? Может она и не захочет выйти. Они только повставали, на смену на фабрику собираются.

— Скажите, Саша подводник, она знает.

— Это же чем тебя в такую рань занесло. Эх, молодёжь.

Хозяйка ушла, а я стал нервно ждать девушку, которую, к моему стыду начал забывать. Конечно, не забудешь тут, если вчера вечером жениться уже собрался, за сватал ту, которую день назад и знать не знал, а Наташка ещё дома сидит болеет. Нужно проведать, наверное, дня через три. «Ох и Камбала же ты, братец!» — сам себя обозвал я, так как рядом не было больше никого, кто бы знал о всех моих похождениях.

Вышла Алёнка, недоумевающая, как я мог оказаться тут, да ещё в такое время.

— Саша, ты? Как ты? Что случилось? Почему не написал, не передал, почему в такую рань? Ты убежал, в самоволке?

— Здравствуй, Алёнка! Успокойся. Я просто соскучился и решил тебя увидеть. Вот взял и приехал.

— Ага, рассказывай, взял и приехал, вольный казак мне нашёлся. Говори правду.

— Алёна, что мы перед окнами высвечиваемся. Пойдём отойдём вот туда на стройку, там и не дует и..., в общем, никто не будет подслушивать и подглядывать.

— Ладно, только мне же в первую смену на работу. Полчаса, не больше. Хорошо? А, если опоздаю, мне влетит.

— Хорошо, хорошо!

Мы зашли в дверной проём и остановились у стены. От уличного фонаря падал слабый свет, но и от него было видно, как горят глаза у этого юного создания, которая, в отличие от меня трудится, зарабатывает денежки, обеспечивает себя и приносит обществу пользу. И я, какая с меня польза сейчас, паразитирующий элемент, можно сказать. Таким элементам место на страницах журналов сатиры или стенгазет.

«Цигель, цигель, ай-лю-лю!» — только и пришло мне в голову, как вывод на то, что я думал до этого. Крепко обняв и прижав к себе, Алёнку, я начал поиск всех возможных изменений на её разруганном личике. Её пухленькие щёчки миловидного личика блестели от моих бесконечных лобзаний. Не выдержав длительной молчаливой атаки, Алёна, всё же отстранилась от меня и уже сердито спросила:

— Саша, что случилось? Ты куда-то влип?! Почему ты не говоришь правду, скажи, я буду переживать.

— Алёнка, некогда. Тебе скоро уходить. Я потом в письме напишу. Да не переживай ты, прошу. Всё хорошо.

Мы еще постояли минут десять.

— Мне пора. Если хочешь, обожди меня. Потом проводишь на работу, если время позволяет?

— Позволяет, ещё как позволяет, — заулыбался я в ответ.

Алёна ушла, я закурил и стал ожидать её возвращения. Она вышла с подружкой, что-то той сказала, и та пошла в ту сторону, откуда я пришел около часа назад. Потом она повернулась ко мне, заглянула в затуманенные глаза и произнесла:

— Пойдём? Мне пора на работу.

Мы вышли на ул. Бривибас. Я увидел название улицы и сказал:

— Не помню, где читал, но эта улица в 1812 году, была сожжена жителями, чтобы остановить продвижение Наполеона на восток, на Россию. Наполеон, в случае победы обещал передать Ригу Пруссии.

Алёнка смотрела на меня и улыбалась. Мы шли под руки друг с другом. Остановились на трамвайной остановке. Подъехал трамвайчик, и мы запрыгнули в него. Проехали немного и на конечной сошли.

— Вот моя работа, — Алёнка показала на рядом расположенные корпуса, — пока! Напишешь?!

— Пока, пока! Напишу.

После того, как я поцеловал Алёну, она отошла и сказала:

— Если тебе на автобус, то садись на трамвай и езжай на нём обратно до конца.

Я помахал ей рукой и воспользовался её советом. Сел в трамвай и задремал. Когда трамвай подъезжал к Старой Риге, все чаще в трамвай стали заходить военные и мне стало неудобно. Всё, что я мог сделать для того, чтобы обезопасить себя, это отдавать честь, чтобы не привлекать на себя вопросительные взгляды.

Часам к одиннадцати я благополучно прибыл в расположение нашего сборного строительного отряда. Конечно, кто-то уже сильно начал переживать, ждали звонка из комендатуры или, упаси, Господи, что и говорить

вслух не хочется. А кто-то в злорадстве потирал руки, были и такие, кому мои «залёты» были, что бальзам для души, завистников всегда и везде хватает и с такими о морском братстве разговоры бессмысленны.

Глава VI. «Губа»

Я отсыпался после приключений последних суток и не только. Сломанная раскладушка мне напоминала о Наташе, а опасное балансирование на грани очередного срыва, напомнили о пребывании моем на гауптвахте незадолго до командировки в Цесис, буквально, накануне ноябрьских праздников.

И эти воспоминания поочерёдно всплывали вперемешку с более приятными, видимо всё зависело от того на каком боку я лежал и какое полушария головного мозга более обильней снабжалось кровью с кислородом. Я на секунду даже представил человеческий мозг с корой головного мозга и той многочисленной информацией, что в ней хранится с гиросферой морского гироскомпаса. И этот шар гиросферы расположен в черепной коробке и погружен в житейские проблемы, как в морском гидрокомпасе в специальную жидкость из нескольких компонентов.

И вот я снова, но только в воспоминаниях, сижу и готовлюсь к «губе». Неопытные скажут, а чего в ней готовиться? Нет, не скажите, это целое искусство. Мне, уже как опытному «губарю» на подготовку ушло не меньше, чем полдня. Приходилось даже распарывать швы и делать модернизацию с расширением потайных мест. В эту распоротые предварительно места шинели было вшито больше пачки сигарет, спички и небольшие кусочки от спичечных коробков с серой, для поджигания спичек.

Главное, что доставало на «губе» — это недостаток или отсутствие сигарет и холод в камерах, который тоже сильно выматывал необходимостью ночами меньше спать. А больше двигаться, выполняя для согрева упражнения. Эбе эти проблемы в значительной степени решала шинель, она и согревала, а потому старались брать уставную длинную шинель, а также она была своеобразным хранилищем для сигарет.

Кому-то было не понять то, что для меня даже время, проводимое на «губе», было разнообразием в жизни, встряской и скачком амплитуды синусоиды, хоть и в мигнус, но не в жизненном штиле, как до этого.

Начальник гауптвахты встречал меня уже, как родного. Комната, где проводился осмотр и шмон военнослужащих, доставленных для отбывания назначенного срока, находилась на втором этаже над караульными помещениями.

Капитан имел привычку шутить и юмор был часто «чёрный». Так, к примеру, когда нужно было сдавать брючные ремни, он говорил:

— Ну, если кто не хочет сдавать и не надо. Вешайтесь. Спишем, как утиль и заодно пирожочков горячих поедим, с ливером.

Действовало убедительно. Кто не знал, особенно «деды», которым оставалось служить несколько месяцев, недель или даже дней, старались отрастить побольше волос. Ведь тогда, в отличие современной молодежи, в моде были длинные волосы. Хоть в армии или на флоте такие отпустить никто не позволил бы, как на гражданке, но на 3—4 сантиметра, а порой и длиннее волосы можно было отпустить. Но это в части, а тут всё строже.

Я знал это и заранее, готовясь, подстригся покороче. Кто же решил, что он уже «дед», ждало разочарование. Происходило это так. Капитан, осмотрев, по очереди предлагал заросшему солдату, а их было всегда тут 95%

из ста, а остальное моряки, присесть на табурет. Иначе говоря, мне везло, если совместно со мной ещё кто-то «тянул лямку» из братишек. Было веселей. Когда тот садился, другому, рядом стоящему предлагалось брать машинку для стрижки и стричь.

— Я не умею. Никогда не стриг.

— Хорошо, — говорил спокойно капитан, — ты вставай, а ты садись на его место. Стриги.

Первый «дед» тоже шёл «в отказ».

— Ну и что вы мне предлагаете до полночи процесс приема арестованных растянуть.

Проведя глазами по строю в одну шеренгу, увидев меня, обрадовавшись, произнёс:

— Как я рад! Вот кто умеет. Матрос Ивашенко, сможешь, надеюсь?

— Так точно! — без раздумья отвечал я.

После этого я брал машинку и заезжал со лба и до затылка. Сержант, «дед» схватил меня за руку, на глазах появились слёзы, умолял словами:

— Не нужно! У меня дембель на носу. Только не налысо!

— Мы твой нос и не трогаем, там, где дембель пристроился. Отставить, сержант! Или ты хочешь прям здесь трое суток «ДП» получить? — пригрозил капитан.

После этого все стригли друг друга без оговорок. Никому не хотелось совсем лишиться волос, если был изначально коротко подстрижен.

Помощник начальника гауптвахты, звали его Андрей, был младший сержант, в принципе адекватный человек, на должности писаря. Он мог в отсутствие начальника решать многие вопросы, те, которые были в наших интересах. У него было особое отношение к морячкам, видимо он был хорошо осведомлён, какие тут учения проводили мы и, не дай Бог ему самому испытать это на своей «шкуре».

Начальник гауптвахты категорически запретил, чтобы в одну группу «губарей», были включены одновременно два матроса. Он говорил всегда: «Два матроса способны организовать бунт на корабле». И пока капитан был на месте, писарь выполнял указания. Но стоило ему отлучиться, тут уже мы, служивые в чёрных бушлатах или шинелях начинали диктовать наши условия. И на этот раз, нас было двое из ВМФ, и всегда он нас записывал в одну бригаду на работы.

До того, как приезжали «покупатели», заказавшие рабочую силу, нас выводили на небольшой плац во дворе и заставляли маршировать, но так, чтобы носочек вытянут был, и нога поднималась не ниже уровня пояса. Хорошо, когда «покупатели» приезжали с утра, без задержки иначе, ноги горели от муштры. Потому-то я в первую отсидку и получил «ДП», послав конвоира, когда тот заставлял «ногу выше, ногу выше», а тот возьми и пожалуйся.

Когда выезжали на работы — это было самое замечательное, что есть на «губе». Во-первых, мы знакомились с новыми местами Риги. Работа чаще всего была на воздухе и никакой «штурмовщины» не было. Работодатели, как правило, кормили нас на месте, хоть и не полноценным обедом, но голодными не были.

Однажды нам подфартило наводить шмон в доме офицеров. Там состоялся накануне какой-то значимый сабантуй и бардак был ошутимый и не только в зале, где стояли столики. И нам заодно нам нужно было освободить буфет от горы ящиков с пустыми бутылками. Но то, что они все будут пусты до доньшка мы сразу не поверили. Так оно и было. В этой бутылке рюмка водки осталась недопитой, а в другой грамм 50 коньяка. Из нас четверых, направленных на работу, «дегустацию» проводили только двое, я и рядовой стройбата Вася.

Приехали мы с работы навеселе, но предприняли все меры, чтобы нас не «рассекретили». К тому же, там нам удалось пополнить запасы сигарет.

Что касается Васи из строительных войск, то из трёх раз, дважды мне пришлось «лямку тянуть» одновременно с ним. Он был намного старше меня, года на четыре, а из-за худобы и небритости быстро растущей щетины, ещё старше казался. Вася был из Полтавской области с интересным разговором на русско-украинском суржике. Очень смешно воспринимались даже его рассказы о серьезных вещах.

Василий всё время молчал и это было необычно. Все «губари» знакомились, рассказывали друг другу свои истории, как «загудели» на «губу». Меня больше всего интересовало, почему, на вид дед, а не по статусу старослужащего в таком возрасте служит срочную службу. Ему можно было дать от 35 до 40 лет из-за изрезанного морщинами лица, смуглую кожу, ощущение постоянной небритости. Оказывается, как я потом уже узнал, есть молодые люди, которые бреются один раз в два-три дня, а есть такие, как Вася, которым нужно дважды в день бриться, утром и вечером.

Он долго не шёл на контакт, но поняв, что я не издёвки ради интересуюсь, а из самых добрых намерений и не потому, что попросил писаря записать на хорошую, не пыльную работу, а чтобы ещё в эту бригаду включил Василия Остапенко. И когда мы сели на перекур, я достал из своей «нычки» две половинки сигарет, одну дал Васе, другую закурил сам, он заговорил. Сигареты же мы, при подготовке к губе старались сами сломать, так, при обыске они были менее ощутимы на ощупь, чем целые.

— Ты кажишь, чё я такой старый и служу. Тиби сколько рокив?

— Двадцать два с половиной, почти.

— Вот, а я на четыре года всего-то старше. Мини 26 було высною. Я родом с Полтавщины, жив в деревне. Посли школы, я восим классив закончив, работал на стройке, шабаював в бригаде. Строили дома, сараи, чинылы кровлю, перекрывали крыши, у нас ище много камышевых стоит.

Вечерамы ходив до клуба гулять. Все гулялы и я гуляв. За девок дралысь, жестко дралысь, до крови дрались. Я всегда с собой тесак носыв. Када надо якои бабки борова «завалыть», я его брав и «валыв», сам «валыв». А шо ёго «валыть», за ухом почухав и вин твий.

Один раз прибигают пацаны и кажут: «Прыихалы чужаки, наших бьют!» Я туда. А там драка вже идэ. Я одного, другого повалыв, а третий иде на менэ, смеется и в руках над головой, выдернув из бардюра плиту и нысэ. Я довго ны думав, тесак достав, ширь ему и провернув. Вин пырыстав улыбаться и став сидать, сиде и плиту на голову сиби опускае.

Ну мынэ повязалы. А мыни уже 17 рокив було. Скоро в армию. Ны взяли в армию, а мыни хотилось. У нас дивчата на тих, хто ны служив, даже ны дывлються. Шоп хо-рошу сиби жинку взять, надо, шоб годный до службы був и отслужив.

— А шо ж тот, шо ты поризав? — я не заметил, как перешёл на суржик в разговоре.

— Та, шо. Операцию зробылы, пол желудка выризалы. Раньше пыв по страшному, курыв, а шас не. Одну манку исть. А жинка рада. На суде каже мыни: «Вася, спасибо здорове тиби за то, шо ты Ваньки зробыв. Залатый чиловик став. Я ны нарадуюсь им». А мини всё равно «впаялы» пять рокив в «общак».

— Вася, так, ты сидел? А як же так, тебя же не должны были взять в армию.

— Взялы. Ны знаю, вызвалы на комиссию и забралы в 25 рокив. Та я ны чего, мне и лучше, а так дома зэком

все клычут. А в стойбати я теж делаю, шо и дома на стройки. Я ж мастер. Всэ могу робыть. Будышь стротись, зовы, помогу, построю. Тибі тоже высною додому?

— И не знаю, шо сказать. Ты шутишь?

— Я шо, похожий на клоуна? Кажу тибі, як е.

Я долго не мог понять, говорит Вася правду или откровенно сочиняет. Хотя в его рассказе была всегда логика и придумать такое было бы или сложно, или невозможно. Но, главное, Вася, за всё время ни разу не улыбнулся. Понятно, что рассказывал серьезные вещи, от которых даже меня начинало коробить, но он был спокоен и невозмутим.

В следующий перекур, он сам подсел ко мне, и мы продолжили беседу. Его характерный для коренных украинцев язык, где проскакивают и русские слова, но чаще всё-таки изменённый, как происходило в областях восточной Украины, Донецкой, Харьковской, Сумской и той же Полтавской области. Смешивание двух братских языков приводило к интересным наречиям, благодаря которым и русскоязычные украинцы и русские с приграничных областей, той же Ростовской, в которой я проживал, Воронежской, Курской, Брянской областях, общались между собой без проблем.

Сами слова и изречения воспринимались с улыбкой, а иногда и со смехом, до того слова были исковерканы, что «бросай гранату и хавайся». И когда слушаешь такой говор, то даже не знаю, какой из них интересней, одесский или тот, на котором гутарил Вася.

Если его одеть, придав сценический образ, поставить на сцену и просто сказать рассказы что-нибудь из своей жизни, поделись откровенно прожитым, уверен, что публика была бы в восторге от такого исполнения. Он представлялся, как грустный комик. Тот, который рас-

сказывает всякие истории, а на лице у него неизменно скорбь и тоска.

— Вася, ты на зоне сидел, как там, Расскажи.

— Сидив везде, на лесоповали больше всёго був. Там ребята хороши, вси хороши булы. Спышь, ночь, чуишь «Ой!» — це, мабуть кугось заризалы. Пыдходють ночью и толкают, шоб глаза открыв, а потом — раз, заточку между ребер и усё. А другому ищё за шось серну кислоту в глаза нальют. Той орэ, брыкается, а шо зробишь. Усё, билого свиту вже ныма. Одна ничь.

— Да, действительно, «весёлые ребята», ничего не скажешь. Вася, а отдых хоть давали, или як проклятых, до изнеможения издевались?

— А як же. Всэ було. И кино привозылы. Кина вси хороши показувалы, про Ленина, про революцию. Сыдым, дывымся, снег падае, падае, замитае...

— А вы шо, под открытым небом смотрели кино.

— Ну, да! Кино-то хороше, интересне. Кино кончит-ся, пройдут, подывлются, у кого из сугробика ище пар идэ, раскопают, а у кого уже ны иде — закапают. Не, там хорошо.

— Слышишь, братишка, — не унимался я с распросами, — а за шо тебя в прошлый раз садили и щас? Ты хоть служишь или только на «губе» торчишь?

— Ой, Сашко. Ну, гаразд, служу. А як же. Ну бувае, шо пошлеш куго-ныбудь на ..., або ище шо. Ну, вот прыехала сysterа до мэне. А мэне ны пускают в увольнение. Сysterа аш из-пид Полтавы ехала, а мынэ ны пускают.

Ну, думаю, щас я вам устрою кузькыну мать. Закрыв-ся я в офицерскою комнати, достав тесак, я ёго всигда с собой ною и думаю шо им зробыть, шоб надолго запомнылы. Думав поризать портреты Политбюро, ни, це ны гоже. Те ни при чём в чём. Ну и придумав.

Я взяв и поризав сиви руки, здорово поризав. Кров брызже. Я думаю, пока при памяти, надо побольше им

гадости зробыть, шоп запомнылы, як мынэ до сестры ны пускать. Як махну рукой, як махну — сразу полстенки раскрасю, потом другу. А потом хорошо стало, ны помню. Мабуть, двери выламалы.

— Зачем же ты, Вася, разве им этим докажешь, как начальник гауптвахты говорил: «Солдата списать легче лопаты — акт написал и готово...». Так и тебя бы написали шо угодно. Тем более, ты сам себя покалечил.

— Глянь, — Вася закатил сначала один рукав, потом другой.

Обе руки были исполосованы порезами и старыми, давно зарубцевавшимися и довольно свежими. Порезы начинались сразу от кисти и заканчивались за локтевым суставом, а густоте их наложения могла позавидовать любая кухарка, шинкующая на борщ капуту, их невозможно было посчитать.

— Вася, как? Зачем? Разве нет других методов. Написал там кому нужно рапОрт, разобрались бы, решили твой вопрос. Что ты им так докажешь?

Мне откровенно было жаль этого человека с такой нелегкой судьбой, когда не только улыбаться, жить порой не хочется. И я не мог понять, почему его, бывшего «зэка», много раз пытавшегося покончить с собой не комиссовали по какой-то статье. Он не бредил и это мне не приснилось, я слышал рассказ, я видел ему подтверждение. И он уже какой раз сидит здесь.

— Ну и что тебя до сестры так и не пустили?

— Не-а. Додому уехала. А мынэ пыривязалы и повызлы в 16-е отделение поликлиники. Началы мынэ проверять на то, ны дурак-ли я. Потом положили в палату больничну. Там все ребята серьёзни. Двэри вси на замках. Открылы, зайшёв, закрылы. Дывлюсь, уси, хто тут такие серьёзные, видать правильны пацаны. Глянули на мэне и сыдят дальше. А я стою, ныкто ны прыглаша дальше.

Потом одын, выдать главный, прыказуе другому: «Колька, дай гитару. Шо-то у мэне лирическе настроение появылось.» Той вскакуе, хватае винык и главному. Той настроив инструмент и начав играть. Он играе, вси спивают. Хорошо так, весело було.

А потом пришли и сделали мини укол. И тим тоже сробылы. Воны смиются, а мыне начало ломать, корёжить, я на стенку полез, в окно рвался выпрыгнуть, но там решетки. Выгнали мэне отиль. Прывызлы назад в часть. Командир глянув бумашку, шо там напысано — «здоров» и отправыв мэне на «губу». Вот я и тута.

— Ой, Вася, и смех, и грех. Было бы смешно, если бы не было так горько. Но с такими успехами тебе хоть бы до весны дожить. Ты видать из-за малокровия такой худой, как мумиё.

Я думал, вот пример, когда из-за одного случая, может быть нелепого испорчена жизнь человека. Не дай, Бог, никому. И здесь уже не проступки, а преступления и они совершаются не только вот этим несчастным человеком, они совершаются теми, кто вершит его судьбу и определяет наказание за наказанием. Дай Бог, чтобы я ошибался, но мне даже не верится, что он, придя со службы когда-нибудь начнёт жить жизнью обычного человека, работать, заведёт семью, будет воспитывать детей, будет полезен обществу. Хочется, но не верю ни разу. Его наказывали и продолжают наказывать и знобить, а придёт ли когда-нибудь очередь до тех, кто виновен во всем этом, что происходит. Ох, сомневаюсь.

Чем я мог ему помочь? Только тем, что выслушал серьезные вещи, пусть даже они показались в чём-то и смешными, я принял это вместе с той болью, которая чувствовалась в его словах, близко к сердцу, я сопереживал душой с ним. Думаю, что даже от того, что «отомкнулся» мне, излил душу, ему станет легче. А я буду знать, что есть такой человек, буду помнить о нём и мо-

литься, молиться, чтобы Господь спас в первую очередь его душу, подарил надежду на лучшую жизнь помог ему в этом, насколько возможно.

Человек должен в любом случае, сколько бы не падал в жизненных ситуациях, постоянно подниматься и идти вперёд, как бы трудно не было не опускать руки. Так, как это делал я раньше, именно раньше, когда падал, а потом быстро поднявшись, напрягал разум и мышцы на решение проблем, выхода из затруднительного положения. У меня это получалось. А сейчас я расслабился, очень сильно расслабился и тут статус «годка» ни при чём.

Сегодня я попросил Андрейку, чтобы он записал нас втихомолку со старшиной 2-й статьи из дивизиона надводных кораблей, базировавшегося, как и наш дивизион на ВМБ Усть-Двинска и входящего также в состав 78-й бригады ОВРа, Алексеем Кузнецовым и тем же Василием Остапенко. Андрей долго отнекивался, но пообещал сделать всё, что сможет, если капитан не заметит нарушения им же установленного «табу».

Но всё получилось и всё срослось. Везло сегодня, как «утопленникам». Не успели нашу бригаду из восьми человек вывести на строевую площадку, как приехал «покупатель» и объявил — «торговая база». Это наш объект на сегодня. Вот за то мне и нравилась «губа», а возможно, что эта лафа была лишь сейчас, пока в замах начальника гауптвахты находился такой обходительный сержант умеющий, как Труффальдино в пьесе «Слуга двух господ». «Далеко пойдёт, если милиция не остановит» — так о таких говорили в то время.

Нас загрузили в микроавтобус «Латвия», последним сел конвойный из заступившего вчера караула, судя по петлицам, служащий танковых частей, закрыл дверь, и мы поехали. Места, по которым нас везли были большей частью новыми и в итоге автобус въехал в открывшиеся распашные ворота, дежурили на которых, а точнее

сказать несли вахту военнослужащие. Во дела, а не на зону нас привезли, проскочила в голове почему-то такая не позитивная мысль. Ох, если так, писарю не дожить до завтра.

Проехали по внушительной территории, остановились возле длинных складов. К складам подходили железнодорожные пути и на них стояли товарные вагоны.

Когда мы вышли из автобуса нас встретила женщина лет в 40—45, представившаяся завскладом и объяснила задачу. Нам нужно было разгрузить два вагона с фруктами. Она показала, где и как их складировать. Добавила, что в обед нас покормят легким перекусом, можно кушать фрукты, но не сорить объедками и не гадить, чтобы после разгрузки был порядок и в вагонах, и в складе.

Задача ясная. «Цели поставлены, задачи определены, за работу товарищи!» — модные патриотические лозунги с призывами того времени как нельзя кстати.

Конвойный, звали его Петя, вел себя изначально очень строго и даже окрикивал, если замечал что-то, что ему не нравилось и шло в разрез с его должностными обязанностями конвоира. Но скоро ему это надоело, он взял пустой тарный ящик, установил его на выгрузной платформе в аккурат между воротами двух складов, куда и производилась разгрузка.

С утра мы поработали вместо физзарядки, при этом периодически подкрепляя организм диковинными для нас в те годы фруктами, бананами и цитрусовыми: апельсинами мандаринами и лимонами. Что удивительно, один из «губарей» со значком ВВС, съел целиком лимон, при том не кривился, видимо у парня с кислотностью большие проблемы были, вернее она напрочь отсутствовала, а чем-то пищу перерабатывать нужно.

— Шас улетит! -пошутил Вася, — мабуть, вчѐра пив коньяк, а сѐдни закусыв лимоном.

Поначалу много фруктов мы не разгрузили, а загрузили в себя. Но скоро наступило чувство, как в басне И. А. Крылова «Волк на псарне», когда «...Глазами, кажется, хотел бы всех он съесть...», но насыщение произошло очень быстро. Мало того, со временем произошел обратный процесс, появилось даже отвращение от мелькающих перед глазами экзотических фруктов.

Когда «губари», получив удовольствие от съеденного до отвращения начали «бузить» и растерянный конвоир не знал, что делать, он бегал и кричал: «С меня же спросят! Давайте работать, подъём!» Я понял, что действительно ситуация начала выходить из-под контроля, нужно было что-то делать. Я подошёл к конвоиру Пете и тихо сказал: «Позволь мне навести порядок?!» Тот, не видя другого выхода, растеряно кивнул.

— Керзачи, ша! Слушай сюда. Кто хочет получить в качестве «премиальных» суток трое «ДП»? Смелее, смелее. Что замолкли, только что, как бакланы галдели. Вы из-под палки работаете? Вас бегом заставляют таскать ящики? Вы должны Бога молить, что он послал вам такую работу, где ящики не тяжелые и «хавки» выше крыши, жри-не хочу. Хотите бузить? Бузите, только сегодня получив «ДП», завтра вас пошлют на весь оставшийся срок щебень вручную грузить или уголь в котельную или общественные туалеты драить. Вам запах «параши» больше нравится, чем запах апельсина? У меня всё, «пародии на карасей» вы, однако.

Настала тишина. Потом ропот перешел в оправдания.

— Да, чего, мы же не против. Будем работать.

— Уже обед, а у нас и половины не разгружено. Давай нажмем, — между собой поднимали друг другу «боевой дух» служивые.

— Ну, вот, а-то совсем бояться перестали. Эх, устроить бы вам учения «Океан», да условия не те, не позволяют.

Работа пошла живее. Процесс пошёл. Петя, сидя на ящике, наяривал через силу фрукты и улыбался, обласканный чуть теплым у стеночки ноябрьским солнцем. Я подошёл к нему.

— Ну, как? Я же говорил, что всё будет, как в трюме «центрального» отсека.

— А, как там?

— Всегда порядок, потому что начальство над головой. Да, Петя, я тут на немного отойду, пройду по территории, осмотрюсь что и как. Ты не «кипишуй», ни куда я не денусь. Не в моих интересах «ДП» и срок получать. Если что, говори Лешке, старшине. Он порядки тоже умеет наводить. У нас на флоте любят порядок, да и беспорядок тоже.

— Ну, ладно. Ты ж...

— Всё будет красиво.

Обойдя территорию, понял, что самое интересное место, это метрах в 60 от складов, где мы работали, заканчивалась огороженная кирпичным двухметровым забором территория, а за ним раскинулся новый микрорайон окраины Риги. Запрыгнув и повисши на кирпичном ограждении, увидел, что сразу за забором располагался тротуар, по которому периодически проходили люди в ту и обратную сторону. Дальше был небольшой пустырь, намеченный под строительство и затем уже современные многоэтажки микрорайона.

Мысль пулей прострелила у меня в голове. Пока суд, да дело, нужно решать вопросы «отдыха и досуга», рассуждал я, как «замполит» бригады «губарей». Вернувшись, убедился, что на объекте разгрузки порядок и ударные темпы в борьбе за звание «Ударник коммунистического труда», я снова подошёл к конвоиру и шепнул ему:

— Ты как относишься к празднику Великого Октября?

— Ну, как? Как все, положительно.

— Вот и это правильно. А сегодня какое число?

— Четвертое ноября.

— Тоже, верно, четвёртое, пятница. Завтра уже суббота, рабочая или нет не знаю, а потом ещё три дня праздничных. На праздники хозяйки стараются накрыть стол по-праздничному. Так? А для этого мы им должны помочь в этом.

— Как же это?

— Мне нужно на полчаса Васю взять. Мы займемся этим вопросом. Да ты не бойся. Вон смотри в ту сторону, нас тебе даже видно будет. «зуб даю» — не убегу.

Петя был растерян, но я уже доказывал, что не трепло и мне можно верить. Он кивнул головой в знак согласия.

— Вася, бросай это гиблое дело. Пойдём историю вершить. Родина нас не забудет. Бери ящик с апельсинами, я с бананами возьму. Взял? Пошли.

Мы поднесли к забору ящики. Я запрыгнул на стену, удерживаясь на ней локтями, ногами стоял на выступе фундамента кладки забора.

— Вася, подай гроздь бананов и апельсин.

Я взял в одну руку бананы, в другую отборный крупный апельсин. И когда люди, а среди пешеходов из всех проходящих три четверти были женщины, подходили на расстоянии метров с десяти, начинал предлагать им товар. Опыт в этом у меня был, хоть я, как мой брат, который вообще три года до армии проработал с мамой в магазине продавцом, немного и от мамы, которая никогда не выпускала покупателя из магазина без покупки, а зачастую и без денег. С отцом мне приходилось на рынке продавать, картошку, сало и масло растительное. Опыт был. Оставалось уповать на удачу.

Сначала люди относились к предложению настороженно. Потом я объяснил, что фрукты не ворованные — это натуральная оплата за труд.

— Берите, женщина к праздничному столу. Смотрите какие красивые фрукты и вкусные, проверено, будьте уверены. Можем дать и попробовать. Соседи обзавидуются и прибегут на ароматный запах. Берите. Недорого. Бананы — рубль за гроздь, апельсин за три.

— Хорошо. Дайте мне того и того. Уж больно вы настойчивы, молодой человек.

И дело пошло, за тридцать минут в аккурат мы вернулись с пустой тарой. Конвоир сделал удивлённые глаза, а когда я ему сунул «пятишку» на сигареты, вообще дар речи потерял.

Дело оставалось за малым. Пока Петя приходил в себя, я вспомнил, что на въездных воротах, больше похожих на КПП, стояли солдаты. Пошёл к ним. И подходя, узнал в одном из них солдата, с которым «тянул лямку» в предыдущую отсидку на «губе».

— Привет, зёма! Какими судьбами тут?

— А, ты?

— Я, понятно, снова на «губе».

— Я служу здесь. Это торговая база Рижского военного гарнизона. Отсюда потом товар развозят по всем частям.

— Слушай, у меня дело к тебе. Праздник на носу, нужно как-то отметить и встречу «взбрызнуть».

— Не, у меня, «как у латыша — хрен, да душа».

— Не нужна мне твоя душа, а от помощи не откажусь. Поможешь?

— Смотря в чём. Если смогу — помогу, без вопросов.

— Деньги есть. Нужно «пойла» достать. Сможешь?

— А вы где работаете?

— На фруктово-овощном складе.

— Ясно. Я сейчас с напарником переговорю. Сделаем.

Николай, так звали моего давнего знакомого по «губе», отошёл и поговорил со своим напарником по КПП.

— Пошли. У меня 20—30 минут есть. Успею. Что нужно? — спросил Коля.

— Вот, держи. Возьмешь на все вина. Да сигарет себе и нам пачек пять возьми любых. Сам знаешь, не до жиру.

— Хорошо, я мигом.

Коля сиганул через забор одним тренированным махом. «Во, даёт!» — подумал я, наш человек. «Кто на „губе“ не бывал — жизни не видал» — пришло мне в голову, толи где-то слышал, толи сам придумал.

Коля не подвёл. Я издали заметил, как через пустырь с бумажным ящиком поперед себя шёл Николай по протоптанной тропинке, как принято, на простец. Подойдя к забору, протянул ящик, предупредив, чтобы я под низ взял, иначе... Иначе, конечно, не случилось, бутылки, их было около десятка, емкостью 0,7 литра и сигареты.

— Мне пора. Я пачку сигарет возьму?

— Коля, какой разговор?! И «пузырь» возьми, с напарником потом «жахните». Спасибо, брат, выручил, — пожал Коле руку.

— А, как иначе?! Мы же, «губари», «крещенные» Дисциплинарным Уставом.

— Молодец, хорошо сказал. Удачи, брат! Может и не увидимся.

Коля сунул бутылку под одежду и пошёл на КПП.

— Вася, бери сигареты, — предложил я полтавчанину.

Было часа два дня. Мы заглянули в вагоны. Там оставалось «начать и кончить».

Все остановились, наблюдая за бездельниками, то есть за нами, мной и Васей, которые шли без капли стыда, что не принимали последних полтора-два часа участия в разгрузке и ещё «до ушей» счастливые. По глазам и выражению лиц было видно, что они подустали.

— «Губари», прощевайте нас, мы не только о себе «пеклись». Сейчас отдых минут на 20, думаю, что потом

нагоним, мало осталось. Одно прошу, кто себя чувствует неуверенно, лучше не увлекайтесь.

На меня после этих слов начали смотреть совсем загадочно. Я это понял и поспешил объясниться:

— Тут где-то по полбутыли на человека вина, но насиловать никто никого не будет, сознательность проявите и чувство меры, — и после этих слов я вспомнил, как сам переходил эту невидимую границу между «еще можно» и «уже лишнее».

Одну бутылку я взял и передал Пете со словами:

— А ты хороший парень. Такого грех подводить. Но учти, что в жизни не всегда будут попадаться такие понимающие люди, как я. Жизнь может ещё такое кино показать, что «мама не горюй». Держи. Делай, что хочешь. Можешь спрятать под шинель, можешь выпить, но держись, иначе... Или с нами?

— Я с вами выпью.

— В ответе каждый за себя будет. Тут девиз «Один за всех и все за одного» не прохлянет, не тот случай. За «групповуху» только больше дадут. Надеюсь, до этого не дойдёт, а то меня, точно, расстреляют, последнее 108 «китайское» предупреждение было, — с некой степенью юмора предупредил «губарей».

Все оживились и приступили к трапезе фруктов, с запиванием плодово-ягодного вина или наоборот, не столь важно. Заметив, что парни в форме «банкуют», посоветовал им наливать каждый себе, чтобы потом не обвинили, что заставили, налили. По-военному, оперативно большую часть приговорили.

— Предлагаю, поработать, а потом уже расслабимся, — предложил самозванный организатор, т.е. я.

— Идёт! Пошли, мужики, добыём, лучше потом посидим спокойно, покурим, — поддержал меня один из тех, кто вправе называть себя «дедом», это было понятно и по двум полоскам на рукаве шинели, и по привычке

носить шапку, и по уверенной манере поведения, вообще.

— Держись, Петя! Что-то ты киснешь, подвигайся, не расслабляйся, — видя, что наш конвойр тухнет, а выпил-то совсем немного.

Видимо давно не выпивал просто, как я, когда в доке мой отпуск обмывали. «Ну, что же ты такой слабак, братец?» — подумал я. Часа через два должны за нами приехать, должен оклематься.

Работали все и работали на совесть и «деды» и «годки» и прослужившие совсем ничего. Сейчас уже не было разделения, нужно было просто хорошо сделать дело, чтобы не подвести в первую очередь тех, кто направляет нас на эти работы. А нам бы лучше ещё приехать сюда, чем где-то на карьере грыжу зарабатывать.

Как хорошо, что из меню, привезенной нам на обед коржиков и молока в пакетах, я отказался от молока, зная свойство своего желудка, после смешивания с фруктами. Большинство, кто выпил всё же молока, сейчас об этом сильно жалели. И по этой причине процесс разгрузки слегка затянулся. Но всё же, к приходу завскладом, которая в течение дня только один раз и подходила посмотреть, это было после обеда. Ей понравилось, что мы убрали и в вагонах, и в складе все сложено было по уму. Даже похвалила за добросовестность, пожелав, чтобы мы ещё приезжали.

Мы допили оставшееся вино, «предателей», т.е. пустые бутылки, естественно спрятали подальше и надёжно. Ожидали автобус. Петя откровенно приснул, попытки привести его в чувства не давали требуемых результатов. Видимо мы упустили момент, когда кто-то ему еще «накатил». Вот этого-то нам и не хватало.

— Лёха, возьми автомат. Вася, взяли под руки и понесли.

Мы практически занесли Петю в автобус и усадили

на место, предусмотренной для конвоира. Водитель качал головой:

— Что же вы с ним сделали? Его же сейчас там и «закроют». Сколько раз такое было.

— Не закроют. Что-то ему плохо стало, видимо бананами отравился, -попытался я оправдаться за нашего конвоира.

— Да оно и понятно, что бананами, чем же ещё, — не унимался, бросая в наш адрес колючие приколы водитель.

Когда автобус заехал во двор гауптвахты, и мы вынесли Петю так же, как и заносили, нас встречал помощник начальника караула.

Я поспешил объяснить:

— Товарищ прапорщик, вы не наказывайте рядового, его вины в том нет. Слабый он и физически духом, но парень хороший, жалко.

— Ладно, мы тут сами разберемся. Не стоит мне указывать, что делать.

— Ради Бога, мы просто по-человечески просим. Да, мужики?!

Все угрюмо кивнули головами. Вышли караульные, забрали своего товарища, а нас развели по камерам. Когда была смена караула и потом передача нас, я внимательно прислушивался, не проявится ли в разговоре имя нашего конвоира. Видимо его скрыли от начальства, и он на сей раз не пополнил наши ряды, ряды «губарей».

Глава VII. Рождество

Я плотно лёг на дно и мое плоское туловище камбалы трудно было поднять или расшевелить. Это не была нирвана, это был анабиоз, замедлились жизненные процессы, больше всего замедлилась реакция на то, что раньше приводило в учащенному сердцебиению, душевному волнению и мыслительной активности. Ещё прошедшим летом я думал, что это временное явление, связанное с негативными открытиями, которые я никак не ожидал, что они появятся вообще в моей молодой и цветущей жизни, а тут всё, чему я свято верил и строил долгосрочные планы, вмиг рухнуло.

Может потому, мне хотелось забыться в общении с другими девушками, но теперь мои убеждения по поводу отношений с девушками, их чистоте и непорочности дали трещину, они были, хоть и не все, конечно, так же безнадежно устаревшими, как и мои некогда прогрессивные, как я считал и меня в этом убеждали мои студенческие товарищи. Возможно, они мне льстили и не хотели лишать удовольствия заниматься любимым делом, тем более ощутимого вреда от этого не было.

Сейчас я даже на отношения с Ириной, которая мне безумно нравилась и после разрыва с Наташкой, после стольких лет, меня сильнее тянуло к той, которая была не так далеко и её можно было осязать, целовать и миловать. Почему же, совершив дерзкую самоволку на сотню километров поехал не к ней, а вспомнил ту, с которой встречался, которая была более кроткой, может быть, менее бойкой, чем Ира и из-за этого даже не такой приметной, не вызывающей у парней такого интереса, как те, что более активны и подвижны в прямом и переносном смысле.

Я сейчас понял почему, я, в медленных, заторможенных анабиозных процессах размышления, что даёт некие плюсы по сравнению со вспылчивыми, поспешными выводами, почему я так поступил. Я почти был уверен, что если бы приехал к Ирине в то время и в том состоянии, в котором находился, то случилось бы то, что и должно было в принципе когда-нибудь случится и я видел даже, что она к этому практически готова была, когда после моих страстных поцелуев и нежных ласок, получала неподдельный экстаз и не то, что противилась дальнейшему развитию любовных утех, а наоборот, мне приходилось самому же их тушить, хоть это было и непросто.

Это было не деление девушек на категории: с этой можно, но хочется; с этой хочется, сильно хочется, безумно хочется, но ни-зя. И эти льзя и низя были в основном собственными вердиктами, не всегда основанными на Гражданских кодексах. Я, например знал, что с юной совсем Алёнкой, я никогда не позволю то, что в случае срыва мог позволить с Ирой.

Кто-то внимательный, кто следит за событиями, скажет, а как же быть с той, что носила такое же имя, как первая моя девушка, не мог ли я на ней срывать зло за то, что так получилось. Вот сам задал, получается, себе вопрос, а ответить-то и не готов. Если быть честным и до конца честным, то возможно немного этого и было, но я старался это не замечать. По ходу развития событий, меня ждёт участь ефрейтора Збруева, у того было семь невест и каждой он наобещал горы золотые. Хотя, он был ефрейтором, а я даже старшим матросом не был, матросом и старшиной — шучу так.

Шутки-шутками, а к серьёзным вопросам придётся когда-то возвращаться. Может быть побыть некоторое время «следователем», сопоставить факты, «накопать доказательную базу» и передать дела в делопроизводство или просто-напросто закрыть, из-за отсутствия состава

преступления. Вот последнее мне нравилось больше всего. Нужно и правда этим заняться. А, что я собрался со- врать, если не сказать, что не досказываю.

Ещё будучи в части, я попросил своего друга, с кем я делился и многими из моих любовных походов, тем более, что он в настоящее время встречался с подружкой Ирины, Светой и много узнавал даже не из моих уст, что- бы он написал письмо на мою малую родину одной из моих, даже не могу назвать моих, потому что мы прак- тически не знали друг друга, знакомой Любаше, чтобы она мне больше не писала. Мне самому было неудобно, хотя я не обещал ей ничего и переписку не предлагал. Она молодая девушка, зачем её обнадеживать, если она какие-то планы относительно меня вынашивала.

Вторая «заочница» была из села Самбек, расположен- ного под Таганрогом, совсем недалеко от моего места жительства на «гражданке». Я перед отъездом из отпуска, уже после того, как выяснил отношения с Натальей из Новочеркасска, ездил в Ростов по поводу заказа биле- тов на поезд. Еще не было и 6 часов утра, на развилке до- рог, как раз в с. Самбек, автобус, в котором я ехал оста- новился, в него села девушка. Водитель предложил ей, пройти и присесть. Свободное место было только возле меня, и девушка осторожно присела, чтобы не прогнать мой сладкий сон.

Но я-то уже не спал, а с интересом наблюдал за ней. У неё были интересные черты лица, напоминающие ис- панку, что ли. Я в этом не силён, но что-то такое. Тёмно- каштановые вьющиеся волосы, носик с горбинкой, ка- рие глаза, лицо практически без косметики.

Я протянул ближнюю к ней правую руку и осторожно и нежно взял её левую руку, перенёс на ладонку своей левой руки, лежащей у меня на коленях и начал осторож- но и нежно её гладить. Девушка сделала изначально рез- кое движение, желая вырвать руку, я не стал ей в этом

препятствовать, потом повернулась и посмотрев мне прямо в глаза, а я взаимно ей и плавно опустила руку, не возражая против моего ухаживания. Пока мы ехали до Ростова, я подробно, как «патологоанатом» изучил обе руки.

Мы не разговаривали, а лишь периодически смотрели друг другу в глаза. Выйдя из автобуса, я взял её за руку и попросил:

— Не убегай, пожалуйста. Дай мне сказать два слова.

— Ну, говори, коль начал.

— Ты сильно спешишь? Я хочу предложить тебе прогулку по Ростову. Сейчас в парке центральном красота. Была там?

— Была, конечно. Я учусь в Ростове в торговом техникуме. Мне-то на занятия сегодня нужно.

— А один день или даже полдня — это смертельно.

— Ну, нет, конечно. Хорошо, поехали.

— Меня Сашей зовут.

— Галя, — повернувшись, улыбнулась мне новая знакомая.

— А ты тоже студент? Учишься?

— Ага, отучился уже. Бросил я институт. Служу сейчас. В отпуск домой приехал.

— Наверное моряком служишь?

— Откуда ты узнала?

— Что, угадала? У тебя походка интересная. Я раньше не верила, что по походке можно узнать моряка среди других.

— Ну, ты, даёшь. Не ожидал.

Галина рассмеялась. Улыбка у неё была красивая. Да, наверное, улыбка всех украшает, когда человек молод, полон энергии, счастлив просто.

Мы вышли на остановке «Семашко», что на ул. Энгельса, так называлась центральная улица в Ростове тогда. Опустились ниже и вошли в парк им. Максима

Горького. У мостика опустились справа вниз и нашли отличный уголок под ивой на скамье. Отношения так стремительно развивались, что через пять минут мы целовались и обнимались, как давние старые знакомые и не просто знакомые, а влюблённые. Гале было, как она сама сказала уже 18 лет, заканчивает второй курс техникума.

Парня, как она призналась у неё не было и призналась, что я ей понравился, но после того, конечно, как это сделал я. Существует утверждение, с которым я согласен полностью: «Молодые все красивые». Это так. Господь всем дает в молодости неповторимую красоту, только не все её могут различить среди других. Она индивидуальна. И с ещё одним утверждением не поспоришь: «Любовь делает девушку красивой» и это тоже абсолютная правда.

Я видел эту девушку всего чуть больше часа в автобусе и часа четыре мы погуляли с ней в парке и расстались, обменявшись адресами. Могу ли я называть Галину своей невестой? Я с Наташей, девушкой, которая нашла, возможно, лучшего, чем я, а если быть честным того, кто был рядом и с кем можно проводить время, кого можно любить по-настоящему, а не посылая воздушные поцелуи по почте, если посчитать всё проведённое вместе время за четыре года, то и двух недель не набралось бы. Хотя и это не показатель того, нужно или нет быть верным не клятвенным, а риторическим обещаниям.

Жизнь — сложная штука и потому интересна. Так вот, Хус написал письмо Любаше, с которой мы давали «клятву на крови». Откуда она узнала, что эта цыганская традиция сможет сблизить людей и связать навеки, не знаю. Я посмотрел на запястье левой руки, там остался небольшой шрам в виде крестика.

— Давай руку, — требовательно сказала Люба.

Она достала неведомо откуда, видимо приготовила заранее для обряда лезвие и быстро полосонула меня по руке. Кровь изначально выступила густыми каплями, и потом соединившись, превратились в узкие полоски, медленно капала на землю.

— Теперь ты! — приказала моя рыжая «цыганка» и протянула мне лезвие.

— Я не могу, я не буду тебя резать. Давай я сам себя еще раз порежу?! Я не буду тебя резать, не смогу.

— Ладно, так не положено, но..., — и она сделала тоже самое на своей руке.

Мы плотно прижали порезы один к другому. Таким образом должна смешаться кровь и тем самым мы дали клятву в верности и преданности.

Прошло два с половиной года, как я видел Любашу в последний раз и, возможно, что не вспомнил долго, если бы она не написала. Но это были отношения, если их так вообще можно было назвать, баловство, когда уже не дети играют в детство.

Галине я сам написал письмо, в котором попросил прощение за то, что чувства между нами не были настолько сильны, чтобы выдержать испытание временем. А она мне вообще ничего не обещала, да и не стоило. Таких мимолётных знакомств в жизни может быть сотня и не одна, а где эта одна единственная случайная встреча, которая окажется не случайной, а судьбой?

Я думаю, что нужно людей вовремя отпускать от себя. Хотя у нас в душе часто голос подаёт «жадный хозяин» со словами: «Моё, это моё и это моё, всё и все мои! Никому не отдам!» Может быть такой эгоизм и не всем свойственен, но у меня он точно был, а в какой степени, не знаю.

Это, видимо пошло оттуда, где даже существуют гаремы и причем законные. Одно только должно железно выполняться, муж должен обеспечивать всех жён, и они

не должны испытывать ни в чём нужды. Ну я уж точно не персидских шах.

На сегодняшний день, как бы это сложно не было, но нужно было определиться с теми, с кем я ещё недавно встречался и обнадёживал их, а может быть и они сильно не напрягались в том, чтобы копнуть себя изнутри и пощупать там почву какая она рыхлая, плотная, сухая или плодородная.

Во всем в нашей жизни есть «плюсы», даже в «минусах». Вы же помните, что произведение «минуса» на «минус» даёт «плюс», главное не перепутать со сложением. Вот так же и мое заторможенное состояние, анабиоз привел к тому, что из-за более медленного, неспешного мышления, я стал делать меньше ошибок, как мне показалось и делать осмысленные выводы и принимать взвешенные решения.

Так, что же я хотел ещё решить, где нужно расставить точки над «и»? Господи, прости меня грешного. Как я мог забыть о Наташе Корольковой? Вот кого-кого, а её вот так просто бросать нельзя. Эта одна из всех названных мной сейчас девушек, которая этого точно не заслуживает. А зачем же я её обидел? Она же по моей вине сейчас болеет.

Я вспомнил сколько всего нас связывало, мы сутки даже проводили вместе, когда у неё были выходные. Спасало то, что её подруга и коллега одновременно жила в Цесисе. Наташа звонила домой и говорила, что заночует у неё, а на самом деле приезжала ко мне или я приезжал и встречал её, а потом решали, чем сегодня займёмся вечером, ночь, а с ночью более-менее всё понятно и выбор был небольшой.

Я вспомнил, как мы неделю назад ездили в г. Валмиера, что от Цесиса на расстоянии чуть больше, чем

30 км. Но решение пришло спонтанно, вышли вечером на трассу и начали ловить попутки. Меня, если бросить там, где-нибудь в лесах, то я скорее бы нашел где-нибудь «лесных братьев», которые, как в анекдоте с самой войны поезда продолжают пускать под откос, чем найти, где и как доехать до г. Вальмиера. Хотя немного заврался, смог же ночью доехать до Риги и благополучно к обеду вернуться.

Остановился автомобиль «Москвич-2715», так называемый «пирожок». Водитель предложил: «Если желаете в будке ехать, там уже двое есть, садитесь». В кабине, кроме водителя было два пассажира. Недолго думая, запрыгнули. Конечно, 30 км в железной будке, без сидений — это что-то. Но не это главное, главное то, что мы вместе и едем на объявленный на всю округу «Рождественский бал», что-то наподобие наших новогодних празднований под ёлкой, проще говоря «ёлка для взрослых». Молодая парочка, как и мы ехали туда же и с той же целью.

Там Наташа меня познакомила с одним, знакомым ей парнем, толи одноклассником, толи ещё откуда-то они хорошо друг друга знали. Там она призналась, что мы проезжали её посёлок, он расположен между Цесисом и Вальмиера, только ближе к Цесису.

— А я думаю, что за красивый городок мы проезжали, такая архитектура, какие замки, дворцы, а какие там люди замечательные...

— Стоп, стоп, как ты мог видеть? В это маленькое грязное окошко?

— А, что не так?

— Приедешь, посмотришь. Приедешь?

— Может как-нибудь пожалуйю с визитом, — прикалывался я.

Андрис, так звали друга Наташи и моего нового знакомого, познакомил меня с кучей его друзей. Они сооб-

разили, и мы за знакомство выпили. Потом ещё и ещё. В клубе, а вернее дворце культуры, он был внушительных размеров, судя по размерам зала, где была установлена большая ель, а зрительские кресла раздвинуты по периметру. Свет включали редко, больше горели огоньки и гирлянды на ёлке. От этих постоянных миганий рябило в глазах.

Я пару раз терял Наталью из виду. Не знаю, где она была в это время, но минуты для меня казались часами, и я откровенно начинал её ревновать, не зная к кому, ну хотя бы к этому её другу. «А может это и не друг, а бывший парень?» — подумал я и предпринимал попытки разыскать. Когда попытки были безуспешны, я выходил на улицу, на морозе голова приходила в себя, я, покурив, заходил в зал и быстро находил ту, которую искал. Но всё же подозрение, у Наташи есть какая-то тайна, может быть и не связанная с этим Андрисом.

Далеко после полуночи праздник завершился. Я ломал голову, как мы сможем ночью добраться обратно, как Наталья подбежала и дернув за рукав с одышкой заговорила:

— Куда ты делся? Пошли быстрее, нас автобус ждёт. Там целая банда на арендованном автобусе приехала, сейчас отъезжать будут.

Я не стал даже шутить и спорить по поводу «банды», главное, что мы поедем, а не пойдём зимней ночью все тридцать с лишним километров. Автобус «РАФ» был полон, мы были как селёдки в консервной банке, но главное, что это даже лучше, чем в «пирожке», где приходилось сидеть на корточках, а здесь стоишь, не держишься и при тряске, и на виражах не падаешь, не дают упасть.

К чему я именно сейчас вспомнил этот эпизод, не знаю. Только хочу сказать, что ни до этого, ни после, Наташа, не подавала никакого повода для ревности. А, если и делала что-то умышленно, то лишь, чтобы заста-

вить меня ревновать, тем самым проверить, насколько я к ней неравнодушен. Думаю, что вот именно тогда во мне и играло чувство, которое коротко можно назвать — «моё!» Но ведь человек — не вещь. Почему мы говорим «моя», «мой». Когда мать говорит, «мой ребёнок» — это понятно, она его родила. Я так же могу сказать, «мой табурет!», если его смастерил самостоятельно. Когда добавляется определяющее слово, тогда всё становится на места своя. Например, «моя невеста», «моя любимая», «моя красотка», «жизнь моя» — говоря о той же девушке.

А сейчас я поступал бесчеловечно, девушка болела, а я ни разу за три дня ей не позвонил. Жду, что это сделает она сама. Сегодня вечером позвоню, а завтра, если она захочет этого, может быть и навешу её, завтра 24 декабря — канун Рождества, прибалты отмечают его именно 25 декабря.

— Алло, Наташа! Ты, как там? Я узнал на твоей работе, что ты болеешь, это так? Я виноват, что столько времени думал звонить или нет, а может, между нами, всё кончено? Мы же так расстались...

— Привет! Проехали. Прощаю! Да, ангина. Сейчас уже лучше себя чувствую, но до Нового года точно на больничном проваляюсь. А, ты, что?

— А. что я? Всё хорошо. Я вот что хотел сказать. Говорят, что в Новый год лучше входить без долгов, без камня на душе, без недосказанности, с чистой совестью и добрыми помыслами.

— Говори проще. Я тебя не пойму, к чему всё это говоришь?

— Хочу не по телефону поговорить.

— Ну, я же сейчас не могу приехать. Если бы ты...

— Я приеду! Скажи, как мне лучше к тебе попасть.

— Ушам своим не верю — ты приедешь сюда ко мне?

Тогда запоминай.

Наташа рассказала, где лучше всего сесть на автобус. Не обязательно ехать в Цесис, можно было сесть на развилке, с того места, откуда мы в Вальмиера на Новогоднюю ёлку ехали. Спросила, в какое время думал ехать и назвала время отправления автобуса. Ну вот, полдела сделано. Главное, что она на меня не злится. В крайнем случае, не высказала это в телефонном разговоре.

— Я приеду, вечером привезу, у нас кутья называется. Жди!

— Я знаю, что такое кутья. У меня же только мама латышка, а папа с Волги, из Горького. Привози, буду ждать очень.

Морозное солнечное утро выдалось накануне Рождества. Я предупредил Серёгу Тарасевича, что до позднего вечера меня точно не будет. Но, если что-то сверхсрочное, то звони по телефону и дал ему листок с телефоном Наташи в Лиепе. Часов в 10 вышел к автобусу, который в скорости должен был идти из Цесиса и минут через двадцать уже наслаждался красотой заснеженным полей.

Четырёхэтажный дом располагался, как и объясняла мне Наташа ровно напротив конечной остановки автобуса. Я вошёл в нужный подъезд и поднялся на третий этаж. Позвонил в дверь. Она незамедлительно отворилась и из двери выскочила Наташка с теплом свитере с высоким воротником, в тапочках и короткой юбчонке. Моментально я ощутил все недостающие за время болезни килограммы у себя на шее. Конечно, её держать даже на шее было не тяжело, наоборот, приятно. Значит, она действительно не держит на меня зла.

Быстрые и частые взаимные поцелуи и открывая дверь в квартиру, с улыбкой произнесла:

— Так и будешь стоять? Не за этим же приехал? Входи, входи!

Я вошёл, разделся, где указала Наташа. Из дверей кухни выглянула женщина в фартуке и поздоровалась.

— Здравствуйте! — ответил я.

Как я не подумал, что дома будут родители. Сегодня же суббота, суббота перед Рождеством.

— Пойдём я тебя с родителями познакомлю. Па! Ты где?

Из зала вышел мужчина лет сорока с газетой в руках.

— Сейчас, оденусь только.

— Да, ладно тебе. Ты же не из ванны вышел, сойдёт и так, — сказала в ответ Наташа.

— Виталий Иванович, — представился отец Наташи.

— Зови меня просто, тётя Анна, у меня отчество сложное, хорошо?!

— Хорошо! Саша. Очень приятно.

— Молодежь, вы идите в Наташину спальню, а я вас на обед через полчаса позову.

— Хорошо, мама, — ответила Наташа, завела меня в свою спальню и закрыла за нами двери.

Комната ничем не отличалась от тех девичьих «горниц», которые я видел у тех же сестёр. Стены завешены красивыми картинками актёров и певцов. Диван, туалетный столик с различной косметикой, комнатные цветы на декоративной подставке и небольшой столик со стулом, на столе книги, кукла посередине, прислонённая к стене и ещё что-то.

— Присаживайся. Отдохни.

— Спасибо! Я не устал совсем.

— Садись ближе ко мне, я не кусаюсь, и болячка почти прошла. Или боишься заразиться?

— Я?! Да, ты, что? Я с 10 лет ангиной болею. Знаю, что это такое.

Я присел на диван рядом с Наташей. Она обвила меня руками, скрепила их за спиной «в замок» и отклонившись немного назад, чтобы можно видеть лучше друг друга, сидела молча и смотрела мне в глаза.

— Что я другой? Не такой, как знала раньше, изменился.

— Ты знаешь, наверное, точно, изменился. Только не пойму пока в чём. Ты меня не любишь больше?

— Откуда ты это взяла? В глазах прочитала?

— И в глазах и сердцем почуяла. Девичье сердце не обманешь.

— Да будет тебе допросы устраивать. Как ты себя чувствуешь?

— Уже хорошо. Сегодня в магазин даже ходила, помогла маме скупиться.

— Молодёжь, обедать!

— Саша, тебе что наливать? — спросил отец Наталки.

— То, что и всем, — глянув на богатый закусками и выпивкой стол, добавил, — думаю, что в такой день водочка будет предпочтительнее.

— В самую «десяточку», лучше её не придумали. Мы же не аристократы какие, чтобы коньяком, да хересом баловаться. Ты же, думаю не из такой семьи, раз тебя не отмазали от служба, да ещё и в самом низшем звании, простым матросом. А, что так, служишь плохо?

— Да, как сказать?

— Как есть, мы поймём.

— Да был я уже старшиной. Просто неудачно из отпуска приехал.

— Понятно! Значит, «залетел». Бывает. Я-то пограничником в Карелии служил всю службу рядовым, а увольнялся, младшего сержанта присвоили. А также, три года тогда служили, тогда же в девятнадцать лет служить брали. А тебе сейчас сколько лет?

— Да, уже не салага, 22 года.

— Ну, давайте поднимем за наступающее Рождество! Пусть Новый год будет счастливым для всех! Наташа, а тебе разве можно? Ты же лекарство пьёшь? — предложил Виталий Иванович.

— Водка в небольших количествах, выпитая в хорошей компании ещё никому, не вредила. Наоборот, на ноги быстрее встану, — улыбаясь парировала предостережение отца Наташа.

— Будем все здоровы! — добавил я, когда рюмки уже начали подносить ко рту, с намерением опрокинуть.

После третьей, разговор пошёл веселее. Виталий Иванович не курил, и я отпросился подыметь.

— Кури тут. Пусть моль не расслабляется.

— Да, нет. Я выйду.

Наташка засуетилась тоже со мной.

— Ты чего, не сбегу, — глянув в её просящие глаза, добавил, — ладно, одевайся только. На лестничной площадке покури.

Как можно покурить спокойно, когда к твоей груди прижалась девушка и её макушка находится ровно напротив торчащей изо рта сигареты. Приходится, в лучшем случае, поворачивать голову в сторону, делать глубокую затяжку, выпускать туда же в сторону клуб дыма, а потом только снова принять изначальную позицию, чтобы тебя не упрекнули в том, что ты отворачиваешься из-за «неприязни». Господи, прости и помилуй даже за такие мысли.

— Наташа, пошли, не переохладяйся, ещё не выздоровела.

— Ты меня быстро вылечишь. Я смотрю на меня и мне становится всё легче и легче.

— Ага, я так и поверю.

— А ты поверь.

— Время покажет.

Мы зашли в квартиру и для приличия зашли на кухню.

— Садитесь, ещё по чуть-чуть.

— Нет, спасибо! Хватит. Если вы не против, мы вас оставим..., — попросил я о «пощаде».

— А мы, что Рождество без елочки будем встречать, а, Наташа?

— Папа, ну я же болела, потому и...

— А сейчас как?

— А сейчас здорова. Саша хороший лекарь, заговором лечит или ещё чем, но помогает.

— Вот и хорошо. Может вы сходите в лес, принесете ёлочку или сосёнку. Наташа, опуститесь в подвал, ты знаешь где инструмент лежит. Возьмите топорик, а лучше ножовку, вы же не 100-летнюю ель валить будете.

— Хорошо, папа, сейчас оденемся и сходим.

— Только не задерживайтесь. Одна нога..., сами знаете, — предупредил строго, но с улыбкой отец.

Сколько жил, думал, что только в сказках можно идти в лес и срубить себе на праздник ёлку. А в нашей степной местности, если сажат сосенки по холмам, то за них, не дай Бог, если срубишь, штраф, а-то и срок могут припаять. А здесь лес рядом, как в огород за петрушкой идёшь.

За этим домом располагалась такая же многоэтажка, а уже за ней, метрах в 100—150 возвышался лес, с преимущественно хвойными деревьями. Наш лиственный лес не сравнить с хвойным, да ещё зимой, когда лапы елей прогнулись под массой снега на них и в образовавшихся у комля ствола пустотах, как в шалаше тебя могли ожидать разные неожиданности, птички и зверюшки. Снег серебрился, и лишь редкий зверёк осмеливался на следить на нём и при этом постараться так запутать их, что у преследователя, если будет идти по следу голова просто закружится и он забудет, что хотел.

— Глянь, какая красавица!

— Сейчас поровнее найдем, — отговаривала Наташа, пошли дальше.

— А мы не заплутаем? Снег, как пойдёт и следы наши все занесёт — я навечно останусь в этом лесу. Лешим.

— А я, Кикиморой, — поддержала меня в шутке Наташа.

Мы громко засмеялись, что мне показалось, что по лесу даже эхо пошло. Я прижал её к себе и стал жадно-жадно целовать, как будто мы целый год не виделись. Наташа обмякла, я потерял равновесие, и мы упали в глубокий снег. Снежинки бисером, поднявшись со снежного покрова, как песок от сильного ветра, осели на наших лицах, остудив немного пыл и, быстро тая, окропили наши разруганные лица капельками изумрудно чистой, дистиллированной воды. Наташа пыталась рукавичкой стереть капельки со своего лица, но я взял её руку своей и сказал:

— Не нужно. Ты прекрасна вот так, как Венера, рожденная в океане и вынесенная ветрами на ракушке к берегу. Богиня Любви, её нужно боготворить. Как можно представить жизнь и без любви. Ты можешь? Нет. И я не могу. Жизнь без любви — тлен. Но мы же не любим друг друга?

Я еле успел поймать её кулачок, замахнувшийся, чтобы ударить меня в лоб, как минимум или по губам. Я пристально смотрел её в глаза — там куражились «бесята» в виде искорок. Поднеси к ним порох — вспыхнет, однозначно.

— Не говори так о двоих сразу. Может быть, ты? А я люблю тебя, слышишь, бестолочь великовозрастная.

Я от смеха отвалился от нее и упал в противоположном направлении «вальтом», ноги к ногам. Я на секунду прикрыл глаза, так как снег вновь окропил моё лицо и тут же почувствовал на себе толчок от приземления на меня ревнивицы, как кошки, при ловле крупной дичи, подпрыгивает вверх и со всей массой и агрессивностью падает на жертву. Из грудной клетки вырвался произвольный выдох с характерным хрипом.

— Я сейчас тебе покажу. Я тебе посмеюсь над обиженной девчонкой. На! Получи. На-на!

Она колотила меня руками в грудь. Потом села на живот, как на поверженного врага и, приподнимаясь на ногах, пару раз опустила свою аккуратными и упругими ягодицами. Если бы я не понял, что сейчас будет и не напряг свой пресс, могло быть непредсказуемое.

— Сдаюсь! Пощади! Проси, что хочешь?

— Тебя хочу!

— Здесь?

— Да! Здесь и сейчас!

Я взял Наташу за талию, чтобы она не упала от резкого толчка, при моем подъёме, привстал, прижал к себе и снова опустился спиной на снег, но уже вместе с ней.

— Полежи, дорогая, остынь немного, у тебя жар.

Она пыталась снова вырваться, но я не дал. От резких движений капельки воды от растаявших кристалликов снежинок, собравшись у Наташи на кончике носа и собирались сорваться вниз. Но я не дал им это сделать, приподняв голову, дотронулся языком и капля скатилась по языку к пересохшему горлу. Я принялся целовать её, а она сопротивляться и брыкаться, но амплитуда брыканий становилась всё слабее и слабее и вскоре я почувствовал взаимные объятия на себе и теперь настал черёд моего «возрождения» от самой «Венеры».

Какое блаженство, что не передать. Но мысль о том, что это возможно последнее наше свидание не покидала меня на уровне подсознания. Как же нам объясниться, чтобы не травмировать душу и чувства девичьи? Я не хотел обманывать её, может быть кого-то другого, если по мелочи, но не эту девушку. Она, в отличие, хотя бы от той её тёзки, с которой я с некоторых пор даже не переписываюсь, была настоящая и чувства не прописные, как принято писать парню в письмах, не от души, а чтобы просто поласкать слух, она даже без слов кричала сво-

ей грудью, которая была прижата к моей и я слышал этот безмолвный крик, слышал биение любящего сердца. Да и я её люблю, однозначно, но иначе.

Я хочу, очень хочу эту девушку, и я боюсь, боюсь себя, боюсь, что я могу обмануть её, не сейчас, не завтра и, может быть даже не через год или два. Нехорошее предчувствие заставляло меня быть осторожным в словах, в тех словах, которых она, как никто достойна, и я должен, как минимум на весь лес кричать: «Я люблю тебя, Наташа! Я безумно сильно люблю тебя! Будь моей сейчас и навсегда!...»

А вместо этого, я смотрел ей в глаза, которые наполнились слезами, а на устах сияла милая улыбка, а за ней были видны вершины елей и голубое ясное небо. «Мир прекрасен потому, что в нём есть ты. Ты даришь счастье. Я счастлив с тобой!» — эти слова сейчас должны были эхом разноситься над прибалтийским лесом.

Не знаю, сколько бы мы могли так лежать и изучающе проникновенно смотреть друг на друга, если бы мне не стукнуло в голову — «Что ты делаешь? Ведь она ещё не переболела. Вставайте немедленно».

— Наташа, нужно подниматься. Нельзя тебе на холодном..., на холодном парне лежать.

Лёгкая оплеуха прилетела и ласково приземлилась у меня на левой щеке. Потом такая же нежная, с «протягом» прогладила правую щеку.

— Ой, как хорошо! Ой, как приятно! Ещё разок, ещё. Вот, так его, так!

Наташа смеялась и, после непродолжительного «избиения», поднялась. Подала мне руку.

— Вставай, Ромео.

Мы выбрали всё-таки ёлочку, хоть это сделать было очень трудно, так как их было изобилие и одна краше другой. Пришли домой чуть уставшими, но счастливыми — это точно. Два часа на природе, в лесу, накануне

Рождества, думаю, что это на всю жизнь запомнится. Да и вообще, ни один момент в жизни не повторяется, каждый индивидуален, а потому интересен.

Ёлку в зале наряжали сообща с родителями. Подключили мигающую гирлянду и выключили в этой комнате свет. Красивые разноцветные огоньки запрыгали по всем комнатам, вырвавшись изначально в коридор, но сильнее всего они были видны в спальне родителей, она прямо напротив зала, а Наташина наискосок. Мы пошли в комнату Наташи. Я хотел включить свет.

— Не нужно. Посидим без света, так загадочно и я бы сказала интимнее.

— Ты бы сказала или всё-таки сказала? — пошутил я.

— Да иди сюда! Стоит, как маяк на «острове любви».

— Откуда тебе знать о нём? Это же у нас в Усть-Двинске, в устье Даугавы. Он расположен напротив нашей военно-морской базы за рекой Бульпе, а с другой стороны его берега омывает Даугава. Я о нём давно слышу, но ни разу на нём не был. Туда или вплавь или зимой по льду можно попасть.

— Мне подруга рассказала, да ты её знаешь, та с которой я на почте работаю, она же с твоим товарищем начала встречаться, Сережей его зовут. Ну тот, что сосед твой по раскладушке. Вот он ей рассказывал, а она вчера мне звонила и рассказала. Такая счастливая. А он парень хороший, не обидит?

— Скорее я обижу, чем он. Хороший.

— Да? Вот оно что. Так ты меня собрался обижать?

— Ну, да! А, ты, что думала? — я посмотрел на её неподвижное лицо и не мог понять, она, шутя или всерьёз напрыглась, — да шучу, конечно, расслабься. Хотел, если бы, давно б обидел. Хотя, чего греха таить, обидел, конечно. Ты прости меня, Наташа! В преддверии Рождества, хочу попросить у тебя, вымолить прощения и понять меня, не со зла это я, совсем не со зла — по глупости.

— Ты о чём?

— Знаю, о чём. Прости меня!

Я резко приблизился и поцеловал её в лоб.

— Во, дела, — сидела на диване и смотрела на меня удивлёнными глазами, Наташа.

Незаметно пролетело время. Наташа невзначай как бы поинтересовалась, когда я назад поеду.

— А во сколько автобус последний идет?

— Где-то в районе 22 часов.

— Ну вот им и поеду.

— Остаться не хочешь, да?

— Ты же только спрашивала, когда уже наконец я уеду, а теперь.

— Неправда. Не ври, я не так сказала, я спросила, чтобы знать твои планы. А по мне, чтобы ты совсем не уезжал. Вот, если бы любил, так бы и сделал. Вот, как мой папа, полюбил маму и остался. Вот так же зачем-то в командировку приехал и остался навсегда. Во, как!

Тётя Валя пригласила нас к столу:

— Пора ужинать. Рождество-то все вместе встретить не сможем, но как получится. Не зря же ёлочку нарядили.

Отец Наташи, уже не спрашивая, разлил по рюмкам водки и сказал:

— Выпьем, да ты нам, жених, о себе расскажешь, как оно у вас с Наташей серьёзно или как. С наступающим Рождеством!

Выпили и закусили. Я заметил, что Виталий Иванович вовсе не забыл, а отложил вилку и приготовился слушать, его жена тоже искоса всё на меня поглядывала.

— Да, что тут рассказывать, жизнь недолгую прожил, славы с орденами и медалями не заработал. Сам я с донского края. Живу рядом с украинской границей, на окраине Донбасса. Жил и учился в селе. Родители, слава Богу, живы и ждут со службы домой. Весной домой, а может останусь работать в торговом флоте (ну зачем я соврал,

для меня же дорожка туда уже заказана, ну зачем?). Серьёзно у нас с Наташей или нет, время покажет. Думаю, что серьёзно.

— Да через время и живот может показать. А потом, обычно бросают.

— Да я, как-то на подлости не способен, Виталий Иванович. Не обижу я её, не обижу.

— Ну, спасибо и за это. А то, дочь-то у нас одна. Хотим, как и все родители ей счастья.

— А чем до службы занимался?

— Землю пахал, на тракторе работал.

— Понятно. Наш, рабочий класс, не интеллигенция. Ну, давайте за это, за это нужно выпить. Берите рюмки. За любовь!

Кто же за любовь откажется пить. Конечно выпили. За любовь можно и стакан сразу опрокинуть, не то, что рюмку. Я поглядывал всё на время и заметил, что не только я интересуюсь тем, какой уже час. Ну, что самому себя обманывать, ну не хотел я уезжать, не хотел, а раз сказал, то нужно слово держать. Хотя... А, если что-нибудь придумать, чтобы опоздать на автобус? А, что можно придумать?

Когда оставалось уже минут двадцать до автобуса, я, не нашёл выхода, взял просто и признался Наташе.

— Наташа, прости меня ещё раз. Я не хочу уезжать, но все знают, что у меня в 22 часа автобус. Ты что думаешь?

— Зачем спрашиваешь? Я рада, что ты заночуешь, а завтра утром поедешь, позавтракаешь и поедешь. И Рождество встретим с тобой, — обрадовалась Наташа, — я знаю, что делать.

Она пошла на кухню к матери и о чём-то там тихо говорила. Отец в это время сидел в зале и смотрел телевизор. Я сидел в Наташиной комнате на диване и ждал вердикт.

Наташа зашла улыбающаяся.

— Смотри, вот таблетки. Выпьешь сразу две штуки, — говорила она громко, чтобы через открытые двери маме было слышно, мне сделав знак пальцем «молчи», продолжила, — если не поможет, через время ещё выпьешь, а лучше «два пальца в рот» — это проверенный способ очистки желудка.

— Что ты матери сказала, а?

— Что ты чем-то отравился, дурно тебе. Как же тебя отпускать в дорогу, а вдруг там станет плохо. Нужно переждать, — сказала она уже совсем тихо.

Лучше этого плана и я бы не придумал. Наташа намотила мне подушек и уложила на диван, сама изображала из себя сиделку. Мне это откровенно нравилось. Давно меня так никто не убаюкивал. Наташа вышла к матери и о чём-то говорили. Потом, улыбаясь вошла в комнату и спросила:

— Ну, ты, как, мой больной?

— Лучше, сестра, — сдерживая смех, ответил я, — что там со временем, можно подниматься? Отбой учебной тревоги?!

— Да, сейчас пойдём в подвал...

— Мышей ловить?

— Да, нет же. Мама сказала: «Куда он в ночь пойдёт и уехать нечем. Пусть остаётся, возьмите в кладовке раскладушку, до утра переспит на ней. А потом, с Богом едет».

Меня опять смех начал душить.

— Ты чего? — насторожилась Наташа.

— Я не из-за этого. Мама у тебя замечательная и заботливая, как все мамы любит свою дочь. Я из-за раскладушки рассмеялся. Мы вдвоём будем на ней спать?

Теперь пришла очередь Наташи смеяться «первым номером». Наташа показала мне девичий альбом, который мало отличался от других, которые я видел и содер-

жанием, и оформлением и надписями с четверостишьями и цитатами.

— Оставайся, Саша, поможешь мне в институт поступить. Ты же умный, учился в институте.

— Ты предлагаешь мне продлить мою командировку на неопределённый срок, пока я тебе не надоем? Ну с этим вопросом нужно будет выходить, как минимум на Министра Обороны СССР, моего земляка Гречко А. А.

— Напиши, напиши ему, пусть отпустит. Скажи, что не можешь без меня. Так?! Что киваешь, скажи.

— Скажу, ох и скажу. Сейчас задеру тебе портки, да как задам.

— Ой, правда? Погоди милый, пусть хоть родители «угомонятся».

— Ох, Наташка, договоришься ты у меня.

— А ты у меня. Пора, пойду скажу маме, что тебе полегчало. Она переживает и думает, не грибами ли ты отравился? Да и поднимайся, за «тахтой» тебе пойдём. Я тебя прикрою в кладовке, будешь моим пленником, раз не хочешь добровольно остаться.

— Я буйный! Дом по кирпичикам от фундамента разбираю и вырвусь на свободу. Я так люблю свободу. А, кто её не любит, покажите того. Свобода действий во всех доступных нам четырёх измерениях, свобода мыслить и принимать решения, свобода любить не по принуждению, свобода — она сладкая, как твои поцелуи.

— Да? Тогда, когда вернемся из кладовки, будем чай пить без сахара. Правильно? Зачем? Я тебя буду целовать, как сахар тебе в прикуску к чаю будет.

— Договорились. Только не забудь. Ты сама это сказала, я за язык тебя не тянул. Я готов, пошли.

Мы занесли практически новую раскладушку, видимо не было в ней надобности, и она пылилась в кладовке на всякий случай. Этим «всяким случаем» оказался

на этот раз я. Мать Наташи дала постельное бельё мы устроили мягкое ложе посреди Наташиной комнаты, ну не в коридоре же меня уложить — неуважительно бы было по отношению к гостю, хоть и незваному.

— Скоро полночь. Я загадаю желание, и оно должно исполниться, потому что в это время небеса открываются, и Всевышний к нам становится очень близок. Я верю, оно исполнится.

— Ты веришь в эти предрассудки, как об этом говорят атеисты? Я и не знал, что для исполнения желаний не стоит напрягаться и прикладывать к их осуществлению ни усилий, ни других действий, способствующих этому, а просто шепнуть Господу на ушко и всё будет предоставлено на блюдечке с золотистой каёмочкой. Можешь ты знаешь волшебное слово, такое, как «пожалуйста».

— Знаю, конечно, знаю. Я знаю, что сказать. А, что скажу — это секрет. Если открою его, то не сбудется.

— Я тоже хочу, чтобы ты была счастлива, очень хочу, даже больше, чем себе хочу тебе счастья. Веришь? Вот, если признаться, то ты же не первая у меня девушка, это понятно, дожить до такого возраста, когда тебя «дядей» называют и не иметь ни одну девушку, не встречаться, не познав, хоть азы отношений парня с девушкой, понять то, для чего всё это и потом прочувствовать, а сможешь ли ты без этого обойтись, когда, если даже не «вкусил запретный плод», но лицеизрел его, трогал, держал в руках — это невозможно, хоть и возможно, в принципе, но ненормально. А вот так, как тебе я хочу пожелать светлого будущего, никому не было желания желать. Видимо, ты лучшая из них, в тебе есть то, что отличает тебя очень от них, я даже не могу это объяснить, но чувствую это, понимаю это. У тебя есть какая-то гармония между внешностью и внутренним миром, твоя непосредственность, прямота, которую я уважаю, чуткость, ранимость,

конечно и отзывчивость на чужую боль или просьбу, ты, просто, единственная и потому, будь счастлива.

— Ой, как хорошо сказал. Так помоги мне стать счастливой, раз так этого желаешь.

— Как? Я же не Бог.

— А кажешься таким умным, когда говоришь речи. Разве Бог делает счастливым? Бог даёт силы, уверенность, дарит надежду, помогает в достижении цели и желаний. Ты, только ты можешь это сделать. Сделай меня счастливой! Я буду самая счастливая и ты исполнишь своё желание. Сам говоришь, что «хочу, чтобы ты была счастлива» — так сделай это. И для этого не нужно золота и дорогих подарков — просто будь со мной, будь сейчас, завтра, всегда.

— ???

— Что, не можешь или не хочешь?

— Конечно хочу, а вот смогу ли, в этом сильно сомневаюсь. Я не хочу, чтобы было разочарование. Врать тем более не люблю и не хочу, ну разве, если чуть-чуть и «во благо» — это не воспрещается.

— А это разве не «во благо»? Сделай счастливой, разве это не «во благо»?!

— Наташа, человек может быть сиюминутно счастлив, как ребёнок, которому дали конфет, но это же не на всю жизнь. Попытаться сделать счастливым человека можно и нужно, но нет уверенности, у меня нет в этом уверенности.

— Я поняла. Ты боишься, просто боишься сделать важный шаг навстречу своему счастью, своей судьбе.

— Наташа, Саша, мы будем Рождество встречать? — послышалось приглашение матери Наташи.

— Пойдём, философ, Рождество встречать. А я верю и загадаю, непременно, желание.

Выпили чисто символически за наступившее Рождество и пожелали друг другу здоровья и счастья в наступа-

ющем году. Что ещё желала Наташа в полночь, я не знаю, но догадываюсь, конечно. Да и кто из нас не хочет быть счастливым? Все хотят быть счастливы и это самое заветное желание на Рождество или Новый год, как принято у нас по Новым традициям.

Посидели с полчаса, поговорили. Меня больше никто не домогался с расспросами. Видимо и так всё было понятно, дело молодое. Да и не то сейчас время, Рождество, Спаситель наш, Иисус Христос родился, а мы с мелких житейских дел говорить будем — это несерьёзно. Да и что я мог сказать им на вопросы, если бы они были конкретные? То, что я люблю вашу дочь и прошу у нее руку и сердце? Это было бы лицемерно и скоропостижно, под натиском обстоятельств. Я бы этого не хотел, а тот, кто желал бы этого, мог в последствие пожалеть о том.

Наташа помогла маме убрать стол на кухне, я пошёл покурить на лестничную площадку, отец Наташи ушел в зал и уселся в кресло для просмотра ночной программы. Вернувшись, я не нашёл Наташу на кухне, пожелав родителям доброй ночи, пошёл в комнату Наташи. Она стола напротив окна и рассеянный свет с улицы вырисовывал её миниатюрные формы фигуры чётко из-за того, что она переделалась не в привычную женскую «ночнучку», а в коротенькую маечку, облегающую её бюст и талию, и трусики.

— Ложись, Ромео, я тебе постелила. Доброй ночи!

— А сладенького «десерта» в виде поцелуя сегодня нет в перечне Рождественских желаний?

— Ты же пожелал сделать меня счастливой, пообещать это своей девушке в Рождественскую ночь, а почему я должна. Ложись. Я тебя, как сыночка в лобик поцелую.

— Спасибо и за это, мама! Отвернись, я раздеваться буду.

— Ой, не могу. Держите меня, скромняга. С каких пор такое стеснение? Ты, наверное, и на меня в таком одеянии смотреть не хочешь? Что не хороша?

— Наташка, не трогай за «больное», а иначе я за себя не ручаюсь. Придётся родителей звать на помощь.

— Что сам не справишься? Свечку держали чтобы, да?

Меня душил смех и кровь вздувала мои вены, сердце вырывалось из груди, я действительно пытался направить мыли в другое русло, но здесь в такой обстановке это сделать было невозможно, сверх человеческих сил. Не знаю откуда я это взял, может и сам придумал, но я закрыл глаза, сделал глубокий, насколько было возможно вдох и выдох, повторил несколько раз, при этом заметил, что я, сосредоточившись на этом упражнении, как минимум, на минуту забыл думать о Наташе, ни о чём, кроме того, что нужно глубоко вдохнуть и до конца выдохнуть.

Затем, не открывая глаз, сидя на краю раскладушки, просто перевернулся на приготовленное ложе. Пружины, не привыкшие к растяжению их, под действием насильственного приложения силы, в данном случае веса тела, протяжно и многоголосо застонали. Наступила тишина. По этой тишине я мог лишь понять, что Наташа так и стоит неподвижно на том же месте.

Потом слышались легкие, как у кошки шаги, Наталья отбросила плед и легла на свой диван. «Опять обидел» — подумал я. Но, что я сделаю, я всегда такой, делаю — не думаю или считаю, что это нормально или прикольно, или «ты же не равнодушна к этому моему поступку, а значит будешь думать об этом и обо мне» — это тоже очень вероятное объяснение моего нестандартного поведения.

Настала «гробовая» тишина, было слышно, как похрапывает за двумя закрытыми дверьми хозяин, думаю,

что и родительская спальня тоже было закрыта, я ощущал даже Наташино дыхание и понимал, что она не спит, повернувшись к стене лицом, ко мне задом. Вспомнилась сказка «Морозко», когда Иванушка в поиске Настеньки приказывал избушке Бабы Яги: «...повернись к лесу задом, ко мне передом!» Кино и немцы, так и наши отношения взрослых детей, иначе не скажешь.

Я лежал, глядя в потолок и думал, что той основной цели, с которой я ехал к Наташе, я не добился. К тому же был поставлен в то положение, которое не предполагал, а должен был — это по поводу родительских расспросов. В них не было бы ничего предрассудительного, если бы не мои мысли о том, что нужно по-доброму расстаться с Наташей. По всей видимости, я больше сюда не приеду, а Наташа, тем более никогда не приедет ко мне, хотя бы в ту же Ригу, в часть. При желании, это сделать совсем не сложно, но будет ли желание. Нужно поспать, а мысли, одолевающие меня и на спине, и на боку не давали это сделать, тем более я старался меньше ворочаться, так как это сопровождалось неприятными «стонами» пружин кровати-раскладушки.

Видимо не судьба мне сегодня заснуть. Но виноват же я в этом сам, уехал бы вовремя и тогда разница была бы в том, что раскладушка была бы сломанной и по соседству сопел бы Серёга, а не..., Господи, Боже мой, эта дорогая, ранившая сердце девушка. Осторожно повернул голову и столкнулся с пристальным взглядом Наташи, это я безошибочно определил по слабому блеску глаз. Её голова была выше от моей и немного дальше, у меня за головой. Мне необходимо было тянуть шею, поворачиваясь назад, она же смотрела, как и положено принцессе — сверху вниз. Эта дуэль продолжаться долго не могла.

— Закрывай глазки, солнышко кареглазое, я тебе колыбельную спою, — я первым подал голос, — спи, это я

на новом месте не засну, а ты спи, ты ещё не окрепла, нужно набираться сил.

— Какой заботливый, папаша, — с упрёком произнесла Наташа, а потом совершенно другим тоном попросила, — иди сюда, иди ко мне. С тобой я засну, без тебя никак.

— А, это...

— Без «А», прыгай, пока я добрая.

Я действительно, за две секунды оказался на диване под пледом и ощутил с блаженным теплом от её тела и запах, заставляющий ноздри широко раздуваться, чтобы не упустить не одну его частичку, как будто я смогу его сохранить в себе навсегда.

— Я замерзла. Согрей меня, — прошептала Наташа и я действительно ощутил её дрожь. Была ли эта дрожь последствием простуды или ещё чего, я не знаю.

Я обнял её, при прикосновении она вздрогнула, как от испуга или неожиданности, прижалась ближе ко мне и дрожь постепенно ушла. Мы наслаждались плотным контактом, я даже ощущал пульс на её животике и часто колотящееся сердце в груди. Уверен, что у меня сердцебиение было не менее частое.

Мои руки перестали подчиняться разуму, они начали производить «ревизию» того богатства, которое нужно было прощупать, потрогать, ощутить и нежно поласкать поглаживанием, фиксируя, как степлером, поцелуем. Ввиду того, что места, где мои губы касались её нежное тело, терялись в списке исполненных и я, из-за этой забывчивости начинал все сначала и сначала. А во всем виновата память, а что ещё?

Мы оба проваливались в ту негу, за которой следовало неземное блаженство и души наши уже парили где-то над нами, а тела сконцентрировались в неразрывной композиции потока удовольствия, блаженства и страсти, под названием счастье. Да, это были минуты счастья,

Наташа их получила, а я, естественно и не в меньшей мере, а может быть и в большей, тоже. Истома завладела нашими разгорячёнными телами, грациозно распластанными на диване без какого-либо прикрытия и приятное головокружение, погружающее нас в глубокий омут, омут любви и страсти неудержимого желания.

— Ты — мой! Ты сделал меня счастливой. Какое счастье!

— Я люблю тебя! — услышала Наташа в ответ.

— Что я слышу, не поняла? Повтори.

— Я те-бя люб-лю!

— А, как я тебя люблю!?

— Как кошка собаку?

— Ну, вот, опять ты. Ну зачем?

— Прости! Верю, конечно, верю больше, чем себе, — и эти слова признания были искренни.

Наташа была права в том, что только вместе мы сможем уснуть, правда под самое утро и-то блаженство после бурной ночи продлилось совсем не долго.

— Наташка! Выйди ко мне, — послышался голос матери Наташи, которая заглянула и увидев то, что не хотела даже, резко закрыла дверь и оттуда уже позвала.

Я всё отчетливо видел, так как я лежал на диване, как и Наташа в том, как мать родила, с той разницей только, что я на спине, а Наташа на моей груди, а дверная защелка делала довольно звонкий щелчок, напоминающий звук затвора автомата, и не могла не разбудить.

Глава VIII. ДМБ

С Наташей мы расстались неопределённо, больше, как хорошие и давние друзья, чем как влюблённые. Конечно, львиную долю в это внёс я, потому что не хотел

горячих и слёзных расставаний. Мне и так долго пришлось после казнить себя, проклиная за слабование и желание переложить, может быть самого важного вопроса или одного из них со своих сильных плеч, на слабые девичьи плечи.

Как Наташа перенесла эту разлуку, с надеждой, конечно, что мы после Нового года снова встретимся и всё будет, как прежде, будет радость встреч и счастье свиданий. Но уввы и ах.

Я просто боялся этого чувства. Я сильно ожегся и уже не раз на девушках. Достаточно вспомнить, Нину, мою бывшую одноклассницу. Раны на сердце от разрыва с той, на которую у меня были большие надежды и сильные чувства, я об Наталье, которая, скорее всего уже готовится к свадьбе, если ещё не вышла.

Всё остальное и все остальные — это новогодняя мишура, на которую не стоит обращать внимание. Ну, познакомились, ну переписывались, встречались даже и не раз — это же нельзя назвать любовью. Приятное времяпровождения, скрашивающее скучные дни службы. Мне хорошо и приятно и, надеюсь, что девушкам также со мной скучно не было. Ира выделяется здесь особенно, но не буду трогать за больные места, пусть заживятся немного.

А вот по поводу моего неожиданного сватовства — это загадка века. Я, наверное, и умру, не узнав истинные причины такого поведения со мной совершенно незнакомой девушки, которая, практически через час стала моей «узаконенной» перед Святой иконой невестой. И сейчас я не могу поверить, ну как же так, я после не смог найти этот домик, почему не попросил адрес, почему?

Кто испытывал подобное чувства чего-то таинственного, невыясненного, когда все концы обрываются и «корабль памяти» уносит в открытое море истории, без

названия и опознавательных знаков принадлежности. За всю жизнь я не могу припомнить второго подобного, необъяснимого феномена. По таким сюжетам можно сценарий писать и снимать фильм типа «Необыкновенное чудо».

А, что касается чуда, которое могло произойти, если бы после новогодних праздников я смог снова поехать в составе сборного отряда в Цесис, но этого не произошло. Мой знакомый Серёга Тарасевич продолжал встречаться с подругой Наташи, Верой, и в последствии, когда командировка закончилась, приходил ко мне специально, чтобы передать, как она сказала «лично» привет от Наташи.

Она всё знала, но не предприняла попытку связаться со мной, написать письмо, отшлёпать меня по щекам, как она умеет, хотя бы заочно, в письме. Я ни в коем случае не ставлю это в укор и не имею право. Она девушка, гордая девушка и не должна, наверное, унижаться передо мной или кем угодно другим.

Но, с другой стороны, может быть вот таким образом и проверяются чувства. Я целый месяц страдал и казнил себя за такой не мужской поступок. Но не хватило у меня смелости, я же для этого и ехал к Наташе, а на самом деле поддался на чары и не сдержался, забыв зачем приехал. Но мне же было хорошо, я был счастлив. И не все смогут, как я, лишиться себя такого поистине блаженного удовольствия. Я не оправдываюсь, моему поступку нет оправдания, как несмелости, трусости, даже, проявленной тогда. Ещё два месяца, когда видел кого-то в увольнении, в которые я ходил, чтобы совсем не записаться в секту баптистов, чем-то схожей, хоть чуток с Наташей, сердце у меня обрывалось или учащенно билось до тех пор, пока я не понимал, что ошибся.

Ирина стала понимать, что со мной что-то происходит, но не хотела травмировать меня вопросами, мы про-

сто проводили с ней время, отведённое увольнительной. Я даже в самоходы, практически перестал бегать, что еще полгода назад было свято. Ломка внутри меня продолжалась и уже скоро год, начиная с моего отпуска.

Весна тянулась мучительно долго, с начала ожиданием приказа Министра Обороны СССР о призыве и увольнении из рядов СА и ВМФ, а затем ещё мучительнее, когда начинались уже увольнения. А тут ещё моя готовность в первую очередь «бросаться под танк», если так нужно Родине, дивизиону, ставшей родным домом лодке Б-75, казарме, где прожил больше двух лет к ряду, экипажу и лично командиру, которого я всегда уважал, сыграла со мной злую шутку.

Командир попросил годков, оказать лично ему помощь, взамен чего он обещал за «годковскую», как называли, работу демобилизовать нас в первую очередь. Конечно, обещание было заманчивым, но для меня более определяющим выбор стало то, что просит командир, ему это нужно. Я не мог не откликнуться.

Вкратце объясню суть дела. У «кэпа» была видевшая виды автомашина ГАЗ-21 «Волга». Он хотел отметить свой уход на заслуженный отдых, который должен состояться летом, поездкой всей семьей на Чёрное море. А для этого необходимо было привести автомобиль в надлежащий вид. Мы чистили наждачной бумагой детали кузова и облицовки, те, что было сказано, разбирали и т. д.

Сделав ставку на «годков», командир решил сразу две задачи, иначе говоря «убил двух зайцев»: во-первых, мы были при деле и здесь точно надеяться не на кого, нужно было трудиться самим; во-вторых, мы не мулили глаза ни на корабле, ни на территории, ни в кубрике казармы, потому что всё равно от нас никакой работы здесь и пользы не дождётся.

Мы ходили в гаражи свободно, как гражданские. И в принципе это нас устраивало. Но ремонт затягивался

и уже «первые ласточки» полетели уволенными в запас домой. Затем «кэп» сказал, что ему обещали какие-то дефицитные детали кузова, а в то время всё было дефицитным, на авторемонтном заводе в Риге, но для этого нам нужно было их отработать. Утром приезжал микроавтобус «Латвия», забирал нас, шесть человек, и вез на завод. Там мы делали всё, что нам говорили. Конечно, это была низкоквалифицированная, грязная работа.

А закончилось это тем, что 27 мая, двоих из нашего «трудового десанта», после работы, мы не успели ещё и переодеться, сегодняшним днём уволили из рядов ВМФ и было сказано, если через полчаса не будем готовы, отложат увольнение до завтра. Сами понимаете, какое там завтра. Сегодня, сейчас. Сборы были скомканные, как будто в казарме случился пожар. Все бегали и всё летало. Со мной уходил Толя Черкасов.

Увидев в курилке недовольного Витю Турова, похлопал его по плечу и подбодрил:

— Витёк, чего ты такой хмурый? Сбылась твоя мечта, с сегодняшнего дня я уже не твой командир отделения. Забывай место, а лучше оставайся служить «сундуком», — видя, что тот засопел и надулся, я пожал крепко ему руку и добавил, — не держи зла, братишка, не поминай лихом.

Мы даже не успели со всеми распрощаться, как следует. Нас ждал мичман Самарин, мой старшина команды. Его задача была доставить нас на вокзал, чтобы мы негде не зацепились. Молодые дали нам уставные брюки и голландки, а приготовленную перешитую форму мы тиснули в портфели.

В специальном окошке для военнослужащих нам выдали проездные билеты, правда ехали мы в разные стороны, я через Минск, а он в сторону Москвы. Мы зашли в галюнь, переоделись, уставную форму передали мичману и попрощались. Подошло время, ждал я недолго и вот уже поезд отходит от Рижского вокзала.

Кто меня уже успел изучить, транспорт — это для меня что-то из ряда тех мест, где я очень часто знакомился. Но оно мне вот это надо? Я вспомнил, как в Зернограде на вокзале познакомился с Наташей, приехавшей из Новочеркасска к тёте; вспомнил и поездку на ночном поезде из того же Зернограда, с целью познакомиться с девушками и тоже с не очень приятным итогом; я вспомнил и автобус в отпуске, где я познакомился с Галиной; а теперь я еду через Минск — о, Господи, да я же год назад в таком же поезде познакомился с Сашей.

Нет, нет, хватит мне приключений. Никаких девушек. Я даже отношения с Наташей разорвал, с кровью проросшие в сердце корни любви вырывал, не дав им укорениться, садист и мазохист одновременно. Нет, проеду спокойно через Минск и домой, домой. Хоть меня опять никто не ждёт там. Вернее, ждут, но не знают когда я приеду.

А может остаться в Минске, проведать Сашу и потом домой. Спешить-то особо некуда и не к кому, кроме родных, конечно. Что я всё о «бабах», простите, о девушках и о девушках, помешался, что ли на них. Как же тут не помешаешься, когда весна, а они такие красивые и в легких платьицах и коротеньких юбочках.

Нет, эта тема — табу.

«А к Наташе, если бы жила в Минске точно заехал, да?» — слышу свой внутренний голос.

«Ну, да! Врать не стану, заехал бы. Вот так на полчаса, чтобы убедиться, что у неё всё хорошо и пожелать счастья».

«Ну, зачем ты сам себе врешь? Да не на полчаса, а, если бы она была свободна, то, возможно, что и на всегда „пришвартовался“ в её гавани», — не давал покоя внутренний голос.

«Не твоё дело, понял!» — начал сердиться я.

«Нет, не понял. Я и ты — одно целое и ты меня „посылаешь“? — начинал обижаться внутренний голос, — ты смотри, не пожалей. Я твой Ангел-хранитель, со мной нельзя грубо обращаться, я могу и обидеться».

«Ну, зануда!»

«Что ты говоришь, морячок?» — допытывался внутренний голос.

«Я с тобой больше не разговариваю, понял?»

«Зря! Ох и зря. Ты уже столько глупостей наделал. Слушался бы меня, прислушивался, хотя бы и все было бы намного лучше. Мы, Ангелы общаемся друг с другом, я мог бы подсуетиться с Ангелом интересующего тебя человека и, если замыслил бы благое дело, мы вдвоём бы помогли тебе его реализовать в жизнь. А ты заладил «не твоё дело», а чьё же? — донимал и донимал Ангел, словно «вампир».

«Давай я тебя сейчас проверю. Скажи, мне стоит сделать пересадку в Минске, чтобы увидеть знакомую или не стоит, лучше домой сразу ехать?» — задал я умышленно тот вопрос, который действительно был сейчас самым актуальным.

«Однозначно, не стоит. А послушаешь ли ты меня?!»

«Вот возьму и назло тебе, сойду в Минске», — начал я уже нервничать, хотя понимал, что он прав.

«Назло себе, морячок», — со вздохом ответил Ангел и умолк.

Поезд пришёл рано утром, только рассветать начинало. Я вспомнил, что год назад всё было точно так, только тогда я поехал дальше, а Саша сошла. Вот неугомонный, может послушать свой внутренний голос. Проводница объявила: «Минск. Не забываем вещи. Минск!»

Всё, решено, схожу.

Я вышел на перрон, меня обдало утренней свежестью вперемешку с запахами вагонов и креозота шпал. Пройдя через вокзал, присел чуть поодаль, чтобы про-

сто спокойно покурить и подумать. Прикинул, когда лучше заявиться в тѣзке. Сегодня какой день? Да сегодня же воскресенье. Думаю, что горожане в выходные любят понежиться в постели. Вот часов в семь утра, в половине восьмого будет в самый раз. А, если позже, то можно будет разминуться. Только нужно будет узнать, где находится эта улица, дом и как доехать.

В справочной мне сказали, что мне нужно сесть на такой-то автобус и ехать по проспекту Независимости до площади Победы, а там встать и или пройти или спросить, чем проехать ещё пару остановок, пересев на другой маршрут до ул. Куйбышева. Часов в шесть, я вышел на остановку, указанную мне женщиной в справочной. Сел в указанный из перечня номеров автобус, а они все шли практически до площади Победы, а дальше маршруты расходились. Я так понял.

Когда вышел, решил пройти по утреннему воскресному Минску. Но вскоре начал понимать, что зря я так сделал. Мои не разношенные новые ботинки давали о себе знать, я растёр ноги и стал идти прихрамывая. Квартира, где жила Саша была на втором этаже. Вот это появление без предупреждения могло неизвестно чем закончиться. Почему я был уверен, что она может ждать только меня? Тем более прошёл целый год.

Я поднялся и позвонил. Через минуту ещё раз. Дверь открыла потирающая глаза девушка.

— Я... а Саша дома? — с неуверенностью спросил я.

— Сейчас. Шура, к тебе пришли. Морячок.

— Девушка, не стала закрывать дверь, повернулась и пошла, а через пять секунд в ночной рубашке и брошенном сверху халате, также спросонья, но улыбаясь, вышла Саша.

— Ой, как неожиданно. Хоть бы предупредил. Саша, здравствуй! — Она потянулась и чмокнула меня в щеку, — заходи!

Я вошел в прихожую комнату. Саша, попросила присесть и обождать немного, пока умоется, да оденется чуток.

Я присел за столик у окна. Через несколько минут появилась Саша, освежившаяся утренним туалетом и одетая уже в другой лёгкий халатик.

— Какими судьбами? Отслужил, значит. Ну почему ты не предупредил, я бы тебя встретила на вокзале.

— Да это лишнее. У тебя тапочек нет? Я в туалет хочу пройти. Ноги совсем растёр.

— Сейчас дам.

Она быстро подала тапочки, малого размера, но шоркать в них можно.

— А мы собирались сегодня с Леной, вы не познакомились, прогуляться, сегодня же выходной. Может с нами, я тебе Минск покажу.

— С удовольствием, только я много ходить не смогу, извини.

— Ах, да. Тогда мы ходим возьмём чего-нибудь, чтоб отметить твой приезд и, если не против, пригласим тебе для компании парня Лены.

— А своего не будешь? — глядя прямо в глаза, спросил напрямую Сашу.

— Но ты же здесь!

— Неужели?

— Что не веришь? Саша, у меня никого нет. По работе товарищи и всё. Почему ты не веришь?

Хотелось сказать правду — «потому, что сам вот такой», как говорят: «каждый думает в меру своей распушенности». Если честно, то не только чувств ревности, вообще никаких не было к этой девушке, которую я и знать только по письмам. Симпатичная позитивная девушка, с формами, которые мне нравятся. Прямые каштановые волосы, короткая стрижка, высоко расположенные груди-«мячики», ростом мне по брови. Коро-

че, девушка, как девушка. Чего пристали! — это на всякий случай, чтоб внутренний голос услышал.

— Почему не верю. Просто жить в таком большом городе, столице, работать не совсем женском коллективе, не с совсем женской профессией токаря и не иметь жёна — не совсем понятно.

— А ты пойми. Сам, небось, что Дон-Жуан? Да в такой красивой форме, любая глаз положит.

— Мне и одной достаточно.

— Кому же выпала такая честь?

— Ты, что не видишь себя в зеркало?

— Да, ладно тебе, шутник, — Саша откровенно раскатило рассмеялась, — нашем принцессу в деревенской девчонке.

— Ага. А я весь городской, да? — теперь мы смеялись вместе.

Подружка позвонила куда-то и через полчаса, может быть чуть больше, в комнате, как Джин из лампы появился высокий молодой человек, представившийся, Николаем, в отличие от Саши и Веры, был коренным жителем, студент заканчивающий через год институт. С Верой он встречался около полугода, как выяснилось и никакого намека на свадьбу ещё ей не делал. Нужно было диплом получить на руки. Служить, как я понял, он не собирался или в институте была военная кафедра.

Мы собрались пройтись немного по городу и скупиться девушки собирались. Когда я предложил «складчину», они отказались, заявив, что ты наш гость, мы сами все организуем. Я одел купленную заранее в Риге рубашку с лавсаном, она была с модным широким воротником, белая с меткими цветными кубиками, прочная и практически не мнущаяся. Я её одевал в поезде. А сейчас в такую жару, а к 10 часам она была ощутима, в шерстяной голландке было бы очень жарко. В качестве обуви Саша предложила тапочки подруги, у которой размер был не 37,

как у неё, а 39-й, в крайнем случае я не шлепал пятками по асфальту.

Мы обошли площадь вокруг монумента в честь Великой Победы в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. и направились в ближайший гастроном, так как мои гиды поняли, что если зайдём далеко, то назад меня нести придётся.

Вернувшись в квартиру, девчонки стали готовить на стол, а мы с Николаем, открыв настежь большое окно в прихожей, курили, высунувшись в него и созерцая за действием на улице. Говорить с ним особо не о чем было. Он только спросил меня:

— А ты давно с Сашей дружишь?

— Переписываюсь год. А что ты спрашиваешь?

— Да я думал, почему она часто домой ездит к родителям. Вот моя Вера тоже из села, они даже землячки с Сашей, она редко ездит, потому что здесь у нее я есть.

— А может быть у Саши там, в селе парень есть? Может такое быть?

— Нет. Я бы знал. Они с Верой делятся всем, а та не может язык за зубами держать всё мне растрезвонивать начинает, хоть оно мне и не интересно, — уверенно ответил Николай.

— Понятно.

— Мальчики, за стол!

Мы разлили по рюмкам водочку, девчатам вина, которое они себе сами выбрали и Николай, на правах частного гостя предложил тост:

— За гостеприимных хозяйшечек!

— За вас, девчонки! — поддержал и я.

— А теперь, за новое знакомство! — подняла второй тост Вера.

Саша больше молчала, периодически бросая взгляды на меня, как бы оценивая моё состояние, не пьянею ли я

и не заскучал ли в конец. Когда налили по третьей, я опередил всех и сказал тоже тост:

— Простите меня за наглость, хоть мне и слова не давали...

— Говори, коль начал, — поддержал Николай.

— Третий тост, обычно у нас, моряков, принято поднимать «За тех, кто в море!». Если вы не против, то давайте за них выпьем.

Мы выпили и за тех, кому сейчас должно быть икнулось. Закусив, мы вышли на улицу подышать свежим воздухом. Весна благоухала и собиралась передавать эстафету лету.

— Чем дома займешься, Саня? — поинтересовался Николай, — профессия есть?

— Да, есть, рабочая. И половина института до службы закончил. Думаю, нужно добивать до диплома.

— А мне отец уже место присмотрел для быстрого карьерного роста. Через год-два, как укоренюсь в коллективе, начну продвигаться. Иначе, можно всю жизнь в специалистах среднего звена с высшим образованием просидеть. А потом можно будет и о женитьбе подумать.

— А, что Вера, согласна ждать до 22 лет, пока ты выучишься, поднимешься по карьерной лестнице, а там ещё двух лет не хватит, нужно будет ещё годика три подождать, пока кресло освободится, ей тогда уже до 25-ти ждать?

— Конечно! Она же понимает, что быть женой руководителя лучше, чем женой слесаря на заводе, где сама токарем работает, — с некой гордостью констатировал Николай.

— Может быть ты и прав, не знаю и не уверен даже. Я в ближайшие годы не собираюсь жениться, нужно погулять на свободе. Не три года, конечно, а два точно девушек только через забор и видел, — честно ответил то, что думал.

— Женись на Саше, не пожалеешь, девушка хорошая, домашняя. Будет тебе обеды готовить, детей воспитывать, с работы ждать.

— Да рано ещё об этом, мы друг друга почти не знаем. Письма-письмами, а живое общение не сравнить, тут не только шуры-муры и ссоры, и разлады могут быть. Нет, я жениться не собираюсь. Мне самому к гражданской жизни не меньше месяца привыкать. Поживём — увидим, как-то с грустью ответил я.

— Смотри, упустишь, потом жалеть будешь, — высказал опеку обо мне Коля.

— Брат, на наш век девушек хватит, были бы мы и были бы людьми. Хотя, не исключено и такое, когда выходит замуж за человека, а он потом козлом оказывается. Пошли, что ли, а-то нас уже спохватились.

Саша провожала меня вечером на вокзале. Мы стояли, обнявшись долго и неподвижно. Казалось, и знакомы давно, а говорить-то и не о чём совсем.

— Теперь твоя очередь ко мне в гости приехать, — я прервал затянувшееся молчание.

— Приеду, обязательно, летом у меня отпуск, возьму и приеду. А ты меня замуж возьмешь?

Я чуть отклонил её, держа за плечи, чтобы видеть её глаза, но ничего не мог понять в её тёмных, карих глазах. Я не смог пробиться в их глубину, как было раньше, вглядываясь пристально в глаза, читаешь всё и видишь всё до самого их донышка.

— Ты в Полесье живёшь и зовут тебя Олеся, а бабашка твоя ворожея?

— Ты о чем, Саша? — засмеялась девушка, тёзка моя.

— Да, так пустое. Что-то в логову пришло, к чему — не пойму. Приезжай, конечно, только не на один день, чтобы мы хоть чуть-чуть лучше друг друга узнали.

— Ты не ответил мне, возьмешь меня замуж?

— Так и так понятно. Чего бы я к тебе приезжал. Возьму, конечно. Чего же не взять, не косая, не хромая и бабушка не ворожея...

— Ты опять. Я серьёзно, — обидевшись, насупилась Сашенька.

— Ты девушка хорошая. Вот я тебе не раз говорил, что понравилась мне сразу и сильно. Думаю даже, что люблю. Нужно проверить чувства, а на это нужно время. Мне вот трех лет не хватило, чтобы разобраться, а когда устроил «очную ставку» и сразу выяснилось, что никакой любви нет, только в письмах, как клеше: «Люблю! Крепко обнимаю! Целую! Жду!», а на самом деле давно уже ждала другого и постоянно и не в письмах, а наяву, обнимая и целуя, ну и так далее...

— Какой ты расчетливый.

— Нет, Саша. Я просто ожегся уже, сильно и даже не раз. Возможно, что из-за этого и другие, ни в чём не виновные девушки пострадали от моего неблагодарного отношения к ним, как будто я в их лице, из-за доступности, мстил тем, которые мне недоступны.

— Как сложно, но я, в принципе, поняла. Хорошо, будь, по-твоему. Встретимся, пообщаемся, лучше друга друга узнаем. Видишь, как сегодня получилось. Если бы я знала, я бы попросила, как это делала моя подруга, отправляя меня домой, когда ей хотелось побыть наедине с женихом, так и я могла бы сделать. А теперь чего уже об этом говорить.

— Ты тоже отправляла не раз Веру, когда нужно было с кем-нибудь остаться?

— Я тебя сейчас ударю, — сердилась моя тетка.

— Это мне знакомо. Шучу я. Это не моё дело. Я тебе кто? Пока никто.

— Я напишу тебе, Саша, — услышав объявление об отправлении поезда, засуетилась Саша.

Я прижал и крепко поцеловал Сашеньку. Мне нрави-

лось моё же имя, только по отношению к девушке. У нее на глазах появились, как я считал, неподдельные слёзы.

— Ты чего, а? Не на три года же провожаешь. Захочешь увидеть, приезжай, только напиши, чтобы я всех девок от себя успел разогнать.

— Ну опять шутишь.

— Пока! Жду! — прокричал я впрыгивая с разгона на трап вагона.

— Эх, молодежь! — толи с осуждением, толи с пониманием и воспоминаниями своей молодости произнесла со вздохом проводница, — проходи в вагон, я двери закрываю.

Я вошел в вагон и просунувшись к окну помахал моей девушке, стоявшей неподвижно на перроне и машущей мне в ответ.

В вагоне, кроме меня ехало ещё два дембеля, солдаты ехали домой из Минска. Мы быстро познакомились. Вся дальнейшая поездка была и памятной, и беспамятной, в плане, проходящей в частичном «беспамятстве». Не успел поезд тронуться, а разложившие на своих столиках ужины, видимо те, кто ехал уже давно с Прибалтики, стали приглашать в большей мере меня, сотрапезничать с ними.

Я вежливо отказывался, но кто не знает русского гостеприимства, желания сделать что-то доброе и уважительного трепетного отношения к молодым людям отдающим или отдавшим уже свой гражданский долг Родине, тем более, если их сын, а порой и не один тоже служил или служит где-то, тот меня не поймёт. Долго отказываться от приглашения нельзя было — обидятся. Кушать особенно не хотелось, тогда мне предлагали поднять аппетит. Чисто символически то там, то здесь звучали тосты и попеременно и «За тех, кто в море».

Я упустил момент, не рассказал, что было у меня в дембельском портфеле. Я же уезжал в спешке, без сбо-

ров и подготовки особой. Львиную долю объёма вместительного портфеля на два замка занимал неоформленный фотоальбом. Мой земляк, Сергей Раевский, оформивший десятки альбомов «годкам» мне так, и не удосужился, хоть и обещал. Видимо это в крови «Великого шланга» — не делать никому ничего бесплатно. Ну и ладно, решил я и так сойдёт. А фотографий было много. Я их вез в многочисленных пакетах от фотобумаги. Они занимали один из двух отделов портфеля.

Во втором было, как положено, кроме рубашки, о которой я говорил, подарки: маме — блузку и набор из одеколона и духов; отцу — традиционно сигареты, ещё хотел купить рижского бальзама, но из-за этой суматохи не успел и сигареты; братьям — модные в то время ремни на резинке и платочки бабушкам. Вот и всё. Портфель полон.

— Братишка, иди к нам, — приглашали от купе плацкарте к купе.

Я уже начал теряться, где находится моё место по билету и мой портфель. Там полчаса, там полчаса, а поезд тах-тах-тах на стыках и всё ближе к дому. Мы то встречались с дембелями в каком-либо купе, то опять расходились по вагону. Честно скажу, вагон-ресторан был лишним. Всё и в избытке было здесь на месте.

— Мореман, открой консервы. Вы же там в море их по-особому открываете, да?

— Щас! — я был изрядно «хорош», чтобы отказаться от такого удовольствия, — давай нож.

Мне дали складной нож с открытым лезвием. Жаб колоть им, наверное, в самый раз.

— Другого нет?

— Нет, другого. Вот у соседей взяли.

Я поставил нож на столик, лезвием кверху и сверху с размаха попробовал нанизать на него банку. При этой нож закрылся и порезал руку между большим и указа-

тельным пальцем. Брызнула кровь, гонимая работающим на большой частоте «кровоным насосом», на пол вместе с кровью потёк томатный консервант, заливая пол.

— О, Господи! — взвизгнула женщина и закрыла лицо.

— Мелочи. До свадьбы заживёт, — сказал я ей, — тем более, что я скоро жениться не собираюсь. Мне всего 23 года и три из них на службе. Нужно «оторваться», пока молодой.

Мне дали носовой платочек, я зажал руку и пошёл в тамбур. Хотел зайти в туалет и обмыть руку.

— Не делай этого, — сказал один из дембелей, которого звали Геной, ехавший в Харьков, — держи сигарету, закуривай.

Мы закурили вдвоём, а когда на сигарете собиралось приличное количество пепла, я открывал рану, и мы засыпали её пеплом. Когда сигареты были выкурены, мой новый знакомый взял платочек и плотно обвязал рану.

— Пусть побудет немного так, не снимай. До завтра, как на собаке заживёт.

— Спасибо, зёма, за комплимент.

— Ни за шо! — заулыбался он.

Время глухой ночи, а вагон ещё не угомонился, кто-то храпит, кто-то играет в карты, кто-то вернулся из ресторана и чего-то пытается разложить на месте предполагаемого лежбища, не обращая внимание на то, что на его лежбище сидят ещё люди и потому его постель, ну, хоть плачь не хочется разворачиваться.

— Братишка, а ты альбом дембельский везешь домой? — интересовался зёма-дембель.

— Да, везу, только мне не хватило три года, чтобы его собрать: вахта, девки, самоволки, «губа», наряды, да и лень.

— Ну покажи, хоть что везешь. Мне интересно.

Я открыл портфель, достал альбом. Из него начали высыпаться фотографии.

Зёма, положил альбом на нижнюю полку, сам присел напротив и начал листать. Фотографии были разбросаны между калькой и картонными листами альбома беспорядочно.

— Знаешь, что, давай отложим альбом. Я тебе дам фото в пакетах, и ты просмотришь их, так будет удобнее.

Постепенно вокруг нас стали собираться любопытные. Фотографии пошли по рукам. Их уже смотрели и в других купе.

— Зёма, подпиши мне это фото, если не жалко.

— Легко. Есть чем?

— И мне можно, стесняясь протянула мою, понравившуюся ей фотографию, молодая девушка.

— Вам, непременно, как подписать?

— Кате от меня на добрую память или как-то как.

— Катюша?! Замечательное имя, Катя.

— Сань, ты прям, как кинозвезда, автографы раздаёшь.

— Ну это с твоей подачи. Кто среди ночи решил фотки поглазеть?

— По этому случаю нужно это всё «взбрызнуть», у меня есть, я сейчас, — Гена скрылся в глубину вагона.

Через пять минут пришёл сияющий и половиной бутылки водки. В другой руке нес нехитрую закуску в виде сырка.

— Где там стопари?

— Вот они, насыпай.

— Кто ещё будет?

Поддерживающий нам компанию мужик, заворчал и повернувшись пробормотал:

— Будя на сегодня. Спасть надо.

Тогда на двоих, сказал Гена, и чтобы не размазывать по стенкам, разлил за раз.

— За что?

— За тех, кто в море уже пили. Давай выпьем за то, чтобы количество погружений всегда равнялось количеству всплытий. И не обязательно этот тост подводника, он подходит всем. Давай за это и выпьем.

— Пойдёт! — поддержал меня Гена, — хороший тост. Давай!

Утром, когда меня опять стали приглашать завтракать, я понял, что мне ещё ехать целые сутки и если так все пойдёт дальше, то я просто не доеду или сбегу где-нибудь в степях под Полтавой и пойду через Харьков пешком. Нет, не пойду через Харьков, там у меня была девушка в 74 году, когда я был на практике, могу застрять. Хотя, за четыре года она наверняка за муж вышла и ребёночка родила. Время летит, не заметишь, это оно на службе ползёт медленней черепахи.

Меня растолкала проводница и спросила:

— Морячок, доброе утро! Никак не можешь проснуться. Я столько после вчера от вас тут бутылок вынесла. Так же и спиться можно всего за полтора суток, что ехали. Успенка. Тут встанешь или до Таганрога?

— До Таганрога, — прошептал я и опустив голову на вторую полку, крепенько задремал под стук колёс.

— Вставай же, морячок! Таганрог. Поезд минуты три всего стоит, — снова меня тормошила проводница.

Я вскочил, начал одеваться и запихивать то, что было разбросано на столике с ночи в портфель. Отёкшие ноги не хотели влезать в ботинки, обул с большими усилиями.

— Всем пока! Не поминайте лихом! — выбегая обратился к попутчикам.

— Счастливо, морячок! — услышал ответ вдогонку.

Доехав электричкой из Таганрога, я шёл словно пленный от вокзала через центральную площадь.

— Брат! Братишка, — услышал я радостный крик.

Навстречу мне бежал мой брат, Витя. Откуда он мог знать или это случайность? Конечно случайность, я, да-

же, если бы и хотел, не успел бы сообщить, разве что телеграммой из Минска. Но разве я об этом тогда думал.

— Давай сундук. Пришёл, совсем. Мы уже полмесяца тебя выглядываем. Не отставай, брат, домой приехал, бежать должен.

«Ты прав, брат!» — подумал я и слёзы наворачивались, не столько от боли в ногах, сколько от радости — «Я дома!» — кричала душа.

Часть четвёртая. Метаморфоз



Глава I. Саша

Кого бы из всех девушек я мог бы осчастливить? Честно скажу, что не знаю. Когда мы молоды и бесшабашны, то можем обещать и кричать на весь мир, что мол «я всю смогу ради любви», «я всё смогу, я всё сумею, переживу, переболею». Из всего сказанного только крайнее получается сделать лучше всего — пережить и переболеть. А обещать что-либо под любовные грёзы, когда эмоциями переполнен разум, когда человек теряет, как зверь во время «гона» чувство опасности даже, чувство реальности, фантазирует и верит в исполнение своих сказочных желаний и обещаний.

Вот здесь я скорее всего, может быть из-за уже не юного возраста, стал больше реалистом, чем фантазёром и так легко, как это могло быть на первых этапах любовных приключений, когда всё это воспринималось как та же новогодняя мишура, без которой новогодний праздник превращался в будничным день. Возможно, на это отразилось моё детство и юность, когда мы, как и многие советские семьи испытывали нужду. Мы видели реальный мир, мир, в котором ходить в заплатах было не зазорно, мир, когда мать резала свои старые простые чулки, непригодные для носки на равные четыре куска, зашивали их с одной стороны и мы одевали их вместо носков и даже гольф.

Нас с раннего детства отец научил мотать портянки на ногу, потому что представить в селе жизнь, без резиновых и кирзовых сапог невозможно, а не потому, что готовил из нас будущих солдат. Сам-то он в осенью 1944 года, будучи призван в ряды Красной Армии учился мотать и носил обмотки и это было накануне Великой Победы над врагом. Сапоги требовались фронту.

Мы не были разбалованы сладостями. Когда находили пустые бутылки, сдавали их в магазин и покупали в красивых баночках карамель «Монпансье», «Барборис» или «Ирис». Несмотря на то, что мы жили в селе и держали хозяйство, кур, гусей, пару кабанчиков, одного себе, на Рождество резали, другого продавали, чтобы были деньги на обновки. Что там говорить, если я уже, учась в институте, носил хромовые сапоги отца, который их бережно носил до этого больше 20 лет и это не было зазорно. Правда, голенище их я прятал под штанины брюк, но характерное цоканье подбитых каблучков всё равно выдавали обувь.

Я не мог дарить девушкам, даже периодически цветы, да и не только я, жизнь была такая. Я не мог пригласить девушку в ресторан, а если бы осмелился и пригласил, то следующие полмесяца мне нужно было залечь в берлогу и «сосать лапу». Но мы были авантюристы и могли вдвоём с другом совершить поездку в гости к девушкам в другой город, с пересадкой, провести там целые сутки с ночёвкой, имея в кармане 20 копеек на двоих, вернуться благополучно назад и на эти деньги купить по два пирожка с ливером каждому.

Было другое время, эпоха «застоя», но она не могла затронуть наши молодые любящие сердца и трепетные души. Мы влюблялись и влюблялись не как сейчас, а наивно иногда, по-детски, а наши помыслы были в разы чище, планы скромнее, запросы мизерные, желания скромные. Мы были молоды и счастливы, счастливы потому, что просто любили, а не потому, что имели крутые «тачки», квартиры, подаренные «папиками» и «мамочками» любимым чадам, вот к тому времени могло подойти высказывание: «С милым — рай в шалаше!»

Со сколькими девушками я не встречался, мне ни разу не приходило в голову поинтересоваться, а кто её родители, какое место в обществе занимали. Мне было без-

различно. Единственно, что хотелось перед девушкой выглядеть более достойно, в смысле одежды, но не всегда это получалось. Не могли же трое-четверо товарищей, из твоих студентов-одногоруппников своими приличными куртками и модными брюками-колоколами обеспечить всех желающих, идущих на свидание.

И потом, один раз ты покрасуешься в престижном шмотье, а потом будешь как объяснять смену прикида? Да и не это было главное, хотя, как говорилось в те годы: «Встречают по одежке, а провожают по уму». И родители, больше из-за того, что просто не могли позволить обеспечить детей тем, что нравилось и было в моде.

Первые качественные джинсы мне купила мама, уже женатому в середине 80-х годов. Я работал инженером с окладом 130 рублей, а они стоили 100 рублей. Да, мы жили от зарплаты до зарплаты, занимая, чтобы дожить несколько дней, а потом отдавая, естественно и так повторялось из месяца в месяц.

Чтобы жить лучше, нужно было воровать. Лично я, если не хорошо, то правильно воспитанный и знавший, как мне подсказывала социалистическая мораль и как усваивал эти нормы и правила общежития Кроха из стихов Маяковского «Что такое хорошо и что такое плохо». Лично мне было стыдно попросить у постороннего человека сигарету, когда у меня просто закончились, мне было стыдно просить, чтобы не подумали, что я побирушка, БИЧ.

А я не был «бывшим интеллигентным человеком», я хотел быть настоящим, как мой отец с шестилетним школьным образованием, но с такой душевной глубиной, с такими понятиями высоких материй, что диву даёшься. Я не мог дарить девушкам дорогие подарки, я мог дарить нескончаемым потоком любовь. Бесспорно, это не могло быть безвозвратно, но я не требовал взаимовыгодного возврата. Я был щедр на любовь и счастлив, ко-

гда видел, что приношу радость этим, как минимум, а кому-то и счастье общения и радостные, неповторимые моменты жизни, которые остались и в сердце, и в моей памяти навсегда.

Возвращаясь к вопросу «кого бы я мог осчастливить», я опять отвечу не однозначно, потому что тут нет однозначного ответа. Чтобы сделать человека счастливым, нужно удовлетворить все его желания, запросы, которыми определяется его понятие счастья. И не обязательно, что сегодня девушка тебе говорит: «С тобою мне рай в шалаше», а завтра у нее появится такое желание, которое может даже стать непреодолимым препятствием к доступному сегодня девичьему сердцу. Всё просчитать нельзя, невозможно. Люди иногда меняются по каким-то причинам или из-за стержневости характера, который мы не замечали из-за того, что были без ума влюблены и пришли в себя только тогда, когда любимая поставила вам условие или ультиматум.

Я точно знаю, что с любой из моих бывших девушек, если изначально я понимал, что люблю её, я бы делал всё от меня возможное, чтобы сделать её по максимуму счастливой, но а богатой не мог, потому что: во-первых я не мог заставить себя воровать, воровать с нарастающим аппетитом; во-вторых, я не был и не собирался быть коммунистом, что отрезало мне в самом начале подъёма по карьерной лестнице дорогу. Многие мои однокурсники, знакомые и даже родственники сделали себе карьеру на комсомольском поприще, будучи первыми секретарями комитетов комсомола районов, хоть и не сразу, а к моменту распада Союза. И когда делился «общественный» каравай, они сумели отхватить себе увесистые куски. Нам же нищebroдам доставались, в лучшем случае крошки, которые нужно было поднимать с пола.

Прямота, желание «резать правду матку в глаза» делали своё дело, да ещё плюс к этому отсутствие лояльно-

сти, компромиссной тактики и откровенного подхалимажа, часто гордыня. И имея образование, и незаурядные способности, не мог оставаться равнодушным подчиненным, беспрекословным исполнителем всех указаний бездарных начальников, которые в отличие от таких как я в основном были заняты строительством служебной лестницы, часто даже с применением «загребания жара», необходимого для приготовления сытного пирога ему же, но чужими руками.

Я думаю, что мог бы был жениться на любой своей девушке, если бы дело дошло до этого и я был готов к семейной жизни. Я мог бы первые годы быть счастливым с Ириной, а потом не уверен, потому что видел задатки в ней роковой, к тому времени женщины, разбивающей сердца мужчин с постоянно возрастающими запросами.

Мне кажется, что у меня мог получиться интересный семейный союз с Таней, ставшей, по сказочному стечению обстоятельств моей законной невестой. Нам бы точно скучно в жизни не было, мы дополняли гармонично друг друга. И думаю, что она могла бы добиться больших успехов, став актрисой или занявшись творчеством. В ней было то, чего не было ни в одной из моих ранее и позже встречаемых девушек. Это какой-то самородок, который, при умелой огранке любовью и заботой можно было превратить в красивейший бриллиант.

С Наташей, за которой у меня долго не могло наступить состояние равновесия в плоскости «нулевого уровня», часто, при воспоминании учащался пульс и мысли поднимали «ил» воспоминаний, я мог бы прожить долгую и спокойную жизнь, как жили многие советские семьи. Думаю, что много детей у нас бы не было, скорее всего один ребёнок. Возможно, что она смогла бы настоять, чтобы мы жили на её родине, а не на моей, но я в этом не уверен.

Да и если бы такой вопрос встал, то он сопровождался бы тяжестью осадка от споров и аргументов в пользу одного или другого решения. И, возможно, что я, скрипя сердцем, пошел на уступки любимой, но это сильно бы повлияло бы на мой внутренний мир, который был оторван от корней, питающих его. Она смогла бы закончить какое-то учебное заведение, работать офисным служащим где-либо, я инженером где-нибудь на заводе, из-за чего мы бы переехали в Ригу или другой город, и мы бы жили, как среднестатистическая советская семья, вплоть до известных событий, предшествующих распаду Союза, лет 10—12 счастливо. А на большее я прогнозы уже и примерные дать не могу, потому что слишком хорошо знаю себя и на что я готов в неординарных ситуациях и обстановке.

Отношений с Сашей у меня, как таковых не было, но девушка была «на выдане», т.е. ей пора было задуматься о семейных узах, потому что 19 лет для девушки — это возраст, не то, что парню. Я заметил это в её глазах, когда заехал с «визитом вежливости» в мае по пути домой из Риги. Чувств, как таковых сильных не было, так же, как и у неё ко мне. Да и взяться им некуда. Симпатия, конечно, присутствовала взаимная. Но вы же знаете так же, как и я, сколько семей живут без любви. И мы, наверное, смогли бы до поры до времени, если бы на появился у кого-то из нас тот или та, от которой захотелось мотыльком летать, даже бросаясь в пламя костра страсти и ненасытной любви. И тогда бы семейные узы не удержали ни совместно прожитые годы, ни нажитое добро, ни дети — ни чего. Союз распался бы, я так прогнозирую. Возможно, я и ошибаюсь. Каждому свойственно ошибаться. Но о чём это я. По поводу Саши еще история не закончила. Будет эпизод, который, возможно, или подтвердит, или рассеет сомнения по поводу моей тётки.

Ну вот опять придётся вспомнить и по новой пережить те моменты, которые... Да что это я начинаю. Итак, обо всём по порядку

Недели две или даже чуть больше я после того, как демобилизовался, отдыхал, кутил и никак не мог притереться к новой жизни, от которой я надолго был оторван. На второй день я выпросил у мамы матрас на кровать, первую ночь промучился на мягкой перине и не смог спать. И после этого уже никогда не спал на перине — ложе аристократов. Как они могут на ней спать, как по мне, так лучше на голом полу.

Бражничество мне быстро надоело. Нужно было искать работу. И как-то получилось, что двоюродная сестра позвала в колхоз, в соседнем районе, где жизнь процветала, строились животноводческие комплексы, строились квартиры для специалистов и тружеников производств. Короче, я поехал и посмотрел. Хозяйство было действительно перспективным.

Подходила горячая пора уборки, рук не хватало и рабочих, и специалистов. Мне предложили работу мастера-наладчика изначально с перспективой продвижения в должности. По поводу жилья, председатель пообещал, как женишься, так сразу четырёхкомнатную квартиру получаешь. Строили много, целая новая улица выросла за несколько лет и домов пять требовали внутренней отделки.

Улица называлась Молодёжная. На ней действительно проживали большей частью молодые специалисты. А специалисты пользовались такой льготой, что могли в отличие от простых тружеников колхоза, имеющих своё подсобное хозяйство, выписывать с колхозного склада продукты пропитания, в основном мясо. Потому к улице и прилипло другое название, «Мясная».

Из-за этого, конечно, местные труженики, живущие династиями десятки лет, не могли себе так часто позволить себе выписывать то же дешёвое мясо без особого случая, недолюбливали спецов. «Чем они лучше нас? — могли сказать работяги, — мы в дерьме копаемся, продукцию даём, а они, „толстопузы“ только пользуются благами». А особыми для местного простого люда могли быть или свадьба, или похороны, где требовалось много приготовлений и особенно мясных блюд. Картошка-то у всех на огородах была, а кабанчиков на такие случаи в своем подсобном хозяйстве не напасешься, затратно очень.

Так как я не был женат и не собирался, то пришлось жить у сестры, которая и пригласила меня. Тома работала здесь зоотехником, пока не стала освобожденным секретарём комсомольской организации колхоза. Муж Виктор был главным зоотехником. Был у них сынишка Дима, ему было всего два годика, шустрый, как и все малыши. Иногда, когда родители спешили на работу, а зять уходил вообще рано на планёрку, мне приходилось водить племянника за руку в садик. Знаете приятное занятие. Хоть у меня в планах даже ещё не было заводить детей и от кого, а вот общаться с малышом трогало струны черствеющей души.

Вечерами, как и вся молодёжь села собирались у клуба или для просмотра фильма или по выходным на танцы. При клубе был сельский ВИА, руководил им способный музыкант Александр. Кто помнит то время, даже, если музыканты играли фальшиво популярные в то время хиты, но музыка была в живую и громко, то кто на это обращал внимание. Было весело, задорно, поднималось настроение — что ещё нужно молодым, кроме как расходиться после танцев в тёплый летний вечер, а вернее ночь, в прекрасном расположении духа в обнимку со своими любимыми, всем, кроме меня и тем скромня-

гам, которые до сих пор не осмелились подойти к девушке и сказать: «Ты мне нравишься. Давай с тобой дружить?! Можно я тебя провожу до дома?».

Нравилась мне одна девушка, звали её Галина. Вот сейчас вспомнил, не знаю почему, но она была похожа на другую мою знакомую Галину из с. Самбек. Может быть просто совпадение.

У неё были точёные ярко выраженные черты лица, бесподобная волнистая причёска, я даже сомневался, что она сделана искусственно, скорее всего натуральные завитушки. Она приехали по распределению из сельскохозяйственного техникума и жила на квартире на другой половине села, которая в отличие от той, где жил я, где были асфальтированные улицы, клуб, магазин, детский садик, целая улица «Мясная», там ничего этого не было. Там были в большей степени старенькие хаты и простенькие дома, а в непогоду на улице грязь.

Попытки разбить ей сердце у меня не увенчались успехом. Тогда я подумал: «Старик, теряешь квалификацию». А чем ещё занималась молодёжь, если не было девушки? Правильно, занималась спортом, под названием «литробол». Благо с этим перебоев в магазине не было.

Работал я с напарником в звене по обслуживанию техники. Это был агрегат технического обслуживания АТО-4822 на шасси автомобиля ГАЗ-52. Агрегат был укомплектован необходимым оборудованием для выполнения уходных работ за тракторами, а в данный период уборки, в большей степени за комбайнами, для заправки и технического обслуживания их. Агрегат имел ёмкости для воды, различных смазочных материалов, диагностические приборы и инструменты.

Водителем был мой давний родственник, как оказалось, Дмитрий Григорьевич, тоже бывший моряк. Мы быстро нашли с ним общий язык, он был не из тех, кто ищет конфликт, а из тех, который никогда ни с кем

не ссорится и со всеми ладит. Всегда с улыбкой и отменным чувством юмора, настоящий братишка, в смысле коллеги по службе на флоте.

Когда мы выезжали в поле для обслуживания комбайном, самое дефицитное из технических жидкостей была вода, я попросил напарника дать мне порулить, что я умею и пусть сам в этом убедится и через пару дней дядя Митя доверил мне руль самостоятельно. Комбайны сильно грелись в жару и пожнивные остатки, семена «парашутики» осота забивали сердцевину радиатора, несмотря на защитные сетки, облепливали двигатели и те места, где были потёки масел из системы гидравлики. Мы должны были за день раза два объехать все уборочные звенья, отмыть и очистить комбайны, заправить маслами, если требовалось и сделать то, что необходимо по ТО.

Воды в лучшем случае хватало на два комбайна. Приходилось ездить в село и заполнять емкость под колонкой с хорошим напором на «Мясной» улице. Мне нравилось управлять автомобилем, а навыки первые я приобрёл ещё 10 лет тому назад, в то время, когда мне доверяли водители ездить на ГАЗ-51 в поле, подъезжая для разгрузки зерна из бункера комбайна в кузов.

Я привык к работе, мне она нравилась, она соответствовала специфике моей будущей профессии. И голова постепенно освобождалась от любовных страданий и мыслей о девушках. И без них жизнь налаживалась и стремительно, как и желание поскорей проявить себя. Не зря же я больше двух лет штаны протирал в институтских аудиториях.

И вдруг, как снег на голову в жаркий июльский день, телеграмма: «Рассчиталась Приезжаю встречай Ростове ХХ.07 рейс 2759 девять 45 Саша». Больше всего меня убило первое — рассчиталась. Это как понимать? Едет с вещами жить ко мне? Куда? Что мне завтра у председателя

квартиру просить? Ну, квартиру-не квартиру, а на планёрку идти придётся, отпроситься нужно за свой счёт «по семейным обстоятельствам». А на сколько проситься? Надолго не отпустят, уборка, попросу на три дня, а там посмотрим.

Председатель выслушал, улыбнулся:

— Значит, жениться думаешь? Похвально. Жильё будет, женись.

— Виктор Васильевич, что я вам плохое сделал, что вы меня женить решили?

— Так тебя не отпускать, раз это не так серьёзно и в связи с производственной необходимостью? Время сейчас такое напряжённое, уборка.

— А как я перед девушкой буду выглядеть. Нет, я встречу и познакомлю гостью с нашими замечательными местами, долиной «изобилия» с речкой Тузлов, показать, как живут у нас люди, в каких квартирах со всеми удобствами.

— Да, это так. Ладно, пусть Дмитрий Григорьевич потрудится пока сам. Думаю, что выдержит, флотская закалка. Да и ты же в Морфлоте служил?!

— Служил, служил, да весь вышел. Спасибо большое!

Первым рейсом автобуса я ехал в Ростов. Голова была забита черновыми планами, что мне делать с Сашей? Действительно ли она едет с вещами и имеет серьёзные намерения выйти за меня замуж? Но мы ведь говорили об этом полусерьёзно, неужели она всё так серьёзно приняла?

«Вот, морячок, приплыл ты, однако!» — проявился, давно не общавшийся со мной внутренний голос.

«А, явился, не запылится. Но я же не планировал пока жениться. Зачем мне это?» — не мог взять себе в голову, что «слово — не воробей, вылетит — не поймашь», — я шутя говорил, а Саша, видимо слова приняла всерьёз».

«Спасовал — слабак!» — внутренний голос пытался меня в чувство привести.

«Да, нет. Просто это неожиданно, как обухом по голове. Такие вещи, как я думаю не делаются так поспешно».

«Ну, да, конечно! Ты, видимо забыл, как за два часа сам себя засватал на незнакомой до того девушке? Напомнить, Цесис, замок, сватовство, благословение...» — ухмылялся мой Ангел-хранитель.

«Ну, хватит. Да, ты прав. Было такое. Да не пасую я. Но, как-то не так, думаю, должно быть. Ладно, „отвянь“, я сам разберусь. Всё будет хорошо», — серьёзно ответил себе, настраивая себя на то, что будет так, как должно быть и ничего теперь уже не поделаешь.

«Ну, ну, посмотрим. Бывай, морячок».

Самолёт задерживался, и я нервно курил у входа в аэропорт сигарету за сигаретой. Посмотрел на букет, купленный невдалеке, и подумал, что так и цветы завянут, не только я. А, вообще-то, почему я должен завянуть? Ко мне девушка едет, не едет, а летит. Это о чём-то говорит?!

Ну, наконец-то! Я выбросил только что прикуренную очередную сигареты, она полетела мимо урны, по радио объявили о посадке самолёта «Минск — Ростов-на-Дону», рейс 2759. Через контрольный проход шли пассажиры и я всматривался в их лица, искал среди них будущую жены. Фу, ты, что это мне в голову такие мысли лезут?

Вот и она, улыбающаяся, в легком шёлковом сарафане и с дамской сумочкой на руке. Я шагнул навстречу, поцеловал, подарил цветы. После мы посмотрели друг другу в глаза. Я впервые увидел в её глазах искорки.

— За вещами? — спросил я, зная, что багаж движется из багажного отделения по эскалатору и его нужно будет забирать.

— Нет, никаких вещей. Я приехала пока в отпуск на пару дней, чтобы посмотреть, как ты тут живёшь. Ты же приглашал? Или передумал, а сообщить в письме забыл?

— Всё верно. Пошли тогда.

— Дорогой, ты как будто не рад мне?

— Это не так. Я просто был очень озадачен, если ничего не сказать, только от слов твоих в телеграмме. Если бы меня ударили обухом по голове, то было бы намного легче, чем вот так.

— Вот так я тебя испугала тем, что жить к тебе переезжаю?

— А, если бы я так точно сделал, ты как бы среагировала, когда сама на квартире, да ещё и не сама живёшь?

— Ладно, успокойся. Я правда, сначала засуетилась расщитаться и ехать к тебе жить. Отправить успела телеграмму. А потом подумала, а вдруг мне тут не понравится? Сорваться-то легко, а потом как оно?

— Я-то думал, что ты ко мне приехала, а ты посмотреть, как тут и что тут, да?!

— Саша, ну не цепляйся к словам. К тебе, конечно и посмотреть, где я буду жить, если ты возьмешь меня за муж. Что передумал?

— Как бы ты не передумала. Ты знаешь какой я дурной?

— Нет, не знаю. Скажи, буду знать.

— Я решил бросить институт, уже твёрдо решил. А, когда одумался всё же, не стал менять своё решение, потому что сам себя перестал уважать бы. Мужик сказал — мужик сделал. И ещё есть поговорка «лошадей на переправе не меняют».

— Вот видишь, это всё твоя упёртость. Так бы уже был бы инженером, работал где-нибудь, да хоть и в этом твоём Крюково, но не тем, кем сейчас, а начальником повыше намного. Так же?

— Зря я сам затеял этот разговор. Прости! Побуду для тебя пока гидом, а там будем посмотреть.

В автобусе я нашел Саше место, а сам не смог сидеть рядом, так пожилая женщина стояла в проходе. Саша предусмотрительно пропустила её к окошку, чтобы нам не пришлось разговаривать через голову человека, которому это совсем не нужно и не интересно. В слободе Большекрепинской освободилось место, и мы пересели на кресла вместе.

Саша из-за бессонной ночи в самолёте, положила мне голову на плечо и дремала. Господи, я забыл за всё, о чём думал и говорил раньше. Мне было очень приятно, что я кому-то нужен: нужен не как работник, выполняющий добросовестно свои обязанности; нужен не как дядя, который водил племянника в садик и забирал, если был раньше дома из садика; как человек, на которого можно было положиться и в прямом и в переносном смысле. Я склонил к её голове свою и ощутил запах свежо вымытой головы, легкий аромат духов, с примесью девичьего пота, что совершенно не портило мои приятные ощущения, а лишь вызывали желание обнять, прижать к груди и целовать, целовать и говорить, говорить те слова, от которых у нее закружится голова. Я же ей никогда их не говорил, не было повода, а ведь умею и как.

Прошли все сомнения и упреки, высказанные и не высказанные, мне хотелось просто гладить её по прямым волосам со стрижкой, типа «Каре». Мне просто было хорошо и на душе, наконец-то настал покой. Надолго ли — я не знал. Я знал только одно, что я не дам в обиду эту девушку и сам не обижу. А слова... А, что слова, «слова — не воробей, вылетят — не поймаешь». Язык мой был врагом моим, я это знал, но всегда в соревнованиях на «скорострельность», он, как ни странно выигрывал у мысли, хотя, мысль считается самой быстрой на свете, как я знаю, она может пронизывать простран-

ства и миры, на расстоянии миллионов световых лет за доли секунд, а вот за моим языком успевать не могли.

— Сашенька, приехали! — я легонько потряс её за плечо, — мы выходим, автобус дальше идёт.

Сестра и муж были на работе. Я показал, где я живу, мою холостяцкую комнату, где по большому счёту ничего не было из-за её небольших размеров и ещё потому, что мне ничего и не надо было. При необходимости я мог пользоваться всем, что имелось в квартире сестры, но даже телевизор смотрел редко. Если было свободное время, я гулял, а возвратившись, падал спать.

— А вот моя «Ласточка», — я показал, на стоявшую в глубине двора «Яву» - «старушку» с коляской.

Мне её отец подарил, когда я со службы пришёл и сюда устраивался, чтобы я их не забывал, навещал, да и вообще, для личных нужд.

— Девушек катать на ней, да?

— Ты будешь первой, кого я прокачу на мотоцикле, будучи его хозяином. А кого он возил до меня не знаю, я третий хозяин. Вот хочу тебя с родителями познакомить. Ближним путём ехать — 40 км, а дальним через районный центр почти 60 будет, но там места красивее. Каким поедем?

— Ну, сам сказал, что там места красивее, значит им.

— Завтра или перекусим и вперёд.

— Перекусим и вперёд, — заулыбалась Саша.

— Сашенька, садись в коляску, так будет лучше.

— Почему? Может я хочу тебя обнимать?

— Думаю, что у нас для этого ещё будет время, если ты на ночь не собираешься уезжать? Просто, если ты будешь в коляске, я буду уверенно ехать, а так с опаской, чтобы не перевернуться. Ты любишь быструю езду? Ну вот, а я быстро езжу. И ветровку накинь, жарко не будет, да и пыли не столько падёт на твой сарафанчик. В путь?

— В путь!

Мы проехали, если судить по спидометру более ста километров, так как я старался показать Саше наши местные достопримечательности, главными из которых были кручи Донецкого кряжа, живописные места Примиусья, сама река с заросшими ивами, дубками и другими лиственными деревьями и кустарником, Алексеевский лес и степные просторы. Мы сворачивали то влево, то вправо, то ехали долго просёлочными дорогами, оставляя за собой след шин и шлейф пыли.

Я заметил, что моя попутчица вовсе не экстремал и заметно устала, тем более после перелёта и дороги. Приехали мы домой к родителям ближе в 5 часов вечера. Мама была дома и готовила ужин труженикам, отец и брат были на работе.

Когда я зашел на кухню, а мама обернулась на отрывающуюся дверь, то чуть дар речи не потеряла и с трудом удержала сковороду с поджаркой в руках. Пододвинула табурет и присела.

— О, господи, напугали! Я подумала кто его знает что.

— Ма, здравствуйте! Знакомьтесь, это Саша.

— Саша, моя мама, Мария Петровна.

— Очень приятно, улыбаясь ответила девушка.

— Вот как хорошо, позовешь «Саша» и оба сразу сбегутся, не перепутаешь.

— Ага! Или оба подумают, что это не меня зовут и с места не сдвинутся. Всяко может быть.

— А тебя как лучше Сашей или Шурой звать?

— Мне нравится Сашей, родители с детства звали, и я так привыкла.

— Так ты из села Крюково? Я там с семьёй в эвакуации жила на краю села, у церкви.

— Ага! Щас! Ма, Саша из Минска, «бульбашка», — повернувшись в Саше, моргнул, — или у вас так не называют, обидно?

— Лишь бы в печь не сажали, а то всё можно.

— Ну и лады. Дети проходите в комнату. Скоро наши труженики, мужики с работы придут и будем кушать. Я-то из школы раньше, после трех прихожу. А бабушка приболела чего-то. То я приду, она и суп, и борщ, и что другое приготовит.

— Пойдём, Саша.

Я заглянул в комнату, где лежала бабушка, она открыла глаза.

— Бабулечка, ты чего? Лето на дворе, работы столько, а Вы болеть? А огород кто полоть будет?

— Ой, внучок, расхворалась я совсем.

— А я вот с невестой приехал, Саша покажись. Вот моя Саша. Деревенская девушка, работающая. Будет Вам помощница до дому. Да, Саша? Вот, она согласная. Ладно, отдыхайте.

Мы прошли в зал, присели на диван.

— Приляг, ноги гудят?

— Хорошо.

Я подложил ей подушку под голову, сам сел в ногах и ноги приподнял, положил себе на колени.

— Так будет лучше, когда «ноги в гору», как говорят, быстрее усталость проходит. Я не шучу.

Саша прикрыла глаза, а я откинулся на спинку дивана. Так неподвижно просидели минут двадцать. Саша задремала, спала так сладко и трогательно, что я не посмел её тревожить, а хотел оставить и пойти к маме на кухню, чтобы поговорить.

— Ой, я заснула, — приподнимаясь, с чувством неловкости, произнесла Саша.

— Ой, сколько там ты заснула, минут пять. Полежи ещё. Я сейчас отойду ненадолго, хорошо?

Саша покачала головой.

Я пошёл на кухню, чтобы поговорить с мамой, но она опередила меня, начав с упрёков:

— Саша, тебе трудно было предупредить. Что гостя скажет, мы не ждали, везде бардак, да и вообще.

— Ма, успокойтесь. Я сам об этом два дня назад только узнал. Саша телеграмму прислала. Ма, а я женюсь. Ты же этого хотела.

— О, Господи! Да, что же вы делаете со мной? А нельзя было как-то подготовить, что ли?

— Да, я пошутил, ма. Мы ещё ничего не решила. Саша «на смотрины» приехала.

— Откуда она у тебя? Я думала, что после разрыва с Наташкой у тебя никого нет. Когда ты успел?

— Давно, ма, больше года назад. Я вот чё хотел. Ты разрешишь нам пожить денёк-другой, а?

— А, что мать может не разрешить? Да живите, сколько нужно. Для начала займете нашу с отцом спальню, мы пока в меньшей перекантуемся. А, если надолго, тогда будем решать, как нам лучше распределиться. Но ты же работу не бросил, в деревню поедешь?

— Ну, конечно, не бросил. Всё нормально, отпуск за свой счёт взял.

Вечером состоялось знакомство за ужином. Родители, как и все, старались побольше расспросить и о работе, и о родителях, и о планах жизненных.

Саша быстро привыкла к обстановке и без стеснения отвечала на все вопросы. Когда я замечал, что вопросы её конфузили, то вмешивался и переводил тему разговора в другое русло или отшучивался вместо неё.

Вечером недолго погуляли по посёлку, пришли рано, так как день был будничным и развлекательных программ, кроме кино не было. А в кино не хотелось.

Спальня, в которой в длину стояло две кровати, мама заслала обе и к окну поставила тумбочку, на которой были в кувшине свежесобранные с домашней цветника летние цветы и рядом графинчик с водой и два стакана.

— Во, как, а где же свечи и вино? — пошутил я.

— Ну, а чего же ты не позаботился?
— Виноват, исправлюсь.
— Ты выйдешь, я переоденусь или как?
— Лучше или как, — пошутил я и не ожидал, что Сашу эти слова не смутят.

— Только не говори, что я не предупредила.

Хоть в комнате свет не горел, но того слабого освещения летних не пасмурных ночей было достаточно, чтобы оценить её миниатюрно-хрупкую фигурку.

— Хоть окно и открыто, но у нас июльские ночи душные, можно было «ночнушку» и не одевать.

— Ты думаешь? — спросила с интересным тоном, Саша, — хорошо, попробую под простынкой, — и сбросила только что одетую комбинацию на спинку кровати, — ты же не смотришь?

— Ну, конечно, нет! Жду, когда ты скажешь — «можно!».

— Ох и врунишка! Можно!

— Можно всё или как?!

— ???

— Понял, помолчу, пока не получил.

Не знаю, сколько я выдержал лежать вот так на соседней кровати в одной комнате с раздетой полностью девушкой и думать, как быстрее заснуть. Да, убейте меня на месте, если бы кто-то на моём месте думал именно об этом. Это же каким же пнём нужно тогда быть, а?

Вспомнились слова песни: «Спрячь за высоким забором девчонку — выкраду вместе с забором...». А мне хотелось взять вот так, как есть кровать со спящей красавицей и вынести в степь. Благо, что степь начиналась прямо за нашим домом. Дом был крайним на улице, а дальше было поле.

Ну, раз это не получится, тогда что остаётся. Я слышал, что Саша тоже не спала. И тихонько привстал, и подошёл к её кровати, остановился и стал пристально

всматриваться в её глаза, которых почти не было видно, что в них отражается — не увидел, зато услышал.

— Ну и долго ты будешь передо мной маячить. Решайся уже на что-нибудь, толи пощечину получить, толи поцелуй.

— От тебя и то, и то будет приятно получить. Но второе предпочтительнее.

— И ты не знаешь, как это делается?

— Не-а, не знаю. Я только учусь. Научишь?

— А ты послушный ученик?

— Ещё бы. Очень даже. Вот когда говорят «льзя» — понимаю отлично, когда «низя» — не понимаю.

— Льзя прилечь. Не будешь же ты всю ночь, как наказанный за провинность мальчик стоять вот так?

— Благодарю, принцесса.

Я отбросил простынь, которой была прикрыта Саша и меня бросило в жар страсти, потому что на белой простынке контрастно вырисовался силуэт девушки Афродиты. Вот как после этого я вообще смогу заснуть.

О каком сне речь, господа и дамы. Как говорится в одном анекдоте, когда мужик приехал отдыхать на море и увидев множество девушек в купальниках воскликнул: «Вау, тут работы непочатый край!» А когда пришло время уезжать, он открыл окно и удивлённо произнёс: «А тут ещё и море есть?!»

...

— Может заснём немного?

— Не хочу. Я хочу закрепления пройденного урока.

— Вот такой я плохой ученик?

— Наоборот, если бы был плохой, я бы тебя за родителями отправила, а ты ещё тут и не просто тут, а со мной, в моих объятиях. Ну ты же меня ещё вот тут не целовал, я это чувствую и вот тут... ага, ещё, вот-вот и здесь...

Прокричал петух в курятнике, раз другой. На его голос отозвался ещё где-то. В окне появился неоднознач-

ный намёк на утренний рассвет, но он же летом так рано, а мы ещё долго не сможем уснуть, у нас урок, который нельзя пропустить и грех не повторить, для закрепления и лучшего усвоения, не баловства, а усвоения полноты чувств и ощущений ради.

На третий день Саша засуетилась собираться домой.

— Ты же говорила, что отпуск взяла, а сама так рано уезжаешь?

— Так я же не полностью, а на неделю всего и уже четыре дня прошло. Мне же на работу нужно. Мы съездим с тобой, возьмем билеты, а потом уже спокойно я ещё пару дней погостюю. Да и тебе же на работу.

— Хорошо. Утром едем.

Кто знает, что такое июль месяц и как в это время достать билет, да ещё с южного направления, из столицы Северного Кавказа, хоть и не из Сочи, но очень проблемно. На самолёты билетов до сентября не было. На поезд тоже дней на 10 вперёд, нужно было ожидать прибытия и только тогда, могли появиться несколько свободных мест в поезде за которые люди буквально дрались у билетных касс.

Мы ни с чем приехали домой. Я рассказал об всём маме. Что я мог сделать в такой ситуации? Я мог бы поговорить с проводницей, чтобы она меня взяла на свой страх и риск, а может быть и с ведома начальника поезда. Но такие варианты предлагать своей девушке и неизвестно, как и в каких условиях ей придётся ехать полтора суток.

— А, что ты к тёте Лиде не заехал? Она бы помогла. У неё однополчанин работает каким-то начальнике на вокзале Ростов-Главный.

Мы не расстилали вторую кровать, чтобы утром не убирать. А сегодня, устав в беготне по Ростову, в дороге и по жаре, долго себя не мучили и пошли, как отец любил говорить в «горницу». Но как только оказыва-

лись в постели, куда-то та усталость улетучивалась и приходилось продолжать уроки с того места, на котором остановились, а если забывал, приходилось «зубрить» по несколько раз, чтобы «как Отче наш», прости, Господи.

И вот мы снова в Ростове. Я объяснил тётё ситуацию и попросил, если возможно, помочь в решении вопроса.

Тётё Лида отпросилась на работе, она работала в детском саде, что был рядом с работой и мы поехали на вокзал. Там переговорив с заместителем начальника СКЖД, убедила его оказать, как она сказала «моей племяннице» помощь, уехать домой иначе ей грозило бы увольнение. Однополчанин куда-то позвонил, узнал и положив трубку сказал:

— Действительно сейчас такая ситуация, но я вам помогу. Подходите завтра минут за двадцать до отхода поезда. Я посажу вашу родственницу.

Мы немного погуляли по Ростову, но настроение от этого не поднималось. Мысли были сложные и то, что я уже прогуливал не были главными. Главное, что меня беспокоило — это то, что Саша даже не начинала разговор о дальнейших отношениях. Казалось, что у нас было всё хорошо, а душа была не на месте. И отношения были натянуты. Хоть Саша и говорила, что это от переживаний по поводу того, что она не может уехать и вовремя может не выйти на работу.

Но я же знал, что это не так или не совсем так. Во-первых, знакомство с предстоящим местом проживания, если она согласилась бы стать моей женой показало, что её не нравится здесь, хоть она только уповала, что у них природа лучше, лес, грибы. Но ты же не в лесу собралась жить, а среди людей и, если планируешь связать свою жизнь узамы с кем-то, то больше всего тебя должно волновать это.

Во-вторых, она внешне высказывала те эмоции, которые должны говорить, что ей хорошо, ей нравится об-

щение со мной. Но было ли это искренне? Говорят же не зря: «Женская душа — потёмки».

В-третьих, у меня вкралась догадка, что одной из главных целей всё-таки была не разведка местности, где пришлось, случись так, как изначально предполагалось, жить здесь вместе, а желание просто забеременеть от меня. Этому могло быть доказательством то, что она умышленно или нет, но противилась моей осторожности и соблюдению мер предостережения от нежелательных последствий в постели. Этому могло и не быть, если бы у нас состоялся серьёзный разговор с целью узнать, едины ли мы в планах на будущее или наши пути расходятся. Всё было настолько неопределённо, как будто это был «визит вежливости».

У тёти в одном подворье проживало три семьи, она с мужем и дети с внуками. Ехать опять назад домой и завтра утром опять в Ростов не было смысла. Тётя предложила, что, если она постелить на кровати, которая установлена была во дворе и чаще всего дядя Митя отдыхал на ней днём.

— Чтобы вас не доставали комары, мы обтянем кровать простынями. Ночью тепло, одну ночь переночуете.

— Замечательно, тётя Лида. Спасибо вам большое. На воздухе ещё лучше.

Когда мы влезли в это творение, то это было так сказочно, как будто мы находились в шатре какого-нибудь персидского шаха. Вход, если можно назвать лаз между створками простыней защелкнули прищепками. Получился чудный купол над головой, матовый цвет от фонаря, пробивался через простыни и от того было и светло и таинственно.

О, Господи! Опять я перед искушением. Ну, как откататься от сладострастных поцелуев, нежности и ласки, объятий и страсти, на которые сама обстановка провоцировала. Ну не обвинять же мне в этом свою родную тётю?

Всему приходит конец, даже такой вот рукотворной сказке и ощущению рая в душе, конечно — это счастье, испытать такие чувства и эмоции — это редкостное счастье. И, скорее всего, оно не повторится. А может быть, я, на этот раз ошибаюсь? Всё может быть, но... но... но...

Утром однополчанин Лидии Петровны пришёл на посадочную платформу, отозвал проводницу, поговорил с ней, а та кивнула ему услужливо так с согласием.

Потом подошёл к нам и спросил у своей боевой подруги:

— Лида, если это твоя племянница, а он твой племянник, то целуются они не по-родственному, а? На свадьбу, когда будет, позовёте?!

Мы расставались и сердце подсказывало, что навсегда. Если сразу же после прошедшего Рождества по западному стилю, я прощался с Наташей по моей инициативе, то сейчас всё было иначе, и я это очень хорошо чувствовал.

— Я напишу, как приеду, — уже из тамбура, помахав рукой сказала ещё одна несостоявшаяся жена.

Видать, не судьба. Эх, люди, люди! Почему мы такие все скрытые, недоговаривающие, боимся обидеть сейчас словом и вследствие этого заставляем даже любимых людей страдать от этого в разы тяжелее. Эх, люди, люди!

Глава II. «Дом женихов»

После завершения уборки зерновых культур, горячая пора прошла и стал вопрос о назначении меня на новую должность. Замечаний у меня не было, с работой справлялся. И на тот момент, из-за увеличения поголовья крупнорогатого скота на новом животноводческом комплексе и наращивании темпов в свиноводстве встал во-

прос о развитии кормодобывающей отрасли. На тот момент агрегат витаминизированной муки АВМ 0,65 по своей производительности не мог поставлять в нужных объёмах травяную муку и гранулы.

На базе зерноперерабатывающего комплекса было намечено строительство зерносушилки и комплекса по изготовлению витаминизированной муки и гранул значительно большей производительности, с агрегатом АВМ 3,0. Была создана кормодобывающая бригада во главе с бригадиром, которая и должна была заниматься заготовкой кормов, а также, сушкой, очисткой и сортировкой зерна. Все зерновые отходы шли на приготовление кормовых гранул. Я был назначен бригадным механиком.

С наступлением зимнего периода, когда объёмы работ в бригаде падали, механизаторы занимались ремонтом оборудования, тех же погрузчиков, очистителей зернового вороха, оборудования и механизмов ЗАВ 40 (зерноочистительный комплекс). В мои обязанности входила в этот период доставка, как запасных частей, так и оборудования и не только для нашей бригады, но и для всего колхоза. Через день, как на вахту на службе мне приходилось ездить в командировки и обеспечивать нужны колхоза в названных выше технически необходимых для выполнения технологического процесса вещей.

Но обо всём по порядку.

Я дождался, конечно же, обещанного письма от своей тёзки. Содержание его было ожидаемым и предсказуемым: оно не было бальзамом для исцеления моего израненного сердце, но оно и не было солью на раны, письмо без крайностей, упрёков и излишних комплементов. И если бы можно было подключить к письму реанимационный монитор, чтобы снять параметры эмоций, чувств, душевных переживаний, то они, как минимум на момент изложения содержимого были на нуле. Не выше, не ни-

же — абсолютный ноль, не в смысле температуры по Кельвину, равную — $273,15^0$ С, а в смысле, как говорят «пульс не прощупывается».

Была ли в этом моя вина. Скажу однозначно и не только по этому эпизоду: в разладе отношений редко, а может быть и никогда один человек не может быть виновен, виновны оба. Возможно, что один виновен больше, а второй не помог ему исправить положение дел из-за того, что они его устраивали или, был полностью безразличен к тому, что из этого выйдет. Говорят, что «со стороны виднее». Потому предоставляю вам право, коли есть такая возможность, сделать это.

Не скрою, изначально, я был очень зол, если не сказать ничего, потом охладел и успокоился. Ведь я же и так понимал, что всё шло к этому, а хотел желаемое выдать за действительное. Вот теперь я решил для себя окончательно, что с женщинами покончено и, если не навсегда, то надолго. Даже Галина, которая мне нравилась изначально и расположение духа которой ко мне можно было, я так думаю, добиться при правильном подходе, а я точно неправильно поступал, нужно было это делать тоньше и изощреннее, могла пойти в таком случае мне навстречу.

Но, а сейчас никто и никогда. Вот сейчас посчитаю, через сколько месяцев я взял девушку просто за руку. Да, считай полгода, до января месяца, когда меня послали, как молодого неженатого специалиста в «Областную школу повышения квалификации», примерно так она называлась, а находилась в г. Новочеркасск. Вы никогда не догадаетесь, как она называлась между самими слушателями. Сдаётся? Конечно, это трудный вопрос. Называлась она «Школа женихов». Объясню почему. Просто потому, что кого бы вы на спросили из слушателей школы, при знакомстве в стенах общежития, в учебных аудиториях или в общественных местах, каждый,

вне зависимости от возраста, не раздумывая отвечал бы на вопросы: «Вы замужем?» или «Вы женаты?» — «Нет! Вы, что? Конечно нет! И некогда не был (а).»

Вот отсюда и пошло название. Даже те, кого дома уже давно называли дедушками и мне в отцы с запасом годились и те были не прочь «приударить» за дамами бальзаковского «плюс» возраста. А таких, как я, да и сразу после техникумов, реже институтов, тоже было предостаточно.

Жили мы в общежитии и размещали нас по половому признаку по этажам, как слоённый пирог, все четыре этажа поочерёдно чередовались контингентом: мужской, женский, мужской, женский. Мне, как и моим соседям по комнате и этажу достался третий этаж.

Что касается состава учебной группы, то она была смешанной и это было замечательно. Я никогда не понимал мужские лицеи, женские гимназии. Так не далеко и до разделения общества, как было во времена господства амазонок и какого-либо чисто мужского сообщества без лиц прекрасной половины общества — это же бред.

Когда я даже не лицепрятно в эмоциональном порыве высказываюсь о женщинах в целом, о моих девушках, с которыми меня свела судьба реже, но может быть с горяча тоже, но я никогда не был женоненавистником. Да и по натуре человек отходчивый, быстро отходил, самое большое мне для этого нужно было два-три дня. Полгода я ни с кем не встречался и действительно июльские события с приездом Саши, кроме радостных счастливых моментов, переживаний и эмоций, принесли и длительное депрессивное состояние, которое ни вином, ничем-либо другим не восстанавливалось.

Как-то я применял метод «клин-клином» вышибать, но видимо этот момент не настал. Мне брат наделил за полцены замечательный по тем временам ходовой, хоть и довольно простенький, в отличие от стерео си-

темных установок, магнитофон «Романтик» одной из последних моделей. Бобины на 275 метров плёнки и четыре дорожки для записи позволяли беспрерывно «отрываться» под суперсовременную с хорошим качеством звучания музыку, записанную братом у своего друга Сани по прозвищу Слон.

Сестра была комсоргом и когда услышала дома записи, что я включал в своей комнате, сразу предложила:

— Братуха, крутой музон! Слушай, я с Саней, руководителем нашего ВИА поговорю, он с удовольствием согласится, чтобы ты на танцах крутил эту модную музыку. И они смогут отдыхать и потанцевать заодно.

— Хорошо, сестренка. На выходной попробуем запустить мой «граммофон».

Музыка имела неслыханный успех. Во-первых имело значение и то, что это была довольно глухая глубинка, даже от районного центра более 30 км, да и тот располагался на отшибе области, его издавна прозвали «Голодаевкой» по названию некогда самому районному центру с. Куйбышево.

Самое интересное, что пока бобина вращалась, никто не выходил из круга и продолжали переходить на парные танцы и только когда заканчивалась одна дорожка записи, просили «не включайте пока, не переворачивайте! Дайте покурить минут пять...» Музыкантам это тоже понравилось, они не были «в мыле» от игры и для них работа превратилась в праздник. Отдохнув от ударов по струнам, но изрядно потопав каблуками, они переключались на исполнение «живой» музыки. И, как правило, вечера затягивались до часа ночи, за что секретарь комсомольской организации брала ответственность на себя вместе с ключами от клуба, порой, чтобы завклубом уходила домой на отдых часа на два раньше.

Так вот, девушек много было на вечеринках, особенно с осени, когда всю молодежь непогода под крыши за-

гоняли с посиделок на лавочках у калиток и на бережку речки. Может ещё и потому разъездной характер работы на новой должности мне нравился. Потому-то и послали именно меня в эту самую «школу женихов», молодые, но женатые специалисты отнекивались, их жены и мужья, если посылали жён, руками и ногами отбивали их, шли в председателю и могли откровенно устраивать скандал. Всё-таки командировка была на три месяца и не все женатые люди все эти три месяца хранили верность своим половинкам.

В нашей комнате все четверо были разных возрастных категорий. Самый старший, это дедушка в прямом смысле, мне казалось, что ему было уже лет 70, из-за того, что были полностью седые волосы, но то, что предпенсионного возраста — это точно. Звали его Василий Иванович, работал он бригадным механиком, в принципе, как и я, но учился в техникуме в то время, когда меня ещё и в проекте не было. Никто ни разу не пожалел о том, что этот неутомимый балагур, знающий несметное богатство анекдотов и баек, попал именно в нашу мужскую компанию. К тому же он превосходно готовил, сам из казачьей станицы из дальних районов области.

Второй, если брать по нисходящей, был Семён Семёнович, бригадный агроном из с. Летник Песчанокосского района, работал в бригаде со знаменитой женщиной, комбайнёром, Переверзевой Ниной Васильевной. Он много рассказывал нам об этой замечательной женщине, был очень энергичен в свои сорок «плюс» и не прочь был бросить оценивающий взгляд на женщин.

Третий наш сосед по комнате — это 28-летний Геннадий, техник-осеменитель из Аксайского района. По этому поводу на него сыпалась гора шуток и подколов. Но он привык и не обращал внимание. Он, как и все, кого я уже назвал был женат и в отличие от Семёна Семё-

новича и даже меня, желанием даже затрагивать женщин разговорами не имел.

Но все четверо были единогласны в том, что время, особенно личное, время длинными зимними вечерами нужно проводить весело. А потому на вечер у нас был такой распорядок: кто-то из старших, чаще это был дедушка, парился на кухне, готовя ужин и заодно закуску; я и Гена прогуливались по вечернему Новочеркасску и по дороге назад заходили в гастроном, где заряжали «патронташ» под брючным ремнём, а когда аппетит разыгрывался, то и портфель популярным в то время портвейном.

Деньги на это, как и продукты сдавали на «общак». Самым часто приготавливаемым блюдом была, конечно, жаренная картошка с мысом. Но иногда, Семён Семёнович удивлял своими кулинарными рецептами. Я готовить, конечно, умел и готовил неплохо, студенческая жизнь научила, но особого желания не испытывал. Часто соглашался на трудоёмкую работу, которую многие не любили, чистку картошки, лука и прочих приготовлений.

После ужина обязательным по расписанию была игра в карты, играли чаще в «козла», «покер» или «очко». Часто карточный азарт переносил наш «отбой» на час-два ночи. И каждый вечер, конечно, разговоры, анекдоты, байки. Самым молчаливым из всех был Гена. Тот больше слушал и смеялся от нескончаемого юмора.

Никогда мне ещё в жизни не приходилось так нагружать свой молодой организм спиртным. Попытки найти замену этому занятию не увенчались успехом, так как на контакты с женщинами самолично наложил табу. В учебных аудиториях, конечно, по привычке я присаживался с Геной, который только в этом мне составлял компанию, не более того, за стол, который располагался за впереди сидевшими молодыми девушками: Таней и Ирой.

Они были настолько разные, что я удивлялся, а как они могли сдружиться? Хотя, если взять меня и Гену — один к одному. Ира была симпатичная, изящная девушка, улыбчивая и обходительная. Таня, наоборот, любое общение сводила к тому, что её домогаются, хотя ей это и нравилось, но больше всего ей нравилось именно «отшиваться» от себя ухажеров.

Вот, можете не поверить, что я симпатизировал Ире и не только ей, не хвастовства ради скажу. Но мне нравилось «цапаться» с Таней. Мы приклеили друг к другу прозвища «жена» и «муж» и цапались везде и на занятиях, и в общежитии, когда я набирался наглости и спускался к девчонкам на второй этаж. У них в комнате, кроме названных была ещё одна девушка или молодая женщина Вера, но постарше, около 30 лет и четвёртая Людмила, серьёзная, но умеющая, когда нужно улыбаться, такая домашняя женщина лет под сорок, пожалуй. Вот на неё-то и положил свой глаз наш Семёнович.

Но после нескольких попыток его пыл и задор закончился, и он оставил это гиблое дело, махнув на всё рукой. А мне нужно было, чтобы кровь от «бормотухи» не скисла, нужно было её разгонять по жилам, пусть даже дуркуя с такой же «бусурной» девушкой. Обычно о таких говорят «два сапога — пара». Мы прикалывались и нам было от этого весело и всем хорошо, наблюдая за бесплатным кино.

Со стороны мы были похожи на одноклассников младших классов, шаловливых, непоседливых, с желанием привлечь внимание, даже дернуть за косу, будь она на голове и в ответ получить, не книгой, но общей тетрадью с конспектами. Мне часто доставалось. Благо, что у меня волосы за девять месяцев отрасли прилично и мне защитный противоударный шлем был не к чему. Волнистые волосы смягчали удары.

Танюша рисовала слоников и доставала меня игрой слов с названием «купи слона». Занятия точно проходили

не скучно. Даже преподавателям было неудобно делать нам, взрослым людям замечания.

Иногда нас возили на производства, опытные хозяйства в Донской сельскохозяйственный институт (ДСХИ), где в почётном президиуме дремал человек-легенда, академик Пантелеймон Ефимович Ладан. И как только ему предоставлялось слово, он поднимался энергично и начинал речь именно с того места, на котором закончил предыдущий докладчик, иначе говоря, он даже дремля контролировал ситуацию. Нам показали громадный компьютер, уходящий как столп от оператора, расположенного на третьем этаже здание на первый, через проделанные в полах ниши или даже в подвальное помещение. ЭВМ «Мир» лампового производства, потребляла огромное количество электроэнергии, функциональность было по тем годам огромная, а по сегодняшним просто смешная.

Нам показывали учебные фильмы и всё это в совокупности не было совсем уж скучным занятием. Ко всему ещё в конце мы должны были выполнить курсовой проект с предложениями по совершенствованию каких-либо процессов в производственных отделениях на местах, каждый по своему хозяйству. И только сейчас я вспомнил, что никак не заявил о себе в институте, из которого ушёл четыре года назад, вернее переведясь на заочное отделение.

Вечерами, когда мне надоедала пьянка и игра в карты с кукареканьем или бляеньем под столом, я опускался на второй этаж, где находился до тех пор, пока меня оттуда не «выносили», когда просто словами, а когда они не действовали, то и с применением..., но это совсем редко. А чаще всего происходило всё примерно так.

— Добрый вечер всем! Привет, жена! Чем занята, мужа ждала? — обращение в основном было адресовано Та-

тяне, которая часто вечерами валялась на кровати с книгой в руках.

— Чё молчишь? Трудно ответить? Подвинься, я прилягу, почитаем вместе.

Иногда я получал той же книгой по голове, иногда она что-то отвечала такое, что в переводе означало — «отвали, дай мне покой», а иногда даже без лишних вопросов, безропотно, что тоже сильно удивляло, как так может быть в одном человеке всего разного и одновременно вмещаться, двигалась к стенке. Я довольный пристраивался к бочку, и мы изображали влюблённую или семейную пару.

Девчата шутили и «подкалывали», но главное получалось и очень часто — это просто хохлить и весело проводить время.

— «Муж, объелся груш», иди уже к себе. Время глянь? Сейчас комендантша начнёт проверки устаивать.

— А мы ей Свидетельство о заключении брака покажем и все дела. Нашла чем пугать. Вот, если бы сказала: «Оставайся дорогой на ночь. Мы же муж и жена. Сколько можно так жить врознь?» Вот тогда может быть не только удивился, но и испугался. Откуда мне твою страстность знать, да и кровать треснуть может...

— Морда лишь бы твоя не треснула, муж-любовник.

— Танюха, чего ты теряешься? Пусть осеменит тебя, чтобы потом к Людмиле Петровне не обращаться, у неё работы с яловыми тёлками хватает, — шутила Вера. А я, пожалуй, согласилась бы, так такой красавчик на меня, старушку и не глянет, не то, что в постель лечь.

— Счастливая ты, Таня! Женихи так и липнут. А Санька, даже в паспорт не нужно заглядывать, на лбу написано — холост, — подыгрывала Ира.

— Видишь? Подруги дурного не посоветуют. Решайся!

— Сейчас решу между глаз.

— Поцелуй лучше. Не хочешь? Тогда я сам. Всё сам да сам.

Я пытался в шутку целовать, а Танюха брыкалась, вырывалась и даже пыталась укусить. Визг разносился на весь коридор.

— Ух, утомила ты меня, Танюха! Вот Людмила Петровна знает, что если тёлка брыкается, то это хороший знак, приплод добрый должен быть.

В меня полетела подушка.

— Ты уже и приданное приготовила?! Молодец. Я сейчас не возьму, не буду же по одной подушке носить. Потом машину подгоню, погрузим. Ладно, отдыхай. Я завтра приду, будем проект в жизнь претворять.

Я отдал подушку и собрался уходить.

— Эй, фраер! Какой проект?

— Вот видишь, тебе уже интересно. А завтра как интересно будет. Думаю понравится.

— Стой? Какой проект?

— Да ребеночка мы будем закладывать, как корабль на стапелях.

Вот после этих слов мне нужно было быстро закрыть дверь. Шёл и думал: «Заяц-то трепаться не любит. Нужно продумать план развлечения. А чё там думать, у меня и импровизировать неплохо получается. Иду спать. Утро вечера мудреней».

На следующий вечер я приходил с серьёзным видом. И поздоровавшись с девушками, серьёзно произносил:

— Таня, я ходил за сигаретами, проходил мимо вахтёрши. А твоя фамилия Татарченко?

— Ну и что? Сам знаешь и что?

— Ни чего, просто переспросил, чтоб не ошибиться. Вот она просила передать кого-то, я не знаю эту женщину, что тебе телеграмма срочная, только принесли. Не приходила, ну вот такая, не знаю лет около сорока

женщина. А, она могла и забыть или скажет, что сама будет идти, заберет.

— Врешь?

— Была бы охота. Что мне от этого. Как хочешь. Моё дело маленькое. Я пошёл.

— Нет уж, теперь подожди. Если чё, я же тебя!

— Как знаешь, могу и подождать, — разыгрывал я равнодушие ко всему происходящему.

Таня мигом сунула ноги в тапочки и побежала вниз. Я спокойно разделся, положил вещи на стул и переднюю спинку кровати, откинул покрывало, повесил его на заднюю спинку, разобрал кровать и улёгся, как ни в чём не бывало. Надо было открытые рты девчат видеть, которые были свидетелями этого спектакля, всё это видевшие и тем более, слышавших, о чём речь шла вчера.

— Ну и правильно, Саша! Чего Танька выделывается? Мы сейчас свет потушим и уши заткнём.

Свет погас. Я лежал, укрывшись верблюжьим одеялом и отвернувшись к стене. Слышал, как заскрипели кровати. Это девчата попадали на свои кровати сверху в одежде.

Открылась дверь и загорелся свет.

— Чего это вы тут удумали? А это что? — я ощутил пинок в зад, но не подал вида, что это меня касается.

— Эй, муженёк, ты чё, с брички упал?

— Чего ты шумишь? Туши свет, поздно. Ложись уже, завтра рано вставать.

Девки ржали.

— Таня, та ложись ты уже. И мы будем спать.

— Чего? Вставай, злилась Танюха.

— Не хочешь спать сама, дай другим поспать. Неготовая заняться проектом, так и скажи. Ложись, мы просто наброски сделаем, — продолжал я её донимать.

— Вот, если я лягу, тебе будет плохо.

— Ой, как хорошо будет тебе, если мне будет плохо. Ложись уже. Не таракти.

Хулиганили мы обычно до полуночи или до того, как по коридору не начинали поднимать «кипиш» вахтёры. Тут самое главное было в том, чтобы не переборщить, вовремя остановиться или выйти хотя бы с результатом 1:1 из этой неспортивной баталии. Уходил я всегда по-доброму, ну разве что с двумя-тремя новыми царапинами от ногтей Татьяны или появившегося вследствие наших бурных баталий новый синячок от ущипа тех же девичьих рук. И всё мне в совокупности с приятно проведённым в женском обществе вечера доставляла много позитива, душевного подъёма, разбавляло уже устоявшийся и от этого становившийся скучным уклад сугубо мужской компании.

Если немного охарактеризовать Татьяну, то она не была красавица, но симпатичная девушка, с броской внешностью, стройная, со средней упитанностью, всегда ходила на высокий каблуках, несмотря на зиму и не потому, что хотелось на них казаться выше, рост её соответствовал другим параметрам. Она была смуглой, походила на украинку и, возможно в её родне были какие-то ещё корни, дающие такие броские черты лица. Как и многие из нас, недавно окончила учебное заведение и работала в хозяйстве агрономом-семеноводом.

Что касается характера её, манеры держаться и поведения, что в большей мере меня привлекало к ней — это была совершенная противоположность от всех, ранее с кем я общался девушек. Таня — это: огонь в кузнечном горне; это стервозность высшей пробы сплетённая с душевностью, а иногда, под ностальгическое настроение и с кротостью; это взрыв эмоций «с положения лёжа» до взлёта к пределу возможного за доли секунд; это жизнерадостность и явно выраженная, но беззлобная грубость и нежность в том малом, что могли заметить немногие, хотя бы проявляющаяся в тех многочисленных слониках, изображённых, скажем так — с тыльной сто-

роны, имеющей округлые формы, со цветком слева от хвостика и надписью справа «Слонёнку Саше от Тани! Жму хоботок!»

Мне было так легко и так сложно общаться с Таней и в этом и была изюминка, то, что должно было держать меня в тонусе, не давало бы заплесневеть и продолжать «обрастать» ракушками. Она мне больше была, скорее всего, как друг, чем, как подруга или моя девушка. Нет, девушкой она моей не была однозначно. Мне безумно нравилось её добиваться и, если бы это получилось, она бы потеряла для меня всякий интерес.

В один из замечательных февральских вечеров, когда мы по традиции поужинали сытно и, естественно с тостами под продукцию Госкомвинпрома, я предложил Геннадию прогуляться по вечернему Новочеркасску.

— Куда мы пойдём, уже нет закутка, где бы мы не оставили свои следы, — начал противиться, с желанием поваляться на кровати, Гена.

— Дома будешь отлеживаться. Мы, что для этого приехали сюда? Вставай. У меня идея есть, я тебе покажу вечерний Новочеркасск, но такие его места, где ты точно наследить не успел, а у меня попытки были. Ну, что, пошли?!

Мы спустились изначально по Московской улице к проспекту Платова, свернули направо. Здесь, помню, на углу стоял слепой шарманщик с попугаем и я с Наташкой тянул счастливые билеты. Кто виноват в том, что мне не достался счастливый билетик, попугай? Да, нет, конечно. А может быть я просто не понял в чём счастье? Но было заманчиво и интересно в те юные годы помечтать о будущем. Десять копеек и гадалка не нужна тебе, твоя судьба в твоих руках.

Подошли к перекрёстку с улицей Пушкинской. Красивая улица, мы часто уже и с Геней на ней бывали.

— Саня, ты опять меня в бар тянешь? Не хочу я эти коктейли после винчишка.

— Нет, Гена, на этот раз ты не угадал. Дальше пойдёт неизведанный тобой ещё маршрут. Мы покатаемся на трамвайчике.

— Мы свернули на ул. Орджоникидзе и дошли до остановки трамвая. Постояли и покурили, трамвай не спешил.

— Сань, а может домой?

— Отставить! Ты кем был в армии? Рядовым?! Тем более, должен слушать бывшего старшину первой статьи. Не будешь меня слушать, я тебя лишу «воскресной чарки» сроком на один год. Оно тебе это нужно? И я же об этом.

Ещё задолго до появления трамвая мы слышали в вечерней тишине этот звук гремящего по стыкам рельс трамвая и это звук, казалось не улетучивался и не оседал куда-нибудь наземь, а зависал в зимнем морозном воздухе. Мы впрыгнули в задний вагон и упав на свободные места, которых было в избытке, начали смотреть через окно в огни вечернего города, старого, как и история казачества и нового одновременно, так как это было заложено в самом его названии, в отличие от Старочеркаска или, как правильное называть, станция Старочеркасская. Второе название более правильное, так как до 1805 года станция носила название Черкасск, а затем стала уже Старочеркасской, так как в этом году был основан уже и будущий город Новочеркасск.

Трамвай поднялся на северо-запад города, к его окраине с выездом в направлении г. Ростова-на-Дону. Здесь и располагался микрорайон «Черёмушки» с переулком Магнитным. Мы ехали туда, где я не раз был и где проживала моя бывшая девушка, Наташа.

Что я хотел от этого визита? Да, ничего. Просто увидеть и узнать, как она. Мы, как расстались, прошло ме-

сяцев 20, не меньше. Я не знал о её судьбе ничего. Конечно, трезвый я никогда бы не позволить себе такого. Но дурных мыслей у меня не было, а смелось появилась и я этим воспользовался, иначе, когда ещё представится такая возможность и предоставится ли.

Мы вышли на Баклановском проспекте, который был назван в честь прославленного в годы Кавказской войны казачьего генерала Бакланова. Да и вообще в Новочеркасске бережно хранят историческую память о славных казаках и всё, что связано с казачеством, его историей, бытом, славными победами и трагическими днями становления советской власти на Дону.

— Куда ты меня тащишь, можешь сказать?

— Могу, Гена, мы едем к моей бывшей девушке. Хочу тебя познакомить с ней. А там посмотрим, что и как.

Я вспоминал, когда я последний раз был здесь именно зимой и не мог вспомнить. Свернули на переулок и войдя во двор подошли к дому.

— Иди сам, я не пойду.

— Я тебя для того и брал, чтобы она не подумала, что я что-то от нее хочу. А раз мы вдвоём, значит у нас планы совсем другие, даже от тех, если бы нас было трое.

— А, что, если бы было трое?

— Что не знаешь? Было плохо, очень плохо. Обычно трое ходят как? Не знаешь? Такой взрослый мужик и мне тебя учить. Трое обычно ходят так: один с топором, а двое других с носилками.

— Ну и юмор у тебя «чёрный».

— Самое главное, что это юмор.

Я позвонил. Гена намного попятился за моей спиной, став ближе к соседней двери, типа — я не при делах, если чё. Ну и правильно, я не в обиде. Он и так пожертвовал личным временем ради моей прихоти.

Дверь открыла тётя Валя.

— Здравствуйте, тётя Валя! Извините за поздний визит. Мы тут проездом, вот решил проведать. А Наташа дома?

— Здравствуй, Саша! Ты не изменился почти. Думала служба меняет людей, а оказывается, нет.

— Меняет, тётя Валя, ещё как, только не внешне, а больше внутренне. Люди меняются и сильно.

— Саша, не знаю, что у вас с Наташей произошло и знаешь, как я к тебе относилась и не касалась, не вмешивалась даже, когда ей и 16 ещё не было, но я видела в тебе того, кто подлости не сделает. Виноваты вы оба в том, что произошло.

— Согласен, тётя Валя, с Вами. Так, где Наташа, она не выйдет?

— Не выйдет, нет её сейчас дома. А вот её доченька, моя внучка золотая, смотри как за бабушку вцепилась.

— Только сейчас я увидел малышку, которой было чуть больше годика, но она уже делала уверенные шаги в новую, неизведанную и интересную жизнь. Малышка настороженно и с любопытством изучала чужого дядю, который интересовался её мамой.

— Как тебя зовут, красатуля, — я нагнулся, чтобы быть ближе к малышке для общения, но она юркнула в комнату.

— Поехала Наташа с мужем, а внучку со мной оставили.

— Как крошку зовут?

— Оля.

— Замечательная ребёнок. Я не глазливый, серьёзно. На Наташу похожа сильно. А как сестрёнка Наташи, Алёнка?

— Алёна взрослая совсем, учится, сейчас с парнем встречается. Что мы так разговариваем, может зайдёте, Саша, посидите, согреетесь? Я чайком угошу.

— Спасибо, тётя Валя! Мы спешим. Будьте все здоровы и счастливы!

— А, что Наташе передать?

— Да, ничего. Я узнал, что все живы и здоровы. Того, чего и Вам, счастья ей! Прощайте!

— Я же тебе говорил, что пустая это затея, — упрекнул меня Гена.

— Когда ты говорил? Не важно. И совсем не пустая, я знаю, что у Наташи, судя по всему, всё хорошо и дочурка растёт замечательная. У тебя дети есть?

— Есть, двое: мальчик и девочка.

— Ты любишь их?

— Ну, а как же, ты ещё спрашиваешь. Вот, как будут свои, тогда узнаешь.

— Вот видишь, воздухом подышали свежим, теперь ещё можно будет «по пять капель» принять и дедов «козлами» оставить, да?

— Ага, их оставишь, они в том профи, что в карты, что выпить — не перепьешь.

— Так их нужно хитростью брать. Вот пока едем на трамвае, договоримся, когда принимать, а когда биться до конца. Думаешь, что они честно нас выигрывают? То мы их кивков просто не знаем. Василий Иванович, тот попроще, а Семёнович, обрати внимание, как глазами зыркает, когда играем.

— А, не хочу я карты. Спать лягу.

— Ну тогда я пойду в «женский батальон», проверку вечернюю устрою. Прощупать нужно всё ли у них на нужных местах, Танюху позлить, чтоб спалось обоим легче. Она тоже, пока со мной не полается, ночь не спит, сама говорила.

— Ты смотри, чтобы тебе коки-наки не оторвали. У меня-то дети есть, а тебе ещё нужно над этим вопросом поработать.

— Вот, Гена, ты сам подсказываешь, над чем я сегодня буду работать. Шутишь, но в каждой шутке есть доля шутки, а все остальное, опять же, правда. Может

со мной. За Людмилу Семёнович обидится, хоть и перестал к ней приставать, а Вера хорошенькая, думаю, что тебе понравится. Они знаешь, как скучают. Может, если бы Танюху не мучал, уже давно в свои койки затанули. А так есть у меня прикрытие.

— Береги, Саня, коки-наки. Ты же не курица, другую пару не снесешь.

— Во-во, ты напомнил мне анекдот. Хочешь анекдот?

— Валяй.

«Мария Ивановна, учительница, задаёт на уроке вопрос:

— Дети, вспомните, кого вы знаете, кто яйца несёт?

— Курочка! — ответила первой отличница Маша.

— Хорошо, Машенька!

— Утка! — вслед за первым прозвучал ответ «хорошистки» Кати.

— Спасибо, Катя! Кто ещё знает?

Вовочка тянет руку в потолок, сил нет, как хочет ответить.

— Хорошо, Вова, говори.

— Слон!

Весь класс закатился в хохоте. А учительница стыдит Вову:

— Вова, ну не несёт слон яиц.

— Это вы не знаете, Мария Ивановне! Несёт, целых два и оба такие! — при этом Вова необъёмно развёл руками...»

Глава III. «Дюны»

В марте мы все разъехались по домам, собирали материал на курсовой проект и разрабатывали сами затем его проект. Не знаю за всех, но я к нему отнесся со всей от-

ветственностью. А, когда привез его на проверку, то почти никого из моих хороших знакомых не застал. Сдал проект на проверку и ожидал результат. Всё было проще, чем я ожидал. Проект зачли защищенным заочно, и я получил документ о прохождении курсов повышения квалификации с перечнем дисциплин и оценок в результате аттестации.

Завершилась ещё одна моя жизненная эпопея. Что там ждёт впереди я не задумывался. Нужно было как-то приспособливаться к новым жизненным обстоятельствам. Я уже целый год прожил у сестры. Понятно, что не совсем-то и чужой, но двоюродный брат, даже не родной. Но вновь началась жаркая пора подготовки стационарного и передвижного оборудования к предстоящей уборке урожая.

Вся бригада, после расслабления зимой, а я ещё и командировкой на учёбу, собрались организованно и по принципу «меньше слов, а больше дела» приступили к ремонтным, восстановительным работам и настройке машин и агрегатов. Личной жизни не было никакой и не от того, что я допоздна находился на работе или в поездках за запасными частями и материалами. Любви-ная тема, если и присутствовала, то только в анекдотах.

Наступила уборка и, из-за того, что бывшему механизатору, Григорию Ивановичу, участнику и инвалиду ВОВ в его годы и на одной ноге, а вместо второй у него был самый простой и в те годы еще «ходовой» деревянный протез, проще говоря, пристёгиваемая деревяшка. А для работы на ЗАВах, где он раньше ещё как-то справлялся ему было очень тяжело по железной крутой лестнице подниматься. А за день это нужно было делать десятки раз.

Деда Гришку, который и правда был моим дальним родственником, как минимум сватом, раз он изъявлял желание помогать в работе во время напряженного пери-

ода определили на обслуживание очистителей вороха непосредственно на току, погрузчиков и другого оборудования. А за оператора ЗАВа пришлось поработать мне. Частично мои обязанности механика взял на себя бригадир Владимир Иванович. Коллектив был дружный и никто никогда не сказал, что «я твою работу выполнял, ты мне должен» — этого не было никогда. Я мог закатить рукава и выполнять работу слесаря, слесарь мог подменить меня на ЗАВе, пока я выполнял ту работу, которую другие не смогли бы по сложности или по должностным обязанностям механика не имели просто права.

Всё оборудование зерноуборочного комплекса и комплекса машин по послеуборочной обработке зерна я хорошо изучил в институте и закрепил здесь на практике. И этим я был очень доволен, так как представлял себя в будущем именно в области сельскохозяйственного производства. У нас был чисто мужской коллектив, даже бухгалтер-учётчик и тот, если в других бригадах были женщины, то у нас человек с большим опытом работы, уже пенсионер, но отлично справлявшийся с должностными обязанностями. Звали учётика Андрей Самойлович, он был аккуратен в работе, исполнительен, пунктуален, но в отличие от других, не очень компанейский, видимо из-за возраста или накопленных годами болячек.

Что операторы АВМ, Александр и Анатолий, что водитель Владимир, что оператор второго ЗАВа, Александр Павлович, его иначе, из-за уважения и солидного вида не называли, все механизаторы и слесари были одним сплочённым коллективом, для которого мушкетерский девиз «один за всех и все за одного» был точно в «яблочко». Мне нравилось в коллективе, я всех уважал и, думаю это было взаимно. В крайнем случае, даже за спиной я не слышал, чтобы доходили слухи о недовольстве или нелицеприятном отзыве. Если нужно было, то бригадир

и я отстаивали своих подчиненных, а они, при необходимости они прикрывали и выручали нас.

Мы могли оставив двоих «смотрящих» и делающих рабочий вид всей бригады для прикрытия и при этом у нас обязательно что-то работало и создавало рабочую атмосферу, тем более, что до правления колхоза от границы нашей территории не было и пятисот метров, а все остальные члены бригады могли ловить раков в реке Тузлов, а их тогда в ней было немерено. Из-за местами узкого русла и множества камышей, мы их ловили руками поочередно меняясь. Только один человек был бессменный, это Володя водитель. Его обязанность была идти впереди и вылавливать гадюк.

Гадюк и на каменистой горе, и в самой речке было предостаточно. А, если к тому же приплюсовать, что «у страха глаза велики», а боялись змей многие, то и ужей, когда он выныривает перед твоей головой, не принять за гадюку было сложно. За пару-тройку часов мы набивали пару мешков деликатесных раков, и остановка была за малым. У нас, по соседству с ЗАВом бригада монтажников возводила зерносушильный комплекс, который планировали запустить к началу уборочного сезона. Мужики были из Ростова. Мы переговорили с ними, и они согласились на своём джипе Вилис отправить живой товар в Ростов, там обменять на водку и пиво и мы, к вечеру ждали их возвращения.

Вот это был сабантуй, я вам скажу. Ниже бригады располагался старый заросший сад. Лучшего места для того, чтобы хорошо и культурно посидеть всей сплочённой бригадой, да плюс ещё и бригада монтажников. Такое не забудется. Сейчас такой сугубо мужской отдых, если и могут организовать рыбаки, то он был бы очень затратным, а для нас два часа удовольствия «раколовства», язык не поворачивается назвать это рыбалкой и потом ещё море удовольствия: водочка под шашлычок

из местной, только что забитой на свинарнике молодой свининки; пиво разливное из Ростова привезённое с цимлянским лещом и тузловскими раками. «Слюнки утичай» — называется.

Когда началась жаркая пора уборки, я редко даже без нужды спускался вниз, так как нужно было следить за оборудованием. Нельзя было допустить простоя машин на разгрузке. Если ЗАВы не успевали перерабатывать огромную массу зерна, поступающую с полей, его разгружали в бурты неочищенное. Там командовал бригадир с Григорием Ивановичем. Было много молодёжи, которые в основном вершили бурты, перекидывали зернометателями с места на место, чтобы не допустить согрева сырого зерна.

Они же грузили подготовленное зерно на элеватор и неочищенное для ЗАВов. Среди студентов, которых присылали были и юноши, и девушки, но мне было не до девушек и особого интереса я к ним не проявлял. Ко мне постоянно поднимался на ЗАВ паренек лет 16, Вова, который был на каникулах и его интересовали механизмы, устройство и работа. С ним же приходила и девушка, Люба, из местных, тоже ещё школьница, она меня больше развлекала, была, конечно, как дитё наивная и простая. Но мне с ними было веселей.

Конечно я, хоть и молодой, но за 18-часовой рабочий день уставал и выматывался. Зерно с полей прекращали поставлять, чаще всего в 23—30 или около того, а нам нужно было его ещё переработать, чтобы до утра не «сгорело» в выгрузной яме из-за отсутствия и малейшей вентиляции. Заканчивали около часа ночи. Еще минут двадцать, чтобы попасть домой, потом обмыться и приготовиться ко сну. С двух часов уже об каких-то свиданиях не думаешь, да и не к кому было бегать. А утром в семь часов нужно было быть на работе и так день за днём.

Иногда получалось из того, что дождик, где-то нарушил работу и устраивал вынужденный простой, то получалось даже днём вздремнуть полчаса. Молодой организм восстанавливался быстро.

И вот уже напряженный сезон уборочной страды позади. В бригаде на току заняты сортировкой зерна, подготовкой семенного фонда, в работу вступили триера, выполняющие очистку от засорений и семян, которые на машинах, рассчитанных на предварительную очистку зернового вороха, не давали нужного результата. С пустком в строй зерносушилки, качество зерна, предназначенного для длительного хранения в разы, возрастало и при приемке на элеваторе, такое зерно относили к более высокой категории, а следовательно, за него хозяйство получало большую прибыль. Так и должно быть: каждый вложенный в производство рубль должен приносить два-три рубля прибыли, тогда производство будет рентабельным.

Кто-то скажет, вот как заговорил? Так курсы повышения квалификации даром не прошли и я на них, кроме того, чтобы соревноваться с «дедами» в количестве выпитого и щипания по натуре стержневой, но доброй и чувственной Танюхи за её мягкие места, ещё и с интересом слушал умных людей. Скажу вам больше, та система повышения квалификации была в разы эффективнее от нынешней, представляющей выкачку денег от организации за обучение слушателей или самих слушателей, оплачивающих за услуги за себя. Не важно, ходишь ли ты на занятия, семинары или принимаешь участие в бинарах, всё-рано: заплатил деньги — получи корочку. Хочешь таким «заушным» способом получить второе высшее образование — нет проблем. И устаревшая система «получение» дипломов в подземных переходах — забытое прошлое. Сейчас всё легально, выжди немного времени и получай образование.

На планерки чаще ходил бригадир, я периодически, а в период обеспечения колхоза новой техникой, оборудованием и запасными частями, ежедневно. После одной из планёрок, Виктор Васильевич оставил меня у себя в кабинете и начал издалика.

— Ну, как ты, Саша, привык у нас, нравится? Перспективу видишь?

— Спасибо, Виктор Васильевич! Да, нравится и перспективы заметны большие. Хозяйство развивается «семимильными шагами».

— А, что на любовном фронте, не нашел себе девушку? У нас их хватает. Нужно пользоваться, пока лето, все, кто учится в городе сейчас дома, на каникулах.

— Так вы же сами знаете, где я лето провел, некогда было на девок заглядываться. Но вы же не просто так спросили?

— Ты прав. Сам знаешь, принимал оборудование, что у вас загружают, вагонами поставляют. Знаешь, что это будет?

— Да, я упаковочные листы смотрел, оборудование комплекса АВМ-3,0. Видимо на нашу бригаду объёмы производства кормов возрастут?! А где столько кормов взять, у нас то в севообороте кормовых трав с «Гулькин нос»? Разве, что луга все выкашивать, но у нас местность холмистая, проблемно.

— Ну, прям всё ты знаешь. Для нового комплекса, как построим, убранных укусов трав хватит, ну разве что на две-три недели работы. В него же входит ещё оборудование ОГМ, для изготовления кормовых гранул. Основной компонент гранул — это зерновые отходы, ну и травяная мука, конечно. Твой зять, главный зоотехник, уверяет, что для травяной муки идут любые бурьяны, та же клетчатка в основе, как грубый корм и кое-что еще питательное. Вот мы обязуем, пока трава не выгорела вся и бурьян в том числе, каждого члена колхоза

сдать для начала по 100 кг сена.

— И вы меня для этого позвали? Я это знаю. У вас есть что-то ко мне?

— Присядь, какие вы, молодые, все нетерпеливые. Для этого комплекса нужны опытные специалисты. Мы большие деньги в него убухали не для того, чтобы его быстро «уложить» или простаивал и-за того, что некому работать и обслуживать. Нам нужно послать звено из четырёх человек, для обучения: механика АВМ и ОГМ, электрика и двух операторов. Операторов я нашел, поедет тракторист из 2-й бригады, ваш оператор ЗАВ и электрика я выпросил у главного энергетика. Остаётся только найти одного кандидата в механики. Не знаешь, кто лучше всего подходит на эту роль?

— Догадываюсь, Виктор Васильевич.

— Я больше тебе скажу, это не просто командировка — курорт. Вы будете командированы в Ленинградскую область. Культурную столицу России увидите. Не был в Ленинграде? Вот, увидишь. Так, что, решено?

— Я что могу ответить — нет?

— Но ты же этого не сделаешь? Сто процентов зарплата сохраняется, плюс командировочные.

— Умеете вы уговорить, Виктор Васильевич. Если честно, даже в Москву не хочу, а Ленинград посмотреть очень хочется.

— По рукам?! Ознакомься с проектом приказа, я Лене уже отдал. И с завтрашнего дня оформляйте командировочные документы. Удачи!

— Спасибо!

Лена, дочка Дмитрия Григорьевича, водителя, с которым я работал на АТО, была очень малого роста, ювелирная, потому её и звали все «Кукла», когда я вышел, улыбаясь спросила:

— Везёт тебе, Саня, красоту культурного мира увидишь. Сама мечтала побывать, а теперь Вовку моего ни-

куда не вытащишь, даже в отпуск. А теперь еще и малышка, еле в садик приняли, чтобы я на работу смогла выйти.

— Лена, шеф говорил о приказе. Что там?

— Ах, да. Тебя старшим назначили, с тобой едут Толик Кривченко, Коля Булатов, тракторист и Александр Павлович. Они ещё ничего не знают. Ты сообщишь им лучше. И хорошо, если прям с утра, чтобы успели подготовиться и документы оформить.

— Хорошо, Леночка. Спасибо! Я бы тебя взял с собой в Ленинград, но Вовки боюсь, он и не за такое убить может.

Леночка засмушалась и наклонилась к печатной машинке набирать текст. Я вышел на улицу, спустившись по лестнице. Кабинет директора и зал совещаний был на втором этаже, а также кабинеты главных специалистов. На первом этаже, половину которого занимала столовая, где очень вкусно готовили и я, как минимум в обед там кушал, а случалось и больше, когда не спешил, а другую половину различные отделы и службы.

Из всех командировочных, Александр Павлович был самым старший, ему было за сорок, солидного вида, слегка грузный. Толик был очень энергичный и юморной человек, работал бригадным электриком в первой бригаде, ему было около тридцати пяти лет. Коля был ниже всех ростом, малоразговорчивый и постоянно улыбающийся молодой человек, старше от меня года на два, работал трактористом на тракторе ДТ-54. Тот трактор был, если не старше от тракториста, то его ровесником. Коля за ним следил и ухаживал лучше, чем другой за любимой женщиной. И он так не хотел расставаться с ним на долгих три месяца.

Да, именно на три месяца была рассчитана наша командировка. Больше всех радовались переменам в жизни я и Толя, которых и «хлебом не корми», дай «оторваться», как будто нас на «привязи» держали.

Командировочные удостоверения сыграли какую-то роль в том, что билеты на самолёт до Ленинграда мы взяли без особой нервозности. Мы летели на привычном мне «Ту-134», места были в «хвосте» салона. Для единственного человека, который никогда в жизни не летал на самолётах, мало того, панически боялся этого — это был Николай. А когда он увидел в иллюминатор, как во время полёта вибрирует крыло самолёта, он побелел, вжался в кресло и даже тогда, когда разрешили отстегнуть ремни, боялся этого делать. Это была у человека неophobia, из-за того, что хоть он ни разу не переживал в себе полёта на самолёте, но изначально внушил, видимо, что это страшно и от этого у него была боязнь к новому.

Мы благополучно приземлились в Пулково и на общественном транспорте отправились в город. Выяснив всё, как и что, электричкой с Варшавского вокзала доехали до места командировки. Город Сосновый Бор был красивым молодым городом, существованию и развитию он должен был быть благодарен Ленинградской АЭС, которая здесь располагалась. Город действительно утопал, как дачный посёлок в сосновом бору и потому название, как нельзя лучше подходило ему. Видимо у строителей стояла сложная задача, воздвигать современные многоэтажные здания, минимально навредить природе. Несмотря на август месяц, в городе было сравнительно вольготно и не жарко. Возможно, что этому ещё благоприятствовало близкое расположение Финского залива, а от воды всегда исходит благоприятная свежесть.

Нам выдали в администрации учебного комбината при заводе «Агрегат», выпускающем АВМ 3,0 и грануляторы к ним в комплект, направление в общежитие. Оно располагалось недалеко от самого завода. Общежитие представляло собой каркасный блочный домик, видимо типового проекта, невысокое одноэтажное здание, в ко-

тором проживало около сотни человек в комнатах, расположенных вдоль коридора влево и вправо от входа, сразу за вахтером.

Нас определили в крайнюю комнату правого крыла, выходящую окнами не к фасаду здания, а наоборот, с видом на живописную природу этих замечательных хвойных лесов в две стороны. Эти комнаты были самые большие с двумя окнами и местами на шесть постояльцев. Рядом от нас располагались четырехместные комнаты, а напротив, даже двухместные. Но из-за того, что мои земляки изъявили желание проживать одним «табором», то больше подходящих комнат не было.

Нас подселили в двоим «аборигенам» комнаты. Славик, разведенный с женой около полгода тому назад, работал на заводе слесарем-сборщиком. Ему было лет двадцать восемь. Он окончил даже институт с какой-то редкой профессией, найти которой применение на практике даже в таком современном городке было нелегко. Найти себя в своей профессии можно было в Ленинграде, но тогда ему нужно было срочно искать богатую вдовушку с квартирой иначе, все, что зарабатывал тратилось бы на квартиру и еду. А здесь, как он говорил, худо-бедно, он зарабатывал две сотни, да ещё и квартальные. Из-за того, что он вёл здоровый образ жизни, ему хватало и даже немного отлаживал на сберкнижку.

Второй квартирант был молодой, весной демобилизованный из рядов СА стройбатовец Расул. Как он сказал: «Домой не спешу. Немного денег в армии скопил, немного на заводе заработал, погуляю здесь ещё немного и домой, в Азербайджан поеду». Я не поверил, что дембель в течении уже третьего месяца скитается за тысячи километров от дома и не хочет туда ехать. Тогда он мне показал военный билет с отметками и датами. Молодого кавказца, как я потом понял больше всего, интересовали женщины.

Утром, отдохнув, мы в хорошем настроении, все трое, кроме Коли, который плелся ни живой-ни мёртвый за нами, как пленный, явились к месту учёбы. Эту самую учёбу я представлял примерно так, как на повышении квалификации, или на курсах водителей, но ошибся. Нам объяснили, что занятия проводят специалисты, которые одновременно и работают на заводе на определенных должностях в техническом отделе и конструкторском бюро. Расписание занятий было такое: дважды в неделю, во вторник и в пятницу, с 8—00 до 12—00.

На вопрос, а что нам в остальные дни делать, который, как было понятно наш куратор умышленно ничего не сказал, чтобы инициатива исходила от таких, как мы. А всего в группе собралось шесть «экипажей» АВМ по четыре человека в каждом.

— Понятно, что вы приехали издалека и вам необходимо это время куда-то деть. Кто-то будет рад посетить достопримечательности Ленинграда. Но через неделю и это вам надоест, да и на развлечения, если захочется деньги нужны. Поэтому мы вам предлагаем, устроиться временно слесарями на работу. Будет тройная выгода: вы свободное время убьёте, заработаете денег на личные нужды и, не самое последнее — лучше узнаете устройство механизмов АВМ, пощупав, в прямом смысле их руками. Оплата сдельная. Когда наберётесь опыта, можете в месяц до 200—250 рублей заработать.

— Заманчиво. А, если я не желаю работать, скажем, это может повлиять на учёбу? — спросил один из командировочных.

— Нет, конечно. Дело ваше. Но вам раньше, чем определенно договором никто командировочные не подшивает и удостоверения о прохождении курсов по подготовке не выдаст.

Мы подумали, а почему бы и нет? Зарплата сохраняется, деньги под отчёт мы взяли, командировочные

по приезду получим, а тут ещё и заработать сможем. «Гулять, так гулять!» — воскликнул мужик, разрезая последний огурец.

На заводе нас разделили, двое из наших попали на одну сборочную линию, я с Толиком попал на линию сборки транспортеров. Работа не творческая, электрогайковёрт, детали, метизы, бери и собирай. Мне было сподручней, я, не считая службы, столько гаек перекрутил, ремонтируя трактор и сельхозмашины, а моему коллеге Анатолию приходилось ту же привыкать той работе, с которой он не знаком и не привык делать. Ему бы что-либо по электричеству — это его.

Занятия проводились в учебном классе административного здания, а практические занятия на показательном комплекте собранного и действовавшего оборудования АВМ с ОГМ. Правда, все механизмы, которые включали для показа, работали вхолостую.

— Это всё хорошо. Но нужно же отметить как-то наш приезд, а с ним и начало трудовой деятельности и учёбы, — неоднозначно и настойчиво намекал Анатолий нам, что мы не с того начали.

Кто-то может и был бы против, но не я. Я был всегда «за» за любой «кипиш». Мы присмотрели где-то на одной из центральных улиц ресторан «Дюны», а почему бы и нет, что мало зарабатываем? Пусть знают наших. А из наших «Дюны» в этот день узнали только моего напарника Толю и меня.

Да, кстати, я совсем упустил одну вещь, все мои трое земляков были женаты и имели детей: Павлович уже довольно взрослых; Анатолий школьников средних классов; Николай двухгодовалого сына. Один я был свободен, как птица в полёте. Из-за того, возможно, кроме бесшабашного Анатолия, домоседам и семьянинам было сложно в таких ситуациях принимать разумные решения. Они просто старались, чтобы не попасть в просак или

неловкую ситуацию, просто отсиживаться дома и играть в карты на вахте в общежитии.

Ресторанный комплекс «Дюны» располагался в двухэтажном здании, первый из которого отводилось под кафе, которое работало только днём и собственно ресторан, работающий до полуночи. Я не особый ресторанный эстет, но мне показалось, что там была скверная вентиляция, помещение было сильно задымлено сигаретным дымом и очень плотно стояли столики, видимо из-за желания получить побольше выгоды от клиентов, не обращая внимание на удобства. Выпили, посидели, покушали культурно. Толик даже попытался ухлестнуть за дамой и что-то даже получилось. В крайнем случае он сказал, что договорился с ней о следующей встрече.

Я вообще за свой скудный ресторанный опыт не припомню случая знакомства в ресторане и видя, изрядно пропитые лица дам не первой свежести, порядочных девушек здесь встретить не так уж и просто или даже невозможно. Я как-то, прогуливаясь по зимнему Цесису, в морской форме, конечно, от желания согреться заглянул в клуб, где была афиша, в которой была указана дата и объявление «Танцы кому за тридцать». Думаю, нормально, что не за шестьдесят и хотел зайти посмотреть, погреться, как минимум. А меня не пустило, молод ещё. Вот и в этом ресторане я себя чувствовал, как там, где мне ещё рано, молод ещё.

Когда после ресторана мы пришли домой и Толян начал делиться впечатлениями, Расул тихонько мне шепнул:

— Саня, тебе не стоило с мужиками идти. Вот, если хочешь, пойдём со мной. Я с такими тебя бабами познакомлю, ва!

Слушая моего молодого нового знакомого можно было подумать, что он на полставки работает дворником

в «институте прекрасных девиц», где он, как свой может легко с девушками, не знавшие практически контактов с мужчинами, прям липли к нему с расспросами и откликнулись на предложения встретиться втайне, без посвящения в грешные перипетии своих настоятельница и кураторов. Я в ответ лишь улыбался, но он настаивал:

— Хочиш, дарагой, завтра же и пайдём. Я днём поговорю, а вечером вдваём и пайдём, не пожалеешь, бабы — во!

Он поднял большой палец над сжатым кулаком. Я подумал, ну не с этими «домочадцами» в карты играть, лучше прогуляться. Мне до сих пор «дом женихов» вспоминается картами до тошноты. Он же тут служил, может с кем в увольнении познакомился. И дал согласие. Да я что-то совсем скисать стал, сам себя не узнаю. Как с Сашей расстался, у меня девушки не было. Это сколько? Больше года. А может мне в баптисты записаться? Нет, не баб тискать, а в сектанты уйти какие-нибудь, где женщины — табу. Что-то я стал тупить, я же религию с атеизмом знал хорошо, а сейчас не вспомню

Вечером, чуть солнышко начинало закатываться за высокие сосны, а на ресторане загорелась неоновая вывеска, зазывающая зевак оставить в нём честно или не совсем заработанные денежки. Я курил у входа, метнулся на верх в ресторан и вернулся немного расстроенный.

— Нэт, пока. Я же им говорил, что мы в восемь придём. Пойдём столики займём, пока есть, а то налетят, не протолкнуться.

— Ну пойдём. Может они вообще не придут?

— Придут, придут.

— Мы сели за столик, чуть в стороне от центра, присели так, чтобы можно было наблюдать за всем залом к разу, не вертя головой. Минут через десять подошёл официант и поинтересовался, что бы мы хотели заказать.

— Триста грамм водочки, а ты, Расул, придумай чем закусим, пока ждать будем.

Он выбрал салат и что-то из кавказской кухни. Принесли водочку и салатик.

— Ну, что, брат? За успех нашего безнадёжного дела! — пошутил я, а может и не пошутил. Дамы задерживались.

Мы успели по паре рюмок пропустить, когда Расул, обернувшись, тихо сказал:

— Саня! Пришли!

— Где? — я посмотрел за спину Расула, где по трапу с перового этаже поднимались две дамы, чтоб не ошибиться, скажу — солидного возрастом, потом провел взором по залу и не обнаружил больше никого.

— Ну, вот же, только поднялись.

— Ты шутишь? Это и есть твои «классные бабы»?

— А чьто? Нет?! — при этом он повернулся, чтобы убедиться, что мы оба говорим об одних и тех же.

Дамы, узнав Расула, помахали ему руками и подошли к столику.

— Мальчики, вы не соскучились? Знаете же нас, девушек, пока красоту наведешь, двух часов не досчитаешься. Но мы же наверстаем упущенное, не так ли?! — разговаривалась темноволосая дама, на лице которой даже при обилии «штукатурки», когда она улыбалась, на лице проявлялись глубокие складки.

Вторая была сдержаннее в общении, молчала, почти не улыбалась, она была явной противоположностью своей подруги, видимо за диетой не следила и лицо, не имевшее морщин, лоснилось, она была пышкой. Расул предложил им со мной познакомиться.

— Я, Тамара! — кокетливо протянула руку первая дама, видимо ожидая поцелуя.

— Саша, — сухо ответил я.

— Валя, — без энтузиазма и протягивания руки, представилась вторая, при лучшем освещении оказавшаяся

неопределенно каштаново-рыжего цвета, в обтягивающем её пышный бюст, если можно так сказать.

Они присели с нами за столик. Тамара оценивающе осмотрела меня в то время, как Расул что-то ей щебетал в полголоса, но что из-за заигравшей ресторанной музыки было уже не понять. Подошёл официант и по его реакции даже мне стало понятно, что ему знакомы эти дамы. Тамара что-то наговорила на ухо, услужливо прогнувшемуся перед ней официанту. Тот кивнул и ушёл.

Через минут двадцать проявилась водка и нехитрые закуски. Мне уже хотелось выпить побыстрее. Что-то вечер переставал быть интересным. После второй выпитой рюмки Валентина разругалась и стала более улыбчивой, стала что-то «в унисон» с Тамарой лепетать. Я обычно не люблю прислушиваться к чужим разговорам, если они не обращены ко мне, а сейчас тем более.

— Саша, а ты чего молчишь? Расскажи что-нибудь нам. Развлеки девушек.

— Я вообще-то не компанейский парень, но раз просите что-нибудь расскажу. «Родился у родителей сын, здоровый всем, а не разговаривал. Возили к врачам, показывали профессорам, а те только руками разводили, не могли выяснить причину. Вроде бы всё нормально, а почему не говорит никто не мог определить. Ну немой и немой, главное, что всё и всех понимал. Вырос сын, стал уже мужиком большим и сильным, а всё никак не говорит.

Случился как-то ночью пожар, головешка выпала из печи, загорелась половица и изба горит. Вскочил сын и как заорёт:

— Батько! Матушка» Что вы спите?! Изба горит!

Все вскочили с печи и быстро затушили пожар.

Сидят отдыхают, а когда пришли в себя и спрашивают:

— Сына! Какое счастье, заговорил.

- Так я и умел говорить.
- А почему же не говорил никогда?
- Надобности не было».

Не знаю, увидели ли мои новые знакомые в анекдоте намёк, но на всякий случай, для приличия заулыбались. А я сидел и думал, сколько же этим девушкам лет? А может рассказать им вот этот анекдот про то, как у девушки спрашивали её возраст и от этого мне сразу станет легче, они должны понять и удалиться «по-английски» или эти «камбалы» уже всё слышали и привыкли ко всему.

Я обратил внимание, что Валюша или лучше её тётей Вале́й называть, начинала плыть, а Тамара потащила молодого кавказца танцевать. Мы остались молчать за столиком, глядя, как Тамара пыталась привлечь всеобщее внимание. Моя соседка по столику толкнула меня в плечо, и я подумал, что вот и моя очередь водить или наоборот, меня начнут по залу водить, но ошибся. Она молча показала на рюмки с жестом «наливай». Да, всегда пожалуйста. Я налил, и мы выпили, не чокаясь даже не потому, что мне это было в напряг, а потому, что я не успел моргнуть, а её рюмка была пуста. Я выпил уже не закусывая, закурил.

Пришлось ещё чуток пополнить графинчик. Выпили. О чём шёл разговор, я практически не слушал и не вмешивался, тем более что музыка мешала разговору, а когда она затихала, то я в основном только и слышал Тамару, которая присела моему дружку на уши. Когда я захотел выйти в туалет, который находился на первом этаже, он поспешил за мной.

— Сань, ты понял, что Тамара — это моя девушка?! Не сиди, развлекай Валю. Как она тебе?

- Никак, Расул. Можешь забирать себе и эту мамашу.
- Ну не 18 лет, конечно. А ты что хотел?
- Да, ничего, проехали. Хотел просто отлить.
- А? Ну давай. Я думал, что ты убегаешь, меня кинув.

— Не бойся, не кину.

Часов около одиннадцати, мы засобирались. Я протянул Расулу два «червонца» и спросил «этого хватит?», на что он кивнул, добавил свои деньги. Мы рассчитались и начали выходить.

— Мальчики, сейчас. Подождите.

Она подошла к официанту и что-то нашептала ему на ушко. Он вначале что-то начал говорить, жестикулируя руками с полотенцем на левой руке и меню в правой, а потом пошёл и вышел с бутылкой вина и свёртком.

Тамара вся цветущая подошла к нам, и мы спустились вниз в вестибюль.

— Значит, так. Сейчас едем ко мне и будем гулять всю ночь.

Я усмехнулся, думаю, с чем это ты думаешь всю ночь гулять, с бутылкой вина? Мы сели в автобус и поехали в сторону удаления от нашего места жительства, проехали три остановки и вышли. Здесь перешли улицу, зашли в проулок, затем через двор подошли к пятиэтажке, если я правильно сосчитал этажи в темноте по зажжённым окнам. Я запоминал дорогу потому, что это уже была моя привычка и я делал это иногда на подсознании. Всё может быть, мы в чужом городе, города ещё не знаем. И я вспомнил опять г. Цесис, когда нас мужик обещал проводить к девушкам, а попали в комендатуру и на губу.

Я не получил удовольствия от общения с дамами, хотя его, как такового и не было, но всё же выпитое подняло настроение и после трёх часов молчания, я как тот немой сын, начал говорить. Мы поднялись на третий этаж. Вошли в коридор. Справа был туалет с ванной, дальше кухня, а прямо дверь в комнату, которая располагалась от двери прямо и вправо, размером примерно 4х4 метра, короче — однокомнатная квартира.

Нас сразу повели на кухню. Кухня была небольшой. Напротив окна небольшой столик и пара стульчиков. Хо-

зайка вышла и откуда-то принесла ещё два видевших виды стульчика без спинок.

— Можно курить здесь, — при этом она открыла форточку, откуда повеяло ночной свежестью.

Потом Тамара долго шарила в столике и шкафу, достала баночку закупоренных грибов. Развернула сверток и оттуда достала половину кружка колбасы, наподобие «Краковской», нарезала. Нашла полбулки ещё не до конца чёрствого хлеба.

— Присаживайтесь, уважаемые гости. Я совсем забыла, у меня тут где-то было что-то посерьёзней.

И сияя, поставила бутылку, ранее открытую и немного отпитую чего-то похожего на водку. Увидев удивлённые взгляды, добавила:

— Не переживайте, это испытанное средство от всех болезней, самогон называется. У нас в доме бабуля делает по особому рецепту и даже настаивает на чём-то.

Я открутил пробку и продегустировал на запах — неплохой, даже чем-то напоминал мне знакомый, родной из нашей глубинки. Вот это будет получше, чем вино сверху водки.

Мы выпивали, говорили о несерьёзных вещах. Тамара пару раз пыталась вызвать меня на разговор, но я отнекивался, да и о чём можно говорить с теми людьми, с которыми я был уже давно уверен, меня судьба больше не сведёт, оно мне не интересно. Я и не заметил, как нас в кухне осталось трое.

— Валентина домой ушла? — с облегчением спросил я.

— Да куда она дойдёт, — ответила Тамара, — пошла в комнату спать, я на полу постелила. Саша, ты не обращай на неё внимание, её мужики как-то не интересуют, вот, выпить — да, а это — нет. Но попробуй, может и добудишься, тогда у вас что-то и получится.

Я слушал её, смотрел на «соловьиные» глаза Расула, который прилип к Тамаре, как к мамке. Вот тогда я и по-

думал: «Видимо парень в этой женщине, которая ей в матери годится и мать нашёл и любовницу в одном лице». И вот из-за этого он не ехал домой? Мне казалось, что у такого симпатичного парня, дома должна быть девушка. Хотя, «чужая душа — потёмки». Тут бы, хотя бы в себе разобраться, а не судить о других.

— Пошли уже спать, дорогуша! — поднимал свою «мамочку» Расул.

— Сейчас. Ты не идёшь? — обратилась Тамара ко мне, — будешь ложиться, свет потушишь и иди прямо, мимо Валюши не пройдёшь, зацепишься. Мы на диване справа от двери. Доброй ночи!

— И вам доброй ночи!

Было два часа ночи, а я сидел на кухне, курил и всё пытался понять жизнь, но у меня это плохо получалось. Видимо, всё-таки много мы выпили. Вот, живет женщина. Скорее всего когда-то у неё была семья. За детей не знаю, хотя вполне возможно, что есть и уже взрослые. Ей-то, как выяснилось 42 года, а моей «подушке», что на полу на матрасе сопит чуть меньше — 38 лет. Ну эта спилась тоже, видимо не от хорошей жизни. Лучше и не знать, сколько людей, столько и судеб.

Как можно жить, когда в квартире, кроме стульчиков, по которым свалка плачет, старенького дивана, хоть я и не видел, но уверен, что не новый и матраса в доме ничего нет. Сорок лет, молодость прошла, впереди старость и одиночество. Это сегодня, ну ещё завтра на тебя позарятся «голодные» молодые или кто-то постарше, но алкаши и прочие, как раньше говорили «отбросы общества», которых на карикатурах всегда выметали метлой. А куда их выметешь? В ЛТП (лечебно-трудовой профилакторий), где лечили от алкоголизма и приучали к труду или, когда где-то что-нибудь украдёт, пойдёт по этапу и на всю оставшуюся жизнь.

Да, что это я, ночь на дворе, а я такие грустные мысли запустил, как «долгоиграющую пластинку». Пойду я, пожалуй, домой, в общагу, то есть. До утра дойду, а может и раньше. Я подошёл к двери, попробовал открыть, но не смог, она была заперта. Поискал на крючочках, где как обычно вешают ключи — нет.

Вышла Тамара в халате.

— Что случилось? Ты уходить собрался, ночью? Ну дождись хоть утра. Куда ты сейчас пойдешь? Если решишь всё же идти, вот тут ключ лежит, — и она показала место для ключа.

— Хорошо, я отдохну немного, а там видно будет. Спасибо, Тамара!

«Пойду, может немного задремлю», — подумал я и осторожно вошёл в тёмную комнату. Через несколько шагов наткнулся на «нечто», нагнулся, нашупал рядом с «нечто» свободный край матраса и прилёг. Голова кружилась, а сон не шёл. А тут ещё, рядом от меня, в двух метрах буквально происходил процесс, сопровождающийся характерным скрипом пружин старого дивана. Значит, с диваном я тоже не ошибся. Эти звуки смешивались со стонами, охами и вдохами и превращались в такую «взрывоопасную смесь», которая выносила мозг.

«Нет, ну имейте же совесть», — думал я. Я же никогда так не смогу в таких условиях заснуть, если процесс проверки пружин на выносливость не закончится. Пока я рассуждал, прозевал шлепок рукой в лицо, больше похожий на оплеуху. Это моя соседка, с которой мы разделили по несчастью одно ложе, при переворачивании на спину, заодно и рукой отмахнулась, распластав их крестом. Ох, уж эти «святые мученицы», как вы меня зае... И тут началось. Такой храп мог создать не каждый мужик даже, с присвистом, гортанный, булькающий и на полную мощь.

И опять я вспомнил и мне стало даже от этого смешно, как отучали от храпа на службе Витю Турова. Интересно, а если положить ей на лицо свои носки, она почувствует мужской дух или нет? Нет, не буду. А вдруг задохнётся, не хочу грех на душу брать.

Пойду-ка я, дорогие мои компаньоны, домой, в общежитие я имел ввиду. Вот там меня ждёт кроватка и там, даже могучий храп Александра Петровича покажется мне «детским лепетом» по сравнению с тем, что я слышу сейчас.

Я поднялся тихонько, подошёл к входной двери, нащупал, не включая свет ключ, с трудом нащупав уже на двери замочную скважину и, с пятой попытки у меня получилось вставить правильно ключ. Открыл дверь и с облегчением выдохнул — я свободен!

Как хорошо было на улице, такой свежий ночной воздух, что изначально я начал даже дрожать. Потом пройдясь быстрым шагом, согрелся. Я шёл и думал: «Братцы, как хорошо делать то, что ты хочешь, а не от тебя хотят; как хорошо быть вольным, а не взаперти за решёткой или под тем же замком в квартире; как хорошо выбросить всё дурное из головы и наслаждаться тем, что ты свободен и от этой, тяготившей тебя вещи, напрягающей твой разум, раздражающей и доводящей, если вовремя что-то не сделать «до белого каления».

Стоп! Я остановился и подумал впервые, а в ту ли сторону я иду. Убедившись, что «автопилот» работает исправно, успокоился и продолжил маршрут, обратный маршруту автобуса, на котором мы приехали на «место встреч» и «оказания услуг» страждущим. У меня даже настроение поднялось, хотя так хотелось спать, но цель была поставлена и скорее всего, я приду в общежитие ещё задолго до того, когда наступил рассвет. Когда я начал уже ориентироваться, понял, что весь путь должен занять не больше 40 минут.

Вот уже и показался знакомый контур общежития, я с горевшим фонарём на входе и слабым светом в коридоре. Конечно, вахтёрши на месте ещё не было. Они, как правило открывали входную дверь в шесть часов утра. Мысль, а вдруг меня не пустят меня отрезвила частично. Я же в комнату через форточку не влезу, застряну. Что будет, и я постучал. В окне правее через одно от входной двери зажегся свет.

К двери подошла девушка, которую я на вахте ещё не видел и улыбаясь спросила негромко:

— Вы, кто?

— Я жилец из двенадцатой, мы три дня назад приехали.

Дверь открылась и девушка мне вопрос прям в лоб:

— Где это вы до утра гуляли? Небось уже и девушку успели у нас найти, да? Смотрите, опасно ходить одному ночью в чужом городе.

— Спасибо за беспокойство, но я ведь уже взрослый и могу, если что, за себя постоять.

— Ну, да. По голове ударят, оберут. Да мало ли хулиганья, у нас тоже хватает.

— А вы могли бы со мной вечером, например, погулять, чтобы меня не избили и не обобрали?

— Нашли защитницу.

— Ну, вы же местная, вас не тронут, может быть и меня рядом или наоборот, скорее побьют.

Девушка рассмеялась и присела за свое рабочее место на вахте. Я почти машинально присел напротив. Не знаю почему, но мне сразу так легко было разговаривать с этой незнакомой мне девушкой, она располагала к разговору. И я был готов делиться всем, даже самым сокровенным. Она явно мне понравилось, чего не случалось очень и очень уже давно. Я готов был с ней говорить и говорить несмотря на то, что всю ночь не спал.

— А вы, что и спать не пойдёте?

— Не-а! А кто вас будет охранять? Знаете, что, давайте познакомимся, чтоб не «выкаты», хорошо?

— Меня Таней зовут.

— Замечательно! Я почему-то думал, что Света.

— Многие так думают, если светлая, то значит Света.

— Ну, а я Саша.

— Очень приятно.

— Взаимно, Таня. А я вас тут не видел, вы работаете тут или как.

— Конечно, работаю. Вот моя смена подошла. Мы же сутками работаем. Утром заступила и вот уже через четыре часа, даже меньше, мне сменяться.

— Так давайте, когда вы, фу, ты, когда ты сменишься, я тебя провожу домой, чтобы хулиганы не обидели.

— Тебя самого же от них защищать нужно, тебя штурмит, уснешь по дороге.

— Это у меня профессиональная болтанка, моряков так болтает на суше, вот и говорят «походка вразвалочку».

— Правда?! Ты моряком служил?

— Ну, конечно. А, что не похоже?

— Не знаю, у меня не было знакомых моряков.

— Теперь есть.

— Так, что, договорились?

— О чём? — не понимая спросила Таня.

— Ну я тебя провожу домой. — Не помню, чтобы вот так не вечером, не ночью, не рано на рассвете, а чтоб утром, когда все уже на работе, а я провожаю девушку домой.

— А может быть девушка замужем?

— Ты? Не может быть. У меня чутьё есть, я незамужних определяю, у них взгляд искрится, а у замужних тусклый.

— Неужели? А ты сильно расстроился бы, если бы я запись со штампом в паспорте тебе показала?

— Расстроился бы, конечно. Но, то, чтобы у меня напроць пропало желание общаться с такой девушкой, если ты позволила бы, не пропало. Ты какая-то светлая и лучистая, излучаешь душевное тепло и это видно невооруженным взглядом. Поверь, я уже немного научился в людях разбираться.

— Ты не поэт, случайно?

— Если бы я был поэтом, то мой тёзка с фамилией Пушкин навзрыд бы плакал, прочитав моё послание Татьяне в твоём лице.

— Ой, да я сгораю от стеснения. Шутишь?

— Посмотри в мои глаза. Ты там видишь издёвку или шутку? У меня есть очень плохая привычка говорить в лицо прямо всё что думаю, даже без фильтрации.

— Что же тут плохого? Думаю, что наоборот, — улыбаясь отвечала Таня.

— А ты попробуй, а через время мы вернёмся к этому разговору. Думаю, что его у нас ещё будет много. И после этого говорить, что это не судьба?!

— Ты о чём? — удивилась Таня.

— Да о том, что я приехал за две тысячи вёрст зачем?

— Ну, в командировку, на завод, да?

— Чтобы встретить такую замечательную девушку, как ты.

— Вот, уже и дремать некогда. Рассвело. Так ты не передумал ещё меня провожать? Через два часа я сменяюсь. Не проспишь?

— Я? Шутишь? Я и так очень долго спал, теперь нужно навёрстывать. А то так и всю жизнь можно проспять.

— Что навёрстывать?

— Не важно, когда-нибудь, возможно, расскажу. Я так понял, что ты меня «отшиваешь» на время, пока? — сделал вид, что обиделся, спросил у девушки.

— Да! Извини! Мне нужно убрать всё, приготовиться к передаче дежурства. Я не гоню, но мне будет просто

некогда сидеть и разговаривать, нужно поработать. А ты иди в комнату и вздремни часик-полтора, а-то у тебя глазки «соловьиные».

— Так это потому, что душа поёт соловьём и выход находит даже через глаза. Хорошо, Танюша. Я буду скучать, учти. Пока!

— Пока, пока! — покачивая головой с улыбкой ответила Таня.

Глава IV. Метаморфоз

У меня ещё с институтских лет прижилась и осталась на всю жизнь привычка включать «внутренние часы». Я не знаю, как работает этот весь биологический механизм, но он меня практически никогда не подводил. Я мог «завести» эти самые мифические часы от нескольких минут, от 10—15 до нескольких часов 2, 4, 7 и не важно, как я буду это делать, но существовало два основных метода. Первый метод заключался в том, что я запоминал в какое время мне нужно было проснуться, при этом я зрительно представлял положение часовой и минутной стрелки, при которой должен «включиться» организм в бодрствующее состояние. Второй метод отличался лишь тем, что я не представлял циферблата, а внушал себе несколько раз, делая про себя повторение количества минут или часов, которое я должен спать до пробуждения.

Идя по коридору, я уже «включал» для себя таким образом свой «внутренний будильник». Александр Павлович уже не спал, брился своей электробритвой перед маленьким зеркальцем на чехле для бритвы.

— О, пропавший гуляка явился. Мы хотели с утра в розыск подавать.

— Всё нормально, Павлович. Вы Толяну передайте, я сегодня на работу не ходок, пусть сам, если хочет идёт. А у вас как с Колей ладится работа?

— Да не очень. Он, хоть и моложе намного, но такой медлительный. Бог дал мне партнёра.

— Александр Павлович, а вы не знаете, что сделать нужно? Скажите ему на полном серьёзе, что напишу домой, когда письмо будете писать, что он загулял тут, по бабам каждый день бегаёт. А для пушей убедительности скажите, что я его сблатовал. Он мнительный парень поверит. Только не говорите, что его жене, а своей отпишите, а бабы же больше двух дней не вытерпят, чтоб не растрезвонить на всё Крюково. Если не хочет того, пусть шустрит получше. Я спать. Скажете, пусть мужики не будят. Я сам поднимусь, когда нужно будет.

Я спал и где-то далеко слышал приглушённый, как пропущенный вместо выхлопных газов через автомобильный глушитель разговор в комнате, а потом настала тишина, вот она была хлеще, чем звон церковных колоколов. Спать хотелось, но «часовой механизм» уже запустил привод век и начал проворачивать «без запуска пока» разум, дыхание стало чаще и ритмичнее, я открыл глаза и посмотрел на часы — 7—52 они показывали. «Скорее всего эти часы спешат на пару минут, чем мои „внутренние“ биологические», — подумал я и, не ваясь, резко поднялся.

На этот раз потратил больше времени на чистку зубов, после того, что мне пришлось вчера дегустировать, это было необходимо, умылся и быстро переоделся. Глянул в зеркало — красавчик!

— Доброе утро всем! — подходя к посту вахтёра, довольно громко произнёс, чтобы, как минимум одна из двоих обратила на меня внимание, та, которая сменялась.

— Доброго утра и вам! — ответила женщина, которая принимала нас в первый день. А, что это ты сегодня со всеми не пошёл на завод?

— Я в ночную работал. У меня было особое задание и его необходимо было начать не раньше и не позже тогда, когда сойдутся две звезды, название назвать не могу — секрет, одна из созвездия Рак, а вторая из созвездия Рыб. А закончил ровно в момент появления на небосводе Венеры.

В конце повествования подмигнул Танюше. Та заулыбалась и отвернулась, видимо ей был больше понятен смысл моих таинственных слов, чем Вере Николаевне, которая заступала на сутки. Не мешая процедуре передачи смены, я вышел на улицу, присел на скамью, что располагалась слева от входа, закурил, шурясь от яркого утреннего солнца, слепившего глаза.

Минут через десять вышла Таня с дамской сумочкой в руках и нарядном платье. На работе на неё было другое, видимо переделалась. Она остановилась рядом со скамьёй и улыбаясь спросила:

— Не передумал? Тогда пошли, я уже свободна.

— ..., как птица в полёте?!

— Почти!

Я быстро вскочил на ноги, и мы пошли по тротуару к ближайшей автобусной остановке, она же была и крайней на этом маршруте. Мы вошли в автобус и, хотя были свободные места, остановились на задней площадке, держась за поручни и смотря друг другу в глаза.

— Пойдём, присядем. Ехать прилично нужно, ноги устанут.

Присели рядом на одном из задних двойных кресел. Я по старой привычке изучал маршрут, мы молчали. Вот уже проехали ту остановку, где мы выходили шумной компанией, дальше я пока что ещё ни разу не ездил.

Таня, заметив, что я внимательно слежу за маршрутом, спросила:

— Знакомые места?

— Нет, никогда ещё раньше не был.

— А нашу не проедешь, она крайняя на маршруте.

— Далековато, если пешком придётся, — забывшись, вслух произнёс то, что хотел просто подумать.

— Ты о чём?

— Да, говорю, далеко, если опоздаешь на последний автобус пешком идти.

— Зачем идти, есть же такси. У нас, хоть и небольшой, но город всё-таки, не деревня.

Автобус сделал круг «почёта» вокруг разбитой между двумя сторонами проезжей части большой клумбы со цветами и остановился на остановке. Мы вышли и перешли улицу в противоположном от движения при развороте автобуса направлении и пошли в сторону домов-близнецов, одинаковой этажности и внешнего вида, в которых, с непривычки можно и заблудиться, не зная номера дома, аккуратно прикреплённым к углам домов.

— Это микрорайон, где живут в основном атомщики. Ты знаешь, что у нас здесь градообразующей является Ленинградская атомная электростанция?

— Теперь знаю. А ты тут при чём? — не мог я понять слова Тани об «атомщиках».

Таня улыбалась, но мне не ответила, а я не стал настаивать на том.

А здесь, в отличие от центральных улиц города, где архитекторы и дизайнеры хорошо потрудились, чтобы по максимуму сохранить многолетние сосны, придав композиции статус «город в лесу», а не «лесонасаждения в городе», было с этим похуже из-за огромных объёмом строительных работ, приведших к выкорчёвке большинства «аборигенов» местного бора, величественных сосен.

Мы вошли во двор, окруженный со всех сторон домами, прошли через детскую площадку, срезав напрямик расстояние и вошли в подъезд. Здесь на первом этаже и располагалась квартира Тани и, я даже ещё не знаю, а одна ли она тут живёт... Планировка квартиры была практически такой, в какой мне пришлось по случаю побывать в прошлую ночь.

— Ты, наверное, кушать хочешь? Сейчас, присядь на диван, я быстренько приготовлю.

Я сел в диван. Он, как я понял был и местом для сна, так как квартира однокомнатная и разместить тут много мебели не получилось бы. Было, конечно, тесновато среди платяного шкафа, секретера с посудой, книжных полок, телевизора в углу и ещё чего-то, что меня в общем-то не интересовало. Моё внимание привлекло другое, на диване с краю лежала водолазка и она явно была мужская, даже, если судить по размеру. Кроме того, за стёклами секретера и на столешнице присутствовали вещи, которыми явно не пользуются женщины, даже жанр художественной литературы говорил о том, что женщинам они мало интересны должны быть.

— Таня, ты замужем? — с неким удивлением и немного с расстройством спросил я, не видя реакцию хозяйки, так как она была на кухне.

— Саша, да я же тебе ещё в общежитии пыталась сказать, а ты мне «не может быть, я вижу взгляд искрящийся незамужней девушки»... Да, я замужем. Я тебя сильно расстроила? — Таня вышла из кухни в фартуке и в руках держала нож, которым совсем недавно, видимо, что-то шинковала и остановилась в дверях на кухню, испытывающим взглядом смотря на меня.

— Я надеялся, что ты не замужем. Было бы для всех проще и лучше. А где же сейчас муж?

— На работе. Он работает инженером атомщиком на АЭС, это ему дали квартиру, когда мы два года на-

зад поженились. Мне двадцать лет уже, а ты думал девочка?

— Разве это возраст, двадцать лет? Мне уже 24, а я ещё и не жил. Ты такая молодая и красивая девушка.

— Ага, девушка...

Я сидел и думал: «Ну почему всё так? Когда встречаешь человека, к которому сердце само рвётся, он занят — почему?»

Таня позвала на кухню.

— Присаживайся. Легкий завтрак, горячего некогда готовить, да и ждать тебе — не резон. Вот колбаска, салатик свежий нарезала, корочке, что видишь и нравится, то и будем кушать. Да, сейчас. Ты что предпочитаешь, крепкое или...

— Крепкий, Таня, крепкий и горячий твой поцелуй — самый лучший напиток, который я бы предпочёл, а, если нет, то всё равно что-нибудь покрепче, если есть. Что-то мне нужно выпрямившиеся извилины закрутить. Извини за борзость. Я гость, а сам командую.

— Нормально. Я же сама спросила. Есть водка, правда начатая немного. Мы-то не очень, а на всякий случай... Вот этот случай и настал.

Я разлил в предложенные рюмки водку.

— За знакомство!

— Да. За знакомство! — ответила Таня.

Мы выпили, закусили и наступила минута молчания, каждый обдумывал ситуацию. Мне показалось, что Тане не совсем удобно стало, что она сказала о муже и она, как я понял хотела объяснить что-то, но я прервал её:

— Прошу прощения за наглость, но разреши, с твоего позволения мы выпьем ещё. Твой тост.

— Чтобы всё было хорошо!

— Хороший тост. Чтобы у нас всё было хорошо! — изменил немного формулировку я.

Она не могла этого не заметить, но промолчала и мы выпили. Вот теперь у меня прорезался аппетит и я, сдерживая себя, чтобы не глотать с жадностью пищу, как баклан, быть за столом посдержанней. Мне не хотелось говорить, и я ждал, что Таня заговорит первая.

— Саша, чтобы ты меня не осуждал. Мы с Колей сейчас живём просто из-за того вместе, что жильё общее, даже, как муж с женой не спим давно. Не знаю, почему я вышла за него замуж. Он интеллигентный человек, красиво ухаживал. Ему уже 28, но это же не страшно, если люди любят друг друга и с разницей в 20 лет живут.

Таня часто вздыхала, на глазах то и дело накатывались слёзы, которые она, отворачиваясь, смахивала салфеткой. Это было видно явно, что ей тяжело об этом говорить.

— Таня, может потом расскажешь, зачем себя травмировать?

— Нет, я решила, что сейчас.

— Хорошо, только успокойся, хорошо? Я тебя пойму, постараюсь понять уж точно.

— Я вскорости после свадьбы забеременела, но счастья материнства мне испытать не получилось..., мальчик родился мёртвый.

Таня заплакала, и я был вынужден подсесть ближе к ней и обняв за плечи, прижать к груди, чтобы она поняла, что не одна и её боль передаётся и мне в плотном контакте. И действительно, вскорости, Таня перестала всхлипывать, вздохнула глубоко и продолжила.

— Врачи сказали, что причиной этого могла быть работа мужа, связанная с получением в каких-то дозах радиации. Не знаю, так это или нет, но у нас и в постели не всегда всё получалось. Извини меня за подробности, но ты должен меня понять, а потом можешь обсуждать или презирать меня, как решишь, так и будет.

— Таня, мне многое уже сказали твои глаза за такое короткое время, что мы с тобой общаемся с сегодняшнего утра. Я тебя прижал и моё сердце приняло боль твоего сердечка. Я даже не думал тебя осуждать, как баба базарная. Ты правильно сделала, между нами, не должно быть кривотолков, если мы будем общаться. А я хочу с тобой общаться, если ты позволишь. Ты мне очень нравишься.

— Саша, и ты мне понравился сразу. Я даже тебя ревновала, хотя совсем не знала, когда ты пришёл от какой-то женщины и даже до этого знакомы не были.

— Серьёзно? А женщина, о которой ты сказала — это совсем не серьёзно.

— Пойдём в комнату, я на кухне потом уберу.

Мы сели на диван. Таня потянулась к журнальному столику и включила магнитофон.

— Спасибо, Таня! Обожаю музыку, она чудодейственна, может и успокоить, и взбодрить, и дух поднять, и настроение, и на подвиги сподвигнуть, пробудить даже дремавшие чувства.

— Да, ты прав. Я тоже люблю расслабляться после смены вот так, — и Таня при этом плюхнулась спиной на диван, ноги при этом оставались на полу, из-за того, что я занимал значимую часть дивана и мешал их положить, Руки она попыталась раскинуть в стороны, распластавшись ласточкой, но получилось так, что правая свисла с дивана на пол, а левой руки принять горизонтальное положение помешала спинка дивана. От такого неловкого положения Таня засмеялась очень задорно, возможно, что сто грамм выпитого позволили ей расслабиться и пригнать грустные и даже скорбные мысли.

— Давай, я встану, а ты удобно положишь ноги и вздремнёшь немного, а я буду тебя охранять, сидя на коврике напротив?!

— Нет, нет, что ты! Если не против, я положу ноги тебе на колени?

— Сочту за честь. Тем более, что, если ноги приподнять, кровь сходит и они быстро отходят от усталости.

Таня положила медленно и аккуратно ноги мне на бедра и мне стало так приятно, что я стал гладить их сначала, как это делают мурчащему от удовольствия котёнку. Таня прикрыла глаза и лежала неподвижно. Я поочерёдно массажировал пальчики и ступни обеих ног, а затем, чтобы никаким частям ножек не было обидно, стал гладить, сначала голени, а потом всё выше и выше.

Во мне бурлили гормоны, неуёмное желание с трудом сдерживалось моим некогда прагматичным разумом, который переставал меня слушать, меня всего забрало страстное желание обладать этой молодой женщиной и попытки отговорить себя, как я это мог делать раньше в таких ситуациях, не давали нужного результата. Я осторожно стал наклониться к её лицу с закрытыми по-прежнему глазами, только тело немного вздрагивало, когда я прикасался подушечками пальцев к новым и новым, неизведанным мной ещё, её замечательным частям молодого девичьего и, возможно, не избалованного нежными ласками тела и сам начинал плыть в нирване чувств, пребывая в неге блаженства и упоения души, только сердце при этом билось всё чаще и чаще.

Таня приоткрыла глаза, посмотрела с нежностью и воспринимая происходящее с удовольствием, прошептала:

— Поцелуй меня...

Она тем самым сама опередила события, дав понять, что ей тоже приятны мои ласки и хочется наслаждаться ими ещё и ещё.

Но целовать я начал не с губ. Проведя ладонью от бедра, вдоль талии выше, заодно поднимая платье. Таня поняла моё желание, приподнялась, оторвавшись

от дивана и я без труда после этого снял платье. Таня запустила свои руки под мою рубашку и провела по телу выше пояса, по тому месту, которое мужики привыкли называть грудью или «пресс», но не живот. Я одним рывком двумя руками снял через голову рубашку. Теперь я ощущал уже не только пучками пальцев, а всем своим телом нежность её кожи, её тепло и даже самые слабые пульсации не только вен, но и клеток тела.

Эмоции волной несли меня поднимая выше и выше, и уже не морской штормовой волной, а в виде цунами готовы были обрушиться в том неистово страстном порыве, от которого уже нет спасения и пути назад. Наверное, чему суждено произойти, то непременно произойдёт, знают все, но всё же где-то там далеко я слышал еле уловимый моим обостренным на этот момент слухом и не только, обонянием, ощущениями, что кто-то насмешливо и с укоризной качает головой и говорит:

«А ты, морячок, изменился. Ты превращаешься из обросшей ракушками камбалы, уютно лежащей в придонном иле в „монстра“ морского, в спрута, который готов даже „порвать“ любого в достижении своей цели, для удовлетворения своих плотских желаний. Я тебя не узнаю. Ты уверен, что поступаешь правильно?» — я узнал его, это был мой внутренний голос, который я давно уже не слышал, может быть из-за того, что моя жизнь текла плавно и безмятежно, как степная речка, русло которой даже в летнюю засуху могло пересыхать.

«Ты прав. — Включив „запасной канал“ связи, по которому мог говорить только я, как телефоны в кабинете первых лиц государства, имеющие только одного абонента, — я не обижу её, будь спокоен в этом, наши желания обоюдны и мы сейчас растворимся друг в друге. Уходи! Я прошу тебя, уходи! Поговорим после, хорошо? Не мешай моему счастью, я так давно не получал даже элементарного женского внимания и ласки, не говорю о... Уходи!»

«Хотел тебя предостеречь от опрометчивых шагов, но вижу, что „любовь слепа“, а разочарования в жизни неизбежны, в чём ты уже не раз убеждался. Я не прощаюсь, ты обещал со мной поговорить. А может быть ты познакомишь меня с её внутренним голосом. И вам будет хорошо и нам приятно обсуждать ваши поступки, причём вас при этом не отвлекая, а?»

«Ты ещё здесь?!»

«Всё! Меня уже нет».

Я прикасался к бугоркам её упругой груди кончиком языка и лаская их, и периодически мульчируя булочки поцелуями ощущал кошачий изгиб стройного тела мостиком, при этом её тело, своими клеточками притиралось к моим и я оказывался, как на гимнастическом снаряде. Не обделяя внимания ни одной квадратной линии (1 кв. линия = 6,452 кв. миллиметра) того богатства, которое вот так неожиданно, просто свалилось на голову, я добрался до шеи и ушек. «Какая же ты вкусняшка!» — думал я и за какие-то такие заслуги, в качестве аванса, может быть.

Уста — кульминационный вместе с веками глаз пункт «приёмо-сдаточного акта». В уголках губ был собран неповторимый, индивидуальный вкус, а рельеф их, как и отпечатки пальцев индивидуальны. И, если парень не узнал по поцелую нескольких девушек свою единственную, если ему при этом завязать глаза, то значит, она не та единственная. При поцелуе губами мы можем улавливать феромоны противоположного пола, и обмениваться биологической информацией, которая обрабатываются нашим мозгом в фоновом режиме. Конечно, когда мы целуем свою желанную женщину, мы об этом не думаем, но всё это происходит на подсознательном уровне. Думаю, что сейчас мой внутренний голос закатывается от смеха слыша это и всей своей мимикой показывает мне: «Не отвлекайся, целуй, целуй её».

Когда ещё тебе такое счастье „привалит“?! Господи, прости!»

«Сканировав» отпечатки нижней и верхней губ и проверив их на эластичность в продолжительном «засосе», после которого пришлось продолжительное время их разглаживать «в чадающем режиме» языком и нежными прикосновениями губ, до тех пор, пока рисунок на «сканере» и по факту не стали идентичны. Её реснички постоянно щекотали кожу моего лица и мне приходилось их умирять поцелуями, при которых они покорно прикрывали серо-голубые глаза, из глазниц которых по щекам периодически скатывались слезинки.

— Таня, ты плачешь?

— Плачу, Саша, от счастья.

— Я выпью все твои слёзы и тебе ничего больше не останется, как улыбаться. Ты, знаешь, что у тебя красивая улыбка?

— Нет, ты мне это говоришь первый. У меня никого, кроме Коли не было. Даже в школе пресекала все попытки ухаживания за мной. Я была, как загнанный в клетку зверёныш. Не хочу об этом вспоминать. Ты устал? Нет?! Так в чём дело? Я хочу! Я хочу тебя, как никого и никогда. Бери меня, я твоя. Ты хочешь меня?

— Я сдерживаю себя из последних сил. Я готов тебя сейчас заглотить не пережевывая, как анаконда кошулю.

Что я говорю? И самому стыдно от этих слов.

— Ты так голоден?

— Да! Я так хочу тебя сильно, сильно. Какое это счастье?! Боже, мой!

...

— Мать моя, любимая женщина! Время уже четыре часа?! Ну, ничего себе, день прошёл, а мы и не вздремнули почти.

— Уже и не вздремнём. Через полтора часа муж придет. Как никак, муж-не муж, а кормить нужно. Мы

не разведены с ним пока. Он платит за квартиру, даёт деньги на продукты, а я готовлю и кормлю, и обстираю одежду его. Нужно, хоть супчик приготовить. И ты кушать хочешь?!

— Я тобой сыт, мне другая еда не к чему. Ты самая вкусная, аппетитная — деликатесная, в общем, что других и слов не найду.

— Ты тоже, сладенький мой.

Таня перевернулась и легла мне на грудь. Кончики возбуждённых грудей касались моей груди, было щекотно и очень приятно. Она расставила руки, уперлась ими в диван ниже моих подмышек и немного раскачиваясь, поняв, что прикосновение её грудей приносит мне удовольствие, улыбалась и пристально смотрела мне в глаза.

— Ты не отводишь взгляд — это хорошо.

— А почему я должен отводить взгляд, тем более, если смотрю на замечательную девушку? Мне нравится на тебя смотреть. Нужно с тебя портрет написать. Я в институте немного баловался этим, всех своих, с кем жил в комнате общежития изобразил, правда не портреты, а дружеские шаржи.

— Нет, этого не нужно. Извини, Кудряшка, мне нужно встать.

— Как ты меня назвала?

— Кудряшка. У тебя же волосы такие красивые, вьющиеся.

— Ты заступаешь через двое суток на третьи? Мы же увидимся ещё, как минимум в общежитии?

— А куда же мне деваться, я же не буду от тебя избегать, работу прогуливать. Конечно. А успеешь соскучиться?

— Да я ещё до автобусной остановки не успею дойти и уже соскучусь. Ты двери на засовы закрывай сразу, как выйду, а то вернусь и тогда точно меня уже не выгнать, «выпаду в осадок».

— Пока нельзя, я ещё замужняя жена. А ты, получается, любовник?! Никогда бы ещё вчера не поверила, что у меня вообще когда-нибудь вот так всё получится.

— Жалеешь?

— Нет, Саша. Наоборот.

— Мне можно тебя поцеловать? — спросил я не без иронии, конечно.

Таня закатилась хохотом.

— Не прошло и полгода после того, как, да?

— Говорят, что «лучше поздно, чем никогда».

— Ты, юморист. Нельзя!

— Если женщина говорит — «нет!», то это означает «да!», но попозже. Так?!

Танюша опять заразительно рассмеялась:

— А, если я скажу — «да!»?

— Тогда, — и я больше ничего не говоря, прижал к себе девушку и упивался долгим страстным поцелуем.

— Да, отпусти ты меня! — отпуская от себя Танюшу и отмахиваясь от неё руками, произнёс в шутку, — прилипла — не оторвать.

— Да, ничего я..., ну зачем ты меня заводишь? Я же повелась.

— Я буду часы считать до нашей встречи. Пока!

— Пока! Я тоже буду ждать этот час, Кудряшка.

Каждые выходные мы ездили на электричке в культурную столицу, чтобы чего-нибудь посмотреть. Но это у нас получалось плохо. Наш коллектив, состоящий из четырёх человек, по факту можно было поделить пополам. В первую половину входили Павлович и Николай, оба были «тяжелы на подъём» и вытащить их, тем более что нужно было весь день, практически находиться на ногах, было очень трудно. Но первые разы это получалось ещё сравнительно легко.

А, что касается того, чтобы, как все люди, пройти по Эрмитажу или по другому музею — это была трагедия. Всё, что получалось, это прогулки по Невскому, вдоль рек и каналов с многочисленными скульптурными композициями, посещение «Медного всадника» и здания Адмиралтейства, Васильевского острова, каретный двор, ботик Петра I и ещё, конечно Сенатская площадь — вот примерный перечень посещаемых мест. Потом мы выбрали уютный бар на Невском, где, облюбовав его в первый день, потом он был включён в перечень обязательных, при каждом визите в Ленинград.

На вторые выходные мы с удовольствием посетили Петродворец, действующие фонтаны, целые каскады, красивые скульптуры и дворцы. Но всё это больше интересовало вторую половину нашего маленького коллектива, Толю и меня. Из-за чего мы часто не могли прийти к чему-то общему. Конечно, в Сосновом Бору было всё проще. Мы выходили, когда были свободны, только с одной целью — попить пива. И здесь противоречий никаких не было.

Вкратце один такой поход на пиво чуть не закончился трагически. Началось всё с приготовления, когда речь зашла о желании прогуляться в свободное от работы и учёбы время, а для этого подходили не обязательно выходные, а и дни, в которые мы до обеда занимались, а в остальное кто чем хотел, тем и занимались. Те, кто хотел заработать побольше, выходили на работу, мы чаще всего отдыхали, ходили по грибы и на рыбалку на АЭС, там вода из реактора теплая выходила, и рыба «гревшаяся» у волнорезов на пустой крючок ловилась. И нам удавалось налавливать столько мелкой, но жирной рыбешки, что через три-четыре дня она уже вяленая была готова к пиву.

Места здесь грибные замечательные и грибники из Ленинграда в выходные дни сразу до половины, нахо-

дящихся в вагонах пассажиров «высыпались на перрон, иначе и не скажешь и начиналась «гонка» за грибами. Мы же толку в них не знали и когда возвращались довольные собрав грибов, которых на роту бы хватило, нас остановил опытный грибник и процентов 80 от всех собранных грибов, выбросил, как непригодные в пищу или откровенно ядовитые.

Итак, о пиве. Мы сложили вяленую рыбёшку собственного улова и собирались посидеть, пока всю рыбку не закончим.

— Да тут на бочку пива хватит, — заключил Александр Павлович.

— Ну, если на пиво налегать, то да. А есть люди, берёт целого леща и пару кружек пива, леща сжирает, а пиво ещё и остаётся, — включился в разговор Толик.

— Да то, не любитель пива, а любитель пожрать, — опять отозвался Павлович.

— Будучи студентами, мы брали человек на 15—20 два цимлянских леща и кружек по шесть пивасика, неспеша в удовольствие с рыбкой пивали. Часика два удовольствия получали. Не пьянки ради, а разговора для, — включился и я в спор.

— А, пацаны, что там шесть бокалов, трёхлитровая банка пива — это норма для слабаков. А вот ведро выпить слабо? — не унимался любитель пива, выставляя на показ свой «аргумент» и даже поглаживая его руками, — у вас же животы к позвоночнику приросли, оттого и детские дозы выпиваете.

— Павлович, а я слышал, что, кажется чех выпил 10,5 литра, но важно за сколько. Я, может быть за сутки тоже выпил бы, а он за три минуты всего. Вот это мужик, что лошадь пьёт.

— И я выпью, ну не за три минуты, конечно, может быть за тридцать, точно не знаю.

— Может за три дня..., — «подколол» Анатолий.

— Не верите? Давайте заспорим, что выпью ведро за..., не за время, а так, чтобы ни разу не встать и не отлить, за один присест за столом. Идёт?!

— Александр Павлович, мы не спорим, что из нас «дохляков» вы выпьете больше всех, а может даже и перепьёте всех нас вместе взятых, если Коле только понюхать будет достаточно, но мы с Толяном будем до последнего сопротивляться, а «стоит ли овчинка выделки?» — пытался успокоить я обычно спокойного человека, но если ему «попала шлея под хвост», то пиши пропало.

Павлович бухтел уже сам с собой, и мы перестали его трогать: хочет — пусть пьёт. Правда никто из нас не верил в то, что он выиграет спор.

— Если проиграю, вам ведро пива ставлю, — подытожил условия спора Павлович.

— Павлович, а зачем нам ведро пива, если мы к тому времени уже и без него будем упитые от души, нам по три-четыре бокала в самый раз, успокаивал я любителя пива.

— Ладно, даю деньги, а вы, когда заходите, тогда и попьёте. Идёт?

— Ну идёт! Только, может не будем спорить, а культурно посидим, а мужики? — предпринял я последнюю попытку убедить Павловича отказаться от затеи.

Что запомнилось из хорошего именно здесь, в Сосновом Бору, так это то, что в отличие от нашего даже областного города Ростова-на-Дону, здесь не было недостатка в пивбарах. Они не были на сотни пьянчуг, а на два-три десятка, максимум и, из-за того, что их было достаточно, очередей и толкучки, как у нас не было.

Они были построены так, чтобы клиенты не сидели под палящим солнцем и в то же время дышали чистым воздухом, насыщенным фитонциды, получаешь при этом истинное удовольствие. Когда мы заказывали пиво, Толик, не упустил возможность ещё раз уколоть Павловича:

— Слышь, Сань, а ты сразу двадцать бокалов возьмешь или как? Может будешь нам, как официантам на чай, после пива, давать и мы заработаем и будем тебе пиво поставлять? Вы как там на счёт «не вставая» и это имели ввиду?

— Ну, желаете подносите, я не встану тогда из-за стола, пока не выпью. Но сразу я возьму четыре бокала, а потом подносите.

— Вот, это другой разговор и разночтений не будет.

Взяли Павловичу четыре бокала, себе по два. Присели за столик для четверых удобно и предались приятной процедуре питья.

Процесс питья пива не любит спешки, а Александру Павловичу нужно было «спешить неспеша». Развернули рыбку, принялись её очищать и причмокивая пивком перебирать рыбёшку за рыбёшкой.

Павлович выпил две кружки залпом. Крякнул и принялся за третью кружку, когда мы ещё и вкуса пива не попробовали. Если бы это была спортивная игра, то после того, как он освободил третий бокал, у нас у всех было отпито не больше, чем по полбокала. Затем мы по очереди, как и договорились подносили сразу по два бокала. Пока всё шло хорошо и успешно любитель пива вырывался в лидеры.

Хоть это, возможно и не точное определение, ведь он не с нами соревновался, а по большому счёту сам с собой, желая доказать самому себе и нам, конечно, что он сможет то, что нам «слабо». Хотя мы и так признали, что в этом «спорте» ему равных и так нет, среди нас, конечно.

Когда мы допили второй бокал пива к Павловича входил в «зачёт» восьмой бокал, т.е. четыре литра пива. А времени прошло не более получаса. Но ведь время могло для него сыграть и злую шутку, мы это понимали, да и он сам, конечно. А потому, сильно не расслаблялся,

как мы могли себе это позволить. Мы курили и старались не заострять своё внимание на споре и, как бы его и не было, только, когда Павлович просил «ещё!», кто-то поднимался, чаще я или Толик и приносили ещё пару бокалов. Хочу отметить, что любитель пива ко всему ещё и не курил, потому отвлечь свои мысли, как делают курильщики было не на чём.

Коля после двух бокалов не захотел продолжать пить, а сидел со скучающей физиономией и по этому выражению было понятно, что он уже не прочь и домой и поваляться в койке, просто вздремнуть. Если бы поддались на его зевоту и тоже поднялись, то спор по техническим причинам был бы нами проигран. Мы с Толей взяли ещё по два бокала. «Хорошо сидим, однако», — такая мысль приходила уже и не раз. Пиво под рыбку, пусть не донского или цимлянского леща, но под рыбку, пойманную собственноручно — это что-то. О чём думал Александр Павлович, мы не знали. Он был сосредоточен на одном, выиграть спор и доказать нам, салагам, кто тут есть настоящий русский богатырь.

Двенадцать бокалов были опустошены, времени прошло менее часа и даже у нас, после 3—4 бокалов появлялась мысль — «а не отлить ли нам?» Говорили и о рыбалке, и о работе немного, но больше диалог происходил между Анатолием и мной. Павловича старались не отвлекать от его цели, не сбить настрой и даже дыхание.

Четырнадцать бокалов! Павлович почти не ел рыбу, не тратил на её очистку драгоценное время, только иногда брал щепотку соли в рот и запивал пивом. Пятнадцать бокалов! Мне казалось, что пиво уже плещется в животе тёзки, как в ведре на коромысле девушки вода.

Шестнадцатый бокал был выпит с трудом и сравнительно долго, что говорило о том, что некуда, практически. А может быть это такая тактика? Мы же этого не знали, а он нам ничего не говорил. Но нам и гово-

рить не нужно было. Мы стали замечать, что Павлович менялся в лице, казалось, что ещё один-два глотка и вода польется из глаз, они стали постепенно выпираться из орбит. Мы понимали, что он пил через силу, переступая через самого себя. С трудом допивается семнадцатый бокал и притом пиво начинает литься мимо рта, хоть и тоненькой струйкой.

У нас появилось предчувствие непоправимого.

— Павлович, хватит! Ты победил, мы верим, что сможешь. Хватит! — просил я его.

— Действительно, Саня, хорош! Выиграл, мы признаём. Да, Коля?

Коля кивнул. Ему было по большому счёту всё равно, так как он пофигист.

— Нет! — скорее стонал Павлович, чем говорил, ему было тяжело.

Оставалось всего три бокала, но, не дай Бог, один из них станет не крайним, а последним. Я взял парный с семнадцатым восемнадцатый бокал и произнёс тост:

— За победителя! Ура! — отпив пару глотков, передал Толе.

Толя, проделав подобный ритуал, передал Николаю, который молча сделал также пару глотков. То, что осталось на дне, передали чемпиону. Павлович, чуть не заплакал, допил пиво, медленно привстал и шоркая ногами по полу беседки, где мы сидели, осторожно переставляя ноги, побрел в сторону гальяона.

Рисковое это занятие, я вам скажу спор. А часто ещё бывает и трагическим. Как-то слышал, как кто-то, решив установить рекорд по выпитой за время воде, упал замертво. Упаси, Господи, всех и от мыслей таких. Но традиционно чаще всего умирают от водки. Она и лечит, и калечит.

Но всё хорошо, когда хорошо кончается. Напряжение спало и вспомнил о Тане. Думала ли она обо мне, вспоминали ли? Что-то изменилось у нее в отношении с мужем или нет? Если муж не дурак, а он, точно, не дурак, то мог заметить и изменения, произошедшие в Татьяне. А она, уверен, их скрывать не сможет, они проявятся в чём-то. Но на сколько прозорлив её муж, Николай, об этом я смогу узнать совсем скоро, уже завтра утром. Нет, не утром, если пойду на работу, то уйду до её смены. Да, что я голову забиваю? Но ведь не выходит из головы, как только остаюсь один на один с собой и сразу о ней думаю. На работу нужно идти, чтобы время быстрее пролетело до вечера, а там..., что Бог даст.

«Эй, где ты есть? — вспомнил я недавние слова моего внутреннего голоса, — ты уже не хочешь со мной поговорить? Или ты любишь меня отвлекать в самый неподходящий момент?»

Я прислушался к себе — тишина.

«Ты меня и монстром называл, да? А это почему, из-за того, что я такой страшный или из-за другого? Если ты думаешь, что я превратился в душевного монстра, то в чём это проявляется? В том, что я вот так просто, с первого взгляда влюбился — это тебе не понравилось или что?»

«Ну, вот и вспомнил обо мне, — отозвался хитрющий мой внутренний голос или, как тоже будет правильно — моё второе „я“. — А я был уверен, что ты скоро обо мне вспомнишь. Загадал я тебе загадку?»

«Скажи, неужели я так плох был с девушкой? Нет, не так — я обидел девушку, ты так считаешь?» — пытался я поставить вопрос «ребром», но у меня это почему-то плохо получалось.

«Ладно, раз самому не доходит, придётся, как котёнка, нагадившего носом ткнуть в его же „дерьмо“. Ты же узнал о том, что девушка замужем до того, как?! Почему

её до греха довёл? Ведь мог же, просто попрощаться и уйти?» — всё колот и колот меня упрёками духовный близнец.

Казалось бы, он-то прав. Мог я совладать с собой, чтобы не произошло то, что произошло? Если бы желал себя остановить, то — да. Но я же желал обратного, я её желал и желал непреодолимым желанием, мне казалось, что это судьбоносное событие, от него не уйти, оно должно было произойти и произошло.

«Это ты так себя успокаиваешь, оправдывая свой поступок? Молодец! Я же говорю, раньше ты никогда бы этого не сделал, даже если всё решала одна секунда, ты бы предпринял всё, чтобы всё было достойно. Я тут пообещался с её внутренним голосом, мы сдружились. Знаешь, с ним интересней говорить, чем с тобой. Мы очень хорошо друг друга понимаем», — не унимался внутренний голос.

«Согласен! — впервые за это время я с ним согласился, — мне тоже с ней намного приятней разговаривать, и мы друг друга даже без слов понимаем, не то, что с тобой. Ох и зануда ты!»

«Неблагодарный, я тебя предостерегаю от опрометчивого шага, а ты... — сердился мой духовный наставник, но не в лице духовного Отца, священника, а в лице моего белого Ангела. — поступай, как знаешь, тем более первый шаг уже тобой сделан. Учти, после какого-то из них наступит „точка невозврата“, ты это должен знать».

«Прости, мой добрый Ангел! Если бы не ты, я даже не могу представить, что со мной бы было, вообще. Сам понимаешь, никому не нравятся нравоучения, даже, если они в благих целях именно только для тебя индивидуально. Я рад, что ты подружился с её Ангелом. Теперь точно нам скучно не будет. А, что ты лично о неё думаешь или Ангел её, может быть открывал тебе какую тайну?» — поинтересовался я.

«Знаю, конечно, но сказать не могу. Одно могу сказать, что черни в ней нет, она такая, какой тебе представляется. Так что можешь принимать всё, что вылетает из её прекрасных уст, как „чистую монету“, безгрешное она дитя, я хочу тебе сказать. А пострадала не из-за своих грехов, а из-за греха другого человека, который имеет место в её судьбе... Я много уже лишнего тебе сказал. Всё! Пока мы не распрощались, подумай о грехе, это один из семи страшных грехов, за которые Господь наказывает. „Не прелюбодействуй!“ — заповедь гласит» — наступила тишина, которой я, почему-то был не очень и рад.

У меня было желание поговорить ещё с моим добрым Ангелом, но он посчитал, что и так слишком много со мной возится, как с маленьким мальчиком. Как меня интересно Таня называла — Кудряшка, так никто и никогда меня не называл. Ещё почти сутки я её на буду видеть. А это и хорошо, успею соскучиться сильнее и тогда...

А, что тогда, что? Не знаю, просто сильно хочу её видеть, ласкать, целовать, любить. Вот, я уже о любви заговорил. Мой Ангел был прав, ох, как он был прав. Я сейчас не тот, что был ещё год назад, да, что там год, неделю назад. Я меняюсь внутренне, да и уверен, что и внешне. Если это любовь, то она отражается на облике человека и это могут заметить те, кто тебя хорошо знает и может увидеть эти серьёзные изменения, проявляющиеся внешне. Любовь красит человека — это точно.

Глава V. Вождение

Я понимал, что я без раздумий снова бросился в омут любви. Мне этого давно хотелось, но я не признавался ни самому себе ни, тем более близким, с кем приходилось общаться и отвечать на часто задаваемый вопрос: «Как дела на любовном фронте?»

Мы все знаем, что человек не может прожить без кислорода в воздухе, пищи и трудно прожить одному, хоть и возможно, как какой-нибудь Робинзон, изолировав себя об общения с людьми, да — можно, но какая это жизнь. Можно и прожить без любви? Да, можно и кто-то так живёт, но какая это жизнь?

Мы получаем питание и подпитку жизненных сил, духа, эмоционального фона, творческого вдохновения и без этого не может быть гармонично-развитой личности. Я повторяюсь о том, что для всех не является новостью, что «красота спасёт мир», а любовь способна поднять человека на головокружительные высоты и не только в грёзах, а в достижении целей, смелых планов, гениальных открытий, шедевров в искусстве и к тому же может сделать счастливым, как минимум одного, в лучшем случае двоих влюблённых людей.

Всегда ли любовь приносит счастье? Конечно, нет. Иногда, наоборот, муки и страдания, боль разочарования в жизни. Но это в любом случае будет потом. А в начале, когда мы только поняли, что влюблены — мы без ума от счастья. Делаем глупые поступки, чтобы удивить и порадовать любимого человека, сделав ему что-то приятное. Не всегда и это имеет предполагаемый эффект. Кто-то может просто не понять «изюминки» в вашем поступке, вашего чувства юмора или нестандартного поведения, которое должно было сразить обожаемый субъект

своей неповторимостью и оригинальностью, а вместо этого — «облом».

Один человек, ещё со школьной скамьи понимает для себя безошибочно, что он влюблён, ему это не кажется и уверенно добивается руки и сердца, а добившись, проживает долгую и счастливую жизнь. Но это, скорее всего, исключение из правил, чем закономерность. А на самом деле, мы можем десятки лет перебирать кандидатов или кандидаток на то, чтобы стать нашей половинкой, в конце концов, женимся и после только к нам приходит озарение — «дурак, нужно было жениться на той, которую не понял, не воспринял, оттолкнул», но «поезд ушёл». Она живёт с нелюбимым, и вы тоже. Два несчастных человека в свою очередь делают несчастными тех, кто связал с ними свою судьбу. При этом часто приходится врать, в первую очередь самому себе, что вы любите и у вас все хорошо.

Не придумано ещё пока «эталонов», по которым, как «тестом на беременность» определить можно было бы — любовь это или просто кажется. Мне часто, казалось, и только, после многих лет, анализируя прошедшее, можешь уверенно сказать, что это было. Не могу констатировать, как факт и отвечать за всех, у всех, бесспорно, по-разному, но мне судьбой было прописано влюбляться и не один раз. К сожалению, есть и люди, которые прожили всю жизнь, как семейные люди, но никогда и ни к кому не испытывали этих чувств. Это мы понимаем, что это трагедия, а они, скорее всего, просто не могут сравнить и понять разницу.

Сегодня я с настроением шёл на работу и тому была причина. Эта причина носила платья и мини юбки, на ногах чаще были не туфли на каблуках, а лёгкая спортивная обувь, типа тенниски, прямые стриженные воло-

сы и дамскую сумочку через плечо и звали эту причину — Таня. В том, что не нужно назначать место для свиданий, есть безусловно большой плюс и огромный минус в том, что не остаётся манёвра для «отступления». Не знаю почему, но вот такой вариант периодически проскакивал среди прочих мыслей, большинство из которых были, бесспорно, позитивные.

А вариант «отступления» напомнил мне случай в г. Цесис, когда я убежал от патруля и был уверен в том, что легко уйду, но попал в своеобразный капкан из-за незнания обстановки и устройства, собственно говоря, непроходных дворов. И вообще, почему мне такие нехорошие мысли временами всё же лезут в голову в такой радостный день — прочь их, прочь.

Толя тоже был, как говорят «в ударе», полон трудового энтузиазма. Вообще мы с ним были во много схожи характерами, хоть он и был постарше меня, но понимали друг друга хорошо и часто мнения по разным аспектам сходились воедино. Подходила смена к концу, он подошёл ко мне улыбающийся и заявил:

— Может останемся на вторую смену, да «дадим Родине угля, хоть мелкого, но дохера»? Пока простоев из-за деталей нет. Деньги они тоже не помешают, на те же «Дюны».

— Нет, Толя, в «Дюны» я больше не ходок. А вот для тебя там контингент найдётся. Да и сегодня никак не могу. Сегодня у меня свидание с девушкой.

— Когда ты успел, вроде после той ночи никуда не ходил, а где нашёл? Кто такая? У неё подружки для меня нет?

— Извини, брат, нет. Да ты её знаешь.

— Откуда? Мы с тобой ни с кем не знакомились. Я там с одной якшался, было, а с тобой ни разу нигде ни с кем не знакомился. Ты что-то путаешь, наверное или с этим, как его, забываю, ну нашим соседом по комнате, когда ходили гулять где-то, кого-то зацепили?

— Нет, Толя, я из ума не выжил и «до чёртиков» не напивался. Это вахтёрша наша, Таня.

— Ну, молодец! Кто бы мог подумать, за тридевять земель ходил, искал, а нашёл у себя под носом. Хорошая девушка, такая простая и живая. Поздравляю! Нужно бы «вспрыснуть», а, Саня?

— Хорошо, но не сегодня. Хотя, помоги мне выбрать, ты же опытнее меня, что лучше взять на свидание, вино или шампанское?

— Это зависит от того, где планируете «банковать», если в ресторане, но неплохо бы было и шампанское. Опять же, смотря как вы хотите посидеть, основательно или чисто символически.

— Да, нет, ни каких ресторанов, она сегодня заступила на смену, ей нельзя работу бросать. Я думал после 23 часов, когда закроет входную дверь, посидеть немного в общаге.

— У нас в комнате?

— Ага, щас, губу раскатал. У нее есть комната, вернее комната, для отдыха вахтёра, направо от входа.

— Ну тогда возьми лучше хорошего вина. Ты знаешь её вкусы?

— Да, откуда?

— Ну у тебя будет время, целых пять часов, за это время ты у неё тихонько спроси и сходишь в гастроном, купишь, что нужно.

— Спасибо, Толя! Я знал, что ты поможешь.

— Вот, ценить это нужно. Значит, поставишься потом, ага?

— Хорошо, я не против.

Мы подходили к общежитию, и я ещё издали заметить «причину» моего беспокойства через верхнюю застеклённую часть дверей. Она, по всей видимости или принимала нового жильца или выписывала старого, скорее всего, всё же первое, так как на ночь кто будет уез-

жать. Тут, я думаю, как и в гостинице, существует расчётный час, обычно это 12 часов. После этого времени идут следующие сутки пребывания. Потому, администрация гостиниц, старается до этого часа рассчитать и выселить выезжающего жильца и заселить того, который уже несколько часов сидит в вестибюле в ожидание обещанного места. Думаю, что здесь тоже примерно так происходит.

Она тоже бросила взгляд на входные двери и заметив нас, заулыбалась. И продолжала смотреть, пока мы не подошли к самой двери.

— Вот теперь вижу, что не соврал, — обратился Толя ко мне, — смотри как она тебя встречает или это она мне улыбается?

— Толя, не расстраивай меня.

— Добрый день. Какая у нас сегодня красивая администратор будет на смене. А мы с вами и не знакомы, — начал, опередив меня Анатолий.

— Здравствуй, Таня! — сухо, из-за того, что вокруг были люди, поприветствовал я.

— Здравствуйте! — ответила Таня.

— Ну, вот, он меня и здесь опередил. Значит вы — Таня?!

— Да!

— Я — Анатолий! Очень приятно.

— Взаимно!

Отвлекать сейчас, как Толя выразился, администратора общежития, было бы нетактично, и мы прошли в свою комнату.

Обмывшись и побрившись в общем умывальнике, я одел спортивную майку и плюхнулся на кровать, чтобы ноги отдохнули. Там целый день нужно было находиться на ногах, а иногда, нагибаться и становиться «на корточках». Я прилёг и сразу провалился в сон, даже забыв «завести будильник».

Вскочил с испугом, что мог проспять всё и чувствовал, как моментально от волнения заколотилось сердце. Глянул на часы, было половина седьмого. Выглянул в коридор, около вахтёра никого, кроме неё не было, Таня сидела и видимо читала книгу.

— Добрый вечер, девушка! Вы скучаете? — спросил я, подойдя из-за спины.

Её спина вздрогнула от неожиданности, так как мои шаги в тапочках были неслышны и, скорее всего, я и хотел подойти неожиданно, но не пугать.

— Ох, ну разве так можно пугать? Я же тебя не видела. У меня же на затылке глаз нет.

— А я думал, что у моей зайки глаза, как и положено видят всё, что сзади. Ты это знала? Я тебе, как охотник, хоть и не с очень большим стажем говорю.

— Да?! А я думала раньше, что они могут видеть, когда глаза сбоку?

— Ты как прожила эти дни?

— Как-то так.

— А я скучал, не мог дождаться. Таня, у меня предложение: давай отметим наше знакомство сегодня немножко, я сбегаю что-нибудь куплю. Ты, что больше любишь из выпивки?

— Ты серьёзно? Ну тогда десертное вино. Люблю сладенькое.

— Ох, ты моя сладенькая!

— Даже так, твоя?!

— Разве нет?

В ответ Таня только заулыбалась своей нежной непринуждённой улыбкой Венеры. Я огляделся, вокруг никого не было, нагнулся и поцеловал в то, с чем соприкоснулся раньше всего, в носик.

— Ну, Саша?! — запрокинув назад голову, чтобы, сидя на стуле лучше было меня видеть, произнесла Танюша.

— Я побежал? Я быстро. Хотя?

— Что-то не так?

— Да, всё равно спешить не стоит, ты же в 23 двери замыкаешь?

— Ну, да! А ты приходи раньше. Мы можем организовать игру в карты, в дурака. Часов в 8—9 вечера придёшь?

— Конечно! Я просто мечтаю у тебя дураком остаться или с тобой, как лучше?

— Как хочешь, можем и с тобой на пару играть. Ну иди. Гастроном ближний до 20 часов работает. Да аккуратно, а-то опять в сети «путан» попадёшь.

— Таня, ну хватит. Я же говорил, что это не моя инициатива была. Я после этого шёл через пол города и плевался. Куда я теперь, у меня ты есть. Даже Толян, а он в женщинах разбирается и тот похвалил и красоткой назвал. Я чуть не приревновал.

— Иди уже, Отелло.

Быстро одевшись и, спросил у своих мужиков — «ничего не нужно в магазине?», вышел на улицу. Вечер был свежий и приятный. Дышалось полной грудью и тому причиной было то, что вокруг были сосны и сосны. Одним словом, мы попали не в командировку, а на курорт.

Девушка, продавец вино-водочного отдела внимательно выслушав мою просьбу помочь в выборе вина, чтобы моей девушке понравилось, великодушно предложила крымское вино с двухгодичной выдержкой с названием «Бастардо». Я, конечно, никогда такого не пробовал и положился полностью на мнение и способности оценивать продукцию, как дегустатора, девушки, за что был её признателен. К вину взял коробку конфет ассорти и летних яблок, привезённых, скорее всего из Белоруссии.

Ближе к восьми часам вечера, вернувшись в общежитие, я попросил Таню, если можно, убрать покупки к себе в служебную комнату, из-за того, что в моей начнутся

расспросы, а потом ещё предложат — «давай попробуем, что за „бодяга“, это вино». И, между прочим спросил:

— Карточная игра состоится? Мне можно тренироваться или как?

Таня только заулыбалась и ответив положительно, предложила не опаздывать:

— Минут через двадцать будь тут или место займут постоянные и тогда жди своей очереди до «посинения».

— Так я уже «забил» очередь, если что, — подошёл и постучал по столу, — да и могу ожидать в «живой» очереди.

— Жди, если хочешь, — улыбаясь, ответила Таня, делая какие-то записи в своем служебном журнале.

Вскорости на «турнир» подтянулись мужики лет по 45—50 с виду. С этими можем и не справиться, опытные игроки, видать по всему, не любители, а в каком-то смысле профессионалы. Но я ошибся, они были обычные, как и мы все тут любители и пришли играть просто чтобы время скоротать. Но первую партию мы с Таней проиграли. Я не знал манеры игры напарника, нужно было по ходу игры это всё запоминать. И, конечно, хорошо изучать своих противников.

Немного разговорились, мужики приехали, как и мы в командировку на учёбу из Белгородской области. Василий, который постарше работал оператором АВМ-0,65, а тот, что помоложе, его звали Григорий, был в колхозе механизатором. Они затеяли разговор о работе, о том, что у них практически нет, как у нас культурных насаждений трав, типа люцерны, а практикуют заготовку пойменного и лугового сена. Мне это было неинтересно и, поныв это, они перестали меня донимать расспросами типа «а, как у вас?».

Игра шла с переменным успехом, оживлённо, с комментариями с обеих сторон и для нас, как и для наших соперников по игре, главным было тоже «убить» время.

Когда зевак стало побольше, мы с Таней решили уступить желающим своё место, а сами присели рядом, она на своё рабочий стул, а я рядом, при этом больше молчали, смотрели периодически друг другу в глаза, улыбались и думали о своем. Как и я, полагаю, что Таня думала и обо мне, и о нас вместе. Конечно, этот вопрос беспокоил обоих, а её, пожалуй, ещё сильнее из-за того, что она-то была не свободная девушка, молодая женщина, вернее.

После десяти часов вечера игроки начали расходиться и где-то в половине одиннадцатого, пара тех, которым хотелось предложения турнира, предложили нам, но мы отказались. И они, поднявшись, поковыляли в свои комнаты. Настала тишина, а главное, что можно было уже не шепотом разговаривать.

После наступления «комендантского часа», Таня закрыла на засов дверь. Убрала журнал дежурного и ещё какие-то бумаги и вещи в стол.

— Ну, что пошли?! День отстояла, осталось ночь продержаться», — с улыбкой и явным намеком на меня, сказала Танюша и это не могло не вызвать у меня улыбку.

— Ну мы же вдвоём! Продержимся, а может быть и геройских подвиг какой-либо совершим.

— Какой же, интересно?

— Кабы знать наперёд. Но желание большое и всё говорит в пользу этого мнения.

— «Интересно посмотреть, как попы дерутся», — ответила Таня.

— Откуда у тебя одна из моих любимых поговорок?

— «Одна бабка сказала».

Мы рассмеялись вместе. Таня включила в комнате свет.

— Не нужно. Смотри, тут и от уличного света половина комнаты освещена, мимо рта не пронесем, тем более что не салат, а конфеты. Согласна?

— Ты прав! И с улицы глазеть не будут. Хоть и шторы есть, но просвечивают силуэты, видно, что человек не один. А мне это очень нежелательно, разговоры могут пойти.

Выключили свет и действительно, свет от фонаря немного наискось сверху вниз освещал часть комнаты, от окна на треть внутрь комнаты и от стены противоположной той, где располагалась кровать до середины комнаты по ширине, остальная территория была в зоне рассеянного света. А когда глаза привыкли, то было всё то, что нужно было видеть, видно. Но мы к тому же не кройкой и шитьём собирались заниматься, уж я-то точно. У входа слева стоял небольшой платяной шкаф на одну дверку, за ним небольшой холодильник и столик, как в столовых, выполненный из столешницы и металлических ножек, под него были придвинуты два стула, а справа кровать со спинками их плит ДВП, за неё тумбочка.

— Вот здесь я отдыхаю. Располагайся, где нравится. Я сейчас ужин достану. Сегодня не перекусывала, как-то некогда было.

— Это я виноват, нужно было на посту часовым минут двадцать постоять, за порядком последить, а ты бы покушала.

— Мы сейчас нагоним. Я хозяйка не очень, но старалась, шарлотку испекла с яблоками. Конечно, если бы была горячая, лучше, но голодные поедят и холодное. Так говорят?! И котлеток, вот приготовила, с гарниром. Пару штук на ужин Николаю оставила и парочку на завтрак. Ой, прости! Не подумала.

— Всё нормально. Не за что извиняться. Как же своего хозяина не накормить. Это я тебе кто? Никто. Мог бы и подумать, что от конфет сыт не будешь. Не практичный я, «замужем» не был, как ты.

Оба смеялись с моих слов «замужем». Я хотел сначала сказать «ты не первый год замужем, знаешь лучше»,

а получилось, как получилось. Таня поставила еду на стол, посмотрела на меня испытывающим взглядом и спросила:

— Или пойти на кухню и разогреть? Как ты?

— Ты сама сказала, что если головные, то поедим и холодное и я с этим согласен. Главное, чтобы десерт не был холодным.

— Вино? Так оно в холодильнике недолго стояло, и он так холодит, что за сутки может что-нибудь и пропасть.

— Нет, не вино — ты! Ты, моя сладенькая.

— Да, прям, ты меня ещё плохо знаешь, раскусишь, когда, а внутри горечь. Ты же только крем слизал и вишенки с тортика скушал, а сам торт из чего приготовлен не знаешь. Может быть пуд соли и много, но хотя бы холодный ужин со мной скушай и поймешь, как минимум, какая я хозяйка.

— Замечательная. Я даже перец буду кусать и облизываться, показываю всем видом истинное удовольствие от твоей стряпни. А потом, когда горькими губами стану тебя целовать, ты поймешь этот маленький свой недостаток.

— Не знаю. Мне кажется, за такие вещи голову нужно бить.

— Нет, не стоит. Она же одна и любимая. Знаешь, как неудобно потом будет целовать, обходя раны и синяки. А сейчас — благодать — начал с пяток и закончил темечком, всё ровненько, гладенько и, главное, что вкусненько.

— Ты мне просто льстишь. А, что это ты расслабился? Я уже стол накрыла, а ты ещё и бутылку не открыл. Давай пошевеливайся. Если штопор нужен, в дверке холодильника возьми.

— Будет исполнено, моя госпожа!

— Да, прям, госпожа. Мои родители простые, из деревни, под Гатчиной живут. А я всего-то курсы парикма-

херов и закончила. Муж сначала дома держал, на работу не разрешал устраиваться, в вот, как... так получилось, ребёнка потеряла и не послушала его, сама из дому хотела убежать, чтобы мне меньше что напоминало об этом и дома от нечего делать, мыли тяжёлые голову не покидали. Ой, Саша, не обижайся, год уже прошёл, а я никак не научусь жить по-новому.

Чтобы Таню отвлечь от этих мыслей, я не стал успокаивать, это не даёт эффекта, я знаю, а резко просто поменял тему разговора.

— Таня, я налил. «На брудершафт»?!

— Как скажешь.

Мы выпили, Таня, хотела чем-то закусить, но я её прервал:

— Так не пойдёт! А поцеловаться?!

Мы обнялись и застыли в долгом нежном поцелуе. Если бы это было на свадьбе, то все приглашённые, скорее всего не дождались бы окончания этого процесса, «убили» бы того, кто сказал «горько» и разошлись по домам. Да и лучшей закуски на десерт нет, чем уста девушки, любимой или, как минимум волнующей душу, заставляющей учащенно биться сердце и той, которая ежеминутно присутствует в мыслях.

— Давай, я за тобой немного поухаживаю, воть котлетка, попробуй. Гарнир — пюре положить? Покушай. Я и себе сейчас тоже, за компанию поедим, аппетит другу другу нагоним.

— Спасибо, Таня! Зря ты на себя наговаривала, очень вкусная стряпня твоя. А ещё пирог твой попробую, я сладкоежка.

Слова диалога лились потоком и чем больше мы выпивали, тем поток этот становился полноводнее. Мы выпили пол бутылки и покушали. Я хотел курить, но терпел, не хотел прерывать эту идиллию, которая сложилась, между нами.

— Нужен передых, — заключил я, — как думаешь?

— Как ты, так и я.

Я привстал и увлёк за собой Тanya на кровать. Мы присели, а потом, выбирая положение поудобнее, Tanya прилегла на подушку, а я наклонился к ней, сидя на краю кровати. Затем поняв, что ей неудобно, встал и перенёс ноги на кровать, придав её телу удобное, для отдыха и расслабления уставших за рабочий день ног, положение. Я, опираясь на руки, нагнулся в ней настолько, чтобы можно было в полутьме отчётливо видеть её лицо и молча, пристально смотрел так минут десять.

Потом, неожиданно для неё, начал неистово целовать в губы, всё лицо, веки, уголки глаз, мочки ушек и призывая на помощь пару грубых, но при этом и нежно ласкающих рук.

— Саша-а-а, я дверь не закрыла.

— Фу, ты! На самом интересном месте. Запомни, где я остановился, хорошо.

Я встал, подошёл к двери и повернул защелку накладного замка. Быстро вернулся «на исходную позицию».

— Ну, на чём мы остановились?

— Я не помню. Начинай сначала.

— Слово женщины — закон! Сначала, значит сначала. Теперь нужно самому вспомнить, с чего я начинал — шучу, конечно.

Сделав перерыв, чтобы восстановить дыхание и частоту сердцебиения, начали вспоминать, а за что мы пили? Сначала, как бы за знакомство «на брудершафт», а второй раз, просто так, что ли?

— Ой, я совсем забыл, мы же за неё не выпили..., так поднимаемся или тебе помочь? Пьём за неё!

— Кто это у тебя есть, что ты за неё тост произносишь, а?

— А у тебя нет? У меня есть она... любовь моя!

— Да, ты, что?! И кто же она? — сделав лукавый взгляд с прищуром, Таня спросила тихо, но пронзительно мне на ухо.

— А ты и правда хочешь знать?

— Мы же, женщины, такие любознательные до противности. Теперь точно с тебя не слезу, пока не признаешься.

— А ты можешь держать слово?

— Могу, конечно, что за вопрос, — кокетничала Таня.

— Тогда сдержи своё слово. Я буду молчать, как партизан, а ты с меня не будешь слазить...

Две минуты молчания и потом такой залиvistый смех, которым можно разбудить не только наше общежитие.

— Ох, ты и Жук!

— Вообще-то, я, до недавних времён был Камбалой, меня на службе командир такое почётное прозвище присвоил, да я и не был против, Камбала, значит Камбала.

— Дай я угадаю, потому что подводником служил?

— Это тоже, конечно, но нас же было более пятидесяти человек, только срочников и из всех он только меня так нарёк.

— Могу только догадываться, здесь что-то одно из двух: либо ты отличился в чём-то, что другим и не снилось, либо, наоборот. Угадала?

— Умница! В «десяточку» моего страдающего сердца. Дай я за это тебя поцелую в темечко.

— Почему в темечко? Что я ребёнок?

— Да, нет. Умников или умниц целуют, как правило в лобик или темечко. А ты куда хотела?

— Сюда! — Таня закрыла глаза и указательным пальцем показала, улыбаясь, на губы.

— В зубы?!

— Я сама сейчас дам тебе в зубы, — с некой злостью сказала обидчица и вытянув губы в трубочку, потянулась ко мне.

Я, не став больше шутить, выполнил её просьбу с удовольствием. А-то вот так можно дошутиться до чего-то обидного, чего я сам себе представить не мог. А кому от этого будет хорошо? Правильно, только завистникам.

— Ты меня совсем запутал, так кто она?

— Ты, любовь моя! За неё — за любовь, значит. За тебя хочу выпить, можно?

— Нужно! За любовь пьем. Наливай! — Танюша сказала это с таким искренним азартом, что я понял, что сегодня ночь скучной не будет.

Мы друг друга стоили — это точно. Я налил, как и раньше понемногу в обычные гранённые стаканы и разве это главное и подняв свой навстречу стакана моей девушки, негромко и неспеша сказал:

— За любовь! За тебя?

— И за тебя!

— Не нужно. Если хочешь, то следующим тостом будет, хорошо? А сейчас — «За тебя!»

Я взял и развернул конфетку и как только Таня опустила стакан, поднёс её к влажным от вина губам. Она с благодарностью приняла конфету, а чтобы она, каким-то образом не выскользнула, как сыр, помните в басне «Ворона и лисица», я сразу предотвратил такую ситуацию, известно как, конечно же поцелуем. Ох, как он был сладок и какой замечательный букет в себя собрал: вкус её губ, аромат вина, вкус конфеты, ощущение взаимного желания и избытка чувств. Подобного букета я вообще не помнил, да он и был, скорее всего единственным в своем роде и неповторимым. И это, я вам скажу — счастье, которым не каждый может похвастать, счастье быть вдвоём, счастье любить друг друга, ласкать, целовать и получать от этого умопомрачительное удовольствие.

Какая вкусная была шарлотка, приготовленная, уверен, с любовью и душой, вложенной, как изюминки в кекс. Это не я первый сказал, что от того, с каким на-

строением женщина готовит, хоть что, от этого и будет зависит, вкусная будет еда, пересоленная, безвкусная или даже скармливать животным её нельзя. Тут явно, когда готовила, было хорошее настроение и, возможно песни пела. Но спрашивать не стану, может быть это такой маленький, но всё же секрет.

— Бесподобно! Я такого вкусного пирога никогда не ел. Не вру, даже пальцы хочется вслед за ним не обли- зывать, а откусить. Тебе нужно было не на парикмахера, а на кулинара учиться. Ты же знаешь, что «путь к сердцу мужчины лежит через его желудок». Пользовалась бы у всех мужчин большой популярностью, за тебя бы бата- лии устраивали или устраивают?

— Шутить изволите, сэр?! Я дома очень мало и редко готовлю и, если готовлю, в основном одной себе, когда дома. Муж привык на работе даже завтракать. Их там хо- рошо кормят. Обедает, конечно, там. А ужинать привык в кафе. Другой раз приходит, я ему ставлю ужин на стол, а он заявляет: «Я не голоден. Поужинал в кафе, по дороге домой». А ты говоришь, что нравится моя стряпня всем. Не всем, видимо. Что я его сегодня столько вспоминаю? А сколько время?

— Хороший вопрос. Начало второго.

— Ого! Нужно же отдыхать. Ты к себе пойдёшь?

— Ну, если прогонишь, то точно не любовницу ис- кать.

— Ну, что ты. Я не так хотела спросить. Ты оста- нешься?

— Я этого ждал полжизни. Конечно, буду осчастли- вен этим, моя королева.

— Ты опять шутишь?

— Тебе нравятся серьёзные мужчины? Я понимаю, что атомщик не может быть мыслями таким шалопаем, как я. И ты, наверное, привыкла говорить только серьёз- но, да?

— Отчасти, ты прав. Но не забывай, что все дни с утра и до вечера, я общаюсь с кем-либо и не все люди «бяки». Всё. Хватит на сегодня. Столько друг другу наговорили, что теперь двух дней мне не хватит, чтобы всё по полочкам в голове разложить. Будем спать.

— Мне выйти, будешь переодеваться?

— Так я же свет не буду включать. Смотри, какое я себе бельё купила, что перед тобой похвастать, — сбросив с себя верхнюю одежду, с кокетством произнесла Таня.

— Дай-ка, дай-ка мне пощупать, — обняв и прижав к себе, принял вызов с большой охотой.

— Да, нет, это же не бельё!

— Я знаю. Но нужно же, не с лёта, как маньяки делают, а с «прелюдией», неспеша «на посадку заходить, подкрылки выпуская».

Таня тоже цепко обняла меня за шею, и мы начали кружиться по свободному от мебели пространству комнаты, пока я не взял её на руки, оторвал от пола, приподнял, покружил ещё немного и аккуратно опустил на кровать. Таня засмеялась:

— Потерпи ещё чуть-чуть, я бельё сменю. Собиралась днём сделать, да и забыла, девичья память.

— Ты меня отпустишь покурить?

— Нет. Если уйдёшь, сразу дверь на засов. Иди уже, горе моё.

Я открыл входную дверь, вышел на крылечко. Небо было звёздное и по всему видимо, в это время в августе начинаются звездопады. Но у меня не было желания любоваться звездами, меня ждала не далёкая и холодная, а совсем близкая, ощущаемая и осязаемая, горячая звездочка, обжигающая сердце. Я выкурил сигарету за несколько глубоких затяжек и от этого у меня даже голова закружилась. Закрыв входную дверь и осторожно потянул за ручку дверь от ларца, где ожидало меня счастье.

— Закрывай дверь, мы же никого не ждём? Все дома, да? — Таня лежала в кровати, прикрыв простыней себя снизу до половины, — ну, где ты там? Я же жду.

А я действительно застыл, как столб. Но после этих слов, меня за рекордное время слетела вся одежда, кроме того, что скрывало то, что Адам закрывал, если верить библейским историям, фиговым листом. Я довольно проворно нырнул под простынь, а вернее, отбросил простынь и меня сковало что-то похожее на дрожь, но не от холода, а что-то необъяснимое. Я прикоснулся к горячему женскому телу, и вся дрожь моментально исчезла, а появилось новое чувство, это было неудержимое желание. Руки почему-то меня не слушали, я не мог растегнуть бюстгалтер.

— Тут не так застёгивается, попробуй открыть, как защелку на калитке. Ну вот, молодец. Быстро учишься.

Я проверил поцелуями всё, что оставил два с половиной дня назад. Вроде бы, всё было на месте. По поводу спины, поверил без проверки поцелуями, а лишь руками наощупь. Теперь предстояла ответственная работа, которая заключалась в аккуратном снятии ажурных трусиков, так как они были слишком нежны для моих мужских рук. Но не стану же я говорить: «Сними, дорогая, трусики, чтобы я их не помял во сне. Сплю-то я спокойно. Будь, ласка!»

Поняв мою заминку, Танюшка, прогнулась мостиком, и я без проблем, но осторожно я и с этим справился успешно. Теперь передо мной в слабом, матовом от фильтрации через шторы свете с улицы лежала Афродита, сама Богиня красоты и любви. И всё было так таинственно, не так совершенно, как в первый раз, когда даже я, из-за стеснения часто старался прикрыть глаза, так как мы были наедине, при дневном свете. Сейчас, наоборот, свет был примерно такой, как при печатании фотографий, только не красный, а белый, матовый. И я

смотрел на неё широко открытыми глазами с восхищением и неумным вождением.

— Тебе тоже помощь, — спросила Таня, видя, что я замер неподвижно.

Она потянула вниз мои плавки, но у неё это так быстро не получилось, по известной причине, из-за чего она сначала сделала несколько легких рывков вниз, а потом, поняв в чём дело, рассмеялась. Я перебросил часть своего белья через преграду и вот уже Афродита и её возлюбленный Адонис пребывают в страстных объятиях, осыпая друг друга поцелуями.

— Ты мой, Кудряшка, я так тебя хочу...

— Ты прочитала мои мысли, Венера, ты моя. А я — твой. И эта ночь только для нас. И наши Ангелы небесные держат над нами свечи.

«Вот, наглец, а! Чтобы я тебе свечку держал? Слышал, что этот ухаждёр твоей, тобой хранимой девы, предлагает? Свечи держать. Где такое видано?!» — возмутился мой Ангел.

«Не сердчай на него, он же не со зла. „Молодо—зелено“. Мы же всё равно здесь, можно и подержать, если нужно», — ответил добрый Ангел хранитель Татьяны.

Я целовал Таню в губы, а она гладила меня по голове и как только я прервался произнесла:

— Я хочу от тебя такого вот маленького Кудряшку.

Думаю, что, если бы мне хотелось просто переспать с девушкой-ли, с женщиной-ли, меня бы эти слова должны были насторожить и, как минимум быть осторожным, принять меры предосторожности, чтобы, как говорят «не залететь». Тогда, думаю, что не только я, который не держал в голове дурных помыслов и ложился в постель не потому, что хотелось просто переспать с девушкой, как ещё грубее говорят — «поймать», а потому, что не эти лишь желания толками меня и её к близости, это были чувства, сильные взаимные чувства. Я, как и моя пре-

красная партнёрша в этом, не нами первыми совершенном грехе настолько доверяли друг другу, веря в то, что это судьба и счастливая судьба и все те, и от счастья предохраняются нельзя, иначе это будет не любовь, а простое физическое влечение, только ради удовольствия.

Да и большинство любящих людей в те годы, доверяющие друг другу, даже и в мыслях не допускали такие интимные вещи, как любить друг друга не естественно и натурально, а с применением противозачаточных средств защиты. Первые случаи заражения СПИДом в СССР будут известны лишь через два года и даже, если бы и об этой «чуме XX века тогда так широко было известно», думаю, что это не изменило бы наше отношение друг к другу, как к партнёрам в сексе. Мне даже эти определения чужды и не потому даже, что «в Советском Союзе секса не было», а потому, что мы это называли проявлением любви и чувств, как разгон лыжника-прыгуна на вышке перед прыжком, который станет высшей степенью воодушевления, неописуемого восторга, называемого экстазом, который переносил, получающих его в результате различных физических манипуляций и духовного подъёма, как-бы в другое измерение, совершенно иное физическое и духовное состояние, прекрасней коего трудно или невозможно придумать. И в нашем случае «изделие №2», только омрачало бы эти незабываемые, порой на всю оставшуюся жизнь моменты. И беден тот человек, кто в жизни не испытал счастья любить и в результате любви испытать то, что не с чем не сравнимо, что заставляет людей просто летать. Это чудо, это вершина нахлынувшего счастья, отрывающего человека от реальности в какой-то другой, прекрасный мир, где царит любовь.

Эта ночь мне запомнилась на всю жизнь, как одна из самых счастливых, она напоминала мне душевный

шторм в любовных отношениях. Волны эмоций захватывали нас и плавно поднимали на вершину гребня, где мы испытывали истинное наслаждение, неповторимое каждый раз, но наступающее в апогее вожделения, и это было не «седьмое небо» — это было где-то за пределами нашей галактики, потому что, всё, что происходит в нашей галактике изучено довольно хорошо, а это явление не подлежит математическому анализу и объяснению с точки зрения физики тел. Это, как минимум было пятое измерение, когда мы на всё земное и на себя в том числе, как элементарные частицы, смотрели откуда-то высоко, где мы были невесомы, и не только наши души, но и грешные любовным грехом тела. За такие моменты не жалко и полжизни отдать, чтобы вторую её половину вспоминать с наслаждением и упоением.

Глава VI. Судьбу не обманешь

Может ли счастье быть у человека постоянно, ежедневно и всю жизнь? Я уже слышу ропот недовольных людей, недовольных моим глупым вопросом. Ну, раз кто-то так считает, то я и отвечу, может быть глупостью — может. У каждого из нас понятия и критерии счастья разные. Я вчера был в апогее счастья, я был самым счастливым человеком в мире, а сегодня счастья досталось в разы меньше. И, если я был разбалован счастьем, то восприму это, не столь значительное счастье, как невезение и несчастье.

Человек, в принципе, неблагодарен судьбе за элементарные блага, которыми он пользуется ежедневно. Мы должны со дня рождения и до самого последнего вдоха благодарить Господа, благодарить своих родителей, что

они дали нам жизнь — разве это не счастье? Это счастье, которому нет, не придумана шкала измерения его величины, ну не количеством же лет его измерять? Можно прожить короткую, но очень яркую жизнь и быть счастливым, даже на смертном одре улыбаться с издёвкой «женщине с косой», потому что она жизнь может отнять, а счастье, которое было в этой жизни, никогда.

На паперти сидит нищий, он ничего в жизни хорошего не помнит, потому что с самого детства вынужден побираться, питаюсь со свалки, в лучшем случае пользуясь сердобольностью людей, бросающих монеты, а иногда и страдая от их грубости, издевательств и даже побоев. Мир жесток, и мы это знаем. И он часто несправедлив, так как не всегда распределяет всё по заслугам. Миром правит капитал, который не любит сентиментальничать, но люди, которые, хоть и редко, но встречаются и среди очень богатых людей, которые не грабежом и нечистыми махинациями добились всего, что имеют, а непосильным трудом, умом и предприимчивостью. У них тоже может быть не зачерстневшая душа и они не бросят пару монет нищему, а построят приют для таких, как этот нуждающийся в постоянном питании, уходе, в элементарном тепле и человеческих душах в том числе. А сегодня этот нищий счастлив, что его на свалке, где он ночует, не загрызли собаки, а такой же, как он бедолага по несчастью не отнял кусок чёрствого хлеба, а одарив беззубой улыбкой, грязными руками, но от души протянул, наоборот, этот кусок хлеба, как оторвал от себя, видя, что тому совсем худо. И это от того, что в них ещё не всё человеческое убито, в них осталось то, что всегда отличало человека от животного — душа. Он грызёт сухарь и чувствует себя счастливым.

Мы, люди цивилизованные, разбалованные благами прогресса и тем, что для достижения всяческих благ и даже удовольствий, нам не приходится тратить столь-

ко сил, как физических, так и духовных, чтобы получить то, чего нам хочется. И сегодняшние «пределы мечтаний» ими уже не будут, так как запросы за это время возрастают. Мой отец в далёком 50-м году прошлого столетия был одним из самых счастливых людей, потому что послушавшись своего отца, моего дедушку на деньги, вырученные за проданную корову, он купил не хату для своей молодой семьи, так как только женился, а легковой автомобиль и он был вторым автомобилем находящемся в частных руках в целом районе. Сейчас, если бы я купил самолёт, то никого бы так не удивил, как он мог в те далекие годы быть счастливым.

Когда-то люди были счастливы, отстояв в бесконечной очереди и купив дефицитный товар, кто-то доставал настоящие, завезённые контрабандой джинсы, а кто-то достал по цене, равной его месячной зарплате виниловый диск ливерпульской четвёрки. Я помню свою радость и счастье, когда мне подфартило вытащить на удочку сазана, который, когда я счастливый и босоногий не бежал, а летел с ним домой, держа под жабры, его хвост волочился по земле. Счастье первого поцелуя помнят все — это не забывается.

В жизни много было огорчений, но грешить тем, что меня настигло несчастье, нельзя. Несчастьем может стать катастрофа, сгоревший кров, гибель родных или близких. Но говорить, что я несчастлив, когда у тебя есть кров, руки и ноги, ты можешь заработать на хлеб и есть силы и желание сделать свою жизнь чуть счастливей, чем сейчас — это не несчастье, это жизнь и трудности, которые необходимо преодолевать.

Мне вчера просто, как на голову свалилось столько счастья, что я не в силах был его до конца осмыслить и понять — за что мне такое счастье? А сегодня, естественно, этого не будет, я же не стану ныть, что я сегодня несчастен. Того счастья, что свалилось, некоторые за всю

жизнь не видят. А потому, справедливости ради, не будем Господа гневить, а выскажем Ему благодарность и будем славить за то, что Он принял за наши грехи, сколько боли и страданий испытал, что мы до смертного венца должны быть Ему за это благодарны. И, мало того, позволив нам совершить сладостный грех, не карает сиюминутно, как разъярённый Зевс своими молниями за эти грехи, а даёт время, чтобы мы осознали всё, приняли в этой ситуации единственно правильное решение. Семейными узами люди себя связывают, заключая брачный союз в ЗАГСе, а духовные союзы заключаются на небесах. И не всегда это одно и то же.

«Когда тебе трудно, ты бегом и живо ищешь со мной встречи, совета, делишься своими проблемами, да? А, когда летаешь чуть пониже дозволенной лишь нам, Ангелам, высоте, то забываешь, тебе не до того. Хоть бы спросил, а что там добрый Ангел Татьяны о тебе думает. Эх, ты, даже затрудняюсь, как тебя назвать. Раньше всё было просто — Камбала и всё. А теперь нужно или рептилией называть или амфибией, даже не знаю», — отозвался впервые после того, как отказался держать нам свечи, мой Ангел и мой внутренний голос в одном лице.

«Что-то рептилией не хочется, зови лучше Ихтиандром, человеком-амфибией, а мою девушку тогда придётся звать очаровательной Гуттиэрой. Как твой новый друг, Ангел хранитель Татьяны не будет против?» — ответил я незамедлительно, учитывая заслуженные обиды, высказанные в мой адрес.

«Добрый Ангел не против, главное, чтобы ты не обижал хранимую им девушку, иначе, как он заявил, тебе несдобровать. Усвоил?» — ответил мой Ангел.

«Хорошо! Не думаю я её обижать, пусть расслабится. Ты же меня знаешь. Разве нет? — ответил я с лёгким раздражением, — до коли ты меня учить намерен?»

«Не столько учить, сколько предостерегать от опрометчивых шагов. Если бы я тебя не знал, а-то знаю же», — напомнил мои метания последних лет 6—7, пожалуй.

«Я тебя понял и не обижаюсь совсем, как в прошлый раз. Давай жить дружно?» — вспомнив высказывание Кота Леопольда из мультфильма, предложил я.

«Я только тем и занимаюсь, если ты не заметил. Когда я с тобой воевал? Ты можешь свою упёртость проявлять, что я ничего с этим поделаться не могу, а я, по определению грешить не могу. Я же не Лицифер и не только, не превращался в змею, чтобы тебе и Татьяне для искушения яблоко предложить, но даже свечку не держал, отказался — грех это, а я — Ангел, не изгнанный, как этот Демон из Эдема, а честно и добросовестно исполняющий свои обязанности. Понял, Ихтиандр во плоти, грешник неисправимый, на самом деле». — Подвёл итог мой Ангел.

А ведь снова прав был Ангел, хоть я в этом себе не хочу признаться, а ему, тем более. И это уже не есть хорошо. Что-то я сам себя начал уже стенать — это, видно, не к добру или наоборот?

«Ты, прав! Прости!» — искренне признался я Ангелу.

«Не у меня, у Всевышнего проси прощения. Бывай здоров, „мой господин“ и не кашляй», — усмехнулся мой внутренний голос.

«А, ты, шутник ещё, оказывается!» — заметил я в данном случае наставнику моему.

«С вами поведёшься, еще не того „нахватаешься“, так и до греха не далеко, а хотелось, хоть до пенсии доработать», — вздохнул Ангел.

«А, когда у тебя выход на пенсию?» — не понял я.

«Да, тогда, когда и у тебя, — улыбнулся во мне внутренний голос, за глупый вопрос, заданный мной, — ты на ус-то наматывай, браток, а теперь не тревожь меня

глупыми вопросами и сам не делай глупостей». — Ангел умолк, но и мне нужно было теперь немного побыть самому с собой, без внутреннего голоса и кое-что осмыслить и принять, может быть решение, если этот вопрос вообще разрешим.

Я жил на «военном» режиме, два дня в обычном трудовом ритме и третий по установленному графику на занятиях. И через два на третий день заступал, как когда-то во время службы на вахту, на сутки. Всё, что у меня получалось, это вздремнуть после работы пару часов и, из-за того, что мы немного с Таней «насытились» друг другом в первые дни, когда образовывался «перенасыщено-сладкий эликсир любви», который мы самолично готовили и в дальнейшем даже позволяли короткий, но такой же сладостный сон, продолжением которого была явь, также похожая на сон, из-за того, что сильно походил на счастливую сказку.

Иногда даже приходилось не выходить на работу, из-за того, что сонный слесарь-сборщик является потенциальным нарушителем техники безопасности, при работе на потоке, а это чревато неприятностями, как минимум. Благо, что у нас был свободный график работы: можно было и за день две смены оттархтеть и не выйти совсем, нам командировочным это позволялось, так как мы были тем резервом для завода, который и давал необходимые проценты перевыполнения плана. Я не вникал в их бухгалтерию, это мне было неинтересно, но там явно что-то химичили, как и всюду, собственно говоря, в то время.

Таня старалась накормить меня вкусным, самостоятельно приготовленным заранее ужином, разогретом потом на кухне в общежитии. Я же, зная её слабость к сладкому, старался угодить десертом. Спиртное было

не каждый раз, во время наших свиданий, да оно могло лишь стимулировать только на начальной стадии нашего знакомства. А сейчас было такое ощущение, что мы прожили по неизменному режиму, как счастливые молодожёны на протяжении уже двух месяцев. И чтобы это месяц был «медовым» и полностью равняться 30-ти ночам вместе, нам нужно было провести так же ещё один месяц. Иначе говоря, всё время нашей командировки.

Не каждый раз, но иногда, я так же провожал Таню со смены домой, но в том случае, когда уже решил прогулять работу. И всё, с первого взгляда шло хорошо, мы были счастливы и беззаботны. Таня на глазах расцветала. «Любовь красит женщину», — это выражение было и остается верным и как никогда актуальным. Она стала лучше одеваться на работу, я не замечал её в плохом настроении и это могло только радовать. Видимо, кто близко был знаком со мной, заметил подобные изменения и во мне.

Но в этой череде приятных изменений было ещё одно, которое не могло не волновать. Во время смен Тани, к ней на работу стал навещать её муж, Николай. Мы вынуждены были с ним познакомиться, так как он приходил или приезжал после 20 часов, сидел на вахте и принимал участие в карточных турнирах и после 22 часов уходил. Я, как мне казалось, не подавал вида, что у нас было и происходит уже на протяжении более, чем двух месяцев, но он часто оценивающе рассматривал меня, но при этом расспросов не устраивал. Я подумал, что это было проявление ревности, из-за того, что среди присутствующих, только я по возрасту мог подходить в качестве претендента в любовники Татьяне и был не дурён собой.

Николай, конечно, казался старше меня, да и не казался, а был на 5—6 лет старше и еще глубокие залысины говорили о приближении раннего облысения. Хотя, это

ещё не говорило напрямую о его возрасте, так как служившие со мной братья в 18 лет имели почти такие же проблемы. Он был русоволосым, ростом среднего, как и я, с виду крепко сложенный и подтянутый человек. Даже его взгляд выдал присутствие ума, не говоря о разговоре. Речь была, как говорят «поставлена», грамотная с каким-то специфическим наречием, которое мне было знакомо даже по службе, так говорили толи псковичи, толи новгородцы. Он казался сдержанным, как культурный молодой человек и без необходимости не засорял, как другие наш социум пустой болтовнёй. И в целом, даже у меня, знающего кто это, к которому я должен был ревностно относиться, было о нем приятное впечатление. Хотя, как часто бывает, человек в обществе — паинька, а дома совсем другой. Но и об этом Таня о нём ничего не рассказывала. И в последнее время всё меньше его вспоминала, как это было раньше.

— Таня, а супруг и раньше к тебе на работу так ходил, — поинтересовался я, когда мы остались одни.

— Приходил, но не так часто. Я сама об этом думаю, не мог ли он что-то о нас узнать?

— Ну, если бы узнал что-то, то мог устроить, как минимум расспросы, да?

— Не знаю, Саша, не знаю. Может просто скучно, вот и приходит. Он давно со мной в одной постели не спит, ты за это не думай. Может ты ревнуешь мужа ко мне? Я тебе уже объясняла, почему мы не разводимся. Ну, ладно. Бог с ним. Давай ужинать?! Давай, я сейчас быстро разогрею и будем трапезничать.

Таня пошла на общую кухню, а я пошёл покурить. Курил, а сам думал всё о Николае. Даже себя на его место пытался поставить, чтобы понять, что от него можно ожидать. Если бы он был попроще и что-то узнал о наших отношениях с Таней, то уверен, что закатил скандал прям там в вестибюле и при всех. Но он был далеко

не такой и даже намного сдержанней, чем я бываю, потому от него можно было ожидать в таком случае чего-то такого, на что у меня сейчас фантазии не хватало и потому что я никогда не был ещё ни в роли ревнивого мужа, ни в роли любовника, как часто обрисовывают такие ситуации в анекдотах.

Я не услышал даже, как ко мне сзади тихонько, по-кошачьи подошла Танюша и обняла сзади за плечи, что я даже от неожиданности вздрогнул.

— Пошли, Кудряшка, я всё приготовила. Сейчас дверь входную закрою.

Я помог закрыть дверь, и мы пошли в комнату отдыха, которая стала мне так привычна и близка, более чем та, в которую меня поселили вместе с моими земляками ещё в августе. Сейчас было начало октября, часто шли дожди, но после них было непонятно, а был ли дождь вообще, только разве что по свежести воздуха. Если у нас после осенних дождей было слякотно, если вообще ничего не сказать, а иногда в непролазной грязи можно было и сапоги оставить, то здесь осадки быстро проходили через песок и ни луж, ни других признаков, разве что на асфальте оставались небольшие лужицы.

Осень никак не наложила на наши отношения отпечаток, а только мысль о том, что придёт время скоро расставаться, всё чаще посещала меня и, уверен, что над этим задумывалась и Таня. Я часто просто отгонял эти мысли, говоря себе, ещё много времени, потом как-нибудь обсудим, как нам дальше быть. А сейчас ещё можно было наслаждаться счастьем быть вместе и тем, что мы молоды и вся жизнь у нас впереди.

Все плохие мысли остались позади. Мы уже привыкли к поздним ужинам и к тому, что после них, сон, если мы думали поспать, наступал не раньше двух часов. Так и сегодня, мы утомонились ближе к полуночи и привычно занялись тем, что доставляло нам истинное удо-

вольствие и мы испытывали друг к другу взаимное желание быть вместе в таком близком контакте, как будто мы отработывали стыковку двух космических кораблей в условиях необъятного космоса, «Союза» и «Аполлона». «Стыковка» всегда проходила в штатном режиме и заканчивалась восторгом, бурей эмоций и взаимных комплиментов. И конечно, когда амплитуда страстей затихала на какое-то время, возникала необходимость в проверке всех навигационных приборов, приборов слежения, обработки данных и обязательным являлась «расстыковка», затем выход на запланированную орбиту с новыми параметрами и повторная стыковка. И так до тех пор, когда оба члена «международного» экипажа не принимали единогласное решение — «выполнено на „отлично“, экипажу отдыхать». Космических снов вам, «космонавты».

Что-то не спалось, и мы лежали молча, как лыжники, падающие на снег после пересечения финишной линии. Но получить полноценный послеполётный отдых не получилось, его нарушил неожиданный стук в раму окна. И сразу после этого послышался не такой, который был узнаваем уже даже мне, а не только Тане, злой и раздражённый голос её мужа Николая:

— Открывай сука! Я знаю, что ты там не одна. Открывай, иначе окно высажу.

На штору падала тень человека, тарабанившего в раму.

— Прекрати! Сейчас открою, — ответила Таня, как мне показалось, предельно спокойно, потом повернулась ко мне и уже мне также спокойно, — не переживай, я сейчас его провожу.

Таня накинула на себя халат и сверху кофту и вышла. Я понимал, что оставаться полностью раздетым в кровати по меньшей мере нерезонно и поднявшись, набросил на себя брюки и сел на край кровати. Послышался звук

открывающегося засова и через пару секунд шлепок, похожий на пощёчину, вопрос Тани: «Ты чего припёрся?» и затем быстрые шаги и в проёме дверей остановился Николай. Но его лицу было видно, что он всячески сдерживает себя и смотрит мне в глаза.

Я не стал подниматься, а сконцентрировался, даже непроизвольно сжал кулаки, готовясь к естественной разборке, потому что второго варианта я в этой ситуации не видел. Мы смотрели друг другу в глаза секунды две, а казалось, что бесконечно долго. Я был готов к любому варианту, а вот смогу ли я ответить, если Николай решит меня наказать, оставался без ответа, так как я понимал, что он имеет моральное право что-то предпринять, как «сторона потерпевшего», как минимум унижение в моем лице его, как главу молодой семьи, в которой произошла трещина.

— Ты не бойся, я тебя не трону, — наконец-то произнёс Николай.

— Да, я, как-то... — начал говорить я в ответ, но он меня перебил.

— Я понимаю, что это её вина, если бы она не захотела, то ничего этого не было. Да я, собственно и не из-за этого пришёл. Мы с ней уже как-то... Я пришёл за ключом, я не могу попасть в дом. У меня там мои инструменты, мне нужно взять паяльник... — говорил Николай и мне казалось, что он так себя успокаивал.

Всё это время Таня молча стояла за его спиной, видимо тоже ожидая развязки. Николай сделал шаг в комнату, я при этом выпрямил спину и расправив плечи, упёрся кулаками в бёдра. Не знаю, может быть мы оба выглядели в это момент смешно, несмотря на серьёзность ситуации. Николай забегал глазами, он, как мне показалось остерегался меня или просто не хотел неловким движением спровоцировать конфликт и драку. Это уже было понятно, иначе уже давно бы произошло то,

что обычно происходит. Он повернулся назад, где стояла Татьяна:

— Тань, где ключи? Дай мне ключи. Мне твоего ничего не нужно, я инструмент возьму, — спросил он Татьяну, как я понял как повод, чтобы не входить дальше в комнату, а дожидаться, чтобы она подала ключи.

— Возьми в ящике тумбочки и проваливай! — грубо ответила она мужу, после чего он даже отшатнулся от неё и, сделав ещё три шага, оказался ровно напротив меня.

Я так же наблюдал за его передвижением, старясь быть спокойным и ещё до конца не веря, что всё так и закончится. Хотя я и не подстрекатель, но я бы на его месте точно не сдержался, а потом что было бы, это вопрос второй. Я смотрел на него исподлобья, так как он стоял, а я сидел и у него была явно позиция выгоднее, и я был готов в случае нападения увернуться. Но он обратился ко мне со странными словами, которые я точно не ожидал:

— Я возьму ключи в тумбочке? — показывая на тумбочку, за спинкой кровати, у которой я сидел.

Я пожал плечами, мол дело твоё и понял, что он тоже опасался, чтобы я не спровоцировал драку в момент, когда он окажется в менее выгодном положении, нагнувшись к ящику тумбочки и оказавшись почти спиной ко мне. Эх, уважаемый человек и это было максимально правдиво, ведь он мне ничего плохого не сделал и какой был мне резон искать повод для конфликта, тем более сзади. Никогда бы подобного не сделал. Высунув ящик и потарахтев тем, что там находилось, взял ключи и вышел молча из комнаты. Таня пошла следом. У двери они уже тихо о чем-то переговорили, я не понял о чём. Звук засова входной двери и через 10 секунд Таня вошла в комнату.

— Он тебя ударил? — вспомнив шлепок, спросил у Татьяны, глядя ей в лицо, где не увидел явных следов, пощёчины, как я подумал.

— Всё нормально. Испортил настроение, гад. Думаешь, ему ключи нужны были? Выследил, вот и пришёл, а может откуда-то наблюдал, что тут происходит. Я ему это запомню. Получит он от меня и завтрак и ужин. Пусть давится в своей столовке или в ресторан ходит, — возбуждение Тани было понятно и объяснимо.

— Успокойся, уже всё произошло, ничего не исправишь.

— А, что нужно исправлять? Ничего не нужно исправлять, всё шло к этому и сегодня, и не вчера. Да и ты тут ни при чём.

— Иди ко мне, — я протянул к ней руки, и она оказалась в моих объятьях.

Мелкая дрожь пробежала по её телу. Я не смотрел в лицо девушки, красоту которого испортила грусть и внутренний душевный дискомфорт, который отразился на всегда веселом и счастливом лице Тани, которую я знал ранее, как у ребёнка, которого сильно сейчас обидели. Я не хотел её такую видеть. Мне достаточно было пяти секунд, чтобы по внешним признакам понять, что происходит там в ранимой девичьей душе. Там была горечь, обида, сожаление, что не смогла сейчас высказать всё, что она думает человеку, с которым прожила два года, половину из которых, как чужие люди. Лично я так прочитал то, что увидел на её лице и невольно и мне стало от этого больно.

Мы расстались холоднее обычное и причина тому была в том, что нам нужно было обоим разобраться в том, что произошло и как нужно было поступить. Лично я не видел изначально для себя причин, чтобы что-то менять в моей наладившейся жизни, но ведь в данном конкретном случае принятие решения, главный голос в принятии этого решения был, к сожалению, не мой.

У меня были желания, пока ещё сумбурные, но всё же мысли по поводу того, как быть дальше.

В своих размышлениях я видел два варианта развития событий: первый, если Таня всё таки на то, чтобы «не тянуть кота за хвост» в затянувшемся «мирном пакте» о совместном проживании с мужем и твёрдо решится на развод; второй, в противоположность с первым, она решит оставаться в браке с Николаем, но тогда автоматически мы прекращаем всячески контакты и они вместе должны решать, как им заделывать те трещины в их отношениях, которые привели к тому, к чему привели. Ещё вчера я был уверен, что она поступит без долгих раздумий, приняв первый вариант. И это бы значило, что автоматически нужно было активизироваться мне, в решении нелегкого, но не терпящего отлагательства вопроса. И я видел его решение только в одном — мы должны были уехать жить ко мне. Там у меня была уже перспектива и вопрос о жилье не стоял бы так остро, как здесь.

В случае принятия её же второго варианта, у меня не было бы никакого выбора и это означало бы — «любовь прошла, завяли помидоры». Если бы у них были дети, то это бы усложняло вопрос и второй вариант выглядел бы очень даже возможен, чтобы не пришлось травмировать и «делить» детей. Для принятия этого решения в большей степени имело значение, какие действия предпримет Николай по сохранению семьи, а он, как человек умный и прагматичный найти какое-то компромиссное решение, узнать которое мне, возможно, будет не суждено. Что это могло быть, мне трудно было представить, но один я мог допустить — это совместное решение наладить отношения и попробовать ещё раз завести себе ребёнка, так как это был один из ключевых моментов конфликта Тани и Николая.

Ещё одна мысль приходила мне в голову и рассеивалась, как мираж в пустыне, но её тоже нельзя было ис-

ключать. Ведь Таня высказывание желание иметь от меня ребёнка, да и почему я думал об этом, как не о серьёзном, очень даже возможный вариант, который стоило продумать. А нужно ли думать? Придёт Таня и нужно будет серьёзно с ней поговорить на эту тему. И тут я вспомнил, что у нас были отношения с ней около двух месяцев и, если бы я подумал об особенностях женского организма, то заметил, что на протяжении всего периода, у неё не было, так называемых «месячных». Меня никогда не интересовали знания такого рода, а, наверное и не помешали бы сейчас разобраться в этом вопросе.

Насколько я был осведомлён не из литературы, а из рассказов тех же девушек, то обычно это занимают по крайней мере больше, чем два дня. Я о том, что мы обычно не виделись двое суток. Если возможно такое исключительное совпадение, что «критические» дни в аккурат прошли в то время, когда она была дома — это двое суток, плюс, если быть объективным ещё нужно прибавить еще около 18 часов дня, когда она заступала на сутки и вечера. Хоть и мало погоже на то, что это возможно, но исключать нельзя. А второй аргумент практически перечеркивал эту версию, это то, что мы никогда не предохранялись потому, что это делают, если беременность нежелательная, а для нас она в то время таковой не являлась. Мы любили друг друга и маленький Кудряшка был естественным плодом её мечтаний.

Вот так постепенно, эта маловероятная версия становилась не такой уже и мистической. Хоть я верил всем словам Тани и никогда не подвергал их сомнению, но ведь она могла просто что-то не договаривать, иметь свой секрет даже от меня. Раньше я об этом не думал, а теперь не исключал.

Нужно выбросить все плохие мысли из головы. Бытует убеждение, что мысли материализуются, а мне бы это не хотелось, тем более, если они такие пессимистиче-

ские. Нужно думать позитивно, но не получалось. А может просто напиться и забыться на время? Это тоже не выход, после этого получаешь ещё одну проблему, как головную боль ещё и от этого, а не просто от думок. Башка может треснуть, как переспелый арбуз. Скорее бы всё разрешилось, так томительно это ожидание.

Я понимал и то, что Татьяна стояла над ещё более сложным выбором, если изначально до этого ещё случая для себя твёрдо не решила, как дальше жить. Хотя она мне и говорила, но это было не совсем убедительно. Сколько могла продолжаться вот такая жизнь со штампом в паспорте в одних стенах, а по факту людей, у которых чувства, если и были изначально, то остыли уже давно, ведь год — это много. И вообще я не понимаю, если бы у них был совместный ребёнок, то можно испытывать временные неудобства из-за этого и терпеть, а так, что держало?

Мысли, вы мои мысли, не дающие покоя ни днём, ни ночью. Может быть они — только пустые хлопоты? Вот я в день, когда Таня заступает на смену не пойду на завод, буду сидеть и ждать её здесь иначе, до конца смены на заводе ещё столько времени буду сходить с ума от неведения. Всё, решено. А сейчас нужно отвлечься. Нет, всё же нужно выпить. Мужиков не хотелось втягивать в авантюру. Молодой Дон Жуан по имени Расул давно уехал на свою Родину. Славик в жизнь не согласится, чтобы просто побухать со мной за компанию. А что остаётся? Напиться самому, как алкашу и спать до той поры, когда всё должно проясниться.

И тут мне пришла идея. Я сказал своим, чтоб не ждали и шли на работу без меня. В принципе, всё общежитие уже знало о том, что произошло в эту ночь, как будто везде были установлены «жучки» и камеры видеонаблюдения, по типу тех, которые я видел по углам высокого каменного забора м колючей сеткой

по верху вокруг территории Ленинградского монетного двора.

А был такой курьёзный случай, почему я и запомнил, хоть он и произошёл всего около месяца назад в Ленинграде, когда видеокамеры в те годы были ещё не в моде. Гуляли мы в очередной выходной по Ленинграду и на этот раз решили побродить и познакомиться, хотя бы поверхностно с историческими достопримечательностями, расположенными в Петроградском районе. Посмотрели памятники, посетили легендарный крейсер «Аврору», заглянули и Петропавловскую крепость. Попытались даже по наивности, по-домашнему «раздуть» пару бутылок, приобретенных по этому случаю гражданских спиртных напитков в Александровском саду, но были «удалены с поля до конца игры» пешим нарядом милиции. Но, а что мы сделали? Сидели мирно на лужайке и приготовились отметить это дело так культурно, даже убрав после себя — нет, видите-ли, нельзя. Но, если сильно захотеть, то можно, как гласит поговорка и мы, конечно же нашли укромное место в Петропавловской крепости. Настроение было хорошее, вернее, испорченное инцидентом вновь приобрело смысл, и мы гуляли, сильно не задумываясь куда и зачем мы бредем. Время убивалось, а это главное. Культурно отдохали, так сказать.

Но наступает тот момент, когда появляется потребность справить свои естественные потребности и не нужно забывать, что мы в культурной столице России. И оказалось, что не один я давно испытываю не совсем комфортное состояние, когда приходится всё чаще и чаще заставлять себя просто терпеть. Первым сдался Александр Павлович, который из-за августовской жары много пил жидкостей, на каждом углу, включая и пиво.

— Всё, «пусть лучше лопнет совесть, чем мочевой пузырь», да и кто нас тут знает, если чё, — вращаясь вокруг

своей оси в поиске места, где можно отлить, насторожил нас Павлович.

Мы переглянулись. В словах старейшины было зерно истины. И мы начали искать более или менее подходящее место. Какой-либо рощи поблизости не было, крепостные стены кругом, ну и одинокие деревья, которые даже меня не смогут скрыть от глаз людских, не говоря о Павловиче.

— Во, смотрите, две стены сходятся с тенистый угол, там никого не видно и скорее всего никто не ходит. Айда туда, — взял бразды главного зачинщика провокации тот же Павлович.

Мы обступили высоченные стены, которые даже в послеобеденной время бросали от себя тень и наслаждались блаженством освобождения от тяжести физической, получая при этом и душевное наслаждение.

— Мужики, гляньте туда, — и я указал вверх на угол стен над нашими головами и на тут, откуда мы пришли на другом конце стены, — видите? Это видеокamеры, и они ещё и поворачиваются постоянно. Это все наши «писыкалки» уже в картотеке КГБ. Братцы, надо делать ноги, — шутя, на полу серьёзе констатировал факт.

Больше всех от неожиданности «открытия глаз» на явный факт пострадал тот же Павлович, из-за того, что моментально, интуитивно, задёрнул ширинку, а процесс излияния прекратить не успел. Было и смешно и плакать хотелось. Вот так «рисанулись», мужички провинциальные. Оказывается, это была огороженная высоким четырёхметровым, если не выше, каменным забором, с колючей проволокой сверху по всему периметру и камерами наблюдения по углам, территория монетного двора, толи «Госзнак», толи иначе называлась тогда.

Когда в общежитии наступила тишина, я решил проверить комнаты на наличие мне партнёра, чтобы весело скоротать время. Подёргал несколько соседних дверей —

закрыто. Прошёл в сторону выхода и через неплотно закрытую дверь, увидел на кровати лежащего человека, стучать не стал, а осторожно открыл дверь, но сделать это совсем тихо не удалось, так как дверь была скрипучей.

На звук, высунув из подушки голову, посмотрел на меня с подозрением и недовольством из-за того, что не дают ему элементарно поспать, мужчина, с прищуром посмотрел на меня в положении, лежа на животе сверху одеяла с полуоборотом туловища и шеи.

— Чё надо? — хриловатым голосом спросил он.

— Ищу компанию, выпить хочется с кем-нибудь, хлеба не бывает, а все на работе.

— Не все! Я-то туточки, — живо вскочив и приняв вертикальное положение, присев на кровать, отrapортовал жилец этой комнаты, которого я знал только в лицо, — а я тебя знаю, ты из 12-й, да?!

— Да, из 12-й. Своих не хотел отрывать, они в основном все правильные. Так, что, поддержишь меня в этом деле или ты не того, — я жестом пальцев показал всем известный жест, щелчком указательного и того, что между ним и большим, пальцами по шее ниже подбородка.

— Как это не? Я от вчерашнего не отойду никак. Сам думал, как поправить здоровье.

— Но время-то только половина девятого, в гастрономе-то с 11 только продают, — вспомнил я и немного пригорюнился.

— Деньги есть? А-то я вчера спустил почти все, — спросил, мой новый знакомый, — я решу этот вопрос. Тебя как кличут?

— Саня я.

— Я Валера. А ты, что не знаешь, что у нас тут на месте можно решить этот вопрос?

— Как это? Не знаю.

— Сегодня кто на вахте?

— Тётя Зина, а что?

— Отлично! Я сейчас оденусь и глаза продеру, а-то ви-
духа... А ты за деньгами беги. Водка пойдёт?

— Конечно, лучше не придумаешь. Я сейчас.

Валера умылся, продирает глаза полотенцем. Потом начал натягивать на себя спортивные брюки, висевшие на спинке кровати, натянул футболку и прихлопнув себя по животу, хотел тем самым показать, что он готов.

— Сколько возьмем, одну или сразу литру?

— Лучше сразу, а-то у тётки Зины может закончиться и что делать потом? — заключил Валера.

— У неё же с наценкой она?

— Да, по семь бутылка.

— Держи вот, на две, — я передал коллеге по несчастью 15 рублей, — думаю, что закусить найдём, а если нет, я сбегаю в ближний магазин.

— Да есть что-то в холодильнике. Присаживайся, я пулей.

Валера оживлённый вышел в коридор, а я осмотрелся. Комната на четыре человека и одно окно, также выходящее к лесу. Через три минуты Валера зашёл с сияющей улыбкой небритого лица и вытянул из-за пояса две бутылки «Русской».

— Я сейчас, — вспомнив, что у нас тоже что-то есть перекусить, пошёл в свою комнату.

Не густо, но кусочек «Краковской», консервы в томатном соусе, несколько рыбёшек, оставшиеся после пива и половина белого батона хлеба, я собрал и пошел в восьмую комнату. Валера разложил на столе всё, что нашёл у себя. Ему сильно горело и он, как только я вошёл, сорвал с горлышка «бескозырку» разлил в уже приготовленные стаканы.

— За знакомство!

— За знакомство! — подтвердил я.

Водка, выпитая на пустой желудок, продезинфицировала пищевод и желудок и очень быстро я почувствовал

первые признаки присутствия в организме алкоголя. Прошло уже полчаса, а я совсем не думал о том, о чём, страдая от недопонимания, ломал себе голову с самого утра.

— После первой и второй промежутков небольшой, — произнёс Валера и налил ещё по одной, — первая чего-то не взяла.

Мы выпили ещё, закусили. Валера подошёл к окну, открыл форточку и спросил:

— Куришь? Кури. Я повременю, пока не полегчает.

Я закурил, Валера подsunул пепельницу из консервной банки. И как-то всё становил на места, может не на те, где находились до этого, но прекратились душевные мытарства, я почувствовал себя расслабленно и был спокоен.

— Ты что здесь делаешь, Валера?

— А, с женой скандалили, разошёлся. Дочка маленькая, ей три годика. Плачу алименты, а то, что не продаю, пропиваю. Мне 26 лет и кажется, что кроме, как на такую жизнь, уже и рассчитывать нечего.

— Да, брось ты! Молодой ещё совсем, все образуется, встретишь ещё женщину, жену и хозяйку, которая будет тебе борщи варить. Я моложе от тебя на немного, не женат, видимо ещё не готов к женитьбе. Хотя ещё вчера думал, что уже созрел. Не судьба, значит.

— Вот и я о том же. Не судьба А, где она эта судьба? И Алёнку жалко, доченька-красавица. Час покажу, у меня фото есть. Это она в садике, уже летом этого года. Скажи, красавица?!

— Конечно, Валера, красавица. Ты, видимо сильно пил или бил жену?

— Не-а, чтоб бить — пальцем не тронул, а пить — это да. А, кто её сейчас не пьёт. Но зарплату старался всю домой приносить. Но, не без того, троячок оставить на пропой. Зудела, зудела и подала на развод, говорит:

«Не могу больше с пьяницей жить. Ребёнку незачем все это видеть».

Закурил и Валера и теперь сизое облако плавно окутало комнату, поднималось кверху и затем теснилось у форточки, создав своеобразную очередь, чтобы вырваться на свободу.

— А ты из-за чего, с утра, чтоб водку со мной хлестать? Тоже вчера было «хорошо»?

— Не стану грешить, до поры до времени вчера было всё хорошо, но потом произошло, как бы и незначительное землетрясение, но этого видимо было достаточно чтобы появилась трещина в отношениях, я это чувствую, не знаю, чем, но чувствую или ощущаю.

— Тоже связано с женщиной? Вот видишь, я и говорю, что женщины — зло! Без них лучше, правда? — рассуждал Валера.

— Нет, брат, не ври сам себе, без них фигово, очень фигово, хотя, соглашусь, что и с ними может быть не сладко. Давай выпьем «За них красивых, за нас неверных», пока это тост вспомнил, — предложил я и взялся сам разливать, пока Валера курил.

Время в разговорах на свободные темы шло быстрее, чем в сомнениях и попытками осознать происходящее с элементами самобичевания, а порой и даже греха нехороших мыслей о других. Вообще-то я скорее противник попоек без повода, чем их сторонник, но считаю, что иногда, для того, чтобы не покрыться изнутри душевной плесенью от заумства и занудства, а также и примерного поведения, дабы чуть принизить гордыню свою, совсем даже не вредит, а на пользу вот такой простой, известный в народе на Руси ритуал, под названием «не пьянки ради — поговорить хочется».

Часики тикали, мы планомерно по горсточке изливали друг другу то, что не давало покоя, мучило, терзало и эти бесовские проделки, если не огнём, то спиртом

нужно было изгонять. Конечно, дело не доходило до сокровенного и личного, зачем нужно это знать чужому человеку, а вот его примеры из практической семейной жизни и мои философские умозаключения приобретали вместе законченное целостное объяснение некоторым жизненным аспектам, по которым часто у многих возникают вопросы, требующие сбора материала, осмысления его, анализа и на основе из уже умозаключений и выводов. Даже первоначальное утверждение «женщины — зло», к завершающему тосту из первой бутылки звучало так примерно, как слова из песни, которые в начале разговора соответствовали началу песни, где утверждалось, что «...они всю жизнь нам разбивают сердца, от них мучения нам без конца...», а на этом этапе, даже Валера в обсуждениях со мной был согласен с текстом второй части песни, которую замечательно исполняла группа Стаса Намина «Цветы» и звучавшая на всех танцплощадках страны, наше мнение сошлось уже к следующему:

«...»

Мы вам честно сказать должны,
Что девчонки больше жизни нам нужны,
Ну кто нам скажет, что приходит весна?
Ну кто покоя нас лишит и сна?

Кто разбудит в душе любовь?
Кто заставит в мечту поверить вновь?
Кто поцелует нас хотя б иногда?
Кто жизнь свою разделит раз и навсегда?!

Припев: А как без них прожить, А ну скажи, скажи.
Без них -то мы куда? Да просто никуда!
Не даром все века их носят на руках!
И мы опять готовы руки подставлять.
...»

И вот только сейчас, я вспомнил о Тане о том, что вчера произошло и том, что терзало мой беспокойный разум с того времени и вплоть до того, как я оказался в гостях у того, кому нужно также было излить накипевшее на душе, даже не важно кому, важно, что его выслушали, поняв, в чём-то поддержали, а с чем-то не согласились и даже переубедили, да и сам я отвёл разговором душу. Проблема, неразрешимой так и стала, но на душе стало спокойно, волнения рассосались, разбавились чистой жидкостью, но на этот раз не слезами, водкой.

Утром, когда я ожидал что на суточную вахту заступит Таня и уже планировал, что мы найдём время и поговорим не после «отбоя», а с утра, чтобы успокоить душу, которая трое суток была не в ведении, что же могло там произойти ещё после того, как Таня уехала домой после смены, холодно со мной попрощавшись в общежитии и попросив даже не провожать до автобусной остановки.

Зашла тётя Зина, дежурившая сутками раньше. Поздоровавшись, на мой вопрос ответила:

— Я не знаю, мне комендант позвонила и сказала, чтобы я вышла из-за того, что Татьяна заболела. Больше я ничего не знаю.

Вот это да, что же могло произойти? Напрашивалось то, что это болезнь может быть только прикрытием чего-то, что я вскорости узнаю или не узнаю уже никогда. Даже такую мысль я стал допускать. Меня предчувствие подводило, но очень редко и скорее всего и в этот раз не подводит. А так хотелось ошибаться. Этот тот редкий случай, когда действительно хотелось ошибаться и завтра, теперь в качестве отработки за тётю Зину выйдет она, моя Татьяна и всё опять будет как прежде. Хотя я теперь был уверен, что как прежде уже никогда не будет. Ничего в нашей жизни не повторится, даже копия, если

присмотреться имеет свои характерные, хоть и малозаметные отличия. А здесь, отличия начали проявляться буквально сразу и такие существенные.

Что делать, опять искать Валеру, который с большой уверенностью и вчера продолжал то, чем мы с ним занимались днём ранее. Нет, теперь уже не нужно. Тогда нужно было, а сейчас нет. Пойду я лучше и отвлекусь трудом, припоздаю минут на 20—30 — это не смертельно, мастер будет только рад подогнать план, тем более что у нас заканчивалась командировка и даже нас по многочисленным просьбам «трудового крестьянства» обещали рассчитать на неделю раньше, хотя командировки отметят тем числом, каким и нужно было. Это в основном просили мужики, которые постарше, чтобы иметь возможность побыть дома ещё несколько дней, порешать вопросы подготовки к зиме домашнего хозяйства и отдохнуть прежде, чем «запрячься в трудовую упряжь».

Можно было, конечно, просто поехать домой к Тане и, если она дома, выяснить всё из первых уст, как говорится. Но понимая, что сейчас и ей нелегко, попытка разузнать может быть понята, как подталкивание к действию, а я этого никак не хотел. Сомнения, сомнения и сомнения мучали меня, не давая покоя. И даже начал думать о том, что так много счастья и сразу, что выпало нам — не может быть вечным, бывает так, что на море полный штиль и гладь и она стабильна на протяжении какого-то продолжительного времени, но не может быть, чтобы волны, набрав силу, вдруг остановилась на набранной амплитуде, в её апогее и так продолжалось час-два, сутки — это невозможно. Так же невозможно держать страсть наших любовных отношений на таком накале, который не способны долго время выдерживать ни лампы накаливания, ни человеческие отношения.

Когда через два дня на смену вновь пришла тётя Зина, я уже не спрашивал, она сама меня затронула.

— Не знаю, что там у вас произошло, но Таня взяла отпуск за свой счёт, говорят, что из-за того, что кто-то из родителей приболел и она к ним поехала. Может и так, но мне кажется, что тут что-то другое. Я её хорошо знаю, она хорошая девушка, но в жизни невезучая. Хоть ты её не обижай.

— Тётя Зина, даже в мыслях никогда ничего подобного не было, она для меня всё. Так переживаю за неё. Спасибо вам, вы добрый человек.

— Храни тебя, Господь! — проговорила женщина в ответ и одновременно наложением на меня крестного знамения со словами, — «Во имя Отца... и Сына... и Святого Духа... Аминь».

Я улыбнулся, подумав: «Неужели выражение „что Бог даёт, то к лучшему“ и в моем случае право? Может быть, Господь, таким образом хочет сберечь жизнь и не одну, а сразу две? Неужели у наших отношений нет будущего, нет перспективы и компромисса? Неужели я Таню больше не увижу и это её решение? Возможно, Николай, смог поставить ультиматум или ещё что-то, до чего у меня даже не получается даже „защепку“ найти...».

На неделю раньше, как и предполагалось, нас всех рассчитали. Мы втроём взяли билеты на завтра, рейс на Ростов в 9—40. У нас были в карманах деньги, мы уже, кто хотел и было кому, накупили подарков и сувениров. Анатолий предложил мне посидеть напоследок в рестораны «Дюны», и я не мог отказаться. Как бумерангом, всё у меня закрутилось с того памятного дня, когда в результате первого посещения этой достопримечательности г. Сосновый Бор, я впервые увидел и познакомился с той, с кем провёл столько счастливых моментов, исчисляемых десятками часов в сумме и что завтра уже будет историей, а сегодня я буду прощаться со всем, что меня с городом связывало.

Анатолий был со своей подругой, которая пришла на прощальный ужин. Он заказывал постоянно музыку

и танцевал со своей Кэти, как он называл Екатерину. Я сидел степенно и просто пил и ел, думая об одном — о ней.

— Я поеду, попрощаюсь с Таней, — сказал я Толе, когда он присел с Кэти за столик.

— Саня, ты выпил, я боюсь, что ты можешь наделать глупостей. Может не нужно?

— Толя, а когда? Мы завтра рано уезжаем. Я себя клясть буду всю жизнь, если не узнаю хотя бы то, с ней всё хорошо. Я её целую неделю не видел, даже больше. А у тебя есть с кем ты будешь сегодня прощаться. До свиданья, Кэт!

Я подошёл и поцеловал её руку.

Было около 22 часов, и я думал лишь об одном — только бы была дома и с ней было всё хорошо. Выйдя из автобуса, быстро прошёл знакомой дорожкой через детскую площадку, где сидела парочка молодых людей. Я заулыбался. Счастливые какие.

Позвонил в звонок и отчётливо услышал звонок через дверь. Довольно быстро дверь открыл муж Татьяна.

— Николай, Таню можно? Она дома?

— Таня, к тебе молодой человек, — произнося через плечо, захлопнул дверь Николай перед моим, буквально, носом.

Таня вышла серьёзная. Я её никогда такой не видел. Она накинула на себя вязанную кофту и на ногах шерстяные вязанные носки в домашних тапочках.

— Таня, здравствуй! — я пытался улыбаться, но получилось очень плохо.

Она один раз глянула мне в глаза и затем стояла, опустив их, смотря в пол.

— Таня, объясни, пожалуйста, что произошло в отношениях между нами? Разве так сильно повлияло на всё то, что муж уличил тебя в неверности. Но ведь у вас и так было всё шатко. Сейчас наладилось? Я буду счастлив, ес-

ли буду знать, что ты счастлива, но пока в это не могу поверить. Ответь мне? Не молчи.

— Что я тебе отвечу, Саша. Мы решили с мужем всё начать сначала, попробовать... Саша, не рви мне душу. Уходи!

— Таня, ты меня гонишь? Я пришёл с тобой попрощаться. Но, может быть, ты решишься, и мы уедем с тобой, будем жить и любить друг друга. Таня?! Ты меня слышишь?

— Саша, уезжай. Будь счастлив! Не поминай меня лихом.

— Таня, но ты же тоже меня любила, что произошло?

— Саша, мне и так очень тяжело. Прошу тебя, оставь меня.

— Таня, это же не до завтра. Это навсегда!

— Значит, судьба такова моя. Прощай, Саша! Прости меня!

Я попытался обнять Таню, но она, не поднимая головы, освободилась от моих рук, которыми я не мог её держать в таких же крепких объятьях, как раньше. Сердце моё оборвалось. Мне хотелось кричать прямо вот здесь, в подъезде, но из этого лишь вырвался из груди слабый стон души, когда дверь за Таней закрылась.

Я позвонил один раз, подождал. Позвонил ещё и ещё. Долго никто не открывал. Потом открыл Николай:

— Таня плохо себя чувствует и просила не беспокоить, — был его ответ на мои звонки в дверь.

Небо перевернулось и все звезды с него посыпались под ноги. Я ожидал всего, но такого удара, что ножом в сердце, тем более от неё, я никогда не ожидал. Я вспомнил концовку фильма «Человек-амфибия», когда Ихтиандр прощается со своей любимой Гуттиэрой, но даже в той трагической истории его любимая не отвернулась, как это сделала моя Татьяна. Значит, я этого заслужил,

а за что — вердикт не оглашён, а приговор приведён в исполнение.

Глава VII. Вот и всё!

Я действительно чувствовал себя, как Иштиандр, лишенный привычного ареала, привычной среды обитания. Я снова оказался в той ситуации, когда все мои изменения с переосмыслением многих жизненных принципов, сформированных во мне за последний год и претерпевших очень серьезные изменения в связи с теми событиями, которые изменили и мой внутренний мир, обогатив его, естественно, дав новые импульсы развития и стремления развиваться с воплощением тех идей и жизненных планов, которые были ранее мне не приемлемы, мной отрицались и отвергались, как чуждые, теперь прижились так уверенно на почве новых отношений, изменили меня очень сильно и как я уже признавал, только в лучшую сторону, я просто становился мужчиной, юность, хоть и с запозданием, но осталась позади.

Стрессовая ситуация, к которой я оказался совершенно не готов, хотя у меня было много времени, и я рассмотрел множество возможных вариантов, но такой жирной линии при подведении итогов наших отношений с Татьяной, я явно не ожидал — это был полный шок моего сознания. Я в жизни сталкивался с откровенной неприязнью на грани ненависти даже, хоть и не любовных отношениях, и, хоть это было довольно неприятно, но вполне закономерно, я не говорю о честном признании того, что человек, с которым ты общался и строил планы, возлагал надежды, я имею ввиду сейчас именно девушек, с которыми приходилось встречаться, они гово-

рили: «Извини, я думала, что у нас что-то получится и я тебя полюблю, но не получилось. Ты найдешь девушку, которую полюбишь, и она будет лучше меня. Желаю тебе всего наилучшего!» Что тут можно сказать? Это больно, но честно и после остаются только хорошие и светлые воспоминания об этой девушке, с кем свела судьба на время и расстались по-доброму.

Если бы Таня высказала один или кучу моих недостатков, из-за которых они не желает меня видеть, мне бы было изначально больно это слышать, а затем, когда я осознал, что во многом она была права, то, естественно понял бы и принял, как должное. Я совсем не был зол на нею, не говоря о более высокой степени обиды или даже ненависти. За, что я должен её ненавидеть? За то, что подарила столько счастливым мгновений, часов, ночей, когда я был выше «седьмого неба», я был счастлив, как ещё до этого никогда и не знал, смогу ли ещё найти хотя бы подобие испытанного и того, что никогда не забудется. Я только благодарен ей за это. Но почему она со мной так поступила, этому есть объяснение, но она не захотела открыться передо мной и из-за этого, при последнем разговоре, во время прощания она не поднимала даже глаза. Видимо боялась смотреть в искренность моих глаз, чтобы в чувствах не проговорится. У неё было что-то, что она умолчала, возможно подумав, что так будет лучше, а о том, что так будет в разы больнее, в первую очередь, возможно и не подумала об этом.

Женщины иногда совершают такие поступки, что потом и сами не могут объяснить почему именно так. Хотя и не обязательно женщины. Иногда я себя ловил на мысли, а какой смысл был того, что я сделал, чем руководствовался и сам себе не мог объяснить. Я знаю свою главную ошибку. Она состояла в том, что когда случился инцидент, я сидел и ждал, когда девушка придёт и объяснит, что она по этому поводу думает и решила. А мне

нужно было действовать. Может она этого и ждала, проверяла меня, на что я способен. Очень даже может быть. Но то, что ситуацию взял под контроль её муж, Николай, тоже мне представлялось очень возможным. Скорее всего у них состоялось соглашение, если не мира, то перемирия с поставленными условиями, типа семейного контракта.

А, что сейчас? Как говорят, «после драки кулаками не машут». Я упустил возможность свою — это сейчас представлялось уже мне очевидным. Я проявил ненужный в этой ситуации нейтралитет, по принципу «как бы не было хуже», а Николай, перехватив инициативу, довёл ситуацию до логического завершения. Соперник уезжает, скорее всего навсегда и можно приложить старания, что восстановить свой статус главы семьи, укрепив в какой-то степени отношения.

Хорошо, что я уже бывал и не раз в подобных ситуациях, но тогда все было в разы проще, чем сейчас. Сейчас всё было намного серьёзней и, из-за этого разрыв был такой болезненный. Было такое ощущение, что без наркоза вырвали, нет, не зуб, а сердце из груди. И с этим нужно было жить. Сколько времени уйдёт на реабилитацию и заживление ран, я не знал, но то, что это процесс длительный знал точно.

Дома нас встречали, как иностранных туристов, разве, что не с хлебом, прям к трапу самолёта. И нам потребовалось время на привыкание. У нас был запас дней для отдыха и восстановления, привыкания к тому, от чего успели отвыкнуть. Николай, который добирался, в отличие от нас более двух суток на поездах, приехал позже и ещё через день вышел на работу, чем выдал всех остальных. Видите-ли, соскучился по своём кормильцу, трактору ДТ-54 и не выдержав, пошёл на работу.

У меня же, наоборот, всё валилось из рук и, как Ихтиандр без морской стихии, задыхался в избытке кислорода воздуха, который просто сжигал фибры моей души, как жабры у амфибии. Мне ничего не хотелось я лишь искал тех, кто мне в этот трудный момент поможет. А, кто может помочь лучше, чем родители, которые всегда готовы даже на жертвы, ради своих детей. Я начал задумываться о смене места жительства и серьёзно.

И когда председатель на планёрке снова предложил мне «комсомольское задание» в виде освоения и изучения поливной техники, которую было решено с нового года широко внедрять для усиления кормовой базы колхоза имеющее приоритетное мясное направление, я наотрез отказался.

Самоходная многоопорная среднеструйная широкозахватная дождевальная машина ДКШ-64 «Волжанка» (дождеватель колёсный широкозахватный) производился в городе Волгограде и туда мне предлагали отправиться буквально через месяц. «Кто тянет, того и понукают» — эта поговорка, видимо была обо мне. А мама меня всегда учила: «Научись говорить нет». Эта наука мне давалась сложно. Ну не мог я отказывать. И только то, что я не хотел ничего и никого видеть и помогло мне сказать следующее:

— Нет, Виктор Васильевич, на этот раз — нет! Куда вы меня только не кидали за вот эти полтора неполных года: мастером-наладчиком был, разъездным механиком был, механиком кормодобывающей бригады, оператором шахтной зерносушилки и оператором ЗАВ тоже был, на курсах повышения квалификации и на обучении в Сосновом Бору тоже был. А теперь ещё и курсы операторов «Волжанок». Скажите, кто-нибудь из специалистов ваших может таким послужным списком похвастать? Разве, что под танк не бросали. Вы же знаете, что я подводником служил?

— Знаю, конечно. Ну и что?

— А то, что я тонул в море и потому воды боюсь похлеще чем огня, в котором горел во время пожара на лодке. Вы меня извините, Виктор Васильевич, но — нет и нет! Я вообще собираюсь писать заявление на расчет. Что-то не заладилась у меня личная жизнь, да и сестру стеснять не хочется.

— Ну, я слово держу: женись и четырёхкомнатная квартира твоя. Ну не строим мы одно- и двухкомнатные квартиры, строим семейным. Дам я тебе такую громадину, что ты в ней будешь делать? Паутину целыми днями по углам гонять. Женись и получишь. Что у нас девчат нет? Не верю.

— Что к сердцу пришлась, нет. Вот думаю в Курган перебраться, там цивилизация, может женюсь, скоро двадцать пять, мои ровесники давно поженились, а я...

— Не горячись, подумай. Я не тороплю. Отдохни от командировки, и я надеюсь, что мы договоримся. Согласен, что кадр для села незаменимый, потому и бросаем на прорыв. Ну, а кто, если не вы, молодые?

На том и остановились, каждый остался, как говорят, при своих интересах. «Пора и честь знать, — думал я по дороге от правления в бригаду, которая занимала максимум пять минут, если идти через пустырь.

Забегал ко мне на работу весь улыбающийся Анатолий, цветущий как будяк весной. Он сначала заглянул в конторку и спросив у бригадира, где я сейчас могу находиться, пришёл в производственное помещение зерносушилки, где мы с Павловичем настраивали её на режим сушки. А началось с того, что он там, где-то влез, крутнул и в итоге тонны три семечек не высушили до кондиции посевного материала, а пожарили. Павлович стоял с невозмущенным видом и щёлкал жаренные семечки.

— Короче так, Александр Павлович, давай, подгоняй свой мотоцикл «Юпитер» с двумя котлами, загружай

в него мешки с семечками и вези на шахты, в Снежное ближе всего, там семечки у шахтёров пользуются спросом, как и сало, я знаю. Моя бабушка, царствие ей небесное, на Покрова не стало, возила в Харцызск. Знаешь, только пораньше садись на тротуаре по пути шахтёров на шахту, а потом в конце смены. Как продашь все жаренные по твоей вине семечки, отнесешь в бухгалтерию сколько они там убытку насчитают. Но не переживай, ты ещё с барышами останешься. Ну, так как, Павлович?

— Иваныч! Ты, чё! Шоб я и семечки? Я лучше мотоцикл продам и заплачу. Тебе не нужен? Незаменим в хозяйстве.

— Спасибо! Меня «Ява», «старушка» устраивает.

— Так, а может как-то по-другому, а, Иваныч?

— Можно! Сегодня поляну накроешь, но без пива, холодно уже. Проставишься, как положено, а я поговорю с бригадиром перекроем как-нибудь твой грех. А семечки, как отсев пойдут на гранулы. Вот и Толик тоже не прочь поучаствовать в нашем банкете по случаю, — заметив вошедшего Анатолия, обратил внимание Павловича, — вы же, Павлович, ещё с командировки должны. Ну, ладно Колю жена заклевала, мы с Толяном, как положено в «Дюнах» посидели, а вы всё над своим златом чахнете.

— О чём вы тут обо мне и без меня? Привет трудовому народу, — как всегда с позитивом отозвался Анатолий.

— Да вот, тут, Александр Павлович, решил проставиться своим пацанам и тебя вспомнил. Говорит, нехорошо всё же, я тогда спор с пивом проиграл, а не расчитался. Вот теперь уже не пивом, а водочкой хочет возместить материальный долг и наши моральный ущерб, причинённый нам по его недоразумению, за что просит у всех прощения. Так, Павлович?

Павлович кивнул с улыбкой недоумения. Но дело сделано, добро дано, отступить некуда — но мужским поступком сочтётся.

— Замечательно. Вот и будет время с тобой всё подробнее обсудить, — обратился Толя ко мне.

— А, что за вопросы?

— Вопрос такой, как сказать, щекотливый. Да, собственно, Павлович же в курсе наших сердечных дел в Сосновом Бору. Значит так...

— Подожди, подожди! Ты что-то узнал о Тане?

— Во, как оживился. Не забыл ещё? Она же тебя кинула, если разобраться, а ты...

— Толя, ты мне друг, я тебя уважаю, но не нужно так о ней говорить. Таня этого не заслуживает, даже, если совершила какую-то ошибку, я даже не знаю, она замкнулась. А, что происходит я не знаю.

— Написал бы, что ли ей.

— Нет, она категорично меня оттолкнула. Не могу.

— Фу — ты, ну — ты! Ты меня перебил. Я чё пришел. Я Куклу, ну Лену секретаршу увидел, она мне сказала, что с завода письмо пришло. Они просят разобраться с поставкой нам оборудования. Нужно проверить и составить список поставленных «мест» оборудования и срочно им доставить. Я, как узнал, сразу к председателю с предложением, чтобы слетать туда и разобраться, ну и он дал добро. Короче, я только от «преда», завтра лечу, а сегодня ты мне помоги с этим оборудованием, что у вас разгружали разобраться, а-то мне сложно самому.

— Ох ты и Жук, Толя!

— Чего ты на меня так?

— А посоветоваться со мной, может мне в разы важнее туда сейчас попасть, вопрос может быть жизни и смерти. Вот такой ты, друг, называется.

— Сань, ну чего ты? Я же думал, вы с Таней порвали отношения, а у меня, сам знаешь, там Кет осталась, пи-

шет на имя бабы Клавы, она всё равно слепая, а я забир-
раю, ждёт меня с нетерпением. Ну, извини, брат, если чё.

— Толя, я с Таней ничего не рвал. Я её люблю, как
никого ещё и никогда, понимаешь. А что там сейчас
не знаю. Переживаю, каждый день и час думаю о ней.
Короче, извини за то, что «наехал» на тебя ни за что.
У меня будет просьба к тебе, если будешь там, зайти
в общагу и, если ничего не узнаешь, я тебе адрес дам, ты
проедешь, узнай, пожалуйста. А, я, сдыхать буду,
но не напишу. Решил — всё, значит такая судьба. Но я
должен быть спокоен, что с ней всё хорошо. Мне она со-
всем не понравилась, хоть не она, а как она себя вела, ко-
гда мы с ней прощались, хоть и выпивши изрядно был,
как сейчас помню. Не хорошо мы расстались, не хорошо.

— Хорошо, Саня, все сделаю. Ты же знаешь меня.

— Да и привет своей Кэти от меня передавай. Не по-
везло и ей в жизни. Вот, хоть ты подаришь ей минуты
женского счастья.

— Спасибо, Саня! Передам. Так ты когда сможешь
мне помочь, сейчас или позже.

— Давай через парочку часов. Ты же должен там ко-
мандировочные и прочее оформить пока. А мы ближе
к концу работы сделаем тебе список поставленных «мест»
оборудования, чтобы ты ещё и заверить печатью успел.
А потом, Павлович обидится, если не придешь. Да, Павло-
вич? Заодно и дорожку твою обмоем, чтоб удачной была.

Настроив зерносушилку, дав оператору, Павловичу,
наставления и рекомендации, не дожидаясь Анатолия, я
пошел с бумагой и ручкой переписывать всё поставлен-
ное нам оборудование с завода «Агрегат». Когда Анато-
лий запыхавшись прибежал из правления с уже оформ-
ленными проездными командировочными документами,
я вручил ему список.

— Попросишь Лену, она быстро тебе наберет, как
следует письмо, с указанием кому, от кого и всего там,

она лучше знает. А мы ждём. Как освободишься, приходи. По такому случаю мы можем и раньше начать самое важное событие, которое мы ждали почти месяц, да, Павлович?!

Благо, что Александр Павлович был человеком необидчивым, добряком таким, на нём даже окурки можно было тушить, он будет улыбаться со словами: «Ну, если так нужно, значит нужно!» Он воспитывал двоих славных детей: дочь была взрослой девушкой, хоть и не красавица, но симпатичная курносая, веселая такая, скромная и для того, кто её выберет в жены, будет для того верной женой и отличной хозяйкой — это всё я увидел и прочитал в её голубых, как небо в ясную погоду глазах; сын был меньшим, заканчивал восьмой класс, парень — трудяга, пока отец на работе, всё хозяйство на нём, хорошим механизатором, как минимум будет, технику любит и возиться с ней.

Пока Толя пошёл к секретарше в правление, я вспомнил, что нужно решить вопрос с жареными семечками. Я зашёл в бригадную, где восседал Владимир Иванович за своим столом. Слева кипа бумаг, справа счёты и счётная машина «Феникс», прямо перед ним пепельница полная окурков, за ним, в правом углу сейф, слева шкаф с папками для документов. Впереди его стола приставлен еще один стол, за которым смогут расположиться человек пять максимум и сбоку, у стен приставлены с каждой стороны по три-четыре свободных стула, необходимых, при проведении общих собраний, когда собирался весь небольшой, но дружный коллектив бригады.

— Как там дела? Успехи есть, Саня? — мы друг друга, когда без подчинённых назвали по имени.

— Всё нормально, Вова, настроили. Я по этому вопросу и зашёл. Что ты думаешь с теми семечками делать, что Павлович пожарил? На гранулы?

— Ну, а куда же ещё? У нас же птичника нет. А, что ты интересуешься?

— Я же думаю, что ты сделаешь всё правильно, чтобы без виновных обойтись, да?

— Давно уже сделал. Не переживай.

— Вот, я знал, что наш Бугор самый лучший.

— Что-то мне не нравится, что ты, как бы «подмазывается».

— Ну, не совсем, но есть и такое. Я о том, что сегодня бы на час раньше закончить работу, повод есть.

— Повод — это хорошо. Я всегда за, ты же знаешь, за любой кипиш. Так же ты любишь говорить?

— Вот и хорошо. Я тогда с АВМ Сашу pošлю, пусть на моцике сбегает, купит что нужно, ага?

— Давай! А меня не забудете?

— Владимир Иванович, за кого ты меня принимаешь?

Я прошёлся по мужикам, без которых невозможно было представить бригаду, её костяк и предложил, кто сколько может, сброситься в честь нашего Александра Павловича, хоть по рублю. Сам, для наглядности держал «пятышку» в руке, как «замануху» более крупных купюр, чем «деревянные». В итоге собралось около двадцати рублей. Затем я пошёл к Александру Павловичу, который буквально, в поте лица наверстывал сушку семенного материала подсолнечника.

— Как успехи, стахановец?

— Заканчиваю, Иванович.

— Ну, так что насчёт «картошки, дров поджарить»?

— Ты всё шутишь, Иваныч. Ты о магарыче? Так это не заржавеет, только у меня с собой «червонец» всего.

— Вот нам его и не хватает. Давай! А-то, уже темнеет. Ноябрь, не август с пивом и рыбкой. А как ту рыбку называли местные, что ты на голый крючок у АЭС на моле ловил?

— Я и сам не помню, но жирная, зараза. Вот сейчас бы её сюда.

— Ничего, килька в томате тоже не плохо, если водка к ней.

— Это, да!

Летом мы любили организовывать такие мероприятия в старом саду, что был рядом с территорией нашей бригады или на речке Тузлов, где природа замечательная и где забываешь обо всём, о работе и хлопотах. А в середине ноября хотелось в более уютном месте посидеть в удовольствие. Мы собирались в бригадной. Достоинство нашей бригады с производственными помещениями, складами, зернотока и прочими постройками в том, что всё это располагалось на самом высоком месте в селе, вернее на его восточной окраине между правлением колхоза и за ним животноводческого комплекса КРС и полеводческой бригады с другой стороны через плотину и балку в направлении с юга на север, с запада располагался тот самый старый сад, а с востока простирался поля. Когда мы сидели в помещении бригадной, то могли в окна видеть оба подъезда и с юга, и с севера до самого здания правления и территории бригады, расположенных намного ниже. Мы могли, при нежелательном «шухере» за пару минут сделать рабочую обстановку, если нас решать проконтролировать в рабочее время.

Приставной столик, который по обыкновению стоял придвинутый к столу бригадира, выдвинули на центр. Оперативно появились закуска и выпивка. Тесновато, но разместились все восемь человек вокруг стола. По полбутылки на брата спиртного — это не пьянка, а культурное мероприятие. Не было деда Гришки, который любил говорить всегда, как мудрые старики, поучая молодых: «Вы, смотрите там мне, умненько!» Вот мы и сидели умненько в чисто мужской компании. И это тоже один плюс. Мы могли здесь же курить, открыв или

форточку или даже дверь, чтобы «повисший в воздухе топор» смог, отлежавшись на полу, «отдышаться», чтобы вновь повиснуть над нашими головами.

Всё было, как обычно, привычно, тепло в плане отношений и расслабляюще действуя на напряженные мышцы, после трудового дня и, главное на душевное состояние. Толя, вспомнив о недавнем разговоре, помахал мне жестом с предложением выйти на улицу:

— Пошли подышим свежим воздухом.

Мы вышли. Небо было на западе в багровом зареве. Видимо предвещая морозную и ведренную погоду на завтра.

— Пока ещё при свежей памяти, ты что-нибудь будешь Тане передавать, если мне удастся с ней увидеться. Но обещаю, что сделаю всё возможное, чтобы её увидеть. Надо будет, я и в Гатчину поеду, если она там у родителей. У меня командировка на пять дней, думаю, что пару дней у меня будут свободными, если за день на заводу справлюсь.

— Толя, тебе не до этого будет. Не нужно ничего, кроме того, что скажи на словах: «Я её не предавал, ничего в моей душе по отношению к ней не изменилось, а сердце болит неопределённостью. Просто, я её люблю!» — вот и всё. По возможности, пусть расскажет в чём моя вина или что вообще произошло, но это, если сама захочет, не дави, прошу.

— Хорошо, Саня, я понял. Всё передам. Не рви себя, ты ещё жить не жил. «Время раны лечит», пройдёт, не сразу, конечно.

— Спасибо, брат! Удачи тебе! Ты иди, посиди ещё, Толя. А за меня скажи, только не сразу, что что-то мне нехорошо, пошёл домой. Но не сразу. Хорошо?! Держи краба!

Я шел в темноте по тропинке, которой часто ходил через сад на «Мясную» улицу. Свет фонарей на территории бригады остались за спиной и от этого, и от того, что старый сад был мрачным местом с заросшими рядами фруктовых одичавших деревьев, небо показалось более ясным с множеством сияющих звёзд. Я шёл на закат, который медленно угас.

«Всё, — думал я, — меня тут ничего не держит, напишу заявление на расчёт. Председатель не хотел отпускать, а значит заставит отрабатывать. Это будут тяжелые дни, когда работаешь, как „из-под палки“, я так не привык. Кого Владимиру Ивановичу дадут в помощники, поставив бригадным механиком? Из своих кадров, имеющих хоть какое-либо образование, я не знал. Да, какая разница, найдут. Пообещают квартиру и найдут. Мне не об этом сейчас думать надо, а как устраивать свою жизнь».

Утром у меня отпало желание идти за расчётом. А вдруг, возьмёт пред и подпишет без отработки, рассчитаюсь и Толика из командировки не дожусь, а это было для меня сейчас на первом месте. На второй день, когда я заметил в почтовом ящике письмо, подумав, что сестре или зятю от сестры из Снежного, но не угадал ни разу.

Я взял в руки письмо и мурашки пробежали по телу, потому что было из Ленинградской области, из Соснового Бора, что нетрудно догадаться, но не от Тани, что я в принципе не исключал пока ещё, а от её мужа Николая. На сердце стало ещё тревожнее и самое плохое моментально начало теснить обыденные и позитивные мысли. Что случилось? Что могло случиться, что заставило «рогоносцу» написать своему обидчику письмо?

Я зашел во двор, но не стал сразу открывать письмо, закурил и пытался догадаться, какая причина заставила Николая написать или это написано под диктовку? Покурив и немного успокоив сердцебиение глубокими вдо-

хами и выдохами, зашёл в дом, разделся, сел в кресло и только после этого, открыл письмо. Сомневаться не пришлось, что это письмо именно от Николая, а не Тани, как раньше делали написал просто в отведенном уголке для обратного адреса фамилию и инициалы хозяйина. В письме было следующее.

«Здравствуйте, Александр. Вы не удивляйтесь, что Вам пишу я, а не Татьяна, письмо от коей было бы Вам получить приятнее и предпочтительнее. Вы, наверное, думаете, что очень хорошо знаете Таню? Сомневаюсь. Я за два года не смог её узнать и понять до конца. Пишу без её на то ведома. Я предложил ей самой написать, но она наотрез отказалась, не разрешив и мне делать этого, но я послушался и тому есть причина.

Александр, Таня беременна от Вас. Я в этом убеждён, потому что мы давно не живем вместе, как муж и жена, просто разделяем кров из-за необходимости. Я не знаю Ваши планы, но, если Вы по-прежнему любите Татьяну, то приезжайте. Я не враг ни ей, ни Вам. Если будет нужно, то я уступлю Вам с Таней эту квартиру, хоть она по праву принадлежит мне. Поверьте мне, я никому зла не желаю.

Если захотите, можете мне написать, а лучше, приезжайте.

30.10.79 г. Николай Портнов.»

Я, несомненно, поверил в искренность слов, Николая, которые сначала ввели меня в шок. Ничего себе! Но, с другой стороны я был готов к такому развитию событий, не к письму, конечно, Николая, а к тому, что Татьяна может быть беременной и от этого и психоз возможен, правда не знаю, на какой стадии беременности это проявляется и то, необъяснимое мной поведение её во время моего прощания, когда она были чисто «снята с креста и приставлена» на пять минут предо мной, чтобы снова на нём оказаться.

Но почему письмо не от неё? Я не верю, не хочу верить, чтобы её целью было только то, чтобы забеременеть, а потом можно было, как делает самка богомола и убить самца, т.е. меня, как не нужный элемент. А убить можно и не физически, что еще больше может принести страданий, чем мгновенная смерть. Почему-то, хоть я не хотел плохо о Тани думать, но эти идиотские мысли приходили в голову. Таня, ну почему письмо не написала ты и не хочешь, чтобы я даже знал о том, что у меня тоже скоро может появиться ребёнок, маленький и желанный Кудряшка. Она не хотела меня видеть, как отца будущего ребёнка, но и Николай, если бы собирался простить Татьяне и продолжать жить с ней, воспитывая не своего ребёнка, как приёмного, тогда почему же он написал мне — «приезжай, если любишь». Это противоречит одно другому и у меня голова ломается от того, что я не могу разгадать эту головоломку. Уравнение с двумя неизвестными, к которому добавляется третье — что мне в этой ситуации делать. Сейчас Николай написал собственный сценарий и не спрашивая желаний актёров исполнять роли, которые он расписал, принуждает их играть, причём обоих, и Таню, и меня.

В его словах я при этом не уловил и капли какого-то подвоха. Он умный человек и обходительный и всё такое, но как супротив мнения собственной, пока ещё жены, он же не написал, что развелись или разведёмся, а «уступлю квартиру», принимать за неё решение. Сейчас всё зависело от её веского слова, принятого взвешенного решения. А времени на обдумывание у неё было предостаточно.

Выйдя на улицу, чтобы быстрее сбросить жар, в который меня бросило и немного успокоиться, прийти в себя. Не каждый, конечно, в своей жизни получает подобные письма, а от такого «доброжелателя» тем более. Я закурил и когда понемногу разум приходил в со-

стояние чётко понимать, анализировать факты и принимать в итоге решения, я сделал единственно-верное на данный момент — дожидаться Анатолия из командировки.

В каком я настроении находился, лучше сказать пребывал, думаю, что понятно и как томительно ожидание чего-то важного, тоже, каждый такое испытывал и не раз. Не зря родилась из этого поговорка «хуже нет ждать и догонять». Сегодня уже 15 ноября, четверг. С понедельника должен Анатолий вернуться. Вот, значит и я в понедельник напишу заявление, а Владимиру Ивановичу уже завтра скажу, чтобы до понедельника свои дела подогнуть, материальные ценности передать пока некому по акту передачи, но можно предварительно уже кое-какие процедуры порешать, чтобы потом не было напряга.

Сестре я тоже сказал, чтоб не подумала, что я внезапно убегаю, так как натворил чего-нибудь. Если бы это случилось, она и её муж, мой зять узнали одними из первых на планёрке у председателя. Я и сам понимал, что стесняю их, хоть у меня и отдельная комната, но я всё же здесь не такой уж и желанный гость, как бы я себя хорошо не вёл и даже, если бы не ходил, а летал комариком, всё равно раздражал бы. Нет, ну и сравнение я нашел — комарика. Комарик любого достанет, хоть и крошечный.

Завтра нужно будет найти время, чтобы с мотоциклом повозиться, нет, не получится, темнеет рано, тогда лучше в воскресенье. Вещей, хоть и немного, но перевозить придётся на нём. Да, ещё одно, раз мне предстоит едоком добавиться в семью родителей, то в пятницу нужно не забыть, а это будет послезавтра, выписать мяса. Я, пока был в командировке, они там, наверное, всех своих цыплят перерезали. Хотя цыплята в октябре уже должны быть хорошими, как я помню ещё.

Ну, вот, на завтра и вплоть до понедельника планы выстроены, осталось не забыть и выполнять их. Сходить

в субботу в клуб, прощальное турне своеобразное сделать. Хотя, что я собрался со всем и со всеми прощаться. Вот, если заставит председатель месяц отрабатывать и на Новогоднюю ёлку смогу в клуб сходить тогда.

Что я тут оставлял, кроме более чем год молодой жизни, если учесть, что по большому счёту она была беспутной, то много. Приобрёл незаменимый опыт и тем более в разных сферах сельскохозяйственного производства — это большой плюс. Если бы не эта работа, я не попал в красивый молодой город Сосновый Бор и за одно не познакомился с Ленинградом — это тоже плюс. Огромный плюс в том, что я там познакомился с замечательной девушкой, подарившей мне столько прекрасных мгновений, ну горечи разочарования в конце, но это уже не может перечеркнуть всё прекрасное, оно непременно и безоговорочно побеждает и, если бы это был единственный плюс за всё время, начиная с июня прошлого года, то он перебивал бы десятикратно все минусы. Ради этого стоит жить, терпеть, ждать и даже страдать.

В понедельник, после планёрки я положил Виктору Васильевичу на стол заявление.

— Не передумал, значит?

— У меня было время подумать, Виктор Васильевич, и я очень хорошо подумал. Всё-таки я буду рассчитываться. Это уже окончательно и бесповоротно.

— Ну, по поводу окончательного, «скажешь гоп, когда перескочишь». А я думаю, что, сравнив работу на производстве с нашими «курортами», разве не так, ты же полгода из всего стажа отдыхал то в Новочеркасске, то в самом Ленинграде и решишь, что лучше.

— Какое производство?

— Ну ты же в колхозе не хочешь работать, значит где-то работу на промышленном производстве будешь искать в Матвеевом Кургане или Таганроге, так? Ну я не об этом. Везде есть свои плюсы и минусы. Но не буду

больше намеками мучить. Нам прислали разнарядку, Таганрогскому комбайновому заводу в осенне-зимний период нужна помощь в рабочей силе. Они же нам в уборку помогали, вот.

— Так я-то тут причём? Я в уборку тоже, сами знаете, самый первый приходил в бригаду и последним уходил, на ЗАВе пыль глотал и обязанности механика приходилось параллельно исполнять, по четыре часа спал и не жаловался. Зачем же вы меня, как будто упрекаете? Они, что мне работу делали? За свой труд они получили.

— Не кипишуй, остынь. Без отработки я тебя не отпущу. У меня даже человека пока нет на твоё место, пока найдём ещё. А ты поработаешь, а там глядишь и придёшь, да и скажешь:

«Правы вы были Виктор Васильевич! В колхозе лучше работать, чем в этом городе. — а потом, опять же в городе квартиры дают? — нет! Придёшь и скажешь, — жёнью я! Давайте ключи от квартиры!»

— Но молодежь почему-то в город начала бежать, хоть им тут и квартиры, и машины и трактора новые дают. Значит чего-то другого не хватает. Может быть, они отработали смену и свободен, ни посевной, ни уборочной и отдохнуть есть где. Ладно, я всё понял. Надеюсь, что не будет, как в сказке про Ивана-царевича потом ещё одно задание, ещё. Вы же человек слова и кодекс трудовой нарушать не собираетесь, а-то на это дело есть «дядя-прокурор».

— Надеюсь, что ты шутишь, не пугаешь?

— Конечно, как я могу.

— Вот и ладно. У Лены возьмешь и познакомишься, куда и что нужно. И завтра, с Богом.

Вечером приехал Анатолий и эту весть мне первому принес Саня, оператор АВМ с моей, теперь уже бывшей бригады, проезжая с работы на мотоцикле. Хорошо, я, не откладывая ни на минуту бегу к нему. Он же не знает

даже, что я рассчитываюсь. Нет, сначала в магазин, бутылку возьму, без неё никак не получится. Быстро оделся и спустился в магазин, благо он был под боком.

— Что ты хотел? — грубо спросила продавец, которая редко с кем была вежлива, — я закрывать собралась.

— Литру водку и... чтобы взять на закусь?

— Сырков возьми или кильки вяленой, — зная, что обычно берут любители выпить на ходу.

— Нет. Дайте мне лучше банку селёдки иваси.

— А съедите?

— Если не съедим, то понадкусываем и принесём назад, — съязвил напоследок и я.

— Який ты вумный, аж противно, — ответила «ласково» продавщица.

Анатолий обмылся с дороги и собирался ужинать. Жена, открывшая мне, посмотрела на банку селёдки и заулыбалась:

— Вы, что с мужем собрались селёдки нажраться, чтоб я его спать в курятник отправила, да и ты всю ночь воду пить будешь, — учительница наверное не выговорила за день с учениками, решила и меня чуть «построить», — и что даже по сто грамм не выпьете?

— Ну, почему, если вы угостите, может быть и не откажусь.

— Иди, на кухне сидит, ужинать собирался. Как мне надоело управляться, целых три месяца сама и опять сколько дней, всё сама и сама.

— Ну, извините! Работа, ничего не поделаешь.

— Ага, тебя же не послали, чего его? Небось там кто-то есть?

— Я рвался, а пред сказал, что поедет лучший из всех и послали Анатолия, на него надежды побольше, чем на меня молодого шалопаю.

— Ну, да! И-то, так.

— Можно заодно и мне поужинать? — открыв дверь в кухню, спросил у Анатолия.

— О, Саня, заходи. Только я не ждал тебя сегодня. Думал завтра на работу забежать. Бутылки нет, а у неё не выпросишь, — Толя указал в сторону двора, где управлялась жена.

Я приподнял куртку, откуда было видно две «бескозырки» на горлышках:

— Толя, ты меня обижаешь. На, прячь куда-нибудь пока.

— Раздевайся. Присаживайся. — Не дожидаясь, пока я разденусь и сяду рядом, оторвал «ленты» у «бескозырки» и быстро разлил, остальное припрятал где-то за стиральной машиной или в неё.

— За возвращение! — предложил я первый тост.

Мы быстро выпили и закусили тем, что было у него приготовлено на ужин.

— Вот, хорошо! А теперь и иваси попробуем. Сейчас открою.

Я не подгонял Анатолия, столько ждал, а пять минут уже потерплю.

— Ва-у, какая рыба! Под такую закуску грех не выпить, — произнёс Толя, достав начатую бутылку и быстро разлив в стаканы.

— Мой дед, которого я не застал любил повторять, разглаживая усы:

«Водочка и селёдочка — не надо ничего!»

— Он был прав, закуска бесподобная, а мы привыкли, как что огурцом или «Завтраком туриста» закусывать.

— Ой, как хорошо пошла, зараза! — крикнул Толя.

— Видимо потому, что холодная, летом другое дело. Помнишь в Ленинграде как мы горячее бренди хотели в парке выпить, а нас «мусора» чуть не повязали?

— Во, видишь, ты меня водкой и селёдкой тоже так порадовал, что я чуть не забыл, что ты ждёшь от меня.

Видел я Татьяну, разговаривал, она опять там же работает.

— Как, опять?

— Ну, тогда муж поднял скандал у комендантши и Тане сказал, чтобы рассчитывалась. А потом она посидела дома, он успокоился, ревновать не к кому, и она опять устроилась. Но, самое главное, не знаю, как сказать.

— Говори, как есть.

— Таня же была беременна от тебя. Да, сама мне сказала.

— Я знаю. А почему была?

— Откуда ты знаешь?

— От мужа её на днях письмо получил.

— Да, ты, что? Ну и что муж, угрожал?

— Наоборот, сказал, что я могу приехать туда и жить с Таней в его квартире, а он уйдёт, так как не хочет мешать нашей любви.

— Господи, что же она наделала?!

— Толя, говоря понятно, что-то я тебя не понимаю.

Что наделала?

— Да она же недавно оборот сделала. Ой, дура!

— Что, как же это, а?

— Не знаю, как.

— А, ну да, письмо почему-то долго шло. В Куйбышево, представляешь четыре дня провалялось, в итоге пол месяца шло. Зачем она это сделала? Ведь у нас всё было хорошо...

— Думаю, Саня, она запуталась. Ты бы её видел, она, как с креста снятая была.

— Да, я знаю.

— Что и это тоже знаешь? Зачем просил узнать, раз всё знаешь.

— Толя, не обижайся, я к тому, что точно такой я её видел последний раз. Вот, дура! Ой, какая дура! За что я её люблю?! Толя налей мне полный, пожалуйста.

— Саня, успокойся. Уже ничего, к сожалению, не исправишь. Дело сделано. Она, хоть и говорила, что живём снова с Колей, всё хорошо, но не видно это по ней, не верю я. И ты не верь. Не знаю, не мог он её побить, что «выкидыш» получился?

— Нет, Толя, в это я не поверю, он правильный, может морально замордовал, это могло быть, а ударить — не верю.

— Ну, давай, «за их красивых, за нас неверных!»

— Спасибо, Толя! За это я и без памяти буду, но выпью. Давай!

Мы выпили и после никто не решался, что-то сказать. Наступила минута молчания. Мы даже отложили жирные ивасы, которые не резали на кусочки, а планомерно снимали рыбе филе зубами от хвоста до головы.

— Пойдём на воздух или ты ещё обсох, после ванны?

— Нормально. Я тоже хочу освежиться чуть.

Вечер был тихий, ощущалось, что, если не ночью, то утром будет заморозок. Жена Анатолия, управившись на хозяйстве, пошла в дом.

— Иди, иди, нам без тебя спокойнее. Нет-нет! Держи, я где был? Вот «Ленинград» фирменные сигареты в твёрдой упаковке. Ты же тоже там такие курил?

— Курил эти и ещё «Северная пальмира», но они ароматизированные были. Помнишь?

— Остались одни воспоминания.

— А, что же ты о Кэт ничего не говоришь? Хоть в этом у тебя порядок получился?

— Ага, порядок!? Двое суток меня никуда не выпускала. Я же ей телеграмму дал. Она за мной кругом, как собачонка бегала. А потом закрылись «на хате» на двое суток. Она же и продукты закупила, чтобы меня не отпускать. Боялась, наверное, что сбегу. «Оторвался» я по полной, Саня. Ой, извини!

— Да, чего ты, ты-то тут при чём? Ой, Толя, спасибо тебе огромное! Ты мне ситуацию разъяснил. А правда, какой бы она не была горькой, лучше кривды. У меня была надежда, но сегодня умерла. Да, не ты же её убил, мою надежду, не смотри так на меня. Правда, всё, Толя! Вот она была и нету. Такая нереальная любовь только в кино возможна, и она была у меня, не есть, а бы-ла. Толя, у меня ещё одна новость, тоже не весёлая — я рассчитываюсь. Сразу бы после отъезда подал заявление, но тебя ждал и надеялся. Увы! Пойду я, Толя, пока жена твоя сама не выставила.

— Не, не выставит, она только бурчать может, училка, а этим всё сказано. Нет, теперь точно не пойдёшь, вернее пойдёшь, но, как я понял, мы может уже и не будем видеться, а потому пошли ещё выпьем за тебя.

— Может быть. Завтра уезжаю на отработку, «годковская» или «дедовская» работа предстоит, ты в армии служил? Вот на целый месяц пред «закрывает». Может потом и увидимся, под Новый год. Знаешь, о чём жалею? Столько друзей и товарищей я тут нашёл, жалко будет расставаться. Ну, пошли. Ты же не отстанешь.

Так закончилась моя интересная, насыщенная событиями разного толка, где было всё и главное — была любовь, которая не забывается никогда, остается всегда в нашем сердце, ели она настоящая. Поживём — увидим.

Глава VIII. «Притирка»

Утром я уложил сложенные и приготовленные вещи в коляску моей «старушки», как называли такую первую «двухкотловую» модель мотоцикла «Ява», она была, как девушка миниатюрна и в разы красивее от своей старшей сестры «Явы» с 12-вольтовым электрооборудованием,

более сильным мотором и в разы менее красивыми формами. Формы старушки были идеальны, просто Венера, среди мотоциклов. Ударил, как и предполагалось мороз, ветровое стекло покрылось изморозью. Шутники в таких случаях говорят: «А, что у тебя в салоне печка не работает». Конечно, для езды на мотоциклах, тем более на расстоянии более 40 км, это уже не вид транспорта. Можно и лёгкие застудить. Ветровое стекло, хоть и задерживает ветер, но от мороза не защищает.

Хотелось ехать, как я привык, быстро, но я сдерживал себя, из-за того, что все части тела, незащищённое от потока встречного ветра, начиная от колен, были ледяными. Тогда я сбавлял скорость и ехал помедленнее. К родителям я приехал в половине десятого. Попив горячего чая, отправился на вокзал, чтобы уехать в Таганрог электричкой.

Можно было остаться у родителей дома и отогреться, как следует, но я не знал ещё, какая там дисциплина на заводе и как может повлиять день прогула на мою отработку, как на службе «наряд вне очереди», только протяженностью на целый месяц. Больше всего мне не понравилось, что завод располагался далеко от железнодорожного вокзала и приезжая на электричке, необходимо было ещё около полчаса добираться на трамвае.

Я попал на место командировки в обед, даже сразу после обеда, так будет точнее. Меня ознакомили с расположением всех служб в сборочном цеху, кто мой мастер цеха и познакомили с одним из сменных мастеров. Началась эта трудовая неделя с первой сменны, следующая со второй. Меня определили пост сборки наклонных камер жаток комбайна СК-6 «Колос». На этом комбайне мне пока не доводилось участвовать в уборке урожая, только я их обслуживал в колхозе и досконально изучал, конечно же в институте. Когда проходили институтские

практики, у меня не было возможности побывать на этом заводе или на «Ростсельмаше» в Ростове. Но я был на тракторном заводе и имел хорошее представление о крупных производствах.

В принципе, режим труда и отдыха меня устраивал, два перерыва на перекур до обеда и после по 10 минут и, собственно, сам обед на полчаса. Кормили в столовой хорошо. Хотя, со столовой колхозной и сравнивать нельзя. Там питание было просто шикарное. А так меня всё устраивало. Нужно было вставать рано, в половине пятого утра, что бегом успевать на электричку и возвращаться тоже пятичасовой. В итоге получалось, что работа вместе с дорогой и пешей прогулкой на вокзал и с вокзала занимало в пределах 13 часов. И времени после не оставалось почти ни на что. Как люди могли в таком режиме работать годами не понимаю.

Утром обе утренние десяти вагонные электрички были всегда забиты, люди, что селёдки в консервных банках, кто не успел занять место, стоя ехали целый час на работу, чтобы там отстоять смену и возвратиться снова и при этом постараться чего-нибудь с завода «прихватизировать», а проще говоря, вынести, тогда таких называли «несуны». От того, что они забивали не только тамбур, но и вагоны всякими свёртками, упаковками, связками того, что пригодится в домашнем хозяйстве, от водопроводных труб с завода «Красный котельщик» и деревянных реек с мебельного комбината, до того, что было скрыто в сумках и даже под подкладками одежды. Какое было время, такие и люди. Я знал мужика, который в цеху скидывался на выпивку, выпивал со всеми, а все пустые бутылки после этого собирал и нёс домой. С него смеялись: «Ты так и дом построишь на бутылках». Шутки-шутками, но если посчитать, то, если со стройки ежедневно уносить пару кирпичей, общим весом 5 кг, вполне подъёмно, то через пять лет та-

кого «собираательства» получалось: 50 штук в месяц, в год, с учётом сезонности работы, где-то 400—500, а за пять лет 2000—2500 кирпичин. Можно «хибарку» построить.

Что-то это я на эту тему заговорил? Да, просто вспомнил рабочие электрички. Меня это не интересовало. Я жил у родителей, где меня накормят, спать уложат, разбудят на работу, как раньше в добрые времена работы до службы, только тогда мне мама ещё и сумку в поле собирала. Сейчас такая надобность отпала, и я ездил налегке, что для меня было важно. Ещё со студенческих лет ненавидел езду в общественном транспорте, когда ты везёшь, к примеру, сумку продуктов и не можешь с ней протиснуться по проходу и стоя, необходимо её постоянно держать в руках, чтобы не затоптали.

Я не понаслышке слышал, а практически сталкивался с такими проблемами на производстве, когда водитель, тракторист или комбайнёр, получив новую технику лазил с ней и под ней ещё целую неделю, а-то и больше, что всё проверить, протянуть резьбовые соединения и прочее. А здесь увидел из-за чего это происходит. Например, за целый день на сборке руки устают от гайковёрта, он выкручивает буквально руки, а если уменьшить усилие затяжки, нагрузка на руки уменьшится, а гайки и болты будут не затянутыми. Не идёт по какой-то причине болт в резьбовое гнездо, из-за проблем с самим болтом, что чаще или забитой в корпусе резьбы — удар кувалды и нет проблем, болт влетает туда, как гвоздь, а будет-ли держать «безрезьбовое» соединение — это уже проблема того, кто получит технику для эксплуатации. Там в редуктор не положили смазку, там что-то не натянули, не отрегулировали — так сойдёт. Вот такое отношение к труду мне не нравилось. От того и качество страдало очень, оно было только в призывах на плакатах.

Депрессивное состояние не только не проходило, а наоборот, усиливалось и усиливалось в геометрической прогрессии. Возможно, что этому способствовала безысходность положения и принудительный характер работы, как наказание. Я имею в виду, не цеховое начальство, а то, что не я выбрал по желанию эту работу, а то, что это мера вынужденная. Это меня сильно угнетало. Я мог достигать больших успехов и работать с огоньком, когда то, что я делаю, приносило мне удовольствие. Погода тоже не способствовала позитивности настроения. Но главная причина, на которую потом наслаивались все остальные — это моё духовное состояние, душевные раны, которые я будоражил ежедневными мыслями и от этого оно кровоточило и не заживало. И наступил тот момент, когда я выпустил из рук «повода», которыми управлял и держал себя на пути праведном.

Следующую неделю, работая во вторую смену, приходилось днем уезжать и приезжать ночной двухчасовой электричкой домой. В цеху работа отличалась от первой смены меньшей суетой, шумом и наличием начальников, которые в обоих случаях, кроме сменного мастера, который восседал в застеклённой будочке и, в принципе, оттуда обзирал весь участок сборки. Требовалось немного времени, чтобы привыкнуть к этому режиму и это было не так трудно. Труднее было отсыпаться днём после смены и, как правило сон заключался в промежутке от 02—30 до 08 часов утра максимум. Спать днём я не привык. Даже в садик не стал ходить, так как там заставляли после обеда спать.

На соседнем с моим постом сборки работал слесарь из с. Ряженого, звали его Васей. Вася был юморной парень, немного с причудами, но, а кто из нас без этого. Вася был на пару лет старше от меня, не женат и жил с матерью. Я не лез в его личную жизнь, он в мою, говорили, как все малознакомые люди, о погоде, анекдотами

новыми делились, о работе и всё такого рода. В первую же смену, перед ночным обеденным перерывом, Вася предлагает:

— Саня, а что мы будем обедать «на сухую»?

— А ты, что принёс что с собой?

— Нет, зачем, тут же в ста метрах от нашей территории винзавод. Слева, метрах в пятидесяти от проходной через забор перепрыгиваешь, то место не обойдёшь, видно, намощено, чтобы легче сигать и ниже, верхний ряд кирпичей разрушен. Да, нет, я сбегаю. У тебя есть что-нибудь?

— Есть трояк.

— Давай! В самый раз. Без меня не ходи в столовку, я мигом.

Вася побежал, а я остался его ждать в раздевалке. Пожалуй, не более двадцати минут понадобилось моему новому товарищу, чтобы вернуться со счастливой улыбкой. Я представил, как Вася с тремя бутылками, которые он поочерёдно извлёк из-за пояса перебирался через высокий забор и не побил и, не выдержав, спросил:

— Вася, а как ты умудрился с таким количеством пойла за поясом, донести всё в целости и сохранности?

— Навыки, брат, не пропьёшь. Они, родимые, как магнитом к моему телу липнут, будешь насильно отрывать — бесполезно, только с кожей можно.

— Ну, ты, чудак!

— Который на букву «М»?

— Ну, зачем ты так. Я даже и не подумал, я в смысле юмора. Люблю людей с юмором, мне его сейчас так не хватает.

— Давай по пузырю вмажем, пообедаем, а третьим потом «догонимся».

Вася лихо присосался к бутылке и выпил за раз больше половины, оторвался, сморщился, занюхал рукавом спецовки и глянув на меня, произнёс:

— Чё ты смотришь, тяни, не грей. Или слабо с горла.

— Брат, я в увольнение как ходил, чтобы не «спалиться» патрулю, брал в магазине бутылку 0,7 литра и где-нибудь за углом, в подворотне залпом за раз выпивал. Но то были портвейны, а это плодово-«выгодная» «бодяга», небось, от неё такой духан «фонит».

— Нормальная вещь, «Абрикосовый аромат», закусывать не нужно.

Я сделал то же, что и мой, буду называть вещи своими именами, собутыльник и меня замутило. Такой гадости я вообще в жизни не пил. А когда отошёл, спросил:

— А там только такое продают?

— Да! Я же не в гастроном бегал, а на ближнюю проходную винзавода, там на вахте ящиками продают по рублю бутылку. А мне нравится или привык.

Мы допили и пошли обедать. Бодяга, то бодяга, а дело своё делала, а главное, что настроение заметно приподнялось. Вот так, попробовав раз, другой — понравилось и спиваются люди. Хотя я с этим уже знаком. Ещё со студенческой скамьи баловался с друзьями, а вот будучи в Новочеркаске в «Школе женихов», там точно до полусмерти упивался. Ох и попили мы там винища, мама родная.

Аппетит, приданный выпитым, сделал дело своё, мы поели от души. Спускаясь со второго этажа административного корпуса, где на третьем была наша раздевалка и душевые вниз в цех невольно расслабленный высказал Васе свои ощущения после обеда, хотя по времени его лучше ужином назвать:

— Ой, какая лень. Вздремнуть потянуло.

— Без проблем. Ложись в бункер, лучше в несобранный до готовности, чтобы тебя не увезли с ним на сборку и поспи полчаса-час.

— Да нет. Перебьёмся. Сейчас, поработаю, пройдёт.

— А я так делал и не раз.

Участок, хоть и не так бойко, как днём, но создавал рабочую производительность. Я посматривал на электронное табло у выхода из цеха, где указывали число выпущенных за смену, собранных комбайнов и видел, что вторая смена процентов на двадцать выполняла объемов работ меньше. Не знаю, может вот такая, как у меня ослабленность из-за времени, когда организм готовится уже к отдыху, толи многие из слесарей балуются, как и мы с Васей дешёвой продукцией Госкомвинпрома. Ну, да ладно, работать надо.

Вспомнил анекдот тех времен: «Приехала на завод комиссия, чтобы провести опрос рабочих на тему «Алкоголь, как к нему относиться».

Спрашивают у слесаря-сборщика:

— Можно вам задать вопрос? Вы как относитесь к алкоголю?

— Нормально! Борюсь!

— А вот, если бы вы выпили сто грамм водки, вы бы смогли работать?

— Конечно!

— А стакан водки?

— Безусловно, что за вопрос?

— Ну, а если бутылку водки выпьете, сможете работать?

— Ну я же работаю! Что за вопросы?

— Вы сказали, что «боритесь». Как это понимать?

— Водка — зло! Правильно? А со злом нужно бороться. Я ней борюсь, но сколько не пью, её от этого меньше не становится».

Пили все, пили везде, пили много — это неопровержимый факт. Ещё один факт вспомнился из недавнего прошлого. В колхозе, откуда я приехал работал водителем мой тёзка, Александр Николаевич. Мы с ним ежедневно встречались на улице «Мясной», он бежал в гараж, где раздавали наряды и получали путёвки, а я шёл

ему навстречу на планёрку в правление. Он был значительно старше меня, но иначе, как тёзка он меня не называл, я по началу называл по имени отчеству, а потом тоже перешёл на простое и понятное — тёзка. Мы здоровались и он, неизменно, хватаясь за сердце, каждое утро говорил одно и тоже:

— Тёзка, как мне херово.

— Чем могу помочь? — изначально, не зная причину этого, спрашивал с желанием принять участие в спасении человека, оказании скорой медицинской или ещё какой помощи.

— Ой, как мне херово! Вчера было и гарно было, а сёдня. Ох и фигово. Срочно нужно «толчок» сердцу дать, срочно.

И он продолжал свой путь. Не знаю, со всеми он делился своей болью и причиной её, но знаю другое. Александр Николаевич, пока не опохмелится, никуда из гаража не выезжал. Он находил уйму поводов и поломок, которые нужно было устранять. Работал он на автомобиле ГАЗ-52, грузовом, с тентованным кузовом и приспособленным для перевозки людей. Чаще всего его маршруты были по колхозу или району, а иногда случались и в Таганрог, и в Ростов.

Вот, опохмелившись и не одной рюмкой, поехал он в Таганрог, по каким-то делам повёз людей. В городе, пока его пассажиры управлялись с делами, а ему уже становилось всё хуже, он, найдя «забегаловку», заглянул в неё и «дал толчок сердцу».

На обратном пути, проезжая пост ГАИ, его остановил инспектор. «Вот, Александр Николаевич», приехали. Приготовил документы и ожидал инспектора. Тот представился и отстранив документы, которые тыкал ему водитель обратился с необычной просьбой:

— Выручай, пожалуйста!

— Бензина нема, нам лишнего не дают.

— Нет, стаканчика у вас нет? Собрались вот с товарищами того-этого, а не из чего.

— Ох и нищета. Держи! Сколько из него родимого перепито, не сосчитать. Дарю! Береги, как зеницу ока, как свой жезл, — подал, протерев сначала ветошью стакан, невыветрившийся ещё с утрешним запахом водки.

Вот и сейчас я вспомнил этого незабываемого человека, который мог стать героем многих анекдотов и баек и подумал, а мне тоже так не далеко до того, что придётся по утрам «толчок сердцу» делать. И понимая, что это не выход, я повторял тоже, за что ещё с утра ругал себя. Вот такое бывает непостоянство мнения. Благо, что с работы я приезжал поздно и редко с кем в это время приходилось говорить, всё, как правило спали. Брат уехал со своей зазновой в Хабаровский край, я даже не понял «с какого перепугу» она его туда потянула. Писал, что там снега по самое «не балуй» и китайцев, переходящих нелегально границу, «как собак недорезанных» и ещё то, что можно хорошо заработать — за одного пойманного китайца 50 рублей дают. Но, забегая наперёд скажу, после Нового года брат приехал назад сам. Он-то и нужен был этой стерве, чтобы помощь ей переехать через всю страну и деньгами и физической силой, как грузчик. Навивный всё же человек, мой брат.

Наши попойки были уже традиционно ежедневными и на сегодняшний день другого способа забыться я не видел. Поел, поспал, отработал, выпил и всё опять по кругу. Когда кто-то начинал говорить о девушках, как провёл вечер и прочее или, упаси Господь, если спрашивали: «У тебя кто-нибудь есть?», мне просто становилось плохо и даже невыносимый ранее запах «Абрикосового аромата» казался после таких слов мне, что медовый сироп.

Почему отец, очень сильно любивший маму, сильно ревновавшим её, так как она была красивая женщина и всегда на виду, активная и жизнерадостная, общитель-

ная и привлекающая к себе мужские взгляды, часто уходил в запой? Может быть, у меня наследственное? А вот о дедушке отец говорил, что он и все деды того поколения, родившиеся ещё задолго до выстрела Авроры и начала XX века, они не пили, как пьют сейчас, часто, много и запоями. Казалось бы, люди, выполняющие тяжелый крестьянский труд, должны были расслабляться, да и жену погонять не грех бы, чтобы покладистой была или чтобы согнать зло из-за каких-то неурядиц. Так, нет! Не были они такими. В крайнем случае, начиная с середины тридцатых годов, которые отец хорошо помнит, мужики собирались не часто, сидели за столом, обсуждали проблемы, пили и пели песни. Но всё было как-то тихо и мирно. Да и не валялись мужики на улицах, как сейчас можно увидеть. Вот вам и цивилизация, ё-моё.

Большую часть заработанных на заводе денег я проездил и просто пропил. Да у меня и цели не было, чтобы копить деньги, собирать для чего-то. Зачем? Жизненный стимул застыл стрелкой указателя на «нуле».

До Нового года я получил расчёт в колхозе. Какие ещё могли быть препоны? Честно отработал месяц. Предстоял теперь выбор места работы. Но выбор в то время был сложен не в отсутствии вакансий, а наоборот в их изобилии. Кругом доски объявлений были завешены самыми разными объявлениями и везде в организациях расклеены подобные «Требуются». Хотелось работу по душе, как у меня была в колхозе — это то, чему я учился, что мне нравится, что я умею и буду выполнять с удовольствием.

В «Райсельхозтехнику» тоже требовались специалисты и рабочие. Зайдя в кабинет управляющего, который оказался добродушным человеком, выслушав меня, спросил:

— А почему «незаконченное высшее»? Что не даёт, девки или это? — и он показал известным всем жест, означающий «выпиваешь?!»

— Сам не знаю, в колхозе, знаете, как времени не хватает, не-то, что на учёбу, да и как-то после службы не решился пока.

— Знаю, я знаю, до этого кресла работал в соседнем с твоим колхозом, в колхозе Куйбышева главным инженером. Вот закончил бы, у нас и заведующий тракторными мастерскими на пенсию вот и на СТО энергонасыщенных тракторов требуется инженер-диагност. Но есть и для тебя работа, раз механиком работал, справишься. В службу СТО требуется инженер-комплектовщик, работать придётся с инженерными службами колхозов по обеспечению их ремонтным фондом, но не запасными частями с завода. Тебе нужно будет принимать на реставрацию узлы и организовывать на месте их восстановление. Подробнее тебе Александр Петрович объяснит тебе, если согласен. Это мой заместитель, он этой службой заведует. Зарплата пока не очень, но у нас, если не главный специалист везде потолок 160, у тебя будет 130, плюс премиальные.

— Хорошо, спасибо. Когда можно приходить устраиваться?

— Да сразу после праздника и приходи. Принесёшь документы в отдел кадров, я предупрежу.

Мне пока и этого хватит, молодому и неженатому. Не у родителей же на шее сидеть в мои почти 25 лет. Но эти «почти» ещё прожить нужно. Праздник для меня был одним из самых грустных за всё время. Я никого не знал, ни с кем даже знакомиться не хотелось. Сидел дома и крутил днями магнитофон. Почему у нас нет мужского монастыря, я сейчас бы ушёл туда. Ни пьянок тебе, ни гулянок, а только кротость и почитание Слова Божьего, церковных канонов и заповедей. Главное, там

нет тех, кто нарушают наш душевный покой, женщин. Праздники были в тягость и только спиртное делало мысли туманнее и совсем о другом. Хотелось быстрее выйти на работу, вдруг, интересная работа меня затянет и отвлечёт от тягостных мыслей.

Моё место работы находилось в тракторной мастерской. В одном из цехов у меня был свой уголок. Я получил измерительный инструмент, халат и металлический запирающийся шкаф для ремонтного фонда. Больше всего рабочего времени мне приходилось находиться в токарном отделении, где работал самый опытный токарь и рационализатор Петрович, второй токарь, работающая в основном по изготовлению метизов, болтов, штуцеров и прочего, Зина, женщина лет сорока и фрезеровщик, он же и строгальщик Гриша, он был лет на пять постарше меня. Для выполнения ремонтных работ на специализированном оборудовании я обращался в механический цех. Нельзя было обойтись и без электро-, газосварщиков, медника, слесаря топливной аппаратуры.

При заказе каких-то работ, я изначально делал это, как полагается: шёл к начальнику мастерских, объяснял, что мне надо и кого нужно будет задействовать в работах, а он, посмотрев наряды от заказов, которые делал инженер дефектовщик на ремонтируемые в мастерской трактора, обычно говорил: «Ну, может быть, через неделю приступим. Оставь заявку и потом напомни мне», а это означало, что через неделю всю повторится. Посмотрев на мой кислый вид, добавлял: «А ты пойдешь в механический. Там Катя токарь такую работу сможет сделать, если не загружена».

В механическом цеху примерно та же история, им колхозы, совхозы или птицефабрики заказывали большие партии работ, что было выгоднее, чем разносортная по номенклатуре работа. Через два-три дня меня начина-

ли доставать заказчики, а я, как в той бане «а воз и ныне там». Что же делать, что же делать, «думай голова — шапку куплю». Эврика! Я заметил, что все станочники и сварщики в первую очередь выполняют даже не ту работу, что им заказывает Николай Сидоров, инженер-дефектовщик мастерской, а ту, что приносят со стороны, как «шабашку». За шабашку с ними нужно было расплачиваться, как повелось, бутылкой или несколькими, в зависимости от объёма работ. Ага, всё ясно.

Я подхожу к Петровичу, как старшему в токарном отделе и говорю:

— Петрович, мне нужно выполнить срочную работу.

— Всем нужно что-то срочно. Иди к Фёдоровичу, скажет — сделаем. Но у меня работы, делай — не переделывать. Спроси Зину, она больше языком работает, чем резцом.

— Зинаида Васильевна, вопрос «на засыпку», как бы нам решить вопрос такой деликатный, с меня причитается, конечно, — начинал уже путаться я, — короче нужно наточить вот таких деталей, — и я передал ей эскиз детали с размерами, которые сто раз перепроверил, чтоб «не лохануться».

— Саша, что это за хрень? Ты мне деталь дай, что ты мне бумажку съешь, забуду, руки ей от смазки вытру и выброшу.

— Есть и деталь. А эскиз вы в тумбочку с косметичкой рядом положите и детали тогда красивше будут, но не красивее вас, конечно.

— Ой, ой! Пряма-таки. К обеду бутылочку вина принеси, в наш магазин к Райке хороший портвейн завезли. Сделаем, раз срочно, сделаем, будь спокоен.

Я оставил деталь и эскиз и не теряя время, пошёл в магазин, расположенный под боком от предприятия, метрах в пятидесяти от проходной. Когда я вернулся, Зина так и стояла и лялякала с Антониной Федоровной, полной невысокой женщиной, лет за пятьдесят, тоже ко-

гда-то работающей токарем, а сейчас по здоровью перевели в инструментальную кладовую, которая располагалась сразу за станом Петровича.

— Саша..., Иванович, ну что там у нас?

— Как договаривались, всё имеется.

— Петрович, туши керогаз. Пора перекур делать.

— А-шо, е-е-е?

— Е-е! — подражая Петровичу сказала Зина, — пошли, — позвала меня за шкафы в дальнем углу цеха, которые были установлены не к стене, а из них была выстроена стенка, а за ними и стеной помещения образовывалась ниша, шириной метра на полтора. На маленьком столике стояли стаканы и в газете, скорее всего была закуска. Видимо я не первый, кто был тут гостем.

Выключив станок, надвинув очки на лоб, к нам семенил Петрович.

— Проставляешься? Молодец! Будет толк, а вот её Тошик, — тыкая рукой в Зину, — сколько ему не делай, никогда ничего не поставит.

— Да, ладно тебе. Я за него ставлю. Петрович, не гони пургу, — отозвалась Зина.

Я уже подумал, что там буду лишним.

— Ну чего ждём? Насыпай, раз позвали? — Петрович начал нервничать.

Я достал сразу две бутылки. Одну Зина взяла и положила в шкаф. Я нагрел капроновую пробку спичкой и снял её с горлышка.

— По сколько наливать? — спросил у Петровича.

— По половине, — ответил тот, держа уже стакан в руке.

Я налил Зине столько же. Она взяла в руки и улыбаясь смотрела на меня:

— Женить тебя нужно. Мы поищем тебе невесту. Парень ты видный. У меня две дочки, но они ещё малые, в школу ходят.

Петрович одним залпом опрокинул стакан, утёр губы грязной ладонью и засеменял к станку, бухтя себе под нос:

— Некогда мне. Работать нужно. Все бегут, Петрович надо! Петрович, срочно! Хоть разорвись.

— Саша, не слушай ты его, он всегда такой. А сам-то, чего? Наливай. У нас предателей нет. А надо будет, прикроем, если чё. Не переживай, вот сейчас выпьем с тобой за знакомство и начну делать.

К концу дня, забрав детали выполненного заказа, проверив визуально одну из них, что заметила Зина:

— Можешь не переживать, я их уже без малого лет десять точу, мне твои чертежи не нужны, размеры на память знаю.

— Спасибо, Зинаида Васильевна!

— Саша!?! Просто Зина. Что я такая уже старая? Мне и сорока нет.

— Хорошо, Зина. Молодая и красивая.

— Ну, вот и на комплимент от молодого напросилась. А, Петрович?

— Чего ты, не понял, — не отрывая глаз от обрабатываем детали спросил Зину. Не мешайте мне. Сейчас человек придёт, а у меня ещё не готово...

Таким же Макаром к концу недели я познакомился со станочниками: тётёй Катей, которая просила также называть себя Катей, ей так очень нравилось, хоть и было за пятьдесят, она начинала работать в СХТ с Тоней инструментальщицей; Саня — токарь; Аркадий многостаночник и фрезеровщик на трёх станках, зуборезчик, на протяжном станке и на любом, где не попросишь, всё мог — профессионал; Виктор и Андрей — токари и также многостаночники. А вот начальником у них был мой бывший одноклассник и его, в отличие от Кати, нужно было называть не иначе, как Александр Николаевич. Ну да и Бог с ним. И опасаться нужно было, как предупре-

дили меня мужики. Вот так, как говорят: «хочешь проверить человека — поставь его начальником». Я даже не о строгости на производстве, но сделать вид, что он меня не знает — это слишком.

Какая разница, если сравнить двух Александров, один заместитель управляющего, на нём практически всё производство технического обслуживания тракторов, сельхозмашин, оборудования животноводческих ферм, нефтехозяйств, человек 300 в подчинении работников, но он простой и душевный, может и поругать, и похвалить, но всегда как-то по-доброму. Его подводить не хочется. Второй — мой одноклассник, рост 190, а нос дерёт ещё выше. Хорошо, хоть не мой начальник. Я бы не вытерпел и высказал бы всё в первый день ему в лицо.

Закончилось трудовая неделя. Я лежал дома на диване, анализировал всё, что произошло на работе, как я знакомился с людьми и кто чего стоит. И только сейчас пронял, что я за всю неделю не вспомнил за Татьяну. И всё. Мысли сразу перебежали, как предатели в другое полушарие и начались страдания под хорошую музыку, записанную на магнитофон. И я, грешным делом, подумал: «Неужели это уже неизлечимо?»

Пришла весна, обновления в природе не могли не затронуть мою душу, но не настолько, чтобы бы я стал, как юнец прыгать от счастья и кричать на весь мир восторженные слова признаний или ещё что-то, по содержанию слов и темпераменту можно было безошибочно сказать — точно, весна на дворе, даже, если бы вы не выходили из комнаты с зашторенными окнами несколько месяцев и потеряли дням счёт. Но всё же солнце и увеличенный световой день тоску разгонял, но не более того. Лопнувшая в душе позитивная струна, настроенная когда-то давно на лирический лад, требо-

вала замены. Но заменить её и настроить мог теперь очень умелый специалист или вовсе не специалист, а обычное, как когда-то свалившееся на меня счастье, случайное или неслучайное, а судьбоносное, но в один миг, как под кузнечным молотом, изменяющая форму бытия и её содержание одновременно. Кто-то скажет: «Да он — псих!» Возможно, он прав, но я именно так видел то, что может меня вернуть к той жизни, когда не только весна была мне в радость, всё было в радость. Но пока ничего этого не было.

У меня появилось много друзей и товарищей. Из тех, с кем я общался больше всех, кроме тех, кого называл и нас связывали ещё и производственные вопросы были: Саша Родимов, инженер-технолог из моей же службы СТО Т, на два года моложе меня, но собирающийся весной жениться; Петя Царёв, мой одноклассник и тот, с кем я поступал в военное училище, но он провалил экзамены, но потом успел закончить Сальский техникум, получив диплом техника-механика; Виктор Василенко — токарь СТО Т, был на год от меня старше и другие.

Отцу на работе давали земельные наделы, и мы выезжали сначала на посадку картофеля, а потом на прополки. Благодаря этому, я хоть немного бывал на природе, мог спуститься к реке Миус, вдоль которой были наделы, посидеть у стремительного её течения, помечтать и даже забыться на время. Зимой я отводил душу на охоте, что было проще, чем поехать на рыбалку, для рыбалки я выбирал тихие заводи, на реке не любил лодку. Обязательно найдётся кто-то, кто подсядет и начнёт доставать расспросами и всякой ерундой, вплоть до тихого сопения за спиной. Я хотел быть наедине, наедине с природой. Природу я воспринимал позитивно, людей на её фоне — нет. Мне хватало общения на работе, а другие, даже пикники меня больше раздражали, чем расслабляли.

Анекдот об охоте: «Сидят мужики и спорят у кого была лучшая охота.

Первый хвастает:

— Иду на охоте и вспомнил, что патроны дома забыл. А тут на меня волк лося гонит. Я открыл ружьё, там два патрона. Я подпустил их поближе, чтоб не промахнуться, прицелился — выстрел и лось, как подкошенный падает. Волк, не желая со мной делить дичь, прыгает на меня со своим страшным оскалом. Я стреляю в него, и он падает замертво сверху лося. Ох и охота была! Хотите верьте, хотите нет.

— Да, что там волк. Я пошёл на охоту и уже в лесу понял, что ружьё дома забыл. Потянул за поводок, а на нём ошейник без собаки, сбежала. И тут слышу рёв медведя. Что делать? Я на дерево залез и сижу. Он меня унюхал и лезет за мной на дерево, на весь лес орёт. Я выше, и он выше. Гляжу дупло и там пчелиный рой мёд стережёт. Я смекнул, что к чему и пчёлам говорю: «Я не за мёдом, это медведь за мёдом лезет. Фас его! Как вылетели пчёлы, как начали его заливать. Закусили до смерти. Вот то была охота!

Пришла очередь хвастаться армянину, который и ружья никогда не видел:

— Да, что вы говорите? Какая эта Ахота? Вот у меня была Ахота. Она такой бэлый, такой красивый, такой маладой. Я такой вот, как есть весь красавчик. Она голый и я голый. Ей Ахота и мне Ахота! Вот это Ахота!!!»

А жизнь-то не стоит, как бы нам не хотелось. Родители бухтят, не понимая, что я сиднем сижу с ними, мол так досидишься, что всех девок разберут. Я на это не реагировал. Ну были у нас на складах две-три девушки не замужние, но не то — ны Ахота мне их. А куда-то идти неохота совсем была.

Лето. В июне как-то зашёл к Пете меднику по поводу ремонта радиаторов. А он мне сразу с порога:

— Давай быстрее неси, если срочно нужно. Выписывай припой, бензин, ну сам знаешь что. Если оба бачка распаивать для чистки, то две палки припоя.

— Петя, а что за спешка. Ты, что в отпуск уходишь?

— Нет, на уборку еду, комбайны будем готовить. До уборки уже меньше месяца осталось. Главный инженер приезжал, торопил.

— Не в Казахстан, случайно едете?

— Шутишь? В колхоз «50-лет Октября», в Марьевку или Соколовку, не знаю в какую бригаду.

— Во, как? Так вы на мою родину едите, а я ни слухом, ни духом?!

— А ты оттуда?

— А кто командует этим делом? Набрали уже, кто поедет.

— На два комбайна точно набрали. Мы с Саней Киреевым, что на нефтебазе был и Саня ещё с комбайнового цеха штурманом у Николая из цеха УАЗ. Больше не слышал.

— Хорошо, Петя. Разбирай. Сейчас принесу материал и наряд выпишу. Спасибо!

— За шо? Как сделаю, скажешь.

— За информацию, Петя.

Я бегом к Александру Петровичу:

— Александр Петрович, прошу вас, отпустите меня на уборку. Ну, вот не знаю, как мне вас уговорить. Это моя родина, я там вырос, на уборке на СК-4 штурвальным ещё там работал. Комбайн знаю, как свои пять. Отпустите.

— Саша, присядь, — наливая из графина воду в стакан и смотря на меня удивлённо сверх очков, протянул мне стакан воды, — выпей, остынь.

— Спасибо, не хочу. Я на уборку хочу. Я остался колхозу должным, от колхоза учился, теперь нужно долг отдать.

— Ты посмотри только. А тут, что работать не нужно.

— Нужно, но там я больше пользы принесу. Александр Петрович, поговорите с главным, пока ещё не поздно.

— Похвально твоё рвение. Я подумаю. Ступай, в конце дня зайдешь.

— Спасибо, Петрович!

Я нашёл мужиков, которые, как и Петя собирались на уборку. Расспросил их, те, кто не первый раз ехали на уборку.

— Каждый год от нас работали три экипажа на «Колосах». Но один комбайн думали списывать. Если не списали, то тогда просись, поедешь с нами и штурвального только ищи, — ответил Саша из комбайнового цеха.

Уже что-то вырисовывалось. Если Петрович до вечера не решит, завтра с утра иду к главному или управляющему. Отпустят, я же не на курорты собираюсь.

В конце рабочего дня, постучав в дверь кабинета заместителя управляющего и не услышав отклика, тихонько открыл дверь и зайдя моча присел на ближний из стоявших в ряд стульев. Александр Петрович не поднял даже головы и не посмотрел, как обычно делает, сверху очков. Закончив писать, закрыл и отложил папку в сторону.

— Заявку писал на запчасти «Кировцам» в зерноград. Ну, что? Отстоял я тебя. Иван Николаевич кого-то туда уже наметил, но я смог уговорить. Учти и не подведи. Да и у главного наш правовед-адвокат просила сына взять штурвальным. Бойтся, что он без отца растёт и за лето разбалуетя совсем, тем более ему «Восход» купила. Возьмешь его к себе?

— Хорошо, Петрович. Возьму, конечно. Спасибо вам огромное. Не подведи!

На другой день я передал дела на время командировки тому, кого по приказу назначили подменить с совмеще-

нием должностей. Это был Петр Дубовской, начальник СПТО, обслуживавших «химиков», трактора «Райсельхозхимии», прикреплённой к нашей станции технического обслуживания тракторов (СТО Т).

Затем в конторе встретился со специалистом, решающей трудовые и другие спорные вопросы организации, адвокатом, если короче. Она была довольно молодой разведенной дамой, воспитывающей единственного сына.

— Я прошу тебя, Саша, можно так тебя называть? Спасибо! Так вот, я попрошу присмотреть за моим сыночком. Он разбалован, я сама виновата, жалела. Но из него нужно мужчину делать. Может там трудности его закалят.

— Постараюсь. Вы не беспокойтесь я присмотрю и наших мужиков попрошу, вместе-то глаз больше. Всё будет хорошо.

— Вот и ладненько. Когда вы едите? Он хотел на мотоцикле ехать, хоть я и отговаривала, а он ни в какую.

— Пусть едет, если права есть. А-то на уборке ГАИ будут везде и всюду стоять.

— Есть, есть.

— Ну, тогда пусть к половине восьмого подъезжает сюда. Мы все мотоциклами едем, двумя тяжелыми и у меня «Ява». Вот только флага не хватает для мотопробега.

Я был в приподнятом настроении. Вот чего мне не хватало, даже адреналин зашкаливает. В родное село поеду, в колхоз в котором работал до службы. Как много воспоминаний. Первая загонка в пахоте, первый прокос на комбайне, первые уроки езды на автомобиле — всё это было здесь, на моей малой, но такой дорогой сердцу родине.

Глава IX. Девичья тайна

Мы выехали от территории «Райсельхозтехника», как и договаривались утром около восьми часов. Дожидались Андрея, как я и предполагал. Хорошо ещё, что до обеда не спал. Думаю, что «вкиснет» мне с ним, он же, кроме столовой ложки ничего в руках не держал, сама мама признает, что разбаловала, это она, наверное, ещё мягко сказала. Если бы был сын не работницы администрации, можно было и по шеям заехать, а так — засадит, размышляя я.

К правлению колхоза мы приехали, когда было минут двадцать девятого. Нас ждал главный инженер Андрей Иванович, молодой специалист, сменивший того, при котором я работал. Он вкратце объяснил задачу, первостепенная из которых, как можно быстрее продефектовать комбайны, составить наброски дефектных ведомостей, а он завтра заедет и потом о дальнейшем поговорим.

— Самое главное чуть не забыл. В этом году вы будете опять в первой бригаде работать. Кто был, вот вы, вы тоже, — он указал на тех комбайнёров, кто в прошлом году участвовал в уборке, — знаете свои комбайны получше. А кто комбайнёром на третьем «Колосе» будет, я старого не вижу?

— Я буду, — ответил я инженеру.

— Хорошо, а вам нужно хорошенько посмотреть комбайн. У агронома были претензии к нему, много потерь и с ходовой частью были проблемы. Ну ремни и цепи — это само собой. Бригадир и механик, Николай Иванович там на месте помогут, общежитие в этом году хорошее вам выделили, жилой дом, кирпичный — красота, четыре комнаты. Ещё кого-то к вам подселим.

— Если можно, девушек, — пошутил Петя.

— Ладно бы вот он сказал, — инженер показал на Андрея, — он молодой или он, — указывая на меня, — а как вас зовут?

— Александром зовут. Я местный, отсюда в 75-м как уехал на службу в мае и вот уже шестой год пошёл, как не живу в Марьевке.

— А я только три года здесь, раньше в Латоново работал. Езжайте, обживайтесь. Сегодня и на вас обед заказали в бригадной столовой. У нас вкусно готовят.

— Да мы знаем это, — ответил за всех, кто бывал здесь уже на уборке Николай Петренко, — шикарные обеды у Марии Сергеевны и Клавдии Самойловны, по домашнему готовят.

— Не буду задерживать, поезжайте.

Мы приехали в знакомую, как бы и хранящую много тайн Камышовку. Я кроме того, что перед службой пару раз в клуб забегал на мотоцикле, когда гонял и всё. А что где и людей, кроме детворы с кем учился и кто был чуть старше или наоборот. От отца много был слышан о старом бригадире, слышал о директоре школы начальной и учителе в одном лице. Но в этом и ничего удивительного не было, я-то жил на центральной усадьбе, школа под боком, а вот те же камышовцы, кто в теплое время ездили на велосипедах в школу, а холодное на санях, лошадьми и потом трактором с прицепом возили. А когда интернат построили, стали зимой в нём жить.

Мы нашли в бригаде Ивана Семёновича. Он рассказал, где общежитие и рассказал вкратце что и как:

— Сейчас обживайтесь, размещайтесь. Приходите на обед, а после обеда можете и приступить к осмотру комбайнов. Да, ещё, чтобы вы знали, если нужно будет что-то в магазине взять вам и понимаю, что с деньгами пока могут быть проблемы, я скажу жене, чтобы она по списку отпускала под запись. Заработаете — отдадите. И с выпивкой не злоупотреблять, возьмёте под запись

к ужину, а утром «как штык» на работу. Прогулов не потерплю, уборка на носу, нужно форсировать упущенное.

Домик, в котором нам предстояло жить, располагался на трёхстороннем перекрёстке главной улицы Нижней, она так и называлась и улицы ведущей через мостик, мимо бригадной со столовой на машинный двор, где была выставлена техника и мастерские с ЗАВом. Тут же были склад ГСМ с автозаправкой, крытый ток и открытые площадки для временного хранения зерна. В Доме было четыре комнаты. В прихожей было решено пока не размещаться, очень неудобно, здесь складировали в основном вещи, пока не разберемся, что и куда. Прямо была комната, похожая на кухню. Я говорю неуверенно, потому что здесь ещё никто не жил, и какая предусмотрена планировка мы не знали. Но для спальни она была великовата. Но будущий хозяин разместит так, как захочет. Налево из прихожей была комната, выходявшая окнами на улицу и направо тоже самое, только по длине была ещё больше, чем предположительно кухня. Это точно был зал. Вот в этой комнате изъявили желание поселиться кроме меня, Николай со штурвальным Саней, ну и моего штурмана разместили, чтоб под надзором был. В предыдущей, хоть и проходной, но похожей на спальню, разместились Петя и его штурман Александр. Александру было около 30 лет, а остальным, включая и Петю, близкое к сороковнику.

Исходя из этого, мы с Андреем были молодёжным экипажем, хоть и разница была в 8 лет. Первым делом я распаковал магнитофон, который взял с собой, как самую нужную вещь. Я к нему так привык, как привыкают, что у твоих ног ежедневно трётся кот или, как кто-то не может без телевизора, даже если его не смотрит, тот целый день включен, так и я. Большие окна, состоящие из двух створок, открывались полностью. Я установил магнитофон на подоконник и включил, включил, конечно, громко.

Члены нашей бригады, что постарше, что-то бурчали, а Петя, когда я включил записи музыкальных хитов, бывших тогда в моде из Западной Германии Dschinghis Khan и заиграла их песня Samurai¹, начал подпевать припев ещё громче, чем магнитофон и тем самым сам определился с тем, кем он станет для меня и всех остальных, он стал Петей Самураем. А музыка группы «Чингисхан» начала разливать по улицам села, настораживая стариков. Они привыкли, если какая-то музыка, то автолавка могла приехать и кое-какой ходовой товар привести, в глубинке с этим ещё большие были проблемы, чем у нас в районном центре. Это были женские халаты, белё, галоши, тапочки, простая и дешёвая отечественная обувь, в которой хорошо на ферму ходить или на работу в полеводстве.

Ничего, скоро вся Камышовка заговорит о командировочных комбайнёрах из районного центра. А сегодня вечером ждите сюрприз, концерт под названием «Под моим окном». И что характерно, что многие могут подумать, что это из клуба музыка, но здание клуба располагалось метрах в двухстах, прямо напротив был установлен памятник погибшим во время ВОВ солдат, слева от него переулок выходит на улицу Верхнюю. На ней располагается начальная школа и медпункт. На нашей же, если двигаться назад по улице к центру, магазин, напротив клуб и рядом в запустении, уже не работающий детский садик. Подводя итог можно сказать, что село имеет три улицы, если сверху вниз, то Верхнюю, Нижнюю и за мостом Заречную. Огороды тех, кто живёт на правой стороне ул. Нижней и на Заречной сходятся с двух сторон к балке, вдоль которой имеется множество родников

¹ https://www.youtube.com/watch?v=_eV3dt1yebk

и прямо напротив клуба и дальше в сторону выезда имеется старый мелкий пруд, ниже, за селом огромный пруд, он был зарыблен, охраняем и с прилегающих сел района и с районного центра едут половить сюда рыбу. Выше за селом тоже есть небольшой пруд, но рыбы там меньше. Ловить раков ночами повадились сюда даже любители из соседней Ворошиловоградской (Луганской) области Украины.

Часто мы прихватывали ещё и пару часов после ужина, занимаясь ремонтом комбайнов. Мне повезло меньше всех, комбайн был основательно «убит», видимо из-за этого бывший комбайнёр не захотел на нём рубль зарабатывать в этом году. А для меня был ещё один шанс и испытать себя и получить дополнительный практический опыт, который в моей трудовой деятельности очень пригодится, это было бесспорно. Андрей старался выполнять всё, что я ему поручал, но делал это очень медленно, скорее всего не из-за лени, а потому что просто не привык к работе, для него всё было ново и он сто раз переспрашивал, отвлекал меня и я, еле сдерживая раздражение, терпеливо начинал ему объяснять. А как ещё, молодёжь нужно учить, как меня дед Павка, сосед учил, когда мы трактор в районной мастерской, где я сейчас работал, учил. Так у него было 4 класса образование за спиной, война, плен и, как было принято, наши лагеря за то, что «не пустил себе пулю в лоб, предпочтя плен». И потом более, чем двадцатилетний стаж работы на тракторах.

Николай Иванович, бригадный механик, проявлял к нам, командировочным уважение и не отделял своих от нас, отношение было практически равное, в крайнем случае мы не видели разницы. Помогал с запчастями, подсказывал, организовывал работу ремонтной бригады, если это требовало, сварщик, электрик, кузнец, слесари всегда были готовы помочь. Оказывал помощь

и инженер-технолог от моей службы СТО Т, записывал себе заявку, что было срочно нам достать и обещал через Александра Петровича достать и привезти. Иван Кружель ездил с водителем на «походке», как называли специальный автомобиль с оборудованием «Техпомощь».

Николай Иванович, видя, что мы хорошо продвинулись в плане ремонта, посоветовал:

— Вы бы, хотя бы после ужина на пруд сходили или съездили, карасей наловили, посидели с бутылочкой. Отдыхать тоже надо уметь. Отдых такой, что потом и настроение появится дальше в удовольствие работать. Я бы и сам сходил, пруд в огородах, сазан на донки берётся, а окунь-проглот и на голый крючок хватается, но до темна занят на работе.

— Так удочки не взяли с собой, — ответил Петро.

— Так я вам могу на прокат парочку дать, а потом, как домой съездите, привезёте свои. А вот, как через пару недель начнётся страда, тогда не порыбачишь.

— Когда к вам заехать за удочками, — заинтересовался предложением и я, — сегодня вы будете дома после ужина?

— Да, часов в семь вечера ещё буду, хозяйство управляю в это время.

— Мы заедем, да, Самурай!

— У-я!!! Са-му-рай, и-я, и-я! — ответил Петя словами хита Чингисхана, ему самому нравилось прозвище, которое я слету ему дал и оно, как клеем «Момент» к нему прилипло.

— Не знал, что самураи носят истинно русские имена.

— Петро чисто русский самурай, — ударяя Петю по плечу, пояснил я.

После ужина, Киреев отказался от рыбалки, сказал, что устал, поспит лучше. Андрей, пользуясь моментом, даже на ужин не пошёл, отпросился домой и погнал

на своём «Восходе», видимо дома девушка дождалась, дело молодое.

— Тётя Валя, мне литру водочки можно и лёгенького чего-нибудь, сырка и еще чего-нибудь, — забежав до закрытия в магазин, попросил завмага.

— Я думаю, что это курганцы не заходят. Дам, конечно, под запись. Решили чуть развеяться?

— На рыбалку. Спасибо!

— Да, постой! Как родители, мама так же в магазине работает? — спросила тётя Валя.

— Спасибо, хорошо. Нет, бросила торговлю. Лаборантом в школе работает, а отец кочегаром.

— Она у тебя мастерица на все руки, я у неё два платья заказывала. Сшила даже лучше фабричных. Привет ей, при случае.

— Спасибо, тётя Валя.

Мы заехали по пути на летние база тёлок-молодняка и под яслями, под кучами остатков грубых кормов, сена, соломы быстро набрали упитанных червей. Выбрали место для рыбалки навскидку, где была замечательная поляна. Расположившись вчетвером в тесном кругу и пропустив для настроения по сто грамм, принялись рыбалить.

Я забыл, когда вообще последний раз рыбалил, но такие навыки вспоминаются быстро, как умение плавать и ездить на велосипеде. Окунь клевал, не так вяло, как тот же сазан, а стремительно заглатывая наживку молниеносно топил поплавок, зачастую вытаскивались сразу на обеих крючках. Жадная рыба, хищник, одним словом. Окунь ловился в основном не крупный, с ладонь и чуть крупнее. Но главное было для нас — азарт, адреналин в крови и это мы получили сполна. Я сразу вспомнил рыбалку у АЭС в Сосновом Бору, что было без малого год назад и, конечно, цепочкой потянулись воспоминания, связанные с этим.

— Хорош Вам! — крикнул Николай, вы, что рыбу приехали ловить? Культурно отдыхать мы приехали, бегом к столу, водка стынет.

Вот это и спасло меня от грустных воспоминаний. Мы, предусмотрительно положив уды на сушу, чтобы рыба не утащила, всё может быть, а удочки-то отдавать нужно будет.

Выпили, закусили, закурили. Жара спадали и у воды было свежо и приятно в этот летний вечер. Видимо, прочитав в моих глазах лёгкую грусть, Николай спросил:

— Саня, ведь ты же почти местный, что вот тут нет у тебя ни одной девушки? Вот за нами через перекрёсток точно знаю, во втором доме живут сёстры, одна, кажется, только школу окончила, а другая, старшая уже в том году приезжала на каникулы, учится где-то в Ростове. Да и напротив нас, там Егор Павлович живёт, рядом с клубом хата, трактористом работает, тоже помню, что у них дети все девчата, но старшие замужем, а меньшей не видно, скорее всего тоже учится где-то. Обычно молодёжь на выходные съезжается в села. А ты, как бирюк тот зарылся, не бреешься, бородищу рыжую отпустил. Ты на нас не смотри, мы все женатые и дети есть. Вот и Саня, сказал, что сбреет на днях, если я правильно понял, скажи Саня, скоро должен ребёнок родиться?

— Пока молчит. Я дал ей и матери телефон медпункта здешнего и бригадира, если что, позвонят.

— Вот, видишь, один ты, смотреть больно бывает, втюрился своими «бениками» в железки, а следовало бы на девчат. Деревенские девчата славные, с городскими не сравнить. Петя, а твоя тоже из деревни?

— Ну, а откуда же! Коммунистка чёртова!

Мы все засмеялись.

— Как это ты скрестил несовместимое? — спросил Николай.

— Да, просто, — начал оживать и я, — сейчас анекдот на эту тему.

«Значит умер наш вождь. Бог и думает, куда его поместить. С одной стороны он же безбожник, но с другой стороны великий человек. Ну, да ладно, я же всё решаю, Всевышний ведь и поместил его в рай.

Проходит время, прилетают добрые Ангелы и просят:

— Боже, спаси и сохрани! Спасу нет нам от раба Божьего Владимира, то митинги устраивает, то восстание готовит и грозитя «всех к стенке, расстрелять, повесить!» Всевышний, прими меры, он наш рай в ад превратил.

— Хорошо. Позовите чёрта. Чёрт, бери его не перевоспитание.

— С превеликим удовольствием, — с кровавым оскалом улыбнулся чёрт, — через неделю не узнаете.

Проходит неделя, а чёрта с докладом нет. Явился Бог в ад и видит такую картину: кругом лозунги, кумачовые флаги, призывы. Видит чёрт идёт с папкой под мышкой.

— Чёрт, что у тебя тут происходит?

— Не чёрт, я, уважаемый, а товарищ чёрт и иду я на партийное собрание...»

— Вот и скрестили несовместимое, — я подытожил выводом анекдот, — так а чем, японского рыцаря не устраивает жена-коммунистка?

— Ну, подумайте сами, если я ложусь с ней в постель и, естественно её имею, то это получается, что я партию имею? Мне могут и статью пришить, — с серьёзным видом выдал ответ Петя.

Мы закатывались от смеха и благо, что травка была мягкой и кататься на ней было одно удовольствие, а если ещё и с девушкой... «Фу, ты! — подумал я, — это слова Николая возымели действие в моей ранимой психике».

— Братцы, я хоть и самый молодой из вас и не из-за зазнайства ради, что когда-то учился в институте и ум-

ничаю, хочу сказать, давайте выпьем за совместимость: совместимость партийных и беспартийных, чтобы поощряли и наказывали всех одинаково, вне зависимости, имеешь ты партбилет в кармане или нет; за совместимость по любви, чтобы не было несчастных семей и не рождались дети, при живом отце не знавшие о его существовании; за совместимость выполненного труда и оплаты за него; за нашу совместную дружбу, несмотря на разницу в возрасте — за совместимость!

— Ты откуда взял этот тост, никогда не слышал, — удивлённо спросил Саня, до этого не вмешивавшийся в наш разговор.

— Сам не знаю, вот так в разговоре и родился, можете считать меня его автором, — я заулыбался и все согласились, отдав за тост голос звоном стаканов.

Но прав же был Николай Иванович, что два лишних часа работы «погоды не сделают», а вот два часа отдыха на природе — это, я вам скажу, сказка, но без участия представительниц женского пола, чисто мужской пикник. Вот после такого-то отдыха можно и дискотеку организовать с посиделками, вот только с кем, когда видеть никого из тех, кому предписано носить юбки, а они стали носить всё, что им хочется, мне не хотелось. Но, всё же, толи отдых на природе с рюмочкой повлияли, толи упрёки самого старшего из нас, но я включил по привычке музыку на подоконнике открытого окна и вышел на улицу. Был тихий вечер, коров уже прогнали и хозяйки уже их подоили, загнали немногочисленную сельскую детвору по домам и наступила бы тишина, если бы я её не нарушил, установив бобину с записями диско-группы Boney M на магнитофон.

Глянул налево — никого, глянул направо — кто-то сидел на лавочке у второго дома за перекрёстком под свисающими из-за ограды ветвями сирени, из-за чего лица было не разглядеть сидела, судя по фигуре девушка. Ни-

колай всё знает, если бы сам не сказал, что семьянин, можно было подумать, что он старый ловелас. А, что я теряю, если пройдусь направо до конца улицы и вернусь не позже, чем через десять минут? Да ничего страшного, что меня тут сглазят вот такого лохматого с приличной уже рыже-каштановой бородой, которую я к началу жатвы собирался сбрить, а насчёт кудрей ещё не решил, из головы не выходили, слова, прозвище, которое мне дала Таня — Кудряшка. Господь наделил нас с братом Виктором такими волосами, но у брата волос был светлый и менее вьющийся, а у меня каштанового цвета.

Меня тут таким и не узнают, кто мог знать более пяти лет назад, а вернее и все десять, если брать время обучение в Марьевской школе, где могли обучаться и те, что не разбежались по городам, а остались в селе. Да, кстати, уже на второй день я встретил Сашу Ганшина, бывшего киномеханика, он после одного года службы в армии женился и у него уже было двое или трое детей, лично я видел двоих «басурманов», которые, хоть им и было 2—3 года всего, старались помочь отцу в ремонте комбайна, который он готовил также к жатве. До этого работал на тракторе Т-150К в бригаде. Вот у него были кудри на зависть девочкам, но увы, он давно женат и обзавёлся детками. И судя по теории вероятности, дома должен быть ещё один ребёнок, мальчик или девочка. Думаю, что это девочка. Завтра, как не забуду, спрошу.

Я поравнялся почти со скамьёй, закреплённой к забору слева от калитки, но из-за того, что было уже довольно темно, никак не мог узнать сидевшую девушку. Я даже остановился, всматриваясь с напряжением глаз и, если бы она, хотя бы вышла из-под тени кустов, может быть я смог рассмотреть её лицо. Подойти не решился и повернувшись, решил продолжить свой путь по намеченному маршруту.

— Саша, неужели я такая страшная, что напугала тебя? Почему ты убегаешь? Не подойдешь, тебе не интересно? Сколько мы лет не виделись? Шесть или семь лет назад.

Какой знакомый голос, который я давно не слышал. Но мне действительно стало интересно, кто это был. Я сошел с дороги на пробитую по спорышу тропинку к калитке и подойдя почти впритык, узнал.

— Тоня, это ты?! Да давно не виделись, ещё в школе помню тебя с косой.

— Да, ты учился в институте и зимой, у тебя после сессии были каникулы, ты заходил в наш 8-й класс. Но тебя же тогда Люба интересовала, на меня и не смотрел. А ты мне нравился, очень нравился. О, Боже, даже волосы, как тогда были, такие же волнистые, красивые. А почему ты с бородой? Траур?

— Можно и так сказать. А ты здесь живёшь?

— Да, вот приехала к родителям. Окончила экономический в Ростове. Мою меньшую видел, Свету, а ты её не можешь помнить, она младше на два года. Она на всовой сейчас, учится, на каникулы приехала. Скоро уборка и её взяли помощницей, пока. Ну, как ты?

— Вот так, как видишь.

— Да я, из-за приличия спросила. Я всё о тебе знаю и что институт бросил, и что на флоте подводником служил, и что в отпуск приезжал, всё знаю.

— Мне только однажды мать писала, когда я служил, что ты интересовалась у неё в магазине, как я.

— Да, если бы ещё года два назад мы вот так встретились, я бы набросилась на тебя, уцепилась и тигрицей бы от всех оберегала, никому не позволила бы дотронуться, чтобы был мой и только мой. А теперь и не знаю даже. Не скажу, что ты меня совсем не волнуешь, волнуешь, конечно, но не так, как тогда и все годы, лет пять точно ждала, как от Бога погоды. А теперь

все перекипело, выкипело и запеклось, душа перегорела в пепел.

— Ты так изменилась, Тоня. Как я помню, ты была с длинной косой, улыбалась, такая скромная, а теперь такая бойкая и «палец в рот не клади».

— Ну, да! Зато тогда Люба была бойкой и где она?

— Где она? Я не знаю.

— Замужем давно уже. Уже и сына родила, не слышал.

— Как-то не интересовался.

— А, что так?

— Другие интересовали, но и их тоже нет. Прости, чего-то я перед тобой, чуть ли не плачусь. Просто ты со мной откровенна, и я хочу быть таковым.

— Ну и правильно. Отстеснялись уже. Вот так и счастье мимо проходит, а мы рот себе закрываем, чтобы не дай Бог и... оно проходит, конечно, его же никто не окликнул.

— Ты права, Тоня. Вот я уже столько и так себя проклиная, что сделал непоправимую ошибку, а вернуть назад уже невозможно ничего.

— Это ты о чём?

— Да, не важно, не хочу об этом, ты тут не причём, извини. Возможно, ты ждала другой ответ, но я никогда практически не вру, ненавижу враньё, а не сказать, что-то или утаить — это же не враньё. Это касается моих отношений с другим человеком. А ты молодая и красивая, а фигура, что у балерины. Тебя может не кормят.

— Саша, не смейся. Слежу за собой, это да. А по поводу того, что молодая, мне уже 22 года...

— Тоня, только 22 года.

— Вы в таком возрасте, как ты сейчас, возмужавшие, в самом соку, а мы в 20 лет уже никому не нужны, старушки.

— Да, ладно тебе. Всё ещё сложится и будешь счастлива, как и я, как и все должны быть счастливы.

Послышались шаги, и мы оба обернулись. Открылась калитка и перед нами появилась пухленькая блондинка с прямым длинным волосом, в платье и кофте, брошенной на плечи.

— Здравсьте! — бросила в нашу сторону, закрывая калитку блондинка.

— Свет, ты куда?

— А вам чего? Вы же тут вот хорошо сидите, а я пойду к Ольке, у неё на лавке посидим. Музон послушаем, в клубе крутят что ли «крутяк»?

— Это Света, моя меньшая, в прошлом году школу окончила и в педагогическое училище поступила. Слышно по разговору, что будущий педагог?

Я, поняв, к чему сказала Тоня и заулыбался.

— Молодёжь же сейчас не в ВУЗах больше учатся всему, а в общежитии, при общении со сверстниками. Хочется нравиться, быть помоднее, изысканнее, хорошо, что не матом ещё посылают, — продолжил мысль вслух, смотря в глаза Тоне.

— Ой, если не выйдет замуж, мама с ней наплачется. А, правда, кто там музыку крутит, не знаешь? Сама хотела пойти глянуть, хоть куда мне уже, старушке.

— Знаю, но не скажу.

— Вот ты какой. А куда ты шёл или к кому? Там из молодёжи в той стороне одна Ира живёт, одноклассница Светы и Оли. Каждый выбрал свой путь после школы, но в институт никто не поступил. Так к кому ты шёл, если не секрет?

— Секрет, но я его тебе открою — шёл на восток, чтобы самому первому в селе встретить зарю.

— Шутник, там же у нас кладбище.

— Да?! Буду знать и завтра значит пойду в ту сторону, — показал на запад вдоль улицы, — провожать закат.

— Всё так, если бы было с кем. Я так поняла, что тоже не с кем.

— Честностью за честность скажу — и нет желания кого-то искать.

— Вот у меня почти такое же, но я для себя всё уже решила. Нужно действовать по плану и решительно. Иначе — беда. Я решила, диплом свеженький, поздравь, всего неделю назад, как получила, поставила цель и добьюсь её, во чтобы-то не стало.

— Поздравляю, Тоня!

— Я поеду в Севастополь. Там много военных моряков. Выйду замуж только за военного.

— Тоня, но жить-то придется не со звёздами на погонах, а с человеком.

— Это дело второе, главное, чтобы был военным. Это железно, как гадалка нагадала.

— У меня и слов нет, такой прагматизм от тебя исходит, что даже страшно становится.

— Не бойся, как у вас говорят, «матрос ребёнка не обидит»?

— Ты и это знаешь?

— Так я же готовлюсь, в город моряков еду.

— Удачи тебе! Город, конечно, неповторимый, славный город.

— А в вашем «доме женихов» нет случайно для меня кого-то подходящего?

— Вот для тебя точно нет. Есть один, но он даже для твоей сестры ещё молод, зелёный совсем, «необстрелянный».

— Может мне его «обстрелять»?

— Думаю, что ты пошутила?

— Ну конечно, Саша, я же не роковая женщина и не стерва какая-нибудь, просто несчастная старая дева, вот и всё. Хорошо, что я тебя встретила, душу отвела.

— Спасибо тебе! Я тоже. И молодость вспомнил, нашу школу. Ты тогда в интернате жила, когда я вечерами приходил на свидания, а моя тетя, ваша нянечка меня великим гоняла?

— Была, конечно. Любка тогда психовала, рвалась, хотела через окно убежать раздетая, а мороз какой был. Дура. А почему у тебя с ней ничего не получилось? Она же на лицо смазливая была, даже лучше меня?

— Ты сама на этот вопрос ответила, когда обозвала за её истерики. Давай не будем об этом. Это было так давно и неправда.

— Мне дуре, видишь, я себя тоже так называю, надо было тогда тебя отбить. Я-то думала, что у вас по-настоящему всё. А она, как говорят: «И сама не дам, и другому не дам». Ну, да, ладно, что прошло, то не воротись. Как твой брат, хоть он женился?

— Ты о старшем или меньшем?

— Я старшего не знала. Я за Витю, который в магазине торговал. Ой и юморист он, не передать. Его, кажется, Никулиным даже прозвали из-за этого? Так он нас, девчонок, когда прибегали на большом перерыве, булочки купить или лимонада, а он на весь магазин:

«Девки, налетай! Подешевело! Почти бесплатно: рубль — штучка, два — кучка! Заходите, меряйте!»

И потом доставал откуда-то из ящика женские рейтузы 64 размера. Мы с визгом из магазина вываливались, сбивая друг друга и покупателей, а он закатывался.

— Это он мог, конечно. Что-то ему совсем не везёт. Он по натуре ж добродушный и щедрый очень, бабы это быстро понимают и начинают просто «доить», а потом бросают. А душой он, конечно, золотой, я и близко в этом ему не ровня.

— Серьёзно? Я бы так не сказала.

— Тоня, а откуда тебе было узнать? Мы же не встречались, а-то, что могли обо мне говорить люди, всему же

верить разве можно. Я уже и себе опасаюсь верить до конца, боюсь сам себя предать. Во, как.

— Рассмешил. Что и такое возможно?

— Конечно! Ты думаешь, если ты исполнишь свой план, то это не будет предательство себя, если нет чувств, нет любви, а есть простое механическое, как у робота желание, выйти замуж, поставить штамп в паспорте, пока там кто-то не сделал особую отметку «старая дева!» Извини меня, Тоня, пожалуйста, за прямоту. Я вот такой дурной всегда и не лечусь. Не знаешь знакомого доктора?

— Знаю! Давай, полечу!

Тоня стала наклоняться ко мне, у меня заколотилось сердце, но хорошо, что мы сегодня понемногу выпили и память была светлая, я не поддавался на мимолётные эмоции. И, когда её губы начинали уже касаться моих, а по телу пробежала мелкая дрожь и я, чуть не поддался на ещё один неверный шаг, после чего степень моей вины нужно было бы возводить в степень, вторую или даже третью. Я резко увернулся, как это делают боксёры и в следующий момент её частое дыхание уже ощущал у своего уха, а её груди, амортизируя, как при резком торможении автомобиля, задавая ему раскачку, застыли на моей груди.

— Не нужно, Тоня! Мы оба потом об этом пожалеем. Давай будем оставаться честными и друзьями до конца. Верю, что твоя любовь, если ты это рассказала честно, а мне в твоей честности даже сомневаться грешно, согрела меня в те минуты, когда я замерзал, помогала преодолевать те трудности, которые предо мной не раз вставали за все эти годы, я этого не знал и подумать не мог даже, но верю, что это так и было. Это было так, потому что ты думала обо мне, думало о хорошем, желала всего хорошего и благодаря, этому благодаря тому, что обо мне всегда думали и молились дорогие мне люди, меня хранил Господь и оберегал. Ты сама сказала, что «перегорел»

ла», а-то, что перегорело, того вновь не раздуть, хоть кузнечным горном дуй — бесполезно.

— Не обижайся, Саша, я вот сейчас перед тобой пыталась такой гордой и независимой казаться, сильной и самостоятельной, а что там на душе у меня на самом деле, лучше и не знать.

— Вот и не нужно теребить старые раны, она снова могут кровоточить и пуще прежнего. Это я тоже знаю. Дай мне руку.

— Какую?

— Какую дашь, ту и пожму.

— А я губу раскатала — «дай руку»...

Я поцеловал ей руку:

— Спасибо тебе за откровенность! Спасибо, Тоня, за этот вечер! Возможно, он тебе принёс только душевную боль, а для меня он многое значит. Я не знал, что мне нужно было. Теперь точно знаю, что. Хочешь этим с тобой поделюсь?!

— Если секрет, то не нужно

— Нет, это не секрет. Тоня, просто нужно жить. Нужно жить так, как мы умеем. Нужно жить и верить в счастье, которое обязательно будет, только где-то заплутало, дороги никак не найдёт, но это пока. Жить по плану, как ты думаешь можно и, нужно. Но при этом хорошо, если разум, составивший этот план, не вступает в противоречие с душой, не говорит твоему сердцу: «Встречай! Это твоё счастье, это твоя любовь!», нет, должно быть всё наоборот, сердце давать команду разуму на совершение поступков. Я так думаю, Тоня. Ты можешь со мной не соглашаться, это твоё право. Люди не могут все мыслить одинаково, чувствовать одинаково, понимать окружающий мир и подходить к оценке всего одними и теми же мерилками «эталонами». У каждого они разные, как и желания и понимание счастья. Мы сегодня устроили небольшой пикничок, чисто мужской и у меня при этом

родился тост. Он звучит так — «За совместимость!» И я и ты, мы оба понимаем, что не стоит пытаться совместить то, что раньше было возможно, а на данном этапе уже нельзя совместить. Если поезд уже ушёл, то сесть можно, разве на рельсу или как Анна Каренина, но кому это нужно?

— Ох и наговорил. Но, наверное, ты прав. Ты извини, что-то и правда я расслабилась.

— Это потому, что ты долго держалась сильной, а напряжение душевное было высокое, потому и не сдержалась. Я понимаю. Другой мог, наоборот, воспользоваться такой ситуацией в своих целях, не совсем благородных, но это не обо мне. Нельзя пользоваться даже временной сиюминутной женской слабостью — больно может потом отозваться, до конца жизни совесть будет мучить, если она есть, конечно.

— Ой, Саша, ты хоть с плеча со своего не гони, дай мне побыть хоть минутку слабой на сильном мужском плече. Какое это счастье, ощущать сильное мужское плечо. Тогда и женщина более женственной становится, нежной и желанной и любимой, так как ей не нужно быть сильной, у неё есть защитник, есть тот, кто может всегда постоять, не дать в обиду, тот, кто будет просто любить.

— Будет и у тебя это и у меня. Будем верить и ждать. Я его где-только не искал это счастье, казалось нашёл, а может и нашёл, но также быстро и потерял, опять нашёл — потерял. Может мне где-то чего-то зашить, чтоб не терять? А может быть то счастье не там искал, может быть оно рядом, вот, например, в том домике живёт и тоже мечтает о своем счастье, мы просто не можем встретиться и это пока. Так и у тебя, нужно к сердцу прислушиваться, а одним разумом напролом идти. Ёкнуло сердце, осмотрись, оно чувствует, хоть и глаз нет. Хорошо, когда оно и с головой находит общий язык

и душа от выходов разума не страдает. Вот встретимся вот как-нибудь, не знаю даже где, и ты скажешь: «Знаешь, Саша, ты был прав. Встретила я своего принца — он военный, но я его люблю больше жизни и мне всё равно сколько и какого размера у него звёзды на погонах». И я только рад буду за тебя.

— Ой, я прям убаюкиваюсь от твоих слов. «Твои бы слова, да Богу в уши», — как говорят.

— Дай мне руку. Да, не эту, другую. Эту ты мне уже давала.

Я ещё раз поцеловал Тоне руку, аккуратно поданную мне, затем взял в свою и не по-мужски, а легонько сжав, пожелал:

— Будь счастлива! Ты этого заслужила.

— Взаимно, Саша, счастья тебе!

Я поднялся, отпустил её руку, посмотрел в грустные глаза, улыбнулся по-доброму и поймал в слабом свете от фонаря на столбе у клуба её милую улыбку. Музыка на «дискотеке» давно не играла. На лавке, установленной под топодем напротив нашего общежития, гоготала молодежь. «Счастливые, им завтра можно спать, кто-то на каникулах и кому-то, как мне на работу не идти. А мои «архаровцы» и цвет потушили уже. Сейчас начну кастрюлями греметь или случайно на кого-то наступлю.

Стараясь никого и ничего не задеть, не включая свет, ориентируясь на слабый свет окна, прошел к своей кровати. Разделся и лег на кровать у самого окна, выходящего фасада здания на улицу. Оттуда доносились слабые звуки голосов и смех, задорный молодёжный смех, который, как правило мог быть причиной чего угодно. Молодость тем и хороша, что все в радость, молодой человек не закомплексован проблемами бытия, семейными различными, хозяйственными и прочими, что могут отвлекать от этой радости жизни. Большею частью слышны были голоса девушек, обычно они обсуждают

поведение парней и смеются над глупым их поведением или виновником этого смеха мог быть какой-то парень, который развлекал их, рассказывал занимательные истории, анекдоты, стараясь привлечь к себе внимание всех присутствующих, понравиться и возможно, кто-то из этих девчонок, которые так мило смеются от его шуток и прибауток, захочет, чтобы он всё это говорил только ей и ни при всех, как сейчас, а где-то в укромном тихом месте, где нет чужих глаз и ушей и им никто не сможет помешать предаваться всем прелестям интимной обстановки и возможностей очень близкого контакта на их первом или очередном свидании.

Больше других был слышен голос Светы, сестры Тони, он был характерный и тем отличителен от других, это был не детский, а давно вышедший из категории сопрано в более низкую категорию, и ещё её выдавала манера говорить утвердительно, если она была военнотружашая, то я бы сказал, что она отработывает «командный голос». Видимо она была в той, невидимой мной горстке заводилой или, как говорят «зажигалочкой».

Я отвлекся от мыслей от обсуждения полуночников и вспомнив признания Тони, подумал, какой таинственной всё же может быть девичья душа. У парней, по моему, это качество, если и присутствует у кого-то, то значительно реже. Парни обычно, наоборот, любят хвастать своими подвигами на «любовном фронте». А она, даже подругам о своей тайне не говорила. Если бы сказала «по секрету», то через день другой знали бы все, включая субъекта, по коему издавала ночами, при воспоминании томные вздохи, уткнувшись в заплаканную подушку.

Хорошая она девушка, надежная, будет кому-то верной женой, даже, если не будет мужа любить, но нарожает ему детей и будет прекрасной матерью. Везения тебе, Тоня, в осуществлении своих «наполеоновских» планов и счастья!

Я посмотрел через окно на звёздное небо северного полушария, быстро определил Малую Медведицу по яркой Полярной звезде и Большую, осмотрел всё звёздное небо в поле моего зрения через окно и невольно задумался о том, что где-то там и моя звёздочка, определяющая мою судьбу. Какая она? Думаю, что самая красивая из всех. Будет она с длинной косой или короткой стрижкой, одета в пальто или лёгкое летнее платье, будет она одна или в людской толпе — я непременно её узнаю, потому что это моя судьба.

Часть пятая. Судьба



Глава I. Моя судьба

Заканчивался июнь месяц. Комбайны СК-5 «Нива» Ганшина Александра и Валерия Бабкина, выполнив обкосы полей зерновых культур, а сосед наш по общежитию за перекрёстком справа, а от Тониных родителей слева, Иван Овчаров, всегда улыбающийся мужичек лет сорока, участвовавший на уборке в пожарном звене на тракторе произвёл опашку этих полей. И теперь комбайны гудели в поле до поздней ночи, скашивая посевы, для доведения зерна из фазы восковой зрелости в фазу полной зрелости и возможности убирать просохшие под жарким солнцем валки. Этот процесс раздельной уборки, хоть более сложный технологически, но собранное зерно получалось более качественное, чем то, что убиралось «с корня» прямым комбайнированием.

Мы заканчивали подготовку своих комбайнов к уборке комбайнов к подбору валков. Собственно комбайны были готовы, оставалось присоединить и настроить подборщики. И со дня на день «в бой за орденами». Штурвальный мой, Андрей как бы втянулся в работу по ремонту, а какая предстоит работа в поле он и представления не имел.

У Саши Киреева родился сын и он на сутки ездил домой. Приехал он ближе к вечеру попутными машинами. А по приезду, естественно мы, расспросив, как и что, ну и, как полагается потребовали проставиться, «обмыть» сына, которого назвали Евгением, чтобы рос здоровым богатырём и за здоровье кормилицы. Он сказал, что или не стал тащить из дому, дал деньги. Оставалось минут десять-пятнадцать до закрытия магазина.

— Ты бы ещё дольше kota за хвост тянул. А теперь, что? Не успеем, придётся у бабок самогон искать? — негодовал Самурай.

— Мужики, ну завтра отметим, какая разница? — отвечал Александр.

— Ага, ты умри сегодня, а я завтра, — продолжал доставать виновника торжества Петро.

— Время идёт. Давай сюда деньги, — я не выдержал такой нерешительности, привычно, как по трапу в рубке подводной лодки мигом поднялся на капитанский мостик степного корабля и громко закричал:

— От винта!

Мужики быстро рассыпались по сторонам от комбайна с резво взревевшим мотором. Ведущие колёса сделав с характерным звуком пробуксовку на месте, подняв пыль, резво сорвался с места, пустив, при трогании дымок, выкатил на дорогу и вскоре от меня след простыл, не считая характерных лунок от пробуксовки мощных колёс с крупными почвозацепами. Подъезжая к магазину, увидел тётю Валю, державшую в руках замок с ключами.

Зачем я сделал то, что сделал, я до сих пор не понимаю, видимо в азарте. Не притормаживая и лишь частично сбавив «крейсерскую скорость» в 20 км/час, с учётом 12 метров длины с подборщиком захватом 4 метра и массой в 10 тонн — это бомба, я сделал резкий разворот между магазином и клубом, от чего комбайн накренился под действием центробежных сил на правый бок и мне казалось, что левое ходовое колесо сейчас оторвётся от земли, жатка подборщика «клюнула» на амортизаторах» к земле и скосила два-три куста жасмина, растущих перед клубом в качестве «живой изгороди». Остановив комбайн по ходу в обратном направлении, я с широкой улыбкой, как у первого космонавта, совершившего свой первый в мире полет, спрыгнул с мостика таким же Макаром, как и на подводной лодке, направился к опешившей заведующей, которая стояла неподвижно с открытым ртом.

— Здравствуйте, тётя Валя! Извините спешил, чтоб успеть.

— «Спешить — людей смешить», так же или самому без головы можно остаться или кого придавить можно. Разве можно так? — возмушалась женщина.

— Вы, это, Ивану Семёновичу об этом не говорите, пожалуйста, а на мой счёт запишите шоколадку — это вам.

— И всё? И ничего не возьмешь, только оставил зайкой женщину?

— У нашего товарища сын родился. Выручайте, нужно же «обмыть».

— Ну, если не врешь, то конечно, пошли.

Я, подумав, что две мало, четыре — много, а три будет в самый раз, из-за того, что завтра ответственный день, опробовать будем все механизмы, где нужно регулировать и настраивать на убираемую культуру. Это важно, потому что от этого зависит во многом будут после прохода комбайна, при подборе валка допустимые или недопустимые потери.

— Да и можете две шоколадки записать или, мужик всё-таки родился, запишите на меня, что вам больше нравится, вино или беленькую. Спасибо, тётя Валя!

— Пожалуйста сумасшедший! Когда бороду сбреешь? Парень, как парень, а с бородой, что басмач.

— Когда меня какая-нибудь девушка полюбит, я сниму траур или, если не вмоготу будет в уборку от ячменной пыли.

— Ну и что у нас нет девчат? Моя вот на выдане, у Босухиных обе не замужем, это только в том кутку, а с этого края ещё, да и с Верхней улицы сёстры Малаховы. А ты говоришь, девчат нет. Это женихов нет. Приезжают командировочные или старые, женатые и с детьми, а прикидываются женихами, особенно водители. Вот скоро налетят, как грачи. Их в клубе в зале хотят прям разме-

стить, муж сегодня говорил. А ты в клуб приходи, может там и встретишь свою любовь.

— Так вы же сказали, что командировочные там будут. Они будут через боковую дверь ходить, через выход из кино, а тут библиотека и магнитофон, «живой, правда нет музыки и бильярд есть. Ты, шо, не зал?

— Да я никогда и не был в нём, ни раньше, ни сейчас. Мы, если раньше заканчиваем, бежим на пруд, посидеть с удочкой или вообще в общаге сидим. Спасибо, что подсказали. Придём с мужиками сегодня шары погоняем.

Ещё раз поблагодарив хозяйку магазина, прижимая бутылки к себе одной рукой, взбежал по трапу и двинулся в обратный путь, уже степенно, без рёва мотора и писка барабанного тормоза, от которого толку, «как от козла молока». Мужики меня встречали, но не так уж и радостно. Кто-то проезжал по улице на мотоцикле и видел мои виражи, приехал и моим всё рассказал. Больше всех меня отчитывал Николай:

— Был бы это Андрей, было бы простительно, но ты, 25 лет, дети в яйцах пишат давно, а сам, как малый ребёнок. А, если бы...

— Не если бы, Николай Григорьевич, всё под контролем. Не видел ты, что я на практике с Т-4 делал. Он у меня, как танк под водой проходил. А тут какой-то комбайн. Если что, то я могу и спокойно, не на комбайне, взять и отнести всё назад. Мы бы не успели. Тётя Валя передо мной зарывала. Так, что нести? Ей домой отнесу, сюда ближе. А?

Вмешался Саша Киреев:

— Ну, что вы, всё хорошо же. Ну и слава Богу. Ты, хоть литру взял или одну, чтоб губы помазать?

— Чекушку я взял, и-то последняя была...

Послышались недовольное гудение. Мужики, повернувшись отходили к своим комбайнам.

— Да, ладно вам, всё нормально, — успокоил братву,

спускаясь с тем, что ждали все, как «ждёт невеста жениха», — уже и пошутить нельзя.

— Ты так больше не шути, харакири сделаю, не себе — тебе, — высказал своё мнение Самурай.

— Вы только харакири можете делать, а головой слабо подумать, — начинал давать и я ответ, — время сколько? Ужин на носу, а это решает все проблемы. Берём одну или две бутылки и идём ужинать. Решается вопрос с закуской и посидим культурно, только пусть чуть рассосутся в столовке, чтоб нас не подгоняли.

— Этому тебя тоже в институте учили? — спросил, обычно молчаливый Александр Киреев.

— А я собирался сегодня на ночь домой уехать, — засомневался Александр, который Гусев.

— Летите голуби, а гуси вслед за ними, — посмеялся Петя Самурай, — езжай, нам больше достанется.

— Не, ну правда, уборка начнётся, тогда не оторвусь, а жена...

— ..., а жена найдёт себе другого, вот мать сыночка никогда..., слышал, тёзка, такую песню, — обратился я с «подколом» к Лебедеву.

— Да, ну, вас! Хотите, оставьте, а не оставите — плакать не буду.

— Представляю я Сашу, который плачет. Тише Сашенька не плачь, будешь мокрым, одень плащ..., — всё подтрунивал Сашу, мужика весом килограмм под 90, пожалуй, Петро, его комбайнёр.

— Ладно, езжай с Богом или поужинаешь с нами, — спросил Николай, уходящего от нас примерного семьянина.

— Ну, что, рассосались?! Пошли, Евгения Александровича «обмоем», — оживился сам виновник торжества.

— Э, виновник, не забудь, что тётя Валя всё на меня записала и «магарыч» пришлось ей тоже поставить. Учти, при расчёте.

— Ладно, разберёмся потом, — ответил Саня, — пошли, а то ужин холодным будет.

Собирались на одной «беленькой» сначала остановиться, по полстаканчика на четверых и покушать, но..., вторая-то была с нами и «глаза мулила».

— А, была-не была, «коль пошла такая пьянка, режь последний огурец», — махнув наотмашь рукой, высказал всеобщее пожелание Николай, — разливай, — подсовывая стаканы к Александру, крикнул, предчувствуя удовольствие, которое только предстоит ощутить.

— А, что это вы сегодня отмечаете? — высунув голову из окна раздачи к нам на улицу, где в палисаднике были установлены два длинных, метра по три, сбитых из досок обеденных стола, спросила Мария Сергеевна, кухарка.

— Казака обмываем. У Сани сын родился.

— Так у вас их аж три Сани-то. У этого, молодого, кудряво-бородатого? — не поняла, о ком мы говорили и была права.

— Нет, у Киреева, — Петя похлопал по спине виновника, а тот чуть не поперхнулся едой.

— Поздравляю! — обратилась к виновнику торжества Сергеевна.

— Может и вы с нами 100 грамм, — опомнился Саша.

— Нет, хлопцы, спасибо! Нам сейчас тоже с Александром на дежурной машине ужин комбайнерам в поле везти. Они допоздна косят. Покушаете, миски в окошко составите и прикроете, чтоб кошки не влезли. Вот и наш кавалер подъехал, поехали мы.

— Счастливо! Спасибо за ужин, Мария Сергеевна и Клавдии Самойловне от нас тоже! Вкусно всегда готовите. Дома такого не всегда поешь, — благодарил за всех нас, Николай.

— А ты знаешь почему, Коля? Дома у тебя всегда борщ с мясом и на второе всегда в тарелке мясное? Вот от того и вкусно. Вы же трудитесь, работа тяжелая, пото-

му и еда должна быть вкусная и калорийная. Но, все равно, приятно. Спасибо за оценку. У нас, кто кушает, всем нравится и нам приятно от того, — с улыбкой ответила Мария Сергеевна.

Закончив ужинать и убрав после себя, неспешно закурили.

— Андрюшка, ты может и выпиваешь уже, но пока 18 нет, нас твоя мама точно посадит, если узнает, — обратился к моему штурману Николай. Это мы, старшие это понимаем, а вы же в молодежной среде небось всё что горит пьёте?

— Не-а, дядя Коля, курю давно и мама знает, на сигареты даёт, а пить пробовал, конечно, но только пиво, редко вино. Водку — нет, да и не хочу. Вечером думал в Марьевку проехать, там клуб работает, посмотрю, что там.

— Андрюшка, я марьевцев знаю, сам оттуда. Будь осторожен. Я даже знаю, кто может тебя там затронуть. Короче, если поедешь и кто-то будешь наезжать, скажешь, что мой товарищ, что я всем пацанам привет передаю, если кому-то, что-то непонятно, пусть подрулят сюда, пять минут езды всего.

— Хорошо, Саня, я всё понял. Мы больше не будем сегодня ничего делать? — спросил у меня и, получив ответ отрицательным кивком головы, добавил, — тогда, бывайте! Я не долго, часа на два-три.

— Так, а у нас какие планы, раз расслабуха? — спросил Петя, может на рыбалку?

— У меня другое предложение, сегодня ж суббота?! Пойдёмте в клуб, бильярд погоням, а?

— Ну, я не против, — согласился Самурай.

— Я с вами за компанию прогуляюсь, — присоединился Саня.

— А я, как вы догадались, не ходок по клубам, отдыхать буду. А бутылку я с собой возьму, надежнее будет.

Придѣте, выпьем, если желание будет, подытожил желания и мнения Николай.

— Ну так, я чего сидим? Пошли. — Я поднялся первым.

Идти нам было всего метров 100 до общежития, половина пути от столовой до мостика через балку и ручей, а вторая половина, от мостика до перекрестка и, из-за того, что усадьба не была обнесена забором, мы не обходили общежитие, чтобы войти с фасада, а срезали путь по дорожке, протоптанной наискось прямо во двор.

Было ещё рано, мы обмылись в душе, которой соорудили в конце дворе из брусьев, обтянутых брезентом и двухсотлитровой бочки сверху, нагреваемой солнечными лучами и, после облегчения, попадали на койки «завязать жирок». Примерно в половине девятого, оделись и пошли в клуб.

Я вошёл первым, так как предложение было моё и первый камень, уготовленный для нас, должен был свалиться именно мне на голову. Два подростка в фойе гоняли шары. Я подошёл к столу, взял шар у борта и постучал им, тем самым заняв очередь.

— Дядь, ответил мальчуган лет 14—15, мы щас доиграем и пойдём. А вы будете играть. Добро?

— Добро, добро! — улыбнувшись, ответил я и вспомнил себя вот точно таким.

Да, мне и было столько, когда с класса седьмого мы, а пацанами приходили в свой клуб играть, сначала в выходные дни днём, когда не было взрослых и научившись азам игры, оттачивали своё мастерство, а когда стали обыгрывать случайных взрослых, нам захотелось и с ними померяться силами. Серьёзными игроками в селе были дядя Коля Красовский, работающий завскладом, водитель Дядя Вова Мищенко, полный и грубоватый мужичок, всегда нас прогонял от стола словами: «Кыш, детвора» Уроки учить!». У него была сильная одышка

и он говорил отрывками фраз, а когда ложился на стол, чтобы достать трудный шар, стол от нагрузки трещал.

Много киев было сломано именно им, и они становились всё короче и короче, у их отпиливали тонкую часть, которая просто в основном и ломалась. Дядя Коля был доброй души человек, и мы с ним иногда пересекались, что было уже показателем более высокого класса игры, а периодически обыгрывали. Среди более молодых парней, которым было по 17—19 лет и тех, кто отслужил уже, тоже встречались любители, но они больше поглядывали уже не на бильярд, а на девчонок, следили, чтобы чужаки не обижали их, периодически делая разборки с гостями или в гостях.

Я хорошо играл, но эта игра, как и многие другие зависят часто и от настроения, и от эмоционального фона и многих факторов и даже раздражителей. Мы дядю Вову, если случалось всё-таки с ним сыграть, часто «делали», он тогда с силой бросал кий на стол, отчего выбегала из кабинета завклуб Мария Кирилловна и начинала ругаться. Он в этот день больше в таких случаях не играл, обижался и уходил домой.

Немного я играл, когда учился в Матвеевом Кургане и пару раз в ДК в зернограде, на службе на последнем году, когда какой-то спонсор презентовал нам небольшой бильярд, скорее всего это были псковичи, подарившие земляком с ПЛ С-191 «Псковский комсомолец». И вот теперь, через столько времени у меня опять была возможность показать класс.

Пареньки доиграли и уступив нам игру, подались на улицу. Скорее всего, они играли уже давно и им просто надоело.

— Ну, что Петручио, ты всё время говорил, что на молзаводе играл с директором и обыгрывал его часто. У меня такой лажи не было, чтобы через дорогу от дома бильярд стоял. Может быть тебе разрешали иг-

рать, потому что жена коммунистка и передовица мол-
завода?

— Меньше разговаривай. Собирай шары, я сейчас те-
бе преподам.

— А Самураи шары мечом каким гоняют, катана, на-
верное, они подлиннее и прямые почти. Я прав, Петя?

— Будет сейчас тебе катана. Держись!

— За что держаться, Петя? А кто разбивать пирамиду
будет? Хочешь, ты разбивай.

— Лови шар в лузе, або два сразу.

Петро разбил, но никакого шара в лузе не оказалось.
Шары рассыпались неплохо, и я реализовал два шара.
Петя начал нервничать, говоря, что у него кий не такой.
Я предложил ему свой. Да, бильярд был не новый,
но вполне в рабочем состоянии. Саша то ходил вокруг
стола, молча наблюдая за игрой, то садился на клубные
откидные кресла у стены.

Первую партию я выиграл со счётом 8:6, вторую уже
с большим, 8:4. Вспоминались навыки всё-таки, и я был
более спокоен, чем мой соперник. Начали третью пар-
тию. Периодически кто-то заходил, в основном из под-
ростковой молодёжи или люди пожилые с книгами и шли
в библиотеку, которая располагалась от входа налево.

Мне Петя подставил очень красивый шар в середину.
Я зашел со стороны, откуда собирался бить, стоя лицом
в входной двери. В этот момент открылась дверь и вошли
две незнакомые девушки и я замер. Я смотрел широко
открытыми глазами на них, но видел всего одну, эту чер-
нявую девчонку, с ослепительной улыбкой, которая про-
вела фойе взглядом и проследовали в библиотеку.

— Ну, бей, давай! Чего ты тянешь кота..., — злился
Петро.

Я повернулся к Сане, который сидел за мной у стены,
рядом со входом в зал, который был закрыт и заблокиро-
ван креслами:

— Ты видел, Саня?!

— Кого, девчат? Видел, а что? Знакомые?

— Петя, ты видел?

— Ты будешь играть? — вместо ответа задал мне встречный вопрос.

— Мужики, вы её видели? Вот эта кареглазая смуглая, чёрненькая с короткой стрижкой девушка — это она! Я точно знаю, я нашёл её, это моя жена!

— Что ты несешь, — начал понимать и Петя, о ком я говорю, — какая жена? Ты, что? У тебя крыша съехала, да?

— Вы не поняли. Запомните её, это будет моя жена. Запомните, вот она, моя жена.

Я чуть не прыгал от счастья вокруг стола, говоря об этом, как об уже случившемся факте. Прицеливался ударить один шар, потом другой. Выдохнув, как от длительной тяжелой работы, положил кий, предложил Пете:

— Я сегодня добрый, у меня праздник. Я предлагаю тебе ничью.

— Идёт! — тут же согласился Самурай ещё и из-за того, что начатую третью партию он тоже уже проигрывал мне.

Я посмотрел через открытую дверь. Моя суженная, по моим же словам, сидела к двери в пол-оборота, рядом её светленькая подружка. Лицом к двери сидела завклубом и библиотекарь в одном лице, ещё пара девчешко-школьник и паренёк, тоже подросткового возраста. Я не сводил глаз с этой девушки-находки. Когда паренёк из библиотеки шустро хотел выбежать через входную дверь клуба, успешно прошмыгнув через дверь в библиотеку и фойе, также быстро, я буквально ухватил его за рукав, и мы вместе вышли на улицу. Он смотрел на меня с испугом.

— Курить хочешь?

— Вы шутите? Не откажусь.

— Только ответь мне, что это за девушки зашли, черненькая и светлая. Ты их знаешь?

— А сигарету?

Я дал ему сигарету с фильтром.

— Чёрная — это Олька, она за памятником живёт, как раз напротив вас, вы же в общаге живёте? А другая, её подружка, Ирка, они вместе в школе учились там же по улице дальше живёт. За две девки две сигареты положено, — с возмущением закончил парень.

— Курить вредно, — отпуская паренька добавил, — спасибо! Мне одной достаточно.

«Олька, Олька! Где я слышал такое имя? Ну, конечно, Светлана, сестра Тони упоминала это имя, она тогда к ней на посиделки шла и после долго мне уснуть не дала, визжали до полуночи. Олька — интересно, но по мне лучше, когда Оля, Олечка, даже не так — княжна Ольга, — я стоял недалеко от освещенного входа в клуб, курил и думал, — как мне нужно лучше подойти к ней, я себе не простил бы, если бы сделал что-то, что её могло оттолкнуть от меня».

Мои размышления оборвала громко, со скрипом открывшаяся входная дверь и сначала послышался девичий смех, а потом я увидел выходящих девушек. Нужно было действовать и я не нашелся больше, чем спросить:

— Девчата, а как же танцы? Вы, что не остаётесь?

— Какие танцы? Вы, что? Не будет никаких танцев, это вам не Курган или Ростов, — ответила более словоохотливая Ира, если мне парень не соврал.

— И это всё веселье в деревне? — догоняя уходящих девушек и стараясь увидеть реакцию той, которая шла, улыбаясь и немного склонив голову, как будто опасалась, чтобы не оступиться на дороге в выемку или не вступить в лужу с водой, которых давно не видела земля.

— Почему, есть — телевизор и семечки на лавочки, — ответила всё та же Ира.

— Вы, наверное, сестрички, уж так похожи? — не сдержался я, чтобы не пошутить по поводу того, какие они были разные и внешне и, уверен, внутренним миром, добавив, — или двойня, да? Только одну мама родила ночью, а другую днем или одна из вас перекрасила волосы, чтобы хоть родители вас могли различать, ну до того похожи, близняшки просто.

— Подружки мы, просто, — засмеялись явному искажению мной явного, — думали, что сегодня хоть магнитофон включат, посидеть, послушать, а там и людей нет совсем. Да ещё эта уборка. Говорят, в клубе шоферов заселят, тогда вообще будем дома сидеть. Они такие приставучие, у самого уже лысина на всю голову, а сам женихается, — охотно отвечала подруга той, которая меня интересовала больше всего в жизни.

— А, что твоя подружка не желает говорить, я ни хотел никого обижать ничем, только хотел познакомиться с такими красивыми девушками..., — хотел ещё досказать, но меня опередила блондинка.

— Небось у вас там в Кургане получше есть и, может быть не одна. А, почему вы бороду не сбросите, молодой ещё, ведь, да?

— У меня траур.

— Кто-то умер? Вы не русский. Я слышала, что кавказцы носят бороду при трауре.

— Да, нет, русский. Не потому, тоска и страдания из-за того, что девушки у меня нет. Что-то в жизни как-то не так. Вроде бы не калека и не урод, а вот девушку не могу найти, не просто, чтобы время убивать весело, а чтобы на всю жизнь.

— А, кто же этого не хочет? Все хотят, но мы же бороды не отпускаем..., — сделала Ирина оригинальное объяснение несурзанности моих доводов по поводу бороды.

— А подружка, почему молчит? Как тебя зовут, смуглянка? Можно, я думаю, на ты?!

— Оля, — тихо, также не поднимая глаз, ответила девушка.

— Мне очень приятно. Я — Саша. А тебя, Свет ясный?

— Меня Ирой. Олька всегда мало говорит, зато слушать, в отличие от других умеет хорошо.

— В отличие, от Светы? — усмехнулся я, а потом пожалел о том, что я раскрывал некие маленькие секреты.

— А вы тот, что с Тоней встречался? — не замедлила наказать меня таким каверзным вопросом за мой язык, Ирина.

— Я попрошу, называйте меня на ты, хорошо? Если мне бороду сбрить, то сможете убедиться, что мне до пенсии ещё, как медному котелку «пахать и пахать».

— Ну, хорошо, ты с Тоней встречался недавно. Не она причина появления бороды?

— Нет, конечно. Просто я кроме Александра Ганшина за столько времени, да ещё Коли Рыжего, до неё никого знакомых мне не встречал. А её я знаю ещё по школе, помню. А, если честно, то, когда учился сам, её совсем не знал, она или в Камышовке еще училась или в пятом классе в нашей. Короче, мы знакомы, поговорили, общих знакомых вспомнили. А вы от Светы узнали.

— Мы видели вас у неё на лавочке. Да мы уже и пришли. До свидания! — отшивала меня Ирина.

— Вы меня прогоняете? А я думал ещё с вами пообщаться, время-то ещё раннее.

— Нет, но вы же уже пришли, а мы вон туда, — Ира показала на ту лавочку, что была спинкой прислонена к сплошному в этом месте забору у входа во двор, который не был, как мы привыкли прикрыт воротами, был свободный проход и проезд.

«Добрые люди, видимо тут живут, не отгораживаются от чужих людей», — подумал я. Мы стояли в нерешительности несколько секунд. Оля на мгновенье подняла

на меня глаза, и я увидел живой блеск её карих глаз с отблеском света фонаря от фонаря на столбе.

— Так вы сами говорили, что скучно, даже музыки нет. Я могу организовать, хотите?

— Так это вы крутили. У вас там всё западное, а нам бы хотелось послушать «Цветы», «Голубые гитары», «Веселых ребят», — высказала недовольство Ирина.

— У меня всё есть. Это нашим «старикам» понравится «Чингисхан», просят поставить, не могу отказать. Вы же не уйдёте? Я мигом сейчас организую.

Не прошло и пяти минут, как по улице полились трогательные мелодии наших любимых ВИА и групп. Выйдя вновь на улицу, увидел возвращающихся из клуба Петю и Саню.

— Что же ты, жених, ушёл, а мы, как дураки ждём и думаем, где он? — возмущался Петя.

— Извините, времени не было. «Жену» нужно было домой провожать. Петя, пусть музыка играет, мы её слушаем. Как сторона проиграет, переставь, пожалуйста.

— Магарыч будет?

— Петя, на свадьбе будет, — ответил Пети и почти побежал наискосок через дорогу.

Девчонки сидели на скамье строго по середине, а лавка рассчитана на три, не более седока. Хоть с одной, хоть, с другой стороны, если присесть, нужно было потревожить обеих.

— Девчонки, вы позволите мне присесть, я же старенький уже, ножки болят, — умышленно подойдя вплотную к Оле и всем видом показывая желание присесть именно с этой стороны.

Оля подняла глаза, на устах виделась легкая, еле различимая при слабом освещении улыбка. Начала двигаться, но Ира сделала вид, что не поняла её толчков в бок. Девчата закатились заразительным смехом. Ира подвинулась, вслед и Оля. Я с удовольствием присел, как будто

целый день простоял до этого за проступок в углу, наказанный родителями и только сейчас сменивших строгость на милость.

— Спасибо! Ну, как, такая музыка вас устроит? — спросил между прочим.

— Это другое дело, — наконец-то высказала слова близкие к похвале, Ирина.

Мне, сидя слева от Оли было удобно смотреть и на неё, и на Иру одновременно, так она, разговаривала, немного наклоняясь вперёд, чтобы видеть меня и за Оли.

— Оля, а ты учишься где-то сейчас? На каникулы приехала? — пытался я разговорить ту девушку, из-за которой я здесь и находился.

— Я училась в Ростове на швею. Закончила недавно, — ни одного лишнего слова не сказав, ответила Оля.

Да хорошо и это, я, грешным делом, сначала подумал, что девушка немая. И было бы тогда не до шуток, которые я любил всегда в разговоре разбрасывать, как окурки от сигарет. Просто девушка стеснялась, в данном случае, меня. Уверен, что с подругами она так же могла «трещать» без умолку, а я её смущал или моя борода.

— Оля, а ты как к бородатым людям относишься? Многие, особенно пожилые женщины презрительно, считая, что бороду могут носить только совсем старики, которые без палки уже и передвигаться не могут и не бреются потому того, что из-за трясущихся рук, боятся себе шею порезать. Так?

— Не знаю. Мне всё равно. Нравится — носи. Мне что от этого, — ответила Оля.

Может это безразличие ко мне, а может быть просто девичья скрытность, не желание показаться собеседнику понятным и открытым. Да, просто она ответила уклончиво, чтобы и меня не обидеть, если у неё есть мнение, но в лицо его высказывать не хотелось.

— А я думаю, что она неприятной должна быть, если касаться её девушки. Я бы или не встречалась с бородастым или попросила сбрить, — не выдержав нескольких минут молчания и обиженная тем, что ей не уделяется должного внимания, вмешалась в разговор Ира.

— Значит, я буду просить руку у Оли, она не оттолкнет меня с бородой, так думаю. Не с бородой же придёт жить, а с человеком. А сколько было великих людей и учёных, и писателей, и поэтов с бородами и были у них любимые женщины, которым они посвятили эти самые открытия, ставшие достоянием всего мира, посвятившие им романсы, романы, стихи, замечательные картины. — Говоря это я непрестанно смотрел на Олю.

Она, чувствуя мой взгляд, опускала своё прекрасное личико ещё ниже. Вот это загадка. Хватит ли мне всей жизни, чтобы её разгадать. Буду стараться, а-то, что она моя, будет моей, я уже не сомневался ни минуты. Или она, или мне нет смысла в жизни — это однозначно, думал я и ещё хорошо, что вслух не произнёс. И так девушку в краску ввёл. Нужно сменить пластинку.

— Ира, а ты тоже с Олей училась?

— Нет, я в кооперативном техникуме в Ростове учусь, на второй курс перешла. Три года всего учиться. Все подруги разбежались, у каждой своё интерес. Света учителем хочет стать. Хоть здесь летом и можем встретиться и поговорить. А, как замуж выйдут все, тогда годами не сможем видаться, муж, дети, хлопоты, заботы, разедемся по городам и позабываем друг друга. Ой, засиделась я тут. Завтра собирались машиной с папой и мамой в Таганрог на рынок съездить, кое-чего продать и обновок купить. Пойду я, ехать рано. Пока всем!

— Может мы тебя с Олей проводим? — с готовностью предложил я, приподнимаясь.

— Не нужно, — засмеялась Ира, я через дом отсюда живу.

— Пойду я тоже, — засуетилось Оля.

— Оля, посиди со мной немножко, прошу тебя. Мне с тобой так приятно, так спокойно. Я давно тебя ждал.

— Где? — испугано спросила Оля.

— В судьбе своей, Оля. Я боюсь спугнуть птицу счастья, что сидит у меня на правом плече рядом с Ангелом-хранителем, вот здесь, — я показал на правое плечо и Оля, заинтересовано слушая, даже глаза шире раскрыла, надеясь увидеть это сказочное существо.

Заметив её внимание, я добавил:

— Не видно?

— Нет, — уверенно ответила Оля.

— Значит улетела. Нужно посидеть тихонько и она прилетит. Видимо она не ощутила связи событий. Нужно установить эту связь. Вот только не бойся меня, я не такой и страшный, хоть и с бородой.

— Да, я не боюсь.

— Вот и хорошо. Дай мне руку, а лучше две.

Оля нерешительно протянула мне руки с готовностью в любой момент убрать. Я нежно взял их в свои, легонько прижал, почувствовал их тепло и легкую напряженность.

— Не стоит напрягаться, расслабься. Чтобы увидеть птицу счастья нужно прикрыть глаза, помолчать и мысленно представлять эту красивую, похожую на «Жар-птицу», как в сказке, птицу счастья, она прилетит, вот увидишь.

Я видел, как Оля послушно прикрыла глаза, сидя неподвижно с лицом, обращённым в моё сторону, где у меня на правом плече должна была появиться эта птица. Это было сказочная картина и её могла запечатлеть только моя память и то, не всю, а только вид в ракурсе моей позиции, а так хотелось с другого ракурса, где вместе, рядом и..., я не выдержал, медленно приблизился к её пухленьким, ярким и блестящим от губной помады устам и нежно прикоснулся к ним губами, контакт был

секундным, но чувственным, что даже по мне дрожь пробежала. Оля вздрогнула и быстро убрала руки.

— Всё хорошо, Оля! Если это тебе не нравится, скажи, я не буду. Мне было приятно, честно. Я даже успел увидеть птицу счастья. А ты видела?

Оля молча, но уже улыбаясь покачала отрицательно головой. И тут я быстро нашёлся и продолжил:

— Вот я бестолочь, как сразу не догадался. Раз я её видел, когда сидел к тебе лицом, то, где я её мог увидеть? Не поняла?! У тебя на правом плече, рядом с твоим Ангелом.

Оля засмеялась. Она поняла шутку и, как я понял, не была в обиде за мою самую малую шалость. Я сидел и опять задумывался — какую сложную, скорее всего задачу мне придётся решать, чтобы узнать эту таинственную, загадочную, от того ещё более интересную девушку. С другими было всё ясно и понятно, если не сразу, то через час или день, тут же совсем не то и совсем не так.

— Олька, сорок сороков! С кем ты там? Домой, спать пора, — вырвался из темноты сердитый женский голос, где-то со двора, вернее из небольшого строения, расположенного на расстоянии метров в 15 от хаты, под развесистыми ветвями деревьев.

— Щас! Немножко посижу с подружками и приду.

— Яки, таки, подружки? Ирка ушла, щас же мне домой, спать пора, — не успокаивалась женщина.

— Это мама. Они с папой летом в кухне спят, там не так жарко.

— Понятно. Влетит тебе?!

— Не-а! Это она так всегда. Она добрая, а папа тем более, всех нас любит. Нас трое дочек. Старшие уже замужем. Они хорошие.

А я думал, вот и слава Богу, раз разговорилась немного, то не всё потеряно. Видимо перед своей более бойкой подружкой стеснялась ещё плюс к тому, что и передо мной,

конечно. Да я её и понимал. Не все же девушки, попав в город, тем более такой, как Ростов, начинают по полной «отрываться», кино, танцы, а потом мальчики, кафе и рестораны, выпивка и сигареты, ну и так далее, даже не хочу об остальном даже думать при этом Ангеле, сидевшем не на моем плече, а напротив меня, улыбающемся и мне от этого было так хорошо. Оказывается, что счастье бывает и такое, а не только то, которое я ощущал с другими девушками. Эти два эталона счастья, они несравнимы, для определения их параметров нужно применять разные критерии оценки, они не сравнимы во многом, несовместимы, а в них есть одно объединяющее, несмотря на существенные различия — это тот, кто испытывает это в первую очередь, конечно, я говорю о себе.

— Оля, ты очень, очень, очень мне нравишься. Если у тебя нет, конечно, парня, я хотел бы с тобой встречаться с самыми наилучшими побуждениями. Что ты можешь мне на это сказать?

Оля передергивала плечами, было заметно, что она не так часто отвечала на подобные вопросы и, как бы искала из нескольких вариантов возможных, правильный в данном случае.

— Ну, посмотрим.

— Что мама скажет?

— Мама ни при чём. Хорошо, я буду с тобой встречаться, если хочешь.

— Хочу, знаешь, как хочу?! Ты даже не представляешь, что ты для меня значишь. Хочешь, я ради этого бороду сбрею, ты меня завтра не узнаешь.

— Точно сбереешь?

— Точно! Честное пионерское!

— Шутишь, не сбереешь.

— Честное благородное слово!

— А, если ты неблагородный, тогда можно не выполнять данное слово?

— Благороден, как Дон Кихот Ламанчский. Давай договор заключим, если я завтра часов в девять вечера приду небритый, ты молча уходишь, а если бритый, то с тебя поцелуй, только настоящий — идёт?!

— Ну, я не знаю.

— Тебе жалко мне одного поцелуя? Я прощаюсь со своей, можно сказать, жизнью бирюка, которой прожил целый месяц, а тебе один поцелуйчик бритого парня, который прямо сейчас вот тут может от тебя с ума сойти и жалко?

— Не нужно только с ума сходить. Ну, хорошо, сделаем так, как ты предлагаешь. Один?

— От тебя? Один!

— Олька! Три чартов тебе дать! Кому я говорила, домой?!

— Мама, ну иду уже. Спите. Я же тут. Ладно, я пойду, пока мама не вышла и не напёрла нас обоих.

— Нужно будет с моей будущей тещей познакомиться. Я отца твоего уже знаю, его Егором Павловичем зовут? Он часто в бригаде бывает, то по ремонту, то ещё чего-то. Он на тракторе ЮМЗ на ферме работает, да?

— Да, это мой папа.

— Он мне понравился, такой спокойный и добрый, с юмором. Может это потому, что пока не знает, что я с его любимой дочерью начал встречаться. А когда узнает, то и ноги переломает, чтоб не ходил, а чтобы, приползая на животе не обнимал, заодно и руки.

Оля засмеялась от души, что начала раскачиваться даже на скамье, а успокоившись серьёзно сказала:

— Папа никогда никому плохого не делал и не сделает. А словами может затронуть, шутя сказать тоже может. Но, он шутит.

— Оля, в каждой шутке есть доля шутки. Вот, как переломает мне всё, будешь за мной ухаживать, а?

— Да, перестань, не переломает.

— А ты представь, будет меня жалко?
— Так всех больных всегда жалко, а когда дети, тем более.
— Ясно, мне нужно или срочно ребёнком стать или никакой жалости не дождусь. Ладно, жалости не нужно, это я так. Не стоит меня жалеть. Я даже не люблю, когда меня жалеют, значит я ущербный, не хочу. А, вот поцелуйчик не забуду и буду ждать.
Оля поднялась. Было видно, что даже ноги затекли.
— До завтра. Здесь встретимся или где?
— Ну давай здесь. До завтра.
— Посмотри внимательно на своё плечо, птица счастья там сидит. Я её отсюда даже вижу, произнёс Оле вдогонку
Она обернулась, улыбнулась и пошла в сельскую хату, не в терем, не в дворец, не в дом, а в обычную сельскую хату, которых было ещё ох как много в сельских глубинках.

Глава II. Олька

Когда я пришёл в общагу, был перевес минутной стрелки за полночь. Уснуть всё равно не смогу, так как был в приподнятом настроении, если ничего не сказать. Хотелось разбудить всех своим криком души — «Я нашёл её, свою судьбу!», но я был осторожен, не дай Бог, чтоб не сглазить. Вот завтра, если получу обещанный поцелуй, тогда осторожно можно будет сказать, что надежда есть. Прогнав «ускоренной перемоткой» в памяти всё, что произошло за вечер, проанализировал, нигде я не переборщил и успокоил сам себя, явных перегибов не обнаружил.

Ну и зачем я должен «откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня» и я, взяв все необходимые приборы, пошёл в свободную пока комнату, где, как уже просил нас бригадир, чтобы мы не занимали, скоро должны поселить студентов, приезжающих на днях из Таганрога. Включил свет и электрический чайник, закурил. Посмотрел ещё раз на свою рыже-каштановую бороду. А, чё, симпатично даже, гармонично с длинными волосами. Но, а волосы подождут, не хотелось состригать. Саню Ганшина видел утром в бригаде лысым, так не привычно, высветил свои многочисленные шрамы на голове, это он уже на подбор готовится сам и комбайн, жатку отсоединил, подборщик настраивал.

Закипел чайник, я за него уже и забыл. Развёл воды, намылив побольше мыльной пены в мыльнице, нанёс на подбородок и с лёгкой досадой выдохнув, а вспомнив повод, из-за которого я её сбрываю, эту бороду, даже заулыбался и вдохнул глубоко, медленно и с двойным удовольствием, как будто я вдыхал не воздух в прокуренной комнате а аромат той девушки, которую я при свидетелях нарёк судьбой и своей женой. И быстро, ещё раз перелистав свою недолгую любовную «энциклопедию» с удовольствием мог констатировать, что ещё ни одну из девушек так не называл, был близок, но не судьба. А тут, с первого раза и такой рывок, которому бы позавидовали и чемпионы мира по тяжёлой атлетике в одноименном упражнении, и спринтеры, моё ускорение «3 джи» позволило бы мне стать обладателем «Книги рекордов Гиннеса», но кто об этом мог подумать.

Я не спешил сбривать бороду, мне нравилось вот эти изменения, подобные метаморфозе, которой и сам был подвержен. Думаю, что на этом этот процесс близок к концу. Я сбрил одну правую сторону и посмотрел в зеркало, было смешно. Затем сбрил левую сторону, стало ещё смешнее. Я до того уже успел к бороде привыкнуть,

что видел в зеркале чужое лицо. Жаль, что с Олькой мы в договоре об усах ничего не обговорили. Как я думал, усы к бороде никакого отношения не имеют, но это я, а как посчитает девушка, мне кажется, что для них и усы и борода — это вещи неразрывно связанные. Эх, была — не была, сбрею и их. Хотя, с усами выглядел, как при-смотрелся внимательно, непривычно, но интересно, как когда-то на службе.

Умылся после бриться и сделал контрольный осмотр. Не буду спорить, когда говорят, что борода старит, да, это правда, я стал моложавей, хоть и не был стариком, 25 лет, вся жизнь впереди, а девушки, как Тоня в 22 уже говорят — «старая дева». Вот и поди, разбери, чьё мнение ближе к истине?

За весь вечер я ни со своими друзьями, играя в клубе в бильярд, ни позже, ни сейчас, оставшись один на один со своими размышлениями ни разу не вспомнил о работе. До сегодняшнего дня она была основополагающим стержнем всего пребывания моего здесь, даже с таким азартом когда я выпрашивал у своего непосредственного начальника отправить меня в командировку я думал только об основном технологическом процессе, без вспомогательных и второстепенных её составляющих, включая отдых. А сейчас на первое место, стремительно обойдя все эти, ставшие второстепенными и не важными элементами, во главу угла вышла она, моя любовь, любовь с первого взгляда, захлестнувшая с головой, я в ней тону и, главное, что рад этому.

«Ну, что ты мне ничего не хочешь сказать?», — как всегда неожиданно, когда я и видеть уже никого не хочу, кроме одного, самого дорогого сердцу человека, появился мой Ангел-хранитель.

«Хочу сказать. Мне спать пора. Пошли в спальню, я разденусь, лягу, а ты присядешь у моего изголовья и поговорим, если я не усну раньше. Идёт?» — немного

с иронией, но больше от того, что действительно хотелось отдохнуть.

День был тяжёл, скорее всего эмоционально, чем физически. Всё это из-за того, что я боялся просто необдуманном поступком или словом, оттолкнуть Ольку от себя. Не общаться с девушками практически год и говорить на работе на лексиконе, где литературные слова являются лишь «связующими» матерщинным словам и такой контрастный переход был чреват срывом. Но, как-то обошлось. Всё-таки, навыки не потеряешь и не пропьёшь, они или есть, или их нет. И, при необходимости, быстро восстанавливаются в действиях и словах.

«Ладно, извини! Ты же меня лучше всех знаешь, сначала накричу, а потом понимаю, что был не прав», — приняв горизонтальное положение и вспомнил об обещании, ответил Ангелу.

«Ну, как тебе девушка, понравилась, да? — эти слова прозвучали с оттенком издёвки, — а мог бы и не встретить, ты хоть это понимаешь?»

«Пояснить не хочешь? Я не понял тебя», — я не лукавил, а действительно не понял, из-за чего я мог не встретить свою судьбу.

«А ты вспомни, как ты к магазину летел на полных парах, думаешь, что ты притормозил прежде, чем делать крутой вираж? Ага, аж два раза. Если бы я всей силой своего внушения не нажал бы через твою правую ступню на педаль тормоза, то в другом месте бы сейчас находился и, как минимум, надолго. Вспомнил?» — действительно, он говорил правду, я не помнил, как произошло торможение и было ли оно.

«Я теперь у тебя должник, да?» — не переставал, хоть слегка, но язвить Ангелу.

«Да, это понимай, как хочешь. Я тебя одно прошу, ты одумайся. Если нет, то можешь и со своей судьбой по-

прощаться. Я же тебя знаю и потому хочу предупредить. Не нужно напрягаться до трещин в сознании и прострелов в пояснице, будь просто человеком в большом смысле этого слова. Я вот и сегодня терплю от тебя издёвки, как от своего господина, но у неё душа ранимая, может понять иначе», — внутренний голос мой звучал уверенно, Ангел всегда был спокоен.

«А ты, небось уже и Олькиным Ангелом познакомился?» — удивился я.

«Конечно. Скажу больше, я сидел с ним на её плече, изображая птицу счастья, ты меня за неё принял. Ты собирался разыграть Ольку, а я тебе подыграл. Только думаю, что она меня не видела и не слышала также, как и ты не можешь видеть и слышать её Ангела, словами внутреннего голоса. Думаю, что ты-то мне веришь. Я просто хотел тебе подыграть, пошалить, как ты, а ты подумал тоже, что птица счастья, которую ты видел, как и задумывал — это плод твоей больной фантазии? Так, что будь теперь уверен, сто сказав Ольке, помнишь слова: «Посмотри внимательно на своё плечо, птица счастья там сидит. Я её отсюда даже вижу...», ты не соврал, ты действительно видел её, вернее меня, в её обличие. Ну, как тебе представление, понравилось?» — мне даже показалось, что он мне подмигнул.

«Ну, ты крут, в натуре! Верю всему, что ты сказал, ты настоящий мой друг, ты мой Ангел-хранитель и не раз уже доказал мне свою преданность. Если я от тебя откажусь, то это будет моя последняя, не крайняя, а последняя ошибка, а если ты меня оставишь, значит уже пришло на то время. Но надеюсь, что нам с тобой ещё детей воспитывать, внуков нянчит и мы связаны с тобой на долгие годы одной жизненной цепью, тело моё, разум мой и ты, Ангел мой, как Дух или голос души моей. Какой всё же мы с тобой прожили замечательный день. Родился русский богатырь Евгений и мы желали ему здоровья, я

встретил свою судьбу, а ты мне помог в осуществлении, возможно, самого фантастического и в тоже время реалистического спектакля ради благого дела, дела создания семьи. Нужно запомнить эту дату, 28 июня — красное число в календаре на всю мою, на всю нашу жизнь. А ещё и завтра воскресенье, последнее в июне. Вот это должно состояться даже в случае землетрясения или наводнения. Правильно я говорю, мой Ангел? Ангел, ты здесь? Ну и ладно. Я всё равно знаю, что он бы меня поддержал в этом, это благое дело», — я вышел из диалога со своим Ангелом.

Нужно отдыхать. Добрых снов тебе, моя милая и прекрасная принцесса, моя юная княгиня Ольга. Пусть тебе приснится птица счастья, которую видел я, но, пока, не смогла увидеть ты. Пусть она приснится тебе также так, как я её видел, только теперь уже на моем плече, как я тебе и обещал. Пусть будет так, ибо ложь, хоть и во сне, ради благого дела — есть правда силы желаний, направленных на то, чтобы не только быть самому счастливым, а сделать таковым и другого, близкого и любимого человека.

С утра агроном проверил зрелость зерна на обкосах и два экипажа «Нив» ушли, заправив полные баки топливом, оснащенные противопожарным инвентарём и бочонками с водой. Запасливый хохол, Саня Ганшин, кроме привычного 50-литрового бочонка, закреплённого самодельными хомутами кузнеца Микиды, на копнитель устанавливал ещё и 200-литровую бочку с водой, которую увязывал от расплёскивания дерматинном и закреплял растяжками из проволоки на верху комбайна. Потом эту идею подхватили и другие комбайнёры. Когда тело чесалось от контакта с пылью, заволакивающей в безветренную погоду весь комбайн, после обмолота зерновых,

особенно ячменя, это была своеобразная ванна для смыва пыли и снятия с кожи тела жара, иссушающего её, как почву до трещин.

Микиду, по-настоящему звали Николаем, а мы — дядей Колей. Этот невысокого роста, добрый по натуре человек был кузнецом от Бога, как говорили тогда. Вся домашняя утварь, инструмент, мотыги и тяпки, запоры и крючки дверные, обручи на бочки, приспособления для посадки овощных культур, самодельные культиваторы — это всё было дело рук Микиды.

Сварщика постоянного не было и его иногда подменял кузнец, если работа несложная, кто-то из комбайнёров мог мало-мальски варить, а если сложная, то ждали сварщика с моей организации, приезжала «Техпомощь», с водителем газоэлектросварщик и работал целый день в бригаде. Так было проще, чем гонять технику за 7 километров на центральную усадьбу, в центральную мастерскую или мастерские бригады №2. Иногда от нас, из Сельхозтехники той же машиной, если была заявка, приезжал и электрик, специализирующийся по электрооборудованию тракторов и самоходных машин.

Наши комбайны практически были готовы к началу страды, стояли на линейке готовности и ждали команды. Мы лишь доделывали, замеченные при осмотре и опробовании подборщика и молотилки в холостую, мелкие неполадки. Смазывали согласно схемы смазки узлы и настраивали фары, натягивали ремни и прочее. Николай Иванович привёз ещё пахнущие резинотехническими изделиями ходовые ремни, а значит еще не менее часа нам придётся на их замену потратить.

Андрюшке, моему штурману всё натерпелось побыстрее порулить на такой большой 10-тонной махине.

— Угомонись, гонщик, ещё надоест. Вот глотнешь пыли, как штурман Ганшина, тогда посмотрим. Ты, вот завтра утром у него спроси, как там на подборе валков?

— А, что там, ну едешь и едешь, чтоб не съехать с валка, делов-то куча. И обороты на всю, чтобы молотилка обороты набрала, так же?

— Не молотилка, а баран молотильного аппарата, правильной говорить нужно, ты же без пяти минут комбайнёр. Штурман.

— Штурман должен у штурвала рулить, а не гайки крутить, — возмутился Андрей.

— Ещё и валки штурман переворачивает, если требуется и молотильный аппарат, если «лису» поймаешь чистит, много чего должен штурман делать, смазывать и заправлять утром комбайн и подменять комбайнёра, когда тот будет отдыхать.

— Ого! А, что такое «лису» поймать? Лисы норы в валках делают и попадают в комбайн?

— Нет, Андрей, такие несерьёзные мастера, которым на комбайне главное скорость, включают более высокую передачу, молотилка не успевает обмолачивать массу и «гавкает», — я посмотрел на Андрея и понял, что теперь ещё одно ему нужно объяснить, что такое комбайн «гавкает», — «гавкает» комбайн, когда давится массой и забивает молотилку, звуки резко изменяются то тише, то резко, при прорыве массы тональность растёт и это называют «лаем» комбайна, по нашему на суржике — «гавкают». Уразумел. Этого лучше не делать. Можешь часа на два комбайн из строя вывести и отстанешь от всех безнадежно и все смеяться будут и с тебя, и с меня. Мы же с тобой экипаж, как в самолёте. Если есть желание, я могу тебя сегодня в честь моего праздника после обеда отпустить домой, с невестой попрощаешься, если дождей не будет на две-три недели. Дождется?

— А куда она денется, — утвердительно ответил Андрей.

— Почему ты так уверен? Я тоже был уверен, два года ждала, а на третьем, не выдержала, слишком заманчива

жизнь «на полную катушку», а не затворницей. Я только вот сейчас её начал понимать. Одно только не так она сделала, нужно было честно признаться, не обнадеживать. Вот так, брат. Ревновать не стоит, но «доверяя, проверь».

— Да у нас так, несерьёзно, но прикольно.

— Это как? Научи старика.

— Не, не буду. Проехали, — не изъявил желание объяснять мне, как живёт современная молодёжь, мой штурман.

— Ну, проехали, значит проехали. Так, что едешь домой?

— Конечно!

— Тогда я сейчас расскажу и покажу, что тебе нужно будет сегодня сделать, не на долго, часа на два и свободен, — пояснил я условия, на которых отпущал.

— Ну, хорошо, показывай, что нужно.

Сегодня воскресенье и мы решили, отпустив Андрея и молодого папу Александра на пару со вторым Александром, уехавшими домой, подогнав работу, решили устроить себе короткий день. Часов в пять вечера, мы уже отъезжали от магазина с закуской, литром водочки, запасом пресной воды в багажнике коляски «Явы», котелка, специй, булки хлеба и двух удочек в сторону большого пруда за селом, где мы уже не однажды ловили рыбку и отдыхали.

— Мужики, вы не против, если я возьму на себя наглость покомандовать вами, я, как подводник, смочу засохшие на моей спине ракушки, окунув их в воду и заодно попробую раков поймать? А вы, если нетрудно, костёрчик разведите, пусть водичка на уху закипит и удочки можно забросить, нам на уху сазаны на три кило не нужны, пару карасей и пяток окушат будут в самый раз.

— Во, раскомандовался. Ты кем там, в армии был? — спросил Николай?

— Я старших уважаю, но воскресной чарки лишиться могу. А, вот Петро знает, что я не служил в армии, да, великий Самурай?

— Конечно не служил, он же на флоте служил, — улыбаясь ответил Петро потому, что как-то и его таким образом учил называть вещи своими именами.

— Ну, ладно, на флоте кем был по званию?

— Первостатейным.

— Шо значит «первостатейным», ты звание скажи, рядовой, ефрейтор или сержант. Я пришёл домой младшим сержантом, артиллеристом служил на западной Украине, во Львовской области, так я ж ещё и три года служил, — поведал Николай Петренко.

— Уважаемый, а у меня, значит на одну лычку на каждом погоне больше было и был я командиром отделения и тоже три года служил, а потому прошу выполнять приказы или пойдёте с пруда пеши несолоно хлебавши, товарищ младший сержант, повернувшись к Петру, подмигнул ему, так как это была, конечно, шутка.

А, Петя в это время катался по зелёной, ещё не выгоревшей траве на берегу пруда.

Я разделся и пошел вдоль обрыва, чуть дальше камышей искать норы раков. Нор было много, но раки не везде. Их тут часто тревожили, особенно на выходные в ночное время, приезжающие с Украины шахтёры оцепляли весь пруд по периметру раколовками и таскали бредни и различные тралы. Нет, кажется, есть, заткнул норку носком ноги и ощутил пощипывание клешнями моих пальцев, в надежде, что я открою хозяину норки проход, я нырнул и освобождая вход в норку от ноги, одновременно запустил туда руку. Рак понял, что его преследует клешня в разы большего рака и попытался укрыться в глубине норки, «включив задний ход» энергичными движениями плавника хвоста, кото-

рый едоки раков, а не раколовы, называют рачьей шейкой, безумно вкусной в вареном со специями виде.

Помалу, помалу, за полчаса я поймал десятка полтора раков и прилично замерз. Всё-таки вода ещё не такая и теплая, чем в июле посвежее будет. Николай, послушав старшего по званию, разжег костёр и сидел с Петром вдвоём на бережке, и поймали с десяток различной не крупной рыбешки, из которой самой крупной был карась грамм на 400, пожалуй.

— Выношу благодарность за службу, товарищи! Почему не слышу ответа? Ладно, сегодня я добрый, прощаю.

— Он сегодня договорится, что мы его побьём, да Петро?

— Коля, нельзя! Ему сегодня ещё на свидание идти. Ты думаешь, чего он бороду сбрил? Так, что пусть живёт. Простим его за это, молодой, исправится. А там смотри, он же может у нас и в начальство выбиться, будет нас по СХТ гонять за выпивку и разгильдяйство.

— Верно, Петро, гутаришь. За это я тебя и уважаю. Вы, как хотите, а мне нужно чуток согреться.

— Так садись в костёр, — предложил, не дурак пошутить, Петя.

— Да, нет, дружок, наливай, пока раки, да уха не готовы, мы по старинке вот сырком закусим.

Бросили раков в кипящую воду. Не для слабонервных это смотреть, как членистоногие пытаются изначально спастись, карабкаясь по скользкой поверхности котелка, но не долго. Я знаю, что есть закон, запрещающий варить живых раков и есть другое правило, мертвые раки не пригодны для употребления в пищу. И, что делать в таком случае? Понаписывают законы правоведаы, а как их реализовывать в действительности, если одно другое взаимно исключает, никто не знают. Слив воду и оставив, покрасневших «от стыда» раков остыть, залили свежей воды на уху. Прошёл час. Времени было предостаточно ещё.

Николай расспросил меня немного о моей службе и сам рассказал пару забавных случаев во время своей службы. Потом обсудили немного положение дел в бригаде, о готовности комбайнов и настроении самих перед уборкой. Затем пошли и шутки, прибаутки с анекдотами. Петра я знал намного лучше, чем Николая, которого только в Сельхозтехнике и узнал и-то встречались очень редко и общих дел не было, в отличие от Пети. С Петей виделись ежедневно и частенько или мне приходилось ему магарыч ставить за срочный заказ или он меня угощал, сбив шабашку на стороне. К тому же он жил на соседней от моей улице, совсем не далеко. Я знал и его жену и его двоих довольно взрослых детей.

— Как ты пойдёшь на свидание к девушке с запахом водки? — не унимался отомстить мне за «наряд вне очереди», который я, шутя ему выдал, Николай Григорьевич.

— Ты думаешь, после раков с избытком укропа и ухи со специями, и того же укропа, забивающего всё, можно услышать «чистый», как слеза продукт? Никогда, — улыбаясь сделал я вывод, хотя замечание товарища могло иметь место в развитии сегодняшних событий, но маловероятно.

Думаю, что посидим до половины восьмого, даже до восьми. Дома обмоемся, можно освежиться бритьём и после одеколоном ещё зашлифовать, одеть свежую одежду, можно даже прогладить для шика и спокойно идти на свидание. План такой, что Наполеону и не снилось.

Подоспела ушица, так вежливо мы называем это любимое блюдо, а кто готовил её, хоть раз на костре, тот знает её истинный вкус. Запах идёт, наверное, и в деревне услышали бы, если бы ветер был в ту сторону, но вечера стояли тихие и, конечно, тёплые, конец июня всё-таки. Петя вытащил из костра недогоревшую головню и со словами:

— Чтобы не забыли, как прошлый раз, — резко опускает в котелок с ухой и вынув снова опускает в костёр, —

водочку давай, хоть и жалко, но положено так, — грамм сто водки льётся из бутылки в дрожащих руках Петра.

— Вот это да! Сейчас кому-то икается и слюнями кто-то давится, — произнёс Николай, вероятно имея ввиду наших уехавших товарищей, — ладно, у этого жена в род-доме, может что нужно понести ей, а другой, как будто у них «медовый месяц» на четвёртом десятке опять начался.

— Кто-то сказал из знаменитостей: «Чем меньше женщину мы любим, тем больше нравимся мы ей», — вспомнил крылатое выражение Петя.

— Пушкин в «Евгение Онегине», — подвел я черту.

— А ты прям знаешь? — поджигивал Петя.

— Я когда в школе учился и когда ты, разница-то лет в 10 или больше?

— Уговорил, но Сане этого никто видимо не говорил. Приедет, скажу.

— Скажи, Петя, скажи. Обязательно скажи, только перед этим пути отступления, куда бежать приготовь, — ответил я ему, — а уху уже можно кушать, правда с одного котелка.

— Не подеремся, Бог даст, — успокоил Николай и мы, похватав ложки, дуя каждый в набранную из котелка обдающую нюх с паром ароматом свежей ухи, осторожно упивались её бесподобным вкусом, кряхтя и шмыгая от пара из котелка носами.

Насытившись до отвала ухой, охали от удовольствия и появлялось желание просто прилечь вот здесь у костра. Да и можно было, но не сегодня, не сейчас.

Петя поднял и потряс одну бутылку, вторую:

— Что у нас всё, закончилось? — недоумевая спросил у нас.

— А ты бы ещё больше в уху лил, тогда бы осталось, — пошутил над ним я, — слушай, я не подстрекатель, но молчать не стану. Когда обмывали Саниного

сына, бутылку оставляли и уносили домой, так? А где она?

— Ну у меня, я что? — сразу признался Николай, — а, что мало? По мне, так и хорош на сегодня.

— Я точно пас, — признался своим товарищам, — мне на свидание, а вы, как хотите. Что будем собираться? Рыбку не доели, ладно, раками вскормим, а потом этих же раков и выловим, понёс остатки рыбы из ухи на съеденье ракам к пруду.

— Да, поехали, — согласился Николай. — Удочки сложены в коляску. Костёр заливаем и домой.

Подходило назначенное время, я смотрел в окно через дорогу на пустую лавку на углу забора и прохода во двор. Придёт, придёт обязательно. Ей-то идти дальше, чем мне, мало пройти 20 шагов, выйдя из входной двери в деревенскую хата, нужно было пройти через ряд сомнений, череду переживаний по поводу того, а так ли она поступила, через мелкие, но раздражающие упреки матери, дающей постоянные напутствия и приводя примеры тех деревенских девушек, которые поступили опрометчиво, были слишком доверчивы и, как результат, та уже родила и сама воспитывает двухлетнего сына, нагулянного от командировочного шофера, которого каждый год высматривает среди прибывших вновь на уборку, а его нет и нет или другую, которую «матросил» студент, вроде бы и хороший парень и обещал жениться, а как уехал в том году, только его и ждали — через всё это нужно было пройти той, которая совсем ещё не была по большому счёту готова к самостоятельной взрослой жизни, хоть и исполнилось уже 18 лет.

Я потряс головой: «Что это я уже читаю чужие мысли или выдаю версии возможного развития событий и переживаний в юной душе, действительно неопытной девуш-

кой, по сравнению хотя бы со мной, а с другой стороны, это хорошо, что она встретила, буквально пару дней, как приехав из бойкого Ростова, где она сидела, как серая мышка в уголке квартиры, которую снимала с девчонками и за целый год раза четыре в кино сходили на не поздние по времени сезона сеансы.

По кафе она с подружками не ходила, в обед могли сходить покушать в столовую, а чаще готовили на квартире из продуктов, привозимых из дому, куда, из-за сложности езды с двумя пересадками, получалось один раз в месяц и времени, чтобы побыть дома не оставалось. Я это прекрасно понимал, так как сам больше двух лет ездил домой очень редко, и чтобы переночевать дома две ночи, пропускал последние занятия в субботу и приезжая в понедельник к обеду, пропускал также две пары занятий.

Может быть она стесняется, ну конечно, ей же видно в окно, что я не пришёл и она не спешит, да и правильно делает. Девушка не должна быть такой, которая летит на свидание и ждёт переживая, придёт или нет, обычно, эта миссия наша, парней. В лучшем случае, серьёзная девушка не опаздывает намного, а может лишь задержаться слегка — это наилучший вариант и себя не унижить и парни не обидеть. А мне обязательно нужно быть вовремя, а лучше на минуту-другую раньше назначенного времени.

Всё, пошёл. Мало кто может похвастать вот такими «длинными» дорожками к месту свиданий, как у меня это происходило сейчас, когда от пункта «А», где нахожусь, до пункта «Б», который можно наблюдать через окно, всего 30—40 метров, если конечно молодые люди не живут в одном доме, но в разных подъездах и-то к меня есть большой плюс, я вижу и само место будущей встречи и даже окно, из которого может быть, и я почти уверен, что с волнением так же смотрит через тюлевую гардину та, к которой я уже вышел навстречу.

Подойдя к пустующей лавочке, присел и закурил. Из-за спины ощутил приятный запах ночной фиалки, божественный запах, усиливающийся к вечеру, как будто эти простые цветы и предназначены для влюблённых, чтобы делать их свидания торжественными, радостными и незабываемыми. Я непреднамеренно обернулся, увидеть, где на клумбе перед фасадными небольшими оконцами растут эти чудесные цветы и боковым зрением заметил, что в окне задвинулась гардина, а может быть мне показалось и я желаемое выдал за действительное.

Через двор от навеса на хозяйском дворе прошла мать Ольки с почти полной «доёнкой» молока, увидев меня сидящим на лавке, кивнула и поздоровалась первой. Я слегка постыдился своей нерасторопности и в ответ довольно громко ответил: «Доброго вечера, Вам!» Ну, теперь держись, на все 150 процентов уверен, что мама заденет дочь вопросом, кто там тебя ожидает. Но это нормальное волнение родителей. Пока мы молоды, нас это раздражает, но пройдёт время, когда у нас самих будут такие же дети и мы тогда вспомним о волнения родителей.

Через две-три минуты появилась Олька, на лице была смущенная улыбка. На неё было белое шёлковое платье с крупными чёрными и помельче цветными, даже не горошинами, а кружочками лучше сказать, с коротким от плавного изгиба ниже надплечья до середины плеча, пышным, из-за сборок и таким образом суженным до манжеты внизу. Лёгкая, распушенная сборками юбка платья придавала её хозяйке такую же лёгкость и воздушность, как Дюймовочке. На левую руку были маленькие женские часы. Я сразу вспомнил о её маме, видимо приказала в какое время ей быть дома и заставила одеть часы. Но на то и существуют рекомендации, чтобы их..., нет, наоборот, нарушать. Все знают поговорку «счастливые часов не наблюдают». За обоих я ручаться не мог,

но что один, увидев появление этой чудной дивы стоял и откровенно широко улыбаясь, был безумно счастлив.

— Здравствуйте!

— Оля, здравствуй! Я уже и бороду сбрил, и даже усы, чтобы быть моложе, а ты всё на «вы» меня величаешь.

— Хорошо, не буду.

— А обещанное когда? — смотря ей в прямо в глаза спросил то, на что мы вчера договаривались.

— Это о чём? — сделала удивлённое лицо Оля.

— Всё девушки одинаковы, у них девичья память, которая помнит только то, что им нравится помнить, да?

— Не знаю.

— У меня предложение, давай, пока ещё не совсем стемнело, пройдем к прудку, который вон в той стороне, мне о нём говорили, но я ни разу не был. Он, как бы недалеко за селом.

— Недалеко, но что там смотреть?

— Я по дороге тебе напомню о том, о чём мы вчера говорили, а начнёт темнеть, когда уже, как принято можно спокойно и по улице под руку ходить. Так же?! У вас обычно, как стемнеет молодёжь начинает гулять по улице? В городах там всегда гуляют, у них же нет таких хлопот, как в деревне и хозяйства и огорода.

— Не знаю. У нас, наверное, по улицам не ходят. Мы вот собираемся с подругами тут на скамье. Другие в другом месте, кто-то у клуба, ещё где, а гулять — этого нет. У нас же не город, где в парке гуляют.

— Ну, раз парка нет, то хоть к пруду ходим. К большому далеко, к этому, что в селе не подойдёшь, огороды до самой воды, остаётся тот, где я не был. Пошли?

— Ну, пошли, но не долго, а-то комары заедят.

— Я их разгонять буду.

Мы пошли по улице, справа за домом Тониных родителей начиналась заросшая кустарником рощица. Оля увидела мой взгляд в ту сторону и пояснила:

— Здесь у нас когда-то сад был, я его ещё помню. Сейчас всё заросло. А вот, — она показала налево, — здесь Иринка живёт, ты её уже знаешь.

Мы шли дальше. Потянуло свежестью, справа начались высокие камыши, а слева еще несколько домов и село закончилось. Дорога разветвлялась, одна шла прямо, а другая сворачивала направо в сторону камыша.

— А там воды нет, раз дорога проходит? — спросил я у Оли, показывая на ту, что уходила направо.

— Нет, в такую погоду нет, родники бьют ниже и вода ручьём в малый пруд, что в селе бежит, а балка выше пересыхает летом и тянется до того, верхнего пруда. Я там с папой рыбу ловила, не крупная, но ловится.

— Ты? Серьезно?

— А, чего ты удивляешься? Я люблю рыбу ловить, интересно. У нас тут живёт женщина, её даже по имени никто уже не зовёт, а называют Рыбачка, она почти каждый день сидит на пруду или на старом, что в селе или на большом.

— Рыбачка Соня.

— Нет, её не так зовут. Сейчас вспомню, как...

— Да не она, ты — рыбачка Соня! Соня — Оля, со-звучно, — я засмеялся, вызвав смех и моей спутницы, г-да, можно сказать.

— Может не пойдём на тот пруд? Комары и вообще, уже стемнело, — неуверенно просила Олька.

— Как скажешь, я для тебя, что хочешь сделаю, а ты мне обещанное, а?

— Да, о чём ты?

— Я побрился? Побрился и... что?

— А! А я разве обещала? Ну ладно.

Оля потянулась, привстав на пальцы и быстро дотро-нувшись до моей пылкой щеки губами, также быстро от-странилась от меня.

— Ну, вот, я так и знал. Я расстался с тем, что мне так дорого, а мне не могут уважить такой малостью.

Я сделал решительный шаг вперёд, обнял Ольку, посмотрел ей в глаза и не увидев явного протеста, они так же светились совместно с добродушной улыбкой. Прижав её к себе сильнее, чтобы ощутить через тонкий шёлк тепло тела и стук сердца. Услышав волнительное сердцебиение, медленно приблизился к её устам, при этом, последнее, что я мог видеть — это закрывающиеся веки глаз девушки. Поцелуй оказался неожиданно продолжительным и до тех пор, пока я не ощутил её желание освободиться. Я неспешно освободил захват и отстранив голову посмотрел Ольке в глаза, ожидая увидеть в них выражение негодования и осуждения, но ничего подобного не увидел в отблеске её красивых карих глаз.

— Извини! — на всякий случай извинился за поступок, который многие девушки считают долгожданным и желанным. Но сейчас особый случай и девушка не такая, как все, особая, девушка моей судьбы и я боялся сделать ей большо и, конечно, не хотел, но мог такими поступками просто отпугнуть от себя ту, которую только что нашёл, ту к кому рвётся сердце и стремится душа.

— Пойдём назад.

— Я тебя обидел, да? Хотел просто..., ну прости! Обидеть не хотел.

— Да, нет, не поэтому. Я целоваться не умею. Да и правда, там сыро и комары. Пойдём назад, посидим лучше на лавочке.

— А мама опять будет тебя зазывать?

— Ладно, пойдём в другое место, я знаю там, за клубом аллею, там не подрезанная «живая изгородь». Мы там в детстве в прятки играли, там спокойно и скамья есть, если никто не занял.

— Пошли! — согласился я очень охотно на такое предложение.

Мы прошли мимо её подворья, где в окошке летней кухни горел свет, в нашей общаге окна нараспашку и Петя включил, полюбившуюся ему группу «Чингисхан», мужиков видно не было, видимо резались в карты. Пройдя по всей улице, встретили пару подростков, куда-то спешащих, женщин на лавке у входной калитки, что-то бурно осуждающих и вот уже клуб, где, хоть и горел свет, но было тихо. Пройдя вдоль «живой изгороди», которая была посажена буквой «П» вокруг территории, прилегающей к клубу, свернули слева и оказались, как в другом мире. С одной стороны кустарник изгороди, как бы отклоняясь от восточных ветров сделал изгиб волной и навис над проходом, а с другой стороны росли по меже тополя и между ними густые кусты сирени, чуть дальше виднелся угол скамьи.

— Вон там, — почти шёпотом сказала Оля, показывая в ту сторону пальцем.

— Сейчас узнаем «кто, кто в тереме живёт?» Нет никого или гранату кинуть? Видишь, тишина, значит — никого.

Мы прошли под тень кустарника и обнаружили свободную скамью. «Повезло!» — подумал я. Где же сейчас та молодёжь, что в селе есть или в таких секретных местах собирается, что никто ни слухом, ни духом.

Мы присели друг к другу в пол-оборота. Я пытался разговорить Ольку, но это у меня или совсем не получалось или нужно было применить очень много изворотливости и стараний, чтобы принудить её к ответу. Я вспомнил, что говорила о ней Ирина — «зато она умеет слушать, как никто» и с этим не поспоришь. Можно было сказать, что мне повезло с собеседником в лице девушки, если бы я испытывал неуёмное желание просто излить кому-нибудь душу, но это не то, этого мало и меня совсем не устраивало. Не спорю, порой такое, иногда упёртое молчание, когда вопросы были серьёз-

ными и касались чего-либо личного, даже раздражало, ведь я хотел знать о ней, если не всё, то многое, что только могло облегчить нам общение. Зная, что она любит, чего терпеть ненавидит, что нравится и о чём и слышать не хотела бы — это такие вещи, не любопытства ради, а для налаживания дружеских, не говоря о более высоком статусе отношений.

Олька немного поделилась своими планами, что хотела бы устроиться на работу в швейное ателье в Матвеевом Кургане, а жить собиралась у своей средней сестры Татьяны. Узнал, что её старшая сестра, она на год старше от меня, Галина, замужем, живёт в хуторе Бирючем, что километрах в четырёх от Камышовки и у них уже двое детей. Я пытался вспомнить по школе камышовских девчат, которые учились на класс старше и не мог вспомнить её сестру, меньшую также. Видимо это потому, что был сравнительно серьёзным учеником и меня больше интересовала учёба. Да и 13—14 лет, не все пацаны влюбляются в девочек. Но это всё в прошлом, зачем ворошить.

Узнал ещё, что Оля заканчивала десятилетку в с. Политодельское, что в 10 км от Камышовки и так же от Марьевки и если посмотреть на карту, составляют, если соединить три села, равнобедренный треугольник. Выяснил я ещё и такую новость, когда я рассказал, где я жил в Марьевке. Оказывается, моя тётя Анна (Нюрой её звали чаще), работая нянечкой в школьном интернате, водила девчат в нашу хату, где после нас какое-то время жила семья сестры Тамары, меньшей дочери тёти Анны. Вот и всё. Обо мне она стеснялась что-либо расспрашивать, и я сам кое-какие сведения, обсуждая что-либо в этом русле рассказывал. Но обсуждения больше были похожи на мои длинные монологи.

Когда у меня появилось желание приблизиться к Ольке как можно ближе, я как-то резко повернул го-

лову и ощутил какой-то непонятный щипок и сразу не понял в чём дело. Руки девушки, как и до этого были сложены у неё же на коленях, спина прижата к спинке скамьи, как в школе за партой, всё равно. Я сразу и за-был бы об этом, но тут повторно, когда я наклонялся, чтобы её поцеловать, ощутил тоже самое и чётко увидел разряд между ней и мной, заметив боковым зрением. Искры проскочили между рукавом её платья и моими волосами и мои кудри примагнитило к ней платье.

Я засмеялся, это было так неожиданно и интересно.

— Оля, смотри как ты меня к себе притягиваешь. Смотри, я не шучу.

Она посмотрела и увидев, тоже засмеялась. Провела рукой между собой и моей головой, оторвав волосы, но как только убрала руку, они вновь устремились к её платью.

— Потому-то северный полюс и южный притягиваются друг к другу, а разноименные наоборот, отталкиваются, а искры знаешь почему? Что у тебя по физике было?

— Четыре.

— Четыре для девушки — это поощрительный балл девушке от учителя, если он мужчина, за красоту, а не за знания не в обиду будет сказано. А электрический заряд получается там в проводнике, даже таком, как волос, где есть переменное магнитное поле. Но это не важно. Важно, что нас притягивает и другая сила. Не ощущаешь? А я, ох, как ощущаю.

Я повернулся, чтобы было поудобнее, взял её нежно за голову и медленно прильнул к её, приоткрытым от удивления устам и от этого поцелуй поучился ещё более изысканный. Перебрав неспеша планомерно нижнюю и верхнюю губу, соединив их воедино крепким поцелуем и сразу отпустил, делая расслабляющие нежные прикосновения к чувственным девичьим, скорее всего, даже не беря во внимание её честное признание, о не це-

лованных устам, и переходя дальше и дальше, по мере того, как в груди нарастала неудержимая страсть. Я старался не давать полной свободы и воли рукам, контролируя самого себя или это добрый мой Ангел делал за меня, не знаю, но всё же, руки плавно перешли с головы, по вытянутой от опрокидывания назад головы, шее к плечам и трепетной юной груди. Ощутил резкое движение её руки, которая сначала хотела убрать мою руку с груди, а когда я замер этой рукой на том месте, где был пойман с «поличным», она осталась сверху моей, говоря тем самым «всё под контролем». Выждав пару минут, тянувшихся для меня значительно дольше, я очень медленно продолжил движение рукой под V-образное декольте платья, изучил, как это делают слепые, запоминая предметы рюшечки по периметру бюстгалтера, проверив его осторожно «на прочность» и способность восстанавливаться, после «смятия», заключил, что эта деталь заслуживает определённый интерес, но больше всего, как процесс, следующий за желанием его снять. Думаю, что опытные девушки и покупают эти предметы, я бы сказал, не первой, не главной необходимости, но важные в личном белье, как аргумент в сторону статуса красоты груди.

Попытка проникнуть с первой же попытки под этот предмет, которому я уделил столько внимания и времени, не увенчался успехом, был «пресечён на корню» её, я имею в виду грудь, хозяйки. Я резко, больше для того, чтобы выглядело эффектно, выдернул руку из-под декольте, да так, что без малого сам себе не разбил своей рукой нос, а потом так же демонстративно, целомудренно-безгрешной левой рукой отхлестал шаловливую правую, приговаривая при этом:

— Ата-та! Ата-та! Вот тебе, вот тебе! — под залихватский смех Ольки.

Глава III. Жатва

Наши «увольняемые на берег» приехали рано утром, когда мы только принимали утренний туалет с водными процедурами. Андрей привёз новенькую робу, видимо мама выпросила на складе ему. Надолго ли она будет такой, подумал я. Тогда нужно было уже две брать, чтобы одну стирал, а в другой ходил. Да, ладно, сам поймёт, когда до красна расчесется весь.

На бригадной площадке взревели мощные, долго действующие без должной загрузки, дизели и конечно не каждый мог различить по звуку, работает это дизель СМД-18 рядный с четырьмя цилиндрами или его брат, выпускаемый тем же Харьковским тракторным заводом (ХТХ) более мощный V-образный шестицилиндровый СМД-64. На СК-6 «Колос» устанавливались шестицилиндровые и размещались над молотилкой сразу за кабиной, сбоку которой симметрично были расположены два бункера для зерна. Вот из-за такого расположение иногда случались непоправимые трагедии, в случае возгорания силового агрегата, комбайнёр становился «заложником» в кабине. Стёкла было очень трудно разбить изнутри и, даже разбивалось, за ним вокруг всей кабины были закреплены солнцезащитные металлические жалюзи. А с ними ещё сложнее.

Но не будем о грустном, это я к чему вспомнил. Работая в колхозе, «Искра» мастером-наладчиком самым важным было содержание комбайнов в чистоте от масел и особенно от семян осота и половы вездесущей. За всеми комбайнами колхоза был закреплен один агрегат на базе автомобиля ГАЗ-52 АТО-4822, с мастером-наладчиком и водителем в одном лице из районной Сельхозтехники. В лучшем случае, Николай, работающий на этом автомобиле и выполняющий технические обслужи-

живания, просто физически не успевал. Воду ему приходилось брать на фермах и не везде был хороший напор, там воду качали индивидуальными насосами со своих скважин. Оставалось только уповать на Бога и стараться, если в течении всего дня следить за чистотой тех составных частей, где возможно появление искры.

Курить на комбайне строго запрещалось, но выдержать без сигарет несколько часов — это была пытка похлеще гестаповской. Мы набирали в какую-либо устойчивую банку воды, устанавливали в углу кабины за сиденьем и там тушили окурки.

Механик выдал новые огнетушители и швабры с набитым брезентом для сбивания пламени. Заполнили бочки водой и на заправке уже собралась очередь в три-четыре комбайна. Штурвальные бегали вокруг комбайна, проверяли и в случае недостатка смазки смазывали подшипниковые узлы.

— Повезло тебе, Андрюша, я когда был на СК-4 штурвальным, там каждое утро расходилось до пяти шприцов солидола и в течении смены приходилось смазывать деревянные подшипники, там смазка долго не держалась и из-за вот перегрева этих самых деревянных подшипников могло произойти возгорание, особенно, если на граблинах, под ними солома.

Андрей слушал молча и выполнял то, что я ему говорил. У меня не выходили из головы слова его мамы: «Саша, последи за ним. Он же у меня один...». Интересный подход при объяснении. Можно подумать, если у моей мамы нас трое, то двоих потерять можно, один же останется... Что это мне такие мысли в голову лезут. Это напряжение даёт о себе знать. Всё, лафа закончилась. Теперь вся работа будет в напряжении сил, нервов, потом и кровью сбитых пальцев, как минимум.

После завтрака мне нужен был Николаевич, который отпуская материалы в своем складе в мастерской, нужно

было получить аптечку, хоть и мелочь, но необходима всегда. Подходя к входным воротам, в которых была и врезана дверь, увидел отца Оли, Егора Павловича, он подогнал трактор с роторной косилкой КИР 1,5, которой косил люцерну для подкормки стада телок и дойного стада, с какой-то проблемой, требующей сварочной работы.

Я поздоровался. Он, повернувшись и узнав во мне «возмутителя покоя» её меньшей любимой дочери, уверен, что жена, видевшая меня, ожидавшим Ольку, ему должна была рассказать, подозвал к себе:

— Ну, здравствуй, зятёк! Спешишь? Ты, случайно, не сварщик? А-то ваш «сварной» приезжает часам к 10, а у меня телки не кормлены.

— Здравствуйте! Нет, извините, не умею, хоть и не мешало бы научиться.

— Я вот что хочу спросить. Тебе дочка моя нравится?

— Нравится, Егор Павлович, очень.

— Вот! Так знай, я её в обиду не дам. Если решил просто «помурыжить» девку и бросить, то лучше оставь эту затею. Я, учти, такого не потерплю.

— О чём, вы? Я же не какой-нибудь залетный, я же, можно сказать, местный, вы, наверное, и это знаете. А Оля мне очень понравилась и, надеюсь, что вы не станете ей запрещать со мной встречаться.

— Посмотрим на твоё поведение. На эту тему, думаю, больше говорить не придется, — на какое-то время его обычная улыбка исчезла, а потом опять, улыбаясь, спросил, — а ты косой косить умеешь траву?

— Да, умею. Корове косил всегда и суданку садили дома, всегда косил и в степи. Во, если будет какой перерыв в работе, или раньше закончите, возьми и своих дружков, придёте, скосите мне суданку. Я бы косилкой скосил, а измельченная она же не хранится, попрееет. Договоримся, зятёк?! Магарыч и ужин будет.

— Да, сделаем и без магарыча. Если бы чуть раньше, вчера могли бы вместо рыбалки. Сделаем, Егор Павлович. За Ольку не переживайте, я сам кого угодно за неё порву, как Тузик грелку, обещаю.

— Ну и ладненько. Вот и поговорили, — закончил с доброй улыбкой тесть, раз меня уже зятем зовёт, то не иначе, как тесть.

Я стоял и забыл, куда и зачем шёл.

— Что-то хотел сказать? — обратил на меня внимание, как на окаменевшего отец Оли.

— Нет. Вспомнил, к механику шёл.

— Ну, что жених, познакомился со своим тестем? — в упор спросил Николай Иванович, когда я зашел к нему в «кильдым», так называли кладовку механика так, потому что все было захлавлено вперемешку всё лежало и на полках, и на полу, и в ящиках. Порядка здесь, наверное, никогда не было и не будет и не только у Николая Ивановича.

— А, вы от куда?

— Да, Егор Павлович тебя с самого утра ищет. Всё нормально?

— Всё нормально. Поговорили, всё отлично. Ноги пока выдергивать не будет, а когда уборка закончится, сказал, может и выдернет, пользы больше колхозу от меня же не будет.

— Он такого никогда не скажет. Шутник. Что тебе?

— Николай Иванович, вы аптечки обещали завести, есть? И пружин подборщика взять в запас с болтами можно?

— На доброе дело всегда, возьми вон в том ящике, а аптечку сейчас дам, у меня в шкафу, спрятал, чтоб не раскурочили. А-то оттуда йод вынут, оттуда бинты и некомплект получается. Проверь сразу все по перечню. Ну, как вы вчера поймали что? Я видел проезжали мимо моего двора?

— Да, на уху наловили, знатная уха была.
— И без того, як его? — удивлённо спросил механик.
— Обижаете, Николай Иванович, как же так, чтоб уха и без того, як его — никак.

— Ясно. Как ты успеваешь и за дочкой Егора Павловича ухлёстывать и уху под водочку пить?

— Талант, а талант не пропьёшь.

— Ага, как говорят: «сам себя не похвалишь, никто не похвалит», да?

— Понимайте, как хотите. Думаете, если я, наоборот, буду себя принижать, кто-то будет против?

— Да, нет, конечно, совсем заклюют.

— Ну, вот. Ладно. Спасибо! Пора в бой!

— С Богом!

Я вышел с охапкой запасных пружинных граблин и аптечкой в руках. Егор Павлович, нагнулся над косилкой, что-то придерживал, а Лешка, сын кузнеца Микиды, умеющий сносно варить, заваривал лопнувший брус на раме. «Ну и ладненько!» — подумал я, что разговор сегодня состоялся, это даже лучше. Когда-то нужно всё равно знакомиться. Вот, если бы ещё удалось время выкроить, чтобы скосить суданку, думаю, что мой авторитет стал бы чуть выше. А кого бы ещё взять. Петро точно умеет косить, он в деревне жил. Ну ещё одного бы и хватит. «Меньше народу, больше кислороду», а то объедят архаровцы моего будущего тестя.

Пока я ходил, Андрей заправил комбайн.

— Порядок, Андрюша? — спросил штурмана?

— Конечно, а как иначе?

— Да по-разному бывает. Ну и хорошо. Команда поступит, тогда и трогаемся.

Подъехал бригадный агроном, Виктор Сергеевич и поставил задачу. Требовалось в первую очередь убрать поле озимого ячменя, который созревает не только раньше ярового, но и озимой пшеницы, площадью 50 гектар.

— Вашему звену из двух «Нив» и трёх «Колосов» на полтора-два дня работы. Проверьте зазоры в молотильном аппарате, между бичами и декой спереди 18 мм, в середине 14 мм, а на выходе 2 мм. Приеду проверю, будут потери в копне — заставлю копню перемолачивать и вентиляторы отрегулируйте оборотов на 700—800, не больше, чтоб зерно с половой не выдувало. Всё ясно? Вперёд! За орденами!

Комбайны дружно двинулись с «насиженных мест» в бой за «урожай-80». Поле располагалось недалеко от бригады, около 2 км и к уборочному звену прикрепили 4 автомобиля ГАЗ-53, командировочных из Матвеева Кургана. Вёл колону местный комбайнёр, хорошо знавший поля и все дороги и проезды к ним, и кто бы сомневался, что это не будет коммунист Валерий Бабкин, да никто — «коммунисты вперёд!» мы призыв хорошо знаем. Как тянула наша партия партийных к орденам до этого, так и сейчас. Вторым шёл комбайн Василия Манакова, тоже одного из уважаемых в колхозе комбайнёра. А уже за ними мы, «басмачи», побритые по старшинству экипажи: Николая Григорьевича Петренко, Петра Самойловича Гончаренко (когда бы ещё я так «Самурая» назвал), ну и мой комсомольский.

Нужно было взять в райкоме комсомола комсомольскую путёвку на уборку, прославились бы на весь район, у нас любят в районную газету такие вещи писать. И это бы я сделал легко, если бы эта умная мысль пришла раньше. Первый секретарь Комитета Комсомола района мой земляк, Николай, он марьевский, учились даже в институте в одно время, только он на год старше. «Хорошая мысль приходит опосля», как гласит поговорка.

Я подъезжал к перекрёстку, сбавил ход, так он не просматривался почти налево из-за нашего общежития, закрывающего обзор и тут в уборочной «запарке», могла случиться авария. Помех не было и начал поворачивать

налево, а правее открылось подворье моей молодой княгини и поневоле немного растерялся, куда смотреть, на дорогу или во двор, где может случайно появиться она, та, о которой из-за сегодняшнего «накала» сборов, я только впервые за два часа вспомнил о ней. «Это плохо, — подумал я, — это очень плохо!» и стал внимательно следить за дорогой.

Но, с другой стороны, если посмотреть, я утром говорил, не более часа назад с её отцом — это разве не думал о ней? Кто-то скажет — «тебя вынудили подумать, сам бы и не вспомнил». Кто так говорит или думает, судит по себе, скорее всего. Да, я сейчас в большом напряжении. Я хоть и досконально знаю комбайн, с интересом изучая его в институте, но на «Колосе» еще не приходилось работать. Хоть я заметил «ляп» агронома, когда он давал рекомендации по регулировкам комбайнёрам, но забыл, что в звене две «Нивы» и три «Колоса», а он дал только зазоры для «Нив», а «Колос» имеет два барабана и под первым барабаном подбарабанье (деку) и под вторым двухсекционное подбарабанье и регулировки здесь намного сложнее, нужно больше замеров производить.

Ну, да, ладно, как говорят: «Ты — начальник, я — дурак». Когда необходимо будет, тогда поумничаем, а сейчас «посопим в две дырочки», как мне бабушка Варя говорила. Выехали за село и проехав одну клетку свернули с асфальта на грунтовку вдоль лесополосы. Приехав на поле, подлежащее подбору, на валки зашли два комбайна, «Нива» Бабкина и «Колос» Николая Григорьевича. Они выполнили пробный заезд, чтобы проверить сорность зерна в бункере и наличие потерь в полове и копне.

После того, как результаты оказались в норме, мы сверили регулировки у всех остальных комбайнов и под обязательное в таких случаях «С Богом!» пошли в бой и партийные и комсомольцы и, в основном беспартий-

ные, потому что всё думали одинаково — нужно урожай убирать быстро, аккуратно и без потерь.

Как я соскучился по этому монотонному, если нагрузка идёт равномерная на все механизмы комбайна, как я хотел, даже в море на службе мне чудился запах жатвы, этот неповторимый и ни с чем не сравнимый. Горожане слышать по телевизору такие выражения, как «уборка урожая», но это может быть и уборка овощей или фруктов, а вот когда говорят — «уборка хлеба», то возможно, кто-то недоумевает, думая, а что батоны хлеба растут в поле или на деревьях, но самое точно слово для этого периода я считаю слово «жатва». Наши деды и прадеды жали урожай. Моя бабушка Анастасия рассказывала, какая тяжелая работа — «жать жито», так говорили, понимая под житом любую зерновую колосовую культуру, как «хлеб в зерне».

Конечно, сравнить жатву у крестьян, хотя бы начала XX века, о которой мне бабушка рассказывала, невозможно. Но, чтобы не оставлять вообще вопросов невыясненных по этому поводу, может быть для кого-то это даже новостью будет, но даже уже при современных технологиях 70-80-х годов существовало у нас три различных способов уборки урожая, два из которых многие знают хорошо — это отдельное комбайнирование, как вот сейчас мы будем подбирать зерно в валках, доведённое до кондиции солнцем и ветром; второй — прямое комбайнирование, т.е. скашивание с одновременным обмолотом. У каждого есть плюсы и минусы, конечно.

Есть поговорка: «Нет ничего более нового, чем хорошо забытое старое». Так вот третий способ, который существовал и технологические процессы были подробно разработаны в литературе — это тот же дедовский метод, только с привлечением современной техники и стационарного оборудования. При этом хлебная масса, колос со стеблем срезается, как и при отдельно комбайниро-

вании, но не улаживается в валки, а свозится на тока в бункерах-накопителях. На токах зерно в колосе дозревает и его обмолачивают здесь теми же комбайнами или на стационарных установках. Как подсчитали ученые, потери в разы бы снизились, так как самые большие потери, при подборе, когда зерно готово и много его разлетается по полю. Но «не срослось». Где-то, что-то, как-то и почему-то не пошло. Может быть себестоимость продукции получалось с применением этой технологии выше.

Комбайн с разворота заходит на валок, как самолёт для разгона и взлёта на взлётную полосу, с той лишь разницей, что там полоса в пределах 2000 метров, а у нас гоны в 500 метров и взлететь мы с такой полной массой в 12—13 тонн с полными бункерами зерна, разве что во сне может получиться. Андрей стоит за спиной и наблюдает за моими действиями. Сейчас он чем-то схож на меня, сдающего на «самоуправлением подводной лодкой», с той разницей, что я его в трюмы не загоняю и ещё в том, что там мне редко кто много показывал и рассказывал, приходилось самому вспоминать и догонять исходя из увиденного глазами. А сейчас он видит, как практически выполняются операции запуска молотилки, как включается в действие подборщик зернового валка, как на ходу изменяется скорость вращения питающего транспортера, молотильных барабанов или скорости движения комбайна с переходом или на «пониженную» или «повышенную» передачи с помощью клиноременных вариаторов.

Все механизмы запущены, обороты двигателя на максимальных, жатка плавно опускается на стерню, благодаря замедлительному клапану, установленному в гидроприводе управления подъёма и опускания жатки, если проще, то это калибровочное отверстие, в разы снижающее скорость истечения рабочей жидкости из гидроци-

линдров подъёма жатки. Мне очень нравится этот процесс, когда жатка касается поверхности поля, ложась на опорные лапы в виде сноуборда, с той лишь разницей, что движутся не по снегу, а по стерне, оставляя за собой заметный след.

Изначально у жатки, имеющей значительный вес, передняя часть, перевешивая, как бы отдаляется от комбайна, а коснувшись земли на тех же лапах, подбирается медленно ближе к самому комбайну. Вот такое плавное и завораживающее своей своеобразной красотой работы звеньев механизмов напоминает мне следующее. Комбайн — это парень, жатка — девушка. Наклонная камера с транспортёром, рычагами и подвеской я представляю, как руки, которыми они держат друг друга. Вот девушка вырывается, как жатка, стремящаяся вперёд подальше от комбайна, но парень её не отпускает, удерживая сильными руками и говорит такие признательные слова любви, что девушка сменяет свой гнев на милость, а потом и сама прильнула к его груди, уже без усилий самого парня. Вам кажется смешным? Зря. Это так романтично и это я наблюдаю каждый раз заезжая в загонку.

Включается передача, рекомендованная агрономом, в зависимости от объёма валка, она могла быть и первой «пониженной», если валок мощный и, к тому же двойной, и второй повышенной при «жидком» валке. Комбайн двинулся вперёд, пружины подборщика подняли валковую зерновую массу и направили её благодатной лентой к шнеку жатки, тот сузил её до размера проходного окна и передал питающему молотилку транспортёру, в котором стебли с колосьями, издали шуршащий звук, касанием за кожух транспортера, усиливая этот звук, как дека гитары. Бичи первого молотильного барабана с жадностью, как изголодавшиеся волки хватают массу и подминают под себя, придерживая, как лапами декой подбарабанья, чтобы успеть извлечь из этой массы то, ради чего этот

процесс и затевался, золото полей — зерно, который мы привыкли называть хлебом. Но за голодным «волком» наблюдает зорко «стервятник», который не прочь поживиться остатками от пира «хищника» — это второй барабан с двойной декой. Достается досыта и «стервятнику», он отделяет то, что ещё осталось после главного «охотника» за зерном. Как бы хорошо не была обглодана кость, найдется немало труднодоступных даже для мощного клюва «стервятника» мест, где спрячется частичка плоти, а в нашем случае, зерно. И найдутся в молотилке комбайна еще несколько хитроумных механизмов, которые, подобно муравьям, обглодают зерновой ворох до блеска стебля соломы на соломотрясе.

Остается процесс сортировки и отделения мелких примесей, с чем справляется решётный стан, с отрегулированными на данную культуру решётами и отделение ости с зерновыми чешуйками в вентиляторе. Зерно направляется зерновым шнеком к зерновому элеватору, который заполняет им бункеры. Оставшиеся необмолоченными колоски, улавливаются отделителем и направляются на повторный обмолот.

Кому-то, конечно, это неинтересно. А мне, как любителю красивой музыки песня, исполнении замечательного певца под музыку большого оркестра, слаженного и отрепетировавшего, без фальши исполнившего музыкальное сопровождение. Комбайн — оркестр, комбайнёр — дирижёр, механизмы — многоголосые инструменты оркестра. И всё вместе — эта такая песня, что сердце радуясь замирает. Кто-то видит в тяжёлом труде комбайнера возможность заработать побольше денег и зерна, в качестве натуральной оплаты, мне же главное — душевное удовлетворение, чувствовать себя важным звеном музыкального коллектива. Возможно, это не всем дано, но это, хоть я и пытался как-то объяснить, его нужно просто прочувствовать.

Кабина, на, казалось бы, неплохую герметизацию наполнилась ни с чем не спутываемым ароматом жита, запахом жатвы. Его можно сравнить с тем, когда вы не просто нюхаете веточку мяты, а разминаете её в своих руках и этот запах усиливается в разы, так и этот аромат, который не то, что стоит в кабине, из-за непосредственной близости с тем местом, где «мнут» зерновую массу, как мяту, но и на сотни метров разносятся ветром.

Я смотрю в смотровые окошки зерновых бункеров, расположенных по обе стороны от кресла комбайнёра. Вот такие же бункеры я собирал на комбайновом заводе 6—7 месяцев назад и мне в нём знаком каждый болтик, каждый винтик. Распределительный шнек выравнивает зерно, подаваемое элеватором по всему объёму бункеров. Скоро бункера будут полными. Как говорят комбайнёры: «Ячень хорошо сыпет!», т.е. урожайность хорошая.

Андрюшка присел на инструментальный ящик чуть сзади и слева от меня, подмостив под себя старую робу. Я, не отвлекаясь от валка, поглядываю в зеркало, установленное впереди, и вижу его растопыренные глаза. Он действительно сильно поражён увиденным. Я часто, выполняю какую-то новую операцию, декламировал ему, что делаю и какой смысл или функция данных манипуляций. Бункера полны «под завязку». Останавливаю комбайн и после того, как вся зерновая масса проходит весь процесс очистки: соломотрясы сбросят с себя последний куль соломы, а элеватор порцию зерна и по звуку будет слышен звук ненагруженного молотильного аппарата, останавливаю молотилку и подаю звуковой сигнал водителям.

Один из ожидающих загрузки зерном «ГАЗ»он подъезжает к комбайну.

— Андрей! Почему сидим? Отбрасывай выгрузной шнек.

Андрей, сидевший в раздумьях, вздрогнул и быстро выбежал из кабины, отбрасывать шнек. Я включил привод выгрузного шнека.

— Поздравляю, Андрюха, с первым бункером зерно в твоей жизни! — выйдя из кабины, чтобы размять ноги, пока идёт выгрузка, поздравил штурмана.

— Какой хозяйственный номер комбайна? — спросил Саша, водитель автомобиля из «М-Курганагротранса».

— «Девятка», зёма!

— Отсоединяй шнек, — дав указание Андрею, включив выгрузку, поставил палочку карандашом на прикреплённой магнитом к стенке бункера картонке из прокладочной бумаги.

Начало есть. Солнышко поднималось и припекало. Вентиляторы, установленные впереди кабины, под козырьком, нагнетали в кабину горячий воздух и помогали лишь тем, что воздух двигался, а когда ветер был попутный, то их нужно было выключать из-за того, что пыль поднимающаяся перед комбайном с завихрением загонялась в кабину. Да эта пыль доставала по любому и везде, закрыта дверь или открыта настежь. Потому и ещё из-за того, о чём я говорил вначале, исходя из мер по противопожарной безопасности и охраны жизни, проще говоря. Бережённого Бог бережёт.

— Ну давай, штурман, покажи на что способен, а-то все уши прожужжал: «Дай порулить! Да, дай порулить!» Бери, управляй кораблём полей. Но внимательно.

Андрей заулыбался и решительно сел за штурвал. Я присел на инструментальный ящик и наблюдал за его действиями и, когда комбайн, довольно уверенно начал двигаться по проложенному, как линия наступления на карте сражений, валку, я закурил и взяв банку с водой, сбивал с нею аккуратно пепел. Всё шло пока хорошо, и я мог расслабиться. Набьёт бункер, выгрузит в машину и, если замечаний не будет, смогу его отпустить

в самостоятельное «плавание» по родным просторам полей.

Я вспомнил командира, когда в море, попросив разрешение подняться в верхнюю рубку, где кроме него находился вахтенный офицер, стоявший за штурвалом, и я попросил разрешение закурить.

«Кури, коль здоровья не жалко. Ну и как тебе морские просторы, матрос, командир отделения? — не упустив возможность меня „подковырнуть“ за недавний заплёт и лишение звания „первостатейного“ старшины, — Нравится?»

«Конечно, товарищ командир, впечатляет. Если волны покрасить в рыжий цвет, то нивы наши бескрайние напоминает, — ответил сложнее, чем он ожидал, наврное. Но на то я и Камбала, чтоб быть несхожим с другими».

«Во, как ты заговорил, романтик. Небось и на уборке успел поучаствовать, а?» — интересовался «кЭП».

«Было дело. Убирал наше национальное богатство, хлебушек. Городские же думают, что хлеб убирают, как яблоки, срывая батоны с дерева, а это, на самом деле не лёгкий труд», — сказал с таким ударением, как будто это пытался доказать не верящему командиру.

«Не хочешь ли ты сказать, мечтатель, что вот тут с товарищем старшим лейтенантом, на курортах, на прогулочном катере прогуливаемся, получая массу удовольствия от загара под заполярным, а теперь балтийским, но не черноморским солнцем?» — с напором, от которого мне захотелось пригнуться, чтобы словесный «удар» прошёлся над головой, произнёс командир.

«Простите, товарищ командир! Даже не думал. Я имел ввиду городских жителей, видевшие хлеб только на прилавках в магазинах. Служба офицера и трудна и опаснее в разы, но и почётная. Да и своей службой я

горжусь, очень горжусь», — извинился и постарался исправить положение, под улыбки офицеров.

«То-то же. Покурил?! Ступай вниз. Порулить всё равно не дадим. Звёзд на погонах нет, да и лычек тоже, — опять задел меня командир, что было одним из его любимых методов воспитания, ступай, ступай!»

— Саня! Саня, глянь! — завопил Андрей, резко прервав мои воспоминания.

Я вскочил на ноги, глянул в низ и увидел, что подборщик не подаёт валковую массу, а сунет её, как бульдозер. Оттолкнул штурмана из-за руля, выжал сцепление и остановил комбайн. Сдал чуть назад, оставив кучу скошенных стеблей, приподнял жатку оторвав от земли, чтобы убедиться, сто в валке нет большой палки или, что ещё хуже, лома. Лом подбрасывают те, кто рвётся в передовики и делают другим подлость, приводящую к поломке, иногда на несколько дней. За такие дела при Сталине к стенке ставили. Но к счастью, все было проще, сработала от нагрузки муфта скольжения привода подборщика, отрегулированная на аварийные случаи.

— Что же ты, дурья башка, — в эмоциях крикнул на Андрея, — дай порулить, дай порулить — так рули, но следи же. Остановить сразу комбайн слабо было? Вот теперь, чтобы дошло через руки, гонщик, иди к куче, и понемногу перебрасывай через подборщик к шнеку. Давай живей только, Самурай на «хвост наступает».

Я мог, конечно, неспешно «перелопатить» собранную кучу, но учить-то нужно. Андрей оперативно справился с задачей и я, не дожидаясь, когда он поднимется на мостик, тронулся дальше. Штурман поднялся с одышкой.

— Курить бросай, Андрей. Тебе 17 лет, а дышишь, как старик. Урок усвоил или мне дальше управлять.

— Не, давай я. Я понял всё.

— Ну и хорошо. Хорош не тот, кто не совершает ошибок, а тот, кто их признает, исправляет и старается

впредь не совершать, так?! Я верю, ты справишься. Может сам будешь уверенней себя чувствовать? На развороте я сойду, с мужиками покалякаю. Давай, доказывай, что ты не на простом тесте замешан.

Николаю Григорьевичу и Пете Самураю было проще, их штурманы были опытными, и они меняли друг друга, работая на равных. Ничего, когда-то и мой научится. «Не святые горшки обжигают».

Мужики лежали в тени лесополосы, где понизу продувал довольно свежий, по сравнению с тем, что был если подняться, да ещё и на солнышко выйти. Это было видимо из-за того, что земля, которая с самого утра была в тени, не прогрелась так, как та, что на солнце.

— Ну, как твой? Не боишься самому доверять комбайн? — спросил Николай Иванович.

— Мне было 14 лет, когда я через неделю остался один на комбайне, комбайнёр запил, заменить некем было. Больше недели выдержал, а когда бригадир заметил, что меня «штормит» от усталости, побоявшись, чтобы не влез куда-нибудь, заставил комбайн поставить в бригаде. Вот такое у меня учение было. И учил так же, показал и вперёд, а сам с мужиками, вот так же лежал в тени и винишко глотал. А, как ещё учить? Без меня он будет уверенней, думаю. Нужно доверять.

Обеды в поле казались ещё вкуснее, чем в бригадной столовой, хотя еда такая же. Я вспомнил, когда мы с отцом ходили на охоту и он доставал из сумки на привале самую простую еду: кусок сала, яйца, лук, картошку отварную — не передать, какая она была вкусная, эта еда на природе. А на рыбалке целый день грызли макуху, прессованный подсолнечный жмых, а казался вкуснее халвы.

Я, пообедав, подменил штурвального и сказав, чтобы он отдохнул пару часов в тени деревьев или, поспал. В таких условиях, самый близкий контакт с землицей-

матушкой и спится отменно, это я точно знал. Андрей кивнул и пошел в сторону автомобиля, где тётя Клава насыпала комбайнёрам добавку борща. Ох и отменный борщ был. Вспомнишь — пальчики оближешь.

Комбайны работали до половины десятого. Потом начала выпадать роса и агроном стал выгонять комбайны с поля. Установили комбайны на свои привычные места. Комбайнёры собрались на весовой, чтобы узнать свои первые намолоты. Там принцессой сидела Светлана, меньшая сестра Тони, с важным видом доводила до сведения.

Подождав, пока местные узнали свои результаты, молча подошёл и сел на стул напротив, внимательно разглядывая начальника в юбке.

— Тебе, чё? Фамилия, номер комбайна?

— «Девятый» номер, СК-6 «Колос».

— Есть такой. Сегодня, значит, 17 бункеров, намолот 280,5 центнера. Кто там ещё?

— Подожди, Света. А, где ещё два бункера? И сколько ты в бункере вес берешь. Плотность ячменя 600 кг/м^3 , бункер объёмом 3 м^3 , тут и школьник посчитает без ошибки — в сумме должно быть 1800 кг в бункере, а в 19 бункерах, да я отметил себе 19 бункеров, можешь посчитать, намного больше, где-то 330—340 центнеров, это «навскидку». А ты два- три бункера умыкнула, да? Это что, тем кому медали нужны приписала?

— Так, иди отсюда, всё тут правильно. Я Семёну Ивановичу пожалуюсь за нападки. Каждый права качает. Мне сказали, что у тебя бункера неполные.

— Кто же, кто мог сказать, если водители видели, что всегда «под завязку» набивал, а у тех, у кого, я вот у тебя смотрю — 22, 24 бункера, во, глянь и вес у них больше, чем 1800, как это? У них, что бункера больше? У «Нив» никак не могут быть бункера больше. Света, прекращай, я не за длинным рублём приехал, но и не позволю меня,

как пацана дурить. Пять тонн зерна умыкнуть — это не шутка, это только за день. Уверен, что и у «седьмого», и у «восьмого», как и у меня, так же.

— У «седьмого» 18 бункеров, а у «восьмого» 16. Лучше считайте, у меня всё правильно.

— Хорошо, я завтра агронома попрошу, чтобы он хронометраж снял, насколько я меньше, чем ваши местные бункеров набиваю и насколько заполняю не полными. Пусть сидит целый день и считает, и пишет, а послезавтра у нас будет новый счетовод. Договорились?

Света фыркнула, мне показалось, что даже заматерилась в сторону.

— Все уже? Я закрываю весовую.

Я пришёл в общагу самым последним. Мужики выплескали всю воду из душа, тем более что к нам подселили студентов из Таганрога и они, «изнывая» от жары, лёжа в своей отдельной комнате, в послеобеденную пору освежались в душе. Это уже разузнали предыдущие комбайнёры, последним из желающих помыться уже воды не хватило. Я поставил чайник греться и зашел к парням.

— Привет, парни. Меня зовут Александр, я комбайнёр и моя работа сегодня была менее пыльной, чем ваша напряжённая в душной непроветренной комнате. Но у меня есть убедительная просьба, вот здесь в 200 метрах есть один пруд, в 500 метрах второй и, насколько я знаю, вы после ужина уже не работаете. Можно и в пруду обмыться. А, если в душе, старайтесь, чтобы к 22 часам бочка в нём была полной и вода не из колонки, а прогретая солнцем. Или вы сегодня вместо меня к моей девушке пойдёте? Я так и думал. Знакомиться завтра будем, сегодня у меня что-то настроение испортили и понедельник тут не при чём.

Чайник закипел. Я налил в чашку воды, обмылся, побрился. Минут двадцать одиннадцатого. Идти или нет?

«Конечно идти! Что за глупый вопрос?!» — сделал укор внутренний голос.

«Ты так думаешь или уверен? — спросил я его и не дождавшись ответа, добавил, — хорошо, я уже почти готов, осталось одеться — это 45 секунд».

Я шёл и прогонял из головы и мысли о том, что нас потихоньку с первого дня начинают «иметь» и то, что появились новые «припудренные» товарищи, которых нужно учить общежитию, не тому в котором они находятся, а как жить совместно с другими людьми. Надо ещё Самурая натравить, он бывает, когда не в настроении грозным, может и генерала «построить».

Я подошёл, присел на лавочку, по привычке закурил и сразу переключился на мысли об Ольке. Почти сутки мы не виделись, да ещё сегодня был разговор с отцом, но это, я думаю, наоборот, к лучшему. Почему мы не договорились о времени, когда я приду. Да я же и не знал, могли и дольше работать. К летней кухне слышался разговор, видимо мать Оли разговаривала с отцом. На углу низенького строения висела электрическая лампа малой мощности, освещающая двор. Вышла мать Оли с большой чашей, выплеснула из нею воду под дерево и, подняв голову, увидела меня.

— О, жених пришёл, дед. А Олька и не знает.

— Доброго вечера Вам!

— И тебе не хворать. Шас позову.

— Спасибо! — ответил я с удовлетворением, что хоть эта проблема разрешилась сама собой.

Если бы я знал, что собака, привязанная близко к углу хаты, не достанет меня и не поднимет лай, а она, если нормальная собака, то обязана поднять, лай, я бы мог подходить к фасадному окну и постучав вызывать ту, к которой я пришёл. Но с ними, как я понял ещё живёт бабушка, а у неё, может быть слух ещё хороший. Нет, это не вариант. И тут я вспомнил, как мы доставав-

ли тех, которых хотели достать. Делали это так. Пробирались к окну, втыкали разогнутую булавку так, чтобы головка булавки смотрела в сторону стекла, в кольцо заранее привязывали нитку и когда уходили от окна, держали катушку ниток на карандаше, чтобы нить лучше разматывалась. Спрятавшись где-нибудь за забором, ждали пока хозяин или хозяйка потушат свет. А после этого начинали концерт на «струнных инструментах», дергая и отпуская нить, головка ударяла в стекло и звуки были очень ощутимы. Человек вставал, включал свет, подходил к окну, выходил во двор, кричал «Кто там?» и уходил снова в дом. Таких сеансов могло быть столько — пока не надоедало самим. Так может и мне такое сделать и Олю только предупредить.

Оля вышла на сей раз в цветастом ситцевом платье, приталенном пояском. Рисунок в полумраке я плохо рассмотрел, но это и стояло моей первоочередной задачей.

— Так поздно! Я собиралась спать ложиться уже.

— Оля, здравствуй! Извини, раньше не мог. Но, если ты решила, не могу быть против, не имею прав. Поступай, как знаешь.

— Ой, я не поздоровалась?!

— Да не страшно, всё равно скоро прощаться, да?

— Ты уже уезжаешь? — не поняла меня Оля, удивляясь.

— А ты бы жалела или желала? Интересные слова «жалела» и «желала» и буквы одинаковые в словах, а смысл разный.

Оля задвигала плечами, и я понял, что прямые вопросы ей задавать, как минимум сейчас ещё рано. Нужно было время, чтобы привыкнуть и или понравиться за это время, или, наоборот, до чёртиков надоесть подобными расспросами и возможно, после одного из них, тебя, морячок, просто пошлют, пошлют далеко и надолго. Но, пока этого не случилось, я спросил:

— Ты посидишь немного со мной или прогуляемся?

— Не знаю, я-то думала, мы по выходным будем встречаться. Я же не знала, что так поздно.

— Вывод, какой?

— Не знаю.

— Хорошо, я отвечу. Есть вариант первый, отшить меня и тема закрыта (сам удивился, зачем я это сказал, а вдруг воспользуется советом); вариант второй, мне бросить работу, если ты согласна со мной и дальше встречаться, и не только в выходные; вариант третий, ты можешь немного изменить свой график, так как я это сделать не могу из-за уборки, спать дольше, если позволят родители, чтобы час-два посидеть со мной или с тем, с кем захочется на свидании.

Оля покачала головой:

— Что-то ты совсем меня запутал, ничего не пойму. Хорошо, а ты, что хочешь?

— Скажу и не раздумывая. Я хочу каждый день с тобой встречаться, хоть на мгновение, хоть на час, а ещё лучше, если бы вообще не расставаться.

— Ну, как же это? Это невозможно.

— Возможно. Это возможно, если ты станешь моей женой, тогда это станет возможным.

— Ну, как это?

— Оля, забудь. Ты лучше скажи, ответ на самый простой вопрос: мне стоит надеяться на то, что мы проведем с тобой какое-то время сегодня вместе?

— Ну не долго, если.

— До утра точно не будем. До скольких тебе позволяют родители или обстоятельства, там корова надоенная или дети на лавках плачут?

— Ой, какие дети?! — засмеялась Оля.

— Хоть прозвучит нескромно, такие вопросы задавать не принято, но у меня была пятёрка до некоторых пор в школе по математике и если ты пошла в училище с 8-го класса или после десятого?

— После десятого.

— А учиться надо было год, два или три?

— Один год.

— Вот, теперь путём нехитрых математических вычислений, значит дифференцируем, интегрируем, возводим в степень, вычитаем — всё, результат, у тебя такой возраст, когда уже можно иметь детей, а значит они могут сидеть вот там, — я показал в сторону хаты, — на лавках и просить «жрать хотим!»

Оля смеялась. Это хорошо, значит состояние ступора прошло, а теперь можно и быть серьёзной.

— Там мы идём на наше место или будем ждать, пока мама не позовёт своим коронным выражением «сто чартов тебе дать!»

Оля продолжала смеяться, а я собирался быть серьёзным, а сам не могу. Хорошо, при виде Ольки и шутить хочется и смеяться и то, что пока еще рано и лучше, если не здесь. А, вы, о чём подумали?! Правильно, хочу её целовать до головокружения и после головокружения, до умопомрачения, а после умопомрачения, до потери пульса...

«Слышь, остановись! Ты же должен знать, что мысли материализуются. Ты этого хочешь? Так, вот и не говори так», — мой Ангел был рядом и не мог сдержаться, чтобы не сбить меня на самом интересном, как всегда, месте.

— О чём я говорил? Ну, так что, пошли?

— Пошли, — сквозь легкий смешок произнесла Оля, поднимаясь с пригретой лавки.

— Вашу ручку, княжна.

— Ой, перестань меня смешить...

— А сейчас я серьёзно. Отныне и вовеки веков — нарекаю Вас, властью, наделённой мне, Вы, раба Божья, Ольга, княгиней Ольгой. Аминь! — закончив речь, трижды осенил Ольку крестным знаменем и это было впечатляюще.

После этого, я уже молча сделал жест, приглашая даму взять мою руку. Я прижал просунутую руку к себе и свободную руку положил сверху её кисти. И таким образом мы торжественно отправились туда, где так величественно провели вчера незабываемый вечер. Я посмотрел на ясное, как и вчера небо и подумал, что и сегодня звёзды должны быть благосклонны к нам. Улица была пуста, только где-то по очереди обзывались ночные хозяйка подворий, зорко охраняющие вверенное хозяйство, а на старом пруду было слышно, как крупный сазан, выпрыгнув из воды в воздух, шлепнулся плашмя о водную гладь, издав характерный звук, похожий на шлепок.

Глава IV. «Косил Ясь конюшину...»

Хоть организм был молодой, но к концу рабочего дня, который начинался в 7 часов утра и заканчивался в 22, а иногда и в 23 часа, всё равно усталость чувствовалась. Конечно, душ, снимал пыль с тела, немного взбадривал, но не мог снять накопившуюся за день усталость, для этого нужен был сон. Спать получалось часов пять в лучшем случае, а если получалось закончить работу чуть пораньше и лететь через континенты и океаны, через горы и моря, города и сели, поля и леса в заоблачные дали на крыльях любви, чтобы провести хоть часик с той, дороже которой сейчас у меня никого не было, а если коротче, то перейти через улицу и, если времени совсем мало, то посидеть под пристальным присмотром мамы Оли, Надежды Александровны. Я наконец-то смог однажды и с ней познакомиться.

Всё реже получался более насыщенный мероприятиями вечер. А сидя на лавочке у двора, после третьего «чарта» из уст мамы, как и третьего театрального звонка

мы расходились и это было всегда уже за полночь. Расставаться, конечно же, не хотелось и только с привлечением всей силы воли всё же удавалось разомкнуть мои «рачьи клешни», крепко скрещенные на «скорпионьей» талии её обладательницы. Оказывается, мы оба были «членистоногие», но ни я, ни она об этом даже не догадывались, тогда мы о гороскопах понятия не имели.

Весь мир жил в преддверии XXII Олимпиады-80 в Москве. Мы этого ничего не видели, а только слышали по слухам, за завтраками и обедами от тех, кто имел такую возможность. Телевизора у нас не было, а из печатных изданий могли лишь знакомиться с информационным бюллетенем о ходе уборки в колхозе и районе, с молниями об установлении текущих рекордов на свале зерновых, на подборе и на доставке зерна от комбайнов на ток. А олимпийский огонь тем временем уже принял эстафету, так же, как и мы приняли массовый забег, охвативший пока ещё только южный район страны, Кубань, Ростовскую, Волгоградские области. Мы не видели сводки по стране, могли слышать только по радио и даже по этой информации можно было понять массовость одного масштабного мероприятия мирового уровня и второго, с каждым днём охватывающем всё новые и новые территории, как фронт, стремительно и много фланговым наступлением, этот трудовой фронт, в котором все были бойцы, как и мы, за «Урожай-80», именно такие надписи красовались на кабанах и бункерах комбайнов и бортах автомобилей.

Хлебное золото зерновым потоком из ручейков от уборочных звеньев, подобно нашему, до малых рек, вывозимого зерна на элеватор из каждой сельскохозяйственной артели, а затем полноводными реками, подобно Дону-батюшке из той же донской столицы и кубанской, издавна считавшимися житницами страны, вливались в большой «каравай» всей огромной и, тогда еще, много-

национальной страны братский народов. Хотя Союз уже дал трещины, но в нашем сознании это ещё никак не отразилось, мы, советские люди жили в большой единой семье и верили в счастливое будущей народов.

На второй день уборки, Андрей, оставшийся за штурвалом, без моего ведома, зашёл комбайном на двойной валок, не перестроив скорость на более низкую, из-за чего, естественно, поймал «лису». Подъехавший для выгрузки зерна водитель, из-за того, что комбайн остановился увидел интересное действо: комбайн заглушен или заглох от нагрузки, штурман бегаёт вокруг комбайна, заглядывая даже под него и в боковые лючки, не понимая, что же произошло, почему «корабль не плывёт»? И после этого подъехал на край поля, где мы травили с другими комбайнёрами и штурвальными байки, и рассказал такую не выдуманную байку, а-то, что сейчас происходило в начале загонки, но с другой стороны поля.

Я вскочил на подножку «ГАЗ»ика, попросил Володю, командировочного водителя подвести меня к страдальцу. Когда мы подъехали, Андрей сидел впереди жатки, на которой зерновая масса, как тесто на дрожжах, уже не вмещалась в её ограждение, собиралась подборщиком, на котором я подтянул предохранительную муфту и потому она «выдавала на-гора» массу до тех пор, пока на забился первый барабан и, естественно, питающий транспортёр.

— Как успехи, гонщик? Чего сидим, кого ждём? С моря погоды или наоборот, дождя?

Андрей поднял глаза и посмотрел на меня с обидой, глаза его наливались слезами.

— Ну, ладно, перестань. Тебе через год или меньше уже, в армию идти, а ты раскис. Забыл, я же тебе рассказывал об этой возможной проблеме. Какой скоростью ты шёл?

— Ну, как всегда, второй пониженной.

— А валок перед тобой тоже, как всегда?

— Надо было, наверное, первой повышенной? — поняв свой «косяк» ответил штурман.

— А может быть даже первой пониженной, видишь, какой мощный валок. Это всё равно, что ты с разгона в стену головой бьёшься, пытаешься пробить её. А она ещё и для того, чтобы думал иногда. Ферштейн?

— Понял! А, что теперь?

— А теперь, выгоняем комбайн на убранную часть поля, чтобы не мешать коммунистам медали и ордена зарабатывать и будем ждать нагоняй от бригадира или агронома. Хочешь получить?

Андрюха покачал отрицательно головой.

— Ну, а чего тогда сидим. Заводи глаза под лоб!

— Андрей забежал на мостик, включил «массу», подключив аккумуляторы и сел в кресло комбайнёра.

— От винта!

— Есть! — уже с азартом прокричал штурман и произвёл запуск стартером дизеля.

— Что ты собираешься делать?

— Молотилку включать, — без раздумий ответил Андрей.

— Ты лучше бестолковку включи. Она же забита вся. Молотилку!? Жатку поднял и задним ходом в сторону прими, — когда комбайн был отогнан метров на десять в сторону, я сказал, — туши «свечу».

Штурман заглушил двигатель.

— Вперёд, за орденами! — подзадорил я штурмана, хоть «на душе кошки скребли». Сегодня опять дадим повод Свете учетчице, чтобы посмеяться над нами и это будет теперь поделом, так как отставание уже гарантировано, — бери лом и монтировку и в «трюм».

— Куда? — растеряно спросил Андрей.

— Ну, в низ. Что тут не понятно, — попал бы ты, братец, во флот, узнал бы. Но не попадёт же, скорее всего

или по здоровью или мама похлопочет, как единственный «кормилец» в семье.

Я зашел в кабину и опустил деки до конца, чтобы ослабить спрессованный «пирог» зерновой смеси.

— Открывай с обеих сторон лючки и, вставив лом в отверстие вала барабана попробуй его взад-вперёд расшевелить. А я транспортером займусь.

— Не идёт, никак не повернуть?!

— А, ну ка, давай вместе.

Мы повисли на ломе, но бесполезна.

— «Молодец», хорошо постарался. Это часа на два и бункеров пять минус сегодня. А шли в передовиках с утра. Спасибо, Андрей, как тебя по батюшке, за «помощь»!

Это самое слабое, что мог сказать, а-то, что творилось в душе, лучше никому и не знать. Обидно, если ничего не сказать, очень обидно.

— Сходи «ключку» на верху возьми, придется попотеть, иначе пучки на пальцах пораним, порежем стеблями.

Андрей долго не возвращался, а потом перегнулся через ограждение мостика и спросил:

— А, что такое «ключка»? Я не знаю.

— А, когда едят, но тебе не дают, знаешь? А, что такое «рожнец» тоже не знаешь?

Андрей отрицательно качал головой. Сказано, что в селе не жил, солому и сено из скирд не выдёргивал, потому и не знает. Я поднялся на молотилку и отвязал, прикрученную проволокой к кронштейнам копнителя метровый прут с крючком на одном конце, похожим на гарпун и закругленным другим концом под удобную ручку — работа кузнеца Микиды.

— Вот, то о чём я тебя просил. У нас какой сейчас лозунг, знаешь? Что вы знаете вообще. «Живёшь на селе — умей управлять техникой» и не только, нужно быт села

знать, культуру, обычаи, традиции. Можно подумать, что ты в городе живёшь.

Примерно, как я и предполагал, часа через два, когда все комбайны продвинулись от нас на приличное расстояние, вокруг комбайна было наложено три хорошие копны, как результат чистки питающего транспортёра и молотилки — одна перед жаткой и две по бокам комбайна. Сев в тени комбайна, покурив, жадно втягивая в себя дым, из-за того, что так долго я давно не курил и даже голова от этого приятно закружилась, зарыл окурочок в землю, предварительно затушив липкой слюной и поднявшись, по привычке скомандовал:

— По коням!

Андрей метнулся вслед за мной к трапу.

— Пр-р-р, стоять, Ворончик! А это, что оставим тут? Нас же за такую халатность, при Сталине бы расстреляли. Я запущу, а ты, браток, хочешь вилами, а нет — руками подкидывай в жатку.

Мы с Олей договорились, если что-то непредвиденное или, если раньше 23 часов освободиться не получается, то я или в почтовый бумажку кину с коротким «нет» или, если не «замаячу» на углу усадьбы, у лавочки, можешь отдыхать или, как я грубо пошутил, «можешь на время найти мне замену». Вы сейчас, наверное, подумаете, что на это предложение последуют возмущения или обвинения в чём-либо? Ничего подобного. Оля на редкость к таким вещам относилась спокойно, в крайнем случае внешне никак не проявлялась реакция. И вообще, из-за её скрытности натуры, было очень трудно понять, как она относится к тому или другому обсуждаемому аспекту, не высказывая мнений и тем более, не делая выводов вслух. Что творилось в её душе, разве, что Бог один и знал. Думаю, что она и Ангела-хранителя

в это не посвящала. Возможно, она придерживалась принципа, что, если знает один, то скоро будет знать вся деревня, как минимум.

Психологически было тяжело общаться и мне, привыкшему не просто к балабольству, но и иногда к тому, чтобы немного говорил собеседник, пока я набираю полные легкие воздухом, чтобы продолжить монолог. Шутки-шутками, но так и было и только когда наступал момент, когда я мог предаться не ораторству, а умолкая, предаваясь удовольствию ласкать и целовать девушку в тот момент, когда слова будут только излишни, тем более, когда они такого содержания: «Ну, хватит!», «Не нужно!», «Прекрати!» Заметили разницу в разнице слов? Бывшие чаще говорили противоположное: «Ой, хорошо!», «Как приятно!», «Ещё, ещё хочу!» Небо и земля, камбала в воде и коса на камень. Но эта самая неприступность и вызывала желание искать «тихие сапы» или ошеломительные до безумия «атаки», в награду за которые было чаще всего, не водружение знамени над взятой крепостью, а желание сделать ответный удар, хоть и не смертельный, но обидный — пощечиной.

Хоть физически до этого не доходило, но в глазах такое желание у неё я читал совсем не редко. Возможно, что я действительно расслабился, не получив «от ворот поворот» сразу, в надежде, что я буду тихим и смирным, как телёнок. Но я-то был уже не телком, а бычком и бычком с норовом, не совсем, но изрядно избалованный женским вниманием, а вернее сказать девичьей симпатией, на которую я отвечал в разы большим вниманием. Теперь же положение коренным образом изменилось, и я замечал, что импульсы, посылаемые мной и обращенные к её душевным фибрам, не вызывают их колебание и отзыв, хотя бы эхом, они глухо «заземляются» не вызывая колебаний душевного контура или, если и есть, то на той частоте, на которую у меня нет настройки приемника, я

их не воспринимал. Со стороны, а порой уже и мне начинало казаться, что эту «каинскую» ледяную хладность, бессердечность и бездушность мне не перебороть, и то, что это не только внешние признаки, но и внутренняя сущность.

В короткие летние ночи, когда, казалось, не до мечтаний, нужно спать, каждая минута дорога, я подолгу не мог уснуть, обдумывая, сравнивая, анализируя и почти приходил к одному и тому же выводу: если сердце принцессы ледяное, растоплю обязательно, просто лучше надо стараться, больше делиться душевной теплотой и оно отогреется; она холодна ко мне душой, равнодушна — согреть нужно лучше, как в прямом смысле, так и в большей степени, теплыми и пылкими словами любви, и только так; она ни капельки не любит тебя — дай ей столько любви, чтобы она в ней тонула, разорви свое сердце надвое, поделись, сделай всё, жертвуй всем, но добейся того, чтобы она на тебя смотрела совсем иначе, по доброму, с зачатками того ростка, который, при правильном уходе даст добрый побег и, возможно, что годам, так где-то к 80-ти, она скажет: «А мне кажется, что я тебя люблю...».

О восьмидесятилетиях, это, конечно, шутка, до такого возраста не все доживают, а человек, страдающий в добавок от неразделённой любви, тем более, но, по сути, все правильно. Многие мужчины, делают выбор в пользу — сейчас и как можно больше, а потом будет видно. Получать удовольствие нужно молодым. Но это так думают большинство влюблённых и не очень, даже, просто, откровенных «потребителей», ищущих «доноров», которые удовлетворяли их жизненные потребности, не давая застояться той же крови в жилах, не думая совершенно о взаимности. Таким довольно много, и я лично таких знал и их оправданием было выражение «живи, пока молодой, получай от жизни максимум удовольствия». В ка-

кой-то степени, если проанализировать последние мои годы, то и я таковым был, не осознавая это до конца.

Что мне сейчас было нужно от этой девушки, не очень общительной, неопытной во многих вещах, воспитанной в строгости, как большинство деревенских девушек, с той лишь разницей, что город её не разбаловал, как большинство тех, кто решался «оторваться» по полной после родительского строгого контроля. И, иногда, эти сельские скромницы, могли обойти в распушенности даже, с детства разбалованных городских девок. Но, как говорят: «В семье не без урода».

Любовь — это болезнь, болезнь, приносящая душевные переживания и страдания. Если вы миновали такой период в своей жизни, то можно ли называть ваши отношения с той, к которой влечёт или нет, тут нужно подумать. Влечение или увлечение — оно, конечно сродни любви, вам нравится девушка, нравятся манеры, нравится, как она себя ведет в обществе в общении с вами и..., ну нравятся другие вещи, которые опустим, но проверку временем оно не проходит, рассыпается, появившись какие-либо трудности, не выдерживая испытаний.

Сложная эта штука, а если не одна, то каждый раз неповторима, по-своему прекрасна этой самой индивидуальностью и всегда, если настоящая, делает человека счастливым, обогащает его духовный мир. А на сколько этот духовный мир станет богаче и сколько вы получите в результате этого богатства, а сколько передадите, делая субъект своей любви счастливой зависит, конечно, от того, насколько вы сами духовно развиты, щедры, с готовностью отдать всё, для своей любимой и также, насколько способны вас одарить ваши избранницы.

Таинственность девушки нельзя оценивать сразу, как нежелание открыть какую-то тайну, после которой, возможно изменение даже отношения к ней, как к объекту преклонения, как к субъекту обожания и любви. Но это

не для всех. Если ты влюблён незабвенно, любишь её всю, как есть, без исключений и ограничений, без условностей и специфических требований, какой она должна быть и чего не должна делать, то даже если вы узнаете, что ваша девушка-вампир, не откажетесь от неё, а скажите: «Значит такая судьба, стать жертвой моей любимой, „кровной“ и неповторимой, так пей же кровь мою всю без остатка. Я навеки твой, хоть и век короток».

Таинственность может быть и результатом того, что она, не имея любовного опыта, просто не хочет сделать глупую или неосознанную ошибку. Скажу больше, что иметь дело с таинственной девушкой, вне зависимости от причины того, в разы интересней чем, если бы она была предсказуема, как ранее уже прочитанная книга, где всё ясно и фабула её дальнейшего поведения на лбу крупными буквами написана. Вы со мной не согласны? Как знаете. Сколько людей, столько и мнений, своё я навязывать не собираюсь. Ещё знаю точно наперёд, если эта моя судьбоносная связь продлится долго, а сейчас мне уже хочется, чтобы на всю жизнь и я был готов, после уборки, как в старину делали сыграть свадьбу, ну, скажем, осенью, то легкой быть она не обещает, думаю, будет сложной, но интересной и мне придётся её постоянно добиваться и завоёвывать, даже, если мы станем мужем и женой. Может быть я и ошибаюсь, но не существенно. Эти обсуждения мои стали формироваться по тем крошечным моментам в нашем общении, когда проявлялись черты её характера, характера независимой, знающей себе цену, гордой и в меру самостоятельной в принятии решений, но придерживающейся, принятых в семье ценностей и воспитанных родителями и социальными институтами жизненных принципов и убеждений, принципиальной и, иногда проявляющей невиданное упорство по отдельным принципиальным для неё аспектам, а если в двух словах, то — принцесса Ольга и этим многое объясняется.

Я стал замечать, как мой штурман стал сдавать и не просто сдавать позиции в стремлении познания нового и утверждения себя самого, своего роста и профессионального и в лице коллектива, но и стал сдаваться, пасовать перед трудностями. Почти ежедневно, по его вине случались «косяки» и, что плохо, повторяющиеся, те, которые он уже должен был предвидеть и не допускать впредь. Я пытался, пока выдерживали нервы, не горячиться и не кричать, хотя бы на него, понимая, что молодой и не думаю, что он это делал умышленно, просто был чем-то озабочен, голова была чем-то другим забита, отвлекался и тому подобное.

Ровно через неделю, в воскресенье, Андрей отпросился раньше чуть домой, я, естественно не возражал и отпустил, чтобы он по темноте не ехал домой. Сейчас движение на трассе было интенсивным, автомобили часов до двух ночи возили зерно на элеватор и возвращались обратно и ездить по ней было не безопасно, тем более ещё не опытному мотоциклисту на одиночке, без коляски. Мои «боевые» товарищи замечали нерасторопность штурвального и говорили открыто, как Николай Григорьевич:

— Что ты с ним возишься? Выгнал бы к чёртовой матери и все дела. Кого-нибудь порасторопней дали бы. Уборка только начинается, из СХТ могли прислать.

— Григорьевич, его мать не чёртова, она хорошая женщина и я ей обещал попытаться воспитать мужчину, закалить перед армией. Она сама сказала, что он парень, не знавший трудностей, как городской, жил на всём готовом. Но я этого не сделаю, буду до конца пробовать с ним работать, даже, если для нас уборка из-за него закончится.

— Как закончится? — недоумевал Николай.

— Ну, вот возьмёт, к примеру, Андрюха, завтра и утопит комбайн с плотины. Вот и всё.

— Да и думать такое не смей. Сплюнь.

— Хорошо, Григорьевич, если вы обещаете, что не будете парня гнобить и матом обзывать, то можем устроить небольшой «совет профилактики» в нашем небольшом коллективе. Договорились?

— Договорились, Саня. Нам и правда жалко, ты столько стараний вложил в восстановление этой рухляти, а он тянет тебя в низ, своими выкидонами. Вчера соломотряс забил. У тебя сигнализация, наверное, тоже не работает, не было сигнала, что цепь привода слетела? — высказал предположение Григорьевич.

— Конечно не работает, как и на всех старых комбайнах. Да только на новых «Нивах» всё работает. Да, не оглядывается он назад, всё боится опять «лису» поймать, а поймал «енота», — не выдержал, чтобы не засмеяться я, над своими же словами.

— Ты ещё и смеешься?

— Ну не плакать же, Григорьевич. Всё будет хорошо. Завтра после работы, соберёмся и лишим Андрюху «воскресной чарки, сроком на один год».

— Ты опять шутишь?! — засмеялся и сам опытный комбайнёр.

Зря мы говорили об этом с Николаем Григорьевичем или Андрей каким-то невероятным чутьём понял, что его собрались воспитывать. Но не на утро, ни вечером он не приехал. Не было его и на другой день утром. Это было серьёзно и хоть я гнал мысль, что с ним что-то случилось, он уехал-то сразу после ужина, было ещё светло, но утром во вторник позвонил из бригадной Александру Петровичу с одним единственным вопросом «дать информацию, если возможно от мамы Андрея Лободы, дома он или, не дай Бог...». Пришлось «повисеть» минуту на трубке, пока Петрович, созвонился с мамой штурмана. Оказалось, что с ним всё нормально, но наотрез отказался ехать, как он сказал «пыль глотать».

— Саша, тебе может подобрать штурвального из слесарей, можно из цеха УАЗ, обойдутся пару недель без одного человека, сейчас уборка главнее.

— Спасибо, Александр Петрович! Главное, что с парнем ничего плохого не случилось. Я же балтиец, выдержу уборку. Не такое приходилось. Благодарю! И Вам всего доброго!

— Ну, что Александр, по батюшке Иванович, «подтягивай портки, чтоб не спали», как отец говорил, — сам себе скомандовал, выходя из бригадной.

Первые дня три я даже не увидел разницы из-за того, что не остался один, разница стала сказываться в улучшении намолотов, я стал в этом показателе обходить даже не только экипаж Пети Самурая, но и Григорьевича. И это несмотря на то, что я тратил в сумме минут 40 времени на обед и ужин, давая двигателю отдохнуть. Конечно, тому способствовали появление смекалки, а где-то и инженерной хитрости, повышающей производительность труда, без увеличения потерь зерна.

Усталость начинала сказываться где-то на четвёртый-пятый день. Но и тут, как говорят: «Не было бы счастья, так несчастье помогло», к обеду прошёл дождь кратковременный, но прервал уборку до конца дня. После обеда снова выглянуло солнышко, но просушить быстро толстые валки к вечеру, конечно было нереально. Появился вынужденный выходной. На обеде я увидел Егора Павловича, забежавшего на своем ЮМЗ по обыкновению в бригаду и поздоровавшись спросил:

— Егор Павлович, договор в силе? Суданку не скосили ещё?

— Да, когда бы я её скосил. В силе, конечно. Я постараюсь пораньше животину накормить и после пяти вечера приходите.

— Хорошо. Мы будем.

Я объяснил Пете задачу и согласился его штурман, Саня, помочь возможно моему тестю с решением вопроса. Обмывшись, я плюхнулся на кровать и проспал не менее двух часов. Проснувшись, было ощущение, что я проспал целые сутки и чувствовал себя отдохнувшим.

«Вот сегодня появилась неожиданная возможность провести полноценный вечер с Ольгой, так как последние два не вечера, а две ночи, буквально приползал к кровати и падал, что мёртвый. Если больше дожди не помешают, то дней десять, максимум и уборка закончится. Но дожди могут растянуть её до середины августа. — Не желая подниматься, уставившись в потолок, лежа на койке размышлял обо всём сразу, — Как бы ещё не забыть к пяти на мероприятие, очень важное, кстати».

— Поспал бы ещё, знаешь, Саня, что это мы, как волки в волчьей стае, каждый пытается себе урвать. Я тут подумал, раз ты решил сам дорабатывать, пусть мой штурман, хоть на час тебя подменяет, на обед, например, а Петин мог бы так же и на ужин подменить, а ты часик-другой отдыхал бы. А? — предложил Николай Григорьевич.

— Спасибо большое, Григорьевич! В другой ситуации отказался бы, но не сейчас, за это спасибо вам, если хлопцы не против, я приму помощь. Ну, за мной по итогам, «не заржавеет», рассчитаемся, свои люди. А по поводу волков, хоть и говорят, что «человек человеку волк» — это про людей, но не волков. Волки очень дружные и организованные в стаи, что нам до них порой...

— Откуда знаешь?

— Читал когда-то, но не в «Маугли», то сказка, хоть и она тоже поучительная. А спать уже не хочется, отдохнул. Было время на службе, когда в строю по секундам спал и тем самым спас мозг от непоправимого, что могло

случиться от того, что сутками не спал. А теперь, это просто напряг, не катастрофа.

Егор Павлович вручил нам косу пятого размера лезвия с самодельной ручкой и цевьём для захвата правой рукой и направления косы, а «угол атаки» регулировался положением короткого верхнего конца с помощью левой руки. Я вспомнил, почему брат Виктор практически никогда не косил дома суданку, он же был левша, ему нужно было косу полностью перестраивать, а это была большая роскошь и трата времени.

Как и предполагалось, у Петра и у меня получалось, как и нужно было, высота среза одинаковая, подрезание двойного валка загонки полное, захват на «всю ручку» и прокосы с валками ровненькие, как комбайн прошёл. Тесть посматривал и улыбался, когда мы косили, видимо был доволен работой. У Сани получалось как-то совсем плохо.

— Саня, а ты косой косил раньше? — спросил я у него.

— Пробовал, но у меня дома резачок небольшое, я им одной рукой, когда там поросёнку мешок накошу.

— Ты лучше развлеки хозяина разговором, а мы с Петей на перемену скосим. Тут соток 10—12 осталось. За час управимся. Не в обиду, Саня, иди. Мне нужно перед тестем покрасоваться, так понятно? — видя, что Саня упирается, пошутил я.

— Ну, если так, то держи, — и вручил орудие труда.

Олька, сидя под навесом у летней кухни чистила картошку, а её мать, суетилась, то в кухню, то обратно, то с кастрюлей, то с охапкой зелени с огорода, то ещё по каким делам. Вот это мы всех напрягли, гости дорогие. Конечно, чем ближе познакомимся, тем лучше, больше доверия, думаю, будет и не буду больше слышать: «Олька, три чартов тебе дать! Домой!...»

С семи часам, мы с Петром изрядно взмокшие, хоть и косили без рубашек, приняли приглашение обмыться

у хозяев в душе. Вода была горячая, не как у нас, чуть теплее, чем из-под крана, из-за того, что пока мы в поле, кто уже в общаге выхлюпают, а залив из колонки, она уже не успевала нагреваться. Под тенью клёнов был установлен невысокий самодельный столик, за который, при желании, можно было разместиться шестерым едокам столик, а в виду того, что хозяйки отказались от приёма с нами пищи, по примеру женщин Востока, которые никогда с мужчинами за стол один не садились — это я для примера вспомнил, разместились мы вчетвером.

Тесть, буду его так величать, раз он меня и при других зятем величает, хоть и в шутку, принес из холодильника две вспотевших от перепада температур бутылок «Пшеничной» в красивых бутылках с закрутками. Разлил по стаканам водку и присел за стол с нами. Александровна поставила в супниках обдающие едоков паром и ароматом запаха свежего мяса украинский борщ. По середину установила объёмную салатницу с салатом из домашних овощей, заправленного свежим ароматным подсолнечным маслом.

— Спасибо за помощь, работали хорошо, — сказал тесть, увидев засмущавшегося Александра, добавил, — все поработали на славу, а наши хозяйки тоже вот ужин сварили, все ж домашняя еда, хоть и в столовой неплохо кормят. Давайте, за знакомство. Будем здоровы!

Интенсивные удары ложек о тарелки издавали специфическую «мелодию голодных работников» и по мере уменьшения объема еды в тарелках, эта «мелодия» становилась всё веселее и веселее. Егор Павлович налил ещё и добавил недостающей для ранжира из второй бутылки. Водка, не рекламы ради, но была хороша. Могли же и у нас не только из нефти водку «коленвал» делать, а её так прозвали потому, что буквы слова «водка» прыгали вверх и вниз, как кривошипы коленвала и условный знак в углу этикетки в виде рюмки был на неё чёрного цвета,

а на «Пшеничной», изготовленного из качественного спирта, не из нефти, как все считали, а из пшеницы, значок был красного цвета.

Надежда Александровна убрала тарелки из-под борща и поставила мясное рагу с отварной картошки, зеленью и специями, от запахов которого, как от водки кружилась голова. Давно мы не ели домашней еды, да и такое не всегда готовили и дома. Как минимум на рагу ушло парочка уже подросших петушков.

Третьей рюмкой тесть уже себя совсем обделив, разлив всю оставшуюся водку нам на троих. Запили компотом из вишен и терновки, мелкой и очень ароматной и сладкой сливы. Тесть расспрашивал кем кто работает и узнав, что я работаю не слесарем, как Саня и не медником, как Петя, а инженером, не мог не по этому поводу, то ли шутя, то ли на полу серьёзе сказать:

— Слышишь, мать? А наш будущий зять инженер. Во, как! — при этом, по обыкновению улыбаясь, что трудно было понять, насколько он серьёзен.

Я и не хотел этого говорить, но и придумывать, тем более врать не хотелось вдвойне. Всё рано или поздно выяснилось и тогда было, как минимум стыдно. Да и что здесь позорного, это же не то, что говорили раньше: «Лучше иметь дочь проститутку, чем сына ефрейтора». Хорошо, что этот вопрос встал, мне нужно решать вопрос с учёбой в институте, «незаконченное высшее, меня не устраивало и, возможно, что скоро не будет устраивать и мое руководство, потому что производству будут потребны не просто технари, а дипломированные инженеры. Нужно будет съездить и узнать: я жду от них вызовов на сессии, а они обо мне не слухом не духом не знают, жив ли вообще, да и кому это больше нужно?

Я улучшив момент, когда вышла из своей горницы во двор и поспешил с ней переговорить.

— Здравствуй ближе, Красота!

— Да, прям-таки?! Здравствуй!

— Не веришь? В зеркало посмотри со словами «ты мне зеркальце скажи, да всю правду Расскажи, кто на свете всех милее, всех румяней и белее?...» и оно тебе ответит «ты, конечно всех милее, всех румяней и белее...». Вот тут только неувязочка получается, нужно говорить смуглее, что ли, ты же смуглянка, как мама. Моя мама тоже смуглянка и сама говорила, что у неё кто-то в роду, какая-то прабабушка цыганкой была. Видимо и у тебя, индийской принцессой. Ты любишь индийские фильмы? Вот будешь жить в Кургане, будем в кино с тобой часто ходить.

— У тебя денег на столько денег не хватит.

— На это хватит, вот на рестораны, пожалуй и не хватит. Но обещаю тебе дискотеки устраивать, у меня есть такая музыка, которую ты никогда не слыхала.

— Какая? У меня много новых пластинок есть, я в Ростове постоянно покупала свежие записи.

— Оля, такие записи в магазине не продают, сама услышишь. Но я не об этом хотел. Сегодня сможешь пораньше, давай часов в 8 вечера встретимся и целый вечер будем гулять?

— Так уже восьмой час, наверное, половина восьмого, — засмеялась Оля, — люди смеяться будут, в такое время гулять.

— Не будут. Мы пойдём за деревню, где нет людей. Ты мне так и не показала тут таинственный пруд, что выше по балке за селом.

— Ну, ладно, я сейчас маме помогу, переоденусь и пойдём, раз так хочется тебе.

— А тебе не хочется? — глядя в глаза спросил с надеждой.

Улыбнувшись, Оля отвела глаза и пошла к кухне, где мама начала убирать со стола. Мужики гутарили с Егором Павловичем, сидя на лавке, что была рядом с колодцем. Я

подошёл и заглянул в колодец, увидев в нём тень своего отражения. Вода была не так и далеко, метрах в трёх всего.

Тесть заметил моё любопытство, сам меня затронул:

— Без колодца у нас никак. Хозяйство поим, овощи на огороде поливаем, капусту, так считай каждый день, жарко сейчас. Он нам и холодильником служит, вместо подвала опускаем к воде продукты, молоко, сметану. Во ты же ел борщ с домашней сметаной, скажи, разве не сказка? А вот весной, когда вода подходит, из подвала всё поднимаем в дом, картошку, свеклу, всё, вода до третьей ступеньки доходит и в колодце можно прямо так воду черпать. Мы же в балке живём, родники, вода близко. Ну и как там у вас, сегодня будете опять с дочкой собак по улице дразнить и нам с матерью спать не давать?!

— Будем, Егор Павлович, если Вы не против.

— Можно подумать, что если я буду против, то что-то изменится?

— Вы правы, ничего не изменится. Оля мне сильно нравится, если ничего не сказать.

— Ну и не говори, сам вижу. Дело молодое. Но помни наш с тобой уговор.

— Ага, его забудешь. Ноги-то у меня одни, другие не вырастут, — перевёл разговор в шутки, что не могло не понравиться юморному отцу Ольки.

— Вот-вот, верно понимаешь, — улыбаясь, Егор Павлович, крепко по-мужски пожал мне куру и моим товарищам, — спасибо вас, мужики! Выручили, а-то стареть трава-то начала, было. Если надо, заходите в гости. Мы же с вами живём, как соседи.

— Спасибо и Вам, Вам особое, Надежда Александровна за вкусный ужин! — не удержался поблагодарить хозяев и, возможно моих вторых родителей.

Мои товарищи поддержали мою инициативу, отблагодарили поклонами, и мы пошли к себе в общежитие в хорошем настроении.

Кто хоть раз мог вечером, сидя на бревнышке у воды пруда с ровной зеркальной заводью: трепетно обнимать свою избранницу, как на последнем ряду в кино-театре, но при этом видя не рисованную, выдуманную жизнь на «мертвом» экране, а любоваться неповторимыми видами живой природы, слушать хор лягушек; волнительный призывный клич самки кряквы, зазывающей непослушный выводок родных крошек в родную заводь, в камыши, где им было уготовлена, заботливо приготовленная лёжка из сухих прошлогодних листьев камыша на кочке корневищ куги; суету и щебетание камышовки, из-за окраса перьев, сливавшего её с камышом делая неприметной даже для наших любопытных пары глаз; всплеск мелкой рыбёшки, покрывающих зеркальную гладь беспорядочными кружками и оставалось только догадываться, чем вызвано было это действие рыбок, или желаем посмотреть за красоту заката, или желание сбить с толку преследовавшего её вездесущего окуня, вышедшего на вечернюю охоту; увидеть этот замечательный закат, который всегда неповторим, сколько за ним не наблюдай, хоть каждый день — нет одинаковых, природа неповторима даже в таких, казалось бы мелочах; кто не испытывал прелести побыть просто вдвоём наедине с природой в этом райском уголку, нет, не в кровати, занимаясь сексом в душной комнате, а именно вот так молча сидя на брёвнышке в обнимку или держа в руке руку своей избранницы, глядя ей в глаза с воодушевлением, взглядом, наполненным светлыми мыслями и добрыми намерениями и прочитав потаенное желание, а может быть уже не в силах сдерживать своё сильное и неуёмное, прильнуть к её медовым устам, проводив до этого последний луч за горизонт, с надеждой, что завтра он порадует нас утром, известив, что новый день зародил-

ся и счастливы, мы влюблены, мы вместе. Какое это счастье!

— Спасибо тебе, милая смуглянка, за эту экскурсию. Я такой красоты давно не видел, если видел вообще, она неповторима, как и ты сама.

Оля засмушалась, но ничего не ответила. Мы поднялись, размяли отёкшие ноги, окинули ещё раз, на прощание гладь пруда взглядом, испугнув тем самым стайку уток, готовившихся к ночлегу, они шумно взлетели, как самолёты-гидры с водной «взлётной полосы и поднимались вверх, пока их было видно начали кружить в небе, ожидая нашего ухода. На западе, куда мы держали путь, догорала вечерняя заря узкой полоской у горизонта.

Я действительно получил здесь прилив сил, возможно потому, что моей стихией является вода, меня к ней всегда тянуло и у неё я всегда получал ощутимую подпитку сил, как физических, так и духовных. И то, и другое мне было сейчас, как никогда кстати. А у нас впереди всего три и целых три часа, которых мы проведём вместе с высоким эмоциональным подъёмом, с обострением и проявлением чувств, с молчаливым диалогом глазами и передачей недосказанного в поцелуях, в чувственных физическим прикосновением объятиях и нежностью ласки, в счастливых улыбках и бесшабашностью фантастических грёз. Я больше не смогу носить в сердце то, что само начинает из него вырываться, ломая все препоны и решетки, я всё ей выскажу, пусть она не догадывается, а знает, что я её люблю. Она должна знать, как сильно я её люблю и что она значит для меня. И пусть что будет после этого, не важно, вернее важно, очень важно, но молчать я больше не могу, когда слова признания разрывают душу, пусть и она и весь мир знает, что я её люблю.

Глава V. Время залечит?!

Уборки подходила к завершающей стадии. Уставшие узлы комбайнов то в одном комбайне, то в другом давали о себе знать, как результат напряжённого труда, нагрузки были колоссальные. Хотя и работали комбайны, как правило пару месяцев в сезоне, но, а прямом смысле «на износ». Что говорить о людях? Моя бабушка Анастасия на девятом десятке своей жизни говорила: «Машина железная и та изнашивается и ломается, а человек-то не железный...».

Да, человек не железный, а потому и выдерживает такие нагрузки, которые металлу не под силу. Убирали озимую пшеницу на дальних полях, рельеф которых был совсем не схож с равнинными полями, косогоры и даже в глубь поля длинные буераки от водной эрозии и глубокие овраги. Бункера были практически полными, ещё пару центнеров домолотить и выгружай, комбайн поднимался в гору, солнце светило ярко в глаза. И, вдруг, резко поле и зерновой валок провалились куда-то и стал видеть только ясное небо и яркое солнце. Мгновенно остановил комбайн и понял, что даже из кресла встать трудно, так как оно вместе со всем комбайном завалилось назад.

Первой мыслью было, что я не заметил глубокую промоину и задник управляемые колёса, в разы меньшего диаметра, чем передние ведущие, провалились в неё. Когда я спрыгну на стерню и посмотрел на картину сбоку, то комбайн был похож на подбитый танк, который взбирался на окопный бруствер и был подбит выстрелом в более слабое, чем бронированный корпус и башня, днище. А на самом деле, просто отвалился задний мост и комбайн без малого не раздавил колосовой шнек.

Передав водителями в бригаду о поломке, достал из кабины запылённую куртку, стряхнул из неё прилич-

ное количество пыли, расстелил и прилёг в тени комбайна. Когда бы я ещё отдохнул, вот так на свежем воздухе, пропитанном запахом жатвы.

Я лежал и мне в память пришёл рассказ моего дяди Анатолия, который воевал, прошёл всю войну танкистом, что было не просто счастье, а огромное счастье, так как редкий танкист оставался жив после двух-трёх боевых сражений. Танки были отличной мишенью, особенно на широких степных просторах. Мало того, ему посчастливилось воти в Берлин на своей боевой машине, танке Т-34 и оставить памятную надпись на рейхстаге.

Из всех боевых наград, дядя больше других, где были орден Отечественной войны I степени и медаль «За отвагу», ценил орден Красной Звезды. Именно его и только его, закреплённый на ласкан пиджака носил по торжественным случаям фронтовик. Он не любил рассказывать о войне: «Душа болит, когда вспоминаю, сколько я потерял своих боевых товарищей. Ну, так и быть, за этот расскажу», — при этом он прижимал к широкой груди кузнеца боевой орден.

«Я в Бога не веровал, — начал рассказ фронтовик, — когда попал только на фронт. Но когда погиб мой первый экипаж, а я чудом выжил, заживо сгорели в танке боевые товарищи, а я, получив ожоги нижних конечностей, успел выйти из горящего танка через верхний люк прежде, чем взорвался боезапас. Я был заряжающим, может потому, в отличие механика, стрелка-радиста был защищён лучше башенной бронёй, но я, так или иначе начал верить в Бога. Я верил и в то, что молитвами моей молодой жены, Нюры, старшей сестры твоего отца, которая, будучи девушкой, приняла меня с двумя малыми детьми, она меня спасала, моя к ней любовь, хоть ты, шкет, ещё не знаешь что это такое и мои дорогие девочки, за которых я не толу Гитлеру готов был глотку перерезать, но и с самим дьяволом биться. Я бился, не прятался

за спины своих товарищей, мне было суждено выжить, загнать зверя в логово, добить и оставить своё имя на горящем рейхстаге.

А до этого, немцы усиленно сопротивлялись и в наступательных боях мы несли значимые потери. В одном из боёв, не германской земле, наш танк подбили. Погибли сразу и механик водитель, и стрелок-радист, командир танка был ранен. Выйти через верхний люк было равносильно смерти, а оставаться неподвижной мишенью на поле боя — тоже не вариант. Но выходить из танка нужно было или, чтобы спастись перебежками и ползком из-под обстрела, что я не мог сделать, оставив командира, а с ним тоже далеко бы уйти не смог, или попытаться устранить неисправность двигателя, из-за попадания осколка в моторный отсек. Я выбрал третий вариант, хоть и не механик, но до войны в Ростове на заводе работал и с техникой дружил.

Нашел неисправность и смог устранить, но немецкий снайпер всё-таки меня выцелил в прицел, но и тут на мое счастье пуля пробила фляжку, попала в подсумок, где в шапки разбила бритвенный помазок и ещё что-то и на излёте легко зацепила бедро. Если бы не это, пуля могла или ногу перебить, или вообще войти в брюшную полость и наделать там «беспорядок». Так же, через нижний люк забрался назад и, после нескольких попыток, прокачав топливо, запустил двигатель.

Немцы, заметив «оживший» танк, вновь открыли по нам огонь, но мне посчастливилось проскочить зону обстрела и благополучно вывести из-под обстрела боевую машину. За это и за спасение командира меня и наградили орденом Красной Звезды. Знаешь, как обидно было погибнуть в самом конце войны?! Это не передать».

«Дядя Толя, я Вам бы Героя дал за такой подвиг!» — восторгался я дядей.

«Эх, племяш, если бы это не было на глазах у командования, могли вообще никак не наградить или, того хуже, найти за что и наказать», — подытожил рассказ фронтовик-танкист.

Я лежал сейчас в тени «боевой» обездвиженной машины и, отличии от той ситуации, которая была во время боя, у меня не было никаких вариантов спасти её, ну скажем, случись тот же пожар, упаси Господи. Всё в воле Божьей. Верим мы в Бога или нет, но есть жизненные ситуации, когда мы вспоминаем его, уповаем на его помощь и спасение.

Подъехала автомашина и я выгрузил зерно из бункеров. Ещё через полчаса подбежал на мотоцикле механик.

— Что тут у тебя случилось? Понятно. Я тебя забыл предупредить, в прошлом году, у предыдущего комбайнёра случалась эта проблема. Мы даже хотели его списать. Ну, а теперь точно, это последний сезон. Да и уборки-то осталось всего ничего. Сварщика вашего сегодня нет. Сейчас бригадир кран ищет, «САК» подгонят, я сам попробую прилепить его на место.

— Николай Иванович, а клей взяли с собой? — пытался я ещё пошутить.

— Зачем? Соплями прилеплю. Не себе же — людям, — парировал мою шутку своей механик.

Приехавший автокран задрал зад комбайна, подкатили и выставили мост. Николай Иванович больше получаса проваривал, как мог соединения. Ближе к вечеру, после излишних рекомендаций — «езжай потихоньку», я отогнал комбайн в бригаду.

Но моя избранница меня и слушать не хотела. Видимо она не верила до сих пор в серьёзность моих намерений. По прибытию домой, я собирался серьёзно гово-

рить с родителями по вопросу женитьбы. Но это дело второе, а первоначально я даже не мог понять, как она ко мне относится, внешне проявлялась какая-то инертность и неопределённость.

Я, конечно, злился, внешне не высказывая это, держать эмоциональный фон стабильным было сложно, но необходимо. Слишком высокой платой за несдержанность могла стать мне ответная реакция до поры, до времени молчаливой девушки, у которой, конечно же, как и у всех есть эмоции, только она их до сих пор никак не проявила.

А тем временем, уборка для меня, да и для всех заканчивалась. После того, когда прибывший из Сельхозтехники сварщик поварил комбайн, у меня оставалось полтора дня для того, чтобы поставить на командировке жирную точку. Кто-то на моем месте мог сказать: «Не повезло мне, приезжал не для того, чтобы по итогам уборки по намолоту занять место, даже ниже от среднего», и искал бы кучу оправданий и причин тому способствовавших: поломки и вынужденные простои из-за этого, работа в напряженном режиме, практически без помощника, и можно было ещё найти, а если бы не было, то домыслить, кто бы это проверял.

«А есть ли плюсы, которые дала мне эта командировка?» — анализировал, возможно кто-то из моих товарищей или мог бы это делать, обладая пытливостью ума, вовсе не желая обидеть говорю. И мог бы перечислять, на моем месте:

«Намолотил 6480 центнеров зерна, а если учесть „обдираловку“, то возможно и все 7 тыс.; получу за выполненную работу деньги, которые лишними не бывают; на работу начислят командировочные, почти за два месяца; получу на заработанный рубль натуральной оплатой зерно — пшеницу, из которой можно муки намолотить на всё зиму и не только и ячменя, для домашнего хозяй-

ства... Получается совсем даже неплохо» — подытожил бы кто-то на моем месте.

Что я сам могу сказать. Всё, что выше сказано — это хорошо. Но это совсем не главное, а главное в том, что я нашёл её, я нашёл девушку своей мечты и приложу все силы, чтобы она была моей и только, иначе и быть не может. Уже сейчас видно, что мне с ней будет нелегко и от того не скучно и очень интересно, потому что я буду вынужден применять весь имеющийся арсенал обаятельности и придумывать что-то новое, индивидуальное, то, что подходило для других, здесь не прохляет. А я никогда не выбирал легкие пути и даже наоборот, часто сам себе доставлял в жизни проблемы, усложняя этот путь, делая его более продолжительным и тенистым.

«Не было бы счастья, так несчастье помогло», — именно так можно было назвать, после случившегося ещё одну возможность провести с девушкой полноценный и насыщенный «ближним контактом вечер». Контакты — поцелуи, а вы, что подумали? Я предпринимал попытки убедить Ольку, что лучше, чем жить у меня в Матвеевом Кургане ей лучше не будет. Сестра Оли с мужем и маленькой дочкой жила в доме, ведомственном, к котором выдавали квартиры рабочим кирпичного завода. Как и сам кирпичный завод, дом располагался на юго-западной окраине посёлка. До предполагаемого места работы в Доме быта со швейной мастерской было почти три километра пути, а от моего дома чуть больше километра, а главное, что он расположен в 200 метрах от моего СХТ.

И это были всё нереальные мечты, потому что она на это никогда не пойдёт, да и родители не позволят дочери жить в чужой семье, а главное, в каком статусе? Этого даже я не хотел просто понять. Я даже себе представить не мог, сколько ещё предстоит мне провести бессонных ночей, прежде чем обрету душевный покой. Мне

казалось, что раз мы будем жить рядом, ежедневно видеться сможем и всё будет, как в сказке. В чём-то я был и прав, но будет ли это успокоением души или, наоборот, будет её разрывать — это мне и предстояло скоро узнать.

Целый день мы чистили, мыли, герметизировали технологические отверстия, смазывали рабочие органы, снимали ремни и цепи, разгружали резину, выставляя 10-тонную машину на козлы и готовили комбайны на длительное хранение. Не было торжественных проводов и пламенных речей, как мы привыкли видеть в фильмах 50—60 годов, не было и слёз расставания. Я договорился с Олей встретиться а ДOME быта, где она устраивалась на работу. Меня это устраивало на первых порах.

Мой распорядок будничного дня отличался от распорядка выходного дня в основном тем, что мне не нужно было утром идти работу, а вечерний практически оставался неизменным. Итак, один день, после моего возвращения из командировки.

Если до уборки, по обыкновению, я просыпался в 7 часов утра, принимал туалет, завтракал и выходил в 7—30 на работу, где зачастую до начала рабочего дня успевал сыграть одну, а иногда и две партии в домино. Теперь побудка сдвинулась на полчаса позже, я всё делал бегом и приходил, как правило за две-три минуты до начала рабочего дня. Опаздывать на работу я не любил и считал это плохим тоном работника.

Если я сам не задерживался или меня на работе не задерживал кто-то или обстоятельства, то я заходил в Дом быта, поднимался на второй этаж, заглядывал в швейных цех, улыбаясь и здороваясь со всеми, кто обращал на меня внимание, а внимание обращали все, кто работал в первом производственном помещении, первый раз спрашивал Олю, у которой рабочее место находилось

во втором, дальнем от входа помещении, а затем добрые женщины, перекрикивая специфический стук швейных и оверлочных машин, вызывали Олю, если она ещё не закончила работу. Иногда, просто ожидал внизу, будучи уверенным, что она ещё не ушла домой.

По дороге на место её жительства мы обсуждали, чем сегодня займёмся вечером. Вариантов был небольшой выбор и в зависимости от погоды и настроения выбирали одно из трёх самых распространённых у нас программ: первая, если шло новое кино, то я приглашал её на вечерний сеанс в 21 час, двухсерийный фильм начинался в 20 часов; вторая, погулять просто в парке и затем посетить танцы, которые я с давних пор уважал, а Оля, как оказалась не любила или просто стеснялась, а потому, очень скоро и с наступлением осенней непогоды этот вариант не рассматривался; третья, основная, чаще всего используемая, это приглашение моей невесты ко мне домой. Ввиду того, что гуляние по парку, как известно, тем более без танцев в провинциальном посёлке особо красочным не назовёшь, а что такое просмотр фильма последним сеансом всё тоже знают, когда девушка пытается смотреть на экран, а вы постоянно предлагаете свою физиономию, не столько для её просмотра, сколько для того, чтобы в очередной раз перебить просмотр поцелуями, потому рассмотрим то, чем мы занимались, приняв третью программу — посещение моего жилья.

— Пойдём послушаем музыку, — обычно так я приглашал Олю домой, — и это было правдою, потому что весь вечер мы проводили под музыку.

Но начну с самого начала. Итак, проводив Олю домой, я, естественно, возвращался домой. У меня было час-полтора, чтобы обмыться, перекусить, поваляться немного на диване и, возможно вздремнуть чуть-чуть и, одевшись, отправляться опять на кирпичный завод, а вернее к самому крайнему дому в Матвеевом Кургане,

за которым была территория завода, а за ней уже питомник древесных насаждений и река Миус. Подождав или на улице, или в доме, пока моя невеста оденется, а я её именно так называл, так сам же её и засватал в тот первый день, с первого взгляда в сельском клубе, мы отправлялись в обратный путь, который я уже по шагам изучил и мог ночью двигаться с закрытыми глазами. Обычно ко мне мы приходили в девять, половине десятого вечера.

Когда я только приехал с командировки и сразу объявил родителям, что я женюсь, чем поверг их в шок, а отойдя от него мне было объявлено, что год високосный, в високосный год не принято жениться, нужно обождать всего полгода. Что для меня означали эти полгода — не передать. Одна мысль вводила меня в депрессию. Родители понимающе успокоили, мол повстречайтесь, узнайте друг друга лучше, куда спешить... Отец «пожертвовал» мне одной комнатой, которая, после его перепланировки, из проходной стала совершенно автономной, в чём был и плюс большой, и минус. Раньше имеющая две двери, входную с улицы было решено закрыть наглухо и утеплить одеялом и ковром сверху, а вторая выходила в кухню и закрывалась. А минус был в том, особенно в зимнее время, что дом обогревался печами, в доме была печь обогревающая четыре жилых комнаты и в кухне, на которой готовили и обогревалась сама кухня и эта небольшая комната, размером 2х3,5 метра. Чтобы было в ней тепло, нужно было открывать двери, но нам такое не нравилось, так как кухня была самым бойким местом в доме часов до 11 вечера.

К стене, где была раньше дверь, была приставлена кровать. У большого светлого окна, света из которого, кроме звезд мы никогда не видели, стоял стол, на котором был установлен магнитофон и гора катушек с записями. На подоконнике был самодельный светильник, который я сделал, в чем-то схожим со светофором или

маяком, 12-ваольтовая лампа давала слабый свет через стекла красного и зелёного цвета. Получалась интимная обстановка, которую дополняла музыка, которая всегда была моей гордостью, это была красивая, чувственная эротическая музыка, которую я ещё никому не включал, потому, что кроме неё в течение прошедшего года у меня в доме никого не было, а записи были совершенно свежие, мне их, как обычно «подогнал» друг моего брата, Саша Слон, за что я ему очень признателен. Эту музыку даже томные охи и вздохи не портили, а только придавали шик и колорит.

Даже Оля, хоть она прямо и не сказала, но по выражению лица я заметил, что тоже понравилась. Такая расслабляющая музыка была благоприятна и для снятия напряжения и усталости, скопившихся за день, а не только для занятия сексом. Вообще эта тема была запретной, в виду даже не специфических обстоятельств и обстановки, где мы были в комнате одни, конечно, а в доме, естественно нет, вовсе нет, а просто потому, что при первом же страстном желании сделать это, что могло стать только проявлением избытка чувств, неуёмной страсти и любви, а не ради просто плотских утех. Как только моя шаловливая ручонка, произведя разведку, переходила к активной фазе наступательного процесса, тут же получала массированный отпор из всех каллибров, а главный говорил не громко, а так тихо, но очень убедительно:

— Не надо!

И всё! Конечно же, руки не были отсечены по самые локти и периодически эти попытки повторялись, но результат был предсказуем и категоричен. А, как результат, сильные боли не только душевные, но и физические, которые были вызваны перевозбуждением и «экстренным его торможением» на самом интересном месте и так всегда. Бывает же так, что человека сводят с ума, а он вместо

того, чтобы «поберечь» своё психологическое состояние, свой душевный покой и, естественно, физическое здоровье, не уронить мужскую честь и достоинство, о которых мы говорим в разы реже, чем о девичьей чести и достоинстве, вместо этого он снова и снова идёт на эти страдания, чтобы когда-нибудь всё же добиться желаемого, своей избранницы.

Бездушные люди скажут: «А, что же ты хотел, ничего легко не даётся». Согласен, но существуют какие-то рамки этим страданиям или нет? Другое дело, если человек, который тебе пришёлся к сердцу за тысячу километров от тебя, и ты это осознаешь и довольствуешься двумя-тремя коротенькими письмами, в которых в конце написано: «...Люблю! Целую! Жду ответа.» И дотронуться невозможно и тем более ощутить на себе тот же мифический условный поцелуй тоже нереально.

Здесь всё, наоборот, и всё же, ты от этого страдаешь больше, чем ожидая простого письма. Видимо эту чистую душу не посетил тот, некогда добрый Ангел, превратившийся в «добраго» змея-искусителя, и не поведал моей о чудесных свойствах запретного плода. Какое можно было бы испытывать блаженство: в комнате одни; интимная обстановка в полумраке в сочетании с подтапливающей на греховные с одной стороны и благостные, как проявление наивысших страстных желаний, на основе глубоких чувств и побуждений сделать свою избранницу сердца счастливой; кровать, когда мы присаживались на неё и ложились, начинала даже стонать негромко пружинами сетки, имитируя предстоящее действие, до которого в очередной раз никак дело не доходило, обрываясь на самом интересном месте.

Что вы спросили? Совершенно, верно, обрывалось после слов: «Не надо! — а с некоторых пор, ещё добавились, — если и можно будет, то только после свадьбы!» Картина Репина «Приплыли» отдыхала, случалось даже,

что и я «приплывал» от перевозбуждения. Было всяко, было разное, но у нас, как говорили раньше везде и всюду: «В Советском Союзе секса нет!» И все помнят поговорку, что «на нет и суда нет».

Чаще всего мне приходилось сдерживать попытки уходить со словами «пора!», отражая их, как в настольном теннисе шарик на поле соперника со словами «рано! Еще полчаса и пойдём». И так раза три повторялось. Ну не хотел я её отпускать, несмотря ни на что. Шли мы по ночному посёлку далеко за полночь, ближе к двум часам ночи. И, вот, хоть плачь, но не мог я сразу её отпустить в ту квартиру, где все уже давно спали. Вот такой я был противный. Девушка уходила, в её комнате зажигался слабый свет, видимо ночник. Я дождался, когда свет гас и закулив сигарету, начинал дразнить звуком от шагов, чутких сторожей дворов. Неизменно путь лежал через железнодорожный вокзал, центральную площадь и аллею с пустующими скамьями для отдыха, где очень редко можно было встретить кого-либо из таких же неспящих влюблённых. Дальше я поднимался по своей любимой улице, практически с самого её начала до самого конца.

Дома, закулив и обдумав всё что произошло сегодня за вечер, ложился спать, когда на часах стрелка переваливали, «ломая» прямой угол между часовой стрелкой и минутной, «отчаливавшей» от цифры 12 навстречу часовой стрелке, как будто у них каждый час было назначено свидание. А, что им, тикай себе, да и всё, им-то на работу завтра не идти, хотя это и есть их бессменная работа — отсчитывать время, отсчитывать не для себя, а для нас счастливые минуты и минуты грусти, минуты свиданий и минуты одиночества. Минута за минутой, час за часом, день за днём — так и жизнь наша проходит.

Я как-то подсчитал, сколько я за вечер прохожу, какое расстояние, не в часах, а в километрах, если учесть,

что от меня до дома, где жила Оля было четыре километра. Вышла внушительная цифра в 20—25 км, это без учёта что я утром шёл на работу и там целый день крутился и бегал из цеха в цех. Сон 4—4,5 часа — вот она, моя счастливая холостая жизнь. Отец за меня переживал, говоря во время наших перекуров, иногда по моему возвращению ночью домой: «Когда я тебя уже женю?! Не нравятся мне твои ночные хождения, да ещё и через железную дорогу, под вагонами лазания до хорошего не доведут...». На что я ему отвечал: «Согласен, так и есть. Мне самому уже терпеть надоело, а что делать? Вы же сами мне запретили жениться, я бы еще в сентябре был согласен на свадьбу...». На том и оставались, каждый при своём. Ничего до поры, до времени мы уже изменить не могли.

Когда, Оля, по каким-то причинам отказывалась со мной «взьерошить» покрывало на моей холостятской кровати, когда мы после кино отправлялись через «пути», как у нас говорили, даже не «пути», а «путя» и шли неспеша в сторону её дома, где не доходя, на пустыре строился многоквартирный двухэтажный дом и к зиме уже стройка была, как говорили «заморожена», стояли стены без окон и крыша. Здесь, хоть и были сквозняки, но можно было укрыться от дождя, а позже и от снега, и от прямых порывов ветра. На втором этаже на кирпичи мы ложили доску, что служило нам скамьёй и здесь мы проводили свои свидания. Одно из них закончилось плачевно, Оля застудила почки. Если бы я узнал об этом сразу, то может быть и бился бы головой о стену на той же стройке, пока не размозжил её, но Оля призналась об этом намного позже. Говорила просто: «Не могу сегодня. У меня температура, болею. Может быть через неделю?!»

В один из вечеров я, уставший находиться в неведении, мы встретились уже три месяца, я «102» раза при-

знался уже ей в любви, учитывая то, что это делал сначала не ежедневно, а потом уже стал делать признания по несколько раз за день, а может и «201» раз, счёт не вел, но говорить слова признаний о любви не забывал и не уставал, всё же решился задать вопрос, на который боялся услышать отрицательный ответ.

Мы сидели в беседке около подъезда её дома, был тёплый сентябрьский вечер. Оля собиралась уходить. Я не хотел отпускать и сказал:

— Ответь мне на простой вопрос и можешь идти отдыхать. Я потом и на секунду тебя не задержу. Клянусь! Скажи, Оля, ты меня любишь?

Я сидел в беседке, Оля поднялась, чтоб уходить и замерла на месте. Простояла минуту, повернулась и собиралась идти домой.

— Оля, скажи. Я не уйду отсюда, пока не дождусь ответа.

Олька повернулась в полуоборот ко мне, посмотрев как-то, мне показалось, что исподлобья и пошла в дом. Я надеялся, что она подумает, хотя, как по мне, то на такой вопрос, это же не решение математической задачи, ответ должен подсказать сердце и думать, как ответить не нужно было, а просто поверить своему сердцу. Я сидел и нервно курил, понимая, что я сейчас стал заложником своей же клятвы, как в гайдаровской повести «Военная тайна», сидел, как часовой и не имел право «покинуть пост, так как дал слово ждать. А она то не давала такого слова, а потому, как я понимал, разделась и, возможно, уже уснула, не задумываясь над тем, что я в это время испытываю.

Я обдумывал всё и не раз и понимал, что я бессилён что-либо сделать в этой непростой ситуации. Видимо моя любовь от того и усиливалась в геометрической прогрессии, что она была только моя и, возможно даже мои чувства, которых могло хватить на нас двоих, не были

востребованы, а потому они накапливались, как гормоны, как адреналин, тестостерон, эндорфины и другие, которые и делали чувства такими красочными и ни с чем несравнимыми, все эти гормоны накапливались во мне, не находя нужного выхода, взрывая мне разум.

Время шло предательски медленно, а к тому же, сегодня Оля раньше попросилась, если это выражение здесь уместно, домой. Так что и полночный бой московских курантов ударами в виски отозвался у меня и стрелки не раз устраивали забег «на догонялки» и это у них каждый час и ещё плюс пять минут получалось. А у меня не получилось сразу, значит и не получится, сегодня, как минимум получить ответ на вопрос, который меня мучил давно, а решился спросить сегодня, так как терпелки лопнули. Я, конечно, не дождусь ответа, да рисоваться перед соседями, уходящими на работу, не стану, а вот рассвета я дождусь точно.

Начатая вечером пачка сигарет заканчивалась, когда небо в той стороне, где мой дом начало светиться рассветной зарёй и я, считал, что своё слово сдержал по максимуму. Я же не пацан, чтобы ещё портить столешницу столика, за которым теплыми вечерами жители играли в лото, как было модно в те годы, оставлять о себе память, вырезав надпись содержания, типа «Оля+Саша=...» — эту задачу у меня решить не получилось и сегодня. Но попытка была и на душе стало от этого хоть и не сильно, но легче.

Родители, конечно, утром волновались и отец, не раз, скорее всего вставал и наведываясь в пустую комнату, курил здесь и снова ложился, пытаюсь заснуть.

— Ну, предупреждал бы хотя бы, что ночевать не придёшь, мы бы не волновались, — читал по обыкновению отец мне лекцию, — вот женишься, тогда пусть жена у тебя спрашивает, где ты время проводишь, а пока, будь добр, не расстраивай родителей.

— Па, ну не знал я с вечера, что не приду ночевать. Так получилось. Видишь, я даже трезвый пришёл.

— Лучше был бы ты пьяным, но спал дома, — подытожил «разбор полёта» батя.

Отработав весь день на работе, к концу работы ещё и зацепился с друзьями. И не потому, что прислушался к словам отца, а потому что самому хотелось сегодня напиться. Пришёл часов в семь вечера и почти сразу завалился спать. Конечно же выпивка не восстанавливала расшатанную нервную систему, а не давала разуму вскипать от постоянных мыслей и раздумий, что в свою очередь благоприятно на эмоциональное состояние повлиять не могло.

Олька, что же ты со мной делаешь? А что ещё будет через три месяца, которые нужно было, как минимум ещё ожидать до сватовства, со мной, я не хотел даже предположить — это неблагодарное дело. Я подумал, как могут жить люди-пофигисты? А есть же такие и живут как-то, но как? Ну разве я могу быть равнодушен к неопределённости, в которой сейчас пребываю. По мне, так лучше, как говорят «горькая правда, чем красивая ложь». И самое обидное в этой ситуации то, что я-то её по-настоящему люблю, как никого другого так не любил, даже тех, с кем был так близок и любил, конечно же я их любил, но то было совершенно другое, я просто тогда не знал, до какой степени может быть сильной любовь, до какой степени она может ранить, рвать на куски сердце переживаниями, неопределённостью и невозможностью строить перспективные планы не только на годы вперёд, а на следующий месяц или даже неделю — это очень сильно ранило мою чувствительную душу.

«Время раны лечит» говорят в народе. Возможно только залечивает, они покрываются тонкой плёнкой

и при малейшей стрессовой ситуации, раны вскрываются импульсом крови от эмоционального всплеска и начинают кровоточить вновь и с новой силой. Только ответная любовь, как бальзам или мазь Вишневского может помочь справиться с этой проблемой. Но когда это произойдёт и произойдёт-ли когда-нибудь я и сам не мог ответить, я не мог знать, я не мог читать чужие мысли, повиновать своим интересам чужой разум, способностями экстрасенса я не обладал да и был против оказания всяческого давления на то, чтобы ответ был такой, который бы меня устраивал полностью — это было бы насилием и такой союз, если бы он состоялся в конце концов, долго бы не просуществовал.

Хоть я и не был сторонником утверждения, которое не могло быть аксиомой, применяемой в любовных отношениях, высказанное А. С. Пушкиным в «Евгении Онегине»: «Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей», но однозначно, при усиленном «предложении» себя, в качестве потенциального жениха, если не сказать больше, могло иметь и обратную реакцию. Когда я пришёл к такой вот версии в результате собственных размышлений, мне даже стало плохо — неужели это возможно?

Я размышлял, сколько я мог прожить дней, совсем не думая о ней? Глупый вопрос — ни одного. А сколько дней я смогу прожить, чтобы не видеть её, не встречаться, даже имея такую возможность? А вот на этот вопрос я ответить не мог, нужно было провести эксперимент. Пожалуй, мог бы и не один, но для этого мне нужно было чаще пребывать в таком состоянии, как минимум, в каком я вчера пришёл домой. Отец о таком моём состоянии говорил так: «Ты вчера пришёл „на бровях“, — констатируя факт, добавлял, — и сегодня ждать повторения?»

Я не мог отцу врать, и он это знал, а потому, нагнув голову, молча выслушивал то, что говорил он мне. Он

сам иногда имел такой грех, но, чтобы упрекнуть его в том, когда ответ пришла очередь держать мне, я бы себе никогда не позволил. Я сам не мог быть уверенным в том, что сегодня всё будет иначе, да я раскис, раскис настолько, что позволил себе дать слабину и тем самым снять с себя скопившееся напряжение.

Я перекипел, перегорел, как лампа, горевшая без отключения долгое время без должного охлаждения окружающей среды, без отвода тепла, я сжёг сам себя. Душа обожжена была настолько, что не только любое прикосновение ко мне, затрагивающее болезную тему, любое неосторожно брошенное, даже неумышленно в мой адрес, её или наших отношений вызывал нестерпимую боль и однозначно агрессивную реакцию, как раненный зверь, которого пытаются «выкурить» из логова. Отец быстро это понял и перестал досаждать нравоучениями, приносящими мне только дополнительные страдания.

Мне нужно было «зализать» эти душевные раны. Я пил много и долго, а когда был более или менее в настроении, приходил в далёкий теремок, предлагая, как и раньше из трёх программ выбрать одну. Как бы не было для меня удивительным, возможно я только внешне не замечал её душевных переживаний, но внешне Олька была спокойна и безмятежна, как и раньше, до того, как я попросил её ответить на простой, как я думал вопрос, который поставил её в ступор.

Возможно, что именно спиртовой допинг делал меня менее раздражённым и благодарю этому я меньше сам себя травмировал, не загонял домыслами в состояние депрессии. Другого верного способа снятия напряжения я не знал. А время и ситуация на работе были таковы, что можно было с утра «поправлять» здоровье и держать его в тонусе до «заводского гудка», а там уже и по полной можно было расслабуху ловить, главное, чтобы, выходя в конце работы мимо конторы не попался в поле зрения

зоркого глаза руководства, многие из коих выходили, как бы между прочим покурить на крыльцо конторы. Если походка к этому времени была уже не уверенной, то помогали спины более стойких товарищей или запасный выход не через КП и ворота, а через дальние ворота у складов или через общежитие для командировочных трактористов.

Пару раз, теряя над собой контроль, я даже позволил себе «нарисоваться» в доме быта, изъявляя желание увидеть Олю. Однажды у меня это получилось, а другой раз мастер, видимо от греха подальше послала меня словами: «Оли нет, она сегодня отпросилась домой раньше». Было это так или иначе, а может быть она просто не хотела меня таким видеть, не знаю. Как бы то не было, но и в этот вечер у меня был вынужденный прогул. Так потихоньку я, к накопленному уже за месяцы хорошему, что было вполне заслуженно накоплено на моем счету, добавлялась по каплям ложка дёгтя.

Хоть дни тянулись невыносимо долго, но, если включить, как в магнитофоне ускоренную перемотку, без воспроизведения того, что ещё произошло в эти дни, то мы стояли на пороге Нового 1981 года. А это значило, что високосный год заканчивался и нужно было решать серьёзно вопрос о женитьбе. Но вопрос о женитьбе мог стоять только в случае обоюдного желания иначе, как было в старину, жениху, приходившему свататься, могли вручить гарбуза, если на украинском языке, а по-русски сказать — тыкву. Зачем давать «от ворот поворот», если этого можно просто не допустить, поступив по-человечески, выяснить серьёзность отношений и снимались бы все спорные вопросы, сватовство становилось, лишь формальностью, знакомством родителей и договорённостью о самой свадьбе: играть её или нет, если играть, то где и на каких условиях, другие важные моменты.

А до этого я хотел предпринять ещё одну попытку серьёзно поговорить с Олей и расставить наконец-то все точки над «и». За три дня до Нового года, я по обыкновению пошёл на свидание к Оле, обдумывая заодно программу новогоднего праздника и что нужно будет на праздничный стол еще купить из-того, чтобы угодить моей будущей жене. То, что мама, как обычно готовила всякие домашние приготовления, это понятно было, такие приготовления делала каждая хозяйка, так как этот праздник семейный и его было принято отмечать дома. Но мне хотелось внести в праздник какой-то сюрприз, изюминку.

А «изюминку» внесла в мои планы та, ради которой я старался, чтобы праздник был приятным и запомнился на всю жизнь, её мне внесла Оля и, конечно я это запомню на всю жизнь.

Я постучал и вошёл в дом сестры и зятя Оли. Поздоровался с Таней и её дочуркой, которая уже успела ко мне привыкнуть, так как в последнее время, как настали холода, я часто ожидал Олю не на улице в беседке, как в теплое время, а в доме.

— А Оля куда-то пошла? В магазин, наверное? — поинтересовался я у её сестры, Татьяны.

— А ты, что не знаешь? Она тебе не сказала? Оля поехала домой, сказала, что будет праздник отмечать дома, с родителями. Я думала, что ты знаешь. Ну раздевайся. Сейчас Слава придёт, поужинаем.

— Спасибо большое, Таня! Я пойду...

Как и кем я сейчас чувствовал себя вот здесь, даже слов не подберу, чтобы объяснить, это тот же кавун, только не сватам, а лично мне и заочно, ещё до сватовства. Провалиться мне тут прям на месте и не жить. Я шёл по заснеженной пустынной улице, куртка была нараспашку и мне хотелось её застёгивать на пуговицы, мне было жарко, я горел, я сгорал от стыда и обиды, мне

просто хотелось упасть в глубокий сугроб сбоку дороги, образованный очисткой самой дороги, подъездов к подворьям и самих дворов от снега, упасть и лежать до тех пор, пока не спадёт жар и голова будет способна думать и принимать адекватные решения.

Я остановился, достал сигареты, попытался подкурить и у меня это не получалось, как обычно с первой спички, руки дрожали, но не от холода, спички ломались, не зажигались и от этого становилось совсем нехорошо. Закурив, в три затяжки выкурив одну сигарету, достал следующую. Я не замечал ни редких прохожих, не заметил как перешёл железнодорожные пути напротив вокзала, не видел стояли ли там поезда или товарные вагоны, я шёл «на автопилоте» и включился лишь тогда, когда прошёл свою улицу и-то, скорее всего от того, что меня начало знобить, я просто замерз, так как шёл уже почти полчаса с расстёгнутой курткой. Поняв, что прошёл свою улицу, развернулся и пошёл туда, где меня ждали родные люди, кроме одной, по факту ещё не приходившаяся мне никем и без кого я встречу Новый год.

Не хотелось думать, но поговорка гласит, что «как встретишь Новый год, так его и проведёшь». А так не хотелось, хоть плачь, вот так вот, просто идти по улице и реветь белугой. Но я не белуга и не камбала уже, пожалуйста, а кто я? Да, просто, влюблённый, если ничего не сказать человек, которому, как и всем, думаю, что в этом не ошибусь, на Новый год хочется быть, как минимум быть с любимым человеком. Просто, быть.

Глава VI. Охота, ох, как охота

В те годы, готовясь к новогодним праздникам, люди не делали массовые закупки в гипермаркетах, а «доставали» дефицитный товар в тех же гастрономах, но «по бла-ту» или, ещё лучше, если есть знакомые, то на складах райпо. Все магазины относились к системе «Райпотребсоюз», что означало Районный союз потребительских обществ, со складов которого товар распределялся по всем магазинам района. А доходил ли тот товар или нет — это вопрос второй.

Существовала ещё такая поощрительная функция, которую осуществлял райком КПСС, как премирование передовиков производства дефицитными товарами, от ковра и стиральной машины до мотоцикла, которые были популярны в сельской местности и их, не иначе, как «труженики» не называли, так как ими можно было возить мешками корм, косить и перевозить целыми арбами сено и то, «что плохо лежит». Ну, естественно, тех, кто уж сильно «прогнулся» перед районным начальством могли наградить путёвкой в соцстрану или даже возможностью купить автомобиль по государственной цене. И все указанные выше товары, конечно тоже не дарились, а покупались, на них давали разрешение, и счастливый человек с бумагой, заверенной первыми лицами района, ехал на склады и оплачивал тот дефицитный товар, который другим был не доступен.

А потому, простые люди на деликатесы к новогоднему столу не рассчитывали, а пользовались благами и возможностями гастрономов и тем, что смогли вырастить на те же корма натуральной оплаты труда, если не поросенка резали, то кур, уток или гусей. Хозяйки пару дней хлопотали, чтобы праздничный стол был не хуже, хо-

тя бы, чем у соседей. Мама моя много лет проработала в магазине и многих знала в этой системе, а потому тоже могла, при необходимости что-то достать. Но эта необходимость лично для меня отпала. Главное, что меня беспокоило, это то, чтобы водки было побольше, так как я был первым и самым серьёзным претендентом на звание победителя в соревнованиях «кто больше выпьет». Отец уже не мог со мной в этом тягаться, брат, как я уже не раз говорил к этому был практически равнодушен, ну а я, с учётом того, что произошло и для того, чтобы, как не противоречиво будет звучать — «тушить душевный пожар водкой», тем продуктом, который и сам кого угодно подожжёт.

Но я всё же, пока ещё до праздника оставалось двое суток, ещё не терял надежду уговорить Олю изменить свои планы на Новый год. Девушке в девятнадцать лет не обязательно развлекать родителей, сидя на диване перед включенным телевизором, просматривая новогодний «Огонёк» до тех пор, пока не Кремлёвские куранты не пробьют в этой заброшенной и позабытой даже Богом глубинке, чтобы не позже, чем через полчаса отойти ко сну, перед этим обильно окропив слезами обиды пуховые подушки, приготовленные уже заботливой мамой в качестве приданного на свадьбу. А будет ли эта свадьба, если проводить вот так праздники и выходные не на танцах, в кино, встречаясь с молодыми людьми и, возможно, с теми, кто мог стать потенциальным женихом и в дальнейшем мужем.

Это я не о себе, а просто рассуждаю. И хоть сейчас не совсем к месту, но вспомнил 22-летнюю девушку, которая себя называла «старой девой». К сожалению, в её словах многое подтверждалось на практике. Мы, мужчины, в любом возрасте стремимся связать своё будущее с девушкой, максимально-возможно молодой по отношению к нашему возрасту. И в том же возрасте, как упо-

мянутая, ранее мне знакомая и не просто знакомая девушка, в большой степени уже начинала интересовать молодых людей, уже познавших прелести женатой жизни и у них, были уже более жёсткие требования, так как боялись «ожечься» повторно, после неудачного брака.

Молодой мужчина же и в 30-летнем возрасте и даже в более позднем всё равно искал в первую очередь девушку молодую. Даже мне шёл уже 26 год, и половина этого года уже была прожита. Кто хотел вообще жениться, те форсировали события. Да и я мог жениться ещё 3—4 месяца назад, но было два «но». Первым «но» можно было просто пренебречь, хоть и не хотелось, так как это было условие родителей, а от них зависело, будет ли свадьба, как таковая или же, как у моих родителей, пошли в сельсовет и расписались — вот и все дела.

Возвращаясь домой и пройдя в думах свою улицу, я возвращался и раз это уже произошло, то я снова перешёл свою улицу и вернулся еще метров на пятьдесят, зашёл в гастроном, поняв, что в таком состоянии мне умные мысли в голову не полезут и взял три бутылки портвейна объёмом по 0,7 литра. Вот теперь у меня уже начиналось в голове появляться просвещение, я повторно не прошёл свою улицу, а свернул направо и направился по заснеженному брусчатнику улицы вверх.

— Что случилось? — встретил вопросом меня отец, который давно меня в такое время не видел дома.

— Да ничего, «бобик сдох», — пошутил, хоть этого и не хотелось.

— Какой Бобик? У нас собаку Куклой зовут. Ты о чём?

— Па, Вы сами говорили, «женись, сколько можно ночами шляться?» и в тоже время — «високосный год»! Как бы жизнь у меня не стала «високосной». Будете? Я взял.

— Давай, пока мать телевизор смотрит. Пошли к тебе в келью. Я щас чё-нибудь захвачу загрысть, чтоб тарелками не греметь, у тебя вино?

Я кивнул головой и разделся, побросав верхнюю одежду у себя на кровать. Зашёл отец со стаканами и в оберточной бумаге, свёрнутом кульком принёс овсяное печенье нашего пищекомбината, где он сейчас работал кочегаром.

— Может колбаски? Мне на работе наделили фирменной «Матвеево-Курганской», будешь? — просил батя, прикрывая дверь за собой.

— Потом, па.

Спичками подогрев капроновую пробку бутылки, звучно снял её и разлил по стаканам.

— Ты, чего и видеть плохо стал. Края-то, вот где, — и он показал мне выше «Марусинового пояска».

— За что пьём?

— За то, чтобы всё нормализовалось в жизни. Что-то вся настроенная с таким трудом пирамида начала валиться. Видимо фундамент дал усадку сильную. Чё мне делать, па? Ольга уехала домой, а до этого я собирался с ней у нас отмечать праздник.

— Давай сначала выпьем, — предложил батя.

Мы выпили и закурили, закусывать не хотелось, портвейн хорошо пошёл. Открыли форточку, через которую внутрь устремился свежий морозный воздух.

— А сам-то что думаешь делать. Сейчас подсказывать — это неблагодарное дело. Ты сам реши, ты же её знаешь лучше, чем мы. Видимо, ты её чем-то обидел? Или она свой гонор показывает? Как быто не было, тебе нужно с ней поговорить, спокойно и обстоятельно.

— Да, батя, я тоже так решил. Завтра пойду в Камышовку и поговорю.

— Почему, пойдёшь? Автобус, что не ходит? — недоумевал отец.

— Ходит. Я так решил, чтоб горячку не пороть, я должен всё хорошо обдумать, мне время нужно побыть одному со своими мыслями.

— Ну, сиди и думай вот тут, зачем в мороз и вьюгу ещё обещали по радио, переться за 30 км от дома? — не понимал отец моего упорства.

— Па, я возьму ружьё, прогуляюсь с ружьишком и вроде по делу и на свежем воздухе думаться лучше будет.

— Так, ты, наверное, наливавай ещё, не полный. Я-то думал стаканчик и всё, но видно, что так не разберёшься на трезвую голову-то, — махнув рукой, предложил отец продолжить, — наливавай, я колбаски отломаю.

Я разлил по полстакана, батя быстро вернулся с куском сырокопчёной колбасой, которая своим запахом свежей колбасы затянула всю комнату. Отец сразу закурил и было видно, что он переживает не меньше моего. Выпив эти полстакана со мной и выкурив ещё одну сигарету, сказал:

— Ложился бы ты спать. «Утро вечера мудренее». Лично мне не нравится, что ты пешком в такую даль пойдёшь, сынок. А может ты сильно с ней поругался и решил отомстить? Ты, парень, не дури!

— Па, да вы, что? И в мыслях ничего и быть не может. Я её люблю, сильно люблю. Потому ещё летом просил у вас, свадьбу по осени сыграть. Хотя, теперь даже не знаю. Нет, по любому, мне нужно к ней попасть завтра. Это решено. А там видно будет.

— Раз решил уже всё, то не засиживайся допоздна, — выходя из моей кельи, которая до этого была его излюбленным местом, где он курил и запоем читал газеты и журналы и прозвище «келья», как комната в монашеском ските.

Я, конечно, хоть немного и успокоился, пришёл в себя, до полного покоя и желания ложиться отдыхать

было ещё далеко. Я открыл вторую бутылку, наливал и пригубив полстаканчика, включил музыку и прилёг на койку, ища на потолке ответ на неразрешимые пока ещё вопросы.

Хоть никакие выводы и принятые решения так и не посетили мою голову, уже по привычке, за полночь, но лечь раньше и тем более заснуть, у меня тоже не получилось бы и только, когда в очередной раз закончилась плёнка и магнитофон «набирал в рот воды», только концом пленки на продолжающей вращаться бобине, отсчитывал характерными звуками, как хронометр секунды, испытывая моё терпение. Под музыку я даже задремать сумел, а при резком её прекращении и я резко проснулся, поняв, что всё, время отдыха настало.

Утром мне не нужно было вставать рано уже вторую неделю, даже в будничные дни, так как отработав 11 месяцев со дня поступления с Сельхозтехнику, меня отдел кадров отправил в отпуск, хотел я того или нет. Поднявшись после восьми часов, долго не мог сосредоточиться и собраться. А сборы были в основном обращены к выбору одежды и обуви, потому что на улице, несмотря на преимущественно ясную погоду, мела лёгкая позёмка и, как обычно в наших краях, ветер был восточный, то есть ровно оттуда куда мне предстояло идти. Но отступить было поздно, это была одна из моих черт характера, даже если понимал, что предварительное решение было ошибочное, но до этого решение было твёрдое, я ничего уже не менял, а действовал по намеченному плану. Так же было и сегодня.

Из-за того, что снега на полях было прилично намечено, я одел отцовские хромовые сапоги, которые меня выручали уже не раз. Из лёгкой и теплой, главное — не продуваемой одежды я одел на свитер куртку, которую носил ещё мой старший брат до армии, она имела покрытие не продуваемое и практически не промокаемое,

с высоким воротником, хотя эта часть куртки мне по большому счёту не помогала, так как идти приходилось против ветра и обязательным был шерстяной шарф и солдатские перчатки с двумя пальцами, для возможности стрелять прямо в них, не снимая. В патронташе было больше половины заряженных патронов, если мне пришлось бы ещё по дичи стрелять.

Погода была из разряда — «хороший хозяин собаку из дома не выгонит», но «охота хуже неволи» и в данном случае охота понималась не в прямом смысле, как процесс промысла зверя и всё, что с этим связано, а совершенно другое — охота побыть один на один с собой, охота «проветрить» мозги, охота не просто увидеть субъект, не дающий моей душе покоя, а истязать себя испытанием, чтобы прочувствовать в чём виноват, наказать себя за то, в чём виноват, хотя бы вот таким необычным способом. И это, скорее всего во мне отзывались отголоски той Камбалы, в состоянии которой я пребывал не один год, вот эти неординарные нестандартные решения были лишь тому подтверждением.

Утром, слегка перекусив и допив остатки вина из второй бутылки, вышел со двора и направился не по дороге, а сразу через поле. Тронулся в путь я практически в девять часов, кроме ружья и патронов, в охотничью сумку, сшитую матерью отцу из прорезиновой ткани, сложил бутылку вина, вино должно было и утолять жажду и стимулировать при этом одновременно тонус, кусочек колбаски и сала грамм сто, пару кусочков хлеба и всё из еды.

На охоту я всегда брал запасную пачку сигарет и спички, которые хранил глубоко под одеждами на случай, если из-за дождя или снега эти, что в верхней одежде промокнут. Из опыта охоты я знал, что зайцы в такую погоду, если ветер завывает, то могли залегать в лёжках глубоко, но пугливо реагируя на шорохи. А так как мела лёгкая позёмка и день был довольно ясным, а к тому же

ветер был встречным, а стало быть, он не мог меня слышать при приближении, то он мог меня подпустить очень близко и был случай, когда без малого чуть не наступил на косога, мы смотрели друг другу в глаза и потом он, не выдержав, дал вокруг меня такого стрекача, что дробь обеих выстрелов ложилась уже за ним.

Ружьё, с которым уже только я охотился, а со времени, когда отец только купил и сам охотился и старший брат тоже, но только до армии. Это была двустволка, курковая «тулочка» двадцатого калибра, лёгкое, кучно бьющее ружьё, рассчитанное для охоты на дичь, которая в основном у нас и обитала: на зайца, лицу, енота, уток, пернатую дичь от перепела до фазана. За год, как я переехал жить домой из колхоза «Искра», где жил у сестры, из тех непостоянных выходов на охоту моими трофеями стали: одна лиса, а если быть точным, то самец, лисавин с ярким окрасом, штук пять зайцев, несколько уток из двух выездов в сентябре и трёх фазанов.

Хоть сегодня мне охота как-то не лезла в голову, но шёл я по полям не напрямую, чтобы срезать путь, в таком случае, пожалуй самый короткий и одновременно удобным был путь по дороге, хотя она в те года была не асфальтирована и в распутицу колея была выше колена и на сложных участках дежурили трактора из трёх колхозов, начиная от колхоза «Октябрьской революции», собственно говоря, от Матвеева Кургана, Откормсовхоза и колхоза «50 лет Октября». Я, хоть и не задумываясь, но выбирал маршруты исходя из того, что на поле в это время, глубокая пахота, стерня, посевы озимой культуры или что-то другое, и мог идти и поперек поля, а затем возвращаться по другой стороне и это значительно продлевало длину моего маршрута, уж километров на пять-восемь, точно.

Вдоль лесополос, где пороша ослабевала, видны были следы ночной кормёжки русаков, сделавших «мелирова-

ние» шёрстки на зиму и виляющие строчки плутовки лисы, обходящей кучи занесенной соломы, скорее всего, где могли гнездиться мышки, излюбленное лакомство рыжей плутовки. Закричала и слетела с высоты дерева придремавшая сорока, высказывая недовольство своим пронзительным криком. Местами наст был прочный, а временами я проваливался резко по самые «не могу» с ощущением, что летишь в пропасть. Из-за этого переходить лесонасаждения, за которыми скопился снег, унесённый с полей и покрывшийся от перепада температур и редкого солнца в дневные часы, коркой, было связано с потерей времени и сил.

Первый привал я устроил, не доходя пары верст до промежуточного пункта, считающегося половиной пути от Матвеева Кургана до моего родного села Марьевка. Я удобно уместился с подветренной стороны скирды ячневой соломы, с еще не выветренным запахом жатвы, ставшей для меня памятной, даже можно сказать роковой. То там, то тут шуршали мыши, подчищая «грешки» комбайнёров, собирая потери зерна в колосках и в полове. Как они только находят эти крохотные зернышки в таких огромных скирдах? Прилетел воробышек, видимо в надежде тоже поживиться, уселся на кучи соломы перед скирдой, как пример нерачительного обращения с кормом, во время погрузки в сани или тракторную телегу. Хотя сани, следы которых я заметил, хоть и заметённые частично уже снегом, видимо солому загружали сегодня утром, были также большие, прицепляемые к трактору. Опытные скотники вершили на них приличные копны соломы и сена и таким Макаром доставляли на фермы. Вот почему я слышал не выветренный запах жатвы, солома, которую «оголили» для «пользования» ветрам и морозам, истощала эти ароматы, хранимые под толщей скирды долгие месяцы.

Конечно же, это не могло не навеять мне воспоминания об уборке, об Оле, как мы с ней познакомились судьбоносно, как встречались, её улыбку, её непосредственность, простоту и одновременно гордыню. Олька, Олька, что же ты со мной делаешь? Я гибну и гибну от того, что меня когда-то смогло воскресить, дать жизненный стимул, дать радость жизни и счастье любить, а теперь куда она меня ведёт, не на погибель ли?

«Фу, ты! Дурные мысли лезут в голову. Что я раскис совсем? Мне ещё не менее 20 верст топать, а я сник. Ты, что, балтиец? Где твой умение переносить стойко все тяготы и лишения? Собрался сейчас же! Ах, да, сейчас точно соберусь». Я достал обёрнутую в тряпицу бутылку изрядно остывшего вина и подумал, теперь в сумку не положу, опущу в карман куртки, у сердца отогреется, а сердцу будет также комфортней, ну а мысли и так прекрасно продувались в моей, хоть и защищённой отвернутой, а завязанной под подбородком, шапкой-ушанкой.

Я сделал три-четыре глотка и ощутил с небольшим интервалом два чувства: первое, это «ожог» гортани от холодного вина, плавно остужающего мои перегретые внутренности; второе, так же точно, но в обратной последовательности начался обратный процесс — вино нагревалось и спирты, содержащиеся в нём начали процесс отогрева, медленно поднимаясь, пока не достигли того, куда могли попасть только потоком крови через аорту — в голову. Приятное ощущение легкой эйфории окутало меня. «Может быть, да ну его всё, зарыться в солому, да поспать вдоволь и отдохнув, возвращаться домой?» — «И думать не смей! — ответил сам себе на заданный мной же вопрос, — чего ты ноешь? Давай, поднимайся и вперёд!» Я засмеялся своей противоречивости, открыл капроновую пробку и отпил столько, сколько хотелось, откусил кусок колбасы и опрокинулся на спину, наблю-

дая, как солнышко борется с многочисленными тучами, стремящимися его упрятать в темницу и это у них получилось лучше, чем у него обратное. Приподнялся, чтобы не размякнуть и закурил в удовольствие. Вспомнил рекомендации отца: «Никогда не кури при ходьбе или работа. Какое это удовольствие? Нужно сесть, закурить и неспеша курить, ощущая удовольствие от самого процесса, не думая ни о работе, ни о чём другом». Как он был прав и не только в этом.

Нужно двигаться, иначе разленюсь, а об Оле можно и на ходу думать, но это же перекур. Заметив моё шевеление, воробышки, которые слетелись и разгребали копну соломы, шумно взлетели.

«Через село не пойду, — подумал я, — обойду его правее, немного удаляясь от прямой траектории, но я это уже делал не однажды и затем через Бутинки, так назывался когда-то хутор, которого давно не было, а здесь были летние базы для молодняка на откорме и сооруженный, перегородкой плотины через балку пруд — без которого содержание животных было бы проблемным, если вообще осуществимым, ну не возить же из села воду для сотен голов тёлочек. Здесь я зашёл в домик, который служил убежищем и скотникам, и сторожам ночью, дверь скрипела от ветра на навесах. Я зашёл, жильём тут давно не пахло, а охотники, как и я, видимо, наведывались, были видны их следы даже среди запыленной лавки и стола.

Покурил и вспомнил, как с отцом были на самой первой охоте, это уже были родные места, мне хорошо знакомые и памятные. Вон там, левее, где поле идёт на подъём, тогда была неубранная кукуруза. Уборку кукурузы в то время выполняли вручную, привлекались к работе все, даже работники из Закарпатья, которые работали в колхозе весь сезон, от уборки урожая ранних зерновых, скирдования соломы, до вот таких поздних ра-

бот, уборки кукурузы. Мы не прошли и двадцати метров, как, практически, из-под ног отца выскочил заяц. Стебли кукурузы были частично сломаны или лежали полностью на земле из-за осенних дождей и ветров, всё-таки начало ноября было. Заяц петлял, проныривая под стеблями, то высоко выпрыгивая вверх, как при беге с препятствиями и виляя из стороны в сторону. Со стороны смотреть было очень забавно. Отец сделал два поспешных выстрела и оба мимо. От выстрелов сбоку, метрах в 10—15 от него выскакивает второй заяц. Отец поспешно перезаряжает ружьё, ещё два выстрела — результат тот же. Не прошли ещё и ста метров, как третий русак щекочет наши нервы. Клубы «дымняка» дымного пороха «Медведь» окутывал меня, идущего по пятам за отцом. Как я любил запах пороха и звук выстрелов — это не передать. Мне было лет 14, и я ходил уже на охоту с братом. Он давал даже пару раз стрельнут такими же зарядами дымным порохом с пыжами, забитыми молотком. После тех выстрелов у меня долго синяки сходили на плече, из-за того, что я недостаточно плотно прижал к себе ложе приклада.

Отец откровенно матерился, кляня всё и всех, и его можно было понять, охотничий азарт делал своё дело. Я смотрел на него, мне его даже стало жаль, и я робко так предложил:

— Па, может я ружьё возьму? Я стрелять умею, с тридцати шагов бутылку в дребезги разносил.

— Мал ещё, подрасти. Ружьё для тебя тяжело, была бы это одностволка. Ничего, врётся, не уйдёшь! «Забил заряд я в пушку туго и думал: угощу я друга! Постой-ка, брат мусью!...», — начал читать стихи Лермонтова батя из «Бородино».

Я стал внимательно присматриваться сбоку, как отец изготавливается и стреляет. Во-первых, он при прицеливании как-то пригнулся, как будто головой упирался

в перекрытие амбразуры бойницы; во-вторых, при прицеливании, отец закрывал правый глаз, хотя стрелял, как правша с правого плеча.

Я не сдержался и спросил:

— Па, а какой Вы глаз закрываете, когда целитесь в зайца?

— Ну, как какой? Правый, конечно! Я же правша, — удивлённый таким вопросом ответил отец.

Я откровенно смеялся. На этом небольшом поле мы выгнали шесть зайцев, такой кучности залегания дичи я не помню ни до, ни после этого случая и ни одного добытого трофея — это был рекорд, даже для отца, который раньше редко когда приходил домой без дичи, а иногда и по два сразу, затратив на охоту пару часов. Когда я ему пояснил его ошибку, он недоумевал, «а как же я стреляю с осени сорок четвертого года, когда впервые в руки взял оружие?»

И смех, и грех, но мы пришли домой без дичи, но в великолепном настроении, я, в крайнем случае. Я даже тогда в эмоциях рисунок нарисовал, как мы идём на охоте, отец стреляет на изготовке, а зайцы, как вороньё «разлетаются» в разные стороны. Сейчас всё наоборот. Когда вдали на пригорке снялся с лёжки косою и не услышав в след выстрела, удивился, сел на задние лапы, чтобы хорошо обозреть чудака, которого выгнала судьба в такую погоду и он прервал свой сладкий дневной сон и лишь потому, что он не услышал меня, так как заяц слушает на ветер, а смотрит за ветром, он меня просто увидел, как чёрное пятно среди белого покрывала поля. Я посмотрел на эту живую свечку, до которой явно было за 100 метров и решил прекратить это издевательство. Подняв ружьё, я, почти не целясь выстрелил в его сторону. Дробь легла пятном чуть ближе и сбоку от зайца, тот при этом сделал инстинктивный прыжок вверх, приземлился и дал стрекача, что снег

срывался под его задними толчковыми ногами вместе с коркой.

Я откровенно порадовался за него и за то, что влил мне в кровь «кубик» адреналина, это было первое событие сегодня за более, чем три часа, которое приподняло моё настроение. Думаю, что, если этот косой будет таким же осторожным, то переживёт ещё неделю, пока не закроют охоту на зайца, в январе-феврале погуляет, а уже в конце марта у него появятся пушистые колобочки. Правда у зайчих нет такой привязанности к своим детям, как у других. Она не сидит с ними, как нянька. Они с первого дня предоставлены сами себе и обживают свой ареол самостоятельно, познавая в нём всё новое и новое. А кормит их материнским молоком любая зайчиха, унюхавшая малышей, где-то скопившихся в тесном клубочке. Она кормит их и опять отправляется в бега. Где-то найдутся другие зайчихи, которые покормят и её ушастых малышей.

Вот уже видно заброшенное старое кладбище на пригорке, за ним здания молочно-товарной фермы справа, а слева за Турской горой, по дороге, на которую я вышел, спустившись и перейдя мостик через родную с самого детства маленькую речушку Каменку, уже входил в родное мне село, где во втором доме от края жила моя двоюродная сестра Евгения. А чуть подалее, за перекрёстком, жила и её мать, тётя Нюра, с мужем-фронтовиком, дядей Толей. Я собирался остановиться на время у сестры, где можно было пообщаться с зятем, с которым было это в разы интересней, так как он, в отличие от жены не доставал расспросами.

Мы сидели в летней кухне, где и зимой всегда горела печь, из-за того, что у них было большое домашнее хозяйство: корова и даже две, телка или бычок всегда, свиньи, гуси, куры, конечно же. Полный набор сельского подворья, а потому была необходимость готовить живот-

ным корма, запаривая и варя корнеплоды и прочие сочные и грубые корма. И часто сестра здесь же и готовила на свою семью. Я предложил подогретое за пазухой вино Володе, он, не отказался и мы допили полбутылки, которые я нес полпути, согревая сердцем.

— Ты, походи к Жене, отвлеки её, я быстро мотанусь, принесу ещё. Иди. Время позволяет?

Я кивнул головой, хотя и сам не знал до конца, как будет лучше. Автобус, если он ходил, приходил в Камышовку, конечный пункт маршрута в обед и в восьмом часу вечера. Здесь водитель ночевал на квартире и в 5 часов утра отправлялся через Матвеев Курган на Таганрог, второе отправление было после обеда. Вот этими рейсами можно было уехать. Получалось так, что в лучшем случае, если повезёт, то я заночую в Камышовке, что хотелось предпочтительнее, но было сомнительно, как фантастика. А в противном случае, мне предстояла, как говорят в картах «поздняя дорога домой» или, если я сразу не отправлюсь домой ночью, то предстоит переночевать у родни, у которых я практически не был после августа месяца, когда приезжал в колхоз получать в складе заработанное зерно.

Сестра сидела у телевизора с меньшим сыном, Лёшей, который учился в четвёртом классе, старший Виктор где-то промышлял с пацанами — понятное дело, кто удержит парня в доме в преддверье новогодних праздников и каникул, он учился в седьмом классе. Поговорили с сестрой, она интересовалась моими делами и как здоровье её дядечки и тётушки, именно так она называла моих родителей. Поговорил немного и заметил, что зять прошёлся мимо окон в одну и другую сторону, понял это, как сигнал.

— Ладно, пойду покурю. Душно у вас тут.

— А ты чё приехал, в гости? — наконец-то заинтересовалась сестра.

— Да по случаю зашёл, Женя. Охотился в наших, хоть теперь уже в ваших краях и решил проведать.

— Понятно. А, ты сам или с друзьями?

— Друзья уехали домой, а я решил, проведать родню, — соврал ради благого дела сестре.

— Ну, что ты там её разговорами потчуеть. Её и мёдом не корми, дай только языком почесать. А тут вино закипает уже.

— Прямо и закипает? — засмеялся я.

— Смотри, — Володя приподнял крышку двухведерной «выварки», которая была установлено на плите сбоку от конфорок, — это я воду коровам грею, поить буду с фуражом, она, — при этом он кивнул в сторону дома, — когда я дома, к хозяйству не касается.

Он и правда достал из обдавшего паром кухню «выварки» бутылку вина. Я сделал удивлённое лицо.

— А, если..., — хотел спросить зятя.

— Никаких если. Ты видел, как хозяйки закупоривают помидоры, огурцы? Там же на дне специальная подложка с отверстиями, видел. И вода просто хорошо прогретая, но не кипятком. Не без ума делаем, соображаем. Мать же твоя в этом магазине работала, сам знаешь, сколько зимой в морозы вина пропало, разморозило. Склады не отапливаются. Соловья баснями не кормят, подходи.

Мы выпили бутылку и сидели, курили, убрав следы «преступления».

— Вы, наверное, тут прчетесь и выпиваете? — спросила с подозрением, наведавшаяся сестра.

— А, ты наливала? — отпарировал ей ответом муж.

— Да, вы, черти, и в аду найдёте, если захотите.

— А вот это верно гутаришь, женщина. Иди в дом, дай мужикам поговорить.

Когда сестра вышла, Володя, который был лет на 14 старше от меня, поинтересовался:

— Саша, дело твоё, конечно, но не думаю, что она, раз так сделала, сразу пойдёт «на попятную». Знаешь, женщины любят «марку держать» и, даже, если не правы, не сдаются до последнего. Не шёл бы ты, а? Оставайся. А завтра в обед съездишь, «да — нет» и автобусом домой, если «нет», хотя, так и будет, поверь. Я уже без малого 20 лет с твоей сестрой живу, брат, знаю их бабьи повадки хорошо. Хотя, решать тебе.

— Спасибо, брат! Но я решил и меня теперь бесполезно переубеждать, я тоже упорный, Володя.

— Как знаешь. Давай ещё по чуть-чуть?! — предложил Вова так, что отказаться было бы его обидеть и достал из «шхеры» ещё одну бутылку, — о, уже теплая, нужно их теперь перепрятать, в коровник отнесу, в сене спрячу, не найдёт.

— А сколько ты их взял?

— Хватит ещё нам, когда вернешься. А вернешься же. Ты ружьё не бери, зачем?

— Возьму, а вдруг волки? — улыбнулся я ему в ответ.

— Да тут как-то не слышно, а на Бутинках, говорили охотники видели и даже логово где-то надыбали. Ну, давай, вздрогнем!

Мы выпили, закусили на скорую руку, что стояло на столе. Я посмотрел на часы — 15—40 уже, скоро будет вечереть, нужно идти.

— Не пустят — приходи, как домой, не гостем будешь, брат мой, — Вова пожал мне руку крепким рукопожатием, и я вышел.

Светиться по улице не хотелось, ещё было видно и я пошёл через ферму, так даже было чуть ли не на километр ближе и потом по дороге, проложенной по-над полями, выходил к мосту у пруда с развилкой на село Соколовка. А оттуда километра через три был конечный пункт моего «марш-броска». Было уже темно, около половины шестого, когда я, пройдя уже по пустынной улице, мимо

закрытого ещё или вообще клуба и магазина, разбудив спящего в будке пса, постучал в низкое окошко рядом с входной дверью. Отодвинулась гардина и показалось удивлённое лицо Надежды Александровны.

Через минуту загремели засовы и приоткрылась немного дверь, через узкую щель я увидел Олю, в накинутом на плечи пальто.

— Что ты хотел? — первым, что я услышал был вопрос прямо в лоб.

— Оля, здравствуй! К тебе пришёл, чтобы попросить прощение. Я чем-то тебя обидел? Прости меня! Оля, поедем ко мне, Новый год встречать будем вместе. Поедем?!

— На чём ты собираешься ехать?

— Ну, завтра на автобусе, утром или в обед.

— Я никуда не поеду. Новый год я обещала встречать дома, с родителями. Саша, иди, ты пьян?! Зачем тебе ружьё?

— От волков отстреливаться. Ты же меня гонишь, а ночью в степи могут волки быть.

— Какие волки?! Иди, Саша, уходи. Холодно тут мне стоять, заболеть можно, уходи! После праздника, если хочешь, поговорим. Всё! — дверь закрылась, щелкнул засов.

Хорошо меня встретили, ничего не скажешь, это самое слабое, что у меня в тот момент читалось в голове, которая собиралась взорваться вот-вот, так как детонатор был уже задействован. «Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей и тем ее вернее губим средь обольстительных сетей...», — прав был великий поэт, ох, как он был прав.

Обратный путь у меня был на «автопилоте», я шёл даже не на волевых, а не знаю благодаря чему, так как ноги не хотели идти, земля уходило из-под ног. А ведь я до конца верил и надеялся, что в худшем случае, меня хоть в дом пустят, дадут возможность отогреться, ведь

на улице-то не май месяц. Я пытался гнать из головы все плохие мысли, но где взять им замену, чем заменить, просто отключить воспалённый постоянными думами мозг, как выключателем свет, невозможно. Что нужно делать? Просто ждать, чего ждать, пока кто-то придёт и скажет: «Саша, извини, я поступила не хорошо, заставив тебя страдать!» — никогда я такого не дождусь. Есть в том, что произошло, моя вина. Бесспорно есть. Есть грех даже и этот мой грех в том, что я люблю девушку из-за того, что не получаю даже намеков на ответное проявление зачатков чувств или, в случае отсутствия таковых, честное признание в том, разве это не может не раздражать?

Бог с ним, со всем, что произошло. Бог с ней, моей любовью. Пусть у неё всё будет хорошо, чтобы между нами не было и как бы не закончился этот необъяснимый, молчаливый протест, как начало конфликта, в котором, как я понимал не было невиновных.

Я только сейчас понял, что мои ноги мокрые, оттого я начал их растирать при ходьбе, промокли сапоги, от обилия снега, таявшего на них. Старики раньше мазали сапоги дёгтем, солидолом, а лучше всего ворванью — жиром морских млекопитающихся, китов, тюленей и других, который лучше всего защищал обувь от промокания. Я даже, из-за того, что голова была забита другим, не додумался у сестры снять сапоги и поменять хотя бы портянки. Обратный путь оказался раза в полтора длиннее по времени. Но я шёл и знал, что меня с дорогой душой примут родные люди, сестра и брат, именно так Володя всегда просил, чтобы я его так называл — «я твой старший брат, зови меня так», ещё задолго до этого просил меня этот простой и душевный человек, мой зять.

Глава VII. Новый год

Я с трудом стянул с себя хромочи, а вернее даже сказать, мне Володя, зять помог стянуть, так как мокрые они совсем не хотели сниматься.

— Ну, ты, брат даёшь! Ноги же испортишь и заболеть на раз-два можно. Держи носки шерстяные, только нужно помыть сначала в теплой воде, а я постепенно буду горячую подливать, садись к печке.

Я беспрекословно выполнял указания старшего названного брата, который, в отличие от меня служил в Заполярье, на острове Новая Земля, а там морозы — нечета нашим, четыре года служил и даже перенёс на себе последствия ядерного заражения, после подземных ядерных испытания там зарядов в 2 кт в сентябре и 20 кт в октябре 1964 года. И они, военнослужащие тогда были там, как «подопытные кролики», так как о последствиях заражения и изучения поражаемости, симптомов и последствий, необходимо было медикам «добровольцы», которых, конечно же никто не удосужился спросить, желают ли они в этом участвовать или нет. Принял присягу — будь добр выполнять любой приказ Родины.

Как приятно было сидеть, сняв сапоги, портянки с опущенными в чашку с теплой водой ногами. Вова налил для внутреннего согрева по стаканчику и это был метод «подогрева» изнутри. Мы закурили, конечно и я за весь день получил впервые истинное удовольствие от того процесса, в коем сам оказался, как остывший и промокший подопытный кролик.

Пришлось вкратце рассказать о том, каким состоялся мой разговор при встрече с Олькой. Вова покачал головой, но не стал комментировать сказанное мной. Сестра зашла к нам и позвала в дом ужинать. Володя попросил жену принести еду сюда, в нашу с ним монопольку. Женя

покачала головой, но поняв, что спорить с мужиками не имеет смысла, пошла за сковородой, в которой затушила жаркое мясо молодой свинины, нарезанной хозяином под Новый год.

Мы «банковали» до полуночи. Поговорить было о чём, тем более что давно уже так душевно не говорили, а тут случился такой неожиданный повод. Усталость дала о себе знать, и я начинал «клевать» носом за столом.

Как я себя чувствовал утром, я совсем не хочу даже и объяснять, скажу одно — я был скорее «труп», чем живой. С вечера была только мышечная усталость, особенно ног, а теперь болело всё, даже кости. Обеденным рейсом автобуса я уехал домой со звенящей пустотой в душе. Моей слабой надежде не суждено было сбыться. И, как говорят в таких случаях — «и поделом тебе!»

Нужно жить дальше, это не приговор и не трагедия — это недоразумение, недопонимание, обида и гордость, которые и стали причиной конфликтной ситуации, которую, если спокойно разобрать «по косточкам», то она «и выведенного яйца не стоит». Новый год — это семейный праздник и хотелось его встретить с наметками на образование новой семьи. Високосный год заканчивался, а значит, новый год должен принести какие-то перемены и мы, конечно, всегда надеемся на лучшее.

Родители по-моему внутреннему состоянию, которое было крупными буквами на лбу написаны поняли, что меня лучше не досаждают расспросами, что нужно будет, потом сам расскажу. А сейчас самое лучшее, что я мог сделать, это просто, раздеться, обмыться и погрузиться в, хоть и непродолжительный, но восстановительный, в плане сил, сон. Что я и сделал.

Вечер прошёл у телевизора и в приготовлениях праздничного стола. Хотя, львиную долю этих хлопот взяла на себя мама. Нам предстояло встречать праздник втроём. Брат был, по обыкновению с одной из своих пассий.

Стол получился шикарный ещё и потому, что всё внесли в это определённую лепту. Я из-за того, что хотел мою избранницу приятно порадовать чем-либо вкусненьким и деликатесным, что было возможно в те годы. Я даже приготовил три витых свечи, для создания праздничной и заодно интимной обстановке на время, когда я думал остаться с гостьей наедине. На столе было и шампанское и марочное вино и, конечно же, как же без нашего национального напитка, водочки.

В новогоднюю концертную программу на телевидении включали часто новые песни наших отечественных исполнителей, и я приготовил магнитофон для их записи на бобину. Конечно, это не студийная запись, но хоть что-то свежее, а главное, что время хорошо убивалось и мог отвлечься от невеселых мыслей. Сели, проводили старый год. Поужинали и в ожидании новогодних курантов, родители, всё же не сдержавшись, расспросили у меня, что же всё-таки у нас с Олей произошло. Я бы ответил, если бы сам знал.

— Скорое всего, это непонимание друг друга. Или ей обо мне что-то рассказали нехорошее, а что я даже не знаю. Бывают же «доброжелатели», делающие пакости, чтобы было не только им плохо, а за компанию и другим, — ответил откровенно то, как понимал сам ситуацию.

— Сын, ты же собирался ещё летом жениться. Разве всё так изменилось в худшую сторону? Я не замечал, лично, по твоей невесте, когда ты приводил к нам и часто, она всегда улыбалась и ничего не говорило о надвигающейся «грозе» в отношениях, — попытался помочь разобраться в ситуации отец.

— Да, Оля, просто свою гордость показывает. Я вам, как женщина говорю, что она хочет немного тебя испытать, что ты предпримешь. Или, просто родители строго наказали, боясь за то, что её просто «поматросишь»

и бросишь. Но, у тебя, я же смотрю, всё серьёзно?! Так же?! — спросила мама.

— Ма, ну конечно! Я уже с ума схожу, зачем так мучать человека. Давайте, после праздников, когда там можно будет, после Рождества, поедем сватать. Мне лучше даже, если «гарбуза получу в ответ», чем вот такая неопределенность, сердце рвётся.

— Сына, это так просто не делается, нужно предупредить, чтобы люди ждали, были готовы, — ответила мама.

— Ну, да, гарбуза из подвала достать, чтоб успели, — усмехнулся я ей в ответ.

— Да, не чуди! За такого молодца любая с радостью пойдёт. Я помню, как за тобой пытались ухлёстывать девчата, а ты их не замечал, всё думал об этой Наташке из Новочеркасска. Любовь глаза затмила, это понятно, но голову терять никогда не стоит, — мама говорила серьёзно и убедительно, — давайте, в новогодний тост пожелаем, чтобы у тебя, наконец-то всё сложилось счастливо.

— Не горюй, сын, на твой век девок хватит, если и не эта, мы найдём ещё лучше и краше, — попытался успокоить батя.

— Па, никого мне не нужно, кроме неё, я же Вам говорил и говорю. Хорошо, после праздника поговорю с ней, она-то сама не решит, а съездит домой и потом ответит результат по сватовству, если сама «от ворот поворот не даст».

— Всё будет хорошо, не напрягайте обстановку. Батя, наливай! Новый год в окно стучится.

— С Новым годом! Будь счастлив, сынок! — произнесла под бой курантов тост мама

— Всем счастья и здоровья! — ответил я.

— С Новым годом! С новым счастьем! — подытожил батя и под звон бокалов и со сказанными пожеланиями мы вступили в новый 1981 год.

Не было и часа новогодней ночи, как родители изъявили желание отдыхать.

— Саша, ты писать музыку думаешь? Тогда я пойду к тебе, в твою келью, покурю там и буду спать, — сказал батя.

— Тебе тут всего хватит, а что лишнее в холодильник сам уберёшь или мне убрать, чтоб не заветрилось? — спросила мама.

— Ма, отдыхайте. Я разберусь, оставлю, отложу себе чего хочется, остальное уберу.

Я подключил наушники, которые привез со службы к телевизору, чтобы не мешать домочадцам отдыхать, включил магнитофон на «паузу», чтобы успевать включать, если песня понравится и, усевшись удобно за столом, стал размышлять о жите-бытие. Периодически наполнял рюмку водки и легонько чокаясь ею о бутылку, проговорив в мыслях то пожелание, которое я желал своим родным, своей избраннице и себе, любимому и легко опрокидывал. Водка шла легко и с удовольствием. Закуска была отменная, хотя много еды уже в меня не входило. Настроение постепенно переходило из категории депрессивного в категорию «хорошо сижу».

Часа в три ночи, между прочим, заглянул отец. Ничего не говоря, молча посмотрел на пустую бутылку на полу у стола, на половинчатую на столе и покачав головой стал выходить.

— Па, по пять капель?!

— Нет, не хочу. А-то тебе не хватит.

— Хватит. Я же и сам на всякий случай запасся. Так, что?

— Не, не хочу. И ты не увлекайся. Да, ты же собирался утром на охоту идти или ноги не пойдут? — вспомнил батя моё желание задолго до праздника.

— Обещал, значит пойду. Еще часиков 5—6 посижу. Спать совсем не охота. Ну, если есть желание, я сейчас

рюмашку ещё пропущу и пойдём покурим в келью, а?!

— Когда я был против покурить. Приходи, покурим.

До чего мне всегда нравилось с отцом говорить, нравились его рассуждения, его юмор, его жизненная позиция. Мы выкурили по паре сигарет, поговорили на самую актуальную на данный момент тему, обо мне, о ближайших планах на январь.

— Па, тут одна загвоздка, я же решил ума набираться и восстановился на учёбе в институте. А там или в феврале, или в марте сессия. Вызов-то они мне пришлют, а вот, если всё сложится, когда свадьбу тогда гулять? Месяц дают на обдумывание в ЗАГСе, подготовиться надо, скупиться.

— Думаю, что в феврале лучше. Кабанчика на Рождество резать не будем, пусть растёт ещё, как раз к свадьбе мясо уже будет. Да, институт закончить нужно, а-то нехорошо, инженер наполовину, получается как-то так.

Ближе к утру и аппетит вновь разыгрался. Я открыл третью бутылку водки, выпил рюмашку, покушал с удовольствием и не мог понять, почему меня водка не брала. Водка хорошая и спирты в норме, а в чём дело? Видимо это было связано с моим эмоциональным настроем. Голова была ясная, настроение в основном и преимущественно хорошее, сквозь темень будущего пробивался луч позитива и уверенности в том, что всё будет замечательно. И эта уверенность проявлялась всё отчётливее и отчётливее.

— Ты, что ещё не ложишься? — спросила утром мать.

— Да, вот как-то не хотелось, а теперь уже вставать в самый раз, на охоту собираться.

— Какая ещё охота? Отдыхать нужно, ночь не спал.

— Жизнь длинная, высплюсь ещё. Сейчас, ма, не время спать. У меня всё по плану и всё под контролем, пока.

— Чего вы тут кричите? Что стряслось? Почему шум, а драки нет? — зашёл в зал отец.

— Осталось чего-нибудь или «где это видано, чтобы у собаки на шее колбаса висела»? — поинтересовался отец.

Я показал на оставшуюся в третьей бутылке водку:

— Хватит? У меня больше нет. И-то, литра из мои запасов была.

— Хватит! Раз собрался на охоту, то вообще бы не следовало пить, — ответила вместо отца мама, закусывайте лучше, пьянчужки.

— Мать, извини, тебе не достаётся. Тут нам только по сто грамм. Если хочешь, то доставай свою из сундучка, я же знаю, что ты запасла и не одну, — «отшил лишний рот» отец и в шутку, и в серьёз.

— За удачную охоту! — произнёс я и мы дружно подняли рюмки.

Из-за того, что сапоги после «марш-броска» до конца не высохли, засыпанные зерном, я решил обуть войлочные ботинки, они легкие, а ходить много я не собирался, лишь бы из себя негативный дух выпустить. Вышел на улицу. Погода явно менялась, после метели и крепкого мороза, тянуло на оттепель сыростью, висел лёгкий туман, осаждаемый на ветви деревьев изморозью.

Выйдя из дома, сразу направился через поле в сторону трассы и уже пройдя каких-то 400—500 метров, понял, что войлочные ботинки подходят только для бесснежья. Часто приходилось выковыривать снег из них, после того, когда ноги прогрузали в довольно глубокий снег. Перейдя через очищенную дорожной службой трассу, пересёк ещё два поля и метров за пятьдесят до конца второго повернул вправо, пошёл параллельно лесополосе.

Далеко от меня, метров за 150 поднялся заяц и пересёкши лесополосу ушёл вверх на восток. Это говорило о том, что он недавно улёгся в лёжку и не успел ещё хоро-

шо придремнуть. Я направлялся на юг, в сторону Солёной балки, пересёк дорогу и до балки оставалась одна клетка, засеянная озимой пшеницей. Это можно было определить по выбитым по краю поля зайцами поляне, где они, добравшись в новогоднюю ночь до сочных стеблей озимой пшеницы «пировали» этой ночью, изрядно наследив лапами и резцами зубов, сделав «стрижку», хо-рошо раскутившимся озимым всходам.

Дойдя до балки, вдоль которой была организована свалка твёрдых, а в котловане и жидких отходов, стал думать — перейти через балку, но можно промочить ноги или лучше подняться вдоль свалки к виноградникам, где была большая вероятность поднять косога в самих виноградниках, да и лисы там были частыми гостями из-за того, что ниже к ручью, были обширные заросли камышей, излюбленное место охоты рыжей плутовки.

Выстрелы по ту сторону балки заставили меня поменять планы. Охотников, видно, не было, но по количеству и звуку выстрелов можно было определить, что цепь приличная, обычно такими массовыми загонами пользовались таганрогские охотники и шли они в мою сторону. Я опустил метров на двадцать-тридцать от дороги и присел в овражке, внимательно наблюдая за тем, что происходило на другой стороне. После затишья, вновь открылась канонада и по количеству выстрелов было понятно, что зайцы поднимаются далеко и уходят, не достигнутые дробью выстрелов.

И тут я заметил серое пятно, катившееся шариком сверху поля вниз к балке и это, происходило ровно напротив меня, только по ту сторону балки. Оставалось гадать, рискнёт ли косога перепрыгнуть через заросший высокой балочной травой и кугой ручей или уйдёт вдоль ручья вверх, так как внизу, метрах в 150 начинались камыши и дальше пруд с оживлённой трассой и животноводческими фермами за ней. Но бывали слу-

чай, когда загнанная дичь шла на такие неожиданные выходы.

Пока заяц ещё на расстоянии более, чем 100 метров от меня, я успею рассказать историю, в свою очередь случившуюся с охотниками нашего родного села. Охотники возвращались уже с охоты и цепь двигались выше пруда, расположенного перед самым въездом в село. Заяц, которого подняли в этой клетке не стал убегать на удаление, отрываясь тем самым от охотников, идущих подковой, а «прочесал» добрых двести метров, как «движущаяся мишень» в тире поперёк всей «подковы», заставив каждого из охотников сделать от одного до четырёх выстрелов и разбудив тем самым всех сельских дворняжек. Ему оставалось пройти ещё одного горе-стрелка, который шёл в цепи «подковы» крайним, уже даже на по полю, а по дороге вдоль пруда.

Заяц шёл ему прямо «в лоб». Охотник остановился и понимая, что у него есть самая лучшая возможность отличиться, направив в быстро приближавшегося зайца ружьё, долго выцеливал. Кто знаком с тригонометрией, тот поймёт, чтобы угол наклона стволов не изменять так стремительно опуская вниз, как стремительно приближался заяц, охотник присел как-то нелепо, широко расставив ноги. Когда до зайца оставалось метров 8—10, он выстрелил. Порох был дымный, а заряды, как привыкли делать охотники и мне тоже это знакомо, забивались молотком, то из-за неустойчивости позы и отдачи от выстрела, охотник завалился назад и упал на задницу ровно в тот момент, когда заяц юрко проскочил у него между ног. От толчка о землю, пальцы машинально нажали на второй спусковой крючок двустволки и прогремел выстрел сидя на своем мягком месте, но уже вверх, как салют в честь героического косоного.

Заяц, не останавливаясь перед ледяной гладью пруда, сделал прыжок с берега на лёд, присел на задние толчко-

вые лапы и, как на коньках лихо переехал таким Макаром на другую сторону, выбежал на берег и пустился в колхозный сад, что был расположен за животноводческой фермой. Гогот, каким был осмеян охотник-неудачник, был слышен даже в селе.

Я бы рассказал ещё один случай уже из моего охотничьего опыта, но прошу прощения, не успею и тогда уже вы надо мной станете смеяться. Почему? Да потому, что заяц, в два прыжка перепрыгнув сначала с того берега на большую кочку, а с неё уже на эту сторону, где я находился, резво стал подниматься в гору. Думаю, что не стоит объяснять почему заяц в гору бежит увереннее и быстрее даже, чем с горы. Знаете, да? Это всё из-за того, что его передние ноги не развиты так, как задние, короче и служат лишь для управления, как опорные. А, при беге с горы, заяц часто переворачивается через голову и летит кубарем.

Я принял положение лёжа, чтобы не обнаружить себя, хотя он скорее меня услышит, я об этом уже говорил, что при беге, он следит за погоней, смотрит назад, а слушает вперёд. Это особенность «косоглазого», которую нужно знать. Потому, если стоять неподвижно, без шороха, он элементарно может запрыгнуть вам в охотничью сумку или даже сбить с ног, если того не ожидаете.

Я уже успел его рассмотреть во время его мощных прыжков вверх и вперёд в гору — это был очень крупный заяц и явно он нёсся прямо на меня. Потому-то я и вспомнил историю про охотника и зайца, проскочившего у него между ног. Главное — спокойствие и выдержка, слишком близко подпускать тоже нельзя: во-первых, можно сделать из него решето; во-вторых, во время выстрела, если он учует неладное, может совершить резкий отскок в стону и тогда второй выстрел, если и получится, то только после того, как придется вскочить на ноги, сориентироваться в пространстве и стрелять в его зад,

уже на приличном расстоянии, если он не скроется вообще в бурьянах или овраге.

Вот он выпрыгивает вверх, а я плавно нажимаю на спусковой крючок — выстрел и никого. Попал! Поднимаюсь и смотрю вниз: заяц лежит на спине, головой вниз, белым животом кверху и в сторону. Видимо, после попадания ему в голову, он сделал в воздухе сальто. Я беру зайца, ощущая его приличный вес и замечая, что при этом он частично остался лежать на земле, из-за того, что тушка вытянулась до размера его после прыжка в полёте.

Я заметил охотников, сходящихся в одном месте на краю поля перед балкой, в просеке лесополосы. Они мне помахали, кто-то свистнул. Я приподнял зайца и, как бы в благодарность им, что выгнали на меня такого гиганта, прокричал:

— С Новым годом! Удачной охоты!

В ответ я поздравлений не услышал, но уверен, что кто-то был очень недоволен тем, что упустили такую дичь. Судя по всему, по наполняемости рюкзаков и перевязей через плечо и спину, на которую часто привязывают за лапы зайцев, я понял, что им сегодня, пока ещё не очень везло. «Ну, извините, мужики! Должно же мне, хоть в чём-то повезти, в конце-то концов?!»

Теперь не было никакой необходимости идти мне по полям. Ноги мои и так были мокрыми, хоть я и старался не набирать снег. День был пасмурный и, видимо на весь день, а настроение, в противоположность, лучезарным и веселым. Это не та радость, которую я мог испытывать, если бы праздничный вечер и Новогоднюю ночь я провёл с той, которая «занозой» сидела в моём сердце и не один хирург-кардиолог не мог бы мне в этом помочь. Мне могла помочь только она сама, рассосавшись в сердце сладостным, медовым эликсиром любви и вместо острой боли я бы мог получать приятное благодатное томление. Но, думаю, что и это не за горами. Я

решил действовать более решительно. Единственное препятствие, заключающееся в такой малости, как один лишний день в году, позади.

Я вышел на дорогу и пошёл в сторону трассы. Идти назад приходилось на подъём и, если бы нужно было идти полями, то неизвестно, когда бы я дополз домой не налегке, а с ношей. В общей сложности я затратил на охоту два с половиной часа, пройдя порядка восьмидесяти километров.

Зайдя во двор, меня виляющим хвостом встречала собачка Жулька, Джульетта, так было бы для собачки красивее имя. Я зашёл в гараж и подвесил зайца на растяжку.

— Небось патроны забыл, что вернулся так рано? — спросил, непривыкший к моим ранним возвращениям с охоты отец.

— Нет, я уже отохотился.

— Ну и где же дичь? Привязал хоть, не убежит? — всё шутил батя.

— Не-а, не убежит. Сейчас переобуюсь, чуток отогреюсь и пойду разделывать. Что там у нас открытого ничего нет, — я жестом показал на то, чтобы выпить, — как бы не заболеть, ноги промочил опять.

— Пошли, пошли! Как же нет?! В Греции всё есть. Иди раздевайся, я в келью принесу.

Я разделся, набрал в таз горячей воды и с удовольствием опустил в него ноги. Батя тем временем организовывал закуску по-походному, что было намного привычней, чем за праздничным столом. Благо, что 1 января в этом дефицита нет. Одев сухие носки и «приняв на грудь» горячительного, но не горячего напитка, который, как огненная лава из жерла вулкана сбегала, только не наружу, а наоборот, мне внутрь, согревая и придавая бодрость.

— Так ты не шутил, что точно есть дичь? Я посмотрел на погоду, думаю, зря парень ноги будет бить, да ещё вот

промочил. В такую погоду лучше идти на охоту после обеда или даже ближе к вечеру, когда заяц устанет чутко лежать и прикорнёт в лёжке, — объяснял мне отец.

— Па, я это тоже уже знаю. Мне нужно было просто прогуляться, даже тянула какая-то сила, непонятная. Я устал, конечно, но настроение такое, что выше некуда. И проблемы из головы улетучились, что мучили. Даже не верится, как легко стало на душе. Может я этот душевный груз по дороге потерял или с выстрелом, отдачей выбило? — полушутя спросил отца.

— Всё может быть, сынок. Есть вещи малообъяснимые или необъяснимые вообще. Даже наука бессильна поэтому что-либо сказать. Ну, ты как? Ещё по чуть-чуть?

— Можно. А потом пойду зайца разделывать, пока не застыл совсем.

Мы закурили, я согрелся. Заглянула мать:

— Охотник уже дома? Хорошо. А я думала, как говорят «охота хуже неволи» и была бы нужда, на столе есть всё, что хочешь.

— Ма, так не ради добычи на охоту ходят, тут всё сложнее, получаешь такое удовольствие и не обязательно, добыв дичь, даже, если дичь тебя «вокруг пальца обвела», да и забываются проблемы все.

— А я и вижу, как вы с проблемами боретесь, топите их в водке?! — увидев на журнальном столике начатую бутылку, мама спросила — за столом не так, нужно по привычке ныкаться где-нибудь?

— Женщина, тут мужские разговоры. Мы зайца обмываем, ставь сковородку под жаркое, — ответил на замечание также методом «защиты нападением» отец.

— Ну, если так, до завтра пусть подождет. Вымочить нужно его. Да и на морозе полежит день-два, ничего не станется. Приготовлю, было бы из чего, — высказала

готовность мать и закрыв за собой дверь в келью, где повис бы в дыму топор, вышла в кухню.

Я привычно обработал зайца, снял шкурку и выпотрошил тушку. Мне было интересно, какой же вес имела тушка зайца. Отец достал ручные весы, безмен, которые показали пять с половиной килограмм.

— Даже я, сколько не охотился, но такого зайца никогда не добывал. Да и у тебя, наверное, впервые?

— Так и есть, никогда. Редко какой русак до таких размеров доживает, видимо, заяц-аксакал, — поддержал я отца и пошутил в ответ ему.

Новый год диктовал сделать всему переоценку. Впервые, достаточно заниматься самобичеванием, так как жизнь и так постоянно подстёгивает, и подгоняет легкими, а иногда хлёткими ударами арапника. И, если ещё к тому и самому приниматься хлестать себя по исполосованной спине, то так и до срыва недалеко.

У меня продолжался ещё отпуск, оставалось несколько дней, и я мог без проблем зайти к Оле на работу в первый же рабочий день и поговорить. Это я решил сделать ближе к обеду, чтобы разговор не был скоропалительным, мне нужно было хотя бы минут двадцать, по крайней мере и-то, если она согласится на обсуждение серьезной темы. Думаю, что это в интересах обоих, расставить точки над «и».

Олины коллеги, только увидели моё сияющее лицо несмотря на то, что у многих из них были лица серьёзные, всё-таки первый рабочий день в году и выходить было неохота, сразу позвали окриком Олю. Она шла как-то нерешительно, а увидел меня с сияющей физиономией и подавно растерялась. Мы отошли от входной двери в сторону по коридору.

— С Новым годом, Олюха-горюха!

— С Новым годом! А чего это я — горюха?

— А ты себя в зеркало видела? Пойди глянь. У тебя, что траур? Или жених бросил?

— Да, нет у меня жениха...

— А, понятно. А, я-то, грешным делом, подумал, что я мог бы, хоть с «подгонкой», но сойти за такового. Нет, не подойду?

— Да я о другом говорю. Ну, кроме тебя нет никого, — так же не поднимая головы, отвечала Оля.

— Я думаю, что пора уже поставить точку...

Оля с удивлением подняла на меня глаза и молчала.

— Я говорю, что нужно точки над «и» расставить, потому что даже я не знаю, кто я для тебя. Только в одном могу уверенно признаться, что я не любовник. Знаешь, любовник, это не обязательно тот, кто убегает от ревнивого мужа, застуканный с его женой, через окно, но и тот, кто просто занимается любовью со своей избранницей. Когда в детстве всех практически, кто встречался или просто помогал нести в школу портфель дразнили «жених и невеста», что не совсем правильно. Жених — это тот, кто собирается жениться и мало того, он об этом заявляет громко и это заявление утверждается или отвергается отказом или в личном серьёзном разговоре молодых или прямо во время сватовства. Вот потому у меня один единственный вопрос, хоть я тебе его уже задавал, но ты до сих пор мне не ответила. Я тебе делаю предварительное предложение — я хочу на тебе жениться, я хочу, чтобы ты стала моей женой. Если ты сейчас не готова мне ответить, то я подожду до завтра, до вечера. Договорились? Я не хочу растрат, в первую очередь твоих родителей, если назначим сватовство через неделю или две, мы приедем, попьём водки и уедем ни с чем, кроме отказа в виде гарбуза, так же?

— Ну, я...

— Завтра, Оля, завтра. Не против, если я приду к тебе завтра?

— Нет.

— Нет — нет или нет — да?

— Ой! Не против.

— Пока, Оля! До завтра!

Я пошёл в сторону лестничного пролёта, чтобы спуститься на первый этаж, Оля, как я понял, ещё какое-то время постояв, пошла в свой цех.

Назавтра всё было, как и в прежние дни: я встретил Олю с работы, проводил её на квартиру, подождал её с полчаса и мы пошли в обратный, привычный за полгода свиданий маршрут с юго-запада посёлка на северо-восток. И пока шли я не спрашивал её ни о чём серьёзном, так как серьёзные разговоры на ходу вести просто несерьёзно.

Оля была в простенькой искусственной шубке чёрного цвета, приталенной поясом, в чёрных зимних сапогах на средней высоты устойчивых каблучках и то, что придавало ей особый шик и мне так нравилось, чего я почти не наблюдал у наших местных красоток — это красивый цветной полшалак, с преобладающими красными цветами и яркая губная помада на губах так замечательно гармонировали с чёрной шубкой и сапогами на фоне заснеженных улиц. С такой девушки картины писали русские портретисты XIX века. Ну, чем вам не княгиня Ольга?! «Хороша, чертовка!» — обычно так говорят мужчины о таких красавицах, долго провожая их восторженным взглядом.

Плохо, что я не мог оценить со стороны, как мы смотрелись вместе, но уверен, что респектабельно. В крайнем случае, когда мы вечером прогуливались или ожидали у кинотеатра начало сеанса, на нас многие заглядывались и, уверен, что субъектом любования была, конечно, она, а мне просто завидовали, так думаю. Ну

и хорошо, пусть знают, какую красотку я нашёл в своей родной практически глубинке, хоть до этого, где только не предпринимал попытки это сделать — нет, всё не то и все не те.

Её щёки и без румян были румяны, лицо сияло молодостью, красотой и таким особенным сочным девичьим наливом, когда подходило выражение «девушка в самом соку», что так и хочется укусить. Но пока приходится кусать только локти. Да, что же я прибежняюсь? Я же постоянно касаюсь её, имею счастье обнимать и целовать эти пухленькие губки и румяные щёчки, шейку, ушки и плечи, зачем же так говорить, что кусаю локти. Пусть кусает тот, кто не имеет такого счастья, как я.

Обычно, заходя к нам в дом, в мою келью через кухню мы, если время было ранее, сталкивались там с моей мамой, которая там что-либо готовила или убиралась, а если припозднились, то родители, как правило сидели в доме у телевизора. На этот раз мама была на кухне, и Оля с ней обменялись пожеланиями доброго вечера и улыбками.

— Что-то Оля давно к нам в гости не навевывалась, ничего не случилось? — пыталась напрямую выведать причину того, спросила мама.

— Приболела Оля ещё до праздника и с температурой все праздники провалялась, — перебив Олю, ответил за неё, чтобы не допустить дополнительных вопросов и обращаясь к Оле, чтобы полностью «замять» тему, спросил, — Оля, кушать хочешь? Чем я тебя могу угостить?! — спросил, уже глядя на маму.

— Горячее на плите, холодные закуски в холодильнике и в «холодном» коридоре. Сами справитесь? Разогревайте, если что хотите. На то и Новый год, чтобы до Рождества закусок и заготовок хватило. Ладно, не буду мешать. Ужинайте.

— Я не хочу, — по привычке ответила Оля.

— Это уже не обсуждается. Мы с тобой отмечали начало Нового года? Нет! Вот сейчас и отметим. Так и быть, мы не в кухне, а у меня в келье так, легонечко отметим. Иди, раздевайся, музончик включай, а я сам приготовлю.

Я сообразил легкие закуски, достал бутылку шампанского, заготовленную для этого случая, но, чтобы открыть под бой курантов. Но не это сейчас важно, важно то, что мы вместе и сейчас будем пить за наше счастье, счастье для двоих.

Зажжены свечи, выключен свет, играет расслабляющая музыка, я налил шампанское, подаю бокал своей подруге, она отмахивается. Тогда я беру другой рукой её правую руку и буквально вставляю в её кисть бокал с шампанским.

— Оля, за нас с тобой! Чтобы этот год стал для нас с тобой самым памятным и счастливым в жизни! Пьём до дна.

Мы ударили бокал о бокал, и я первым демонстративно выпил содержимой и перевернув бокал вверх дном, продемонстрировал, что шампанское выпито до дна. У Оли это получилось намного дольше и «на слёзы» она всё же немного оставила в бокале, но это её право. Девичьи слёзы — признак чистоты души.

Я наклонился и осторожно и нежно поцеловал во влажные от вина губы. В свете свеч её глаза искрились. И мне снова показалось, что вот таким вот и должно быть счастье. Счастье быть вдвоём, быть всегда вдвоём — это и есть счастье. Я побыл один всего несколько дней и осознал это.

Мы покушали и ещё выпили. Я сдерживал себя, чтобы не задать раньше времени тот вопрос, на который жду её ответ. Нужно было выдержать подготовительный момент, чтобы снять всякую напряженность, которая обычно присутствовала у Оли, при наших встречах. Я уже убрал закуски, на столики осталось только шампанское,

бокалы, конфеты и апельсинами. Теперь, пора, решил я, сидя в кресле напротив такого же кресла, в котором располагалась Оля.

— Оля, ты готова мне ответить на мой вопрос?

Оля кивнула головой и было похоже, что она собирается с мыслями. Она практически ничего не пила раньше, разве в праздник рюмку вина и сейчас, видимо, шампанское «ударило» в голову. Я терпеливо ждал.

— Меня долго отговаривали от того, чтобы я с тобой не встречалась, — начала Оля, заливаясь румянцем, — мои подружки и даже родные, которые тебя знают, наверное, дольше и лучше меня. Я после этого разговора и отговоров, чтобы не оставалась с тобой на Новый год и уехала домой.

Ей было тяжело говорить, она часто дышала и даже казалось, что выдавливает из себя слова против своей воли. Я не перебивал, я смотрел ей в глаза, которые она периодически отводила и казалось, что-то шампанское, которое она оставила «на слёзы», сейчас польётся из её глаз.

— Я два дня проплакала дома. Наверное, мне нужно было поступить иначе, когда ты ко мне приез... приходил, но мама за спиной всё подгоняла; «Закрывай дверь! Простудишься, заходи в дом!...», как будто не понимала, что я с тобой через дверь говорила... Ты собирался у меня что-то спросить? У меня голова кружится. Так?

— Да, Оля! Я не спрашиваю у тебя, любишь ли ты меня, как спрашивал раньше. Я лишь говорю, что я люблю тебя. Я люблю тебя и не могу без тебя жить! Я прошу тебя и буду просить твоих родителей твоей руки и сердца. Ты выйдешь за меня замуж?!...

— Да-а-а! Я выйду за тебя замуж.

Адреналин прорвал плотину «хранилища» и хлынул в кровь. Я стал перед её креслом на колени и стал её неистово целовать и её лицо начало плыть передо мной,

видимо оттого, что мои глазницы заполнялись слезами счастья.

Глава VIII. Жених и невеста

За окном давно полночь и «ущербный» месяц, сначала улыбается нам, заглядывая в верхний левый угол окна, подмигивает и всячески пытается привлечь наше к нему внимание, потом начинает сердиться, мрачнеет, покрывшись облачностью и набирая в себя до раздутия сердитых щёк холодного космического, безжизненного объёма вакуума с продуктами ядерного синтеза и выдувая звёздный ветер, тем самым пытаюсь задуть свечи на нашем журнальном столике, которым и без того осталось гореть, максимум полчаса. Звёзды, собравшись на это зрелище, откровенно смеются над этой пустой затеей. Январская ночь становилась морозной, что можно было наблюдать по паутине на оконных стёклах, которую начинал плести мороз-затейник и тем самым спрятать наше тайное свидание от тысяч космических глаз.

— Оля, ты в субботу 10 числа домой поедешь? Скажешь родителям, что мы через неделю сватать тебя приедем. Или, если сможешь, вечером среди недели съезди, а утром назад приедешь на работу, чтобы у них больше времени было подготовиться. Хорошо?

— Хорошо. Я среди недели съезжу.

— Они будут спрашивать, сколько нас приедет? Думаю, что нас будет пять человек: я с родителями и сваты. Ты же не передумаешь за это время, а?

— Нет, не передумаю, — ответила Оля с неким стеснением.

— Ну и ладошки. Ты сегодня остаешься спать у меня? — сделав серьёзное лицо и смотря прямо в глаза,

спросил у Оли, так как время поджимало своими стрелками к позиции, при которой «кукушка» у часов «ходики» кукует один раз.

— Нет! — резко ответила Оля, вскакивая с кресла, — а сколько уже время?

— Когда уже мне не нужно будет тебя провожать? Когда мои бедные ножки отдохнут?

— После свадьбы.

— Как ты думаешь, реально столько выдержать? Я сомневаюсь. Я знаю, что любовь требует жертв, но они же должны быть хоть немного мягче, чем гестаповские пытки, — тут я не смог, чтобы не улыбнуться.

— Так ты сегодня не проводишь меня, раз это такая пытка? — улыбнулась Олька.

— Вот это мне нравится. Ты начинаешь шутить — это хорошо. Ну куда же я от тебя теперь «из подводной лодки, что-ль сбегу»? А, если я скажу, что не пойду провожать, ты останешься? — безнадёжно спросил я.

— Пойду сама, коли так...

Я же не знал тогда, а через годы узнал, что Оля родилась в год Быка, который, как известно отличается своим упорством и, если он уже «упрётся рогом», то его никак и ничем невозможно переубедить. «Эх, жизнь моя — жестянка, да ну её в болото...» — эти слова песенки Водяного из мультфильма «Летучий корабль» почему-то пришли мне в голову.

Оля засуетилась собираться. Видимо, никакие компромиссы здесь не прохляют, даже пытаться не стоит, хоть и говорят «попытка — не пытка». «Хорошо должно бы будет спать после полутора-двух часов ночной прогулки по январскому морозу», — подумал я, помогая Оле одеть шубу и сам начал спешно собираться. Задержись, хоть на пять минут — уйдёт же сама, «как пить дать», уйдёт.

Мы шли, взяв друг друга под руки и почти не разговаривали на морозном воздухе, каждый думал о своём и,

скорее всего, об одном и том же. Ветра не было, снег шуршал, редкие фонари бросали от наших фигур, плотно прижатых друг другу, переменчивые по длине тени на январский снег.

Оля, съездила домой среди недели и сообщила родителям о моем решении, приехать со сватами в ближайшие или последующие выходные. Мои родители одобрили мое решение и во всю занимались подготовкой к сватовству. Главное было в решение вопроса с транспортом и этот вопрос был решён, выписали автобус в автохозяйстве на вечер. Оставался вопрос ещё, какая будет погода в день сватовства и будет ли дорога от села Марьевка проездной. Если распустит, то придётся ещё и с трактором в качестве тягача решать.

Было обоюдно решено назначить сватовство на субботу 17 января. Было достаточно времени на подготовку и нам и, особенно родителям Оли, так как они встречали гостей и их обязанность накрыть стол, если, конечно, они не намерены «дать нам от ворот поворот», не впустив даже в дом погреться.

Я в свою очередь вышел не работу и мне предстояла одна трудовая неделя до значимого события в моей жизни. С Олей встречались через день, чтобы не выглядеть в назначенный день измученными, а свежими и бодрыми.

Через неделю морозы сдали, и дорога до Камышовки стала не проездной, а потому договорились с трактористом-земляком из Марьевки, что он сопроводит автобус и будет дожидаться наше возвращение через пару часов, естественно, за магарыч. Сватом решено было взять моего старшего брата, Алексея, а свахой двоюродную сестру Евгению, имеющую богатейший опыт свахи. И основная, главная роль была доверена именно ей, вести весь диалог со сватами, особенно в первые минуты, в соответ-

ствии с народными обрядами, слова и действиями при этом ей заучивать не требовалось, она их знала уже наизусть.

Чем ближе была минута, когда мы постучали в светящиеся окна деревенской хаты, за дверью которой и было спрятано сокровище, ради которого мы и припёрлись в такую распутицу, «когда хозяин и собаку из дому не выгонит», тем чаще и волнительной билось моё сердце.

— Люди добрые, откройте, пустите путников, — после того, как в окне раздвинулись занавески и показались лица, начала громко просить сваха Женя, — лошади пристали, люди устали. Добрые люди, пустите обогреться.

Загremели знакомые мне засовы, видимо сваха, открыла вверх:

— Входите, добрые люди, коль с добром пришли.

— Спасибо, хозяйюшка! Дай Бог тебе мужа доброго, а коли есть таков, то любовника богатого! — продолжала причитать сестра-сваха.

Мы вошли в прихожую и остановились у двери.

— Что вас привело в нашу глубинку, края дальние, где живут люди славные? — спрашивала такая же говорливая сваха, как и Женя.

— Прослышали мы, молва прошла, что где-то в краях дальних, краях славных живёт голубка, красавица дивная. Мы ищем пару нашему сизокрылому голубю. Он всем хорош и всем пригож, мается, сердце свое рвёт, пришла, видно пора, покидать уютное родительское гнездо и найдя свою голубку, вить с ней своё теплое, уютное семейное гнёздышко. Но вот уже какой день едем, какую ночь в пути коротаем, а нет всё той голубки ни где. Видимо, люди брешут, — повела рассказ наша сваха.

— Ой-ли, так и брешут? А может и не зря вы набрали на нашу хату. Наша хата, хоть и златом не богата, но есть в ней такое сокровище, на которое любой молодец поза-

рится. Да только наша голубка с кем попадя не пойдёт под венец, а только за того, кто сердцу придётся, — подержала обряд сваха со стороны невесты.

— Ваш товар — наш купец. Наш купец отличный, будет он отцом приличным. Мужем тоже неплохим, и защитником надежным. Все расскажем, жениха покажем. Понравится, не понравится, вот и спросим мы вашу красавицу.

— Наша девица-краса, золочённая краса, руки, словно крылья — легка на подъём, талия берёзки — гибка и стройна, глаза, что озёра — не каждому выплыть, уста, что черешни — их сладость чарует... Не знаю, достоин ли ваш голубок нашей голубки?! Ну, если сердце подскажет, найдёт он здесь ту, к которой оно его вело и не давало покоя и сна, то пусть пойдёт и поищет. А вам, люди добрые могу водицы предложить, да и коней ваших попоить, — предложила компромисс сваха невесты, — что за мер, добрый молодец? А-ль боишься, а-ль не считаешь себя достойным нашей красавицы?

— Наш добрый молодец, тактичен и не позволит себе расталкивать добрых почтенных хозяев и гостей. Позвольте ему, из-за уважения к труду хозяйшки, снять сапоги и проследовать в горницу, а мы попьём предложенной родниковой водицы из криницы, — подталкивая меня, стоявшего, как вкопанный впереди свиты гостей.

Я снял, действительно набравших немало деревенской грязи, сапожки и ступил на посланную между комнатами дорожку. Справа, в двери, ведущей в зал, где уже был накрыт стол, собрались почти все сваты со стороны невесты. Расталкивать я их не собирался, на лево из прихожей вела дверь в сарай, который был под одной крышей с хатой — там тоже прятать невесту никому в голову не придёт. Оставалось две комнаты: прямо была зашторенная дверь в кухню, а из неё через дверь за печью, про-

ход в спальню, где могла быть Оля и оттуда можно было не возвращаясь назад, пройдя по кругу, войти в зал с тыла к встречающим хозяевам и сватам. Я так и сделал. Кухня была небольшой, кроме печки, стоял кухонный стол, кровать и за кроватью располагалась русская печь, лаз на её верх бы зашторен. Думаю, что невесту и туда не додумаются запихнуть, пыль собирать. Прошёл мимо жарко натопленной печи в спальню. Слева стоял шифоньер, за ней стояла кровать и на ней, как мышка сидела моя Олечка, улыбаясь и смотря на меня своими искрящимися карими глазами. Я нагнулся, поцеловал её, взял за руку и повёл в зал.

Мы уже стояли в зале и смотрели в спины хозяев, которые продолжали вести диалог с приехавшими от меня сватами. Потом кто-то из наших заметил нас вдвоём молча ожидающих, когда закончится «торг» и громко прокричал:

— Нашёл! Нашёл голубок голубку.

Все разом повернулись к нам.

— У вас есть девушка одна: скромна, красива, молода. У нас жених ей прям подстать: есть у него и ум и стать. Мы предлагаем в одну нить две их судьбы соединить, — продолжала работать наша сваха.

Мы стояли перед всеми, как во время приговора. Оля была одета в голубое платье с длинным рукавом, приталенное и хорошо на неё сидящее, на голове была сделана красивая причёска с крупными завитками. Голубка — иначе и не скажешь. Я был в строгом костюме.

— Понравилась наша голубка или это та, которую ты искал, добрый молодец? — спросила сваха от невесты.

— Это та, что я всю жизнь искал, — ответил я, не кривая душой.

— Вот и славно. Остаётся получить благословение родителей.

— Уважаемые родители моей избранницы, Оли, я прошу у вас руку и сердце вашей дочери, которую обязуюсь любить всю жизнь...

Перемотаю я события «ускоренной перемоткой» и скажу вкратце: родители нас благословили, мы обязаны были с этого момента родителей всех и своих и своей половинки называть мама и папа, а сами стали уже законными женихом и невестой. Всех пригласили за стол. Обсудили некоторые вопросы, выпили, закусили и договорились о дате смотрин — это ответный визит родителей невесты в дом жениха. Мы высказали свое желание в понедельник нести заявление в ЗАГС.

— Мы теперь с тобой жених и невеста и я официально предлагаю тебе, чтобы ты жила у меня дома, если и не ежедневно до самой свадьбы, но по возможности чаще. Хорошо? Можешь родителям своим об этом сказать или мне самому? — когда мы вышли с Олей в спальню перед отъездом я попросил об этом.

— Не надо, я сама спрошу.

Поцеловались в непривычном статусе жениха и невесты, хоть и мелочь, казалось, с первого взгляда, но очень приятная и хоть нужно было нам уезжать, ждал автобус и трактор, но выпускать девичьи руки из своих не хотелось. Отпуская её, я спросил, когда приедет моя суженная невеста, чтобы встретиться и, услышав ответ, мы всей дружной гостевой компанией начали прощаться и грузиться на «карету». На выезде из села, где начиналась колея нас ожидал, задремавший в тракторе тракторист. Нас взяли за «галстук» и ловя лобовым стеклом грязь, вылетавшую из под ведущих колёс «Беларуса», автобус заколыхался по волнистой колее бездорожья.

Начинался новый, более интересный этап жизни, предполагалось, что он продлится чуть больше месяца,

он, как преддверие вступления молодых людей в семейную жизнь, этап в статусе жениха и невесты. Как считается, он может быть до одного года продолжительностью, а исходя из того, я был готов в начале августа засылать сватов с желанием просить её руку и сердце, то уже полгода этого срока я «оттянул», как говорят те, кто считает дни «срока» по приговору.

А, что же всё-таки изменилось? Обо всём вкратце, но по порядку.

В понедельник я встретил утром в шесть часов Олю с автобуса, провёл на квартиру и помог донести вещи.

— Давай договоримся так, что сегодня, я зайду часов в девять утра к тебе на работу, ты отпросится на часик и мы пойдём в ЗАГС писать заявление. Паспорт только не забудь. И на сегодня вся программа, а потом будем отдыхать аж до завтрашнего вечера.

— Хорошо, я сейчас же вложу паспорт в сумку и отпрошусь на работе на часик, — ответила, чуть-ли не повоенному Оля.

— У меня предложение тебе, Оля, давай начнём жалеть свои ноги. Ты утром скажешь там своим, если нужно, что с работы сразу пойдёшь ко мне. Зачем нам лишние пять километров бесполезной дистанции. А ужином я тебя сумею накормить, не переживай, даже, если всё от начала до подачи к столу придётся делать самому, студенческая жизнь научила. Договорились? Если тебе ходьбе ещё на пользу, поверь, мне уже идёт на вред.

— Хорошо. Ты зайдёшь на работу?

— Да, конечно. В 08—50 я уже буду ждать тебя внизу у твоего КБО или наверх подняться?

— Да, не нужно, внизу подождёшь.

— А поцеловать?! Ну, вот, другое дело. Больше двух часов видеться не будем, — я отпустил руки и дождавшись, пока Оля войдёт в подъезд, счастливый отправился домой.

Дома, позавтракав, сунув в карман пиджака свой паспорт и собиравшись на работу с особым вниманием. Сегодня очень ответственный день, а потому, я проверил часы, под пиджак одел светлую рубашку, какие обычно не носил на работу, из-за большой вероятности испачкать в масла и прочие загрязнения, но сегодня день особенный, можно. На работу пришёл непривычно поздно, в мастерской работники закончили утренний турнир в домино и расходились по цехам и рабочим местам.

— Что это ты сегодня и «козла» не успел получить? — поинтересовался Петя Самурай.

— Петручио, мне сегодня никак нельзя «козлом» оставаться, я в ЗАГС иду заявление подавать.

— Наконец-то, Оля согласилась?! Да, ты так долго с ней встречался. Я с Валюхой, как в армии пришёл, месяц погуляли и заявление понесли. А чё тянуть?!

— Я того же мнения, но год какой был прошлый?

— Хороший год был, а чё?

— Високосный, Петя! Жениться нельзя было, как старики пророчили.

— Ну, ничего, наверстаешь упущенное. Зайдёшь ближе к обеду, мне должны магарыч за радиатор принести, будет к обеду.

— Нет, Петя, я же сказал... А, хотя, я же приду уже, короче, будем поглядеть на настроение, что ещё там в ЗАГСе.

Поставив кого нужно в известность, в назначенное время я ожидал Олю у входа в дом быта. Как только она вышла, мы без промедления пошли в ЗАГС, идти, правда было совсем близко, а по времени всего 5—7 минут.

Нас встретила доброжелательной улыбкой женщина, возраст которой приближался к отметке в 50 лет. Она давно работала здесь и по лицам уже прекрасно понимала, пришли к ней молодые люди, чтобы заключить брак

или разводиться. Эти вещи на лицах чётко были написаны, не нужно было и спрашивать.

— Здравствуйте молодые люди! Присаживайтесь. Надеюсь, паспорта не забыли? Перед регистрацией положен испытательный срок в один месяц и, если вы твёрдо решили связать свою жизнь узами брака, то можете писать заявление. Вот, пожалуйста, бумага на столе, ручки.

Я начал писать заявление, а Валентина Афанасьевна, так звали заведующую, подсунула мне образец.

— Можно ваши паспорта?

Мы дали ей паспорта, она пролистала их и спросила:

— Александр Иванович, а вы где работаете?

— В Сельхозтехнике инженером.

— Я, почему-то, так и подумала. У меня маленькая просьба будет к вам, — она достала из стола штемпельную подушку с печатью.

Валентина Афанасьевна взяла в руки небольшую печать, представляющую собой пластмассовый корпус с резиновым клише, и показала на глубокую трещину на основании, куда и было вклеено резиновое клеше.

— Вот видите, ваше регистрация под угрозой срыва. Нужно что-то предпринять. Вы сможете с этим сто-либо сделать?

— Да, конечно. Мне только размеры нужно будет снять или они стандартные и соответствуют тем, что и у всех гербовых печатей? Тогда не нужно, я на работе размеры сниму.

— Да, печать стандартная.

— А материал, надеюсь, не серебряную или золотую делать? — улыбнулся я.

— Саша, вы шутник. Нет, конечно. Любую металлическую можно, мы потом покрасим.

— Хорошо, Валентина..., вспомнил, Афанасьевна. Извините! У меня тетя, мамина сестра, фронтовичка, Надежда Афанасьевна.

— Куценко?

— Да, она. А вы её знаете.

— Кого я в Матвеевом Кургане, да и районе не знаю? Я где работаю.

— Ну, да, конечно, — опустив голову из-за неловкости ситуации я, — вот, посмотрите, всё правильно?

Заведующая проверила заявление и подтвердила, что всё правильно.

— Если вас устраивает, то регистрацию назначим на 21 февраля, время 11—30. Что скажете?

— Вполне! Спасибо большое! Я печать дня через два вам принесу.

— Не спешите, молодой человек. Я вам сейчас выпишу открытку с печатью. Вы с ней пойдёте в наш ювелирный магазин или в Таганрог и предъявите эту карточку, по ней вам продадут обручальные кольца. Вот теперь всё. Если, что-то изменится в планах, приходите, мы пойдём вам навстречу. До свидания.

Мы вышли из здания районного исполкома, и я понял, что мы ступили на первую ступень в пьедесталу с названием семья. После такого важного шага следовало, наверное, не на работу идти, а в ресторан, но мы, советская молодёжь, не разбалованная буржуазными пережитками бесцельного прожигания жизни и, немало важно и не столь высокой заработной платы, к этому не привычны. Ну, разве, что «обмыть» это важное дело с товарищами на работе — это да. Вот, хорошо, что мысль о магарыче пришла в голову, я заодно вспомнил о просьбе заведующей ЗАГСа о печати. Я потом своим внукам буду рассказывать, что мне с бабушкой Свидетельство о заключении брака заверено печать, основу которой саморучно изготавливал или, как минимум кем-то по моей просьбе была изготовлена, это всё для той лишь цели, чтобы скрепить наш союз этой печатью.

Проводив Олю на работу, через пять минут я уже сто-

ял у гудящего токарного станка Петровича. Тот, посмотрел на меня сверх очков, настроил резец на глубину резания, остановил станок, после небольшого прохода резца, сделал контрольный замер и убедившись в том, что не ошибся, включил «самоход».

— Что хотел? Опять болты на букарь? — отвлекшись от точения, спросил меня.

— Нет, Петрович, вопрос, решающий мою судьбу, срочный заказ. Нужна помощь и никто, кроме вас качественней эту работу не сделает. Не зря вот и звание у вас «мастер золотые руки».

— Не подлизывайся, говори, что нужно.

— Петрович, я женюсь.

— Поздравляю! Хочешь меня на свадьбу позвать?

— Ну не совсем. Магарычёвое дело хочу предложить, печать нужно выточить из бронзы под гербовую печать. Это для ЗАГСа нужно иначе не распишут.

— А, шо, тебе надоело холостым ходить? Слышь, Зина, а ты хотела его на своей дочке женить. И я собирался погулять на свадьбе. Что такое не везёт и как с ним бороться. Зробим, но тут «беленькая» нужна, винчишком не отделаешься.

— Петрович, будет «беленькая» к обеду. Только сделайте. Бронза есть?

— В Греции возьмём, там всё есть.

Так, этот вопрос нужно держать под контролем, а то кто-нибудь к Петровичу подкатит со срочной работой и всё, забудет на раз.

— Вот ты где. Пошли, я тебя уже обыскался. Я говорил, чтоб к обеду подходил, так уже всё есть, как обещал, — улыбался Петя Самурая, держа меня за рукав. Такое дело надо обмыть. Подал заявление? Пошли, а-то сам никогда не додумаешься друга угостить.

— Петя, ты и мёртвого уговоришь. Благо, что сегодня выходной, а то бы...

— Какой выходной? Понедельник. Ты видимо после сватовства не останавливался, «квасил»?!

— Да это я о своих выходных. Ладно, насыпай, а-то передумаю и придётся тебе «прокисшее» пойло выливать.

— Ага, шас, прокиснет. Знаешь сколько желающих поправить здоровье, а я тебе обещал и сам ни-ни, ни грамма ещё. У меня сегодня закусон мировой, домашняя колбаска, я же недавно резал кабанчика, молочком выкормленного с маслозавода, хоть и обратом, но, как на дрожжах рос. Давай, за вас с Ольгой! Счастья вам!

— Спасибо, Петя!

На другой день я отнес заведующей ЗАГСа новенькую печать, изготовленную без царапинки и зазубрин, отшлифованную и отполированную пастой ГОИ. Она, пока не подверглась естественному окислению, действительно была похожа на золотую. Валентина Афанасьева не могла найти слов благодарности. Но, главное, что такой массивной печатью, в отличие от лёгкой сломанной можно было ставить отчетливые оттиски гербовой печати и хотелось, чтобы с такой записью она была единственной и на всю жизнь.

Какая прелесть, когда с работы не делаешь маршброски из одной окраины посёлка в другой, а просто ходишь, практически по пути за своей невестой, когда её коллеги одобрительно шушукуются, замечая такую аккуратную внимательность и желание каждую минутку быть вместе, хоть и по дороге домой. Я впервые вёл под руку свою невесту не в сторону её проживания на квартире, а в качестве жениха домой.

Солнце уже спряталось за горизонтом, люди спешили с работы, одни в попутном, другие во встречном направлении, вели из садика детей, а чаще везли их на саноч-

ках. Вечер был тихий и обещал быть счастливым тем, что я не с восемью или девяти часов, а практически с 17 часов 17 минут буду вместе с Олей. У нас будет столько много времени, которое мы будем вместе. Мы сможем поужинать, а потом вдоволь наслаждаться уединением в келье под музыку, где никто нам не будет мешать, ну в редком случае, если через закрытую дверь мать или отец что-то спросит или предложит с вечера.

У нас практически получился семейный ужин, так как родители отказались, предложив нам сначала поужинать, а они по-хозяйски позже. Правда, пока этот ужин был приготовлен не моей суженой и не мной для нее, а моей, нашей мамой. Хоть Оля и стеснялась ещё называть её мамой, как было сказано во время сватовства, но к этому статусу невесты нужно было немного привыкнуть.

— Устала на работе? Приляг на койку, пусть ноги отдохнут, я пойду покурю, и кое-что с родителями обсужу, минут десять буквально. Ложись, никто тебя тут не украдёт, а если украдут, скажи им, что дело со мной им придётся иметь — сразу отпустят, — пошутил я и поцеловав, оставил у себя в комнате.

Я покурил, и мы обсудили, где лучше скупиться к свадьбе. Было решено, что поедем на выходные в Донецк, на Украине был лучший выбор и обуви, и одежды. Зашёл на кухню и убрал после нас посуду на мойку. Думаю, что мама не обидится на меня и мою гостью, а если обидится, то молчать не станет, она у меня такая.

Оля лежала, глядя на потолок. Я подошёл к ней тихонько и прислонив своё голову к её, попытался посмотреть туда же, куда смотрела и она, хоть и понимал, что она просто задумалась, а не искала в побелке невысокого потолка какое-то судьбоносное решение глобального вопроса, типа того, как повернуть реки Сибири вспять.

— Никого не было? Слава Богу! Это потому, что ещё никто не узнал, что ты можешь быть сейчас, здесь, а главное, что столько времени одна — украли бы, «как пить дать», украли. Такое сокровище, которое мне досталось, знаешь сколько на него охотников? Видела, как на нас смотрели мужики, когда мы шли, вернее, они на тебя смотрели, видела? Глаз и глаз нужен, зазеваешься, не посмотрят, что ты уже и засватанная, «воры и меченное берут».

— Ой, да не смейся. Ты, небось и сам хотел бы полежать после работы и ужина? Ложись, я встану, посижу в кресле.

— Вот, если ты останешься, то я с удовольствием с тобой могу полежать, да всю жизнь, если бы деньги не нужно было зарабатывать, лежал бы.

Оля засмеялась:

— Не будем же мы всю жизнь у родителей на шее сидеть?!

— Не будем. Только до пенсии, пусть нас до пенсии докормят, а потом мы, как-нибудь скромненько на пенсию будем жить, — представил, что сказал и сам не сдержался от смеха.

Ну, раз Оля ничего против не имела, немного сдвинулась к стенке, я прилёг рядом и продолжил:

— Мне должен скоро вызов на сессию в институт прийти. Я поеду на три недели, а ты будешь сама тут. Ну не сама, а с родителями.

— Как? А свадьба? — не поняла, о чем я говорю и даже привстала на локти с удивлённым лицом Оля.

— Да, успокойся, не сейчас, а скорее всего в марте. Ты уже переедешь ко мне после свадьбы. Я к чему это говорю, мама у меня прямая и не будет, если что-то ей не будет нравится, молчать. Ты не реагируй в этом случае агрессией и не принимай близко к сердцу. Ты вспомни, как ты реагировала на слова своей мамы: «Олька, домой! Ста чартов тебе дать!»

— Так-то мама по привычке, без зла так говорила.

— И моя мама без зла будет говорить. Просто нужно вам друг к другу привыкнуть, притереться. Будь покладистой, пожалуйста. Ты ей нравишься, теперь важно, чтобы она ещё и полюбила тебя, как дочку. Вот, стань её дочкой. Сможешь?

— Ой, не знаю. Она и правда строгая у тебя.

— Не строже твоей. Но ты же на свою маму не обижаешься, когда она тебя чему-то поучает, готовить или вести себя среди людей. А моя мама ещё более общительная, у неё и манеры не такие простые, как у твоей, без намека на обиду Надежды Александровны говорю. Но, она и правда, проще, чем моя — это нужно просто признать, как факт. Я больше тебе скажу, если что, ты обращайся к отцу. Отец у меня понимающий, душевный и, главное, он тебя уже, как невестку любит, он тебя точно в обиду не даст, пока меня не будет.

— А, что обязательно надо будет ехать?

— Олечка, я и так уже сколько лет на сессии не ездил, им надоест мои документы в архиве хранить и отчислят. А диплом нам не помешает. У тебя есть диплом швеи — это твой хлеб. Это пока меня инженером приняли, а потом скажут: «Подвинься, мы принимаем на твоё место человека с дипломом».

— Хорошо, я буду стараться слушать твою маму, как свою, — ответила Оля, как мне показалось с неким трудно-дающимся покорством.

— Вот и умничка! Дай я тебя поцелунькаю...

— Что ты со мной, как с маленькой?

— Не обижайся, а если хочешь, то поколоти меня, я не обижусь, так как хочу только одного, чтобы у нас и конкретно у тебя с мамой было как можно меньше конфликтов. А, чтобы их совсем не было, это только в сказках возможно, где всегда говорят: «И стали они жить-поживать, да добра наживать». Всё будет хорошо,

всё должно быть хорошо и будет, потому что мы этого хотим. Хотим?

— Хотим! А, кто не хочет?!

Когда время подходило к тому значению, когда меняется дата, когда происходят и чудеса в сказках и перемена в жизни и подходит то волнительное время, когда я начал уже больше и больше задумываться о том, что скоро Олю нужно будет провожать, идя холодной зимней ночью туда и обратно...

— Оля, мы же теперь с тобой почти что муж и жена, ты засватана, моя невеста и не будет ничего зазорного, если будешь оставаться со мной у меня, у твоего жениха и скоро уже мужа. Я же силой тебя никогда ничего не принуждал делать, вспомни, сколько встречаемся? Всегда шёл на твои условия. Я с родителями договариваюсь о том, когда и куда мы поедem покупать свадебные наряды. И там ты мне нужна будешь, на тебя наряды нужно подбирать и на меня, кольца и другие атрибуты. Потому, прошу, оставайся. Когда нужно будет тебе, тебя же никто не неволит, пожалуйста, делай, как нужно. А так я предлагаю тебе, перенести первоочередно-необходимые личные вещи. Ведь ты на свадьбе должна быть самой красивой, а не затасканной вот таким образом жизни, как мы сейчас ведём и меня ветром сдувать не будет. Оставайся. Ты меня уже должна хорошо была узнать, я подлости и в мыслях не держу и никогда не сделаю. Что скажешь?

— Ну, хорошо, — после неких раздумий ответила Оля.

Я молча, дотянувшись к её сладеньким устам, поцеловал её. На душе было так легко и приятно. Я давно такого не ощущал и оттого, даже не верилось, что сегодня за столько времени, мы можем отдохнуть, как белые люди, ощущая дыхание друг друга, тепло тел, стук влюблённых сердец и душевную негу от этого.

— Оля, вещи можешь на вешалку вешать, на кресло ложи. Я, когда сам, привык под музыку засыпать, а ты как?

— Не знаю, как. Не громко, если, то пусть. А ты от-вернешься?

— Это шутка или серьёзно? У нас и так, при свете этого ночника такая темень, только «жаб давить». Но, как скажешь. Я пойду покурю и посмотрю горячую воду, тебе понадобится же обмыться.

Через полчаса, я зашёл в келью, где на моей кровати непривычно для меня кто-то лежал у стеночки, натянув до самого подбородка одеяло. Я снял с себя одежды и сложил по привычке на кресло, отбросил одеяла и почувствовал какое-то необычное тепло и главное, запах её тела, он не был, как раньше смешал с запахом платья и парфюма на нём, это был только запах девичьего тела, без посторонних, отвлекающих запахов. Приятное ощущение. Прижавшись вплотную, я понял, что моя невеста не в спальной рубашке и это понятно, но в трусиках и бюстгалтере.

— За нижний бельевой аксессуар я промолчу, а этот, — я прикоснулся к туго застегнутого бюстгалтера, — позволь мне его аккуратно снять, пусть тело отдыхает. Ага?

Оля, в момент прикосновения моей руки к груди через бельё, машинально или по привычке вздёрнула руку и положила сверху моей, но потом медленно убрала, тем самым, я понял этот жест, как одобрение. Хоть и кульминации постельной сцены не предполагалось, зная характер и непреклонность Оли, но процесс прелюдии и раздевания, конечно, всегда доставляет столько удовольствия. Это вам не то, что рывком разорвать, как в фильмах показывают двумя сильными руками красивое женское бельё и заняться после этого жёстким сексом. Может быть я чего-то недопонимаю, слишком сентиментальный.

Но к одному я как не мог, так и до сих пор не могу привыкнуть, это то, что когда ты плавно трогаясь в романтическое путешествие по гладким и мягким полям и пригоркам женского тела, используя для этого и обе руки и жадные губы и шаловливый язык, разогревается не только воображение и учащается сердечный пульс, но и начинаешь себя представляешь, как скоростной экспресс, который набирает плавно ход, неспешным движением руки машиниста, перемещающего рычаг реостата, регулирующего величину силы тока, а следовательно и оборотов двигателя, приводящего в действие колёсные пары, а в моём случае — я даже себя доводил до состояния полу экстаза и когда наступал решительный момент, происходило «экстренное торможение», которое производил уже не я, как «машинист», а моя невеста, как «помощник машиниста».

И поучалось так, как будто тот, который должен подчиняться старшему «по должности», брал на себя ответственность, управлять разогнавшимся до «крейсерской скорости» локомотива, резким движением цепкой руки, нажав «стоп-кран». «Ну и что же изменилось?» — спросит меня кто-то любопытный.

Скажу вам так, изменилось очень многое и, конечно, в лучшую сторону. Я не говорю уже о том, что завтра я проснусь более счастливый, чем раньше, вставая из холодной постели, завтра я проснусь с улыбкой в обнимку со своим сокровищем, в теплых объятиях ощущая стук сердечка, к которому просится всегда моё беспокойное, я смогу поцеловать эти ещё не открывающиеся с утра глазки и иссушенные от плотской жары и жарких поцелуев до полночи девичьи уста, я пожелаю ей, когда она откроет свои глазки «Доброе утро, любимая!» — разве этого мало? Это великое счастье. А то, о чём вы подумали, ну дольше терпел, потерплю ещё, ну не смертельно же, хоть и..., ну, да ладно.

Проснувшись счастливым, я смотрю на её расслабленное лицо и вижу мою дикую Орхидею, мой дивный Цветок, который постепенно превращался в домашнюю милую Фиалку, которая цвела и пахла, радую мой взор, грея моё сердце и успокаивая душу.

Глава IX. Свадьба

Весь месяц подготовки к свадьбе был напряженным, а иначе и быть не могло и основная нагрузка, конечно же легла на наших с Олей родителей. Среди недели Егор Павлович попросил у бригадира трактор с прицепом и нагрянул неожиданно-негаданно рано утром с «визитом вежливости» и заодно привёз приданное.

Мы с Олькой мирно сопели под одеялом, крепко обнявшись и видели самые сладкие утренние сны, когда дверь со скрипом, из-за её просадки открылась и в дверном проёме вместе с потоком света из кухни на нас смотрели две пары улыбающихся глаз, тестя и тёщи, а за их спинами стоял мой отец, исполняя роль «Ивана Сусанина», которого попросили показать, где же их любимая дочь находится.

— Спите, голубки?!

Оля по интуиции попыталась поднять ещё выше одеяло, хоть оно и так было под самую шею. Я щурился из-за прямого света, бьющего в глаза через открытую дверь, и кивнул поздоровался:

— Здравствуйте! А, чё, проспали?!

— Да, нет. Это сваты наши решили вас «с поличным» уличить, чтоб убедиться, что вас и правда женить пора, — пошутил отец.

— Зятёк, я приданное привёз, вставай, разгрузить нужно, а то, мне ещё на работу нужно, утром коровы ещё

не кормлены, силос нужно развозить. Вы же тут городские, спите до пока хочу, а мы и летом, и зимой, в 5—6 часов уже на ногах.

Я вскочил, поцеловал застеснявшуюся Олю быстрым поцелуем и поспешно оделся. Раз тестю ещё на работу, то нужно поспешать. Мы разгрузили стол, станковую современную швейную машину, тумбочку, зеркало, шифоньер в разобранном виде и ещё что-то в узлах.

— Сват, присядьте, позавтракаем хоть, да по пять капель не мешало.

— Я же за рулём. Права заберут, а я всю жизнь на тракторах, до пенсии ещё много, да и детей, как говорят нужно до пенсии докармливать. Две дочки выдал, вот маленькую выдам, но им же помогать придётся, пока крепко на ноги станут, также сват?

— Да, правда, сват. Так было и будет, никуда не деться. Ну, хоть чаю попейте, пять минут. Мать! — отец позвал маму, — сделай чайку, сватов угостим хоть чаем. На улице морозно, раздевайтесь, согрейтесь.

Вышла улыбающаяся Оля, поцеловала родителей. Присела молча в сторонке.

— Дочка, зять не обижает? — пытаюсь спросить серьёзно, но улыбка сделать это не даёт, спросил Олю отец, — ты не стесняйся, говорили, пока ещё свадьбу не сыграли, а потом жаловаться не смей, не примем назад.

— Папа, ну что ты говоришь, — в отличие от обращения, принятого в нашей семье, Оля обращалась со своими родителями на «ты», — все хорошо, никто меня не обижает.

— Сваты, ну мы вас ждём «на смотрины», как договаривались. Приезжайте, много вопросов по поводу организации свадьбы нужно будет обсудить. А в эту субботу мы с молодыми собрались в Донецк ехать за нарядами невесте и жениху. Кольца обручальные обещали в нашем

отделе «золото» привезти, там моя знакомая работает, — при прощании довела информацию сватам моя мама.

В ближайшую субботу мы втроём с мамой отправились в Донецк. Поездка была удачной, купили всё, что нужно было и даже ковёр в подарок на свадьбу и вернулись поздно вечером уставшими, но счастливыми, что в списке необходимо становилось всё меньше не вычеркнутых позиций.

Мы с Олей перенесли к нам её вещи и теперь она практически жила у нас. Ей было очень сложно, я это понимал и пытался, как мог, помощь побыстрее привыкнуть к новому месту, а главное, к новым родителям. Если с моим отцом проблем не было, она только должна была привыкнуть к его постоянному юмору, он был очень добродушен к невестке и откровенно сразу её полюбил за простоту, непосредственность и душевность. Одно только у него плохо получалось — разговорить её, Оля была малоразговорчивой и очень стеснительной.

С мамой было сложнее. Её темперамент мог вывести и не таких терпеливых, она была энергичной, общительной и всегда много говорила и, конечно пыталась своей будущей невестке давать советы, иногда делая замечания. Конечно, молодой девушке это могло не понравиться, но мне Оля по этому поводу не жаловалась. Нужно было просто время, чтобы привыкнуть, «притереться», как говорят друг к другу.

Пятнадцать часов в сутки мы были вместе. Если раньше мы чаще шли ко мне, где проводили время свиданий, то теперь, из-за того, что мы и так здесь находились большую часть времени суток, вечерами прогуливались при хорошей погоде, ходили в кино, в баню, правда, пока не в общий номер, а каждый в свою «вотчину» по половой принадлежности.

Мне пришёл вызов на сессию, которая состоялась с 23 февраля по 16 марта. В те годы 23 число не было

праздничным днём, а потому при выборе дат на это не обращали внимание. Но не это даже самое неприятное, а то, что сразу после свадьбы мне нужно было ехать на сессию. Вот это подарок судьбы, так подарок.

«А ты, что хотел? — с каким-то ехидством, как мне показалось спросил мой внутренний голос, — за удовольствия нужно платить».

«Я думал, что ты уже переметнулся в стан врагов, а ты сидишь и выжидаешь момент, чтобы побольнее ушипнуть меня, да?» — я был сердит не того себя больше, а на самого себя.

Ну, можно же было узнать, уточнить и свадьбу перенести на март месяц, а теперь уже всё, поздно, процесс подготовки запущен на полную мощь. Даже приглашительные открытки мы с Олей всем уже разослали по почте, а кто близко жил, тем вручили из рук в руки. Как-то я сразу и за ум решился взяться и жениться, даже сам себя не узнаю, я-ли это?

«Повзрослел ты, старик. Да и ума чуток добавилось, не скрою, хотя глупости совершать не разучился, так и смотри, чтобы чего-либо не выкинул, — снова с подковыркой, прочитав мои мысли, что не есть сложно, обитая во мне самом, — ну и что думаешь делать?»

«А, чтобы ты мне сам посоветовал, раз ты мой Ангел-хранитель, на погибель же не отправишь?» — схитрил я на этот раз.

«Всю жизнь на подсказках не прожить. Вот решил институт заканчивать — это уже поступок. Жениться думаешь и судя по поступкам, мыслям и страданиям, это серьёзно — тоже одобряю. Ну, ладно, раз давно не корректировал твои поступки и мысли не выправлял, так и быть посоветую, но тебе может это и не понравиться. Говорить?» — наступила заминка, — «Ну, говори, чего замолчал?» — не выдержал затишья до звона в ушах я.

«Езжай на учёбу, это сейчас важнее. Жена, если хоть немного любит, не сбежит и, тем более что ты её не одну оставляешь, а в кругу родных. Что, думаешь, что они сами могут обидеть? — проверил мою реакцию хитрющее моё внутреннее я, — что ты своим родителям не веришь? Езжай и будь спокоен. Твоей суженной не 15 лет, а слава Богу уже двадцатый пошёл. У вас ещё вся жизнь впереди. Подумаешь, „медовый месяц“, да его, при желании можно в „медовый год“ превратить, а-то и всю жизнь, хватило бы здоровья, желания и чувств».

«Да, нужно ехать, иначе ещё один год потеряю. Поеду, только на два-три дня задержусь, потом наверстаю что там нужно будет. Я же и контрольные все собирался там же выполнить и сдать, зачёты и экзамены и всё это за три недели, а теперь и меньше...», — задумался я и затем, ударил ладонью по колену, поднялся, как будто прям сейчас уже еду.

«Вот видишь, я же говорю, что ума ты чуток набрался. Учись, сам знаешь, что „без бумажки ты букашка, а с бумажкой — человек“, — на этот раз его слова были искренни, без какого-либо подвоха и шутки, — да, нелегко это будет, когда все мысли будут не об науках, которые нужно будет осваивать, а о доме, но это и будет „контрольная“, крайняя проверка твоих чувств. Да и не только твоих, но её, для неё это тоже будет серьёзное испытание. Как это будет, быть невесткой, общаясь со свекрухой и свекром, да ещё и без мужа — не легко, даже не знаю, кому из вас легче. Тебе, пожалуй, будет легче, тебе такое не впервой, а её, в разы сложнее, может быть даже впервые в жизни так будет тяжело».

«Спасибо за то, что не оскорбил! — съязвил я, — хотя, ты прав, нужно будет её поддержать и подготовить».

Изначально регистрация и свадьба должны были проходить по такому сценарию. Я должен ехать в сопровождении дружка и сватов, как минимум, а также молодежи, да и всех желающих посмотреть обряд в дом невесты и когда «сваты» сторгуются, «выкупив» невесту, гости со стороны невесты и с моей стороны садились за стол там же и отмечали эту «делку». После я должен вести невесту в ЗАГС, после ЗАГСа уже представлять родителям.

На «смотре» родители договорились о том, раз имеется сложность в доставке гостей, из-за сложной погодной обстановки, не доставлять же гостей в тракторных прицепах, автомобилями проехать было нереально. Мы выписали автобус в автохозяйстве на свадьбу и для сопровождения, в колхозе сваты договорились о тракторе. Кроме того, родители невесты должны были осмотреть дом и условия, в которых придётся жить их дочери с мужем.

И вот наступил этот памятный субботний день 21 февраля, день регистрации брака, день создания молодой семьи, как тогда модно было говорить, «ячейки общества». Мы наняли на день регистрации две легковые машины, кроме автобуса, это был «Москвич-412» и ГАЗ-24 «Волга», соответственно для невесты с подружкой и жениха с дружкой, на котором уже после регистрации предстояло ехать молодожёнам.

Погода была по-февральски чудная, если не брать внимание грязь на не асфальтированных улицах. С утра слабый мороз, а потом начало отпускать. Мы выехали за невестой имея почти часовой запас времени «на всякий случай». Уж что-что, а опоздать на собственную регистрацию в мои планы никак не вписывалось. И так было немало «накладок», которые ещё предстояло «разруливать». До клуба в Марьевке доехали на двух легковушках и автобусе, а дальше все пересели в автобус, который больше был похож на конку, с той лишь разницей,

что вместо трамвая был автобус, вместо рельсов — глубокая колея, из которой, при любом желании выскочить ему самостоятельно было нереально и вместо конной упряжки был трактор МТЗ-52 «Беларусь».

Почему-то мне вспомнились Хрущёвские девизы — «В 1980 году мы будем жить при коммунизме» или «будут построены основы коммунизма», «будет бесплатным то-то и то-то, будет сделано то-то и то-то...» и т. п. Вот, оказывается какая дорога ведёт к коммунизму. Да и девиз был такой — «Все дороги ведут к коммунизму». Но самым смешным были призывы «Верной дорогой идёте, товарищи!», при этом рядом был памятник В. И. Ленину, с привычным жестом рукой вперед, а там, куда указывала его руководящая рука располагался вино-водочный магазин.

Вот мы и на месте. Благо, что и у родителей Оли тоже был уже давно построен коммунизм, в крайнем случае двор открыт для всех, ворот нет, а значит и одной преграды, которую, как правило приходится сватам штурмовать и платить «выкуп». Но зато пробиться через тесный небольшой коридор было тоже непросто, не станешь же просто, как бульдозером сносить почтенных людей, сватов и приглашённых гостей.

Ну и дальше было всё, как и предполагалось: «подсадная» ряженная невеста; выкуп места жениха малолетними детьми, но хорошо проинструктированные взрослыми, за какие деньги можно уступать, а за какие нет; досталось голове дружка, которая была обильно утыкана липучими семенами лопуха. Конечно, смотреть со стороны — всё выглядит очень весело, а жених-то нервничает, однако.

И вот я удостоен места рядом с невестой, вернее место выкуплено для меня моим дружком. Благословение родителей и угощение гостей, чтобы они придавали своей весёлостью свадьбе надлежащий тонус, задор,

чтобы плясали и пели под баян частушки. Свадьба должна запомниться не только молодым и гостям, а всем случайным свидетелям, кто не приглашён на свадьбу, односельчанам и затем уже в самом районном центре, непосредственно у Дворца культуры и внутри его. И, конечно, те, кто принял определённую норму на грудь в этом преуспевал лучше, чем те, кто без того.

Задача же гармониста состояла ещё и в том, чтобы, кроме создания веселья на свадьбе, привлечь и к своей персоне внимание, чтобы те, кто будет думать, кого пригласить баянистом на свадьбу, выбрал именно его, это заработок и очень даже не плохой, не считая выпитого и съеденного за два дня. Пока не вошли во внутрь ДК, я был спокоен, а тут у двери зала бракосочетаний начал волноваться и волнение без малого не перешло в дрожь. «Где мой внутренний голос? Почему он меня не поддержит, не успокоит?» — прислушался, внутри тишина, только сильное сердцебиение.

Нас позвали первыми и объяснили, что мы должны будем и в какой последовательности делать. От этого зависела красота и торжественность процедуры, без каких-либо казусов, которые иногда даже в такую торжественную минуту могли случиться. Потом мы вышли и по приглашению под звуки, которые даже детям напоминают именно процедуру бракосочетания, мы, молодые, вошли первыми, а за нами все родные и близкие, выстроившиеся в ряд вдоль стены.

Валентина Афанасьева чётким, с интонацией и с годами отрепетированным текстом начала торжественную часть. Звучали красивые слова о семье, о том, что должны мы делать для того, чтобы союз крепчал и был нерушимым. У меня её слова смешивались с теми мыслями, которые были в голове, но напрямую с процессом бракосочетания ничего общего не имели и только вопросы и команды, типа: «Согласны ли вы...» и «А теперь скре-

пите свой союз подписями в книге регистрации браков»; «Молодые обменяйтесь обручальными кольцами», «Женых может поздравить невесту»...

Я держу в руках документ, согласно которого мы с этого момента считаемся законными супругами друг для друга, мужем и женой. Такое ощущение, что всё это происходит не со мной, а с кем-то, а я лишь играю роль жениха на процедуре бракосочетания. Открыли символическое шампанское, родные, в первую очередь родители, со слезами на глазах начали поздравлять нас, а затем и родственники, друзья.

Брат Алексей, будучи старшим сватом со стороны жениха, конечно, так расчувствовался, что громко на весь зал, как он всегда в эмоциях и говорил, произнёс: «Будьте счастливы, дети мои!» Несмотря на то, что все засмеялись, но это было так трогательно и убедительно до слёз. Дружкой невесты была Ира, её подруга и одноклассница, с которой я познакомился в тот знаменательный и памятный летний вечер одновременно со встречей своей судьба, с которой только что мы расписались. Дружком я взял брата моей невестки, жены Лёши, Николая.

Мы вышли на улицу, хоть не май месяц, но погода позволила нам сфотографироваться в свадебном наряде. «Всё, брат-Камбала, вот ты снова меняешь свой статус», — молниеносно высказался мой внутренний голос и снова залёг где-то там в глубине души, выжидая следующего удобного момента, чтобы сделать что-либо подобное.

После ЗАГСа я привозил уже законную жену не домой, а только до начала нашего квартала, откуда начиналось тоже бездорожье, по-джентельменски открыв своей молодой суженной дверь «Волги», а она грациозно, сняв белые туфли, сунула ноги в глубокие калоши и высоко задирая венчальное платье, дабы не испачкать в грязь, со мной под руку отправились домой, где родители нас

благословили. Мы сели с гостями за стол. Посидели, как полагается за столом, который по обыкновению ломился от яств, не царских, но разнообразных и от души приготовленных умелыми руками женщин. А на вечер уже уехали все, кто был приглашён на свадьбу в Камышовку, где и должна была состояться уже сама свадьба, по всеобщей договорённости. Хотя, мои родители, договариваясь со сватами, хотели изначально, не усложняя процесс, провести всё мероприятие здесь в нашем доме. Но тесть с тёшей наотрез отказались, сказав: «Двоим дочкам делали свадьбу у себя в доме и Оле тоже сделаем. Чем она хуже?» Так и так, на том и порешили, вечер у нас, а вся свадьба в Камышовке.

Все, кто прошёл сам свадебную процедуру, знают, что самое томительное, это первые два часа, когда происходят дарения и молодым нужно все это время выстоять на ногах, выслушивая поздравления, пожелания и принимая подарки и, как же без обязательного «горько!» и поцелуев, чтобы стало «сладко!». Потом гости подопьют, разобьются на «кружки по интересам» и начинается галдёж, песни и, по возможности танцы, которые в тесных комнатах деревенской хаты, где обе комнаты, зал и прихожая были заставлены столами, было проводить невозможно, потому гости высыпались с клубами пара изо рта на улицу и изначально месили грязь, а ближе к полуночи подморозило и пошел даже снежок, стало с этим попроще.

Ох, если бы моя молодая жена была открыта душой со мной так, как я с ней старался всегда быть, думаю, что многих стрессовых ситуаций и недоразумений можно было избежать. Но все люди разные и нельзя всех мерять своей меркой, под свою гребёнку. О чём это я? Да, так. Скоро сами узнаете. Я бы просто сейчас не сдерживался и выпил бы не две-три «ущербных» рюмки, просто смачивая чубы, чтобы не пересохла

и не пересохли от множества этих «горько». Чего они, интересно знать, идя на свадьбу, наелись, что всем стало так горчить, да и руки не держат совсем, роняют и роняют в рюмки свои «лапти» в виде хлебных крошек, а потом вопят «Горько! Горько-о-о!». Была бы моя воля, я бы сказал так: «Этим товарищам больше не наливайте. Сколько водки и хлеба извели, продукт же всё же, или собрать все эти хлебные крошки, смоченные обильно водочкой и заставить одного, самого крикливого съесть, вот тогда и посмотрели на то, когда бывает по-настоящему горько».

А свадьба гудела, баян чередовался молодежными плясками под магнитофон. В доме было душно, печь горела, людей было много, а комнаты небольшие с низкими потолками, как в обычной деревенской хате довоенного образца постройки, конца двадцатых годов. Эти хаты видели и радость, и горе, и свадьбы, и похороны, и горечь оккупации, и толчею немцев, греющихся вокруг печи и радость победы, и рождение детей, и детей у этих детей. Всё видели русские хаты и вот в очередной раз её стены, мазанные изнутри и снаружи глиной и затем беленные известью, с добавлением мела, впитывают в себя и слова пожеланий, и наказания молодым, и хранят тепло человеческих душ долгие и долгие годы, пока не снесут их и частичка памяти уйдёт, её больше не будет в качестве доказательства, она станет такой же мифической для молодого поколения, не видевшего воочию это, как и стены крепости древнего города Карфаген, разрушенного римлянами.

Из всех, с кем мне пришлось хоть немного общаться в этот праздничный вечер, больше всего запомнился Олин крёстный, дядя Лёша, он был братом моей тёщи, старшим почти на двадцать лет, что говорило о том, что в деревенской глубинке в те далёкие уже годы женщины рожали столько, сколько Бог давал. Конечно же, из-за

голодных лет и тяжёлых условий жизни, не всем было суждено выжить и дожить до зрелых, как минимум лет или почётной старости. Дядя Лёша только собирался уходить на пенсию через год. Он прошёл три! войны, начиная с Финской, Великой Отечественной и закончил воевать на Дальнем Востоке, громя империалистическую Японию. Тогда это было в порядке вещей, но боевые, именно боевые ордена и медали на его пиджаке выходного костюма говорили сами по себе о нелегком боевом пути солдата-победителя. Насколько я мог уделить ему время он мне рассказывал о войне, поинтересовавшись предварительно, служил ли я и в каких родах войск. Я слушал его и не переставал удивляться тому, каких людей родила наша многострадальная земля и благодаря таким вот людям, мы сидим за столом, играем свадьбы, веселимся и радуемся жизни.

Когда нам предложили станцевать танец жениха и невесты, весь двор уже был усеян снегом и хорошо, что снег упал на подмороженную землю. Я был всё в тех же остроносых туфлях с блестящими, как золотыми латунными пластинками на самих носках туфель, похожих на сердечки. Эти туфли, при выборе понравились всем и маме, и Оле. Оля, конечно, сняла свои белые туфли, она для такой погоды и одела более практичные и тёплые. Кто-то не поверит, но по-настоящему это был наш с Олей первый танец, даже не в статусе мужа и жены, а вообще. Оле не нравились танцы или она стеснялась на них того, что на нее смотрят десятки глаз и обсуждают, но что было, то было. И мы сколько встречались, никогда на них не ходили, а, если и ходили, то только, чтобы посмотреть, как люди танцуют, хотя я очень любил танцы и танцевать, конечно. Потому этот первый танец был особенный и памятен тем, что он первый, а значит я его не забуду никогда, как и первую брачную ночь.

Для кого-то эта ночь была просто очередной, мало чем отличающейся от десятков и даже сотен, проведённых людьми, решивших оформить отношения, но живущих уже долгое время, как муж и жена и не комплексуя по этому поводу, как это получилось у нас. Но при этом, я не бросил ту, которая мне была дороже всего и всех, не устраивал истерик, не сошёл с ума и не вздёрнулся от невыносимости сложившейся ситуации, если считать её таковой. Конечно, было как-то не того, но нужно считаться с мнением и убеждениями того, с кем ты собираешься связать свою судьбу и прожить долгую и счастливую жизнь. В этот день, накануне первой брачной ночи не хотелось вспоминать что, когда и как у меня было с другими девушками, если было вообще. Это было до того, как и пусть остаётся там, где сейчас находится, в дальнем закутке моей пытливей памяти.

Почему я об этом заговорил? Да потому, что даже не представлял, где могут положить в эту ночь молодых, не в ясли же к коровам в сарай на объедки сена. Гостей много и их нужно было как-то куда-то распределять. Но, пусть голова об этом болит у тех, у кого должна, у организаторов мероприятия здесь на месте. Вот как я снял с себя обязанность, хотя на общих основаниях знать должен был, но зачем в такой день ещё этим голову забивать. Вот ещё тёща и тесть даже не знают, что мне в понедельник нужно бросать молодую жену и ехать на учёбу, вот сюрприз будет, когда узнают. Но и это я скажу не раньше, чем когда будем с Олей домой будем уезжать.

После полуночи, сначала люди старшего поколения, местные потянулись домой. Часам к двум остались самые выдержанные и те, кому некуда было деваться, нужно было дожидаться, когда гости определятся с ночлегом и начинать убирать столы, мыть посуду и готовиться к завтра уже, хоть ночь зимняя длинная, но полночи бы-

ли уже позади. Подошла мама Тони, соседка, что проживала напротив и объявила мне и Оле:

— Вы будете у нас спать. Я вам послала, пойдёмте, я покажу и расскажу, что где, чтобы ночью не заплутали с непривычки, если какая нужда будет. Там в одной спальне бабушка уже давно спит, хозяин мой в кухне храпит, а я нескоро ещё приду, тут пока управимся.

Во, как, оказывается, что в анекдоте: «Приходят молодые люди на свадьбу, такие крепыши все и спрашивают:

— Драку заказывали?

— Да, нет, не заказывали, — отвечают перепуганные хозяйева.

— А, не имеет значения. За всё оплачено. Понеслась, мужики!»

Как и «без меня, меня женили». Ну, всё равно лучше, чем в курятнике, в хлеву с хрюшками и чем в яслях у бурёнок.

Благо, что идти не пришлось через все село, просто перешли улицу наискосок. Поднялись на крыльцо, зашли в прихожую, повернули налево в зал, прошли через зал в спальню.

— Вот ваша опочивальня. Доброй ночи! Оля, пойдём, я тебе покажу и расскажу, что тут, где, если понадобится.

Оля пошла с тётей Валею, а я осмотрел комнату. Спальня, как спальня. Кровать высокая, видимо, с двумя перинами, сложенными пирамидой подушками. Короче всё то, от чего я отказался после первой же ночи дома, придя со службы. Хотя, кто говорит, что я собирался спать?! Может быть мне найдётся дело и поинтересней, как-то, хоть я и отгонял эти мысли, которые давно мне дыру протёрли в моей памяти и, скорее всего половину их я растерял за долгие дни и месяцы общения со своей избранницей.

Пришла Оля и начала разбирать кровать, что было не так уж и просто и быстро.

— Оля, я покурю пойду, пока ты тут.

— Соседка разрешила, если хочешь, покурить у печки, её хозяин там курит, и ты можешь. Что на улицу пойдёшь?

— Да, можно и у печки, а-то буду холодный, если на улицу пойду и ты непустишь в койку, придётся на коврике, как кот спать.

Я присел у раскрасневшейся печки, открыл привычно, как делал дома верхнюю конфорку и с удовольствием затыкнулся. За почти сутки у меня ещё не было минуты, чтобы вот так спокойно, не держа проблемы в голове покурить и покурить в удовольствие. Грешным делом подумал, зря, что не прихватил с собой бутылочку, она была бы кстати. Ну, да ладно, перебьёмся, завтра догонится, что сегодня упущено.

Я зашёл, Оля разделась и легла. Я не заметил, чтобы она несла с собой ночную рубашку или это ей соседка надела. Разделся и лёг с краю. И сразу же интуитивно сделал полуоборот через правое плечо, оказавшись лицом к лицу с женой. Непривычно как-то говорить — жена. Вчера была ещё невеста, а сегодня жена.

Я, естественно начал ласкать ту, что лежала смиренно рядом со мной. Ласкал я недолго, поцеловал один-два раза, хотя «горько» уже никто не кричал, хотелось неспеша продолжать начатое дело, но...

— Не нужно, Саша. Давай спать!

???

— Что? Мне показалось или я что-то услышал?

— Мы же не дома. Потом, дома.

— Может мне вообще домой уйти, как тогда в тот вечер перед Новым годом? — у меня действительно мозг заклинил, — мне уйти!

— Ложись. Успокойся, разбудим бабушку.

— Да я сейчас всю вашу Камышовку разбуджу...

— Знаешь, я считала и всё получалось хорошо. А тут почему-то месячные начались раньше...

— Это ты мне, как у нас на кораблях «флаги расцветивания» вывесила в честь регистрации брака?! Меня не только все люди, собаки все в округе засмеют. И нельзя было сказать это хотя бы час назад, я бы или там нажрался или с собой взял, тут бы напился до беспамятства. Ой, Оля, Оля, когда ты меня перестанешь мучить? Видимо за все мои грехи, такая награда.

— Саша, ложись.

— В гроб и умирай?! Я ещё думал побыть дня три с понедельника дома. Наверное, прямо с утра в понедельник и уеду.

— А, я, как?

— А ты-то тут при чём?

— Мне, что дома оставаться?

— А, что со мной поедешь? Дома, конечно. Или ты имела ввиду этот дом? Хорошо Новый год начался. Говорили же мне, как встретишь его, так и проведешь. Спи! Я на перинах спать не могу. Пойду лучше к печке, покурю, мне нужно мозги на место вправить. Тут мне помощь Гудвина, видимо, потребуется. Не знаешь, у вас нет знахарки в деревне, которая мозги вправлять, как животы сорванные?

— Не знаю, — серьёзно, не понимая уже меня, расстроившись сама, ответила Оля, — завтра у мамы спрошу.

Я откровенно рассмеялся и пошёл курить, держась за живот, не думая ни о том, что разбудить могу глуховатую бабушку или всё деревню. Конечно, я не пойду назад, даже под предлогом, что жена что-то там забыла, чтобы захватить ненароком бутылочку беленькой. А без неё мне точно придётся тупо дожидаться утра, потому что уснуть было так же нереально, как подняв глаза в небо увидеть там плывущую камбалу и какая разница водный океан или воздушный. «С началом семейной

жизни,... — пытался придумать себе подходящее прозвище, отражающее действительность и не мог, фантазия, некогда бурная, отказала и добавил лишь одно, — муж, объевшийся груш!»

Воскресный день прошёл, как и полагается весело, с юмором, различными розыгрышами, гуляниями ряженых по всей деревне и прочими атрибутами, чем обычно славятся свадьбы в глубинке. Было всё, по сценариям и без сценария, на чистой импровизации, но всё прошло как-то без меня. Я, как будто отрешился от мира сего и пребывал где-то во взвешенном состоянии между двумя измерениями, толи не хватало сил притяжения одного, толи, наоборот, второе сильно притягивало и не давало приземляться к первому. Как бы не было, тут сказалась и бессонная ночь, и то, что случилось, и то, что предстоит мне, в лучшем случае через три дня, если я оставлю первоначальное решение задержаться на три дня без изменения.

Понедельник у меня был выходной, так как на свадьбу по закону полагалось три дня отпуска. Во вторник нужно было идти на работу, во-первых, кому нужно поставить магарыч за свадьбу; во-вторых, напомнить и отдать вызов на сессию, чтобы мне предоставили учебный отпуск сроком на три недели. Нет, всё-таки нужно в понедельник идти, в вызове указана дата с 23 февраля. Но с меня там тогда точно «не слезут» и День СА и ВМФ и свадьба — легче застрелиться, чем столько водки выпить.

О прошлом старался не думать, нужно было жить настоящим и будущим. Я подумал, как много за шесть лет изменилось в институте. Я слышал, что мой друг Саша Котов осел в ВНИИМСХ в аспирантуре, а Паша комсорг вообще преподаёт сельхозмашины и тоже пишет канди-

датскую в аспирантуре. Может кого встречу, вспомним молодость, а вспомнить есть что. Но главное, не это, а то, что «нужно кровь из носу» сдать сессию, чтобы двинуться дальше в сторону приближения к цели получения диплома инженера-механика.

Первый круг моих «полётов» завершился удачным приземлением в жизненном аэропорту под названием «семья». Теперь я брал разгон, чтобы взлететь и сделать заход на круг, первая попытка которого завершилась «трагически», если вспомнить расшифровку условного сокращённого обозначения дисциплины ТММ — «тут моя могила». И в тоже время это меня сподвигло на новые жизненные приключения, взлёты и падения, погружения и всплытия. А самое главное, что я понял из прожитых лет, ни одно из значимых событий не было совсем случайным, никак не влияющим на мою будущее. Нет и нет, каждое из них имело определённое значение и так или иначе корректировало траекторию моего жизненного пути, ведя меня к тому, к чему я обязан был прийти.

— Не скучай, дорогая. Если заскучаешь, найди себе любовника, но, когда я приеду, чтобы никого не застал, иначе застрелю из двустволки дуплетом, ты знаешь, что другое, а стреляю я очень даже неплохо, — давал я указания молодой жене, — твоя первая задача, как замужней женщины, хотел сказать, но скажу правильно, девушки, как бы это ни странно звучало. Главное, терпи, если что-то не нравится и не лайся с мамой. Больше общайся с отцом, спрашивай, он поможет и подскажет и ни в чём не упрекнёт, это точно. Я бы сказал, что с мамой будь похитрее, больше спрашивай, например, «мама, а как вот это нужно делать, я не очень пока умею, поможете?», но этого, зная тебя, не будет. Короче, держись, уже меньше трёх недель осталось — это мелочи. Мне три года пришлось ждать, тяжело, но дождался же и живой, вот он, я, перед тобой. Что-то хочешь мне сказать?

Оля стояла с невесёлым видом, смотря мне в глаза и молчала, только пожала плечами. Было ощущение, что её с корнями выдернули из привычной почвы и воткнули в совершенно новую среду, а процесс приживания, укоренения, он же не быстрый.

— Нечего?! Тогда я скажу. Я тебя люблю! Знай это, просыпаясь, знай это в любой момент, знай это ложась спать в холодную, не прогретую мной постель, знай, что я всё время буду думать о тебе: сидя на лекциях, на практикумах, выполняя контрольные работы, сдавая зачёты и экзамены; когда я буду ночами зубрить науки, писать шпаргалки или даже отмечать с однокурсниками удачную сдачу экзамена, я буду поднимать тост «за мою любимую», которая ждёт (будет же ждать?). Не скучай, читай книги, если будет скучно. Ну, как-то вот так. Надо бежать на автобус. Я тебя люблю! — держи в левой руке дембельский портфель с вещами, правой прижимая к себе молодую жену, — мой гордый и нежный, не тронутый и безгрешный, кареглазый Цветок, моя княжна Ольга, — с поцелуем сладким, сладким и никакой горечи, а горечь разлуки, как придёт, так и уйдёт.

Эпилог

Когда в человеке проходит желание пошалить, особенно, если этот человек: в детстве носил шорты, сшитые мамой с помочами через два плеча и перелезая через забор в сад за яблоками, цепляется теми самыми помочами на штакетилах; в школе дергал впереди сидящую одноклассницу просто, чтобы она обратила на тебя внимание, даже если оно проявится в ударе книгой по твоей бестолковке; воровал цветы для девушки потому, что у тебя не было или были эти 20 копеек, но тогда ты

не смог бы её сводить в кино или угостить мороженым; делал при девушке те глупости, за которые сейчас неудобно, а тогда было, просто прикольно; клялся в любви той, которая просто смазливая лицом, а через две недели понимал, что ты по уши втрескался в её подружку, которая упорно не желала вас оставлять с той, с которой тебе хотелось побыть наедине; ... когда у тебя пробивается седина, а тебе хочется сделать самую изящную глупость, на которую тебе в молодости не хватало просто изощрённости и фантазии; когда тебе из-за позвоночно-го остеохондроза трудно двигаться, а ты показать перед одинокой вдовой, сидящей на скамье с палочкой, что ты ещё ого-го и пройтись перед ней, чуть ли не строевым шагом, подарив ей милую беззубую улыбку; когда проходит желание пошалить, если это у тебя в крови, когда ты хочешь этим заняться с внуком, но очень быстро понимаешь, что с ним в этом уже тебе не тягаться; когда?

Пожалуй, я и сам уже ответил на этот вопрос. Или как минимум, это касается только меня. Есть, конечно, в виде исключения, скорее всего, а не правила, люди, которые не только слова и поступки «фильтруют», анализируя, сопоставляя все за и все против, просчитывают реакцию на это не только своего оппонента, общественности, но и какой вердикт вынесет по этому совершенному или высказанному история. Смешно? А мне не смешно. И я точно знаю, что такие люди есть, хоть и очень мало.

Смогут ли они совершить что-то без раздумий, когда каждая секунда на счету: спасти человека из огня или уходящего в проруби под лёд; смогут без раздумий совершить подвиг, даже если он будет первым и последним в недолгой жизни; смогут ли они не взять доступное тебе, даже зная, что тебе не придётся за это нести ответственность, хотя бы в качестве примера, девичью честь, но будучи убеждённым, что завтра или послезавтра она

такая тебе не нужна, так доступна раз тебе, значит в совместной жизни возможность, что это будет позволено многим не исключена; смогут ли себя наказать чем-то, понимая, что об этом твоём проступке никто, кроме тебя не знает; сможет признаться в своих грехах и попросить — накажите меня, я совершил что-то противоречащее, даже не обще-принятым моральным принципам в обществе, а собственному кодексу совести и чести; смогут ли...?

Ох, не уверен, скорее уверен в обратном. Когда «правильные» люди поднимаются выше и выше в той же карьере и однажды, по причине внутреннего расслабления из-за осознания своего величия, они расслабляются и шоркая по кабинету ногами, чтобы, не дай, Бог, не оступиться, но всё же цепляют коммуникационный кабель связей с властью имущими сего мира, падая, ударяется головой о огромный дубовый шкаф, дверь которого со скрипом открывается и из него на хозяина кабинета вываливается N-ное количество скелетов.

Но он же всегда прилюдно всем говорил, что в жизни и мухи не обидел. Конечно, не обидел именно мухи. Почему? Да потому, что мухи любят загнившие продукты, потому и роятся в его мелкой душонке. Это симбиоз двух живых тварей на уровне сожительства.

Бог с ними, если Он этого пожелает. Хотелось немного о другом. Я вовсе не хочу прославлять сейчас и здесь пьянство и разгильдяйство. Думаю, что вы это сделаете сами, разложив всё по полочкам с надписями «хорошее» и «плохое».

Очень часто не существует чёткой границы между хорошим и плохим. Пользуясь высказыванием из фильма «Берегись автомобиля» хочу буквально взять отрывок, речь Максима Подберёзовикова на суде Деточкина: «...Деточкин нарушал закон, но нарушал из благородных побуждений. Он продавал машины, но отдавал

деньги детям. Он, конечно, виновен, но он не виновен...»

Главное в проступках, я не говорю о преступлениях серьезных и преднамеренных, а именно о проступках, шалостях даже, это то, как они совершались: со злым преднамеренным умыслом или без такового — это очень важно, вне зависимости, учитывается или не учитывается этот факт при вынесении вердикта. Часто, неверно принятое решение становится не только приговором за совершенный проступок, но и глубокой трещиной в судьбе человека, ставя крест на будущем, ломая то, что только начиналось строиться с жизнерадостным энтузиазмом, верой и надеждой.

Хотя есть много примеров, когда устремлённые люди, пройдя через всё трудности и препятствия становились великими несмотря на то, что с детства им не предрекали этого, не видя в них личность. Таких случаев много. И к тому же, не последним делом являлось наличие чувства юмора, которые часто именно высказываниями делали творческих людей знаменитыми, как Фаину Раневскую, например. Вот только несколько примеров, я их позаимствовал и приведу в качестве цитат.

«...Дмитрия Иванович Менделеев, известен во всём мире. И как многие гениальные люди, он в детстве не отличался ни успехами в учёбе, ни примерным поведением. Во время учёбы в гимназии он прогуливал уроки, дрался с одноклассниками, а также мог повздорить с учителями... Будущий учёный взялся за ум, тем более что помощь по всем предметам ему оказывали декабристы, бывавшие часто в их доме...»

«...Как-то раз Чехов и его друг, журналист Гиляровский, купили солёный арбуз, завернутый в бумагу. Было холодно, бумага быстро промокла, и нести арбуз в руках стало просто невозможно. Изрядно намучившись, Гиляровский не выдержал и сказал, что бросит арбуз. „Зачем

бросать? Вот городской стоит, отдай ему, он съест“, — подсказал Чехов. Поманив городского, Гиляровский предупредил его: „На, держи, только остор...“ Не успел он договорить „осторожнее, он течет“, как Чехов трагическим шепотом перебил приятеля: „Осторожнее, это бомба. Неси ее в участок...“ Городовой, стуча зубами от страха, с „бомбой“ в руках направился к ближайшему дому, где вскоре собралась толпа зевак. Неизвестно, чем бы все закончилось, если бы не проезжавшие мимо пожарные, среди которых был старый донской казак Беспалов. Он быстро разоблачил арбуз, да еще и забрал его с собой со словами: „Наш, донской, полосатый. Давно такого не едал“...»

«...Советский писатель Юрий Олеша решил добратся домой на такси. Заметив у дверей ресторана человека в черной расшитой золотом форме, он попросил его вызвать машину. „Я не швейцар, я — адмирал“, — возмутился мужчина. „Ну тогда катер“, — ответил Олеша.»

«...Поэт Михаил Светлов запомнился современникам неистощимым чувством юмора. Именно ему принадлежат ставшие афоризмами цитаты: „В наши дни порядочным человеком считается тот, кто делает гадости без удовольствия“, „Что такое вопросительный знак? Это постаревший восклицательный“, „У всех телосложение, а у меня теловычитание“. Поэт не прекращал шутить, даже серьезно болея. На вопрос приятелей, можно ли принести ему в больницу цветы и фрукты, он ответил: „Фрукты приносите, а цветы пока рано“. Позже, уже умирая от онкологии, Светлов передал друзьям записку: „Принесите пиво, рак у меня уже есть“...»

Что движет человеком, который совершает шалость, поступок, который оценивается не однозначно. Я никогда не стану ставить в пример пьяный пиар всеми любимого поэта Сергея Есенина. Ты великий, но бросать опустошенную тобой бутылку из-под шампанского

в прохожих — не красящий поэта поступок. И, если бы хорошее, то, что он оставил в творчестве не перевесило бы те хулиганские выходки, вплоть до непристойных высказываний в адрес советской власти, грош была бы цена хулигану и гуляке.

Жить нужно с прямым взглядом, чистыми помыслами, открытой душой и с не показушным патриотизмом, незапятнанной честью, если не по законам Божиим, то не богохульства, придерживаясь основных человеческих норм и правил существования в социуме. Сейчас моральные устои сильно изменились из-за того, что у нас, как таковой нет идеология, как в советское время. А свободы каждый понимает по-разному. Один тем, что может высказаться открыто по какому-то аспекту, если имеет свое, отличительное мнение. Другой молча или с лозунгами, призывами и прочими демаршами, чёрной или красной краской закрашивает лицо политического деятеля, рисуя на памятники запрещенные у нас свастики и прочую символику того, от чего он «тащится», что считает модным, к чему его подстрекают, да и к тому же на этом можно заработать и не только политические бонусы, но и то, что ощутимо и шуршит в руках.

Даже мы, те, кто был таким, как мои герои, в наше время по любому изменится, их изменит время, обстоятельства, жизненная ситуация. Человек, который всю жизнь копейки ни у кого не украл, из-за необходимости выжить самому или помочь страдающему ближнему или родному человеку, готов совершить и довольно тяжкое преступление. Мир изменился и это отразилось на нас. Кто-то сдерживает натиск несправедливости, обрушившейся на нас, кто-то уже устал от этого, а кто-то закрыл глаза и говорит: «Вы только дайте мне умереть спокойно».

У группы ЛЮБЭ в песне «Трамвай-пятерочка» много раз повторяется припев вот с такими словами:

Эх время, время, времечко
Жизнь не пролетела зря.
Трамвай-пятёрочка
Вези в Черёмушки меня,
Вези меня!

Я бы здесь выделил красной строкой слова «Жизнь не пролетела зря». И это очень хорошо, что по прошествии многих, даже десятков лет, мы по-доброму вспоминаем своё детство, юность, молодые и не очень молодые годы, прожитый вчера день. Эта наша жизнь, ставшая со следующего момента уже историей.

Чтобы жизнь не пролетела зря, по-моему мнению, жить нужно просто, по совести, не врать и в первую очередь себе в том, что всё хорошо, я прав, я всегда прав в этой жизни, потому что я лучший и тем более не грешить словами — «я безгрешен» или «я святой». Ну не смешите Господа и не злите Его этим.

Мы все грешники, просто у одних грешки, а у других смертные грехи и не те, как говорят аморальные проступки, а преступления, за которые нужно будет отвечать не только перед своей совестью, если она есть, но и перед теми, против кого были они совершены, а порой и перед правосудием. Господи, спаси и сохрани!

Жизнь, по большому счёту — это грандиозный спектакль, написанный по сценарию Всевышнего, режиссирован основательно, до тонкостей подогнаны в нём сюжетные линии и всевозможные перипетии судеб человеческих, она состоит из тысяч и тысяч сюжетов, к которых происходит соприкосновение и переплетение нитей сюжетных линий вашей, как основной, для вас, конечно и других, второстепенных по воле случая и тех, случайных, которые становятся главными или одними из главными, с которыми вас судьба свяжет, сплетёт в единое жизненное полотно на долгие, долгие годы и, возможно, навсегда.

Мы, конечно же думаем, что это мы определяем свою судьбу, принимаем решения, а на самом деле нас подводит к этому тот же умелый, мудрый Режиссёр, Он управляет нашим сознанием, подключает, когда это необходимо в помощь с «заданием» Ангела хранителя, который неизменно следует по жизни с нами, но проявляется отчётливее только в ответственные моменты, когда нам необходимо принять ответственное решение, направить на путь истинный, когда мы сбиваемся с него, иначе говоря, он — помощник режиссера.

Почему мы говорим, что Всевышний всё видит, всё слышит, всё знает? Потому Он и есть Всевышним в нашем мире, от жизненных моментов любой букашки, как твари Божьей, до судеб сильных мира сего.

У кого-то появится, естественно, сомнение в сказанном. Вы скажите: «А почему тогда мир такой несправедливый, почему в мире неравенства, почему один счастлив, второй всю жизнь страдает, почему? Почему одни живут припеваючи, а вторые умирают с голода? Почему?»

Вся эта несправедливость существует в так называемом Материально Мире. Этот Материальный Мир отдан Богом Человеку в большом понимании этого слова. Человек стал властвовать на всей нашей планете. Мы все живём по законам, написанным Человеком, существом грешным в этом нашем Материальном Мире. И Всевышний до поры до времени, зная всё, что происходит здесь у нас, на нашей грешной планете Земля, не вмешивается, как опытный Учитель. Он даёт возможность нам, людям, самим разобраться в проблемах, с которыми постоянно приходится сталкиваться в Материальном Мире. Все помнят, что случилось с людьми падшими, погрязшими в грехах, я имею ввиду трагедию городов Содом, Гоморру и рядом расположенных Адма и Шевоим.

«И пролил Господь на Содом и Гоморру дождем серу и огонь от Господа с неба, и ниспроверг города сии,

и всю окрестность сию, и всех жителей городов сих, и [все] произрастания земли», — так об этом говорится в книге Бытия. Один только Лот, племянник Авраама смог не подвергнуться этой страшной каре, но не «по благу», из-за убедительной просьбы дяди у Господа, а потому, что он действительно был единственным, на ком не было греха и он совершал достойные поступки. Ангелы вывели его и его семью в гору. Потому-то Сигор (Бела) был единственным городом, избежавшим гнева Божьего, так как в нем спрятался Лот со своей семьёй.

Мы видим, как Человек управляет миром, а вернее сильные мира сего управляют миром и, конечно же главным аргументом, козырем являются деньги, огромные капиталы, сосредоточенные в руках этих самозванных правителей. Мы видим, что в мире мало справедливости. Неужели Посланник Бога на Землю принимал муки за нас всех смертных зря? Думаю, что пока материальные ценности в жизни ставятся выше духовных, в сознании людей мало что изменится.

Если брать человека, как индивидуума, то мы все ученики в этом мире и учимся не только говорить и ходить, мы учимся мыслить, творить, действовать, общаться и сотрудничать с другими, жить совместно в едином социуме, любить своего ближнего и ненавидеть «дальнего».

Возвращаясь к вопросу о том «где заключаются союзы между мужчиной и женщиной, на земле или на небесах?», я умышленно не называю это браком, мне, как техническому работнику слово «брак» говорит о другом, о некачественно выполненной работе, хочу склониться к ответу «на небесах» и вся суть моих размышлений сводится к этому. Судьба-ли или не судьба, наши ошибки или греховные, непоправимые ошибки, но мы в итоге имеем то, что имеем. И, если за материальные преступления нас наказывают по законам гражданского или уголовного кодекса, составленных самим челове-

ком, каким бы он великим не был или лучше сказать коллективом людей, то за духовные преступления, придётся отвечать перед судом Всевышнего. Но это потом на Страшном Суде. А сейчас наши проступки наказываются нашим Учителем тем, что мы что-то теряем, опять же не в материальной сфере, а в духовной: смысл жизни, покой, иногда и желание жить, мы страдаем не от материальных затруднений, мы страдаем душевно.

Бесспорно, в таком случае, может быть даже в первую очередь нужно просить прощения у Господа, а потом уже у человека, которого мы преднамеренно или непреднамеренно обидели и для этого не стоит ждать, установленных религией Прощённое воскресенье, если мы не хотим страдать долгие дни и месяцы и заставлять это делать тех, у кого не попросили это прощение. Простят нас они или нет, это вопрос второй, главное, что мы хоть частично очистили свою душу чистосердечным раскаянием.

В своём романе я изначально не хотел показать своего героя неким мачо, суперменом или ещё каким-либо героем сериалов, в котором достаточно посмотреть 5—10 минут в начале фильма и включить на столько же в развязке, а всё остальное между этими крайними точками просматривается невооруженным глазом с большой точностью даже можно предсказать большую часть ключевых событий, которые берутся чуть ли не под копирку из ранее снятых сериалов, только с другими актёрами и местом съёмки. Мой герой не надуманный, как и все ключевые события, описанные в романе, то есть, здесь пописан десятилетний период жизни молодого человека со всеми его положительными свойствами характера и пороками.

Это, скорее всего, психологический роман, отражающий внутренний мир, в большей степени главного героя,

его эмоции и переживания, становление его, как личности и, возможно, к каких-то ситуациях, падением, слабостью характера и снова взлётом и напряженным трудом над самим собой, в первую очередь. В каком ракурсе он предстал читателям, заинтересовал или расстроил из-за несбыточности первоначальных ожиданий, я не знаю, но это, конечно, интересно бы было узнать мнение читателей.

И, бесспорно, если читатель с интересом прочёл роман, то ему всё же интересна и дальнейшая судьба героев, хотя бы на ближайшее будущее. Ну, что ж, если так, то я могу открыть эти, возможно некогда и бывшие «секретными материалы» и из-за «срока давности», а события происходили 40—50 лет тому назад и, несмотря на то, что в романе нет ни одного вымышленного, кроме «моего внутреннего голоса» героя, лишь у большинства из них изменены имена и фамилии, а некоторых, я посчитал, что не имею право даже их изменять.

События романа заканчиваются, как я ранее не раз упоминал это выражение «на самом интересном месте», лучше сказать, что на одном из ключевых моментов. Но то уже другая история. Будет ли роман иметь продолжение и тем более с этими же героями, время покажет. А сейчас, как и обещал, я немного открою занавес сцены, где герои романа продолжают жить дальше и в режиме «перемотки» киноленты немного познакомлю вас с их дальнейшей судьбой.

Начну с того, что многих действующих лиц уже давно нет в живых и это не обязательно люди старшего поколения. Нет уже многих институтских друзей и товарищей, чья-то судьба просто неизвестна, а с единицами из них, главный герой поддерживает связь. Совсем недавно не стало первой учительницы, многих тех, с кем пришлось работать общаться и быть даже в тесных отношениях. Удалось и узнать дальнейшую судьбу некоторых из тех

девушек, с которыми у героя были очень тесные отношения, но он в их дальнейшую жизнь не вмешивается, рад, что они живы и имеют семьи, правда, как там в ихний семьях «погода в доме» неизвестно, некоторые выглядят на фото довольно счастливыми, другие, наоборот. Жизнь сложная вещь и предусмотреть всё наперёд невозможно.

Родителей у Александра не стало, отца давно, уже четверть века, но он дождался внуков и внуки его хорошо успели запомнить, а мать умерла не так давно и дождалась даже троих правнуков и меньшую правнучку успела подержать совсем крошкой на своих натруженных старческих руках. Очень жаль, что совсем недавно не стало второго старшего родного брата, Алексея. Царствие ему небесное. А без меньшего, Виктора, уже прожито 15 лет и жить приходится и за себя, и за того кровного брата, с кем пришлось ещё до рождения жить вместе, бок о бок, брыкаясь ногами в чреве матери. Но такова жизнь, и мы бессильны что-либо в её течении изменить. Александр остался предан своей малой родине и, единственно, куда переехал из родительского дома, это роно напротив через дорогу, где его родители и родители Оли купили молодым небольшой домик. Сейчас, конечно, он стал неузнаваем. В этом доме родились двое детей, дочь и сын. Они в свою очередь подарили счастливым дедушке и бабушке четверых замечательных внуков.

Он счастлив и рад своей судьбе за то, как сложилась его жизнь, даже тем испытаниям, которые выпали и закалили его дух. Жаль, что не осталось в живых ни одного из трёх свидетелей той роковой первой встречи и любви с первого взгляда, состоявшейся в сельском клубе на уборке, когда были сказаны его пророческие слова: «Мужики, смотрите! Это моя жена!» Сколько путей и дорожек пришлось пройти, сколько возможных вариантов проверить, влюбляться и разочаровываться, жалеть и радоваться за то, что судьба распорядилась именно так,

но никогда и в голову не приходила мысль, чтобы проклинать кого-то за что-то. Огорчения сменялись пониманием того, как говорится: «Что Бог даст, то к лучшему».

Сорок лет совместной жизни без серьёзных разногласий и семейных трагедий — это и есть главный показатель в пользу выше сказанного. И сам Камбала, который уже изменился и серьёзно, хотя, работая с молодёжью, не оставил в себе привычки «пошалить», но пошалить по-взрослому, ради наглядного примера молодёжи, как следовало или не следовало поступать. Профессиональный и жизненный опыт держать в себе — это преступление, им нужно, обязательно, делиться. Иначе, молодые люди будут впитывать то, что навязывается им западной пропагандой, то, что, иногда и у них не приемлемо, а для деградации нашей молодёжи применяется.

Красной линией в жизни каждого человека должна проходить любовь: любовь к матери, Родине, любовь к женщине, любовь к жизни и желание сделать людей счастливыми. Будут люди, близкие тебе, в первую очередь, счастливы — будешь счастлив и ты.

Заканчивая повествование о судьбе человека неоднозначного, с переменчивостью некоторых суждений, даже в чём-то беспринципностью и в то же время сильные непоколебимыми убеждениями по важным жизненным вопросам, хочется привести знаменитые строки стихов всеми любимого, замечательного советского поэта Эдуарда Асадова:

«...Как много тех, с кем можно лечь в постель,
Как мало тех, с кем хочется проснуться...»

Много было девушек и красивых, и доступных, те которые сильно нравились и казалось, что вот она, твоя судьба, и те, которые тебе вешались на шею, но выбор пал на ту «непреступную», как Брестская крепость, кото-

рую и после десятилетий совместной жизни приходится покорять и покорять, брать не штурмом, а доказательством любви и преданности. Это она, та единственная, с которой хочется проснуться.

Ноябрь 2020 — февраль 2021 г.

Оглавление

Часть третья. Годок	3
Глава I. Отпуск	4
Глава II. Я пью до дна «За тех, кто в море!»	23
Глава III. Суд, да дело	43
Глава IV. Служу Советскому Союзу!	58
Глава V. «Сватовство»	76
Глава VI. «Губа»	103
Глава VII. Рождество	123
Глава VIII. ДМБ	152
Часть четвёртая. Метаморфоз	172
Глава I. Саша	173
Глава II. «Дом женихов»	196
Глава III. «Дюны»	214
Глава IV. Метаморфоз	240
Глава V. Вожделение	263
Глава VI. Судьбу не обманешь	283
Глава VII. Вот и всё!	311
Глава VIII. «Притирка»	333
Глава IX. Девичья тайна	355
Часть пятая. Судьба	377
Глава I. Моя судьба	378
Глава II. Ольга	399
Глава III. Жатва	422
Глава IV. «Косил Ясь конюшину...»	444
Глава V. Время залечит?!	465
Глава VI. Охота, ох, как охота	486
Глава VII. Новый год	505
Глава VIII. Жених и невеста	524

Глава IX. Свадьба	543
Эпилог	561

Александр Иванченко

Камбала

Роман в двух книгах. Книга вторая

Редактор Александр Иванович Иванченко

Дизайнер обложки Александр Иванович Иванченко

Иванченко Александр Иванович, поэт, публицист, писатель. Творчеством занялся в канун пятидесятилетнего юбилея. Член Российского союза писателей и Международного Союза Русскоязычных писателей, автор семи авторских сборников стихов и множества эссе и заметок в СМИ. За написание романа взялся не вдруг, а давно испытывал такое желание. Надеюсь, что читатели не будут разочарованы, после прочтения моего автобиографического романа.

Роман охватывает промежуток времени более 10 лет. Это юность и молодость героя периода 70–80-х годов XX века, так называемого «периода застоя». Героя на всех описанных жизненных этапах ожидают испытания, душевные переживания и, конечно же, любовь. Роман, состоящий из двух книг, включает в себя пять частей, затрагивая события школьной скамьи, институтские годы, службу в ВМФ и вплоть до судьбоносного события, уже на «гражданке». Почему я назвал роман «Камбала», вы узнаете, прочитав роман.



Rideró

Rideró.ru – издай
книгу бесплатно!

Внимание!
Книга содержит
нецензурную
б р а н ь